РУССКОЕ СЛОВО

1860.

ІЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

РУССКОЕ СЛОВО.

VII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1860.

IЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографiи Гюмина и комп.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 8 іюля 1860 года

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Конрадъ Валленродъ.

(Историческая повѣсть Адама Мицкевича.)

Вступленіе.

Сто лѣтъ, какъ Орденъ рыцарей крестовыхъ
Свой мечъ въ крови язычниковъ багритъ;
Страшится Пруссъ оковъ его суровыхъ,
И отъ родныхъ полей своихъ бѣжитъ,
И до равнинъ Литвы необозримыхъ
И плѣнъ, и смерть преслѣдуютъ гонимыхъ.

Теперь враговъ лишь Нѣманъ раздѣляетъ;
Тамъ, средь лѣсовъ, обителей боговъ,
Верхи божницъ языческихъ сверкаютъ;
А здѣсь, взнеся чело до облаковъ,
И простирая длани, посылаетъ
Тевтона крестъ съ холма грозящій зовъ,
Какъ бы стремясь все племя Палемона,
Обнявъ, привлечь въ свое святое лоно.

Тамъ юноши-Литовцы въ колпакахъ
Изъ рысьихъ шкуръ, въ медвѣжій мѣхъ одѣты,
Съ копьемъ въ рукѣ и съ лукомъ на плечахъ,
Слѣдятъ враговъ движенье и примѣты.
Здѣсь на конѣ Тевтонъ, закованъ въ сталь,
Какъ вкопанный, стоитъ и озираетъ
Невѣрныхъ станъ, кладетъ зарядъ въ пищаль
Иль четками, молясь, перебираетъ.

Такъ два врага стоятъ здѣсь для охраны;
Такъ Нѣмана гостепріимный валъ,
Поившій мирно двѣ родныя страны,
Теперь для нихъ порогомъ смерти сталъ:
Кто переплыть посмѣетъ эти воды,
Лишится тотъ иль жизни, иль свободы.
И только хмель, литовской почвы сынъ,
Плѣненный прусской тополью, одинъ
Стремится къ ней, віяся и цѣпляясь,
По тростникамъ, по травамъ водянымъ,
И, обогнувъ струю вѣнкомъ живымъ,
Вкругъ милой онъ обвился, къ ней ласкаясь.
Да ковенской дубравы соловьи,
Съ ихъ братьями литовскими слетаясь,
Заводятъ хоры дивные свои
На островѣ, который во владѣнье
Остался имъ въ странѣ опустошенья.

А люди? ахъ! вражду въ душѣ тая,
Литвинъ и Пруссъ, объятые войною,
Забыли миръ; но ихъ сердца порою
Миритъ любовь: такъ зналъ двоихъ и я.
О Нѣманъ! рать враждебная несетъ
Къ твоимъ брегамъ огонь и истребленье;
Топоръ вѣнокъ зеленый разсѣчетъ,
И соловьевъ изъ ихъ уединенья
Разгонитъ громъ орудій. Такъ народъ,
Пылающій враждою, расторгаетъ
Златую цѣпь природы. Но живетъ
Любовь: ее для внуковъ сохраняетъ
Въ своихъ завѣтныхъ пѣсняхъ вайделотъ.

Избраніе.

I.

Въ Маріенбургѣ колокольный звонъ,
Орудій громъ и грохотъ барабана;.
Комтуровъ чинъ, во всемъ величьи сана,
Въ день торжества спѣшитъ со всѣхъ сторонъ,

Въ свой капитулъ, въ священное собранье
Высокаго совѣта, для избранья:
Чью грудь крестомъ великимъ осѣнить
И чьей рукѣ великій мечъ вручить.
И въ третій разъ ужъ солнце восходило, —
Такъ много тамъ равно достойныхъ было.
И отличался каждый межъ другихъ
И доблестью, и знатностію рода;
Но весь совѣтъ достойнѣйшимъ изъ нихъ
Призналъ единогласно — Валленрода.

Пришлецъ, никѣмъ невѣдомый, онъ былъ
Для каждаго предметомъ удивленья.
Въ горахъ Кастильи Мавровъ ли разилъ,
Иль Оттомановъ билъ въ морскомъ сраженьѣ:
Тамъ первый онъ всходилъ на вражій валъ,
Здѣсь прежде всѣхъ съ пиратомъ онъ сцѣплялся.
Къ рѣшеткѣ ли турнира онъ являлся —
Едва забрало шлема подымалъ, —
Съ нимъ рыцари сражаться не дерзали,
И лавръ ему охотно уступали.

Но не одной военной славой онъ
Стяжалъ себѣ и честь, и удивленье:
Онъ строже всѣхъ хранилъ креста законъ —
И нищету, и скромность, и смиренье.

Не лестію придворной онъ снискалъ
Себѣ почетъ, ни ловкостью у троновъ;
Онъ никогда меча не обнажалъ
Наемникомъ враждующихъ бароновъ.
Смиренный инокъ, съ юношескихъ лѣтъ,
Онъ презиралъ всѣ почести земныя;
Но и дары, всѣхъ болѣ дорогіе —
Поэта пѣснь и красоты привѣтъ —
Его души холодной не плѣняли.
Онъ равнодушно похваламъ внималъ;
На юныхъ дѣвъ лишь издали взиралъ,
Но чары ихъ его не обольщали.

Съ природы ль онъ такъ гордъ былъ и суровъ,
Иль старости то плодъ, хотя лѣтами

Онъ и не старъ, но опыты годовъ
Его главу покрыли сѣдинами, —
То трудно разгадать. Порой и онъ,
Весельемъ молодежи увлеченъ,
Внималъ бесѣдѣ дамъ, живой и гибкой,
Придворныхъ шутки шуткой отражалъ,
И красотѣ съ холодною улыбкой,
Какъ дѣтямъ сласти, лесть онъ разсыпалъ.
Но это были рѣдкія мгновенья;
За то порой, одинъ намекъ простой,
Намекъ, для всѣхъ ничтожный и пустой,
Въ немъ возбуждалъ мятежное волненье.
Слова: Литва, отчизна, гробъ святой,
Долгъ рыцаря, подруга — помрачали
Мгновенно въ немъ веселіе души:
Онъ прочь бѣжалъ, гдѣ звукъ ихъ раздавался,
И, безучастный ко всему, въ тиши,
Въ угрюмое раздумье погружался.
Быть можетъ, онъ отъ свѣта убѣгалъ,
За тѣмъ, что санъ духовный уважалъ.
Лишь дружбѣ онъ сочувствовалъ душою:
Другъ вѣрный былъ ему судьбою данъ,
Украшенный смиреньемъ, добротою,
Сѣдой монахъ, по имени Албанъ.
Онъ наполнялъ весь міръ ему собою,
Какъ духовникъ, онъ духъ его цѣлилъ,
Какъ другъ, его всѣ тайны онъ хранилъ.
Святая дружба! о, блаженъ стократно,
Кому данъ другъ судьбою благодатной!

Такъ оцѣнилъ весь Ордена совѣтъ
Достоинства Конрада безъ пристрастья.
Въ немъ былъ одинъ порокъ — и въ комъ ихъ нѣтъ?
Онъ никогда не принималъ участья
Въ неистовыхъ веселостяхъ пировъ;
Но, удалясь въ уединенный кровъ,
Одинъ, въ тоскѣ душевнаго томленья,
Онъ пилъ вино, ища въ немъ утѣшенья.
Какъ будто вновь тогда онъ оживалъ,
И ликъ его, и блѣдный, и унылый,
Какъ бы въ жару горячки вновь пылалъ;

И молніи летѣли съ прежней силой
Изъ глазъ его, большихъ и голубыхъ,
Хотя лѣта смягчали яркость ихъ.
И вдругъ лицо слезами орошалось,
И тяжко грудь отъ вздоховъ воздымалась.
Онъ лютню бралъ дрожащею рукой,
И звучно пѣснь души его больной
На языкѣ безвѣстномъ раздавалась.
Но смыслъ ея понятенъ сердцу былъ:
Все говорилъ и ликъ пѣвца печальный,
И звукъ его напѣва погребальный.
Слѣдъ горькихъ думъ о прошломъ онъ хранилъ,
Когда, поднявши бровь, въ самозабвеньи
Онъ въ землю взоръ недвижный устремлялъ.
Куда влекло его мечты паренье?
Дни ль юности минувшей оживлялъ
Онъ въ глубинѣ таинственныхъ мечтаній? —
Гдѣ духъ его? — въ странѣ воспоминаній.
Но никогда изъ лютни онъ своей
Не извлекалъ мелодіи веселой,
Былъ вѣчно чуждъ улыбки свѣтлой, — въ ней
Его страшилъ какъ будто грѣхъ тяжелый.
И пѣли струны всѣ въ его рукахъ,
Одна струна веселья не звучала;
Всѣ чувства онъ игрой будилъ въ сердцахъ,
Но лишь надежда ихъ не оживляла.

Нерѣдко братья такъ его заставъ,
Дивилися, тогда онъ, пробужденный,
Вдругъ вскакивалъ, мгновенно замолчавъ,
И лютню прочь, и гнѣвомъ распаленный,
Безбожныя слова произносилъ,
И шопотомъ Албану говорилъ,
Кричалъ войскамъ, давалъ имъ повелѣнья,
Своимъ врагамъ невѣдомымъ грозилъ.
И отступали братья въ изумленьѣ;
Сѣдой Албанъ вперялъ въ него свой взоръ,
Пронзительный, холодный и суровый,
Исполненный какой-то тайны новой;
Что было въ немъ, — совѣтъ или укоръ?
Иль пробуждалъ онъ страхъ въ душѣ Конрада:

Но мрачное чело яснѣло вдругъ,
И угасалъ свирѣпый пламень взгляда.
Такъ, львиный стражъ вступаетъ смѣло въ кругъ,
Гдѣ рыцарей и дамъ увеселяетъ
Звѣриный бой; онъ клѣтки дверь ломаетъ
И трубитъ въ рогъ, и грозный царь звѣрей
Рыканіемъ приводитъ всѣхъ въ смятенье, —
Но стражъ одинъ, среди тревоги всей,
Сложивъ спокойно руки, безъ движенья
Стоитъ, и льва разитъ — огнемъ очей,
И симъ души безсмертной талисманомъ
Смиряетъ мощь въ ея безумствѣ рьяномъ.

II.

Въ Маріенбургѣ звонъ гудитъ съ вершинъ,
Архикомтуръ, изъ залы совѣщанья
Идетъ во храмъ, и вслѣдъ за нимъ собранье
Всѣхъ рыцарей и весь духовный чинъ.
Молитвы зовъ коснулся братій слуху,
И гимнъ они поютъ Святому Духу.

Гимнъ.

О духъ животворный!
О голубь Сіона!
Къ земному подножью небеснаго трона,
Свой свѣтъ ниспошли благотворный.
На міръ христіанскій, на братій Сіона!
Чтобъ горняго свѣта сіянье
Внушило ихъ сердцу избранье,
И мужа, достойнаго власти святой,
Пусть нынѣ украситъ вѣнецъ золотой.
Кого осѣнятъ твои крылья святыя,
Предъ тѣмъ земнородныхъ преклонится выя,
О Сынъ! Искупитель!
Къ Тебѣ прибѣгаемъ съ моленьемъ:
Всесильной десницы своей мановеньемъ
Яви намъ того, кто достойный хранитель
Символа великихъ страданій твоихъ;

Кто знамя твоей благодати
Съ Петровымъ мечемъ, въ главѣ твоей рати,
Въ угрозу невѣрнымъ, воздвигнетъ межъ нихъ,
Чьи перси звѣздою креста озарятся, —
Предъ тѣмъ всѣ главою и сердцемъ смирятся!

Архикомтуръ имъ далъ отдохновенье,
Чтобъ вновь потомъ во храмъ собрался хоръ
Молить Творца — да снидетъ озаренье
На рыцарей, на Ордена Соборъ.

Они пошли прохладой насладиться;
Одни идутъ подъ своды галлерей,
Другіе въ рощу, въ садъ подъ сѣнь вѣтвей.
Ночь майская тиха; едва златится
Зарей разсвѣта небосклонъ; луна
Самфирныя равнины обтекаетъ,
И блѣдный ликъ свой въ облакѣ она,
То въ темномъ, то въ серебряномъ скрываетъ,
Склоняясь тихо сирою главой.

Такъ юноша, въ пустынѣ, одинокій,
Живитъ въ мечтахъ міръ прошлаго далекій,
Съ надеждою, съ весельемъ и тоской,
То слезы льетъ, то снова взоръ сіяетъ,
Усталою поникнетъ головой,
И въ сонъ раздумья тяжкаго впадаетъ;
Межъ тѣмъ, какъ ихъ прохлада услаждаетъ,
Архикомтуръ минутъ не тратитъ: онъ
Немедленно Албана призываетъ,
И тѣхъ, кто саномъ высшимъ облеченъ,
Чтобъ отъ толпы собратій въ удаленьѣ,
Принять совѣтъ, иль дать имъ наставленье.

Изъ замка въ поле съ ними онъ идетъ,
И тамъ въ тиши, пути не замѣчая,
Свой разговоръ ведутъ они, гуляя
Близь озера спокойныхъ, свѣтлыхъ водъ.

Ужъ разсвѣло; пора имъ возвратиться;
Вдругъ стопъ... откуда? съ башни угловой;
Прислушались: такъ, это голосъ той,
Которая издавна здѣсь таится
Отшельницей. Лѣтъ за десятъ назадъ
Пришла она скиталицей безвѣстной
Издалека, одна, въ Маріинъ градъ.
Внушилъ ли то гласъ воли ей небесной,
Или сама хотѣла врачевать
Грѣхи души бальзамомъ покаянья?
Пустынный кровъ хотѣла отъискать,
И гробъ нашла при жизни въ этомъ зданьѣ.

Священники ей долго не внимали;
Но, тронувшись горячею мольбой,
Ей наконецъ пріютъ въ той башнѣ дали.
Лишь перешла порогъ она святой,
Какъ привалили къ выходу каменья;
И съ той поры лишь съ Богомъ и собой
Живетъ она; въ день свѣтопреставленья
Лишь ангелъ склепъ откроетъ гробовой.

Вверху окно съ рѣшеткой, и благія
Сердца ей пищу подаютъ въ него,
А небо — воздухъ и лучи дневные.
Несчастная! ужели до того
Твоя душа чужда всего земнаго,
Что ты боишься солнца золотаго?
Съ-тѣхъ-поръ, какъ здѣсь сокрылася она,
Никто ее не видѣлъ у окна,
Чтобъ насладиться вѣтерка дыханьемъ,
Повеселить свой взоръ небесъ сіяньемъ,
Полюбоваться на цвѣты полей,
На лица ближнихъ, тѣхъ цвѣтовъ милѣй.

Лишь потому въ живыхъ ее считали,
Что иногда, въ полночной тишинѣ,
Плѣнительные звуки чаровали
Блуждавшаго скитальца въ той странѣ:
Тѣ звуки были вѣрно гимнъ священный.
Какъ вечеромъ изъ прусскихъ селъ порой

Сберется въ лѣсъ дѣтей веселый рой,
Тогда, какъ лучъ денницы отдаленной,
Вдругъ что-то тамъ, въ окнѣ, среди тѣней,
Блеснетъ: то прядь волосъ ли золотая,
Иль нѣжная рука, ниспосылая
Благословенье на главу дѣтей? —

Комтуръ шаги къ той башнѣ направляя,
Приблизился, и слышитъ голосъ въ ней:
«Тебѣ-ль, Конрадъ? Свершилось назначенье!
Тебѣ-ль на гибель ихъ магистромъ быть?
Ты будешь узнанъ. Тщетное смиренье!
Хотя-бъ, какъ змѣй, свой видъ могъ измѣнить.
Въ твоей душѣ еще такъ много силы,
Какъ и въ моей, осталось съ прежнихъ поръ.
И еслибъ ты пришелъ хоть изъ могилы, —
Тебя узнаетъ крестоносца взоръ.»
И рыцари стоятъ, внимая звуки:
То голосъ былъ отшельницы; они
Глядятъ наверхъ къ рѣшеткѣ: тамъ, въ тѣни,
Склоняясь кто-то простираетъ руки....
Къ кому-жъ?... кругомъ все пусто.... только тамъ
Вдали свернуло вдругъ, какъ блескъ забрало,
И чья-то тѣнь скользнула по полямъ;
Не плащъ ли рыцаря? — но все пропало....
То призракъ былъ, обманчивый очамъ:
То вдругъ блеснулъ денницы лучъ румяный,
И пронеслись разсвѣтные туманы.

«О братія! хваленье небесамъ, —
Сказалъ Албанъ: судьба намъ указала
Нашъ путь сюда. Довѣримся словамъ
Отшельницы: Конрадъ — она вѣщала;
У насъ Конрадъ — нашъ храбрый Валленродъ.
Дадимъ обѣтъ, что завтра на собраньѣ
Совѣтъ его магистромъ назоветъ.»
И всѣ въ отвѣтъ: «согласны на избранье!»

Они пошли, и долго тѣ мѣста
Торжественные оглашали клики:
«Да здравствуетъ Конрадъ! Магистръ великій!
И Орденъ нашъ! да гибнетъ врагъ Христа!

Одинъ Албанъ лишь, погруженный въ думы,
На рыцарей съ презрѣньемъ посмотрѣлъ,
Взглянулъ на башню и пошелъ угрюмый,
И уходя, такую пѣснь запѣлъ:

Пѣсня.

Вилія — литовскихъ потоковъ царица,
Въ ней дно золотое, волна голубая;
Къ ней по-воду ходитъ Литвинка — дѣвица,
Невинная сердцемъ, красой разцвѣтая.

Вилія средь ковенской мчится поляны,
Къ ней нѣжно склонились нарцисы, тюльпаны;
У ногъ же Литвинки всѣ юноши наши:
И розъ и тюльпановъ милѣе и краше.

Рѣка презираетъ цвѣтами долины:
Влечетъ ее къ Нѣману тайная сила.
А юной Литвинкѣ не милы Литвины:
Она чужеземца душой полюбила.

И Нѣманъ, Вилію поднявъ на рамёна,
Прижалъ, пріютилъ у холоднаго лона,
Несется на скалы, сквозь дебри, стремнины,
И гибнетъ съ подругою въ безднахъ пучины.

Такъ, бѣдная дѣва! тебя въ отчужденье
Умчитъ изъ отчизны твой милый далеко,
И сгибнешь, утонешь ты въ волнахъ забвенья,
Но сгибнешь грустнѣе — одна, одиноко!

Рѣкѣ, какъ и сердцу, напрасны уроки:
Красавица любитъ, Вилія струится,
Вилія исчезла въ любимомъ потокѣ,
А дѣвица въ башнѣ пустынной томится.

III.

Магистръ уставъ святой облобызалъ,
Съ молитвой принялъ знаменья владыки
Изъ рукъ комтура — мечъ и крестъ великій,

И гордо поднялъ ликъ, хотя лежалъ
На немъ туманъ тревоги сокровенной;
Взглянулъ кругомъ, и взоръ его пылалъ
И радостью, и гнѣвомъ, — и мгновенно
Невиданная гостья на устахъ —
Улыбка пролетѣла: такъ зарею
Сверкаетъ блескъ въ тяжелыхъ облакахъ
Предъ солнечнымъ восходомъ-и грозою.

Магистра пылъ, его грозящій видъ
Сердца мужей надеждою живитъ:
Имъ видится съ добычею великой
Война, гдѣ кровь невѣрныхъ будетъ течь!
Кто устоитъ передъ такимъ владыкой?
Кому не страшенъ взглядъ его и мечъ?
Смирись, Литва! минута наступаетъ —
И крестъ на стѣнахъ Вильны засверкаетъ!

Но тщетныя надежды! улетаютъ
За днями дни, проходитъ длинный годъ;
О стыдъ! Литва грозитъ, а Валленродъ
Нейдетъ на брань и рать не посылаетъ.
Когда-жъ за дѣло примется порой,
То старые порядки измѣняетъ.
Онъ вопіетъ: «забытъ законъ святой!
Нарушены обѣты и уставы!
Покаемся, отрекшись суеты!
Поищемъ въ благости и въ мирѣ славы!»

И наложилъ онъ тяжкіе посты,
И запретилъ невинныя забавы,
И легкій грѣхъ со строгостью крутой
Каралъ мечемъ, изгнаньемъ и тюрьмой.

Межъ тѣмъ Литвинъ, который въ дни былые
Завидя знамя рыцарей бѣжитъ,
Теперь, что ночь, ихъ села жжетъ родныя
И жителей несчастныхъ полонитъ;
Дрожитъ дитя у отчаго порога,
Заслышавъ Жмудь по грознымъ звукамъ рога.

Когда-жъ поднять удобнѣй брани стягъ?
Литва внутри страдаетъ мятежами,
Тамъ храбрый Руссъ, здѣсь безпокойный Ляхъ,
Тамъ Крымскій ханъ съ несмѣтными полками.
Витольдъ, утративъ чрезъ Ягелла тронъ,
Пришелъ искать у Ордена защиты,
Сулитъ въ награду земли, злато онъ,
Но тщетно ждетъ подмоги, какъ забытый.

И ропщутъ всѣ, сбирается совѣтъ;
Но гдѣ-жъ магистръ? Бѣжитъ Албанъ смущенный
Въ палаты, въ храмъ — нигдѣ Конрада нѣтъ!
Но гдѣ-жъ онъ? знать у башни отдаленной.
За нимъ давно слѣдили по ночамъ,
И знали всѣ, что онъ по вечерамъ,
Когда поля покроетъ мракъ глубокій,
У озера блуждаетъ одинокій.
Иль на колѣняхъ въ мантіи своей,
Онъ, прислонясь къ стѣнѣ, какъ изваянье,
Стоитъ всю ночь до перваго мерцанья
Зори, и сонъ бѣжитъ его очей.
И часто, вставъ на тихій звукъ рѣчей
Затворницы, отвѣтитъ тихо ей:
И не слышна ихъ рѣчь изъ отдаленья,
Но трепетный забрала блескъ, движенье
Его главы и рукъ понять даютъ,
Что важныя бесѣды тамъ идутъ.

Пѣснь изъ башни.

Сочтетъ ли кто слезы мои и стенанья?
Иль столько ужъ лѣтъ здѣсь я плачу одна,
Что ѣдкая горечь и слезъ, и дыханья,
Какъ ржа переѣла рѣшётку окна?
Тѣ слезы на камень холодный спадали,
Какъ въ нѣжное сердце, въ него проникали.

Есть вѣчный огонь во дворцѣ Свентороса,
Огонь тотъ хранится заботой жрецовъ;
Есть вѣчный источникъ на холмѣ Мендога,
Тѣ воды питаются влагой снѣговъ;

Никто моихъ вздоховъ и слезъ не питаетъ,
А очи все плачутъ и сердце страдаетъ.

Гдѣ ласки отца и родимой лобзанья?
Тотъ замокъ богатый, тотъ край дорогой,
Гдѣ день безъ печали, гдѣ ночь безъ мечтанья,
Гдѣ вѣстникомъ неба отрадный покой,
И ночью, и въ полѣ, и въ сѣни любимой,
Всегда былъ со мною, хотя и незримо.

Три дочери юныхъ у матери было;
Мнѣ первой изъ нихъ онъ предсталъ женихомъ;
Счастливая юность мнѣ радость сулила;
И кто-жъ мнѣ повѣдалъ о счастьѣ моемъ?
О, юноша милый! зачѣмъ ты повѣдалъ
О томъ, чего прежде никто здѣсь не вѣдалъ:

О Богѣ великомъ, о ликахъ небесныхъ,
О градахъ, обителяхъ вѣры святой,
Гдѣ молятся люди во храмахъ чудесныхъ,
Гдѣ служатъ князья красотѣ молодой,
Какъ рыцари наши — ретивые къ бою,
Какъ пастыри — съ любящей, нѣжной душою.

Гдѣ смертный, свергая покровы земные,
Въ роскошное небо несется душой.....
Ахъ! вѣрила я въ тѣ разсказы дорогіе,
Предчувствуя сердцемъ тотъ міръ неземной.
Съ-тѣхъ-поръ и благою и злобной порою
Тебя лишь и небо лелѣю мечтою.

Крестомъ на груди твоей взоръ мой плѣнился,
Онъ счастья залогомъ въ грядущемъ мнѣ былъ.
Но ахъ! отъ креста вдругъ перунъ разразился,
И все вдругъ утихло, и мракъ все покрылъ!
Не жаль ничего мнѣ, хоть плачутъ все вѣжды:
Ахъ! отнялъ ты все, но не отнялъ надежды!

«Надежды!» тихимъ повторили эхомъ
Долины, рощи, дальній берегъ весь.
Очнулся вдругъ Конрадъ, и съ дикимъ смѣхомъ —
Гдѣ я? вскричалъ: — надежду-ль слышу здѣсь?

Къ чему она? что въ пѣсни той унылой?
Я помню самъ былаго счастья мигъ:
Три дочери у матери васъ было,
Впервой къ тебѣ присватался женихъ.
О горе вамъ, цвѣточки! въ зелень сада
Вползла змѣя ужасная и въ мигъ,
Гдѣ ни скользнетъ, тамъ сохнетъ злакъ отъ яда,
Желтѣютъ розы вдругъ, какъ перси чада.
Припоминай въ мечтахъ былые дни:
И въ нихъ могла бы радость улыбаться,
Когда-бъ..... молчишь ты? пой же и кляни!
Пускай не даромъ слезы тѣ струятся,
Которыя пронзаютъ камни тутъ!
Долой мой шлемъ! защиты мнѣ не надо;
Пусть на главу мою онѣ текутъ,
Пускай онѣ чело мое прожгутъ:
Хочу узнать заранѣ муки ада!

Голосъ изъ башни.

Прости, прости! виновна я, мой милый!
Ты запоздалъ, мнѣ грустно было ждать,
И дѣтства пѣснь вдругъ вспомнилъ духъ унылый.....
Прочь эта пѣсня! мнѣ-ль еще роптать?
О милый другъ! мы прожили съ тобою
Лишь мигъ одинъ, но мигомъ этимъ я
Не обмѣняюсь съ цѣлою толпою
На скучный вѣкъ земнаго бытія.
Ты самъ сказалъ, что жизнь обыкновенныхъ
Людей есть жизнь тѣхъ раковинъ смиренныхъ,
Которыя лежатъ на днѣ болотъ:
Изъ глубины едва однажды въ годъ
Ихъ выкинетъ волною непогоды,
Онѣ, открывъ уста, на ликъ природы
Лишь взглянутъ разъ и въ гробъ уходятъ свой.
Не рождена для жизни я такой!
Въ дни юности, въ странѣ моей родной,
Среди подругъ не разъ я тосковала,
Тревожно билось сердце, я вздыхала.
Изъ низменной долины я порой
На высшій холмъ, тоскуя, восходила,

И про себя въ раздумьѣ говорила:
Ахъ, если бы тѣ жаворонки мнѣ
По перышку изъ крыльевъ удѣлили,
Взвилась бы съ ними къ горней я странѣ,
Лишь на горѣ одинъ цвѣточекъ милый,
Цвѣтъ — незабудку, сорвала-бъ; потомъ
Взвилась бы съ нимъ высоко я, высоко,
И скрылась бы въ эѳирѣ голубомъ!
Ты услыхалъ, царь птицъ, мой вздохъ глубокой;
Ты на крылахъ орлиныхъ взнесъ меня
Къ себѣ. Теперь, о жаворонки, я
Васъ ни о чемъ просить не стану болѣ:
Какой желать тому отрадной доли, —
Кто Бога тамъ великаго познаxъ,
И мужемъ здѣсь великимъ обладалъ?

Конрадъ.

Величіе — и только, — ангелъ мой!
Да, для него мы въ горѣ изнываемъ.
Но пусть еще не много пострадаемъ,
Не много дней поборемся съ тоской.
Свершилося! напрасны сокрушенья!
Пусть плачемъ мы, но горе и врагамъ:
Я для убійства плакалъ, для отмщенья.
О милая! зачѣмъ пришла ты къ намъ
Изъ монастырскихъ стѣнъ, изъ сѣни мира?
Я посвятилъ тебя служенью Небесамъ:
Не лучше ли бъ, далекою отъ міра
И отъ меня, въ стѣнахъ священныхъ тамъ
Тебѣ грустить до вѣчнаго покоя,
Чѣмъ здѣсь, въ странѣ обмана и разбоя,
Въ медлительномъ томленьѣ дни кончать,
И, сирыя зѣницы открывая, *)
За подаяньемъ руку простирать?
А я, я долженъ слушать, и страдая,
На медленную пытку ту взирать
Издалека, и душу проклинать,
Что чувство въ ней кипитъ струя живая!

---

*) I oczi samotne otwieraé.

Голосъ изъ башни.

Упреки, другъ? не приходи же болѣ,
А если же придешь сюда опять
И неотступно будешь умолять, —
Я не явлюсь. Одна съ своею долей
Сойду въ мой сводъ и мрачный, и сырой,
Глотать потокъ горючихъ слезъ въ молчаньѣ.
Прости на вѣки, другъ мой дорогой!
Да сгибнетъ память той минуты злой,
Когда ко мнѣ не зналъ ты состраданья.

Конрадъ.

Такъ сострадай и ты мнѣ, ангелъ мой!
Но если ты чужда моимъ моленьямъ, —
О стѣну я ударюсь головой:
Не тронешься-ль хоть Каина мученьемъ....

Голосъ изъ башни.

О, будемъ сострадать взаимно въ горѣ!
Ты вспомни, какъ обширенъ міръ земной,
Но въ этомъ мірѣ мы одни съ тобой,
Какъ двѣ росинки на песчаномъ морѣ.
О вспомни, что малѣйшій вѣтра духъ
Насъ унесетъ легко съ земнаго края:
Такъ лучше же погибнемъ вмѣстѣ, другъ!
Не удручать тоской тебя пришла я.
Не смѣла я въ санъ инокинь вступить,
Не смѣла Богу сердце обручить,
Пока владѣла имъ любовь земная.
Монастырю служить обѣтъ былъ мой,
И я свершить его была готова,
Но безъ тебя, о другъ мой дорогой,
Тамъ было мнѣ такъ дико, чуждо, ново.
Я вспомнила, что послѣ многихъ лѣтъ
Ты въ градъ Маріи возвратишься снова,
Чтобъ надъ врагомъ отмщенія обѣтъ
Свершить и облегчить народа бремя.
Кто ждетъ, тотъ въ мысляхъ сокращаетъ время.
Я думала: быть можетъ, онъ идетъ
Теперь назадъ, быть можетъ, возвратился.

Ужели мнѣ, когда ужъ гроба сводъ
Здѣсь надо мной, живою, затворился,
Нельзя желать на милаго взглянуть
Хоть разъ и вѣчнымъ сномъ при немъ уснуть?
Пойду, сказала я, и близь дороги,
Межъ дикихъ скалъ, найду пріютъ убогій,
Тамъ затворюсь; быть можетъ, кто нибудь
Изъ рыцарей случайно, мимоходомъ,
Промолвитъ имя друга моего,
Иль, можетъ быть, сама между народомъ
На шлемѣ я узнаю гербъ его.
И пусть другія латы онъ надѣнетъ,
Пускай свое лицо и гербъ измѣнитъ, —
Не скроется отъ сердца моего:
Оно его почуетъ въ отдаленьѣ.
И если онъ, свое свершая мщенье,
Все разоритъ, все кровью обольетъ,
И все его за это проклянетъ, —
То хоть одна душа благословенье
Издалека послать ему дерзнетъ.
Здѣсь я нашла себѣ въ уединеньѣ
И домъ, и гробъ; тутъ не посмѣетъ мой
Подслушать стонъ скиталецъ святотатный.
Тебѣ прогулки въ тишинѣ пріятны;
Мнѣ думалось: вечернею порой,
Быть можетъ, онъ, бесѣду покидая,
Придетъ сюда, поговорить съ волной,
И обо мнѣ съ тоскою вспоминая,
Издалека услышитъ голосъ мой,
Исполнилъ Богъ невинное моленье: —
И ты пришелъ, мое ты понялъ пѣнье.
Бывало я молю, чтобъ образъ твой
Мнѣ, хоть нѣмой, являлся въ сновидѣньи:
И вотъ — о счастье! ты теперь со мной!
Теперь намъ плакать вмѣстѣ — утѣшенье!

Конрадъ.

Чтожъ, милая, мы выплачемъ съ тобой?
Ты помнишь, какъ я плакалъ, покидая
Тебя на вѣкъ, какъ я страдалъ душой,
Для счастія земнаго умирая,

Чтобъ совершить кровавый подвигъ свой.
Готовъ вѣнецъ за долгія мученья:
Уже достигъ я цѣли многихъ лѣтъ,
Уже врагу готовится отмщенье....
И ты пришла лишить меня побѣдъ!
Ахъ, съ той поры, какъ изъ окна темницы
Взглянула ты ко мнѣ, мои зѣницы
Во всей природѣ видятъ вновь одно
Лишь озеро, да башню, да окно.
Все вкругъ кипитъ и дышитъ браннымъ духомъ,
Но въ гласѣ трубъ, но въ крикахъ боевыхъ
Я съ нетерпѣньемъ напряженнымъ слухомъ
Ищу и жду все звука устъ твоихъ.
И цѣлый день живу лишь ожиданьемъ,
Когда-жъ дождусь вечернихъ я часовъ,
Стараюсь ихъ продлить воспоминаньемъ,
Считая жизнь порою вечеровъ.
А Орденъ нашъ, бездѣйствіемъ скучая,
Все хочетъ битвъ — но къ гибели идетъ,
И мнѣ Албанъ покоя не даетъ:
Мои обѣты мнѣ напоминая,
И пепелъ селъ, и разоренный край;
Когда-жъ молчу я, пенямъ не внимая,
То вздохомъ онъ, то взглядомъ невзначай
Вновь пробудить во мнѣ умѣетъ мщенье.
Рѣшается судьбы моей конецъ;
Не удержать мнѣ общаго ихъ рвенья.
Вчера изъ Рима прибылъ къ намъ гонецъ.
Изъ разныхъ странъ несмѣтныя дружины
Стекаются, и въ ревности святой
Всѣ требуютъ, чтобъ я ихъ велъ на бой
Съ мечемъ, съ крестомъ въ литовскія равнины.
А я.... о стыдъ! я, въ часъ тотъ роковой,
Когда всѣ ждутъ судьбы своей рѣшенья, —
Лишь для тебя я замедляю мщенье,
Чтобъ лишній день остаться здѣсь съ тобой.
О молодость! щедры твои даянья!
Въ дни юности готовъ я былъ отдать
И счастье, и любовь, и благодать
Для родины, хотя не безъ страданья,
Но съ мужествомъ. И вотъ, на склонѣ лѣтъ,

Отчаянье, и долгъ, и воля Божья
Меня зовутъ исполнить мой обѣтъ, —
Но не могу отъ этихъ стѣнъ подножья
Отнять главы уже сѣдой своей,
Боясь утратить звукъ твоихъ рѣчей!

Умолкъ. Изъ башни слышалось стенанье
И тихій плачъ. Часы текли въ молчаньѣ;
Рѣдѣла ночь; зардѣвшійся востокъ
Вновь позлатилъ спокойныхъ водъ равнины;
Заколебалъ прохладный вѣтерокъ
Вдали деревьевъ дремлющихъ вершины;
Защебеталъ проснувшись птичекъ рой,
Но пріумолкъ опять, и видно было,
Что рано былъ нарушенъ ихъ покой.
Конрадъ привсталъ; но долго и уныло
Былъ взоръ его къ рѣшёткѣ устремленъ.
Вотъ соловей запѣлъ. Очнулся онъ;
Окинулъ взоръ кругомъ: уже свѣтало;
Онъ на лицо спустилъ опять забрало,
Плащемъ закрылся, и, махнувъ рукой
Отшельницѣ, исчезъ въ тѣни густой:
Такъ адскій духъ, заслыша звонъ священной,
Бѣжитъ отъ стѣнъ обители смиренной.

Пиръ.

Былъ день святой, торжественный патрона;
Комтуровъ сонмъ въ Маріенбургъ течетъ;
На башняхъ вѣютъ бѣлыя знамена;
Роскошный пиръ Конрадъ гостямъ даетъ.

Сто бѣлыхъ мантій сдвинулось красиво
Вокругъ стола, на каждый черный крестъ:
То рыцари; за ними молчаливо
Ихъ отроки — пажи стоятъ окрестъ.

Конрадъ сидитъ въ главѣ; лѣвѣй отъ трона —
Витольдъ съ толпой вождей своихъ племенъ —

Когда-то врагъ, а нынѣ гость Тевтона,
Съ нимъ на Литву идетъ войною онъ.

Вотъ всталъ магистръ и съ трона возглашаетъ
«Возрадуйтесь о Господѣ!» и вмигъ
«Возрадуйтесь!» раздался общій кликъ;
Кипитъ вино и серебро сверкаетъ.

Конрадъ, склонившись на руку главой,
Внималъ съ презрѣньемъ говоръ непристойный;
Но шумъ умолкъ, лишь тихій смѣхъ порой
Вдругъ заглушалъ бокаловъ звукъ нестройный.

«Возрадуйтесь! — сказалъ онъ, — но, друзья,
Прилично-ль намъ такое ликованье?
То пьяный шумъ, то шопотъ.... гдѣ же я?
Бандитовъ здѣсь иль иноковъ собранье?

Нѣтъ, прежде былъ обычай не таковъ,
Когда, разбивъ врага, мы надъ тѣлами,
Среди Кастильскихъ горъ иль средь лѣсовъ
Финляндіи, сидѣли за кострами.

Тамъ пѣли намъ; ужели нѣтъ пѣвца
Межъ вами здѣсь для услажденья слуха?
Пусть веселитъ вино мужей сердца, —
Но развѣ пѣсня не вино для духа?»

И поднялись пѣвцы со всѣхъ сторонъ:
Здѣсь Итальянецъ; въ сладкой пѣснѣ онъ
Духъ, набожность Конрада прославляетъ;
Тамъ трубадуръ съ Гаронскихъ береговъ —
Прелестныхъ дѣвъ и нѣжныхъ пастушковъ,
И рыцарей, и чары воспѣваетъ.

Конрадъ вздремалъ, — и замеръ пѣсни звукъ;
И, пробужденный тишиною вдругъ,
Онъ Итальянцу кошелекъ бросаетъ:
«Мнѣ одному былъ гимнъ хвалебный твой
Одинъ не можетъ дать иной награды.
Ступай отсель. А тотъ пѣвецъ младой,
Который намъ воспѣлъ любви отрады,
Насъ извинитъ, что здѣсь межъ нами нѣтъ

Красавицы, чтобъ розы нѣжный цвѣтъ
Вручить ему, какъ дань ея награды.

Всѣ розы здѣсь увяли; я монахъ,
Хочу пѣвца и пѣнія инова:
Пусть будетъ пѣсня та дика, сурова,
Какъ звукъ роговъ, какъ звонъ мечей въ бояхъ,
Мрачна, какъ стѣны келіи смиренной,
И пламенна, какъ инокъ упоенный.

Намъ съ благодатью льющимъ кровь рѣкой,
Убійства пѣснь отраднѣе для слуха;
Волнуя насъ и гнѣвомъ и тоской,
Она тоски томленье свѣетъ съ духа.
Вотъ наша жизнь! вотъ эта пѣснь моя:
Кто мнѣ споетъ такую пѣсню?» — «Я!»
Отвѣтствовалъ старикъ, который прежде
Сидѣлъ въ дверяхъ, сокрытый слугъ толпой, —
Литвинъ иль Пруссъ, какъ видно, по одеждѣ,
Съ густой, сѣдой и длинной бородой;
Его глава серебрится сѣдиной,
Глаза и лобъ повязкою закрыты,
Лѣта и горе сморщили ланиты.

Онъ правой лютню прусскую держалъ,
А лѣвую, прося къ себѣ вниманья,
Простеръ къ столу, — и смолкнуло собранье.
«Готовъ я спѣть вамъ пѣсню, — онъ сказалъ, —
И Литвинамъ, и Пруссамъ я пѣвалъ, —
Одни давно въ бою со славой пали
За родину, другіе отъ печали,
Склонясь на трупъ отчизны дорогой,
Хотятъ сразить себя своей рукой.
Такъ вѣрный рабъ съ владыкой раздѣляетъ
Его костеръ въ послѣдній грозный часъ.
Иной въ лѣса съ позоромъ убѣгаетъ,
Другой, какъ здѣсь Витольдъ, сидитъ межъ васъ.
Но вамъ извѣстно, Нѣмцы, — послѣ жизни
Что̀ ждетъ врага — измѣнника отчизны;
Что̀ будетъ съ нимъ, когда на свѣтѣ томъ,
Палимый вѣчнымъ пламенемъ, страдая,

Своихъ онъ предковъ будетъ звать изъ рая, —
Какимъ молить ихъ станетъ языкомъ?
Изъ вашей рѣчи варварскаго звука
Узнаетъ ли ихъ предокъ голосъ внука?

Какой позоръ, Литовцы, всей странѣ:
Никто, никто руки не подалъ мнѣ,
Когда Тевтонъ отъ алтаря святаго
Увлекъ въ цѣпяхъ меня, пѣвца сѣдаго!
И одряхлѣлъ въ чужбинѣ, одинокъ,
Пѣвецъ.... но ахъ! Кому же пѣть я могъ?
Въ странѣ чужой, по родинѣ тоскуя,
Отъ горькихъ слезъ утратилъ свѣтъ очей,
Свой вздохъ теперь хочу послать я къ ней;
Но гдѣ же взоромъ отчій домъ сыщу я, —
Иль здѣсь, иль тамъ, иль гдѣ въ иной странѣ?
Но въ сердцѣ лишь одно осталось мнѣ
Изо всего, что лучшаго тамъ было,
Минувшихъ благъ остатокъ сердцу милой,
Воспоминанье дней тѣхъ дорогихъ —
Я ихъ отдамъ, — возьмите, Нѣмцы, ихъ!
Какъ на турнирѣ рыцарь побѣжденный,
Жизнь сохранивъ, но посрамивши честь,
Насмѣшками, презрѣньемъ уязвленный,
Вновь на врага стремится, чтобъ нанесть
Ему ударъ, и руку напрягаетъ, —
Но мечъ къ ногамъ, сломившись, упадаетъ:
Такъ и меня подобный пылъ влечетъ;
Еще могу косаться струнъ перстами:
Пусть пѣснь Литвы послѣднюю предъ вами
Споетъ Литвы послѣдній вайделотъ!»

Умолкъ и ждетъ, что вымолвитъ Конрадъ;
Всѣ гости ждутъ, въ безмолвіи глубокомъ;
Но онъ насмѣшливымъ, пытливымъ окомъ
Слѣдитъ тайкомъ Витольда видъ и взглядъ.

И каждый въ немъ замѣтилъ перемѣну,
Когда старикъ лишь молвилъ про измѣну:
Витольдъ краснѣлъ, блѣднѣлъ, и вновь краснѣлъ,
Горѣлъ стыдомъ и гнѣвомъ пламенѣлъ;

Потомъ вскочилъ, и, мечъ въ рукѣ сжимая,
Онъ сквозь толпу смущенныхъ слугъ идетъ,
На старца грозный кинулъ взоръ, — и вотъ
Негодованья туча громовая,
Висѣвшая надъ сумрачнымъ челомъ
Вдругъ хлынула слезами, какъ дождемъ.
Онъ снова сѣлъ, полой плаща закрылся
И въ мрачное раздумье погрузился.

Межъ Нѣмцами вдругъ шопотъ пробѣжалъ:
«Кто нищаго на пиръ нашъ приглашалъ?
Къ чему намъ пѣснь его? кому понятны
Его слова?» такъ всюду ропотъ внятный
Ходилъ въ толпѣ; но вскорѣ буйный смѣхъ,
Его смѣнилъ; пажи, свистя въ орѣхъ,
Кричали: «вотъ Литвы напѣвъ пріятный!
Но вдругъ Конрадъ, привставъ, сказалъ гостямъ:
«Вамъ, храбрые товарищи, извѣстно,
Что въ этотъ день, какъ дань побѣды, намъ,
По древнему уставу, повсемѣстно,
Несутъ дары вассалы и князья.
Тотъ нищій намъ, какъ даръ, несетъ, друзья,
Простую пѣснь и звукъ своей цѣвницы, —
Такъ примемъ ихъ, какъ лепту отъ вдовицы!

Литовскій князь пируетъ здѣсь со мной,
Его вожди намъ гости дорогіе,
Имъ будетъ милъ звукъ пѣсни ихъ родной
Про ихъ отцовъ, про подвиги былые.
Пусть тотъ уйдетъ, кому слова темны;
Суровый звукъ той пѣсни непонятной
Пріятенъ мнѣ, какъ бурный ревъ волны
Въ грозу, иль ропотъ тихій и пріятный
Весенняго дождя; при нихъ порой
Такъ сладокъ сонъ. Такъ пой, вѣщунъ сѣдой!

Пѣснь Вайделота.

Когда въ Литву несется ядъ заразы,
Ее провидитъ вѣщій взоръ иныхъ,

Какъ говорятъ сѣдыхъ жрецовъ разсказы:
Не разъ въ поляхъ, на кладбищахъ глухихъ *),
Бродящую видали дѣву мора,
Въ одеждѣ бѣлой съ огненнымъ вѣнцомъ;
Она главу вздымаетъ выше бора,
И потрясаетъ кровянымъ платкомъ.

И въ ужасѣ подъ шлемъ поспѣшно кроетъ
Свое лицо на башнѣ стражъ ночной,
И песъ, почуя смерть, печально воетъ,
И мечется и роетъ подъ собой.
Чума идетъ зловѣщею стопою
На города, на замки и кругомъ,
Гдѣ ни махнетъ кровавымъ тѣмъ платкомъ,
Все станетъ вдругъ пустынею глухою;
Гдѣ ни пройдетъ — гроба встаютъ грядою.

Ужасный видъ! Но для Литвы бичемъ
Страшнѣй того былъ врагъ иноплеменный:
Шлемъ, перьями красиво осѣненный,
Широкій плащъ и черный крестъ на немъ.
Гдѣ ни прошло то грозное видѣнье,
Не замки тамъ, не грады въ запустѣньѣ, —
Нѣтъ, цѣлый край могилой сталъ одной!
Ахъ! гдѣ Литвинъ, избѣгнувшій невзгоды?
Пусть онъ придетъ на гробъ, гдѣ спятъ народы,
Въ раздумьѣ пѣть и слезы лить со мной!

О пѣснь народная! ковчегъ преданій!
Ты связь минувшихъ и грядущихъ лѣтъ:
Въ тебѣ народъ хранитъ и громъ дѣяній,
И мыслей духъ, и чувствъ высокихъ цвѣтъ,
Ковчегъ, ничѣмъ во вѣкъ несокрушимый,
Пока народъ не опозоритъ самъ
Тебя; о пѣснь! ты стражъ, народомъ чтимый,
Хранитъ ему воспоминаній храмъ!
Ты, какъ архангелъ гласомъ и крылами,
Порой съ его мечемъ паришь надъ нами!

*) Niеraz na pustych smętarzach i błoniach.

Огонь пожретъ изображенья дѣлъ,
Сокровища грабитель уничтожитъ;
Одной лишь пѣсни данъ иной удѣлъ:
Въ устахъ людей она жить вѣчно можетъ.
И если духъ ничтожный не поитъ
Ее тоской, надеждой не питаетъ, —
Въ развалины и въ горы улетаетъ
Она, и тамъ о старинѣ звучитъ.
Такъ изъ дворца горящаго взлетаетъ
Вдругъ соловей, на кровлѣ посидитъ,
Она падетъ — онъ къ лѣсу улетитъ,
И страннику подъ прахомъ и могилой
Звучитъ въ тиши напѣвъ его унылый.
Я слышалъ пѣснь: какъ выпахавъ порой
Столѣтній пахарь кость изъ лона нивы,
Вздыхая бралъ свирѣль изъ вѣтви ивы
И пѣснь игралъ — усопшимъ на покой.
Иль о бездѣтныхъ предкахъ пѣлъ уныло,
И откликалось эхо изъ долинъ,
И тяжело и грустно мнѣ такъ было,
Что я тогда внималъ ему одинъ.

Какъ въ день суда возстанетъ прахъ и тлѣнье
Изъ ихъ гробовъ, съ архангельской трубой:
Такъ изъ костей гигантскія видѣнья
Отъ пѣсни той вставали предо мной.
Изъ праха стѣнъ вновь возникали своды
И рядъ колоннъ, и оживлялись воды
Весломъ гребцовъ, и за̀мка входъ сіялъ,
И бардовъ хоръ торжественно звучалъ,
И всюду блескъ, и говоръ, и движенье....
Былъ сладокъ сонъ! — но горько пробужденье!

Исчезъ и слѣдъ родимыхъ горъ, лѣсовъ,
И на крылахъ усталыхъ духъ смущенный
Спускается отъ неба въ дальній кровъ,
И звуковъ нѣтъ отъ лютни сокрушенной!
И гласъ родныхъ преданій для меня
И стонъ, и вопли братій заглушаютъ.
Но часто искры юнаго огня
Въ моей груди пожаромъ вновь пылаютъ,
И духъ живятъ, и память освѣжаютъ.

Та память — будто лампа изъ стекла,
Раскрашенная чудными цвѣтами;
Пыль древности кругомъ на ней легла
И помрачила живопись мѣстами;
Но лишь огонь внутри ея зажгутъ,
Мгновенно въ ней всѣ краски оживутъ,
И стѣны вдругъ хоть тусклыми лучами,
Освѣтятся роскошными цвѣтами.

Когда-бъ я могъ мой пламень перелить
Въ сердца, внимающихъ мое сказанье,
И въ нихъ минувшихъ лѣтъ воспоминанье
Громо̀выми словами воскресить!
Ахъ, можетъ быть, они хоть на мгновенье,
Когда ихъ тронетъ звукъ родимыхъ словъ,
Почуютъ въ сердцѣ прежнее біенье,
Почуютъ духъ возвышенный отцовъ:
Тогда-бъ они на мигъ такими стали,
Какими предки ихъ всегда бывали!
Но что мнѣ пѣть давно минувшій вѣкъ?
Про новый вѣкъ скажу вамъ, — утѣшайтесь:
Межъ вами есть великій человѣкъ, —
О немъ спою, Литовцы, — поучайтесь!

Умолкъ пѣвецъ и ждалъ, склонясь челомъ,
Дозволятъ ли ему Тевтоны пѣнье;
Но тишина глубокая кругомъ
Живитъ въ немъ духъ и возбуждаетъ рвенье.
Онъ вновь запѣлъ, но ужъ на ладъ иной,
Далъ голосу размѣръ и строй вольнѣе,
Касался струнъ и рѣже, и слабѣе,
Спустясь отъ гимна къ повѣсти простой.

Разсказъ Вайделота.

Вотъ возвратились Литовцы! откуда? съ ночнаго побѣга;
Груды добычи везутъ, награбленной въ храмахъ и замкахъ;
Нѣмцевъ плѣненныхъ толпы, въ цѣпяхъ иль съ веревкой на шеѣ,
Грустно бѣгутъ за конями своихъ побѣдителей грозныхъ:

Взглянутъ назадъ, на отчизну свою, — и зальются слезами,
Взглянутъ на Ковно — и Богу съ молитвой себя поручаютъ.
Тамъ, среди города Ковно, раскинулось поле Перуна,
Тамъ, по обычаю предковъ, князья, возвратившись съ побѣды,
Рыцарей Прусскихъ, на жертву богамъ, на кострахъ сожигаютъ.
Только два рыцаря плѣнныхъ ѣдутъ безъ трепета въ Ковно:
Молодъ одинъ и прекрасенъ, другой — ужъ согбенный лѣтами
Сами они на сраженьѣ, покинувъ нѣмецкое войско,
Тайно къ Литовцамъ ушли, — и Кейстутъ, князь Литовскій, ихъ принялъ,
Но приставилъ къ нимъ стражу, и въ замокъ повелъ за собою.
Тамъ онъ спросилъ ихъ: откуда они и зачѣмъ перешли къ нимъ?
«Мнѣ не извѣстны, такъ рыцарь отвѣтилъ, ни родъ мой, ни имя;
Былъ я ребенкомъ, когда меня Нѣмцы взяли въ неволю.
Помню я только, что гдѣ-то въ Литвѣ, средь большаго селенья,
Домъ былъ отца моего; село на высокихъ пригоркахъ
Было изъ лѣса построено; домъ нашъ былъ красный, кирпичный;
Вкругъ тѣхъ холмовъ, на равнинахъ шумѣла еловая роща,
А вдалекѣ за лѣсами виднѣлися озера воды.
Ночью однажды отъ сна пробудили насъ громкіе вопли;
Огненный день къ намъ изъ оконъ сверкалъ, и лопались стекла,
Дымъ клубился по комнатамъ; мы побѣжали къ воротамъ;
Пламя по улицамъ вѣяло; искры сыпались градомъ;
Крикъ раздавался ужасный: «къ оружію! въ городѣ Нѣмцы!»
Мечъ обнаживъ, мой отецъ побѣжалъ, но назадъ не пришелъ онъ.
Нѣмцы въ нашъ домъ ворвались; одинъ устремился за мною,
Скоро настигъ, посадилъ на коня, а ужъ дальше не помню;
Только матери крики слышались долго мнѣ, долго.
Сквозь оружія трескъ, сквозь грохотъ валящихся зданій,
Крикъ тотъ преслѣдовалъ долго меня и въ слухѣ остался.
Даже теперь, когда вижу пожаръ я и слышу тревогу,
Крикъ тотъ въ душѣ пробуждается вновь, какъ порой отголосокъ
Грома въ пещерѣ. Вотъ все, что я вынесъ изъ отчаго дома,
Вынесъ изъ родины. Лишь иногда въ сновидѣньяхъ я вижу
Ликъ благородный отца, и матери милой и братьевъ;
Но чѣмъ дальше живу я, тѣмъ больше въ таинственномъ мракѣ
Ихъ дорогія черты предо мной исчезаютъ изъ вида.
Дѣтство мое миновало; межъ Нѣмцами жилъ я, какъ Нѣмецъ;
Вальтеромъ звали меня между ними, по прозвищу Альфомъ;
Нѣмецъ по имени былъ я, Литовцемъ остался душою;
Въ ней сохранилось тоска по отчизнѣ, вражда къ чужеземцамъ.

Я былъ воспитанъ въ чертогахъ Винриха, магистра Тевтоновъ,
Самъ онъ меня окрестилъ, и любилъ, и лелѣялъ, какъ сына.
Но тосковалъ я въ палатахъ; часто съ колѣней Винриха,
Я убѣгалъ къ вайделоту: тогда у Тевтоновъ въ неволѣ
Жилъ, приведенный давно изъ Литвы, вайделотъ престарѣлый
Онъ былъ у нихъ толмачемъ, и, узнавъ обо мнѣ стороною,
Что сирота и Литвинъ я, нерѣдко меня призывалъ онъ
И про Литву говорилъ, и душу унылую лаской,
Звуками рѣчи родимой и пѣснью во мнѣ оживлялъ онъ.
Часто водилъ онъ меня на лазурныя Нѣмана воды;
Жадно оттуда смотрѣлъ я на милыя горы отчизны.
Но возвращаясь домой, старикъ отиралъ мои слезы,
Чтобъ не навлечь подозрѣнья; но, слезы мои отирая,
Мщеніе къ Нѣмцамъ во мнѣ возжигалъ. И я помню какъ въ замкѣ,
Послѣ пришедши, украдкой я ножикъ точилъ, и со злобной
Радостью рѣзалъ ковры, разбивалъ зеркала дорогія,
Грязью бросалъ и плевалъ на щитъ магистра блестящій.
Юношей ставши, нерѣдко я въ латахъ у порта Клейпеды,
Сѣвъ съ вайделотомъ въ ладью, отправлялся на берегъ литовскій:
Рвалъ тамъ родные цвѣты, и волшебное ихъ благовонье
Въ душу вливало какую-то темную память о прошломъ.
Запахомъ тѣмъ упоенный, казалось, какъ будто я снова
Въ отчемъ саду, какъ ребенокъ, играю съ малюткою братомъ.
Памяти старецъ моей помогалъ: онъ родными словами,
Лучше травъ и цвѣтовъ, рисовалъ мнѣ минувшее счастье.
Какъ отрадно въ отчизнѣ, съ друзьями и кровными вмѣстѣ,
Юности дни проводить; и сколько литовскихъ малютокъ .
Этого счастья не знаютъ и плачутъ въ оковахъ у Нѣмцевъ.
Тамъ онъ разсказывалъ въ полѣ; но тамъ, у прибрежья Полонги,
Гдѣ разбивается грудью гремящею бѣлое море,
И опѣненною пастью потоки песку извергаетъ:
«Видишь ли, онъ говорилъ мнѣ, — ковры прибрежнаго луга?
Ихъ ужъ песокъ покрываетъ. Видишь душистыя травы?
Силятся тщетно онѣ пробуравить покровъ свой могильный....
Ахъ! та песчаная гидра снова на нихъ налегаетъ,
Снова подъ саваномъ бѣлымъ скрываетъ веселіе жизни
И разстилаетъ кругомъ унылое царство пустыни.
Сынъ мой! весеннія травы, зарытыя вживѣ въ могилу,
То покоренный народъ, то братія наши, Литовцы;
Сынъ мой! морскіе пески, несомые бурей, — то Орденъ.»
Слушалъ я старца и сердце болѣло, и я ужъ готовъ былъ

Всѣхъ крестоносцевъ избить, или тайно въ Литву удалиться.
Но старикъ, укрощая мой пылъ молодой, говорилъ мнѣ:
«Вольнымъ рыцарямъ только оружія выборъ дозволенъ,
Въ полѣ открытомъ сражаться имъ съ равными силами можно.
Съ Нѣмцами лучше останься, учись у нихъ ратному дѣлу,
Въ милость войди къ нимъ, а тамъ мы увидимъ, что должно
нам дѣлать.»
Старца послушался я, и пошелъ за полками Тевтоновъ;
Но лишь только въ сраженьи завидѣлъ знамена отчизны,
Только услышалъ родныя военныя пѣсни Литовцевъ,
Бросился мигомъ къ своимъ и старца увлекъ за собою.
Такъ изъ гнѣзда похищенный и въ клѣткѣ воскормленный соколъ:
Пусть помрачатъ въ немъ разсудокъ охотники страшною мукой,
И выпускаютъ для боя потомъ противъ соколовъ — братьевъ;
Но лишь взовьется онъ въ тучи, лишь пламеннымъ взоромъ окинетъ
Всѣ безпредѣльныя страны своей лучезарной отчизны,
Воздухомъ вольнымъ дохнетъ и шумъ своихъ крыльевъ почуетъ....
Ловчій! домой воротись, и не жди его съ клѣткою болѣ!»
Юноша кончилъ. Кейстутъ ему жадно внималъ, и внимала
Дочь Кейстута Альдона, какъ ангелъ прелестная дѣва.
Осень пришла, и длиннѣе сталъ съ нею и сумракъ вечерній;
Дочь Кейстута въ кругу сестеръ и подружекъ веселыхъ
Вечеръ за пяльцами или за прялкою весь проводила.
Но сверкаютъ ли иглы, вертятся ль, гудя, веретёна, —
Вальтеръ при ней, говоритъ чудеса про нѣмецкую землю,
Или про юность свою. И все, что разсказывалъ Вальтеръ,
Дѣва и слухомъ ловила, и мыслію жадно глотала,
Все затвердила на память и часто во снѣ повторяла.
Вальтеръ разсказывалъ ей, какъ за Нѣманомъ замки велики,
Какъ тамъ богаты уборы, какъ шумны и пышны забавы,
Какъ на турнирахъ тамъ храбрые рыцари копья ломаютъ,
А съ балкона красавицы ихъ награждаютъ вѣнцами.
Онъ ей повѣдалъ о Богѣ великомъ, за Нѣманомъ чтимомъ,
О Пресвятой Богоматери — Дѣвѣ, и ликъ ея свѣтлый,
Ангельскій, онъ показалъ ей на маленькой чудной иконѣ.
Съ вѣрою эту икону носилъ на груди онъ доселѣ,
Но подарилъ ее дѣвѣ, когда обращалъ ее къ вѣрѣ,
И молиться училъ; онъ хотѣлъ передать ей словами
Все, чему самъ научился, но, бѣдный, и то передалъ ей,
Въ чемъ былъ неопытенъ самъ: любить научилъ онъ Альдону.
Многое самъ онъ узналъ: съ какимъ наслажденьемъ внималъ онъ

Звукамъ литовскихъ рѣчей отъ нея, давно имъ забытымъ.
Съ каждымъ воскреснувшимъ словомъ, въ немъ новое чувство рождалось,
Будто искра изъ пепла; то сладкія были названья
Дружбы, сладостной дружбы, родство и еще ихъ милѣе
Сердцу отрадное слово, слово любви, предъ которымъ
Всѣ другія слова ничто, кромѣ слова — отчизна.
«Что это? думалъ Кейстутъ, — какъ Альдона моя измѣнилась?
Гдѣ ея дѣлась веселость? гдѣ прежнія дѣтскія игры?
Въ праздникъ всѣ наши дѣвицы выходятъ на пляску, играютъ, —
А она все одна, иль бесѣдуетъ съ Вальтеромъ дома.
Въ будни дѣвицы сидятъ за работой съ иглой или прялкой,
А у нея выпадаетъ игла или спутаны нитки;
Будто не видитъ, что дѣлаетъ; всѣ говорятъ мнѣ объ этомъ.
Самъ я замѣтилъ вчера, какъ она цвѣточекъ у розы
Вышила шелкомъ зеленымъ, листочки же красною нитью.
Гдѣ-жъ ей и видѣть, бѣдняжкѣ, когда ея очи и мысли
Взоровъ лишь Вальтера ищутъ, лишь Вальтера ищутъ бесѣды?
Вѣчно, когда ни спрошу я: куда ты ходила? — въ долину..
Гдѣ ты была? — въ долинѣ. Да чтожъ тамъ въ долинѣ? тамъ Вальтеръ
Садикъ развелъ ей. Ужели тотъ садикъ прекраснѣе сада
Въ замкѣ моемъ? (А у князя сады были точно на диво:
Полные яблонь и грушъ и ковенскимъ дѣвамъ приманка).
Только не садъ ее манитъ; зимой я видалъ ея окна;
Цѣльныя стекла тѣхъ оконъ, глядящихъ на Нѣманъ, бывало
Чисты, какъ въ майскую пору, — ни льдинки на стеклахъ прозрачныхъ:
Вальтеръ тамъ часто проходитъ; его у окна поджидая,
Видно, горячимъ дыханьемъ тѣ льдинки она растопила.
Слышалъ я, что князья всѣ дѣтей своихъ учатъ, и думалъ,
Что онъ научитъ Альдону читать и писать, какъ умѣетъ.
Малый онъ добрый и храбрый и грамоту знаетъ какъ инокъ:
Какъ его изъ дому выгнать? теперь для Литвы онъ такъ нуженъ:
Кто такъ сумѣетъ войско построить, окопы насыпать,
И съ огнестрѣльнымъ оружіемъ справиться? да, онъ замѣнитъ
Цѣлое войско одинъ мнѣ собою. Поди сюда, Вальтеръ!
Будь моимъ зятемъ отнынѣ и съ нами воюй за Литовцевъ.»
Вальтеръ сталъ мужемъ Альдоны. Вы полагаете, Нѣмцы,
Здѣсь и конецъ моей повѣсти? Въ вашихъ любовныхъ романахъ
Свадьбою рыцаря вѣчно кончается пѣснь трубадура,

Развѣ прибавить, что жили долго и были счастливы.
Вальтеръ Альдону любилъ; но душою онъ былъ благороденъ:
Счастія знать онъ не могъ, ибо не было счастья въ отчизнѣ.
Снѣгъ растаялъ — и жаворонокъ первую пѣсню заводитъ:
Странамъ другимъ эта пѣснь обѣщаетъ любовь и отраду;
Бѣдной Литвѣ лишь она предвѣщаетъ пожары и битвы;
Вотъ ужъ полки крестоносцевъ сбираются страшною силой,
Ужъ изъ-за Нѣманскикъ горъ доносятся эхомъ до Ковно
Крики ихъ войска, оружія шумъ и ржаніе коней.
Будто туманъ разстилается станъ ихъ, облекшій равнину;
Здѣсь и тамъ блистаютъ знамена переднихъ отрядовъ,
Какъ передъ бурею молнія. Нѣмцы у берега стали,
Мостъ навели черезъ Нѣманъ и Ковно кругомъ обложили.
Каждый день отъ тарановъ ихъ падаютъ стѣны и башни *),
Каждую ночь, какъ кроты, они землю буравятъ въ подкопахъ;
Бомбы огнистымъ полетомъ взлетаютъ подъ самое небо **),
И, будто соколъ на птицъ, съ высоты ударяютъ на кровли.
Ковно въ развалинахъ пала, Литовцы уходятъ въ Кейданы;
Пали Кейданы, — Литовцы въ горахъ и лѣсахъ укрѣпились;
Нѣмцы съ огнемъ и мечемъ все далѣ стремятся за ними.
Вальтеръ съ Кейстутомъ переднiе въ битвѣ, послѣднiе въ бѣгствѣ.
Вѣчно спокоенъ Кейстутъ: онъ, отважный, привыкъ съ мало-
лѣтства
Биться съ врагомъ, нападать, побѣждать, уходить, защищаясь.
Зналъ онъ, что предки его съ Тевтонами вѣчно сражались;
Шелъ по слѣдамъ своихъ предковъ, о будущемъ вовсе не думалъ.
Вальтеръ же думалъ не такъ: воспитанный между Тевтоновъ,
Ордена силу онъ зналъ; онъ зналъ, что воззванье магистра
Съ цѣлой Европы сберетъ и оружье, и войско, и деньги.
Пруссія такъ защищалась, но пала подъ иго Тевтоновъ:
Рано иль поздно Литва испытаетъ такую же участь.
Пруссіи горе онъ зналъ и душой за Литву сокрушался.
«Сынъ мой! Кейстутъ восклицаетъ: ты предсказатель зловѣщій:
Снялъ мнѣ завѣсу съ очей и открылъ предстоящую бездну.
Только послушалъ тебя я, — и руки мои опустились,
И съ надеждой побѣды отвага изъ сердца умчалась,
Что же намъ съ Нѣмцами дѣлать?» — «Отецъ, — отвѣчалъ ему
Вальтеръ, —

*) Dzien w dzien od taranow wao się, mury i baszty

**) Pod niebiosami ognistym unosi się bomba polotem

Знаю я способъ одинъ, — то способъ ужасный, но вѣрный!
Послѣ, быть можетъ, его я открою.» Такъ послѣ сраженья
Разъ говорили они, пока ихъ тревога и трубы
Вновь не призвали къ новымъ сраженьямъ и къ бѣдствіямъ новымъ.
Съ каждымъ часомъ Кейстутъ становился печальнѣй, а Вальтеръ
Какъ измѣнился! и прежде большаго веселья не зналъ онъ;
Даже въ счастливое время задумчивость легкимъ туманомъ
Часто лицо омрачала его; но въ объятьяхъ Альдоны
Взоръ его прежде былъ свѣтелъ, лицо его было спокойно,
Онъ улыбкой встрѣчалъ ее, нѣжнымъ взоромъ прощался;
Но теперь его духомъ какая-то грусть овладѣла;
Цѣлое утро предъ домомъ стоитъ онъ, и, руки сложивши,
Смотритъ на дымъ горящихъ вдали городовъ и селеній,
Смотритъ такъ дико, а ночью вдругъ вскочитъ отъ сна и въ окошко
Долго, долго глядитъ на кровавое пламя пожаровъ.
«Милый супругъ? что съ тобой? говоритъ со слезами Альдона.
— Что со мною? могу ли спокойно я спать, ожидая
Съ каждой минутой, что Нѣмцы ворвутся сюда и, связавши
Соннаго, въ руки своихъ палачей отдадутъ на потѣху?
— Боже избави, мой милый! вѣдь стража стоитъ на окопахъ.
— Стража стоитъ тамъ, и самъ я не сплю, и при мнѣ моя сабля,
Если же стража погибнетъ, если притупится сабля....
Слушай: если придется дожить мнѣ до старости горькой....
— Богъ намъ пошлетъ утѣшеніе въ дѣтяхъ. — «А Нѣмцы ворвутся, —
Матерь убьютъ, похитятъ дѣтей, увезутъ ихъ далеко
И научатъ ихъ стрѣлы пускать въ отца ихъ роднаго.
Такъ, быть можетъ, и я убійцей родителей сталъ бы,
Если бы не вайделотъ.» — Милый Вальтеръ! уйдемъ же отсюда
Дальше въ Литву и сокроемся въ лѣсъ или въ горы отъ Нѣмцевъ!
— Какъ! мы уйдемъ и покинемъ другихъ матерей и малютокъ?
Такъ уходили и Пруссы, а Нѣмцы въ Литвѣ ихъ настигли:
Что если насъ они сыщутъ въ горахъ?» — «Такъ дальше уѣдемъ.
— Дальше? куда же, несчастная, дальше уйдемъ за Литву мы?
Въ руки Татаръ или Русскихъ?» — На это въ смущеньи Альдона
Вдругъ умолкала. А ей все казалось, что край ихъ родимый
Такъ безконечно обширенъ и долгъ, какъ міръ поднебесный;
Нынче-жъ узнала впервые, что нѣтъ и въ Литвѣ имъ пріюта!
Руки ломала Альдона. — «Ахъ, Вальтеръ! что же намъ дѣлать?»
— «Средство одно лишь, Альдона, — одно остается Литовцамъ,
Силу врага сокрушить, и мнѣ это средство извѣстно.

Но, ради Бога, не спрашивай! Проклятъ да будетъ стократно
Часъ тотъ, въ которой враги меня къ этому средству принудятъ!»
Больше сказать не хотѣлъ онъ, не слушалъ моленій Альдоны, —
Только страданья Литвы предъ собою и слышалъ и видѣлъ.
Но наконецъ пламень мести, дотолѣ питаемый втайнѣ,
Видомъ страданій и бѣдствій въ груди его вновь возгорѣлся;
И заглушилъ въ немъ всѣ чувства, даже послѣднее чувство, —
Чувство любви, составлявшее жизни его утѣшенье.
Такъ огонь, разведенный у ногъ бѣловѣжскаго дуба
Ловчими, страшную рану вжигаетъ въ его сердцевинѣ, —
Царь величавый лѣсовъ теряетъ шумящіе листья,
Вѣтромъ развѣются вѣтви, — тогда и послѣдняя зелень —
Пышный вѣнецъ изъ амелы, его украшавшій, увянетъ.
Долго скитались Литовцы въ горахъ и въ лѣсахъ и по замкамъ,
То нападая на нѣмцевъ, то ихъ претерпѣвъ нападенья.
Вотъ на равнинахъ Рудавы свершилась кровавая битва;
Многія тысячи тамъ литовскихъ воителей пали,
Подлѣ такого-жъ числа воеводъ крестоносныхъ и братій.
Свѣжія силы изъ-за моря къ Нѣмцамъ на помощь приспѣли;
Вальтеръ съ Кейстутомъ, съ горстію храбрыхъ пробилися въ горы;
Сабли притуплены ихъ, щиты ихъ изрублены, сами
Пылью и кровью покрытые, мрачно вошли они въ домъ свой.
Вальтеръ ни взглядомъ жену, ни словомъ привѣтнымъ не встрѣтилъ;
Лишь говорилъ по-нѣмецки съ Кейстутомъ онъ и съ вайделотомъ.
Не понимала Альдона, но сердце ея предвѣщало
Что-то ужасное. Кончивъ свое совѣщанье, всѣ трое
Грустные взоры свои на нее обратили; но Вальтеръ
Долѣе всѣхъ на нее смотрѣлъ съ сокрушеньемъ безмолвнымъ,
Вдругъ изъ очей его хлынули слезы обильнымъ потокомъ;
Палъ онъ предъ ней на колѣна, къ сердцу прижалъ ея руки,
И умолялъ о прощеньѣ за все, что она претерпѣла.
— «Горе женѣ, говорилъ онъ, которая любитъ безумца!
Взоры его всегда летятъ за предѣлы селеній,
Мысли его, будто дымъ, высоко парятъ надъ домами,
Сердцу его не довольно домашняго мирнаго счастья.
Души великія ульямъ безмѣрно великимъ подобны:
Медъ ихъ не можетъ наполнить и станутъ гнѣздиться въ нихъ гады.
Другъ мой, Альдона! прости! — Сегодня останусь я дома,
Все я сегодня забуду, сегодня мы будемъ другъ другу,
Чѣмъ бывали когда-то.... а завтра»...... и кончить не смѣлъ онъ.
Радость Альдонѣ! ей тотчасъ приходитъ на мысли, что Вальтеръ

Вновь перемѣнится, будетъ спокоенъ и веселъ, какъ прежде;
Кажется ей: ужъ не такъ онъ задумчивъ, глаза оживились,
Легкимъ румянцемъ горятъ его щеки. И Вальтеръ
Цѣлый тотъ вечеръ провелъ, позабывъ на минуту о Нѣмцахъ
И о Литвѣ; говорилъ про счастливое время, какъ прибылъ
Онъ въ Литву, какъ впервые бесѣдовалъ съ милой Альдоной,
Вспомнилъ о первой прогулкѣ въ долину, о всѣхъ приключеньяхъ
Первой любви, ничтожныхъ и дѣтскихъ, но памятныхъ сердцу.
Чтожъ эту милую рѣчь прерываетъ онъ словомъ: «а завтра?»
И погружается въ думу, и долго глядитъ на Альдону,
Слезы сверкаютъ въ очахъ, что-то хочетъ сказать но не смѣетъ.
Развѣ на то лишь онъ вызвалъ всѣ прежнія чувства и памяти
Прежняго счастья, чтобъ съ ними на вѣки проститься? Ужели
Всѣ разговоры и всѣ того вечера нѣжныя ласки
Будутъ послѣднимъ, прощальнымъ сіяньемъ любви ихъ свѣтила?
Тщетны вопросы! Альдона съ сомнѣніемъ смотритъ на мужа,
И, удалившись изъ горницы, въ щелку стѣны заглянула:
Вальтеръ вино наливалъ и многіе кубки онъ выпилъ,
И на всю ночь при себѣ удержалъ старика вайделота.
Солнце едва поднялось, — зазвучали копыта по камнямъ:
Съ утреннимъ раннимъ туманомъ два рыцаря въ горы несутся.
Всякую стражу они обманули бы, кромѣ единой;
Зорокъ любящій взоръ: отгадала ихъ бѣгство Альдона,
И забѣжала впередъ на дорогу. Грустна́ была встрѣча!
—«Милая! въ домъ возвратись! возвратись! ты будешь счастлива;
Будешь, быть можетъ, счастлива въ объятьяхъ отчизны любезной;
Ты молода и прекрасна, найдешь утѣшенье, забудешь!
Много князей домогалось когда-то руки твоей милой;
Ты свободна теперь, ты вдова великаго мужа,
Мужа, который отчизнѣ пожертвовалъ даже тобою!
Другъ мой! забудь обо мнѣ! лишь порою поплачь о несчастномъ:
Вальтеръ твой все потерялъ; онъ остался теперь одинокимъ,
Точно вѣтеръ въ пустынѣ; онъ долженъ скитаться по свѣту,
Кровь проливать, измѣнять и позорною смертью погибнуть.
Но — лѣта протекутъ — и Альфа славное имя
Снова въ Литвѣ загремитъ; ты услышишь изъ устъ вайделота
Вѣсть о дѣяньяхъ его, и тогда, дорогая ты вспомнишь,
Что этотъ рыцарь ужасный, одѣянный тучею тайны,
Былъ тебѣ лишь знакомъ, и когда-то твоимъ былъ супругомъ:
Пусть это гордости чувство тебя въ сиротствѣ утѣшаетъ!»
Молча внимала Альдона, хотя не слыхала ни слова.

— Ѣдешь, ты ѣдешь! вскричала она и сама испугалась
Слова: «ты ѣдешь» — оно лишь одно въ ея слухѣ звучало;
Не было мыслей у ней, ни памяти, — всѣ ея мысли,
Думы о прошломъ, мечты о быломъ — все слилось и смѣшалось:
Но отгадала лишь сердцемъ, что нѣтъ для нея ужъ возврата,
Нѣтъ и забвенья. Кругомъ обращая блуждавшіе взоры,
Нѣсколько разъ встрѣчала она взоръ дикій супруга;
Въ этомъ взорѣ давно ужъ она не видала отрады,
И, казалось, еще чего-то искала, и снова
Все озиралась кругомъ: — но кругомъ — лишь лѣса и пустыни!
Только средь лѣса, за Нѣманомъ, башня стоитъ одиноко:
Инокинь бывшій пріютъ, печальное зданіе вѣры.
Къ этой-то башнѣ стремятся и взоры и мысли Альдоны:
Такъ голубокъ, захваченный вѣтромъ надъ бездною моря,
Падаетъ въ страхѣ на мачты, завидя корабль незнакомый.
Вальтеръ понялъ Альдону, онъ молча поѣхалъ за нею,
Все ей открылъ, но просилъ сохранить отъ людей его тайну,
И наконецъ у воротъ..... ахъ! горестно было прощанье!
Альфъ съ вайделотомъ уѣхалъ — и нѣтъ о нихъ вѣсти донынѣ.
Горе, горе ему, если онъ не свершилъ своей клятвы,
Если, отрекшись отъ счастья, сгубилъ онъ и счастье Альдоны,
Если пожертвовавъ столько, принесъ онъ напрасную жертву!....
Будущность скажетъ, что будетъ. Нѣмцы! я пѣсню покончилъ.

Уже-ль конецъ? и въ залѣ крикъ и шумъ:
Кто-жъ Вальтеръ тотъ? что сдѣлалъ онъ такое?
Гдѣ онъ? кому то мщенье роковое?
Одинъ магистръ, исполненъ мрачныхъ думъ,
Среди гостей поникнулъ головою;
Но, тронутый глубоко, онъ хваталъ
Бокалъ съ виномъ и залпомъ осушалъ.
И на его лицѣ воспламененномъ,
Какъ молніи въ сіяніи мгновенномъ,
Различныхъ чувствъ являлся смутный рой;
И все грознѣй чело его темнѣетъ,
Дрожатъ уста и взоры дико рѣютъ,
Какъ ласточки предъ близкою грозой.
И, сбросивъ плащъ, бѣжитъ въ средину залы:
Гдѣ-жъ пѣсни той конецъ? Сейчасъ мнѣ спой!

Иль дай сюда мнѣ лютню! Что съ тобой?
Что ты дрожишь? Налей вина въ бокалы!
И если что страшитъ тебя, пѣвецъ, —
Дай лютню мнѣ, — я самъ спою конецъ!

Я знаю васъ: всѣхъ вайделотовъ пѣнье
Грозитъ бѣдой, какъ псовъ зловѣщій вой;
Вамъ любо пѣть пожаръ и смертный бой,
Оставивъ славу намъ и угрызенье;
Да, пѣсня та, коварная, какъ змѣй,
Младенца грудь наполнитъ злой отравой,
И онъ томится глупой жаждой славы
И съ ней — любовью къ родинѣ своей.

Она идетъ за юношей по слѣду,
Какъ тѣнь врага убитаго; порой
Вдругъ явится къ пирующимъ въ бесѣду,
И кровь вольетъ въ ихъ кубокъ круговой.
Ахъ! я слыхалъ не разъ въ былыя лѣта
Ту пѣснь.... ты мнѣ знакомъ, хитрецъ сѣдой!
Ты побѣдилъ!... война — тріумфъ поэта.... *)
Давай вина! обѣтъ свершится мой!

Я кончу пѣснь.... иль пѣть, спою иную;
Когда въ горахъ Кастиліи я былъ,
Баллады пѣть Арабъ меня училъ.
Старикъ! съиграй мнѣ пѣсню ту родную,
Пѣснь юныхъ дней.... о драгоцѣнный мигъ!
Подъ этотъ звукъ я пѣть всегда привыкъ....
Назадъ старикъ! не то.... клянусь богами
Нѣмецкими и прусскими....» И вотъ
Вновь возвратился старецъ вайделотъ
И лютню взялъ дрожащими руками,
И робкою, невѣрною игрой
Сопровождалъ напѣвъ Конрада дикой:
Такъ за своимъ разгнѣваннымъ владыкой
Влачится рабъ дрожащею стопой.

Но между тѣмъ ужъ лампы угасали,
И рыцари дремали вкругъ столовъ,

*) Wojna — tryumf dla poety.

Но лишь Конрадъ запѣлъ, — всѣ снова встали,
Сомкнулись въ кругъ и съ жадностью внимали
Пѣвцу, слѣдя за каждымъ звукомъ словъ.

Альпухара.

Баллада.

Въ развалинахъ крѣпости Мавровъ лежатъ,
Узнала неволю ихъ сила;
Однѣ лишь твердыни Гранады стоятъ,
Но городъ чума заразила.

Въ стѣнахъ Альпухары немного бойцовъ
Засѣло съ вождемъ Альманзоромъ:
На утро Испанецъ на приступъ готовъ
И двинется дружнымъ напоромъ.

Съ разсвѣтомъ орудья твердыню громятъ, —
И стѣны, и валъ сокрушились,
И вотъ минареты крестами горятъ,
И въ замокъ Испанцы вломились.

Своихъ Альманзоръ озираетъ людей:
Всѣ пали — одинъ онъ остался;
Онъ мощной рукою сквозь тучи мечей
Пробилъ себѣ путь — и умчался.

И шумно въ чертогахъ, разбитыхъ войной,
Ватага побѣдой надменныхъ
Межъ труповъ пируетъ, льетъ вина рѣкой
И дѣлитъ добычу и плѣнныхъ.

Но вдругъ отъ воротъ, гдѣ кончается валъ,
Къ начальнику стражъ прибѣгаетъ:
Невѣдомый витязь въ ихъ станъ прискакалъ
И тайну открыть имъ желаетъ.

И вотъ онъ явился, — то самъ Альманзоръ,
Властитель Арабовъ надменный:
Презрѣлъ онъ постыднаго плѣна позоръ,
Лишь молитъ о жизни смиренно.

«Испанцы! смотрите, склоняюсь челомъ
Предъ вами во прахѣ порога;
Хочу быть рабомъ, лишь молю объ одномъ:
Да вѣдаю вашего Бога!

«Монархъ побѣжденный, геройство цѣня,
Быть вашимъ вассаломъ желаетъ....
Испанцы! примите, какъ друга, меня,
И міръ вашу славу узнаетъ.»

Почтили Испанцы врага своего, —
За доблесть онъ чести достоинъ, —
И всѣ обнимаютъ, лобзаютъ его,
Какъ друга, — начальникъ и воинъ.

И лаской на ласки привѣтныя ихъ
Съ любовью Арабъ отвѣчаетъ,
Лобзаетъ ихъ нѣжно, но крѣпче другихъ
Начальника онъ обнимаетъ.

Но вдругъ, какъ безумный, потрясъ головой
И рухнулъ на землю съ проклятьемъ,
Колѣна вождя онъ опуталъ чалмой
И сжалъ ихъ могучимъ объятьемъ.

И всѣ на него съ изумленьемъ глядятъ:
Глаза его кровью налились,
И вздулись, и пламенемъ страшнымъ горятъ;
Уста, посинѣвъ, искривились.

«Смотрите, гяуры, на дѣло мое:
Я васъ награждаю чумою;
Въ Гранадѣ я былъ и оттуда ее
Принесъ вамъ въ подарокъ съ собою.

«И знайте, — заразу я въ сердце вамъ влилъ
Своимъ ядовитымъ лобзаньемъ:
Какъ я здѣсь умру, такъ лишенные силъ,
Умрете вы съ адскимъ страданьемъ!»

Онъ рвется, хохочетъ, бросается къ нимъ,
Хватаетъ ихъ ноги и руки,

Онъ хочетъ предсмертнымъ объятьемъ своимъ
Въ Испанцевъ излить свои муки.

И умеръ предъ ними съ проклятьемъ въ устахъ
И съ хохотомъ злобы змѣиной;
Но радость осталась въ отверстыхъ глазахъ,
Въ чертахъ, искаженныхъ кончиной.

Смутясь, изъ развалинъ Испанцы ушли,
Спасаясь отъ гибельной кары;
Но смерть ихъ настигла, — и всѣ полегли,
Не вышедъ изъ горъ Альпухары.

Вотъ какъ отмщали Мавры тѣхъ временъ!
Хотите-ль знать вы мщеніе Литвина?
Что если свой обѣтъ исполнитъ онъ
И язвою отравитъ ваши вина?
Нѣтъ, нѣтъ! теперь обычай ужъ не тотъ:
Да, князь Витольдъ! теперь приходятъ сами
Князья Литвы и насъ дарятъ землями,
Чтобъ месть излить на бѣдный свой народъ.

Не всѣ-жъ, однако.... нѣтъ! клянусь Перуномъ,
Есть и въ Литвѣ.... еще спою вамъ.... нѣтъ!
Прочь эту лютню.... прочь! порвались струны....
Не будетъ пѣсни.... но — услышитъ свѣтъ
Когда нибудь.... сегодня.... веселитесь,
Пируйте здѣсь.... а мнѣ.... довольно пить....
Ты-жъ, Аль.... манзоръ, прочь, старый! удалитесь
Съ Албаномъ! прочь! одинъ хочу я быть!»

Сказавъ, пошелъ нетвердою стопою,
И въ кресла палъ; пылающимъ лицомъ
Еще грозилъ кому-то, и ногою
Отбросилъ столъ съ посудой и виномъ;
И наконецъ ослабъ, глава склонилась
На грудь, и взоръ, блуждая, угасалъ,
Вкругъ блѣдныхъ губъ вдругъ пѣна появилась
И сонъ его объялъ.

И рыцари стоятъ въ недоумѣньи;
Извѣстенъ имъ порокъ магистра былъ,
Что онъ впадалъ невольно въ исступленье
И въ дикій гнѣвъ, когда безъ мѣры пилъ.
Но на пиру, при всѣхъ! — о посрамленье!
И этотъ гнѣвъ! Кто возбудилъ его?
Гдѣ вайделотъ? исчезъ среди смятенья, —
О немъ никто не знаетъ ничего.

Была молва, что самъ переодѣтый
Албанъ ту пѣснь литовскую пропѣлъ,
Что на невѣрныхъ къ брани пѣснью этой
Онъ хрисіанъ воспламенить хотѣлъ.
Но что могло такъ измѣнить Конрада?
Что такъ могло Витольда раздражить?
Что значила та дивная баллада?
Того никто не могъ себѣ рѣшить.

Война.

Война! Конрадъ не въ силахъ ужъ смирить
Народа дикій пылъ, совѣта рвенье:
Уже давно всѣ жаждутъ отомстить
Литвѣ набѣгъ, Витольду — ухищренья.

Витольдъ, который Орденъ умолялъ
О помощи для возвращенья Вильны,
Лишь на пиру извѣстье услыхалъ,
Что рыцари идутъ дружиной сильной
Въ походъ, онъ дружбѣ новой измѣнилъ:
Тайкомъ отъ нихъ съ вождями отступилъ.

И на пути въ ихъ замки онъ входилъ,
Съ магистерскимъ подложнымъ повелѣньемъ,
И стражу ихъ плѣнивъ, съ ожесточеньемъ
Весь край огнемъ, мечемъ опустошалъ.
Стыдомъ и гнѣвомъ Орденъ воспылалъ,
И на враговъ Христа идетъ войною.
И загремѣлъ изъ Рима буллы гласъ,
И по морямъ, по сушѣ понеслась
Рать христіанъ губительной грозою;
Съ пурпуровымъ крестомъ на раменахъ

Ведутъ князья своихъ вассаловъ вѣрныхъ,
И цѣль одна пылаетъ въ ихъ сердцахъ:
Иль окрестить, иль истребить невѣрныхъ.

Пришли въ Литву, и чтожъ свершили тамъ?
Желаешь знать? — взойди на валъ со мною,
Взгляни къ Литвѣ: тогда по вечерамъ
Увидишь тамъ, какъ зарево рѣкою
Кровавою течетъ по небесамъ.
Ахъ! то войны губительной творенье!
Ихъ описать не трудно: предъ тобой
Пожаръ, грабежъ, убійство и разбой —
Все для толпы безумной наслажденье;
Но съ трепетомъ мудрецъ въ немъ познаетъ,
Что къ небесамъ о мщеньи вопіетъ.

Все далѣ вѣтры пламя разносили,
Во глубь Литвы проникла Нѣмцевъ рать,
Былъ слухъ, что Ковно, Вильно осадили,
Но наконецъ извѣстій не слыхать.
И пламени ужъ нѣтъ въ странѣ окрестной,
И заревомъ не рдѣетъ сводъ небесный.
И тщетно Пруссы съ покоренныхъ странъ
И плѣнныхъ, и добычи ожидаютъ;
Напрасно шлютъ гонцовъ за вѣстью въ станъ:
Гонцы летятъ, но тамъ и пропадаютъ.
Съ томимою невѣдѣньемъ душой,
Всякъ былъ бы радъ и вѣсти роковой.

Прошла и осень; зимнія мятели
Засыпали дороги по горамъ;
Вновь небеса вдали запламенѣли,
Какъ заревомъ.... ужъ не пожаръ ли тамъ?
И блескъ огня все ярче и виднѣе,
И зарево все ближе и краснѣе.

Съ Маріенбурга вдаль глядитъ народъ:
Тамъ по снѣгамъ горсть путниковъ бредетъ.
Уже-ль Конрадъ полки ведетъ въ столицу?
Героевъ ли народу въ нихъ встрѣчать
Иль бѣглецовъ? гдѣ-жъ остальная рать?

И гдѣ вожди? Конрадъ подъялъ десницу
И на толпу бѣгущихъ указалъ....
Ахъ, самый видъ ихъ тайнѣ измѣнялъ:
Они бѣгутъ разсѣянной толпою,
И, утопая въ безднѣ снѣговой,
Другъ друга давятъ, топчутъ, какъ порою
На днѣ сосуда насѣкомыхъ рой;
Взбираются по трупамъ черезъ силу,
Пока опять напоръ толпы другой
Не сброситъ ихъ въ ту снѣжную могилу.
То мерзлыя стопы еще влачатъ —
И падаютъ, окованные хладомъ,
То, какъ столбы дорожные, стоятъ
Съ подъятыми руками передъ градомъ.
На встрѣчу имъ, смущенія полна,
Изъ города бѣжитъ толпа народа;
Вопросовъ нѣтъ: извѣстность всѣмъ страшна;
Событія несчастнаго похода
Изъ ихъ очей и лицъ они прочли.
Ихъ оковалъ мертвящій демонъ хлада,
Исчезла кровь изъ лицъ отъ гарпій глада *).
А гулъ литовскихъ трубъ звучитъ вдали, —
Погони гласъ! За ними вслѣдъ несется
Мятелица, гоня клубы снѣговъ,
И слышенъ вой вдали голодныхъ псовъ,
И стая хищныхъ птицъ надъ ними вьется....

Погибло все, и всѣхъ Конрадъ сгубилъ;
Онъ, пріобрѣтшій столько громкой славы
И храбростью и мудростью державы,
Онъ въ эту брань лѣнивъ и робокъ былъ.
Витольдомъ въ сѣть лукаво завлеченный
И жаждою отмщенья ослѣпленный,
Въ лѣса Литвы онъ рать свою загналъ,
И долго, вяло Вильну осаждалъ,
Когда-жъ запасъ, добычи истощились,
И голодъ станъ Тевтоновъ посѣтилъ,
Лукавый врагъ кругомъ все сторожилъ,

*) Harpya głoda ich lico wyssała.

Пресѣкъ пути, — подвозы прекратились,
И каждый день по сотнямъ гибъ народъ.
Пришла пора рѣшительнымъ напоромъ
Рѣшить войну, иль въ отступленьи скоромъ
Спасенія искать, — а Валленродъ,
Довѣрчивый, спокойный, безъ заботы,
Лишь тѣшился забавою охоты,
Иль, запершись, въ шатрѣ своемъ сидѣлъ,
О чемъ-то думалъ все, и не велѣлъ
Пускать къ себѣ вождей для совѣщанья.
И до того въ немъ бранный жаръ остылъ,
Что онъ къ мольбамъ своихъ безчувственъ былъ,
На слезы ихъ взиралъ безъ состраданья,
Въ защиту ихъ меча не обнажалъ,
А лишь по днямъ одинъ сидѣлъ уныло,
Или вдвоемъ съ Албаномъ разсуждалъ.

Межъ тѣмъ зима снѣга свои копила,
А князь Витольдъ съ запасомъ свѣжихъ силъ,
Ихъ окружилъ и станъ ихъ осадилъ.
О стыдъ для Ордена! о поношенье!
Магистръ ихъ съ битвы первый убѣжалъ.
Не лавры онъ съ добычею стяжалъ, —
Лишь вѣсть принесъ о горькомъ пораженьѣ!
Вы видѣли-ль, какъ съ грозной битвы той
Онъ мертвецовъ толпу привелъ домой?
Его чело и видъ мрачнѣе ночи,
Въ его чертахъ слѣды тоски нѣмой;
Страдаетъ онъ; но загляни лишь въ очи,
Какъ изъ большихъ зѣницъ его порой,
Изъ-подъ густой, опущенной рѣсницы,
Сверкаетъ взоръ, какъ будто блескъ зарницы.
Такъ грозная предвѣстница войны,
Комета блескъ свой трепетный бросаетъ,
Какъ въ часъ ночной — орудье сатаны,
Блудящій огнь, скитальца завлекаетъ.
И торжество, и злоба слиты въ немъ,
Горятъ, какъ будто дьявольскимъ огнемъ.
Вкругъ ропотъ, страхъ, — Конрадъ все презираетъ,
Онъ недовольныхъ на совѣтъ созвалъ,
Лишь подалъ знакъ, взглянулъ на нихъ, сказалъ —

О стыдъ! ему вновь каждый довѣряетъ;
Лишь Божій судъ въ людскихъ проступкахъ зритъ:
Да и кого-жъ боязнь не убѣдитъ?

Стой, гордый вождь! есть судъ и надъ тобою.
Въ Маріенбургѣ есть подземный залъ,
Тамъ тайно на совѣтъ ночной порою
Сбирается ужасный трибуналъ.

Одна лампада тускло освѣщаетъ
Тотъ мрачный сводъ и по ночамъ, и днемъ,
Въ срединѣ тронъ высокій окружаютъ
Двѣнадцать креселъ, и на тронѣ томъ
Закона книга тайная; — кругомъ
Двѣнадцать судій, всѣ въ одеждѣ черной
И масками закрытые, сидятъ:
Подземный сводъ — отъ глазъ толпы народной,
А маски другъ отъ друга ихъ таятъ.

Всѣ дали клятву вольнаго обѣта
Карать владыкъ за зло преступныхъ дѣлъ,
Иль явныхъ, иль скрываемыхъ отъ свѣта
Лишь приговоръ послѣдній прогремѣлъ, —
Прощенья нѣтъ отъ нихъ и братьямъ кровнымъ;
И каждый членъ иль днемъ, или въ ночи,
Свершить ту казнь обязанъ надъ виновнымъ:
На то при нихъ кинжалы и мечи.

И вотъ одинъ изъ тайныхъ, противъ трона
Вдругъ вставъ съ мечемъ предъ книгою закона,
Сказалъ: «о грозные судьи!
Нѣтъ больше подозрѣній, — всѣ они
Подтверждены: тотъ, кто передъ народомъ
Себя зоветъ Конрадомъ Валленродомъ, —
Не Валленродъ!
Кто онъ, того никто не вѣдаетъ и нынѣ;
Двѣнадцать лѣтъ назадъ, онъ къ рейнскимъ берегамъ
Откуда-то прибылъ, когда къ святымъ мѣстамъ
Шелъ рыцарь Валленродъ. Тогда въ его дружинѣ
Оруженосцемъ онъ его сопровождалъ.
Но рыцарь Валленродъ вдругъ безъ вѣсти пропалъ.

Оруженосецъ тотъ, въ убійствѣ обвиненный,
Изъ Палестины тайно убѣжалъ
И къ берегамъ Испаніи присталъ.
Тамъ въ битвахъ съ Маврами за храбрость отличенный
Не мало онъ наградъ въ турнирахъ получилъ,
И всюду тамъ за Валленрода слылъ.
И наконецъ, вступивъ въ чинъ инока священный,
На гибель Ордена магистромъ нашимъ сталъ.
Извѣстно вамъ самимъ, какъ онъ имъ управлялъ:
Когда сражались мы послѣднею зимою.
Съ морозомъ, съ голодомъ, съ Литвою,
Конрадъ одинъ въ лѣса, въ дубравы уѣзжалъ
На тайныя съ Витольдомъ совѣщанья.
Моимъ лазутчикамъ извѣстны всѣ дѣянья
Магистра, — ужъ давно за нимъ они слѣдятъ.
Разъ, сидя вечеромъ за башней угловою,
Не поняли они, что говорилъ Конрадъ,
Бесѣдуя съ отшельницею тою:
Но, судьи! то языкъ литовскій былъ!
Сообразивъ, что нынѣ сообщаютъ
Намъ тайные суды о немъ, что мнѣ открылъ
Лазутчикъ мой и то, что подтверждаетъ
Народная молва, — о судьи! я дерзну
Здѣсь на магистра наложить вину
Въ обманѣ, въ ереси, въ убійствѣ и въ измѣнѣ!»
Тутъ рыцарь палъ предъ книгой на колѣни,
На крестъ святой онъ руку положилъ,
И съ клятвою правдивость обвиненій
Онъ именемъ Господнимъ подтвердилъ
И святостью его за насъ мученій.

Умолкъ. Судъ принялъ дѣло въ разсмотрѣнье.
Ни голосовъ, ни тайныхъ нѣтъ рѣчей, —
Лишь головы движенье и очей
Ихъ грозное высказываетъ мнѣнье.
Чредою каждый къ трону приступалъ,
И, остріемъ кинжала поднимая
Листы той книги, тихо въ нихъ читалъ,
Гласъ совѣсти своей лишь вопрошая;

Размысливъ, руку къ сердцу прижималъ;
И вдругъ всѣ разомъ «горе»! возопили,
И стѣны эхомъ «горе»! повторили,
И въ словѣ томъ былъ весь ихъ приговоръ.
Всѣ поняли другъ друга; грозный взоръ
И вверхъ мечи подъятые сверкаютъ, —
Они на смерть Конрада обрекаютъ.
И молча вонъ идетъ судей соборъ,
И стѣны вслѣдъ имъ «горе!» повторяютъ.

Прощаніе.

Чуть брезжетъ утро; вьюга завываетъ,
А Валленродъ сквозь вихрь и снѣгъ летитъ,
И къ озеру свой бѣгъ онъ направляетъ;
Вотъ башня, — онъ мечемъ въ нее стучитъ.
Альдона! другъ! мы живы! здѣсь я снова!
Альдона! я исполнилъ мести слово:
Всѣ сгибли, всѣ, — и мой обѣтъ свершенъ!

Отшельница.

Альфъ! это голосъ Альфа! это онъ!
Ужели миръ? ты вновь со мною, милый,
И не уйдешь опять?

Альфъ.

О, всѣмъ святымъ
Молю тебя, не спрашивай, что было;
Вниманье все словамъ ты дай моимъ:
Они погибли; видишь ли пожары?
Знай — то Литва громитъ со всѣхъ сторонъ,
И во сто лѣтъ не заживутъ удары.
Стоглавый змѣй мной въ сердце пораженъ.
Ужъ нѣтъ казны — источника ихъ силы:
Кругомъ лишь кровь, и пепелъ, и могилы —
Творецъ ихъ я, — я свой обѣтъ свершилъ!
Ужаснѣе самъ адъ бы не отмстилъ, —
Я человѣкъ: довольно дѣлъ позорныхъ!
Я молодость провелъ въ обманахъ черныхъ,

Въ разбояхъ кровь я лилъ; но захирѣлъ
Теперь отъ лѣтъ, къ измѣнѣ охладѣлъ,
И жажда битвъ ужъ не волнуетъ груди.
Довольно мстить, — вѣдь Нѣмцы тоже люди.
Богъ просвѣтилъ меня; въ родной странѣ,
Въ Литвѣ я былъ и видѣлъ замокъ милый,
Твой ковенскій пріютъ, — теперь однѣ
Развалины — и я бѣжалъ унылый,
Бѣжалъ бѣгомъ къ долинѣ нашей, — тамъ
Все было такъ, какъ прежде: по лугамъ
Цвѣли цвѣты все тѣже, какъ въ далекой
Тотъ мигъ, когда вечернею порой
Простились мы съ долиною родной.
И ахъ! тогда въ тоскѣ моей глубокой
Казалось мнѣ, что было то вчера.
А помнишь ли ты камень тотъ высокій —
Прогулокъ нашихъ цѣль въ тѣ вечера?
Онъ тамъ; но такъ обросъ травой и мхами,
Что я его съ трудомъ могъ разсмотрѣть.
Я ихъ сорвалъ, омылъ его слезами.
Тамъ и скамья изъ дерна, гдѣ сидѣть
Могли мы въ зной подъ яворомъ съ тобою,
И тотъ родникъ, который насъ поилъ;
Все, все открылъ я тамъ, все посѣтилъ.
И садикъ твой, гдѣ я своей рукою
Рядъ вербъ сухихъ когда-то посадилъ,
Не тронутъ онъ, — и, подивись, другъ милый:
Тѣ вербы, вбитыя въ песокъ сухой,
Теперь дивятъ красой своей и силой,
И листъ на нихъ играетъ молодой,
И вѣтви ихъ покрыты вешнимъ пухомъ.
При видѣ ихъ я оживился духомъ;
Предчувствіемъ блаженства упоенъ,
Я ихъ лобзалъ, колѣнопреклоненный,
И къ Господу взывалъ: Творецъ вселенной!
Да сбудется души прекрасный сонъ:
Да оживемъ мы вновь въ странѣ родимой,
Среди полей и нивъ Литвы любимой,
Да въ тишинѣ нашъ вѣкъ тамъ потечетъ,
И листьями надежды зацвѣтетъ!
Рѣшись, уйдемъ! мое одно лишь слово —

Тебѣ отворитъ дверь, и будешь снова
Свободна ты; — но для чего приказъ?
Будь дверь та крѣпче стали во-сто разъ —
Я выломлю ее, разрушу силой,
И поведу тебя, о другъ мой милый,
Иль понесу къ долинѣ намъ родной;
Иль далѣе пойдемъ рука съ рукой;
Въ глухую сѣнь лѣсовъ уединенныхъ,
Гдѣ никогда не слышенъ бранный громъ,
Ни крикъ враговъ, побѣдою надменныхъ,
Ни стоны нашихъ братій побѣжденныхъ.
Вдали отъ всѣхъ, въ пріютѣ мирномъ томъ,
Я на груди твоей, въ тиши, въ покоѣ,
Забуду міръ, забуду все земное,
И буду жить лишь для тебя одной.....
О, согласись! уйдемъ!»..... Молчитъ Альдона.
Отвѣта ждетъ Конрадъ. Но вотъ зарей
Уже вдали блеснулъ край небосклона.
«Альдона! другъ! ужъ близокъ утра часъ,
Проснутся люди, стражъ увидитъ насъ.....
Альдона!»..... Такъ, дрожа отъ нетерпѣнья,
Взывалъ онъ къ ней; въ груди не стало силъ,
Онъ взорами отшельницу молилъ,
И простиралъ къ ней руки въ сокрушеньѣ,
И на колѣна у стѣны припалъ,
И камень хладной башни цѣловалъ.
«Нѣтъ, милый, нѣтъ! пора ужъ миновала, —
Печально, но спокойно отвѣчала
Ему она; — Богъ подкрѣпитъ меня
Перенести ударъ послѣдній; — я,
Входя сюда, клялася у порога
Для гроба лишь покинуть башни сводъ;
Сама съ собой боролась я, — и вотъ
Влечешь меня ты, другъ мой противъ Бога.
Ты хочешь возвратить на бѣлый свѣтъ
Одну лишь тѣнь, одинъ сухой скелетъ!
Что, если я безумная, мольбою
Увлечена твоей, къ тебѣ сойду,
На грудь твою съ восторгомъ упаду,
И узнана не буду я тобою!
И не привѣтъ, не ласку встрѣчу я, —

Но, отвратившись отъ меня, въ смущеньѣ,
Ты спросишь, другъ: ужель то привидѣнье
Моя Альдона, милая моя?
И взглянешь ты на ликъ мой истомленный,
Который.... ахъ! и мысль о томъ разитъ.....
Нѣтъ! пусть въ твоемъ умѣ красотъ Альдоны
Отшельница во вѣкъ не помрачитъ!
Я и сама, — прости мое признанье, —
Когда луна сильнѣй прольетъ сіянье,
Я отъ тебя скрываюсь за стѣной,
Чтобъ не былъ мнѣ замѣтенъ образъ твой:
Вѣдь, можетъ быть, и ты не тотъ ужъ нынѣ,
Какимъ когда-то былъ, когда въ дружинѣ
Литовскихъ силъ въ нашъ замокъ ты вступилъ.
Въ моихъ мечтахъ ты, другъ мой, сохранилъ
Свой прежній ликъ и взоръ, и станъ донынѣ;
Такъ мотылекъ, залитый янтаремъ,
Хранитъ на вѣкъ свой милый образъ въ немъ.
Альфъ! лучше намъ остаться ужъ такими,
Какими были нѣкогда, какими
Вновь свидимся, — но не въ краю земномъ.
Красу долинъ оставь счастливцамъ, милый,
Люблю я сводъ моей тюрьмы унылой,
Я счастлива и тѣмъ, что ты со мной,
Что вечеромъ я слышу голосъ твой.
О милый Альфъ! и здѣсь въ уединеньѣ
Свои страданья можно усладить:
Забудь навѣкъ пожаръ, измѣну, мщенье,
Старайся чаще, раньше приходить.
Послушай, — еслибъ здѣсь кругомъ равнины
Могъ насадить такую-жъ рощу ты,
Привезъ сюда и камень съ той долины,
И вербы и любимые цвѣты?
Порой сюда малютки селъ окрестныхъ
Придутъ кругомъ деревьевъ тѣхъ играть,
Плести вѣнки изъ тѣхъ цвѣтовъ прелестныхъ
И пѣснь Литвы мнѣ будутъ напѣвать.
Родная пѣснь мечты мои разбудитъ,
Навѣетъ сны о миломъ, о родномъ,
Потомъ.... потомъ, когда меня не будетъ.

Пусть ихъ поютъ на гробѣ, другъ, твоемъ *).»
Альфъ не слыхалъ: безъ мысли, безъ влеченья,
Безъ цѣли онъ бродилъ по берегамъ.
То льдистый холмъ, то мракъ пустыни тамъ
Его манилъ; средь видовъ запустѣнья
Какъ будто онъ усладу находилъ
Своей тоскѣ — въ тѣлесномъ изнуреньѣ.
Ревѣла вьюга, вѣтеръ бушевалъ;
Его гнететъ и душитъ средь долины;
Съ себя и плащъ, и панцырь онъ сорвалъ, —
Все сбросилъ съ груди, кромѣ лишь кручины.
Съ зорею онъ на валѣ городскомъ
Увидѣлъ чью-то тѣнь на косогорѣ;
Глядитъ, — но тѣнь все дальше и потомъ
Спустилась внизъ и скрылась въ снѣжномъ морѣ,
И только слышно: горе, горе, горе!

На этотъ звукъ очнувшись, изумленъ,
Подумалъ Альфъ и вмигъ все понялъ онъ.
И обнаживъ свой мечъ, въ негодованьѣ,
Бросается впередъ, кругомъ глядитъ
Съ тревогою: все пусто, снѣгъ валитъ,
И только слышно вѣтра завыванье.
Онъ къ берегамъ смущенный взоръ стремитъ,
И тихимъ шагомъ, съ думою глубокой,
Идетъ обратно къ башнѣ одинокой.

Альфъ издали Альдону увидалъ:
Она была въ окнѣ. Онъ ей вскричалъ:
«О добрый день! мы столько лѣтъ съ тобою
Видались тутъ ночною лишь порою;
А нынѣ — добрый день: такой привѣтъ —
Счастливый знакъ, спустя столь много лѣтъ!
Но угадай, зачѣмъ я здѣсь такъ рано?

Альдона.

Нѣтъ, нѣтъ! прощай! смотри, какъ надъ поляной
Кругомъ свѣтло: тебя узнаютъ. Нѣтъ,
Не умоляй. Простимся до свиданья;
Я не хочу, я не могу бѣжать.

*) Niech przyśpiewują i na Alfa grobie.

Альфъ.

Да ужъ и поздно! Лишь одно желанье, —
Узнай, о чемъ хочу я умолять?
Сбрось мнѣ цвѣтокъ на память.... нѣтъ, напрасно
Прошу цвѣтовъ, — ихъ въ кельѣ нѣтъ твоей, —
Хоть нитку брось съ одежды мнѣ своей,
Иль хоть повязку съ головы прекрасной,
Иль камешекъ, отпавшій отъ стѣны;
Дай *нынче* мнѣ его, — мы не должны
Надѣяться на завтра. Даръ прощальный,
Лежавшій нынѣ на груди твоей
И смоченный слезами, въ часъ печальный —
Въ часъ смерти я прижму къ груди своей.
И съ нимъ прощусь любви послѣднимъ взглядомъ.
Я долженъ пасть, — умремъ же вмѣстѣ! Тамъ
Ты видишь ли бойницу передъ градомъ?
Тамъ буду жить, — оттуда по утрамъ
Вывѣшивать платокъ я черный стану
И зажигать огонь по вечерамъ;
Ты все смотри туда: когда въ поляну
Я изъ окна отброшу тотъ платокъ,
Коль дó ночи потухнетъ огонекъ, —
Запри окно: я не приду ужъ болѣ.
Прощай!» — И онъ исчезъ въ далекомъ полѣ.
Еще глядитъ Альдона у окна,
Припавъ къ рѣшеткѣ. День прошелъ. Стемнѣло.
Но долго тамъ была еще видна
Ея одежда пеленою бѣлой,
Играющею съ вѣтрами во мглѣ
И двѣ руки, простертыя къ землѣ.

«Вотъ наконецъ зашло!» — сказалъ уныло
Албану Альфъ, взглянувъ на небосклонъ
Изъ башни той, гдѣ затворившись, онъ
Сидѣлъ съ утра, смотря на окна милой.
«Дай плащъ и саблю, — къ башнѣ я пойду, —
Прощай, слуга мой вѣрный! до свиданья,
А, можетъ быть, на вѣкъ.... вотъ завѣщанье
Тебѣ мое: другъ, если не приду
Сюда назадъ я завтра до разсвѣта,
Тогда оставь, покинь жилище это.

Еще хочу тебѣ сказать я.... ахъ!
Какъ одинокъ я! нѣтъ ни въ небесахъ,
Ни на землѣ, кому бы, умирая,
Могъ слово я сердечное сказать, —
Она да ты — и только; но узнать
Она должна. Прощай, Албанъ! когда я
Не возвращусь — ты сбрось отсюда ей
Платокъ.... но чу! стучатъ тамъ у дверей!»

«Кто идетъ? трикратно стража восклицаетъ.
«О горе!» крикнулъ дикій гласъ толпы;
Ея напору стража уступаетъ,
И слышатся тяжелыя стопы;
Они идутъ по нижней галлереѣ,
По лѣстницѣ чугунной и витой,
Которая ведетъ въ его покой;
И голоса становятся слышнѣе.
Поспѣшно дверь запоромъ заслонивъ,
Альфъ вынулъ мечъ, и кубокъ свой наливъ,
Пошелъ къ окну. — «Все кончено со мною!»
Сказалъ и выпилъ. «Старецъ! за тобою!»

Тотъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ схватить бокалъ,
Но вдругъ поникъ главою съ думой грозной.
За дверью вопль и шумъ слышнѣе сталъ;
Рука упала.... то они! ужъ поздно!

Старикъ! ты понялъ этотъ шумъ и вой?
Что-жъ медлишь ты? ужъ кубокъ выпитъ мой. —
А твой готовъ.... пей! доля за тобою!»
Албанъ глядѣлъ съ безмолвною тоскою.

«Нѣтъ! я тебя переживу, — я самъ
Глаза твои закрою: одинокій
Я буду жить, чтобъ сохранить вѣкамъ
И славу дѣлъ и подвигъ твой высокій.
Пойду по городамъ, по селамъ я,
Куда-жъ пути не проложу стопами,
Туда сама домчится пѣснь моя:
Споетъ ее и бардъ передъ полками,
И дома мать въ кругу своихъ дѣтей.

Да, будутъ пѣть, и эта пѣснь съ годами
За насъ подниметъ мстителя костей!» *)

Альфъ на окно припалъ и со слезами
На башню долго, долго онъ глядѣлъ,
Какъ будто бы въ послѣдній разъ хотѣлъ
Налюбоваться видомъ сердцу милымъ.
Онъ обнялъ старца, вздохи ихъ слились
Въ объятіи безмолвномъ и уныломъ.
За дверью стукъ и крики раздались,
И рыцари съ проклятьемъ ворвались.

«Твой часъ пробилъ, измѣнникъ! надъ тобою
Свершится казнь; покайся во грѣхахъ;
Вотъ духовникъ, — очистися душою
И здѣсь умри въ примѣръ другимъ и страхъ!»

Но Альфъ съ мечемъ ихъ встрѣтилъ обнаженнымъ,
Вдругъ поблѣднѣлъ, затрясся, и припавъ
Безъ силъ къ окну предъ сонмомъ изумленнымъ,
И съ гордымъ взглядомъ плащъ съ себя сорвавъ,
Къ ногамъ повергъ магистра облаченье
И сталъ топтать съ улыбкою презрѣнья.

«Вотъ весь мой грѣхъ! я умереть готовъ!
Чтожъ вамъ еще? отчета ли хотите
Въ правленіи моемъ? Ну, такъ взгляните
На груды тѣлъ, на пепелъ городовъ!
Чу! слышитель вы вихрь? на вашихъ братій
Несется онъ подъ тучею снѣговъ,
И мерзнутъ тамъ остатки вашей рати.
Чу! слышитель вы вой голодныхъ псовъ?
Они грызутся за остатки пира!
Вотъ подвигъ мой! и я горжуся имъ!
Я сто головъ у этой гидры міра
Умѣлъ сразить ударомъ лишь однимъ.
Я, какъ Самсонъ, единымъ сотрясеньемъ
Обрушилъ домъ — и палъ подъ разрушеньемъ!»

---

*) Wstanie mściciel naszych kości.

Сказалъ, взглянулъ въ окно и на земь палъ
Безъ чувствъ, но прежде лампу онъ сорвалъ,
И, описавъ трикратный кругъ паденьемъ,
Она легла передъ его челомъ;
Въ разлитой жидкости свѣтильникъ тлѣетъ
Но глубже тонетъ, тонетъ и темнѣетъ,
И, наконецъ, какъ смерти знакъ, кругомъ
Блеснулъ онъ вдругъ широкою зарницей
И въ побѣлѣвшей мертвеца зенницѣ
Сверкнувъ, угасъ во мракѣ гробовомъ.

И стѣны башни въ тотъ же мигъ пронзаетъ
Прерывистый, протяжный, страшный крикъ;
Чьей груди крикъ? то всякій отгадаетъ,
И кто-бъ его услышалъ въ этотъ мигъ,
Сказалъ бы тотъ, что ужъ другаго звука
Не услыхать во-вѣкъ отъ груди той:
Въ томъ звукѣ излилась всей жизни мука.

Такъ отъ удара сильнаго порой
Порвется вдругъ со стономъ лютни строй,
Какъ будто пѣснь иную начиная, —
Но ужъ никто не допоетъ ея!

Такъ о судьбѣ Альдоны пѣснь моя:
Пусть ангелы гармоніи, витая,
Ея конецъ споютъ на небесахъ,
А нѣжные душой — въ своихъ сердцахъ.

Ѳ. МИЛЛЕРЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О МАКОЛЭ.

(Дорогой памяти Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева.)

Мы рѣшились посвятить эту статью дорогимъ для насъ и для многихъ именамъ людей, которые служили благородно и безкорыстно русскому просвѣщенію, которыхъ общественная дѣятельность оставила молодымъ поколѣніямъ славныя преданія и забудется не скоро. Если послѣдніе пятнадцать лѣтъ ознаменованы развитіемъ въ Россіи исторической любознательности, если нашему юношеству внушена любовь къ изысканіямъ въ области прошедшаго, если лучшіе изъ представителей западной науки пользуются сочувствіемъ нашей публики, — всѣмъ этимъ мы въ значительной степени обязаны Грановскому и Кудрявцеву. При всемъ различіи натуръ, при всей своеобразности характера, оба они сходились между собою во многомъ и больше всего въ стремленіи къ добру, въ сознаніи долга. Имъ суждено было не только работать въ одно время и на одномъ поприщѣ; въ самомъ ихъ вліяніи на слушателей и на общество проявляется можно сказать, одинъ и тотъ же духъ. Богатые знаніемъ, сильные нравственными началами, они не прибѣгали ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ, чтобы упрочить за собою авторитетъ, не пользовались въ борьбѣ за истину другимъ оружіемъ кромѣ своего таланта, не искали незаконнаго владычества надъ умами, не вносили въ науку деспотическихъ привычекъ и докторальнаго тона. Дорожа независимостью собственныхъ убѣжденій, они уважали въ та-

кой же степени чужую свободу и владѣли очень рѣдкимъ между нами качествомъ литературной терпимости. Въ ихъ ясной душѣ не находили мѣста нечистыя чувства; она была чужда зависти, мелкихъ интригъ и смѣшнаго честолюбія, чужда исключительности и тупыхъ мѣстныхъ предразсудковъ. Грановскій и Кудрявцевъ принадлежали не одному приходу, не одному городу, а Россіи. Не имѣя въ запасѣ лучшаго труда, которымъ мы могли бы почтить ихъ могилу и напомнить ихъ поэтическій образъ современникамъ, мы позволили себѣ украсить этими прекрасными именами воспоминанія о Маколэ и не сомнѣваемся, что предлагаемыя страницы нашли бы привѣтъ въ благосклонныхъ судьяхъ, которымъ онѣ посвящены. Грановскій и Кудрявцевъ не только сочувствовали Маколэ, но едва ли не первые въ Россіи оцѣнили по достоинству его талантъ. Успѣхи всеобщей исторіи въ нашемъ отечествѣ были имъ особенно дороги: они сдѣлали для нея все, что могли сдѣлать т. е., посѣяли добрыя сѣмена, но имъ не удалось, увы! дождаться богатой жатвы. Не будучи сами историками, не имѣя чести считать себя учениками этихъ достойныхъ наставниковъ, мы желаемъ однакожъ отъ всей души, чтобы изъ воспитанной ими среды явился человѣкъ, способный занять среди современныхъ двигателей науки мѣсто, какое занялъ напримѣръ Лотропъ Мотли. Читая его книгу о происхожденіи голландской республики, мы испытывали не совсѣмъ пріятное ощущеніе. Намъ стало завидно и досадно, что Американцы слишкомъ далеко обогнали Русскихъ въ изученіи Европы. Какъ искренно порадовались бы Грановскій и Кудрявцевъ подобному явленію въ нашей литературѣ. Но... будемъ терпѣливы! Если послѣ ихъ смерти у насъ мало подвинулась всеобщая исторія,—за то въ русской видѣнъ большой успѣхъ. Стремленіе изучать жизнь народа высказывается на каждомъ шагу, приводитъ къ новымъ результатамъ, вызываетъ новыхъ дѣятелей. И въ этомъ отношеніи личность Маколэ, какъ народнаго историка, для насъ въ высокой степени любопытна! Авторъ будетъ считать себя счастливымъ, если предлагаемыя страницы познакомятъ съ нею ближе читателей. Но гораздо важнѣе, еще необходимѣе для юноше-

ства, посвящающаго себя изслѣдованію прошедшей жизни, самостоятельно и глубоко вникнуть въ духъ, изучить методу и пріемы Маколэ: въ своихъ сочиненіяхъ онъ оставилъ намъ самыя лучшія, самыя драгоцѣнныя воспоминанія!

Воспоминанія о Маколэ.

(Посвящается дорогой памяти Т. Н. Грановскаго и П. Н. Кудрявцева.)

Прошедшій годъ ознаменованъ тяжелыми для науки утратами и оставилъ по себѣ въ ея лѣтописяхъ печальную память. Онъ унесъ въ могилу нѣсколько отличныхъ историковъ и публицистовъ нашего времени, между ними Галламъ, Прескоттъ, Вашингтонъ Ирвингъ, Вурмъ, Токвилль пользовались громкою извѣстностью, даже за предѣлами отечества. Не всѣмъ имъ удалось окончить свои труды при жизни, и сойдти съ земнаго поприща на закатѣ дней; иныхъ, какъ случается часто, смерть застала въ расплохъ за начатымъ дѣломъ. Но какъ ни велики были эти потери, онѣ не произвели такого сильнаго и продолжительнаго впечатлѣнія, какъ роковая, неожиданная вѣсть о смерти Маколэ. Она отозвалась скорбнымъ сочувствіемъ въ каждой странѣ, гдѣ хотя въ нѣкоторой степени распространено знаніе Англійскаго языка, поразила не однихъ ученыхъ и литераторовъ, но весь просвѣщенный міръ. Даже тѣ люди, которымъ статьи Маколэ не доставляли ничего кромѣ пріятнаго развлеченія, поняли, что лишились въ немъ самого блистательнаго собесѣдника, самого живаго разсказчика «между серьезными писателями». Но такихъ цѣнителей его таланта найдется немного: ихъ можно отнести къ тому классу читающей публики, который интересуется преимущественно романами и повѣстями. Сочиненія Маколэ столько же дѣйствовали на воображеніе и эстетическое чувство, сколько удовлетворяли строгимъ требованіямъ любознательнаго ума. Онъ затронулъ съ неподражаемымъ искусствомъ разныя стороны человѣ-

ческой жизни. Свѣтомъ его генія озарена не одна область знанія. Обширный, почти неизмѣримый запасъ своихъ умственныхъ сокровищъ онъ разсыпалъ щедрою рукою на всѣхъ путяхъ своей сложной дѣятельности, литературной и практической. Имя Маколэ прославлено не только между историками; оно признано честнымъ и незапятнаннымъ въ мірѣ политики, стоитъ высоко въ ряду законодателей и по достоинству украшено поэтическимъ вѣнкомъ. Англичане не даромъ положили смертные останки великаго человѣка въ ряду своихъ національныхъ пѣвцовъ: инстинктивное чувство очень вѣрно указало имъ это мѣсто въ Вестминстерскомъ храмѣ. Самъ Маколэ не выбралъ бы для себя лучшей могилы. Скромное званіе литератора онъ цѣнилъ выше всѣхъ данныхъ ему титуловъ, образцовое его произведеніе—исторія, кромѣ своихъ ученыхъ достоинствъ, носитъ на себѣ самыя яркія черты художественной отдѣлки. Отъ этого произведенія, какъ отъ грандіозной эпической поэмы, вѣетъ духомъ творчества неподдѣльнаго энтузіазма и красоты. Маколэ — столько же добросовѣстный біографъ, сколько вдохновенный пѣвецъ своего народа. Лучшія качества англійскаго характера — сознаніе долга, уваженіе къ личности, терпимость въ дѣлахъ совѣсти, ненависть къ насилію и произволу — изображены въ его сочиненіяхъ артистически. Не преувеличивая его заслугъ, можно сказать смѣло, что онъ вполнѣ понялъ свое призваніе, и выполнилъ свою задачу именно съ такимъ успѣхомъ, какимъ увѣнчалась описанная имъ борьба. Трудъ его далеко неоконченъ; но и Англія не произнесла еще послѣдняго слова міру; она продолжаетъ идти впередъ по направленію, начертанному для ней революціею 1688 года, продолжаетъ разрабатывать и передавать въ другія части свѣта начала гражданственности. Знаменитый историкъ довелъ свое сочиненіе по крайней мѣрѣ до исхода этой революціи именно до-тѣхъ-поръ, когда ея результаты выяснились. Дальнѣйшихъ событій къ несчастію ему не удалось въ подробности разсказать; но и въ этомъ отношеніи онъ останется надолго руководителемъ для своихъ преемниковъ. Неподражаемые его этюды (essays) освѣщаютъ передъ нами политическую и литера-

турную жизнь Англіи въ XVIII столѣтіи, рисуютъ многихъ замѣчательныхъ дѣятелей тогдашняго общества. Кромѣ того въ бумагахъ покойнаго, вѣроятно, найдутся документы, которыми безъ сомнѣнія воспользуются будущіе историки Англіи.

Впрочемъ, какъ ни плодотворна была дѣятельность Маколэ втеченіе всей его жизни, преждевременная смерть этого человѣка относится къ числу событій, съ которыми трудно примириться. Она разбила слишкомъ много надеждъ, чтобы на нее смотрѣть, какъ на обыкновенное, неизбѣжное явленіе и оставила въ литтературномъ кругу XIX вѣка такой пробѣлъ, который едва ли скоро восполнится. Люди, подобные Маколэ, раждаются не десятками и не во всякой странѣ находятъ средства къ развитію. Много ли истинно — великихъ историковъ насчитываемъ мы въ богатой литературѣ Греціи и Рима, Франціи, Германіи и наконецъ самой Англіи? Маколэ, чтобы ни говорили о его недостаткахъ, имѣлъ (этого не отрицаетъ никто!) качества, которыми возвышался не только надъ современными ему писателями, но даже надъ многими изъ своихъ предшественниковъ. Его нельзя ставить на одну точку съ нѣмецкими государственными архиваріусами, или съ краснорѣчивыми панегиристами французской славы, военной и гражданской. Онъ зналъ свой народъ не изъ книгъ, не изъ офиціальныхъ или тайныхъ документовъ, но наблюдалъ собственными глазами втеченіе почти сорока лѣтъ его дѣйствительную жизнь, сталкивался лицомъ къ лицу съ лучшими людьми XIX-го вѣка, безпрестанно путешествовалъ, подмѣтилъ множество любопытныхъ явленій и фактовъ въ быту разныхъ сословій, не упускалъ изъ виду ни одного памятника, ни одного преданія, ни одной легенды, завѣщанной стариною въ воспоминаніе минувшаго *). Отечество ему было извѣстно до мел-

*) Недавно въ одномъ англійскомъ журналѣ помѣщенъ былъ разсказъ о томъ, какъ Маколэ, во время своего пребыванія въ Кэмбриджѣ, проводилъ университетскія вакаціи. Онъ обыкновенно отправлялся въ какое нибудь графство, и обходилъ пѣшкомъ иногда цѣлый край. Этимъ объясняется, почему ему удалось собрать такъ много свѣдѣній чисто мѣстныхъ отъ простаго народа. Между прочимъ баллады и пѣсни сѣверной Англіи были имъ изучены до такой степени, что многіе знатоки и спеціалисты удивлялись ему.

кихъ подробностей, можно сказать даже во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ нѣсколько разъ проѣхалъ Англію, Шотландію, Ирландію насквозь и въ разныхъ направленіяхъ, посѣтилъ Индію и наконецъ внимательно изучилъ почти всю Европу, насколько ему было это нужно. Короче сказать, немногимъ историкамъ суждено было такъ образовать и приготовить себя къ выполненію великой задачи; какъ Маколэ, немногіе обнимали подобно ему свой предметъ съ разныхъ сторонъ. Неудивительно, что его сочиненіе приняло самые широкіе размѣры: ему было чѣмъ подѣлиться съ публикой. Всю молодость онъ посвятилъ предварительнымъ изслѣдованіямъ и принялся за главную работу только тогда, когда овладѣлъ вполнѣ матеріаломъ. Большая часть этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ общему сожалѣнію, погибла съ смертью Маколэ: одаренный самою воспріимчивою, твердою и обширною памятью, онъ почти не записывалъ того, что собиралъ. Его голова вмѣщала и удерживала столько свѣдѣній, сколько другимъ рѣдко приходится сберечь съ помощію бумаги. Изучая жизнь своего народа въ разныхъ ея проявленіяхъ, Маколэ съ особенною любовью останавливался на отдѣльныхъ личностяхъ, которыя имѣли вліяніе на общество или на литературу извѣстной эпохи. Онѣ, можно сказать, давали ему ключъ, чтобы разгадать духъ, направленіе того или другого вѣка. Мы напомнимъ здѣсь блестящія характеристики, единодушно признанныя мастерскими произведеніями. Онъ не только вывелъ на справедливый судъ потомства дѣла такихъ людей, какъ Бэконъ, Гамнденъ, Вальполь, Клейвъ, Гастингсъ, Чатамъ, Madame d'Arblay, д-ръ Джонсонъ, но возсоздалъ ихъ смутно — отдаленные образы. Вообще Маколэ соединялъ въ себѣ то, что рѣдко соединяется у подобныхъ ему писателей, именно глубину психологическаго изысканія, внутренняго анализа съ даромъ собственно историческаго изложенія. Человѣческая природа была ему на столько извѣстна, что онъ считалъ себя вправѣ объяснять причины каждаго поступка, проникать до желаній и помысловъ. Очень можетъ быть, что онъ дѣйствовалъ при этомъ, какъ многіе думаютъ, слишкомъ смѣло и заходилъ далеко, забывая что чужая душа потемки, что въ человѣкѣ есть еще неразга-

данныя силы и тайны — говорящія, часто ему самому неизвѣстныя побужденія. Но допуская, что Маколэ не всегда сдерживалъ свою пытливость и погрѣшалъ иногда рѣзкостью приговоровъ, надобно отдать ему справедливость за отсутствіе упорныхъ и тупыхъ предразсудковъ. Въ немъ не было той наглости, съ которою другіе историки выставляютъ себя знатоками и цѣнителями людей. Самоувѣренность раждалась у него не вдругъ, по послѣ продолжительнаго знакомства съ лицомъ. Онъ разбиралъ тщательно и тонко человѣческія добродѣтели и пороки; его трудно было ослѣпить фразами, изящными манерами, ловкими пріемами, искусною игрою на житейской сценѣ; онъ не довольствовался описаніемъ общественныхъ подвиговъ, а любопытствовалъ знать домашнія привычки «героевъ», ихъ поведеніе въ кругу семейномъ, въ отношеніяхъ съ близкими и особенно съ нисшими. Всѣ эти свойства у него взвѣшены и приняты къ свѣдѣнію, прежде нежели онъ рѣшается осудить человѣка. Маколэ вообще не расточителенъ ни на безусловныя похвалы, ни на безпощадныя порицанія. Даже во враждебной ему натурѣ Іакова II. онъ выставилъ на показъ всѣ лучшія качества; съ другой стороны его нельзя упрекнуть въ томъ, чтобы онъ не видѣлъ слабостей и недостатковъ своего героя Вильгельма III.

Много говорятъ о пристрастіи Маколэ къ Англіи и къ Англичанамъ, о его поклоненіи XIX столѣтію и наконецъ о безусловной преданности его партіи Виговъ. Эти обвиненія кажутся намъ преувеличенными. Что въ немъ отчасти замѣтна британская гордость, что онъ горячо любилъ отечество, что онъ выставляетъ успѣхи настоящаго времени передъ прошедшимъ, что по образу мыслей онъ принадлежалъ къ умѣреннымъ либераламъ, все это справедливо. Но въ сочиненіяхъ знаменитаго историка трудно указать мѣста, въ которыхъ было бы видно патріотическое ослѣпленіе или сухое доктринерство при сужденіи объ общественныхъ вопросахъ. Даже въ его парламентскихъ рѣчахъ онъ возвышается надъ узкими требованіями партій. Что же касается исторіи, — она проникнута духомъ терпимости. Если многіе не находятъ въ ней высокой справедливости, — за то едва ли кто нибудь, прочитавъ ее со вниманіемъ, скажетъ, что она

написана на заданную тему, съ упорнымъ намѣреніемъ хвалить одно и порицать другое, человѣкомъ, который изъ-за любимой теоріи не щадилъ чужаго достоинства и чужой свободы. Восхищаясь гражданскими доблестями своего народа, Маколэ не закрылъ глазъ на пороки и ошибки гражданъ, не написалъ панегирика англійскому фарисейству и тщеславію, не воспѣлъ жестокости, грубости и пьянства черни, не оправдалъ преступленій противъ Ирландіи *), грабительства въ Индіи, не извинялъ узкаго, эгоистическаго направленія внѣшней политики, которому слѣдовали иные британскіе министры. Принадлежа открыто къ Вигамъ по своему убѣжденію, онъ не расточалъ имъ однакоже восторженныхъ похвалъ, но искусною рукою отдѣлилъ ихъ заслуги отъ промаховъ и съ полною откровенностью воздалъ должное лучшимъ и добросовѣстнымъ изъ Торіевъ. Не смотря на живость, страстность и впечатлительность своей натуры, Маколэ почти всегда сохраняетъ въ себѣ на столько спокойствія, чтобы разсказать событія объективно и оставить читателямъ право на приговоръ, если только они могутъ противиться обаянію его разсказа и способны къ самостоятельнымъ выводамъ. Конечно онъ не возвышается до холоднаго и строгаго анализа, какой мы находимъ напримѣръ, у Гиббона, но въ этомъ случаѣ нужно принять во вниманіе отношеніе писателя къ предмету повѣтствованія. Англійская исторія, по замѣчанію самого Маколэ, имѣетъ до-сихъ-поръ глубокій практическій смыслъ для народа; каждый Англичанинъ растетъ и воспитывается подъ вліяніемъ живыхъ преданій, свободныхъ

*) Намъ приходятъ здѣсь на память прекрасныя слова, которыми Маколэ заключаетъ свое описаніе Ирландской войны при Вильгельмѣ III. Намекая на недавнюю борьбу за эманципацію католиковъ, онъ говоритъ: «пусть другой историкъ разскажетъ объ этомъ великомъ столкновеніи и о позднемъ торжествѣ разума и человѣколюбія! Къ несчастію, ему придется замѣтить, что тріумфъ купленный такими трудами и жертвами скоро смѣнился разочарованіемъ, что труднѣе искоренять злыя страсти, чѣмъ уничтожить дурные законы.... Дай Богъ, чтобы къ тому времени мудрость, справедливость и давность загладили бѣдствіе Ирландіи, какъ это совершилось въ Шотландіи, и чтобы всѣ поколѣнія, населяющія Британскія острова слились наконецъ въ одинъ народъ, связанный неразрѣшимымъ союзомъ!» History of England, chapt. XVII.

учрежденій и обычаевъ своей страны. Отрѣшиться отъ нихъ вовсе — значитъ умереть для дѣйствительнаго міра; смотрѣть хладнокровно на дорогіе интересы отечества и свободы можетъ только отшельникъ или самодовольный педантъ. Никакая наука не требуетъ, чтобы ей приносили жертвы выше силъ человѣческихъ. Если мы, въ стремленіи къ безпристрастію, пожелаемъ, чтобы историкъ отказался отъ своей личности и отъ самыхъ близкихъ, самыхъ святыхъ привязанностей, — то не будетъ ли послѣдовательнѣе отнять у него образъ мыслей, убѣжденія и сердце. При такихъ требованіяхъ конечно нашей критики не выдержитъ ни Ѳукидидъ, ни Тацитъ: одного придется упрекать въ любви; другого — въ ненависти. Впрочемъ мы не намѣрены подробно разбирать здѣсь сочиненія Маколэ, или писать его біографію; и то и другое лучше предоставить знатокамъ и особенно соотечественникамъ знаменитаго историка. Смерть по видимому положила начало серьезной оцѣнкѣ его характера и дѣятельности. При жизни онъ не дождался добросовѣстной и проницательной критики, ему расточали большею частью или однѣ восторженныя похвалы, или же ожесточенныя порицанія. Вліяніе Маколэ на читающую публику было такъ сильно, что немногіе изъ современниковъ могли говорить о немъ хладнокровно: одни безотчетно ему поддавались; другіе отъ всей души его ненавидѣли; однимъ онъ казался непогрѣшимымъ; другіе усердно хлопотали о томъ, чтобы заподозрить и уронить его талантъ и добросовѣстность передъ публикою. Намъ живо памятенъ извѣстный случай, когда возникло недоразумѣніе на счетъ характера Вилліама Пенна и нѣкоторые журналы доказывали, что Маколэ смѣшалъ подъ этимъ именемъ два разныя лица. Нужно было видѣть, какъ утѣшались Торіи тѣмъ, что историкъ могъ заблуждаться: они думали, что сдѣлали великое открытіе! Квакеры же объявили его чуть не государственнымъ преступникомъ. Подобныя крайности не должны удивлять: онѣ доказываютъ только, что Маколэ затронулъ много живыхъ струнъ окружающаго общества, что авторитетъ его былъ слишкомъ великъ, наконецъ что между учеными немного нашлось равныхъ ему по силамъ и таланту людей. Посредственность конечно не

надѣлала бы столько шума, не возбудила бы страстей и не заставила бы многихъ знатоковъ исторіи обнаружить свое безсиліе. Теперь для Маколэ наступаетъ потомство и слѣдовательно возможенъ безпристрастный судъ. Правда обояніе его таланта еще слишкомъ свѣжо, но какъ бы долго оно ни сохранилось, это не помѣшаетъ дѣлу критика. По неизбѣжному закону, человѣческое общество справедливѣе къ прошедшимъ, чѣмъ къ настоящимъ своимъ двигателямъ. Время публичнаго траура проходитъ быстро; могила сглаживаетъ и личную привязанность и личную вражду; она даетъ успокоеніе отшедшимъ и примиряетъ между собою живыхъ...

Со дня смерти Маколэ минуло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени издано много матеріаловъ для его біографіи; ими наполнены англійскіе журналы. Кто только зналъ историка, счелъ обязанностью сообщить объ немъ какой нибудь любопытный анекдотъ или фактъ. Масса добываемыхъ этимъ путемъ свѣдѣній растетъ и едва ли скоро истощится: личность Маколэ оставила за собою широкій слѣдъ и возбудила общее любопытство, которое трудно удовлетворить разомъ. Пройдетъ, быть можетъ, не одинъ годъ, прежде чѣмъ всѣ стороны будутъ выслушаны и всѣ впечатлѣнія переданы. При такомъ настроеніи умовъ, намъ казалось нелишнимъ обнародовать эти немногія страницы. Конечно онѣ не имѣютъ безусловной цѣны: авторъ далекъ отъ притязаній на психологическія открытія и вовсе нельститъ себѣ надеждою, что ему удалось подмѣтить въ характерѣ Маколэ новыя, нетронутыя черты: для этого нужно было бы состоять съ покойнымъ историкомъ въ близкихъ отношеніяхъ, наблюдать его жизнь пристально и долго. Предлагаемыя воспоминанія относятся больше къ Англіи, какъ ее понималъ Маколэ, чѣмъ къ нему самому; если въ нихъ найдутся факты изъ его жизни, они или извѣстны, или собраны случайно отъ постороннихъ лицъ, или же основаны на соображеніяхъ и вѣроятныхъ догадкахъ. Короче сказать, это — отрывочныя замѣтки путешественника, которому удалось въ 1858 и 1859 годахъ видѣть Маколэ нѣсколько разъ и бесѣдовать съ нимъ. Гостепріимство, которое покойный историкъ оказывалъ представленнымъ или

рекомендованнымъ ему иностранцамъ дѣлалъ его доступнымъ для многихъ. Онъ не закрывалъ себя, какъ нѣкоторыя изъ «нашихъ знаменитостей», не дарилъ своего знакомства избраннымъ, но удѣлялъ время для посѣтителей, приходившихъ къ нему съ священнымъ для Англичанина *письмомъ отъ друга* за свѣтомъ, или за указаніями для изученія страны, извѣстной ему едва ли не больше, чѣмъ другимъ. Нечего распространяться о томъ, какъ обоятельно дѣйствовалъ на всѣхъ разговоръ Маколэ: кто разъ увидѣлъ эту привлекательную личность, тотъ никогда ее не забывалъ. Рѣчь любимаго историка текла такъ живо, такъ непринужденно, такъ роскошно и свободно, что хотѣлось бы чаще и чаще ее слушать. Кажется, онъ владѣлъ ею еще лучше, чѣмъ перомъ. Теперь, когда эта чудная рѣчь замолкла навсегда, авторъ предлагаемыхъ воспоминаній считаетъ долгомъ передать русскимъ читателямъ если не ея красоту, то по крайней мѣрѣ ея смыслъ съ возможною точностью, на сколько ему удалось сохранить въ свѣжей памяти или записать слова, слышанныя отъ Маколэ. Онъ жалѣетъ только о томъ, что нѣкоторыя подробности изъ приведенныхъ здѣсь разговоровъ утратились. Но во всякомъ случаѣ главныя сужденія покойнаго историка остаются неприкосновенными и выражены вѣрно. Согласенъ или несогласенъ съ ними авторъ, — это его личное дѣло; для публики достаточно знать, что онъ не позволилъ себѣ исказить ихъ въ угоду собственнымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ.

I.

Въ маѣ 1858 года, граждане Кэмбриджа поднесли Маколэ, какъ воспитаннику своего университета, почетный титулъ Лорда высокаго правителя (Lord High Steward) и пригласили его по этому случаю на торжественный митингъ. Почтенный историкъ счелъ долгомъ благодарить своихъ избирателей и въ рѣчи, произнесенной къ нимъ, сказалъ нѣсколько словъ о себѣ. Намъ живо памятны эти слова. Проникнутыя скромнымъ, но истиннымъ сознаніемъ своего до-

стоинства, они носятъ на себѣ въ тоже время отпечатокъ какой-то грусти; въ нихъ будто слышится предчувствіе близкой смерти. Передаемъ здѣсь смыслъ этой, кажется, послѣдней рѣчи Маколэ: «благодарю васъ, господа—говорилъ онъ—за сдѣланную мнѣ честь. Вы соединили съ славными именами Бэкона и Кромвеля *) мое имя, хотя оно едва ли можетъ стать съ ними въ уровень. Эти люди двигали государствомъ; ихъ дѣла записаны въ лѣтописи Англіи. Мнѣ выпала другая доля. Въ моемъ прошедшемъ нѣтъ такихъ политическихъ заслугъ, которыми бы я могъ передъ вами гордиться. Я имѣю право сказать о себѣ только то, что я дѣйствовалъ по убѣжденію, честно, не приносилъ долга въ жертву выгодамъ и разсчетамъ. Теперь мнѣ ничего не остается болѣе, какъ посвятить послѣднія силы любимому, избранному труду и *служить обществу въ моей библіотекѣ.»*

Эти слова вполнѣ характеризуютъ образъ жизни Маколэ за два или за три года до его кончины. Наскучивъ городскимъ шумомъ, онъ удалился изъ Альбаня въ окрестности Лондона, именно въ Кенсингтонъ, гдѣ занялъ уютный и красивый домикъ, Holly Lodge, на Камденовомъ холмѣ (Camden Hill), среди садовъ и парковъ. Въ этомъ уединеніи онъ пользовался чистымъ воздухомъ, котораго требовало разстроенное здоровье, тишиною и удобствами деревенскаго быта: «мнѣ живется въ Кенсингтонѣ какъ нельзя лучше, говаривалъ онъ; въ мои преклонныя лѣта необходимо спокойствіе». Но, кажется, ему пришлось отдохнуть только въ могилѣ. По словамъ очевидцевъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая его одолѣвала, онъ работалъ безъ устали и почти непрерывно **). Такъ какъ у него была подъ рукою богатая библіотека, то онъ не имѣлъ надобности часто выѣзжать изъ дому и посѣщалъ только Британскій музей. Обыкновенно его можно было найдти поутру въ саду или въ рабочемъ кабинетѣ, изъ котораго дверь вела прямо въ садъ. Кабинетъ этотъ былъ убранъ очень просто, книгами. На стѣнѣ не далеко отъ письменнаго стола висѣлъ единственный портретъ

---

*) Оба они носили предложенное Маколэ званіе.

**) Ср. Times, 9 и 10 Января 1860.

доктора Джонсона, котораго Маколэ очень уважалъ. Многимъ можетъ казаться непонятнымъ это особенное уваженіе, но объяснить его не трудно. Доктора Джонсона, говорилъ Маколэ, мало знаютъ иностранцы, но въ нашихъ глазахъ онъ стоитъ высоко. Мы смотримъ на него не только какъ на знатока Англійскаго языка, не только какъ на честнаго человѣка, но какъ на перваго литератора; который твердо защищалъ независимость и достоинство своего званія противъ аристократіи, богатства и невѣжества, переносилъ горечь нищеты и презрѣніе толпы гордо и спокойно, боролся за свои мнѣнія и не уступалъ сильнымъ земли». Эти чувства Маколэ доказываютъ, что въ немъ не было ни тѣни лордства, что онъ остался до смерти вѣрнымъ литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ данный ему титулъ не заставилъ его измѣнить ни въ чемъ обстановку своей жизни; онъ даже ни разу не являлся въ палатѣ перовъ. Аристократическія замашки вовсе не шли къ его характеру. Онъ слишкомъ привыкъ къ простотѣ и независимости холостяка, слишкомъ дорожилъ воспоминаніями своей молодости, чтобы прикинуться знатнымъ къ старости. Трудно было вскружить баронствомъ эту свѣтлую голову. Не даромъ онъ краснорѣчиво описалъ намъ печальное fiasco «облагороженнаго коммонера» Питта старшаго! Образъ мыслей Маколэ въ этомъ отношеніи былъ такъ извѣстенъ друзьямъ, что они не рѣшились нести баронскую корону передъ его гробомъ, во время похоронной процессіи.

Въ самой наружности этого человѣка не было ничего надменнаго, непріятнаго и отталкивающаго, какъ бываетъ въ людяхъ, проникнутыхъ сознаніемъ своей отмѣнной породы или вѣчною мыслію о своемъ достоинствѣ. Маколэ, былъ совершенно чуждъ аффектаціи и того что можно назвать накладными манерами. Онъ не держалъ себя ни лордомъ ни знаменитостью, не рисовался, не принималъ величественныхъ позъ передъ посѣтителемъ. Родная страна не научила его этому въ наше время развитому искусству. Простой костюмъ, нѣсколько болѣзненная полнота, свойственная Англичанамъ неловкость и тяжеловатость походки придавали ему видъ до

*) См. описаніе похоронъ въ Times, тѣ же нераду-

такой степени демократическій что враги, записные остряки и салонные кавалеры находили его похожимъ на мясника. При всей наклонности русскаго человѣка посмѣяться надъ ближнимъ, мы однакоже никакъ не могли убѣдиться въ вѣрности этого часто слышаннаго нами замѣчанія. При первомъ взглядѣ на Маколэ, глаза невольно останавливались на его головѣ; отъ ней трудно было оторваться; она въ полномъ смыслѣ владычествовала надъ корпусомъ. Такая изящная голова встрѣчается только у людей, которыхъ Англичане удачно называютъ интеллектуальными натурами (intellectual creatures). Высокій лобъ Маколэ казался еще красивѣе отъ падавшихъ на него серебряныхъ волосъ; въ глазахъ свѣтилась кротость; въ улыбкѣ проглядывало добродушіе. Только присматриваясь долго къ его физіономіи можно было замѣтить, какіе слѣды оставила на ней болѣзнь. Намъ живо помнится, что не разъ мы находили Маколэ совершенно разстроеннымъ. Подъ вліяніемъ боли, онъ страшно измѣнялся и едва могъ говорить. Желтый, даже зеленоватый цвѣтъ его лица, тусклые глаза, тяжелое удушье и безпрерывный кашель наводили на мысли о томъ, что ему осталось не долго жить...

Кажется, почти нѣтъ нужды упоминать о томъ, что Маколэ становился гораздо привлекательнѣе, когда начиналъ говорить. Только слушая его, можно было разгадать всю живость, страстность, впечатлительность его натуры. Молчаливые, не находчивые Англичане вообще мало цѣнятъ esprit de conversation. Нѣкоторые изъ нихъ, даже очень умные люди, рѣшительно не знаютъ, какъ и чѣмъ занять другъ друга въ обществѣ и еще больше теряются при встрѣчѣ съ иностранцемъ. Въ такихъ случаяхъ разговоры обыкновенно сводятся на то, что ѣдятъ и пьютъ разные народы, во что одѣваются, рано ли встаютъ и ложатся спать. Когда эти неизбѣжные предметы истощились, между собесѣдниками наступаетъ молчаніе. Противъ него именно Англичане придумали свои длинные обѣды и послѣ обѣденныя угощенія. Чтобы оживить себя и гостей, они прибѣгаютъ къ вину. Вино развязываетъ языкъ и конечно, придаетъ смѣлость; но не награждаетъ тѣми способностями, которыхъ вовсе нѣтъ и

не было. Именно послѣ обѣда иностранцу предлагаютъ въ Англіи вопросы некстати и безъ смысла. Have you a religion in your country, sir? (есть у васъ религія?), «добродушно» замѣтилъ автору этихъ страницъ одинъ почтенный пасторъ. На какомъ языкѣ говорятъ у васъ, — на Баварскомъ? спросилъ одинъ изъ любезнѣйшихъ джентльменовъ у Нѣмца изъ Мюнхена. Нѣмецъ серьезно обидѣлся и пожаловался пріятелю. Къ счастію, пріятель понялъ, въ чемъ дѣло и успокоилъ раздраженнаго патріота словами: «прости джентльмену! онъ погрѣшилъ передъ вами изъ усердія и по неосторожности; ему хотѣлось сказать вамъ что-нибудь хорошее и лестное, да не удалось». Много подобныхъ анекдотовъ можно было бы привести здѣсь, но они отвлекли бы ея отъ предмета. Впрочемъ мы вовсе не хотимъ доказывать, что почтенная нація лишена дара слова. Мы думаемъ только, что слово у ней тѣсно соединено съ дѣломъ и, по видимому, не имѣетъ ни силы, ни блеска въ салонахъ. Оно, можетъ быть и лучше, чѣмъ инымъ покажется. Русскій человѣкъ боекъ на словахъ за недостаткомъ дѣла и тѣмъ больше говоритъ, чѣмъ меньше дѣлаетъ; Французъ болтаетъ съ первымъ встрѣчнымъ о чемъ угодно и безъ умолку; Англичанинъ умѣетъ говорить когда нужно и насколько нужно, бесѣда для одного удовольствія кажется ему непривлекательною; онъ дорожитъ временемъ; цѣнитъ больше факты, чѣмъ фразы; объясняется непринужденно только съ друзьями. Люди одаренные тѣмъ, что называютъ въ Англіи *power of conversation*, встрѣчаются здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ числѣ качествъ, которыя Маколэ цѣнилъ въ докторѣ Джонсонѣ, онъ упомянулъ съ особеннымъ удареніемъ объ этой способности. «Вы не можете себѣ представить, какъ обоятельно дѣйствовалъ докторъ Джонсонъ на общество своимъ разговоромъ: его можно было просто заслушаться; столько было въ немъ силы, чувства, истиннаго остроумія, юмора!» Эти слова какъ нельзя лучше прилагаются къ самому Маколэ. Бесѣда съ нимъ была наслажденьемъ въ полномъ смыслѣ. Не даромъ всѣ иностранцы отзываются объ ней съ восторгомъ. На ихъ единодушный приговоръ можно больше положиться, нежели на мнѣнія Англичанъ. Соотечественники по-

койнаго историка вообще любятъ мѣняться между собою краткими, отрывочными сентенціями; прелесть подобной бесѣды понятна больше имъ, чѣмъ кому-нибудь. «Маколэ такъ любитъ говорить, отзывались они, что рѣшительно не даетъ сказать слова другимъ?» Мы съ своей стороны не находимъ этого замѣчанія справедливымъ. Маколэ конечно не былъ молчаливъ и, какъ только рѣчь доходила до любимаго предмета, увлекался и сыпалъ словами, защищая свою мысль, но никогда, сколько мы помнимъ, не произносилъ пустыхъ фразъ, которыя считаетъ обязанностью произнести Французъ среди самого интереснаго разговора. Въ манерѣ Маколэ не было ничего французскаго; его голосъ выходилъ, такъ сказать, прямо изъ груди; въ словахъ его звучала та сила воли и энергіи, которая слышится у многихъ англійскихъ ораторовъ. Они сопровождаютъ свою рѣчь обыкновенно какимъ-то неуловимымъ тѣлодвиженіемъ, показывающимъ рѣшимость. Слова у нихъ бросаются стремительно, вѣсятъ тяжело и потому не проходятъ даромъ мимо ушей слушателя.

Автору этихъ страницъ особенно памятны разсказы Маколэ о его молодости. Покойный историкъ охотно и съ любовью останавливался на впечатлѣніяхъ, среди которыхъ крѣпла его мысль и пробуждалось сердце, съ глубокимъ чувствомъ говорилъ о свѣтлыхъ годахъ, проведенныхъ въ Кэмбриджѣ и о томъ какъ онъ принужденъ былъ покинуть дорогой для него университетъ. Если для каждаго человѣка юность проходитъ не даромъ, если въ душѣ каждаго она оставляетъ неизгладимыя черты, то на Маколэ она имѣла по обстоятельствамъ болѣе сильное вліяніе. Можетъ быть, ею объясняется вся жизнь этого замѣчательнаго человѣка. Его окружали тогда люди, которые высокими подвигами самоотверженія составили себѣ громкую славу въ исторіи гражданской свободы. Ихъ примѣръ долженъ былъ подѣйствовать на воспріимчивую натуру даровитаго юноши; они приготовили его къ служенію обществу, имъ больше всего обязанъ онъ своимъ воспитаніемъ. Между ними самымъ близкимъ къ Маколэ былъ, разумѣется отецъ. Заслуги его мало извѣстны въ Россіи, но Англія давно оцѣнила ихъ, не смотря на удивительную, почти безпримѣрную скромность, которою

этотъ филантропъ закрывалъ отъ глазъ публики свою истинно-христіанскую дѣятельность, по вопросу объ уничтоженіи невольничества въ Британскихъ колоніяхъ. Въ одномъ углу Вестминстерскаго Аббатства, недалеко отъ великолѣпнаго мавзолея Питту, почти рядомъ съ могилою С. Джемса Мэкинтонга, стоитъ скромный памятникъ, на которомъ мы прочли слѣдующую надпись. Передаемъ ее здѣсь отъ слова до слова:»

Захарій Маколэ,
который, въ теченіи долгой жизни,
съ напряженнымъ, но спокойнымъ упорствомъ,
не останавливаясь среди успѣха, не падалъ не подъ какими неудачами,
не страшась трудовъ, лишеній или упрековъ,
посвятилъ
свое время, талантъ, имущество
и всю энергію души и тѣла
на пользу
самаго угнетеннаго и безпомощнаго человѣчества, —
и учавствовалъ, больше сорока лѣтъ сряду,
въ совѣщаніяхъ и трудахъ
руководимыхъ и благословенныхъ богомъ,
и благополучно увѣнчанныхъ во-первыхъ освобожденіемъ британской имперіи отъ преступнаго торга рабами,
а напослѣдокъ дарованіемъ свободы
800,000 невольниковъ, —
этотъ памятникъ поставленъ тѣми,
которые почерпали мудрость изъ духа
и урокъ изъ жизни покойнаго,
а теперь, смиренно радуются въ увѣренности,
что чрезъ Божественнаго Искупителя,
опору всѣхъ его надеждъ,
онъ раздѣляетъ блаженство покоящихся отъ труда
дѣла которыхъ слѣдуютъ за ними.

Лондонъ 1838 г. 13 мая.
Род. 1768 г.

Эта надпись вѣрно изображаетъ жизнь Захаріи Маколэ. Подробности ея мало изслѣдованы; біографія почтеннаго филантропа до-сихъ-поръ ни кѣмъ не написана. Только въ дневникѣ Вильберфорса мы находимъ отрывочныя объ немъ

свѣдѣнія и нѣкоторыя его письма *), относящіяся исключительно къ вопросу о Неграхъ. Скромность З. Маколэ, какъ мы уже замѣтили была безпримѣрна. Она доходила до того, что онъ не хотѣлъ подписываться на издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ и постоянно систематически избѣгалъ публичности. Отсюда объясняется почему его имя всрѣчается рѣдко даже въ протоколахъ противурабскаго общества (Antislavery society), котораго онъ былъ душею и двигателемъ подъ скромнымъ титуломъ секретаря. Покойный историкъ сообщилъ автору этихъ воспоминаній любопытное собраніе памфлетовъ о невольничествѣ, напечатанныхъ въ Лондонѣ между 1823 и 1832 годомъ. Многіе изъ нихъ, именно самые замѣчательные составлены Захаріею Маколэ; другіе наполнены его собственноручными замѣтками **). Нельзя не удивляться ревности, съ которою почтенный филантропъ собиралъ факты, велъ полемику съ приверженцами невольничества и защищалъ святое дѣло свободы. «Если бы вы знали, говорилъ покойный историкъ по случаю бывшаго въ 1858 году митинга въ противурабскомъ обществѣ, какъ это общество было сильно въ оные времена, когда отецъ мой былъ редакторомъ Antislavery reporter'а! Здѣсь собирались тогда люди героическіе и держали въ рукахъ своихъ грозныя

*) См. Life of Willam Wilberforce, edited by his sons, London, 1838, 5 vols. Нельзя не пожалѣть, что эти драгоцѣнные матеріалы изданы очень небрежно.

**) Это собраніе, если разсматривать его въ цѣлости, составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Многихъ памфлетовъ, которые помѣщены въ немъ, нельзя уже найдти нигдѣ кромѣ развѣ Британскаго музеума. Между тѣмъ они въ высокой степени интересны для исторіи эманципаціи. Захарія Маколэ собралъ тщательно и привелъ въ систему факты о рабствѣ и положеніи невольниковъ въ Британскихъ колоніяхъ, какіе находилъ въ парламентскихъ бумагахъ и въ показаніяхъ путешественниковъ или получалъ отъ корреспондентовъ противорабскаго общества. Всѣхъ памфлетовъ, рапортовъ и мемуаровъ въ собраніи помѣщено 28. Первый изъ нихъ подъ заглавіемъ «ужасы невольничества Негровъ» изданъ еще въ 1805 году; остальные, какъ сказано, выходили съ 1823 года, именно со времени основанія общества. Почти всѣ они, за немногими исключеніями, принадлежатъ Захарію Маколэ, хотя онъ не имѣлъ обыкновенія подъ ними подписываться. Онъ же, вѣроятно, былъ составителемъ рапортовъ Африканскаго учрежденія, основаннаго скоро послѣ 1807 г. для наблюденія за торгомъ неграми. Сколько намъ извѣстно, всего три брошюры З. Маколэ напечатано *съ его именемъ* на Французскомъ языкѣ.

орудія пропаганды. Теперь другое дѣло! обстоятельства измѣнились. Общество окончило свою задачу съ эманципаціею невольниковъ въ Британскихъ колоніяхъ и на него никто больше не обращаетъ вниманія. Отцу моему, говорю безпристрастно, принадлежитъ великая доля въ рѣшеніи этой задачи. Ненависть его къ рабству простиралась такъ далеко, что онъ отдавалъ ей на жертву самые дорогіе интересы семейства. Сколько денегъ потратилъ онъ на Негровъ, никто не знаетъ кромѣ насъ! Мы, разумѣется, никогда не имѣли причинъ жаловаться на это, напротивъ мы гордимся происхожденіемъ отъ такого человѣка! Отецъ мой правда не выставлялъ себя впередъ на показъ, но работалъ больше всѣхъ.»

Къ этимъ словамъ мы можемъ прибавить еще нѣсколько интересныхъ фактовъ о Захаріи Маколэ. Въ концѣ прошлаго столѣтія англійскіе филантропы основали на берегу Верхней Гвинеи, колонію свободныхъ негровъ Сіерра-Леоне съ цѣлью распространять между ними христіанство и просвѣщеніе. Отъ ея успѣха зависѣли въ нѣкоторой степени будущность угнетенныхъ африканскихъ поколѣній. Сначала предпріятіе шло довольно удачно, но скоро послѣ открытія революціонныхъ войнъ Французская эскадра разрушила только что построенный городъ. Къ счастію, филантропы не отказались отъ попытки возстановить его. Для этой цѣли собраны были деньги и посланы на мѣсто надежные люди. Захарія Маколэ, какъ истиннаго друга Негровъ назначили первымъ правителемъ Сіэрра-Леоне. Не смотря на отдаленность пути, не смотря на опасности, которыми грозилъ ему Африканскій климатъ, онъ рѣшился принять правда почетную, но вовсѣ не выгодную должность и отправился на свой постъ. Отсюда еще началась между нимъ и Вильберфорсомъ дѣятельная переписка, которая не прекращалась до конца ихъ жизни *). Пребываніе З. Маколэ въ Сіэрра-Леоне доставило ему возможность на мѣстѣ изучить торгъ Неграми. Возвратившись назадъ (1798 г.) онъ передалъ такъ называемому Африканскому учрежденію (African

*) Въ 4-мъ и 5-мъ томахъ «жизни Вильберфорса, помѣщены множество писемъ его къ З. Маколэ.

**) Wilberforce's life, IV, p. 331.

institution) множество наблюденій, фактовъ, свѣдѣній и сдѣлался, какъ мы сказали, душею противурабскаго общества. На него аболиціонисты возлагали самыя важныя порученія: ему же суждено было пережить больше, чѣмъ кому другому, непріятностей, клеветы и проклятій со стороны приверженцевъ преступнаго торга и невольничества. «Никто пишетъ Вильберфорсъ къ Захарію Маколэ, не работалъ и не страдалъ столько ради великаго дѣла освобожденія Негровъ, сколько вы, дорогой другъ»! Нужно было имѣть сильное гражданское мужество, чтобы выдерживать сорокъ слишкомъ лѣтъ такую борьбу.

Судьба наградила доблестнаго человѣка и неутомимаго труженика даровитымъ сыномъ. Превосходныя способности Тома были замѣчены еще въ дѣтствѣ. Отецъ скоро отдалъ его въ Кэмбриджъ и тѣмъ обезпечилъ ему блестящую будущность. Молодой Маколэ получилъ нѣсколько наградъ и, по окончаніи курса, независимое мѣсто (Fellowship) въ коллегіи Троицы (Trinity College) *). Не меньше должны были радовать старика литературные успѣхи сына. Статья Тома о Мильтонѣ, написанная для Эдинбургскаго обозрѣнія, обратила на себя всеобщее вниманіе. Ею достойно открывается карьера будущаго историка, хотя идеи, высказанныя авторомъ о поэзіи и поэтахъ въ этой статьѣ, кажутся намъ парадоксальными, — но мы считаемъ нужнымъ привести для русскихъ читателей по крайней мѣрѣ ея заключеніе. Здѣсь Маколэ въ первый разъ обнаруживаетъ силу воображенія, энергію мысли и глубокое чувство, т. е. главныя качества своего таланта. Вотъ что говоритъ онъ о своей симпатіи къ Мильтону, по поводу одной рукописи поэта, открытой въ архивахъ.

---

*) До насъ дошло недавно извѣстіе изъ Англіи, что члены этой коллегіи, въ которой — замѣтимъ мимоходомъ — учились Бэконъ, Ньютонъ и Байронъ, намѣрены поставить здѣсь статую Маколэ. Подписка, говорятъ, уже открыта. Отрадно видѣть, что англійскіе университеты такъ помнятъ своихъ лучшихъ воспитанниковъ. Намъ показывали напр. въ той же самой коллегіи инструменты Ньютона и превосходно сдѣланный портретъ его. Даже дерево, посаженное Мильтономъ въ одной изъ коллегій, оберегается какъ святыня.

«...Въ слѣдъ за изданіемъ новой книги, нѣсколько дней будетъ посвящено, какъ слышно, памяти Мильтона. Едва ли кто нибудь осудитъ насъ за то, что мы проведемъ этотъ праздникъ подлѣ его могилы, какъ ни слаба жертва, которую мы можемъ принести ему. Уже при взглядѣ на эту книгу намъ кажется, что мы современники автору и живемъ полтораста лѣтъ тому назадъ. Намъ вѣрится, что мы пришли въ его маленькій домикъ, что онъ сидитъ у стараго органа, что бѣдная комнатка украшена полинялыми, зелеными занавѣсками, что передъ нами быстро мерцаютъ глаза поэта, ища напрасно дня и солнца, что мы читаемъ на чертахъ благороднаго лица гордую и печальную исторію его славы и его несчастій. Вотъ въ бездыханной тишинѣ мы прислушиваемся къ малѣйшему звуку пѣвца, съ страснымъ уваженіемъ становимся на колѣни, чтобы поцѣловать и облить слезами его руку, благоговѣйно стараемся его утѣшать (если впрочемъ такой духъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи) за все испытанное имъ презрѣніе отъ вѣка, недостойнаго его талантовъ и доблестей, съ жаромъ оспариваемъ у его дочерей и у квакуса Элвуда, его друга, право читать ему Гомера или записывать безсмертные звуки, исходящіе изъ его устъ.»

«Всѣ эти чувства могутъ показаться ребяческими. Но мы не стыдимся ихъ и не пожалѣемъ, если то, что нами написано, возбудить подобное настроеніе въ чьей нибудь душѣ. Мы не держимся обычая творить себѣ кумиры между живыми или мертвыми. Намъ кажется даже, что самымъ вѣрнымъ признакомъ слабаго и превратнаго ума служитъ та наклонность, которую за недостаткомъ лучшаго имени, можно назвать Бозвелизмомъ. Но есть въ исторіи характеры, которые выдержали самую сильную пробу и устояли противъ строжайшей критики, были испытаны въ горнилѣ и оказались чистыми, были положены на вѣсы и найдены полновѣсными, — характеры, которые общимъ согласіемъ человѣчества признаны неподдѣльными (sterling) и явно отмѣчены образомъ, и рукою Всевышняго. Этихъ великихъ людей мы умѣемъ цѣнить: къ нимъ принадлежитъ и Мильтонъ. Намъ весело смотрѣть на его книги, отрадно даже слы-

шать звукъ его имени. Мысли Мильтона похожи на небесные плоды и цвѣты, посланные мученицею — дѣвою Массинджера *) изъ садовъ Эдема на землю, отличные отъ произведенiй всякой другой страны раскошнымъ видомъ и сладостью, а еще больше чудною силою исцѣленiя. Мысли эти могущественны не только потому что радуютъ, но потому особенно, что укрѣпляютъ и очищаютъ душу. Мы и не завидуемъ человѣку, который можетъ изучить жизнь и труды великаго поэта и патрiота безъ стремленiя соревновать съ нимъ если не въ высокихъ творенiяхъ, которыми его генiй обогатилъ нашу литературу, то по крайней мѣрѣ въ жарѣ къ общему благу, въ твердости противъ личныхъ несчастiй, въ гордомъ презрѣнiи къ искушенiямъ и опасностямъ, въ искренной ненависти къ ханжамъ и тиранамъ, наконецъ въ строгой вѣрности къ отечеству и славѣ.»

Теперь перейдемъ снова къ нашему разсказу. Понятно, что З. Маколэ всю жизнь свою былъ окруженъ аболицiонистами: съ ними связывали его не одни духовные, но отчасти и родственные интересы. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему Томасъ Бэбингтонъ, крестный отецъ историка, Стивнъ (Stephen), одинъ изъ первокласныхъ дѣятелей противорабскаго общества и наконецъ самъ Вильберфорсъ. Въ кругу этихъ благородныхъ и энергическихъ людей будущiй историкъ провелъ свое дѣтство. «Я помню Вильберфорса почти отъ колыбели, говорилъ онъ: его чудный голосъ давно звучалъ въ моихъ ушахъ; этого человѣка бывало слушаешь, какъ пѣвицу! Не даромъ нѣкоторые находили въ немъ что-то общее съ Каталани. Если бы вы знали, сколько было грацiи во всѣхъ его движенiяхъ, какимъ природнымъ даромъ краснорѣчiя обладалъ онъ»! Вильберфорсъ съ своей стороны, какъ видно, цѣнилъ таланты молодаго человѣка и возлагалъ на него большiя надежды. Такъ въ одномъ письмѣ къ сыну (1821 г.) онъ пишетъ: тебѣ прiятно будетъ узнать, что Томъ Маколэ и бывшiй его соперникъ, а теперь другъ, Малденъ, заняли въ университетѣ изъ трехъ вакантныхъ

*) Драматическiй писатель, современникъ Шекспира, мистическаго направленiя.

мѣстъ (Scholarships) два. Я слышалъ, что всѣхъ кандидатовъ было тринадцать, но эти оба всегда стоятъ первыми *) Далѣе въ одномъ мѣстѣ своего дневника (1825 г.) почтенный филантропъ отзывается о своемъ свиданіи съ историкомъ въ такихъ выраженіяхъ: «сегодня Маколэ съ сыномъ пріѣхалъ ко мнѣ обѣдать и провести ночь. Томъ полонъ безконечнаго содержанія и чрезвычайно милъ а на другой день прибавляетъ: Томъ оставался неистощимымъ и бойкимъ (fertile and fluent) до послѣднихъ минутъ, сохраняя при этомъ удивительное добродушіе. **) Не менѣе благосклонно встрѣтилъ Вильберфорсъ сочиненія своего любимца. «Я очень доволенъ статьею Тома въ Эдинбургскомъ обозрѣніи, пишетъ онъ къ Бэбингтону, незадолго до своей смерти (1830); статья эта обличаетъ не одинъ огромный талантъ но и чувство справедливости.» ***)

Университетъ оторвалъ Маколэ отъ среды отцовскихъ друзей, въ которую онъ былъ поставленъ судьбою, но за то открылъ для его дарованій новое поприще. Жизнь въ Кэмбриджѣ очень полюбилась ему. Онъ говорилъ объ ней всегда съ глубокимъ чувствомъ, вспоминалъ всѣ ея подробности и жарко защищалъ принятую въ коллегіяхъ систему воспитанія. Ему, по видимому хотѣлось внушить даже иностранцамъ любовь къ этимъ старымъ учрежденіямъ. Признаваясь откровенно, что намъ казались нѣсколько пристрастными отзывы Маколэ объ Англійскихъ университетахъ, мы считаемъ однакоже обязанностію передать ихъ публикѣ въ точности. Нельзя не уважать этой благородной привязанности; нельзя не порадоваться, что ученыя корпораціи сохраняютъ еще въ себѣ столько силы и внушаютъ такое благоговѣніе къ себѣ въ лучшихъ людяхъ! Мы, иностранцы, можемъ смотрѣть другими глазами на чуждые намъ формы и преданія среднихъ вѣковъ, до-сихъ-поръ господствующія въ Оксфор-

---

*) Life of Wilberforce, v. 94.

**) Ibid. 249, 250.

***) Ibid., v. 315. Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь о стастьѣ Маколэ, написанной по поводу книги Соути-Сэръ Томасъ Моръ (Edinburgh review, January, 1830).

дѣ и Кэмбриджѣ, но предоставимъ во всякомъ случаѣ воспитанникамъ первый голосъ и первое право судить о мѣстѣ своего воспитанія.

По словамъ Маколэ, «университеты въ Англіи приносятъ большую пользу уже тѣмъ, что доставляютъ лучшимъ молодымъ людямъ независимость и средства продолжать свои занятія. Каждая коллегія можетъ изъ своихъ доходовъ содержать начальника (Master, Principal) и нѣсколькихъ Fellows. Во всѣхъ коллегіяхъ открывается ежегодно до 40 вакансій. Мѣста эти слишкомъ выгодны, чтобы не привлечь многихъ конкурентовъ; предпочтеніе отдается тому, кто высказалъ на экзаменѣ больше свѣдѣній. По статутамъ и по обычаю доходы съ Fellowship удерживаются въ пользу молодаго человѣка только до тѣхъ поръ, пока онъ не женится или добровольно не оставитъ коллегіи. Они простираются отъ 200 ф. стерл. до 500 и даже до 600. Такимъ образомъ Fellows вполнѣ обезпечены, дорожатъ своими мѣстами и неохотно мѣняютъ комфортъ коллегіальный жизни на испытаніе жизни практической. Нужно имѣть въ виду значительную должность или быть богатымъ человѣкомъ, чтобы отказаться отъ такого положенія на первыхъ порахъ. Неудивительно, что многіе принимаютъ надолго и даже навсегда обѣтъ холостой жизни, соединеный съ Fellowship. Уединеніе университетскихъ городовъ и дисциплина въ коллегіяхъ невольно располагаютъ къ умственному труду; противъ внѣшнихъ развлеченій какъ въ Оксфордѣ такъ и въ Кэмбриджѣ приняты довольно строгія мѣры.

Маколэ справедливо находилъ много общаго въ быту Англійскихъ коллегій и католическихъ орденовъ. Fellows даже носятъ монашескую одежду, но только не заражены пороками, свойственными богатому и праздному духовенству. Университетская жизнь наша, замѣтилъ онъ однажды, очень привлекательна; ее право, тяжело оставлять; столько въ ней умственныхъ наслажденій и поэзіи! Я жалѣлъ что принужденъ былъ покинуть Кэмбриджъ, но мнѣ оставалось одно — вступить въ духовное званіе, противъ воли! Я не скучалъ однообразіемъ коллегіальныхъ занятій и тишиною небольшаго, почти мертваго, города. Правда, женскаго общества

тамъ нѣтъ; семейства рѣдко поселяются въ Кэмбриджѣ. Это мѣсто опасное для молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ служатъ здѣсь только предметомъ безплоднаго волокитства, но не могутъ пристроиться потому, что женихи слишкомъ молоды, чтобы сдѣлаться мужьями, или слишкомъ обезпечены, смѣемъ прибавить отъ себя, чтобы промѣнять вѣрные доходы на бракъ, требующій большихъ расходовъ. Впрочемъ и Fellows подпадаютъ иногда искушенію женитьбы, въ такомъ случаѣ обычай предписываетъ имъ прислать товарищамъ сладкій свадебный пирогъ (wedding-cake). Пробуя въ Кэмбриджѣ одинъ изъ такихъ пироговъ, мы замѣтили, что всѣ присутствующіе находили его вкуснымъ.

«Не думайте однакоже, продолжалъ Маколэ, чтобы университетская жизнь имѣла только привлекательные стороны; въ ней есть разумѣется, свои невыгоды (drawbacks). Вы тамъ безпрестанно окружены новыми лицами и едва начнете къ кому нибудь привязываться, — какъ дорогой человѣкъ покидаетъ коллегію и вы принуждены съ нимъ проститься вѣроятно, навседа. Неправда ли — это положеніе можно сравнить съ положеніемъ кормилицы, у которой отнимаютъ любимыхъ дѣтей?»

Система воспитанія, принятая въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, давно возбуждаетъ сомнѣнія иностранцевъ. Сами Fellows чистосердечно признаются, что университеты не поощряютъ спеціальныхъ занятій (special studies are discouraged), не готовятъ молодыхъ людей къ той или другой отрасли государственной службы. Классическая литература и математика — главные предметы въ каждой коллегіи; къ нимъ присоединяется богословіе для лицъ, вступающихъ въ духовное званіе; напротивъ юриспруденція, политическая экономія, естественныя науки до-сихъ-поръ отнесены къ предметамъ дополнительнымъ и преподаются не въ такомъ объемѣ, какъ главные. Маколэ, какъ видно, принадлежалъ къ числу самыхъ жаркихъ защитниковъ этой системы; она казалась ему совершенно безукоризненною по крайней мѣрѣ для Англіи.» На материкѣ Европы, говорилъ онъ, университеты давно превратились въ высшія спеціальныя заведенія, въ которыхъ приготовляются медики, юристы и пр.; у насъ напротивъ

не только нѣтъ факультетовъ, но никогда не думали обратить коллегіи въ чисто-практическія школы. Въ Англіи сама жизнь должна воспитать человѣка на служеніе обществу. Вы видите, какъ широка она здѣсь, какъ открыта для наблюденія, какъ доступна для опыта. Всѣ государственныя дѣла обсуживаются публично; положеніе страны до малѣйшихъ подробностей всякой можетъ изучить изъ газетъ.

Намъ всегда казалось, что университетъ долженъ только развить умъ и вкусъ человѣка. Вотъ почему математикѣ и классической литературѣ, придано такое значеніе въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Онѣ необходимы для образованія каждаго гражданина. Пусть потомъ онъ изберетъ какую угодно дорогу: время, проведенное въ коллегіи, не потеряно; его способности опредѣлились; онъ конечно не сдѣлался спеціалистомъ, но за то лучше приготовился къ спеціальности, потому что разработалъ свой умъ и вкусъ. Ему легче будетъ изучать юриспруденцію, которую мы понимаемъ практически: стоитъ только присмотрѣться къ практитѣ хорошаго авдоката, да прочитать нѣсколько классическихъ сочиненій, напр. Блакстона и его новыхъ комментаторовъ. Для медицины, для военнаго искусства и т. п. Англія имѣетъ особыя школы. Отъ университетовъ же мы ничего не требуемъ кромѣ общаго образованія. Эта система оказалась превосходною на дѣлѣ и другой мы не желаемъ. Всѣ лучшіе люди у насъ вышли изъ университетовъ и оказались способными министрами, просвѣщенными законодателями, искусными дипломатами. Ихъ разсудокъ былъ вполнѣ развитъ серьезнымъ изученіемъ математики; классическая литература изощрила ихъ вкусъ; съ отечественными писателями они считали обязанностью основательно познакомиться. Не думайте, что въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ воспитываютъ механически. Самодѣятельность мысли тамъ необходима. Извѣстно ли вамъ, что многіе молодые люди теряли здоровье изъ жажды знаній! Въ университетахъ все заставляетъ учиться: богатыя библіотеки, досугъ, уединеніе. самолюбіе, соревнованіе»....

Маколэ защищалъ съ такою же энергіею методу наставленія, принятую въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ. Извѣстно, что чтеніе лекцій тамъ замѣняется частными уроками (private

tuition), не объясненіемъ древнихъ писателей и рѣшеніемъ математическихъ задачъ. «Я удивляюсь, замѣтилъ онъ, почему иностранцы придаютъ такое значеніе публичнымъ лекціямъ. По моему (я самъ никогда ихъ не слушалъ) онѣ необходимы, только въ опытныхъ наукахъ, гдѣ нужно наглядно представить истины, объяснить дѣйствіе разныхъ силъ, приводить безпрестанно примѣры. Но какую пользу можно извлечь, напримѣръ, изъ лекцій политической экономіи? Не лучше ли прочесть нѣсколько разъ Смита или Милля? Здѣсь по крайней мѣрѣ можно самостоятельно мыслить, повѣрять критически прочитанное, обращаться къ другимъ источникамъ. Лекціи же, чѣмъ увлекательнѣе читаются, тѣмъ больше заставляютъ полагаться во всемъ на профессора. Онѣ вредны и для самого, потому что лишаютъ его многочисленной публики. Лекція всегда доступна только посѣтителямъ, книга, напротивъ, всѣмъ и каждому. По крайней мѣрѣ въ Англіи никто не думалъ учиться исторіи или юриспруденціи изъ однѣхъ лекцій. Публичные преподаватели у насъ не пользовались особеннымъ расположеніемъ общества. Имя Блакстона сдѣлалось извѣстнымъ только съ-тѣхъ-поръ, когда онъ напечаталъ свои комментаріи, а не тогда, когда онъ читалъ лекціи объ англійскихъ законахъ. Мы предпочитаемъ искать свѣдѣній въ непосредственныхъ источникахъ и въ обширныхъ основательныхъ сочиненіяхъ, обращаемся прямо къ изслѣдователю, а не къ профессору. Я согласенъ, что у васъ въ Россіи этого нельзя требовать; въ вашей странѣ лекціи необходимы и полезны. Русскіе ученые должны служить посредниками между западною наукою; ихъ дѣло состоитъ пока въ томъ, чтобы передавать готовый запасъ добытыхъ въ Европѣ свѣдѣній молодому, свѣжему, воспріимчивому народу. Вы не имѣете права отсылать свою публику къ неодолимой массѣ сочиненій, которыя вышли въ Англіи, Франціи и Германіи; вы должны облегчить для нея трудъ усвоенія. Но здѣсь другое дѣло! Всякій Англичанинъ можетъ, если хочетъ, обратиться къ своей богатой литературѣ; она даетъ ему нужныя матеріалы, указанія и добытые предшественниками результаты.

При всей привязанности своей къ англійскимъ универси-

тетамъ, Маколэ однакоже сознавалъ, по видимому, что въ ихъ устройствѣ есть недостатки и темныя стороны. Извѣстно въ послѣднее время какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Кэмбриджѣ предприняты нѣкоторыя реформы. Ученое сословіе правда не расположено къ нововведеніямъ, даже не любитъ говорить объ нихъ, но общественному голосу въ Англіи покоряются даже независимыя корпораціи. Преподаваніе естественныхъ и политическихъ наукъ теперь нѣсколько расширено противъ прежняго; въ коллегіяхъ уничтожены нѣкоторые sinecures, или бездѣльныя должности, открыты публичныя лекціи; наконецъ пересмотрѣны старые статуты, въ которыхъ коренились источники главныхъ злоупотребленій. Чтобы убѣдиться до какой степени уважалась воля благотворителей, которымъ Англія обязана основаніемъ этихъ заведеній, мы приведемъ здѣсь одно правило изъ статутовъ коллегіи, «всѣхъ душъ» (All Sauls College) въ Оксфордѣ, о которомъ упомянулъ Маколэ. «Члены ея, по желанію основателя, должны быть посредственно учеными, но хорошо одѣтыми джентельменами (mediocriter docti sed bene vestity).» Въ другихъ коллегіяхъ было предписано принимать только дѣтей знатныхъ фамилій, уроженцевъ извѣстнаго графства, людей, исповѣдающихъ Англиканскую вѣру и т. п. Оксфордъ до-сихъ-поръ почти закрытъ для диссидентовъ; они находятъ пріютъ въ одномъ Кэмбриджѣ. Вообще слава старыхъ университетовъ поддерживается далеко не всѣми коллегіями. Самъ Маколэ хвалилъ только Christ-churih, Trinity и St. John College; о прочихъ же умалчивалъ. Дѣйствительно, ихъ репутація основана больше на прошедшихъ заслугахъ и покоится на историческихъ именахъ воспитанниковъ, но въ настоящее время онѣ падаютъ и едва ли поднимутся въ будущемъ. Что въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ есть еще умственная жизнь, — этого нельзя отрицать: доказательствомъ служатъ дѣльныя сочиненія, выходящія ежегодно въ обоихъ городахъ и недавно изданные, превосходные Oxford and Cambridge essays. Но при всемъ образованіи нынѣшнихъ Fellows, въ ихъ рядахъ напрасно было бы искать Бэконовъ, Ньютоновъ или Мильтоновъ; между ними попадаются и бездарные труженики, и самоувѣренные, ничего не дѣлающіе,

умники. Даже коллегія Троицы, произвела въ XIX столѣтіи только *одного* Маколэ... Новый университетъ, основанный въ Дорамѣ (Durham) по образцу старыхъ, не имѣетъ успѣха и едва поддерживаетъ свое существованіе: начала, на которыхъ онъ созданъ, видимо отжили свой вѣкъ и не прививаются къ нашему. Что касается до Лондонскаго университета (King's College, University College), — его устройство подходитъ ближе къ общеевропейскому. Собственно говоря, онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ заведеній, или факультетовъ. Въ одномъ изъ нихъ преобладаетъ медицына; въ другомъ естествовѣдѣніе; прочія науки занимаютъ въ обоихъ подчиненное мѣсто.

Наконецъ о шотландскихъ университетахъ Маколэ отзывался съ замѣтнымъ пренебреженіемъ. «Тамъ учатся и оттуда выходятъ мальчики, сказалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ эти заведенія не имѣютъ болѣе такихъ представителей, какихъ можно было отъискать здѣсь во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Въ Эдинборо процвѣтаетъ только медицына. Впрочемъ въ самое послѣднее время въ Шотландіи университетское сословіе много хлопотало о реформахъ и, кажется, достигло своей цѣли. Къ какимъ результатамъ приведутъ онѣ, — покажетъ будущее.

II.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, что Маколэ изучилъ Англію глубоко: она была извѣстна ему какъ съ исторической стороны, такъ и въ современномъ состояніи, столько же въ правительственномъ и общественномъ, сколько въ литературномъ и художественномъ отношеніяхъ. Не однѣмъ книгамъ почтенный историкъ былъ обязанъ разнообразными свѣдѣніями; значительную часть своего несмѣтнаго богатства онъ пріобрѣлъ изъ непосредственныхъ источниковъ. Слушая Маколэ, приходилось чаще удивляться его творческимъ способностямъ, чѣмъ его начитанности. Одаренный природною наблюдательностью, необыкновенною впечатлитель-

ностью и памятью, этотъ человѣкъ воспользовался всѣмъ, что представила ему полная опыта жизнь, для изслѣдованія своей страны и своего народа. Факты, укладываясь въ его свѣтлой головѣ, получали смыслъ, связь и цѣнность. Если отличительный признакъ посредственности историка состоитъ въ способности передавать безцвѣтно и незанимательно самыя интересныя событія, то о Маколэ можно сказать противное. Онъ умѣлъ отъискать и выставить любопытную черту даже въ обыкновенныхъ, житейскихъ явленіяхъ, которыя видѣлъ или о которыхъ слышалъ. У него не пропадалъ матеріалъ, безплодный для другихъ. Кто читалъ и пойметъ третью главу изъ исторіи Англіи, тотъ можетъ, никогда не видавши Маколэ, оцѣнить эту сторону его таланта. Нравы, обычаи, привычки, странности, словомъ весь частный бытъ Англичанъ XIX вѣка великій историкъ зналъ, разумѣется, еще лучше, нежели жизнь современниковъ Карла II и съ охотою сообщалъ свои свѣдѣнія тому, кому они могли пригодиться. Не одинъ путешественникъ, вѣроятно, поблагодаритъ Маколэ за добрые совѣты: не одинъ обязанъ ему содѣйствіемъ при изученіи Англіи. Сколько мы знаемъ по себѣ и слышали отъ другихъ, Маколэ принималъ иностранцевъ очень благосклонно. Ему понятны были предубѣжденіе, съ которыми многіе изъ нихъ пріѣзжаютъ на туманный островъ, какіе кривые толки и пересуды возбуждаютъ о себѣ его соотечественники за-границею. Поэтому неудивительно, что онъ любилъ говорить съ заѣзжими посѣтителями своими о характерѣ Англичанъ, объ устройствѣ, памятникахъ, искусствѣ, литературѣ, промышленности въ Великобританіи. Мы приведемъ здѣсь наиболѣе любопытныя замѣчанія покойнаго историка касательно его отечества и нѣкоторыхъ другихъ государствъ Европы.

«Иностранцы упрекаютъ насъ въ макіавелизмѣ, сказалъ однажды Маколэ. Наши добрыя намѣренія непремѣнно объясняются въ дурную сторону; въ каждомъ поступкѣ Англійскаго правительства и Англійской націи другіе народы обыкновенно ищутъ корыстныхъ побужденій. Если мы воюемъ противъ рабства, это дѣлается, говорятъ, съ цѣлью убить чужіе колоніи; если мы проповѣдуемъ свободу тор-

говли, то не иначе, какъ съ затаеннымъ намѣреніемъ подорвать чужую промышленность. Странныя обвиненія! Меня они, признаюсь, не огорчаютъ: причину ихъ объяснитъ себѣ не трудно. Но мнѣ кажется, Англичане въ нѣкоторой степени сами вызвали противъ себя ненависть. Привыкши дома къ свободѣ и комфорту, они не щадятъ чужаго самолюбія, открыто высказываютъ вражду къ иноземнымъ учрежденіямъ, вмѣшиваются не въ свои дѣла и, наконецъ, держатъ себя за границею непривлекательно. Я самъ не люблю встрѣчатся съ моими соотечественниками на материкѣ Европы: они всегда почти въ дурномъ расположеніи духа, смотрятъ на окружающее гордо, иногда презрительно; видно, что, оставивши за собою покой и удобства жизни, они теряютъ достоинство и терпимость. Но все же о цѣломъ народѣ не слѣдуетъ судить по физіономіи путешественниковъ. Нужно пріѣхать сюда, чтобы изучать характеръ націи; здѣсь она не такъ страшна, какъ ее представляютъ себѣ люди, не видавшіе Англіи; здѣсь можно встрѣтить на каждомъ шагу привѣтливость и добродушіе»...

«Я не одобряю также грубыхъ выходокъ, которые дѣлаются у насъ на разныхъ митингахъ и собраніяхъ противъ иностранныхъ учрежденій. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ Англичане больше щадили чужую независимость и чужое достоинство. Возьмите въ примѣръ общество уничтоженія невольничества Негровъ. Пока оно преслѣдовало внутреннюю, главную свою задачу, я самъ принадлежалъ къ числу его поборниковъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ совершилась эманципація Негровъ въ Британскихъ колоніяхъ, чѣмъ оно занимается? Только раздражаетъ Американцевъ, вмѣшивается въ вопросъ, который разрѣшить оно не въ силахъ, затрогиваетъ гордость родственнаго племени и поддерживаетъ его недовѣріе къ намъ. Такая неблагоразумная система не приноситъ ничего кромѣ вреда. Я врагъ рабства, но думаю, что дѣйствовать противъ него должно только у себя. Искоренить его на землѣ раздраженіемъ другихъ народовъ мы не въ состояніи. Подать имъ примѣръ, помогать совѣтомъ, когда они желаютъ — другое дѣло. Это наша обязанность. Но многіе изъ англійскихъ негрофиловъ заходятъ слишкомъ

далеко, вторгаются въ область, которой слѣдовало бы не касаться, которую трогать опасно и притомъ безполезно. Каждый народъ дорожитъ своею независимостью и не любитъ того, кто на нее посягаетъ. Мало ли зла на свѣтѣ. Многоженство — зло, столько же ненавистное, сколько ненавистно рабство. Но спрашивается: можно ли уничтожить полигамію въ Константинополѣ митингами въ Лондонѣ»?

Мы небеpемся рѣшить, въ какой мѣрѣ справедливы эти обвиненія или упреки. Мы думаемъ даже, что Англичане вовсе не обязаны ограничивать у себя свободу преній, изъ опасности оскорбить чужое самолюбіе: иначе имъ пришлось бы, можетъ быть, вовсе отказаться отъ руководящей роли въ дѣлѣ распространенія гражданскихъ и политическихъ идей. Считаемъ однакоже нужнымъ сказать, въ защиту противурабскаго общества, то, что оно въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, всегда воздерживалось отъ возмутительной пропаганды. Его агенты, сочувствуя эманціпаціи, принимая подъ свою защиту бѣглыхъ Негровъ въ Канадѣ, преслѣдуя запрещенный торгъ *чернымъ мясомъ*, — нигдѣ не призывали невольниковъ къ гражданской войнѣ, не давали имъ въ руки оружія и не рукоплескали беззаконнымъ убійствамъ. Дѣятельность этихъ агентовъ имѣла характеръ миссіонерства. Общество подняло свое знамя во имя религіи и человѣколюбія, употребляло средства мирныя, просвѣтительныя, а не кровавыя. Замѣчанія Маколэ можно отнести только къ аболиціонистамъ—фанатикамъ, которыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ всегда было больше, чѣмъ въ Англіи. Притомъ же Американцы черезъ-чуръ обидчивы, они принимаютъ на свой счетъ невинныя домонстраціи противъ невольничества. Даже Маколэ соглашался, что самолюбіе ихъ слишкомъ взыскательно. Недавно въ Англію пріѣхала Бичеръ Стоу, разсказывалъ онъ; мы, разумѣется, выразили ей сочувствіе и уваженіе. Что же вышло отсюда, Американцы оскорбились, засыпали насъ проклятіями и вообразили, что мы, принимая радушно достойную писательницу, хотимъ сдѣлать злобную выходку противъ союза.» Этотъ случай показываетъ, какъ трудно угодить на всякое самолюбіе. Покойному королю Неаполитанскому конечно столько же было непріятно слушать о

пріемѣ Поэріо въ Англіи.... Нельзя не замѣтить также, что предразсудки иностранцевъ противъ Англичанъ въ послѣднее время значительно ослабѣли. Одни невѣжды смотрятъ еще теперь на эту націю, какъ на лавочниковъ (nation des boutiquiers, shop-keepers nation); только ослѣпленная вражда и закоренѣлая зависть повторяетъ свои любимыя фразы *о коварствѣ Альбіона.* Напротивъ, очень многіе согласятся съ прекрасными словами Маколэ, которые невольно вырвались у него въ защиту отечества. «Не Макіавеливыми началами сильна эта земля, говорилъ онъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Она пріобрѣла богатство, твердость и славу трудомъ, духомъ законности и вѣрою въ свободу, а не хитростью. Я думаю, что всѣ завоеванія Россіи отъ Петра до нашихъ дней не могутъ выдержать сравненія по результатамъ съ успѣхами Англіи, начиная, напримѣръ, со дня моего рожденія (1800 г.). На моихъ глазахъ число жителей почти удвоилось на островѣ; въ Іоркскомъ и Ланкастерскомъ графствахъ открыты несмѣтныя сокровища для промышленности; народъ сдѣлался гораздо богаче, счатливѣе, довольнѣе судьбою и правительствомъ. Какъ быстро распространились и украсились въ это время многіе города! Я не говорю уже о Лондонѣ, о Манчестерѣ, о другихъ мануфактурныхъ и торговыхъ центрахъ, не говорю о главныхъ портахъ. Но посмотрите на Брайтонъ, въ которомъ проживаются деньги, добытые въ столицѣ: онъ выстроился на моей памяти! Все, что вы видѣли въ Шотландіи она пріобрѣла послѣ соединенія съ Англіею: прежде это была самая бѣдная страна въ Европѣ. Эдинборо трудно узнать теперь; Глазго — совершенно новый городъ въ промышленномъ отношеніи! Даже въ горной Шотландіи исчезли жалкія лачуги, которыя прежде встрѣчались на каждомъ шагу. Мнѣ кажется какимъ-то чудомъ, что эта безплодная страна могла превратиться въ веселый край, привлекательный для путешественниковъ.»

Относительно пауперизма въ столицѣ и мануфактурныхъ городахъ Англіи, сужденія Маколэ показались намъ очень любопытными. Онъ, по видимому, былъ удивленъ, что иностранцевъ глубоко поражаетъ нищенство въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона, Эдинборо, Манчестера и находилъ, что

путешественники слишкомъ поддаются своему впечатлѣнію, не въ мѣру преувеличиваютъ жалкое состояніе низшаго класса. «Знаете ли, говорилъ онъ, отъ чего вамъ бросается въ глаза лондонская бѣдность? Отъ того, что она такъ сказать, *лежитъ передъ вами горизонтально.* Здѣсь нѣкоторыя части города исключительно заселены горемыками, негодяями и ворами. Лишенія, которыя они терпятъ, конечно ужасны. Но укажите мнѣ на городъ съ двумя милліонами жителей, который былъ бы свободенъ отъ этой язвы. Бѣдность меньше замѣтна въ Парижѣ, только потому, что лежитъ *слишкомъ высоко*, находится отъ васъ въ вертикальномъ направленіи. Проходя по парижскимъ улицамъ, вы видите передъ собою откормленныхъ лавочниковъ и довольныхъ *буржуа*, но не видите рубищъ: онѣ скрыты въ пятомъ, въ шестомъ этажѣ и на чердакахъ. Замѣтьте далѣе, что около Whitechapel живутъ ирландскія колоніи, а Ирландецъ всегда считаетъ довольствомъ (plenty) то, что Англичанинъ признаетъ бѣдностью (misery). Англійскій нищій король сравнительно съ крестьяниномъ въ Коннатѣ (Connaught). Наконецъ возьмите во вниманіе здѣшній климатъ при оцѣнкѣ пауперизма: Италія вся наполнена нищими, но они такъ веселы и беззаботны; ихъ нужды такъ ограничены, что мы къ нимъ скоро привыкаемъ». Изъ этихъ словъ Маколэ видно, что онъ не считалъ пауперизма исключительнымъ достояніемъ Англіи, принадлежностью ея аристократическаго устройства и слѣдствіемъ неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ. Какъ бы то ни было, его доказательства не совсѣмъ примиряютъ съ печальными фактами дѣйствительности. Не даромъ лондонское нищенство поражаетъ всѣхъ путешественниковъ безъ изъятія. Очень можетъ быть, что Англичане уже привыкли къ нему, что они видятъ безсиліе законодательныхъ мѣръ противъ зла и утѣшаютъ себя изобиліемъ средствъ публичной и частной благотворительности, которая въ самомъ дѣлѣ развита въ Лондонѣ больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Но иностранецъ не можетъ не замѣтить страшнаго контраста между западными и восточными кварталами въ столицѣ. Роскошь и нищета, maximum и minimum имущества, достигаютъ здѣсь крайней степени. Гдѣ бы не заключались причины этого явле-

нія, во власти или не во власти человѣка предупредить его, цивилизація должна съ нимъ бороться. Успѣхи гражданственности не измѣряются развитіемъ роскоши между высшими классами; если на ряду съ ними умираютъ съ голоду низшіе, — въ общественномъ организмѣ свирѣпствуетъ зараза. Путешественникъ не можетъ закрыть на нее глаза. Чтобы ни говорили ему о неизбѣжности бѣдствій на землѣ, о несовершенствѣ человѣческихъ учрежденій, онъ будетъ думать, что общее довольство привлекательнѣе контрастовъ, скорѣе примирится съ отсутствіемъ большихъ капиталовъ въ странѣ, чѣмъ съ накопленіемъ ихъ въ немногихъ рукахъ и при видѣ мрачной, безвыходной нищеты невольно придешь къ заключенію, горькій смыслъ котораго выраженъ немногими словами Шекспира: something is rotten in the state of Denmark *).

Высказывая эти мысли, мы желаемъ только объяснить и оправдать сомнѣнія, которыя естественно раждаются у путешественника при видѣ лондонской нищеты, но вовсе не намѣрены обвинять Маколэ въ равнодушіи къ положенію низшихъ классовъ. Положеніе это конечно было лучше знакомо ему, нежели автору предлагаемыхъ воспоминаній. Дѣло только въ томъ, что почтенный историкъ не признавалъ пауперизма язвою, отъ которой страдаетъ *преимущественно* Англія. Очень вѣроятно даже, что онъ вѣрилъ въ будущее освобожденіе отечества отъ этого зла. Изученіе отечественной исторіи, кажется, могло внушить ему надежды, которыя къ несчастію не всякая страна пробуждаетъ. Въ самомъ дѣлѣ матеріальный прогрессъ Англіи до-сихъ-поръ былъ такъ великъ, что превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія патріотовъ XVII или XVIII вѣка. Неудивительно, если благосостояніе государства, подобнаго Соединеннымъ Штатамъ, возрастаетъ быстро: тамъ неизмѣримыя пространства дѣвственной земли представляютъ безграничное поле для человѣческой дѣятельности; но удивительно, какъ на старой, изрытой, истощенной почвѣ промышленность еще находитъ новые рессурсы! Во всякомъ случаѣ Англія безъ эмиграціи давно была бы затоплена потоками пауперизма. Эмиграція

*) Есть что-то гнилое въ Даніи.

сдѣлалась для нея послѣднимъ, тяжкимъ, героическимъ средствомъ противъ избытка населенія. Другаго лѣкарства отъ голодной смерти не создала пока сила обстоятельствъ, не придумала государственная мудрость!

Не находя опасныхъ ранъ и неизлечимыхъ болѣзней въ общественномъ организмѣ Англіи, Маколэ былъ, еще болѣе доволенъ политическимъ ея состояніемъ и открыто высказывалъ увѣренность въ ея превосходствѣ надъ континентомъ. «Англичане, по его словамъ, — единственный народъ въ Европѣ, вполнѣ способный къ самоуправленію; на нихъ въ этомъ можно положиться. Конечно въ государственномъ устройствѣ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Норвегіи, Сардиніи также признаны начала политической свободы, но Голландія почти не идетъ впередъ, Бельгія не совсѣмъ спокойна за свою независимость, Швейцарія раздроблена на мелкія части, Норвегія связала судьбу свою съ сосѣдственною землею, Сардинія испытываетъ постоянный кризисъ и тяжелую борьбу. Притомъ же всѣ эти страны не могутъ сравниться съ Англіею ни по объему, ни по числу жителей. На счетъ способности Французовъ устроить свою политическую судьбу на прочныхъ и разумныхъ основаніяхъ, почтенный историкъ, повидимому сомнѣвался. «Они много кричали о своей привязанности къ свободѣ и между тѣмъ довольны теперешнимъ порядкомъ! Правительство Людовика-Наполеона имѣетъ гораздо меньше враговъ, чѣмъ можно было ожидать; орлеанисты и неисправимые республиканцы еще не слишкомъ для него страшны». Говоря однажды о попыткахъ Нѣмцевъ къ національному соединенію въ 1848 году, Маколэ въ примѣръ непрактичности этого народа разсказалъ слѣдующій курьезный анекдотъ. «Въ Англію однажды пріѣзжалъ Фридрихъ Шлегель. Я былъ въ то время членомъ министерства, именно секретаремъ по Индійскимъ дѣламъ. Ученый профессоръ былъ принятъ здѣсь очень радушно. Онъ часто выставлялъ передъ нами свои свѣдѣнія въ Санскритскомъ языкѣ, можетъ быть, съ тѣмъ, чтобы получить отъ компаніи пансіонъ или почетное мѣсто съ жалованьемъ. Товарищу моему Вильерзу (Villiers) наконецъ надоѣло это. Что за чудакъ Шлегель? замѣтилъ онъ мнѣ: я отъ него только и слышу, что у нихъ въ универси-

тетѣ больше знатоковъ Санскрита, чѣмъ въ цѣлой Англіи! Я не знаю, что отвѣчать ему кромѣ обычныхъ комплиментовъ. Ученый Нѣмецъ убивается, что несправедливая судьба отдала Индію въ добычу невѣжественному народу; наслѣдство великаго Могола должно бы перейдти, по его мнѣнію, къ образованнымъ людямъ, которые съумѣютъ имъ воспользоваться. Меня разсмѣшили слова Вильерса, я посовѣтовалъ ему успокоить Шлегеля на этотъ счетъ и замѣтить профессору, что мы пріобрѣли Индію оружіемъ, а не изученіемъ Санскрита, что у насъ не достало бы времени для управленія, если бы мы пустились въ филологію».

О Россіи Маколэ зналъ меньше, нежели о другихъ государствахъ. Кромѣ столицъ, немногіе изъ нашихъ городовъ были ему извѣстны даже по имени «Мнѣ стыдно сознаваться на каждомъ шагу въ моемъ невѣжествѣ, говорилъ онъ съ непритворною скромностью; ваше отечество даже въ географическомъ отношеніи для меня не открыто. Мнѣ случилось только читать кое-что объ Архангельскѣ, который былъ основанъ Англичанами (?); я пересматривалъ также сочиненія нашихъ пословъ и путешественниковъ о древней Россіи! Впрочемъ это *невѣжество* было не такъ велико, какъ думалъ почтенный историкъ. Въ разговорахъ съ нимъ можно было замѣтить, что онъ составилъ себѣ довольно вѣрныя понятія о нашихъ древнихъ обычаяхъ, насколько они были переданы Европѣ иностранцами; и не упустилъ изъ виду многихъ фактовъ, которые касаются исторіи нашего просвѣщенія до Петра.

Во всякомъ случаѣ противъ Русскихъ, знаменитый историкъ не имѣлъ того предубѣжденія, съ которымъ встрѣчаютъ насъ нѣкоторые германскіе ученые. Ему казалось даже, что Англичане къ намъ вовсе не питаютъ вражды. «Если у насъ вы слышите иногда дурное мнѣніе о Россіи, оно происходитъ или отъ невѣжества, или отъ политическихъ причинъ, или же большею частью внушено разсказами и невѣрными описаніями пристрастныхъ путешественниковъ. Вообще мы знакомы больше съ Русскимъ правительствомъ, чѣмъ съ народомъ.»

Маколэ былъ какъ будто удивленъ тѣмъ, что его сочиненія распространены въ Россіи; ему почти не вѣрилось, что

они находятъ у насъ много читателей. «Князь Долгорукій, сказалъ онъ, однажды прислалъ мнѣ недавно сдѣланный имъ переводъ моей книги.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь нѣкоторыя замѣчанія Маколэ объ искусствѣ. Къ несчастію онѣ отрывочны: автору предлагаемыхъ воспоминаній не случилось говорить объ этомъ предметѣ съ покойнымъ историкомъ много и часто. Впрочемъ, извѣстно всѣмъ, какъ высоко было художественное образованіе Маколэ. Архитектуру, живопись, ваяніе онъ понималъ и цѣнилъ лучше многихъ записныхъ любителей. Изученіе древнихъ и новыхъ образцовъ развило въ немъ природный эстетическій вкусъ до такой степени, что знатоки находили его сужденія удивительно вѣрными, даже тонкими. Еще г-жа Стоу, нѣсколько лѣтъ назадъ, писала о томъ, какъ она была поражена свѣдѣніями Маколѣ въ архитектурѣ среднихъ вѣковъ. Намъ приходится подтвердить здѣсь слова Американской писательницы. Покойный историкъ принадлежалъ къ поклонникамъ готическаго стиля и помнилъ до самыхъ мелкихъ подробностей украшенія всѣхъ видѣнныхъ имъ въ Европѣ каѳедральныхъ церквей. Глазъ его умѣлъ отъискать и подмѣтить, какъ изящную сторону, такъ и недостатки каждаго замѣчательнаго храма. Между англійскими соборами онъ по справедливости считалъ достойными особеннаго вниманія путешественниковъ, кромѣ Вестминстера, величественные соборы въ Линконѣ и Іоркѣ. «Посмотрите, говорилъ онъ, на эти памятники юношескаго творчества, на эти чудеса религіознаго вдохновенія! Сколько въ нихъ неподдѣльнаго энтузіазма, чистаго искусства, теплой вѣры! Нашъ вѣкъ не создалъ ничего подобнаго. Какому именно изъ англійскихъ памятниковъ слѣдуетъ отдать преимущество, я не берусь рѣшить для другихъ: мнѣ нравится больше простая отдѣлка Линконскаго храма! Но Англія конечно не такъ богата каѳедралами, какъ Франція. Путешествуя по Франціи, я убѣдился въ этомъ. Мнѣ жаль только, что самые лучшіе соборы кое-гдѣ обезображены позднѣйшими пристройками, или далеко не кончены. Въ Бовэ, напримѣръ, вы видите колоссальный фрагментъ; въ Страсбургѣ васъ поражаетъ несоразмѣрность портала и башни съ главнымъ корпусомъ зда-

нія. Но за то въ Руанѣ есть церковь, которую я считаю выше образцовыхъ каоедраловъ Буржа, Аміеня, Реймса, выше всѣхъ религіозныхъ памятниковъ готической архитектуры въ Европѣ. Она соединяетъ въ себѣ стройность, легкость, грацію и, что встрѣчается очень рѣдко, законченность. «Кто видѣлъ чудный храмъ Сентъ-Уана (St. Oven), тому нѣтъ нужды доказывать вѣрность этого замѣчанія; кто не видалъ, пусть спроситъ знатоковъ! Мы не въ силахъ передать впечатлѣніе, какое овладѣваетъ даже простымъ диллетантомъ при взглядѣ на безподобный памятникъ. Художники должны сильнѣе чувствовать его красоту. Геній царствуетъ здѣсь и въ концепціи и въ выполненіи, и въ цѣломъ и въ частяхъ. Внутренность храма столько же обаятельна (если не болѣе), какъ и наружность; онъ созданъ, какъ будто изъ воздушной ткани, а не изъ камней и всѣми срѣлами улетаетъ въ небеса; въ немъ нѣтъ вычурныхъ деталей и пестроты, нѣтъ, мрачныхъ сводовъ и росписанныхъ капеллъ; онъ гармонически облитъ свѣтомъ и красотою. Намъ понятно, почему этотъ храмъ нравился Маколэ. Въ характерѣ покойнаго историка не трудно открыть эстетическую сторону; она проникла въ душу творца Сентъ-Уана и невольно высказалась восторгомъ передъ изящнымъ произведеніемъ. Маколэ нашелъ симпатическаго, сроднаго себѣ художника, столько же яснаго и свободнаго, столько же блестательнаго, не менѣе сильнаго и страстнаго.

Маколэ, какъ можно ожидать, сочувствовалъ больше искусству творческому, чѣмъ подражательному. Фламандская школа живописи ему не нравилась именно потому, что она не создала себѣ идеала. «Я не могу смотрѣть безъ отвращенія на женскіе типы Рубенса, говорилъ онъ; меня удивляетъ, что этотъ замѣчательный художникъ не имѣлъ чувства красоты.» Изъ представителей Англійской школы почтенный историкъ, кажется, отдавалъ предпочтеніе Рейнольдсу (Sir Joshua Reynolds), одна картина, котораго (Геркулесъ, удушающій змѣю, есть между прочимъ у насъ въ Эрмитажѣ. Но полное объ немъ понятіе можно составить только въ галлереяхъ Англіи. Нѣкоторыя головки его, женскія и

дѣтскія, дѣйствительно приковываютъ къ себѣ глаза невинностью и простотою.

Упадокъ искусства въ наше время Маколэ находилъ естественнымъ, неизбѣжнымъ явленьемъ. Мысли, высказанныя имъ объ этомъ въ статьѣ о Мильтонѣ, остались, сколько можно судить изъ случайной бесѣды, неизмѣнными его убѣжденіями. Онъ видѣлъ въ развитіи механическихъ изобрѣтеній и производствѣ смертный приговоръ свободному творчеству. Не только поэзія, которую онъ считалъ даромъ вымысла, искусствомъ воображенія (imagination art) по преимуществу, но также живопись, ваяніе, архитектура должны были раньше или позже пострадать отъ матеріализма. «Нельзя не согласиться наконецъ и съ тѣмъ, что вѣкъ великихъ ораторовъ невозвратно прошелъ, по крайней мѣрѣ для Англіи. Вы не услышите больше въ парламентѣ ни одного сильнаго голоса, повелѣвающаго вниманіемъ публики (commanding attention). Нынѣшнихъ представителей политическаго краснорѣчія нельзя сравнивать съ отжившими: у нихъ нѣтъ ни тѣхъ средствъ, ни того авторитета. Въ Брайтѣ дѣйствительно есть энергія и мужество, но онъ грубъ (coarse and vigorous mind) и ему многаго недостаетъ, чтобы заслужить названіе истиннаго оратора (accomplished orator); Гладстонъ говоритъ пріятно; въ его рѣчахъ слышится образованный человѣкъ; отъ нихъ вѣетъ классическимъ преданіемъ. Но о комъ же упомянуть больше? Брумъ былъ когда-то могучъ, но устарѣлъ. Самое сценическое искусство, которымъ такъ славилась Англія, не устояло среди общаго крушенія. Я помню еще славныя времена этого искусства: съ какимъ, бывало, наслажденіемъ я летѣлъ въ театръ посмотрѣть Кэмблей, Сиддонсъ, Кина! Теперь я не знаю, кого вы тамъ находите. Чарльзъ Кинъ — ничтожество; Эдмундъ Кинъ былъ великій артистъ!»

Намъ помнится, что именно говоря о сценическомъ искусствѣ, Маколэ перешелъ къ Шекспиру. Такъ какъ покойный историкъ въ своихъ сочиненіяхъ мало и только мимоходомъ касается произведеній величайшаго изъ поэтовъ, то публикѣ интересно будетъ читать эти не многія строки. Мы жалѣемъ, что Маколэ не остановился долѣе на человѣкѣ, о

которомъ можно говорить безконечно, о которомъ именно онъ могъ сказать больше, чѣмъ кто нибудь. Уже съ первыхъ словъ не трудно было замѣтить въ историкѣ качество извѣстное у Англичанъ подъ названіемъ *the Shakespeari an learning*, т. е. слѣды глубокихъ думъ надъ любимымъ поэтомъ міра, критическихъ изысканій и оригинальной точки зрѣнія. «Драмы Шекспира, замѣтилъ Маколэ, не производятъ на сценѣ того впечатлѣнія, какое они должны были бы произвести. Самыя полныя произведенія, самыя дюжинныя трагедіи и комедіи непремѣнно, что нибудь, а иногда значительно выигрываютъ въ представленіи. Искусство ставить пьесу, вести интригу, принаровлять ходъ дѣйствія къ требованіямъ публики часто обманываютъ зрителя на счетъ достоинствъ того, что онъ видитъ. Шекспиръ же не обращалъ вниманія на внѣшнія условія въ своихъ произведеніяхъ, писалъ для едва-едва зародившагося театра. Конечно, эти обстоятельства сами по себѣ еще не много значатъ. Чарльзъ Кинъ, напримѣръ, своею ловкостью, своими декораціями и блескомъ одолѣваетъ всѣ матеріальныя трудности постановки и вы забываете объ нихъ. Дѣло не въ томъ! Мнѣ кажется, что Шекспиръ рѣшительно проигрываетъ на сценѣ. Между тѣмъ, какъ Мольера можно оцѣнить лучше всего зрѣніемъ и слухомъ, красоты нашего поэта почти не замѣтны въ театрѣ. Пріемы его кажутся обыкновенными; положенія лицъ, завязка и развязка,—все идетъ урочнымъ чередомъ. Страшныя силы, несмѣтныя богатства Шекспира исчезаютъ передъ вами, прежде нежели вы успѣете оцѣнить ихъ. Чтобы понять этотъ геній, нужно въ него вчитываться и вдумываться. Сокровища Шекспира, разсыпанныя повсюду, открываются только тому, кто ищетъ ихъ по указанію самого поэта, на единѣ съ нимъ, собственнымъ трудомъ. Я едва могу себѣ представить, чтобы кто нибудь съ успѣхомъ изучилъ Шекспира безъ предварительной подготовки, одними глазами, однимъ посѣщеніемъ театровъ. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ драмъ его удобны для сцены далеко не лучшія, напримѣръ «Венеціанскій Купецъ». Эта пьеса, сколько я думаю, почти ничего не проигрываетъ въ представленіи. Но есть чудныя вещи, которыя никогда не даются, и едва ли

могутъ идти даже при блистательныхъ актерахъ. Возьмите «Тимона Аѳинскаго.» Что за великое произведеніе? И между тѣмъ въ немъ нѣтъ значительной *женской* роли! Читая пьесу, мы едва замѣчаемъ этотъ недостатокъ, а на сценѣ онъ очень чувствителенъ и есть едва ли не главная причина, почему англійская публика не любитъ Тимона, какъ будто забыла о его существованіи.»

На вопросъ: какая драма ему больше нравится, Маколэ отвѣчалъ — «Отелло». *Мѣра за мѣру*, извѣстная русской публикѣ по вольному Пушкинскому переводу, казалось ему менѣе привлекательною, чѣмъ нашему поэту. Еще Джонсонъ замѣтилъ, что Шекспиръ какъ бы хочетъ доказать въ этой пьесѣ, будто люди охотнѣе прощаютъ другимъ самыя важныя преступленія противъ общества, чѣмъ оскорбленіе своего самолюбія. Маколэ также находилъ, что «она написана въ мизантропическомъ настроеніи духа, несвойственномъ поэту, въ настроеніи, слѣды котораго трудно найдти въ прочихъ драмахъ Шекспира.» Историка поражало, какъ онъ самъ говорилъ, что герцогъ милуетъ Анджело и наказываетъ менѣе виновнаго Лучіо. «Въ Изабеллѣ Маколэ,» видѣлъ тщеславную женщину, которая умоляетъ государя пощадить человѣка, готоваго изъ-за нея на самыя отвратительныя злодѣйства. Причины своего заступничества она сама объясняетъ очень наивно. По словамъ Изабеллы, Анджело до знакомства съ нею былъ вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей, но, плѣнившись ея прелестями, поддался искушенію.» Въ этихъ выраженіяхъ, какъ думалъ Маколэ, проглядываетъ не христіанское чувство милосердія, не женственная мягкость, а слишкомъ высокое сознаніе своей очаровательности.

О современныхъ Шекспиру писателяхъ для театра покойный историкъ отозвался довольно холодно. «Ихъ таланты неравны между собою, но стоятъ далеко ниже нашего великаго поэта!» Бенъ-Джонсона онъ считалъ отлично образованнымъ человѣкомъ, великимъ ученымъ (great scholar), Форда испорченнымъ или дурнымъ Шекспиромъ (the worst Shakespeare), а о Бомантѣ и Флетчерѣ выразился, что они написали нѣсколько хорошихъ комедій... $^{5}/_{17}$ мая 1859 года намъ суждено было проститься съ Маколэ. Въ послѣднее свиданіе

онъ былъ какъ-то особенно бодръ и веселъ, говорилъ почти безъ умолку, съ большимъ одушевленіемъ и, казалось, чувствовалъ себя гораздо лучше, нежели въ концѣ зимы. Предметомъ бесѣды на этотъ разъ, живо помнится, была Испанія. Маколэ сначала доказывалъ, что она не вознаградитъ путешествія, даже отравитъ его неудобствами, но потомъ, узнавши о желѣзныхъ дорогахъ и объ улучшеніи сообщеній на полуостровѣ, увлекся историческими красотами страны и выразилъ сильное желаніе ее видѣть.

«Въ прошломъ (1858) году, прибавилъ онъ, я посѣтилъ Южную Францію и не только не думалъ самъ заглянуть за Пиренеи, но, какъ видите, отсовѣтывалъ другимъ туда ѣхать. Теперь напротивъ, я воспользуюсь первою свободною осенью, чтобы предпринять это путешествіе. Испанія всегда меня интересовала, но я ее боялся; очень радъ, что страхъ уступилъ наконецъ мѣсто одному любопытству.»

Желаніе даровитаго историка не исполнилось. Какъ не увлекался онъ страстью къ путешествіямъ, но болѣзнь приковала его къ мѣсту и наконецъ свела въ могилу. Прекрасный трудъ прерванъ неумолимою смертью; надежды публики разбиты; рука любимаго писателя охладѣла. Говорятъ, даже пятый томъ исторіи не доведенъ до конца; шестой же лежитъ въ матеріалахъ, требующихъ дальнѣйшей, быть можетъ, новой разработки. Что сдѣлаетъ съ ними преемникъ, на кого выпадетъ эта не легкая и щекотливая задача,—мы не въ силахъ отвѣчать. Да и можно ли утѣшиться какимъ бы то ни было отвѣтомъ, когда потеря еще такъ свѣжа.» Литература лишилась не отжившаго старика; отъ ней оторвана не увѣнчанная лаврами, почти безсловесная отъ дряхлости знаменитость, а юношеская, впечатлительная, огненная душа! Душа эта не похоронила себя за живо, но страстно откликалась на всѣ вопросы вѣка, горячо любила свою родину, сочувствовала всему человѣчеству, съ неизмѣннымъ участіемъ привѣтствовала побѣды гражданственности надъ невѣжествомъ, искренно радовалась успѣхамъ образованія. Занятый всепоглощающею мыслію о своей исторіи, Маколэ находилъ однакоже время содѣйствовать добрымъ начинаніямъ. Когда книгопродавецъ Блакъ затѣялъ новое изданіе

Британской Энциклопедіи, почтенный историкъ предложилъ своему пріятелю нѣсколько превосходныхъ статей, безъ всякаго вознагражденія, изъ одного желанія поддержать общеполезное предпріятіе. Такъ много еще было въ немъ энергіи и доброй воли! Но нужно ли доказывать, что Маколэ былъ способенъ работать, что чудный талантъ его нисколько не ослабѣлъ и не потерялъ могущественнаго обаянія, когда еще такъ недавно онъ, съ свойственнымъ ему одному мастерствомъ, изобразилъ передъ нами грандіозную фигуру Питта младшаго. Приведенныя въ этомъ очеркѣ горькія слова, которыя вырвались у Фокса при смерти великаго министра:

. . . . Sunt lacrymae rerum
Et mentem mortalia tangunt!

неожиданно получили для насъ новый смыслъ и невольно пришли на память, когда телеграфъ принесъ образованному міру роковую вѣсть о кончинѣ Маколэ. Къ несчастію слова эти, всесильныя для древняго человѣка, не примиряютъ съ тяжелыми потерями новаго. Не въ нихъ онъ находитъ послѣднее утѣшеніе; фатализмъ его не удовлетворяетъ. «За чѣмъ же именно мысли касается смерть? Зачѣмъ она щадитъ никому ненужную бездарность?» говорили часто мы, Русскіе, переживая утраты лучшихъ людей нашихъ, и не могли примириться съ мыслію, что это неизбѣжно...

Не въ фатализмѣ сильные духомъ ищутъ опоры и примиренія. Когда первое, такъ сказать, оглушительное дѣйствіе тяжкой потери пройдетъ, она невольно пробуждаетъ въ окружающихъ сознаніе. Схоронивъ въ могилу дорогаго человѣка, каждый приводитъ на память его заслуги, каждый спрашиваетъ самого себя и другихъ: оцѣнило ли общество своего достойнаго члена, дало ли ему средства принести возможную пользу, сладокъ ли былъ для него трудъ, видѣлъ ли онъ плоды своихъ усилій?

На всѣ эти вопросы въ отношеніи къ Маколэ, современная Англія имѣетъ право съ спокойною совѣстью отвѣчать утвердительно. Даровитый историкъ нашелъ въ своей странѣ все, что было ему нужно для развитія; дѣятельность его не встрѣчала преградъ; передъ нимъ открылось широкое по-

прище гражданской чести и литературной славы, отечество было не только справедливо къ своему вдохновенному пѣвцу, но расточало ему ласки, окружило его уваженіемъ, лелѣяло сочувствіемъ. Судьбѣ Маколэ позавидовали бы многія знаменитости прежнихъ вѣковъ, не признанныя современниками и не скоро признанныя потомствомъ. Они не видѣли передъ собою ничего, кромѣ борьбы и лишеній, житейскихъ дрязгъ и насмѣшекъ толпы; ихъ тяжкія, безвыходныя страданія искуплены только благодарностью исторіи. Маколэ суждено было жить въ лучшую эпоху, когда образованное общество передовыхъ странъ цѣнитъ по достоинству, ученые и литературные труды. Онъ былъ вознагражденъ не пустыми для него титулами, не одними земными или *существенными* благами; онъ дождался полной награды, которая достается не многимъ въ удѣлъ при жизни: его имя было поставлено высоко во мнѣніи согражданъ. Конечно ему приходилось испытывать происки враговъ, клевету, зависть, литературныя и иныя сплетни: этой злой отравы до-сихъ-поръ не удалось избѣжать никому изъ видныхъ людей на землѣ... Но тѣмъ не менѣе блестящее положеніе Маколэ сильно говоритъ въ пользу нынѣшней Англіи. Мы ссылаемся на этотъ примѣръ, какъ на живое доказательство умственнаго прогресса въ XIX столѣтіи, какъ на свѣтлый залогъ будущихъ надеждъ. Потерявъ и оплакавъ своего любимаго историка, Англичане могутъ утѣшаться тѣмъ, что, если ему суждено имѣть достойнаго преемника, теперь или впослѣдствіи, — новый дѣятель найдетъ въ отечествѣ просвѣщенную и симпатическую поддержку. Безъ сомнѣнія ему будетъ труднѣе упрочить за собою авторитетъ, но, разъ пробивши дорогу, талантъ не затеряется, не погибнетъ. Когда Маколэ, заявивъ свои способности, задумалъ писать исторію, англійская публика не замедлила оказать ему всевозможное содѣйствіе. Передъ нимъ открыты были семейные архивы; ему посылались рѣдкіе документы, драгоцѣнные автографы и самыя интимныя бумаги. Каждый счелъ обязанностью помогать патріотическому предпріятію любимаго писателя и вносилъ ему свой вкладъ. Маколэ едва имѣлъ время принимать къ свѣдѣнію безчисленные, отовсюду доставляемые матеріалы.

Нельзя сказать также, чтобы въ остальной Европѣ и Америкѣ труды знаменитаго историка были встрѣчены равнодушно. Симпатіи къ нему высказали не однѣ академіи и ученыя общества, не одни спеціалисты, даже не одни высшіе слои публики; его сочиненія пріобрѣли такую популярность, какою пользовались прежде очень немногія книги подобнаго содержанія. Маколэ сдѣлался близкимъ, роднымъ человѣкомъ всему мыслящему поколѣнію XIX столѣтія. Поколѣніе это, чтобы ни говорили о его скептицизмѣ и враждѣ къ авторитетамъ, надѣлено вѣрнымъ тактомъ въ оцѣнкѣ дарованій, умѣетъ отличать истинно-талантливыхъ писателей отъ бойкихъ шарлатановъ и обильныхъ громкими фразами недолговѣчныхъ памфлетистовъ. Оно больше, чѣмъ нѣкоторые думаютъ, доступно вліянію серьезной мысли, хотя и не покланяется рабски знаменитымъ именамъ. Отсутствіе въ наше время той болѣзни, которую Маколэ называетъ Бозвеллизмомъ (lues Boswellisma) вовсе не служитъ доказательствомъ общаго охлажденія къ умственному творчеству на Западѣ. Въ Европѣ конечно рѣже создаютъ и рѣже разрушаютъ ученые и литературные кумиры, но она очень далека отъ неблагодарности и презрѣнія къ представителямъ науки, даже не успѣла дойдти до равнодушія къ руководящимъ умамъ. Промышленные и торговые интересы, пока еще не поглотили всей ея дѣятельности. Нельзя сказать, что именно теперь скорѣе и легче, чѣмъ прежде, забываются дѣйствительныя заслуги, заявленныя достоинства писателей. Какъ ни стремительно идетъ потокъ новыхъ идей и новыхъ открытій, — онъ не уноситъ за собою всего пріобрѣтеннаго. Въ доброе старое время, кругъ литературныхъ дѣятелей и цѣнителей былъ очень тѣсенъ, а потому связь между ними чувствовалась сильнѣе; о публикѣ тогда меньше заботились: она состояла изъ немногочисленныхъ кружковъ. Теперь напротивъ читающій міръ такъ обширенъ, что его нѣтъ возможности охватить. Но неужели отсюда слѣдуетъ, что эти добрыя и полезныя мысли пропадаютъ въ немъ безплодно, какъ звуки голоса въ пустынѣ? Нисколько. Правда, лавровые вѣнки раздаются на этомъ широкомъ полѣ состязанія съ большею разборчивостью; пожалованіе въ всемірные зна-

менитости не зависитъ отъ кружковъ и приходовъ. Но кому же вредитъ подобная перемѣна? Безъ сомнѣнія, не талантамъ, не литературѣ. Симпатическій привѣтъ друзей, часто важный и нужный для писателя, особенно на первыхъ порахъ, не можетъ однакоже замѣнить для него суда публики. Сила дарованія въ послѣдней инстанціи опредѣляется общественнымъ мнѣніемъ, приговоромъ образованнаго большинства. Напрасно иные воображаютъ, что на трибуналѣ, о которомъ мы упомянули, среди разногласій и противорѣчій, непремѣнно возникнутъ сомнѣнія о достоинствѣ писателя и наконецъ будетъ подорвано его вліяніе. Эта мысль невѣрна; она опровергается примѣромъ Маколэ. Континентальная Европа и Америка оказали ему привѣтъ, едва ли не единодушнѣе, чѣмъ сама Англія. И между тѣмъ иностранные его читатели и цѣнители расходились въ убѣжденіяхъ очень далеко, гораздо дальше, чѣмъ его личные друзья — Виги и личные враги Торіи. Извѣстно, что вопросы, затронутые искусною рукою историка были животрепещущими вопросами Европейскаго общества, что они произвели почти всѣ главные раздоры, глубокія сомнѣнія, тревоги и увлеченія нашего вѣка. Извѣстно далѣе, что первые томы сочиненія Маколэ вышли въ 1849 г., въ самый разгаръ революціи. И кто же, кромѣ закоренѣлыхъ фанатиковъ, не признающихъ уроковъ прошедшаго, серьезно отвергалъ высокое достоинство этого труда? Ученые отозвались объ немъ съ удивленіемъ; публика читала исторію Англіи съ восторгомъ. Авторъ разомъ обратилъ на себя вниманіе и пріобрѣлъ сочувствіе современниковъ. Уваженіе къ нему осталось неизмѣннымъ до конца и недавно выразилось снова въ искренней, трогательной скорби цѣлаго поколѣнія, когда пришла вѣсть о смерти любимаго писателя. «Мы лишились въ Маколэ вдохновеннаго историка; онъ много работалъ и много сдѣлалъ на пользу свободы,» говорили со всѣхъ концевъ земли его разнохарактерные цѣнители. Этотъ голосъ, полный правды и утѣшенія, лучше всего доказываетъ, какъ несправедливы жалобы на холодность и скептицизмъ XIX столѣтія въ оцѣнкѣ дарованій и трудовъ. Испытующій и разборчивый духъ нынѣшнихъ обществъ, конечно простираетъ дале-

ко свои требованія. Названіе генія дается теперь не всякому полезному и оригинальному дѣятелю въ наукѣ и литературѣ. Но неужели нашъ вѣкъ не признаетъ превосходства за своими умственными двигателями? Развѣ онъ не имѣетъ своихъ представителей и не помнитъ, свято и вѣрно оказанныхъ ему услугъ? Прежде нежели мы бросимъ камень въ современниковъ и обвинимъ ихъ въ презрѣніи къ таланту, спросимъ, какъ смотрѣли на него наши праотцы! Прежде самый титулъ великаго человѣка принадлежалъ преимущественно породѣ, силѣ, власти, успѣху, богатству. Умъ, дарованія, артистическія способности безъ внѣшнихъ условій, безъ житейскихъ украшеній цѣнились немногими избранными и стояли очень не высоко во мнѣніи толпы. Руководители мысли и поклонники искусства жили и умирали безъ привѣта, безъ участія, незамѣченные въ отечествѣ, не понятые самыми близкими. Мало ли знаменитыхъ литераторовъ и художниковъ XVIII столѣтія брошено въ общія ямы и безвѣстныя могилы, которыя не въ силахъ отыскать самый любознательный антикварій? Передъ нами происходятъ совсѣмъ иныя явленія. Поборникъ истины и добра, посланный одному народу, встрѣчаетъ симпатическій привѣтъ отъ всего образованнаго міра; господству таланта нѣтъ другихъ границъ, кромѣ его силы и обаянія. Примѣръ Маколэ не первый фактъ, не исключеніе изъ общаго правила. Къ чести нашего времени, мы видѣли не мало подобныхъ примѣровъ.

Что касается до сомнѣній на счетъ Маколэ, объ нихъ мы уже упомянули мимоходомъ и, сознаемся откровенно, нѣкоторыя прежде раздѣляли съ читателями, а другія и теперь раздѣляемъ. И до личнаго знакомства съ историкомъ и послѣ намъ очень хотѣлось понять истинныя свойства, т. е. какъ сильныя, такъ и слабыя стороны его таланта. Не имѣя, повторяемъ, ни малѣйшаго притязанія на критику, мы ограничимся только повѣркою собственныхъ и отчасти чужихъ впечатлѣній. Предложенныя воспоминанія и разговоры слишкомъ отрывочны, скажетъ иной читатель и потребуетъ отъ насъ, чтобы мы привели ихъ къ извѣстнымъ результатамъ, чтобы мы обрисовали ему точнѣе личность англійскаго историка. Спѣшимъ отвѣчать, какъ умѣемъ, на эти справедливыя требованія.

Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о Маколэ, какъ о человѣкѣ. Къ сожалѣнію, частной жизни его мы не знаемъ и не имѣемъ права касаться. Въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ уважается неприкосновенность очага, въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, гдѣ, какъ во всѣхъ столицахъ, никто не занятъ своимъ сосѣдомъ, русскій путешественникъ по неволѣ сдерживаетъ свое любопытство, хотя бы пріѣхалъ изъ провинціи съ наивными привычками и съ претензіями все изслѣдовать. Онъ не найдетъ тамъ словоохотливыхъ и праздныхъ людей обоего пола, занятыхъ по призванію или отъ скуки собираніемъ статистическихъ свѣдѣній обо всемъ, что происходитъ въ томъ или другомъ семействѣ, за стѣнами домовъ. Если подобные люди и найдутся, на ихъ показанія не совѣтуемъ полагаться. Эта метода очень полезна и даже признается необходимою въ тѣхъ странахъ, гдѣ публичная жизнь закрыта непроницаемою тайною, гдѣ самыя государственныя отношенія не могутъ быть разгаданы независимо отъ частныхъ. Напротивъ въ Англіи всѣ поступки людей, имѣющіе общественный характеръ или нарушающіе чье нибудь право, обнародуются въ газетахъ, а до безвредныхъ привычекъ, личныхъ наклонностей и причудъ никому дѣла нѣтъ, онѣ пользуются терпимостью, ихъ никто не замѣчаетъ. Конечно, характеръ такого человѣка, какъ Маколэ, не могъ оставаться загадочнымъ по крайней мѣрѣ для близкихъ къ нему людей. Но входить въ задушевный кругъ человѣка, хотя бы и великаго, даже съ невинною цѣлью разузнать, что онъ дѣлаетъ, для передачи любопытному потомству есть шпіонство со стороны путешественника. Оно прощается только записнымъ біографомъ въ родѣ Бозвелля.

Итакъ подробныя свѣдѣнія о частной жизни Маколэ любопытные найдутъ въ біографіяхъ; изъ фактовъ же, обнародованныхъ до-сихъ-поръ, нѣкоторые мы сообщили прежде. Ихъ вообще очень немного и нужно признаться, онѣ не кажутся намъ особенно интересными. Для насъ важнѣе опредѣлить политическій и общественный характеръ этого человѣка. Здѣсь мы выходимъ на открытое поле; здѣсь нѣтъ мѣста скромности; здѣсь если бы мы даже знали, какую нибудь тайну, мы не должны молчать. Къ счастію поведе-

ніе Маколэ не даетъ повода къ какимъ нибудь недоумѣніямъ. Онъ выказывалъ себя рѣзко и опредѣленно въ парламентѣ и на митингахъ, явно присталъ къ партіи Виговъ и поддерживалъ ее систематически цѣлую жизнь. Партія эта съ своей стороны умѣла оцѣнить его талантъ, не навязывала ему цѣпей на умъ и на языкъ и не мѣшала дѣйствовать по убѣжденію. Маколэ былъ не разъ членомъ министерства, но къ концу поприща достигъ совершенно независимаго положенія въ палатѣ. Даже на первыхъ порахъ, избранный при содѣйствіи просвѣщеннаго лорда Лансдауна, онъ не получилъ отъ своего патрона инструкцій. Единственною программою для него были указанія историческаго опыта, на сколько онъ понималъ ихъ и считалъ необходимымъ прилагать къ государственнымъ вопросамъ своей страны. Слѣдуетъ ли дать ему названіе доктринера, объ этомъ можно много спорить. Мы, русскіе, кажется, еще не согласились между собою въ понятіи о доктринерствѣ. У насъ это слово прилагается чуть ли не ко всѣмъ убѣжденіямъ и партіямъ, кромѣ самыхъ крайнихъ, между тѣмъ, какъ на Западѣ ему придаютъ точный смыслъ. Во Франціи, напримѣръ при Людовикѣ Филиппѣ, не всѣ люди стоявшіе на конституціонной почвѣ, считались доктринерами; въ Англіи такое смѣшеніе еще менѣе возможно. И въ той и въ другой странѣ мы видамъ независимыхъ либералловъ, которые не вѣрятъ въ неподвижность законовъ, формъ и политическихъ комбинацій представительнаго устройства, не признаютъ равновѣсія властей, а требуютъ мирнаго, постепеннаго и сознательнаго примѣненія началъ справедливости, терпимости и свободы къ жизни обществъ.

Существующій порядокъ для нихъ фактъ, а не доктрина. Въ такомъ духѣ дѣйствовалъ Маколэ. Либерализмъ его шелъ дальше ученія Виговъ. Изъ рѣчи, сказанной имъ противъ Чартистовъ видно, что онъ допускалъ то, чего не допускала его партія, именно кромѣ расширенія права выборовъ, тайную подачу голосовъ, участіе рабочаго класса въ представительствѣ, даже республику, если Англичане признаютъ ее необходимою.» Я думаю, сказалъ онъ, что монархія и аристократія есть средство управлять народомъ, а не цѣль прав-

ленія; но возстаю противъ всеобщей подачи голосовъ, потому что она у насъ непримѣнима, что она поведетъ къ расхищенію собственности и къ погибели гражданственности. Я не желалъ бы видѣть въ Англіи тираніи нищихъ, грабежа и варварства *).» Съ такою же откровенностью выражалъ Маколэ свое не довѣріе къ соціалистическимъ теоріямъ и опытамъ.

Вообще въ искренности Маколэ никто до-сихъ-поръ не сомнѣвался. Политической образъ мыслей его конечно можетъ казаться робкимъ и даже консервативнымъ тому, кто полагаетъ, что истинный либерализмъ не долженъ имѣть никакихъ границъ, или что границы его должны быть загадочны, что обозначать ихъ не слѣдуетъ изъ страха, когда нибудь прослыть доктринеромъ. Но если въ либерализмъ входитъ готовность на борьбу и на жертву, то Маколэ нужно причислить къ истиннымъ друзьямъ свободы. Онъ не боялся защищать ея начала противъ общественныхъ предразсудковъ. Въ доказательство можемъ привести слѣдующій достовѣрный фактъ.

Намъ случилось быть въ одномъ обществѣ, въ Лондонѣ, разговоръ шелъ о Маколэ и, сколько помнится, о политической статьѣ его противъ Гладстона. Статья эта показалась одному изъ присутствующихъ слишкомъ рѣзкою. Я не спорю съ вами на счетъ литературныхъ качествъ Маколэ, замѣтилъ другой. Очень можетъ быть, что въ критикѣ онъ выходитъ изъ границъ умѣренности и не всегда владѣетъ собою. Но, позвольте мнѣ защищать его политическую и религіозную терпимость. Я испыталъ ее на себѣ. Секта унитаріевъ, къ которой я принадлежу, обязана ему одному охра-

*) Speeches I, 305—20 (Tauchnitz édition). Недавно Times обнародовалъ письмо Маколэ къ одному Американцу подобнаго же содержанія. Историкъ полагаетъ, что нынѣшнее устройство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ удержаться надолго. «Какъ только вы перестанете захватывать и заселять новыя земли, какъ только собственность опредѣлится у васъ точными, неизмѣнными границами, пишетъ онъ, вы увидите, что поголовная подача голосовъ будетъ дѣйствовать нумерически, т. е. дастъ перевѣсъ въ обществѣ невѣжественной толпѣ, преданной бродяжничеству и праздности надъ образованными классами и добрыми гражданами. Въ Европѣ, при неравенствѣ имуществъ, эти результаты обнаружились бы разомъ и рѣзко».

неніемъ своей безопасности. У насъ хотѣли отнять имущества и даже церковныя зданія. Мы обращались то къ одному, то къ другому министру; — никто не хотѣлъ выслушать наши жалобы. Наконецъ мнѣ посовѣтовали обратиться къ Маколэ. Онъ съ готовностью взялся за справедливое дѣло, внесъ билль въ парламентъ объ огражденіи правъ секты, защитилъ ее отъ притѣсненій протестантскаго фанатизма и *лишился за это довѣрія своихъ избирателей*. Они не хотѣли слышать объ немъ на новыхъ выборахъ и подали голоса за другаго *).

Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя. Убѣжденные въ чистотѣ характера Маколэ и въ вѣрности его свободѣ, мы не хотимъ однако же убѣждать читателей, что его политическая карръера отмѣчена какими нибудь чрезвычайными заслугами, кромѣ развѣ путешествія въ Индію и составленія уголовнаго уложенія для туземцевъ. Онъ не занималъ самыхъ высокихъ мѣстъ въ министерствѣ и даже не имѣлъ большаго вліянія на палату общинъ. Рѣчи его правда слушали охотно; говорилъ онъ блистательно, но больше какъ

*) Секта унитаріевъ, о которой здѣсь упоминается, произошла, можетъ быть, еще въ эпоху реформаціи. Къ тайнымъ ея послѣдователямъ относятъ Мильтона, Ньютона и Локка. Послѣдній принужденъ былъ за свои мнѣнія оставить Оксфордъ и бѣжать изъ Англіи. Ему приписываютъ многія изъ полемическихъ сочиненій, вышедшихъ подъ именемъ «unitarian tracts» въ 1690 г., когда секта окончательно сложилась. Но протестанты питали къ ней всегда такую ненависть, что никто не смѣлъ открыто объявить себя унитаріемъ, изъ страха преслѣдованія. Суровый законъ о богохульствѣ (blasphemy act) былъ объясняемъ въ духѣ нетерпимости и потерялъ силу только въ 1813 году. При малѣйшемъ взрывѣ фанатизма ярость черни и месть судей обращалась противъ унитаріевъ. Даже въ концѣ XVIII столѣтія (1790) встрѣчается примѣръ казни одного изъ нихъ собственно за вѣру. Въ настоящее время секта имѣетъ до 40,000 послѣдователей въ Англіи и еще больше въ Америкѣ. Она не признаетъ собственно никакихъ догмъ кромѣ единобожія, не имѣетъ церковной іерархіи; ея священники получаютъ скорѣе философское, чѣмъ религіозное образованіе, въ особенныхъ для того учрежденныхъ коллегіяхъ. Унитаріи не ведутъ прямо пропаганды; въ ихъ общество можетъ быть принятъ каждый безъ особенныхъ формальностей; ему не предлагаютъ ни катехизиса, ни символа вѣры: qui venit consentire vidatur. — Рѣчь Маколэ въ защиту унитаріевъ помѣщена въ speeches, II, 62—81. Она вмѣстѣ съ рѣчью въ защиту католиковъ (ibid. 111—129) глубоко оскорбила набожныхъ протестантовъ и лишила историка довѣрія его избарателей.

ученый ораторъ, чѣмъ какъ государственный человѣкъ, и къ тому же вовсе не владѣлъ искусствомъ вести дебаты. Интересуясь больше литературною дѣятельностью Маколэ разсмотримъ его собственно, какъ писателя.

При чтеніи этюдовъ Маколэ невольно бросается въ глаза сила и яркость его красокъ. (Объ исторіи, обдуманной зрѣло, написанной проще и спокойнѣе, мы пока не говоримъ.) Онѣ кажутся инымъ людямъ слишкомъ рѣзкими и разсчитанными на эффектъ. Неудивительно, подумаетъ кто нибудь, что историкъ, вѣрный духу времени, любилъ пышныя декораціи и щегольскія выраженія: нашъ вѣкъ по преимуществу вѣкъ громкихъ фразъ и шика; онъ гоняется за фейерверками, иллюминаціями и бенгальскими огнями, какъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ. Мы не беремся отстаивать противъ этихъ обвиненій, нѣкоторыхъ писателей и художниковъ, да они и не требуютъ защиты. Французская школа живописи, освѣщающая свои картины едва ли не электрическимъ свѣтомъ, громоносная музыка Верди, поражающая нервы тромбонами, яростная драма, отчаянные памфлеты и пламенные фельетоны, конечно не расплодились бы на землѣ, если бы имъ не рукоплескала толпа. Но неужели этюды Маколэ похожи на эти произведенія? Неужели кто нибудь послѣ его статей чувствовалъ себя разстерзаннымъ, оглушеннымъ, обезглавленнымъ? Мы можемъ смѣло сослаться на впечатлѣніе большинства читателей. Яркость красокъ — естественная, непринужденная манера у Маколэ. Описывая историческое лицо, онъ прямо беретъ самыя видныя его черты, самыя оригинальныя стороны и привычки; тонкія, слабыя, неуловимыя оттѣнки физіономіи занимаютъ художника въ меньшей степени. Если вамъ не нравится такая манера, — съ вами трудно спорить: это дѣло вашего темперамента и и вкуса, значитъ — вы любите блѣдное, загадочное, деликатное освѣщеніе. Есть люди, которые не выносятъ картинъ Рембрандта, именно за то, что краски, которыми онѣ нарисованы метки, сильны, оригинальны. Однако же Рембрандтъ великій, первоклассный неподражаемый художникъ. Даже тѣ, которые не признаютъ въ немъ чрезвычайныхъ достоинствъ, не рѣшаются сравнивать его натуральный блескъ съ натя-

нутымъ и всегда однообразнымъ свѣтомъ Gerardo delle notte Скалькена (Schalken) и другихъ посредственностей. Главный вопросъ состоитъ въ томъ, вѣрно ли, удачно ли схвачена физіономія, живо ли она воспроизведена; остальное имѣетъ важность уже второстепенную. Что Маколэ вноситъ всюду свѣтъ и блескъ, что онъ избѣгаетъ мрака и туманныхъ картинъ,—это справедливо; что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ грѣшитъ рѣзкостью цвѣта и тѣни, это не трудно допустить, но что онъ вѣренъ большею частію природѣ и дѣйствительности,—этого пока не отвергала критика. Ему дѣлали упреки, какъ всякому писателю, въ ошибкахъ, въ недосмотрахъ, въ самоувѣренности; но сколько извѣстно, не дѣлали упрековъ въ мелодраматическомъ или въ театральномъ искаженіи характеровъ.

Справедливѣе замѣчаютъ, что Маколэ увлекается преимущественно свѣтлою стороною жизни. По своей ясной натурѣ, по характеру и настроенію онъ дѣйствительно больше расположенъ радоваться успѣхамъ человѣчества, чѣмъ оплакивать и проклинать его недуги и бѣдствія. Къ тому же онъ слишкомъ любилъ Англію, слишкомъ свыкся съ нею, слишкомъ долго жилъ съ ея народомъ, чтобы судить строго его пороки и грѣхи. Даже въ частныхъ бесѣдахъ, какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, историкъ высказываетъ нѣкоторый оптимизмъ, совершенно, впрочемъ простительный. Кто испыталъ въ жизни привязанности, тому понятно, почему въ дорогомъ человѣкѣ самыя слабости прощаются, даже нравятся, что, разумѣется, не мѣшаетъ ихъ видѣть и наблюдать. Но вѣдь увлекаются не одни оптимисты; и писимистамъ не всегда можно вѣрить: ихъ подозрительность часто не имѣетъ ни опоры, ни оправданія.

Далѣе въ сочиненіяхъ Маколэ находятъ много софизмовъ. Не одинъ изъ его читателей былъ пораженъ адвокатскими пріемами историка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, знаменитымъ сближеніемъ между поэзіею и помѣшательствомъ въ статьѣ о Мильтонѣ, слишкомъ снисходительнымъ взглядомъ на жизнь и ученіе Макіавелли и пр. Нѣкоторые видятъ въ этомъ желаніе оригинальничать, замашки умника; другіе, строгіе моралисты—отсутствіе твердыхъ убѣжденій. Съ послѣдними

мы не споримъ; они требуютъ отъ исторіи нравственныхъ уроковъ. Притомъ же софизмы, о которыхъ идетъ рѣчь, часто совершенно безгрѣшны, въ чемъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ примѣровъ. Обвиненія первыхъ больше похожи на правду. Должно однакоже замѣтить, что у Маколэ встрѣчаются парадоксы преимущественно въ произведеніяхъ молодости, именно въ первыхъ этюдахъ, въ которыхъ сильнѣе замѣтны всѣ его недостатки. Чѣмъ болѣе созрѣвалъ онъ, тѣмъ больше сдерживалъ свое перо, тѣмъ меньше довѣрялъ увлеченіямъ. Изъ разговоровъ съ нимъ не трудно было открыть въ его характерѣ одну замѣчательную черту. Пылкій, огненный отъ природы, онъ вносилъ въ полемику необыкновенную стремительность. Если какое нибудь ходячее мнѣніе казалось ему ложнымъ, онъ выходилъ противъ него во всеоружіи и не давалъ ему ни малѣйшей пощады. Здѣсь доказательства сыпались у него съ быстротою и силою, причемъ естественно одни удары не попадали прямо въ цѣль, другіе далеко перебрасывались за предметъ, противъ котораго были направлены. Этимъ, кажется, слѣдуетъ объяснять если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе софизмы почтеннаго историка. Что касается до адвокатскихъ его пріемовъ, о которыхъ сожалѣлъ Галламъ,*) — они дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вредятъ спокойствію разсказа. Но съ другой стороны, какъ часто изложеніе Маколэ выигрываетъ въ ясности именно отъ того, что онъ совершенно входитъ въ положеніе описываемыхъ лицъ, переноситъ себя и читателя на мѣсто событій, объясняетъ частности и побочныя обстоятельства! Роли историка и адвоката, конечно различны, но есть случаи, когда одинъ помогаетъ другому. Мы не думаемъ напримѣръ, чтобы можно было превзойдти Маколэ въ объясненіи теорій божественнаго права, пущенныхъ въ ходъ англійскимъ духовенствомъ и Оксфордскимъ университетомъ при Іаковѣ II. Побудительныя причины, оттѣнки, характеръ, измѣненіе этихъ теорій переданы у него съ неподражаемымъ искусствомъ, съ самымъ строгимъ безпристра-

*) Онъ выразился однажды о Маколэ слѣдующимъ образомъ: нашъ лучшій историкъ еще не бросилъ адвокатуры? (Our best historian is still at the bar!)

стіемъ и между тѣмъ, почти подлинными словами замѣшанныхъ въ споры современниковъ. Если у читателей, не вышли изъ памяти главы, о которыхъ мы говоримъ (II, IX), они вѣроятно согласятся съ нами. Вообще люди, выставляющіе на видъ адвокатскую манеру Маколэ, забываютъ, что по крайней мѣрѣ въ исторіи онъ всегда выслушиваетъ обѣ стороны и послѣ обвинительныхъ и защитительныхъ рѣчей, садясь на судейское кресло, произноситъ приговоры, достойные своего высокаго званія.

Напротивъ, очень справедливо замѣчаютъ, что въ отвлеченныхъ выводахъ Маколэ не былъ силенъ. Одаренный умомъ практическимъ по преимуществу, онъ кажется, самъ чувствовалъ, что не всѣ стороны историческаго изслѣдованія одинаково ему доступны и предоставилъ другимъ рѣшать вопросы, которые находилъ для себя менѣе привлекательными или слишкомъ сложными. Въ объясненіи миѳовъ, легендъ, религіи и философіи народовъ пальма первенства безспорно принадлежитъ Гроту. Маколэ на этомъ полѣ не подвизался и, какъ видно, хорошо сдѣлалъ. Единственная попытка его прослѣдить развитіе абстрактныхъ идей и духовное уваженіе человѣчества (въ статьѣ о Бэконѣ) рѣшительно не удалась. Какъ ярко изобразилъ онъ государственную роль и личный характеръ канцлера, такъ невѣрно понято имъ значеніе и мѣсто англійскаго философа въ ряду мыслителей.

Вообще нужно согласиться, что для исторіи, какъ для науки, Маколэ сдѣлалъ не столько, сколько другіе его сподвижники. Главный начатой имъ, трудъ прерванъ. Это — часть колоссальнаго зданія, котораго полныхъ размѣровъ онъ самъ не опредѣлилъ въ точности и едва ли предвидѣлъ; остальныя сочиненія, не смотря на всѣ ихъ достоинства, не болѣе, какъ этюды. Ему не удалось, подобно Ранке, освѣтить безпристрастнымъ и проницательнымъ взоромъ политическую и общественную жизнь разныхъ странъ Европы. Онъ не воздвигъ себѣ такого памятника, какой поставилъ къ чести нашего времени на удивленіе потомства величавый, всесторонній, спокойный, глубокій Гротъ. Имя историка Греціи будетъ надолго, если не на всегда, приковано къ славнымъ преданіямъ и героической судьбѣ одного изъ самыхъ

талантливыхъ и наиболѣе привлекательныхъ народовъ земнаго шара. Напротивъ, лучшее твореніе Маколэ скорѣе напоминаетъ тѣ, полные великой мысли и чудныхъ подробностей готическіе храмы, о которыхъ онъ такъ любилъ говорить и которые остаются недоконченными могучею рукою первоначальнаго, вдохновеннаго вѣрою и энтузіазмомъ, строителя...

За то для исторіи, какъ для искусства, Маколэ оставилъ великолѣпные образцы, подобныхъ которымъ по освѣщеніи и отдѣлкѣ, мы не находимъ ни у Ранке, ни у Грота. Въ этомъ отношеніи его можно сравнивать съ лучшими художниками. Чувствомъ красоты, изящества, гармоніи онъ рѣшительно превосходитъ современныхъ историковъ. Любуясь изобрѣтенными имъ формами, передъ которыми блѣднѣетъ обыкновенное изложеніе, на которыя, мы далеко не успѣли наглядѣться, которымъ его послѣдователи еще не научились подражать и которыя замѣнить болѣе привлекательными не удалось пока никому,—мы чувствуемъ всю силу, всю тяжесть понесенной искусствомъ утраты въ лицѣ Маколэ. Мы переносимся мыслью въ тотъ вѣкъ, когда умеръ Шекспиръ. Намъ кажется, что мы опять пришли на могилу великаго поэта въ Стратфордѣ и читаемъ полную горькаго сожалѣнія и горькой ироніи надпись на его гробѣ. Для насъ понятно, отъ чего Бенъ Джонсонъ былъ такъ грустенъ! Онъ лишился дорогаго несравненнаго пѣвца и, сознавая свою потерю, имѣлъ право написать, что погибла быстрая, полная свѣжести и силы, натура, что живые художники осиротѣли и остались служить таланту умершаго...

. . . . . . with him
Quick nature died; since all that he that writ.
Leaves living art but page to serve his wit.

Д. КАЧЕНОВСКІЙ.

Харьковъ, 1 Мая 1860 года.

ВИЗАНТІЙСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

III.

Зоя и Өеодора.

Въ порокахъ людей, точно также какъ въ ихъ добродѣтеляхъ, есть извѣстная преемственность. Рѣдко царствующая гдѣ бы то ни было династія возвышается заслугами одного человѣка. Обыкновенно ее утверждаетъ цѣлый рядъ поколѣній, въ которыхъ качества, доставившія славу и могущество родоначальнику, сохраняются точно также, какъ сохраняется физическое сходство съ нимъ. Тоже самое бываетъ съ слабостями и недостатками, только что послѣдніе, благодаря устройству человѣческаго организма, идутъ въ прибывающей, а первые въ убывающей прогрессіи. Потомство Өеофана и ея перваго мужа представляетъ новое доказательство этой, впрочемъ, довольно избитой истины.

Она родила ему двухъ сыновей, Василія и Константина, и столькихъ же дочерей — Өеофано и Анну. Первая вышла при Никифорѣ Фокѣ за сына германскаго императора, въ послѣдствіи Оттона II, и перенесла византійское искусство интриги на почву до-тѣхъ-поръ ей еще чуждую; она встрѣтила тутъ достойную сотрудницу въ лицѣ своей тещи Адельгейды, которая для личныхъ интересовъ пожертвовала свободой своего отечества, Италіи. Вызвавъ туда Нѣмцевъ Адельгейда, положила начало вѣковому господству за-

Альпійцевъ надъ Апеннинскимъ полуостровомъ и сдѣлалась такимъ образомъ первою виновницею потоковъ крови, которые съ-тѣхъ-поръ до сего времени проливались Итальянцами для полученія независимости. Анна стала супругою Владиміра-Святаго. О роли, которую она играла въ юной, только что вышедшей изъ первобытнаго состоянія Руссі, ни лѣтописи, ни преданія наши не сохранили извѣстій.

Сыновья, Василій и Константинъ, при смерти Романа III остались малолѣтними. Первому было всего пять лѣтъ, второму два года. Естественно, что императорскій титулъ, данный имъ еще при жизни отца, не защитилъ ихъ отъ узурпаторовъ. Мы уже видѣли, какъ сначала Никифоръ Фока, потомъ Іоаннъ Цимисхій одинъ за другимъ заняли престолъ и управляли Византіею не въ качествѣ опекуновъ ихъ или правителей, а полновластныхъ вѣнчанныхъ государей. Описывая пріемную аудіенцію свою у Никифора, Луитпрандъ Кремонскій, посолъ Оттона I, съ горечью отзывается объ униженіи, въ которомъ держались законные наслѣдники престола [1]). Когда наконецъ и Цимисхій подвергся обыкновенной участи византійскихъ императоровъ (см. конецъ предъидущаго очерка) старшій достигъ уже восемнадцати, младшій пятнадцати-лѣтняго возраста. Но выросши вдали отъ дѣлъ правленія и получивъ подъ вліяніемъ подозрительности узурпаторовъ воспитаніе, которое нимало не служило приготовленіемъ къ дѣятельности государя, они и теперь, по всей вѣроятности, пріобрѣли бы только пустой титулъ, оставя власть въ рукахъ какого-нибудь честолюбиваго министра. Къ счастію ихъ такихъ честолюбцевъ оказалось слишкомъ много, такъ что они сдѣлались помѣхой другъ другу и, другъ друга уничтоживъ, оставили законныхъ государей независимыми. Противъ убійцы Цимисхія, эвнуха Василія, который утвердилъ было свое вліяніе возвращеніемъ изъ ссылки Өеофано, возсталъ Вардасъ Склиросъ, одинъ изъ лучшихъ генераловъ имперіи. Укрощеніе этого мятежа стоило многихъ трудовъ Константинопольскому правительству; за то оно пробудило природныя способности Василія, внушило ему увѣренность въ самомъ себѣ и даровало боевую опытность. Удачные походы противъ Болгаръ, въ которыхъ онъ при-

нималъ личное участіе, утвердили его авторитетъ въ арміи и въ народѣ, до того, что онъ могъ наконецъ рѣшиться на устраненіе властолюбиваго министра. Въ 987 году Василія лишили всѣхъ чиновъ и удалили изъ столицы. Съ этого времени на Византійскомъ престолѣ опять является императоръ не только по праву, но и на дѣлѣ. Македонская династія снова упрочилась.

Сорокадевяти-лѣтнее царствованіе Василія II представляетъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, одинъ изъ блистательныхъ періодовъ Византійской исторіи. Я говорю: царствованіе Василія, хотя престолъ раздѣлялъ съ нимъ и братъ его Константинъ. Но послѣдній рѣшительно не входилъ въ дѣла правленія. Забавы и развлеченія поглощали все его вниманіе; единственнымъ двигателемъ какъ внѣшней. такъ и внутренней политики является исключительно Василій. Онъ былъ достойнымъ преемникомъ Никифора и Цимисхія. Съ какимъ-то лихорадочнымъ неистовствомъ онъ напрягалъ всѣ силы имперіи для войны, мало заботясь о ея внутреннемъ устройствѣ. Командовать арміями и флотами — все равно на полѣ ли битвы, на мирномъ ли плацъ-парадѣ, составляло для него высшее наслажденіе. Никакія издержки не щадились, чтобы содержать постоянно готовую къ бою армію; никакія пожертвованія не казались страшными, если только изъ-за нихъ мелькалъ кровавый призракъ славы завоевателя. Благодаря такому расположенію государя, внѣшнее могущество Византіи дѣйствительно возросло опять до давно забытыхъ предѣловъ. Почти цѣлая треть Апеннинскаго полуострова снова покорилась ея оружію. Соперникъ ея, Германскій императоръ Оттонъ II чуть было самъ не попалъ въ плѣнъ византійскихъ наемниковъ. Проигравъ рѣшительное сраженіе при Базентелло, онъ навсегда долженъ былъ отказаться отъ надежды завладѣтъ Южною Италіею. на которую претендовалъ, какъ наслѣдникъ древнихъ западно-римскихъ кесарей и какъ супругъ византійской царевны. Венеція сдѣлалась послушнымъ орудіемъ константинопольской политики; флоты ея за одно съ византійскими эскадрами блюли морскую полицію въ Адріатикѣ и Эгейскомъ морѣ и охраняли берега имперіи отъ магометанскихъ пира-

товъ [2]). На Востокѣ границы ея раздвинулись далеко въ глубь Закавказья и Арменіи; нынѣшняя Абхазія, Имеретія и Мингрелія сдѣлались ея провинціями и платили тяжкую дань кровью своихъ жителей, которые вмѣстѣ съ скандинавскими Варягами слыли лучшими солдатами византійской арміи. Трудно съ точностью сказать, гдѣ остановились завоеванія Василія на сѣверѣ; но владѣніе Сирміумомъ [3]) въ нынѣшней австрійской Кроаціи, доказываетъ, что и здѣсь онѣ зашли далѣе предѣловъ нынѣшней Турецкой имперіи. Царство Болгаръ, потрясенное уже побѣдами Никифора и Цимисхія, окончательно пало, доставивъ Константинополю милліоны трудолюбивыхъ и воинственныхъ подданныхъ. Что этимъ пріобрѣтеніемъ онъ былъ обязанъ только возмутительной жестокости своего государя, что Василій счелъ нужнымъ для укрощенія болгарскаго племени, ослѣпить и изувѣчить 15000 плѣнныхъ [4]), объ этомъ никто не спрашивалъ. Только на Югѣ, гдѣ окончательно утвердился исламизмъ, ни регулярныя войска, ни разсчитанное систематическое безчеловѣчіе Византійцевъ не могли ничего сдѣлать противъ степныхъ наѣздниковъ Аравіи и Туркистана. Копыта коней ихъ затоптали послѣдніе слѣды древней цивилизаціи между Тигромъ и Средиземнымъ моремъ. И точно также, какъ прежнихъ осѣдлыхъ жителей Месопотаміи, Сиріи и Вавилоніи смѣнили кочующія орды турецко-татарскаго племени, такъ и природа опустѣла, одичала, вмѣсто прежняго цвѣтущаго вида приняла печальный степной характеръ. Она какъ бы истосковалась по прежнимъ владѣтелямъ и, находя не союзника, а врага въ человѣкѣ, сама стала ему враждебной [5]).

Еще болѣе чѣмъ личнымъ наклонностямъ и военнымъ дарованіямъ Василія, имперія была обязана своимъ возвышеніемъ отличной по времени военной организаціи своей. Она одна изъ всѣхъ европейскихъ державъ того времени содержала постоянное войско и представляла начатки правильныхъ рекрутскихъ наборовъ. И въ отношеніи къ военной администраціи она много напоминаетъ нынѣшнюю Австрію. Точно также, какъ Вѣнскій кабинетъ усмирялъ и сдерживалъ Венгровъ Славянами, Итальянцевъ Венграми и

для своихъ выгодъ пользовался племенною ненавистью своихъ подданныхъ, такъ и Константинопольское правительство противопоставляло Славянамъ армянскихъ стрѣлковъ или наѣздниковъ азіатскихъ степей, а противъ послѣднихъ выводило пѣхоту, набранную изъ дунайскихъ Славянъ. То защищали его, напримѣръ, въ Италіи норманскіе Варяги, то противъ этихъ самыхъ Варяговъ искалась помощь въ племенахъ Нумидіи [6]), которыя еще со временъ Кароагена привыкли проливать кровь свою за звонкую монету. Само собою разумѣется, что при этой уловкѣ столь же мало пренебрегали наглымъ коварствомъ и обманомъ, какъ въ свое время, какой-нибудь Меттернихъ или графъ Стадіонъ. Но при этой одинаковости административной политики должны были обнаружиться въ Византіи тѣ же самыя слѣдствія, какія мы видимъ отъ нея въ настоящее время въ Австріи. Управленіе государствомъ тамъ и здѣсь обходилось одинаково дорого. Тамъ и здѣсь одинаково далеко бо̀льшая часть государственнаго дохода шла на покрытіе военныхъ издержекъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что Византія еще не имѣла чаянія о могуществѣ государственнаго кредита и не могла эксплуатировать его такъ, какъ эксплуатируетъ Австрія. Вся тяжесть неестественнаго, а между тѣмъ необходимаго при отсутствіи органической жизни административнаго порядка ея падала на современность. Чѣмъ воинственнѣе бывалъ императоръ, чѣмъ онъ болѣе возвышалъ внѣшнее значеніе имперіи, тѣмъ подданные его болѣе изнывали подъ гнетомъ податей [7]). Обременять будущія поколѣнія въ пользу настоящаго, тогда еще не знали этой развратной политики, и такимъ образомъ случилось то, по видимому дикое и непонятное явленіе, что благосостояніе частныхъ лицъ, находившихся подъ властью Византійскаго скипетра, было обратно пропорціонально благосостоянію правительства. Не сходились интересы правителей и управляемыхъ, а напротивъ исключали другъ друга.

При такомъ положеніи дѣлъ весьма понятно, что воспослѣдовавшая въ 1025 году смерть Василія не показалась несчастіемъ для Византійцевъ, а напротивъ торжествовалась какъ радостное событіе. Про брата его знали, что онъ

не падокъ до военной славы и хорошій столъ и доброе вино ставилъ далеко выше ея. Если что могло равняться его склонности къ этимъ вещественнымъ благамъ, то развѣ страсть къ женщинамъ. Въ 978 году, когда ему было всего семнадцать лѣтъ, онъ женился на константинопольской патриціанкѣ Еленѣ, изъ знатнаго богатаго рода Аргаровъ; но послѣ того, какъ она родила ему трехъ дочерей, болѣе не жилъ съ ней, а подражая султанамъ Востока, окружилъ себя цѣлымъ гаремомъ любовницъ. Отъ нихъ не отставалъ онъ и тогда, когда послѣ смерти брата остался единодержавнымъ государемъ, хотя ему въ это время было уже не менѣе шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. Изъ дочерей его старшая Евдокія, постриглась въ монахини, двѣ остальныя должны были наслѣдовать отцовскій престолъ. О молодости ихъ мы не имѣемъ извѣстій; но что на старшую —Зою—окружавшая ее придворная сфера не оказала благодѣтельнаго вліянія, это видно изъ всей послѣдующей ея исторіи. Изъ лицъ, еще при жизни отца пользовавшихся ея благосклонностью, намъ называютъ Константина Катепана, по прозвищу хлѣбникъ (ἀςτοκλινγό) и Константина Маномаха (единоборца). О личныхъ качествахъ перваго мы не знаемъ ничего кромѣ того, что онъ былъ замѣчательно хорошъ собою [8]); съ Константиномъ Мономахомъ познакомимся еще въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Что касается младшей — Ѳеодоры, то она, кажется, была болѣе чистой нравственности. Такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ думать съ одной стороны отсутстіе извѣстій о противномъ, съ другой многочисленныя положительныя свидѣтельства глубокой набожности ея. Обѣ царевны при жизни отца оставались не замужними, не смотря на то, что старшей давно уже миновалъ цвѣтъ первой молодости. Ей было сорокъ лѣтъ, когда умеръ Василій и престолъ достался отцу ея. Константинъ однакожъ понималъ, что опасно было оставить правленіе на рукахъ двухъ слабыхъ женщинъ, лишенныхъ всякой опоры и потому уже не задолго передъ смертью сталъ заботиться о пріисканіи приличной партіи по крайней мѣрѣ для одной изъ нихъ. Онъ хотѣлъ назначить единственною наслѣдницею свою младшую дочь, Ѳеодору, имѣвшую преимущество передъ Зоею не только по молодости и чистотѣ нра-

вовъ, но и по красотѣ и умственнымъ дарованіямъ. Онъ предложилъ ей выбрать жениха изъ византійской знати, предоставляя Зоѣ, по примѣру первой дочери его Евдокіи, вступить въ монастырь. Выборъ Өеодоры палъ на Константина Даланина, человѣка, для полной хиракгеристики котораго мы опять таки лишены всякихъ данныхъ. Византійскіе лѣтописцы, чѣмъ далѣе, тѣмъ становятся скуднѣе и молчаливѣе, ограничиваясь даже въ отношеніи къ замѣчательнымъ личностямъ упоминаніемъ одного только имени. Такъ напримѣръ о Даланинѣ мы находимъ у Кедрина [9]) только отрывочное извѣстіе, что онъ былъ причиною жестокаго пораженія, которое нанесли византійскому войску Сирійскіе Арабы. Въ то время, когда царевна почтила его своимъ выборомъ, онъ жилъ вдали отъ двора въ одномъ изъ своихъ обширныхъ армянскихъ помѣстьевъ. Не смотря на фактъ, сообщаемый Кедринымъ, Даланинъ кажется былъ не безъ достоинствъ; такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ думать, кромѣ выбора царевны, огромный авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ восточныхъ провинціяхъ имперіи, и независимый образъ мыслей, доказательства котораго представятся намъ еще впослѣдствіи. Притомъ онъ принадлежалъ къ одному изъ самыхъ вліятельныхъ родовъ Византіи. Даланины были въ родствѣ съ Дуками, Комненами, однимъ словомъ съ цвѣтомъ константинопольской аристократіи. Іоаннъ Комненъ, братъ Исакія, сдѣлавшагося впослѣдствіи императоромъ, былъ женатъ на одной изъ нихъ [10]). Отъ Даланиныхъ же по матери своей, Аннѣ, происходилъ Алексій Комненъ, одинъ изъ лучшихъ византійскихъ государей [11]). Выборъ Өеодоры по этому не встрѣтилъ сопротивленія со стороны отца и къ Даланину отправили курьера, съ извѣщеніемъ объ избраніи въ наслѣдники престола и съ приказаніемъ прибыть немедленно въ столицу.

Но еще не успѣлъ онъ севершить и половины пути, какъ обстоятельства совершенно измѣнились. При равнодушіи Константина VIII къ дѣламъ правленія весьма естественно, что онѣ всецѣло находились въ рукахъ министровъ. Первое мѣсто въ числѣ нхъ занималъ прото-вестіарій (оберъ-гардеробмейстеръ [12]) Симеонъ, соединявшій съ этой чисто придвор-

ной должностью званіе друнгарія вигилій (τῆς βίγλας), т. е. полковника гвардіи [13]) и титулъ проэдра [14]). Видѣть власть въ рукахъ людей самостоятельныхъ и достойныхъ для него не составляло слишкомъ пріятной перспективы и онъ по этому употреблялъ всѣ усилія, чтобы Ѳеодору замѣнить сестрою ея. При одинаковости нрава послѣдней съ нравомъ Константина, онъ смѣло могъ разсчитывать на продленіе своего вліянія. Въ затаенной вслѣдствіе этихъ побужденій интригѣ семейство Аргировъ, бывшее, какъ мы видѣли, въ свойствѣ съ императоромъ, оказывало ему живое содѣйствіе. И оно опасалось потерять свое значеніе отъ возвышенія Даланина.

Интрига была поведена довольно искусно. Чтобы не стать въ прямое противорѣчіе съ предпочтеніемъ, которое Константинъ отдавалъ младшей дочери, предметомъ для нападокъ своихъ протовестіарій избралъ жениха ея. Императора увѣрили, что Даланинъ питаетъ самыя враждебныя намѣренія относительно всей династіи его, что онъ хочетъ вступить въ бракъ съ его дочерью только за тѣмъ, чтобы овладѣть ея наслѣдіемъ, развѣстись съ нею и отправить въ монастырь. Съ другой стороны Симеонъ представлялъ, что вся столичная аристократія не расположена къ Даланину, человѣку гордому и неуживчивому и что въ-особенности родъ Аргировъ питаетъ глубокую ненависть къ нему. Если даже Даланинъ самъ ничего не предприняль бы противъ Ѳеодоры, то все-таки ей, какъ женѣ его, угрожала бы опасность отъ многочисленныхъ враговъ его [15]). Гораздо лучше было бы, такъ разсуждалъ протовестіарій, связать интересы династіи съ интересами наиболѣе въ то время вліятельнаго семейства византійскаго дворянства, т. е. Аргирова, а лучшее средство къ этому состояло, по его мнѣнію, въ бракосочетаніи царевны съ Романомъ, представителемъ этого семейства. Онъ очень хорошо зналъ, что Ѳеодора ни за что не согласится на это и скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ вступить въ бракъ съ человѣкомъ, который былъ уже женатъ и который могъ обручиться съ нею не иначе, какъ послѣ предварительнаго развода съ первою женой.

Убѣдить въ справедливости всѣхъ этихъ опасеній дряхлаго и почти умиравшаго уже Константина было не трудно.

Онъ велѣлъ отправить новаго курьера къ Даланину съ приказаніемъ остановить его тамъ, гдѣ его встрѣтитъ. Въ замѣнъ его былъ потребованъ во дворецъ Романъ Аргиръ. Предложеніе жениться на Θеодорѣ нѣсколько смутило его; по крайней мѣрѣ онъ счелъ долгомъ показаться смущеннымъ и не согласиться съ перваго раза. Тогда Константинъ въ припадкѣ какого-то дикаго неистовства объявилъ ему, что онъ долженъ выбирать между бракомъ и ослѣпленіемъ и что если къ вечеру не будетъ согласія на первый, то приведется въ исполненіе второе [16]). Выборъ разумѣется не долго затруднялъ честолюбиваго Аргира. Жена его, Евдокія, чтобы не быть помѣхою, еще въ тотъ же день постриглась въ монахини [17]), а вечеромъ явился онъ во дворецъ, готовый исполнить волю императора. Теперь случилось то, на что разсчитывалъ протовестіарій. Θеодора рѣшительно отвергла супружество Романа; ея религіозное чувство оскорблялось мыслію о бракѣ съ двоюроднымъ братомъ матери, а какъ женщина, она, конечно, не могла чувствовать расположенія къ человѣку, который такъ легко пожертвовалъ своей первой женой. «Развѣ онъ въ случаѣ нужды задумается сдѣлать со мною то же самое, что сдѣлалъ съ нею», отвѣчала она на настоятельныя требованія императора. Тогда Константинъ обратился къ Зоѣ, отъ которой не встрѣтилъ сопротивленія. Напрасно нѣкоторые сторонники Θеодоры, утверждали, что бракъ какой-либо изъ дочерей императора съ Романомъ Аргиромъ противозаконенъ по близкому родству, существующему между ними. Патріархъ, а слѣдовательно и все духовенство, были заранѣе приготовлены Симеономъ. Его приговоръ рѣшилъ, что родство не составляетъ препятствія и на слѣдующій день совершился обрядъ вѣнчанія. Это было 9-го Ноября 1032 года, а 12-го уже праздновалось восшествіе новой четы на престолъ [18]).

Трудно было ожидать, чтобы состоявшееся при такихъ обстоятельствахъ бракосочетаніе принесло счастіе супругамъ. Воспослѣдовавшая черезъ три дня смерть Константина послужила тяжкимъ предзнаменованіемъ для молодыхъ, если только это названіе идетъ къ супругамъ, изъ которыхъ одному было шестьдесятъ, другой безъ малаго сорокъ восемь

лѣтъ. При видимомъ соотвѣтствіи въ возрастѣ, ихъ отдѣляла другъ отъ друга совершенная противоположность темпераментовъ. Зоя, не смотря на возрастъ, горѣла всею страстью какой-нибудь Клеопатры или Мессалины. Романъ, напротивъ, при красивой, даже величественной наружности, былъ холоденъ и равнодушенъ къ женскимъ ласкамъ [19]). Жена его, и безъ того уже не привлекательная, возбуждала въ немъ отвращеніе своимъ насильственнымъ требованіемъ любви. Сначала она прибѣгла было къ тѣмъ суевѣрнымъ средствамъ, которыя были въ такомъ ходу между красавицами древняго Рима и теперь еще не забыты на Востокѣ. Напитки, заклинанія, заговоры — все было употреблено въ дѣло, чтобы отогрѣть и освѣжить зачерствѣлое сердце императора [20]). Напрасно. Новой жизни не влили эти средства въ остывшія жилы его. Весьма естественно, что не встрѣчавшая взаимности любовь, быстро превратилась въ столь же горячую ненависть. Византіи скоро стало извѣстно, что престолъ ея раздѣленъ между двумя смертельными врагами и что лучшее средство поправиться императрицѣ зачлючалось въ томъ, чтобы навлечь на себя ненависть императора.

А между тѣмъ и при полномъ согласіи для новыхъ правителей не легко было упрочить положеніе свое. Въ-особенности Романъ, обязанный всѣмъ только придворной интригѣ и прихоти умирающаго капризнаго старика, а не дѣйствительнымъ заслугамъ, не встрѣтилъ симпатіи въ своихъ подданныхъ. Въ глазахъ черни не освящалъ его историческій блескъ, свойственный потомкамъ древнихъ династій, а знать завидовала возвышенію, на которое каждый изъ нея имѣлъ столько же права, сколько онъ самъ. И эта-то зависть была особенно опасна въ государствѣ, гдѣ, точно какъ въ нынѣшней Австріи, при деспотической формѣ правленія вся власть въ сущности была въ рукахъ небольшаго числа семействъ, составлявшихъ настоящую олигархію. Только духовенство, вступившее уже при самомъ восшествіи на престолъ Романа нѣкоторымъ образомъ въ солидарную связь съ нимъ, держало его сторону. Но, всемогущее какъ врагъ правительства, потому что въ такомъ случаѣ являлось тотчасъ оплотомъ и звеномъ соединенія для всѣхъ недовольныхъ, оно, какъ

союзникъ, могло оказать только небольшую помощь. Даже и той отрицательной пользы, что, при расположенности его къ Роману, противники послѣдняго не найдутъ подобной опоры, нельзя было ожидать при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Ею могла служить особа обиженной сестры императрицы. Прикрываясь именемъ Өеодоры, всякая оппозиція дворянства могла принять законный характеръ и такимъ образомъ не трудно было и массу народа превратить въ слѣпое орудіе противниковъ новаго правительства.

Въ самомъ дѣлѣ, заговоры неизбѣжные при такомъ положеніи дѣлъ, не заставили ждать себя. Первый былъ уличенъ въ замыслѣ низвергнуть Романа и Зою и возвести на ихъ мѣсто Өеодору, протонотарій (главный секретарь патріарха [21]) Прусіанъ Болгарскій. Онъ имѣлъ причины для личной вражды къ императору, потому что Романъ лишилъ его выгодной должности, которую онъ занималъ при Константинѣ, давъ ему въ замѣнъ ея титулъ шикелла, почетный, но не представлявшій никакихъ существенныхъ выгодъ [22]). Въ отмщеніе за это онъ хотѣлъ провозгласить императрицей Өеодору, которая со времени смерти отца жила уединенно въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ Константинополя. Его ослѣпили, а всю родню его сослали, не смотря на то, что участіе ея въ заговорѣ не было доказано [23]). Эта жестокость разумѣется не усмирила гордой византійской аристократіи, а напротивъ еще болѣе усилила ея ненависть. Попытка Прусіана повторилась еще въ томъ же 1032 году и въ болѣе опасныхъ размѣрахъ. Возстаніе должно было вспыхнуть разомъ въ столицѣ и въ провинціяхъ, опять таки во имя правъ Өеодоры. Въ Константинополѣ взялись подготовить и произвести его шикеллъ Іоаннъ, и патриціи Евстаөій, Михаилъ Өеогностъ и Самуилъ, сыновья одного изъ славнѣйшихъ генераловъ царствованія Василія, Михаила Вуртзы; внѣ столицы должны были поднять знамя возмущенія: Дафномилъ, намѣстникъ Ахридскій, и Константинъ Діогенъ, намѣстникъ Өессалоникскій. Участіе послѣдняго было особенно опасно, потому что онъ пользовался большимъ вліяніемъ на войско, которое при Василіи II неоднократно водилъ къ побѣдамъ надъ Славянами и Венграми. Еще въ цар-

ствованіе Константина VIII онъ, въ качествѣ намѣстника Сирміума, имѣлъ главное начальство надъ всѣми отрядами, которые охраняли сѣверную границу имперіи, а Романомъ былъ переведенъ въ Ѳессалоники и награжденъ титуломъ дукса [25]). Къ несчастію заговорщиковъ и ихъ планы были открыты прежде, чѣмъ могли быть приведены въ исполненіе. Тѣхъ изъ нихъ, которые находились въ столицѣ, немедленно арестовали. Константина вызвали изъ его намѣстничества подъ предлогомъ совѣщаній о предполагавшейся будто бы экспедиціи противъ Сиріи, и, когда онъ прибылъ въ Константинополь, также заключили въ темницу. Всѣхъ виновныхъ приговорили къ вѣчному заключенію въ Студитскомъ монастырѣ, но еще до исполненія этого приговора, высѣкли публично на одной изъ городскихъ площадей [26]). Въ тоже время правительство приняло мѣры, чтобы обезпечить себя отъ Ѳеодоры. Ее удалили изъ дворца, гдѣ она проживала до-сихъ-поръ и заставили поселиться въ Петреѣ, нѣчто въ родѣ казармъ, куда обыкновенно сажали важныхъ политическихъ преступниковъ [27]). Тутъ содержали ее какъ плѣнницу; безъ вѣдома и разрѣшенія императрицы никого не допускали къ ней и выпускали не иначе какъ подъ конвоемъ [28]).

Опасность, о которой свидѣтельствовали оба заговора, не взирая на свою очевидность, не улучшила взаимныхъ отношеній супруговъ. Но катастрофа, къ которой съ необходимостью долженствовала повести вражда ихъ, была отсрочена удаленіемъ императора изъ столицы; оно дало возможность Зоѣ безъ всякаго стѣсненія искать утѣшенія въ чужихъ объятіяхъ за холодность мужа. Романъ отправился въ Малую Азію, чтобы лично принять начальство надъ арміей въ постоянной войнѣ съ магомметанскими сосѣдями имперіи. Насъ повелъ бы слишкомъ далеко, разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ его. Достаточно упомянуть, что онѣ не были удачны и что онъ не почерпнулъ изъ нихъ того блеска, который нѣкогда примирилъ Византійцевъ съ узурпаторствомъ Никифора Фоки или Цимисхія. Малоазійскія неудачи придали характеру Романа какую-то разочарованность, которая согласно съ духомъ времени не замедлила выра-

зиться въ ханженствѣ и аскетизмѣ. Любимымъ препровожденіемъ времени для императора сдѣлалось слушаніе литургіи и бесѣдованіе о вопросахъ догматики, которые быть можетъ еще болѣе занимали его воображеніе, чѣмъ удовлетворяли истинно греческой потребности словопрѣнія и игрѣ въ діалектическія формы. Жадно слушалъ онъ разсказы объ адскихъ мученіяхъ и о радостяхъ вѣчнаго блаженства, которыми услаждали его византійскіе епископы. Чтобы избѣгнуть первыхъ и удостоиться послѣднихъ они конечно какъ лучшее средство рекомендовали благотворительность церкви. Несмѣтныя суммы тратились Романомъ на утоленіе корыстолюбія греческаго духовенства, еще теперь, послѣ вѣковаго гнета турецкаго ига, славящагося, какъ извѣстно, своею жадностію [29]). Дѣла правленія между тѣмъ оставались въ пренебреженіи. Ими по имени занималась Зоя, на самомъ же дѣлѣ преданный ей эвнухъ Симеонъ, который по смерти Константина, какъ и слѣдовало ожидать, пріобрѣлъ еще больше значенія. Пока императоръ переѣзжалъ въ Малой Азіи изъ однаго монастыря въ другой, скупалъ мощи, отъискивалъ чудотворныя иконы и строилъ церкви и часовни, не читая и не подписывая иногда по цѣлымъ недѣлямъ ни одной дѣловой бумаги, жена его хозяйничала въ Константинополѣ съ неограниченнымъ произволомъ. Мало-по-малу были вытѣснены ею изъ всѣхъ вліятельныхъ должностей члены семейства Аргировъ, единственная поддержка Романа въ византійской аристократіи; и до того доходила апатія его, что онъ даже въ этомъ не оказывалъ ей ни малѣйшаго сопротивленія. Кого нельзя было устранить силою, того удаляла она подъ благовидными предлогами; такъ двѣ племянницы императора были выданы ею замужъ за князей Абхазскаго и Армянскаго — данниковъ Византіи и должны были оставить столицу [30]). Что эти чисто личныя и диктованныя личною прихотью мѣры императрицы не могли расположить къ ней византійской знати, не смотря на ненависть ея къ семейству Аргировъ, понятно само собою. Жертвою этой прихоти могъ сдѣлаться всякій изъ среды ея, точно также какъ родственники Романа. А между тѣмъ единственное средство протестовать противъ произвола власти въ Ви-

зантіи, равно какъ во всякомъ деспотическомъ государствѣ, состояло въ заговорѣ. Къ нему снова прибѣгли, но снова не удалось оно, хотя въ этотъ разъ даже духовенство не осталось чуждо ему. Объемъ и цѣль всего дѣла намъ извѣстны, потому что самоубійство главнаго зачинщика скрыло подробности даже отъ назначеннаго Зоею слѣдователя, пренозита Іоанна [31]). Зачинщикомъ былъ тотъ же Константинъ Діогенъ, который уже въ самомъ началѣ царствованія Романа замышлялъ о низверженіи его. Константина, какъ мы разсказали выше, отправили тогда въ Студитскій монастырь, не на отмаливаніе замысла, а потому что монастыри служили въ средніе вѣка любимымъ мѣстомъ для заключенія преступниковъ. Надобно полагать, что онъ тутъ не былъ лишенъ средствъ къ сообщенію съ людьми, если, будучи узникомъ, могъ затѣять такое обширное предпріятіе и найдти себѣ сообщниковъ. Изъ нихъ намъ извѣстны двое: митрополитъ Диррахійскій и еще одинъ епископъ [32]). Бѣжавъ изъ монастыря, Константинъ долженъ былъ явиться въ Диррахій и возмутить отсюда Иллирійскіе гарнизоны, служившіе нѣкогда подъ его начальствомъ. Къ несчастію провѣдалъ о предпріятіи его Ѳеофанъ, епископъ Ѳессалоникскій, личный врагъ митрополита. Чтобы погубить послѣдняго, онъ донесъ обо всемъ императрицѣ. Константина привели для допроса во дворецъ, но когда онъ увидѣлъ приготовленныя тутъ орудія пытки, то въ ужасѣ бросился изъ окна и ушибся до смерти о мраморную мостовую дворца. Захваченныхъ вмѣстѣ съ нимъ эпископовъ Зоя отправила въ Малую Азію къ мужу, который тотчасъ же велѣлъ освободить ихъ и возстановить въ прежнихъ должностяхъ. Это милостивое обращеніе едва ли можетъ быть объяснено однимъ только благоговѣніемъ императора передъ всѣмъ, что касалось іерархіи. По всей вѣроятности они купили себѣ пощаду важными, Богъ знаетъ однакожъ на сколько справедливыми, показаніями. По крайней мѣрѣ послѣ ихъ допроса Зоя могла обвинить въ участіи въ заговорѣ и сестру свою, не смотря на то, что на это участіе не было никакихъ доказательствъ. Ѳеодору перевели, по ея приказанію изъ Петрея въ монастырь и постригли въ монахини [33]).

Въ 1033 году Романъ возвратился въ столицу. Походы его, какъ мы уже замѣтили, не были успѣшны; тѣмъ не менѣе онъ остался ими доволенъ, болѣе чѣмъ остался бы доволенъ самыми блестящими побѣдами. Одинъ изъ генераловъ его при взятіи города Эдессы сдѣлалъ драгоцѣнную добычу, а именно нашелъ посланіе, написанное будто бы рукою самого Спасителя къ какому-то небывалому царю столь же небывалаго Эдесскаго царства [34]. Какого же доказательства особенной Божьей милости еще нужно было Роману. Въ восторгѣ отъ своей находки онъ удвоилъ щедроты въ отношеніи къ церкви. Тогда-то былъ построенъ имъ великолѣпный монастырь въ честь Богородицы, поразившій даже Византійцевъ роскошью отдѣлки, хотя ихъ въ этомъ отношеніи трудно было удивить чѣмъ нибудь [35]. Тогда же были позолочены капители колоннъ въ Софійскомъ соборѣ и украшены новыми драгоцѣнными ризами иконы придворной Влахернской церкви [36]. Открытая при этомъ случаѣ новая чудотворная икона Божьей матери послужила новымъ поощреніемъ для набожной ревности императора.

Эта ревность однакожъ не замедлила возбудить всеобщее неудовольствіе Константинопольцевъ. Какъ они сами ни дорожили внѣшнимъ благолѣпіемъ и пышностью богослуженія, собственный интерессъ все-таки еще превозмогалъ эту расположенность и восторженныя хвалы духовенства не могли заглушить ихъ ропота на безумныя траты Романа. Даже близкіе къ нему люди были недовольны тѣмъ, что государственные доходы шли не имъ на награды и подарки, а служили къ удовлетворенію жадности тунеядныхъ поповъ и монаховъ. Это неудовольствіе выразилось новымъ заговоромъ, въ главѣ котораго стоялъ Василій Склиросъ, женатый на родной сестрѣ императора и возведенный имъ еще недавно въ чинъ магистра экскубиторовъ [37]. Но казалось, что судьба готовила Роману гибель ни отъ кого другаго, какъ отъ той, которой онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, потому что и этотъ заговоръ кончился для него благопріятно. Василій вмѣстѣ съ женою поплатился за свой замыселъ изгнаніемъ изъ столицы и дѣла продолжали идти по прежнему.

Не долго впрочемъ. Зоѣ наконецъ стало не въ силу переносить холнодность своего мужа, тѣмъ болѣе, что она теперь горѣла новою страстью, удовлетвореніе которой затруднялось его присутствіемъ въ столицѣ. Когда онъ еще находился въ Малой Азіи, взоры ея пали на молодаго человѣка низкаго происхожденія, который находился въ одной изъ мелкихъ должностей при придворномъ штатѣ ея. Это былъ Пафлаганецъ Михаилъ, братъ одного изъ эвнуховъ, состоявшихъ при особѣ императора; передъ поступленіемъ въ придворную службу онъ занимался весьма выгоднымъ въ Константинополѣ ремесломъ мѣнялы и даже, какъ говорятъ, выдѣлкою фальшивой монеты [38]). Женственная красота его, нѣжный, томный взоръ, цвѣтущія щеки плѣнили императрицу, плѣнили такъ, что она пренебрегала даже страшнымъ недугомъ, которымъ онъ былъ одержимъ—падучею болѣзнью [39]). Братъ его, Іоаннъ, который въ это время занималъ уже довольно значительную должность препозита (мы видѣли, что онъ былъ слѣдователемъ въ послѣднемъ заговорѣ Константина Діогена) конечно всячески потворствовалъ этой страсти, не долго останавливавшейся на одних только желаніяхъ. Скоро весь Константинополь узналъ о новомъ любимцѣ императрицы и просители стали толпиться въ прихожей его, чтобы при его посредствѣ воспользоваться ея милостями. Пока Романъ объѣзжалъ мало-азійскіе монастыри, Зоя возвела своего наперсника въ чинъ старосты Софійскаго собора (ἀμχυν τοῦ πανδέου [40]) и, нимало не стѣсняясь общественственнымъ мнѣніемъ, наслаждалась его ласками. Это наглое безстыдство не могло укрыться и отъ императора. Проживавшая во дворцѣ сестра его, Пульхерія, сообщила ему, когда онъ воротился, то, что знала уже вся столица. Но увѣренія Михаила подвергнутаго допросу, и въ-особенности припадокъ падучей болѣзни, который случился съ нимъ въ присутствіи самого Романа, убѣдили его въ невинности жены. Онъ никакъ не могъ допустить, чтобы она прельстилась человѣкомъ съ такимъ несчастнымъ физическимъ недостаткомъ [41]). При всемъ томъ доносъ Пульхеріи сильно обезпокоилъ императрицу. Подозрѣніе Романа могли возобновиться, особенно если бы обличителемъ явился какой нибудь недо-

вольный монахъ, который могъ подтвердить свои показанія непреложнымъ въ глазахъ государя авторитетомъ клобука и рясы. Съ другой стороны Михаилъ, подстрекаемый братомъ, недовольствовался ласками императрицы, а открыто домогался короны. Не даромъ же было ему любить ее, не даромъ же приносить себя въ жертву сладострастію пятидесяти-лѣтней слишкомъ старухи и, въ самомъ дѣлѣ, мѣсто рядомъ съ нею, на занимаемомъ ею престолѣ, въ Византіи едва ли могло казаться слишкомъ дорогою цѣною за это пожертвованіе.

При такихъ обстоятельствахъ не трудно было предвидѣть скорую развязку. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ 1033 года Романъ началъ чахнуть; у него стали падать волосы, глухая боль то въ той, то въ другой части тѣла не оставляла его и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непонятное нравственное томленіе не давало ему покоя. Эти припадки были слѣдствіемъ яда даннаго ему братомъ Михаила, назначеннымъ недавно въ орфанотрофы [42]) Іоанномъ. Искусство отравленія процвѣтало тогда въ Константинополѣ не хуже, чѣмъ въ XV и XVI столѣтіяхъ въ Италіи, а Іоаннъ былъ глубоко посвященъ въ таинство его. Прежде чѣмъ благосклонность Романа вывела его на придворное поприще — въ то самое время, какъ братья его дѣлали фальшивую монету, онъ производилъ торгъ симпатическими средствами, любовными напитками и тому подобными предметами, [43]) а этотъ промыселъ всегда бывалъ близкимъ къ промыслу заказнаго отравителя. — Ядъ дѣйствовалъ медленно, но вѣрно. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1034 года Романъ уже не былъ болѣе въ состояніи вставать съ постели и въ скорой кончинѣ его не могло быть сомнѣнія. Но ни Зоя, ни обожаемому ею Михаилу, ни честолюбивому орфанотрофу не хотѣлось ждать болѣе; они рѣшились ускорить катастрофу грубымъ насиліемъ. 15-го Апрѣля происходило во дворцѣ большое торжество, т. е., раздача различныхъ подарковъ высшимъ сановникамъ имперіи, которая обыкновенно производилась въ четвергъ на страстной недѣлѣ. Утомленный отъ продолжительной церемоніи, въ которой онъ участвовалъ лежа, Романъ, по окончаніи ея, захотѣлъ взять ванну. Эвнухи-кубя-

куляріи отнесли его въ дворцовую баню, положили въ бассейнъ и, напустивъ туда воды, держали голову его до-тѣхъ-поръ подъ поверхностью ея, пока онъ не захлебнулся. Тогда вынесли его, одѣли и положили на парадное ложе въ Хризотриклиніи, этомъ нѣмомъ свидѣтелѣ столькихъ преступленій, и для вида извѣстили будто бы ни о чемъ не знавшую императрицу.

Когда это случилось, уже вечерѣло. Зоя въ виду придворныхъ прикинулась неутѣшною вдовою, но вдали отъ нихъ тщательно обсуживала съ Іоанномъ вопросъ, тотчасъ ли вступить въ новый бракъ и провозгласить брата его императоромъ, или обождать, пока тѣло покойника будетъ предано землѣ и умы успѣютъ успокоиться отъ неожиданной новости. Собственная страсть, равно какъ и совѣты орфанотрофа, склонили ее на первое. Всякое замедленіе, утверждалъ онъ, опасно, потому что дало бы противникамъ Зои время одуматься и рѣшиться на какія-нибудь мѣры; если же дѣло будетъ сдѣлано, то противиться ему уже будетъ поздно. Она безъ труда согласилась съ этими доводами и приказала Михаилу облечься въ царскую порфиру; потомъ взяла его за руку, повела въ Хризотриклиній, гдѣ лежалъ трупъ Романа и посадила рядомъ съ собою на престолѣ. Всѣ присутствовавшіе здѣсь придворные, только что простившіеся съ покойнымъ государемъ, привѣтствовали новаго правителя. Тогда же было послано за патріархомъ, который въ это время служилъ всенощную въ Софійскомъ соборѣ. Прервавъ богослуженіе, онъ явился во дворецъ, ничего не зная еще о случившемся. Тутъ поразило его какъ громомъ совмѣстное зрѣлище бездыханнаго трупа Романа и импровизированнаго наслѣдника его. Но это удивленіе скоро прошло, когда Іоаннъ поднесъ ему два кошелька, съ двумя тысячами червонцевъ каждый [44]), и отъ имени императрицы приказалъ ему благословить ея союзъ съ Михаиломъ. Патріархъ исполнилъ это требованіе, не смотря на вопіющее противорѣчіе съ церковнымъ уставомъ, которое заключалось въ немъ. Нельзя же было въ самомъ дѣлѣ оставить имперію безъ императора, особенно, если это raison d'état подкрѣплялось еще такимъ полновѣснымъ доводомъ въ пользу Церкви,

которая могла замолить весь грѣхъ, заключавшійся въ нарушеніи святости страстной недѣли. На слѣдующій день, въ Великую Пятницу, на эктеньѣ поминали уже имена «благочестивѣйшей государыни Зои и благовѣрнаго супруга ея Михайла». Народъ слушалъ эту новость съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ особеннаго участія. Для него-то вѣдь рѣшительно все равно было, кто раздѣлялъ ложе правнучки Константина-Порфиророднаго; управленіе имперіею едва ли могло пойдти хуже или лучше отъ перемѣны наперсника, а что новый государь будетъ чѣмъ-нибудь болѣе наперсника, этого при нравѣ Зои отъ ея избранника ожидать было трудно.

А тогда-то именно имперія нуждалась въ дѣйствительномъ правителѣ. Реакція противъ завоевательной политики трехъ побѣдоносныхъ царствованій, Никифора, Фоки, Цимисхія и Василія II, подготовлявшаяся при слабыхъ преемникахъ послѣдняго, Константинѣ VIII и Романѣ III, наконецъ созрѣла. Въ отвѣтъ на прокламацію, возвѣщавшую провинціямъ о воцареніи новаго государя, прибыли въ столицу тревожныя вѣсти о возмущеніи вновь покоренныхъ племенъ, о враждебномъ расположеніи сосѣдей. Сербы, еще недавно подчинившіеся Византійскому правительству, первые подняли знамя возстанія; ихъ примѣру послѣдовали Болгары. Князь Абазехавъ, Дмитрій, женатый, какъ мы видѣли, на племянницѣ Романа и получившій отъ него титулъ магистра, воспользовался благовиднымъ предлогомъ, который ему доставили быстро распространявшіеся слухи о насильственной кончинѣ родственника, чтобы объявить себя независимымъ. Естественно, что и внѣшніе враги имперіи не упустили благопріятнаго случая, который имъ представлялъ затруднительное положеніе ея. Печенѣги, жестоко разбитые однимъ изъ полководцевъ Цимисхія [45]) и съ-тѣхъ-поръ не осмѣливавшіеся тревожить сѣверныя провинціи имперіи, теперь возобновили свои опустошительные набѣги, простирая ихъ до самаго подножія Балкановъ [46]). Нечего и говорить, что кочевыя племена Месопотаміи и Сористана съ удвоеннымъ рвеніемъ принялись за грабежъ и разореніе смѣжныхъ съ ними областей — [46]) за дѣло, отъ котораго совершенно

отъучить не могли ихъ даже побѣды Фоки и Цимисхія. Въ тоже время единовѣрцы ихъ въ Египтѣ, Африкѣ, даже отдаленной Испаніи начали снова безнаказанно разорять берега и острова Архипелага. Одна изъ эскадръ ихъ простерла свою дерзость до того, что весною 1035 года сдѣлала высадку на берегахъ Ѳракійскаго херсониса и, проникнувъ черезъ Дарданеллы, заставила трепетать самый Константинополь [47]). Ко всему этому присоединилась опасность со стороны, откуда до-сихъ-поръ Византійцы еще не привыкли видѣть серьезныхъ враговъ — со стороны Италіи.

Въ XI столѣтіи имъ принадлежала въ Италіи еще довольно значительная территорія. Это былъ разумѣется жалкій остатокъ плодовъ побѣдъ Велисарія и Нарсеса, но все-таки онъ обезпечивалъ за ними господство надъ Адріатическимъ моремъ и ставилъ даже въ нѣкоторую политическую, не только торговую зависимость отъ нихъ Венецію, Анкону и другіе приморскіе города восточнаго склона Апеннинскаго полуострова [48]). Нельзя опредѣлить съ точностью границы подвластной Византійской имперіи области, потому что онѣ безпрестанно мѣнялись; но все-таки можно сказать, что южная оконечность Италіи — нынѣшняя Калабрія, постоянно была въ рукахъ ея и что нерѣдко господство ея признавали надъ собою даже владѣтели Неаполя, Кануи и Салерно, т. е., областей, составляющихъ почти весь материкъ нынѣшняго королевства обѣихъ Сицилій. Положеніе Византійцевъ въ итальянскихъ провинціяхъ было иное, чѣмъ въ другихъ областяхъ имперіи. Чтобы уяснить себѣ характеръ ихъ владычества, мы должны вспомнить, что блестящіе успѣхи Велисарія въ царствованіе Юстиніана I были возможны единственно при сочувствіи, которое онъ встрѣтилъ въ самихъ Итальянцахъ. Это сочувствіе и добровольное подчиненіе ихъ Восточной имперіи заставили обращаться съ ними иначе, чѣмъ съ жителями покоренныхъ провинцій. Имъ предоставили довольно значительную долю независимости. Города сохранили свою внутреннюю автономію, управлялись выборными магистратами, пользовались собственнымъ судомъ и расправой, даже мѣстными законами, которые мѣняли на кодексъ Юстиніана и его продолжателей, когда сами убѣждались въ

его превосходствѣ. Вся ихъ подчиненность имперіи ограничивалась финансовою стороною — уплатою податей, весьма умѣренныхъ сравнительно съ тѣмъ, что взымалось съ прочихъ подданныхъ. И за эти подати служила обильнымъ вознагражденіемъ обширность торговаго поприща, которое открывалось имъ въ качествѣ подданныхъ Византійской имперіи. Итальянскія владѣнія такимъ образомъ едва ли не болѣе стоили послѣдней, чѣмъ приносили ей выгодъ, и если она не отказывалась добровольно отъ господства надъ ними, то развѣ по причинѣ того же ложнаго честолюбія, которое въ наше время заставляетъ Австрійское правительство — въ явный ущербъ себѣ — съ такимъ упорствомъ держаться своихъ итальянскихъ провинцій. — Мы въ предъидущемъ нѣсколько разъ уже имѣли случай указывать на нынѣшнее положеніе Австріи, какъ на параллель, которая можетъ служить для того, чтобы пояснить движеніе Византійской исторіи; отношеніе обоихъ государствъ къ Италіи представляетъ новую черту сходства между ними.

Не менѣе выгодно, какъ положеніе итальянскихъ городовъ, изъ которыхъ Бари, Тарентъ, Салерно, Амальфи и другіе занимали въ IX и X столѣтіяхъ первенствующее мѣсто въ европейской торговлѣ, было и отношеніе къ Византійскому правительству землевладѣльцевъ. Поземельная собственность находилась въ рукахъ потомковъ остъ-готскихъ завоевателей, которые добровольно покорились Юстиніану, или же провинціаловъ, пользовавшихся одинаковыми съ ними правами. Тѣ и другіе, подчиняясь Восточному императору, сохранили тѣ самыя права и льготы, которыя имѣли подъ управленіемъ остъ-готскихъ королей — права въ сущности не отличавшія ихъ отъ ленныхъ владѣтелей остальнаго запада Европы. Тоже самое должно сказать о ломбардскихъ князьяхъ, которые послѣ покоренія Сѣверной Италіи Карломъ-Великимъ искали защиту отъ франкскаго ига подъ скипетромъ византійскихъ императоровъ. Могущественнѣйшіе между послѣдними, герцоги Беневентскіе, Салернскіе и Капуанскіе были почти совершенно независимы. Замѣна византійскаго владычества какимъ-нибудь другимъ и имъ, также какъ городамъ, не могла обѣщать никакихъ выгодъ.

При всемъ томъ Итальянцы не любили его. Вѣчный антагонизмъ между Западомъ и Востокомъ непримянулъ высказаться и въ ихъ отношеніяхъ къ Константинополю. Эта нелюбовь разумѣется весьма много поддерживалась различіемъ религіи, или, вѣрнѣе говоря, интересовъ греческаго и итальянскаго духовенства. Нигдѣ попытки иконоборствующихъ императоровъ не нашли такого сопротивленія, какъ въ Италіи. Потомъ, когда константинопольская Церковь и формально отдѣлилась отъ Римской, нравственные узы между Восточною имперіею и ея итальянскими подданными еще болѣе ослабли. Сдѣлавшись изъ данниковъ Константинопольскаго двора духовными главами всего западнаго христіанства, папы стали смотрѣть на южную Италію какъ на область, долженствующую естественнымъ образомъ примкнуть къ наслѣдію св. Петра. Всѣ недовольные византійскимъ правленіемъ видѣли и находили въ нихъ дѣятельныхъ союзниковъ и покровителей. Но еще гораздо опаснѣе римскихъ епископовъ стало для Византіи сосѣдство германскихъ государей, когда они вмѣстѣ съ римскою императорскою короною усвоили себѣ притязанія на всѣ земли, входившія нѣкогда въ составъ Западной имперіи. Выше было уже упомянуто, что при Василіи II, эти притязанія довели до войны, которая чуть было не кончилась взятіемъ въ плѣнъ Оттона II. Эта неудача неустрашила его преемниковъ; притомъ же Василіи Генрихъ II не переставалъ всячески волновать Апулію, вмѣшиваясь въ споры бароновъ и городовъ съ греческими намѣстниками. Онъ нашелъ отличныхъ помощниковъ для этого дѣла въ Норманнахъ, которые съ начала XI столѣтія начинаютъ являться въ Италіи уже не въ качествѣ наемниковъ только, а самостоятельныхъ искателей приключеній, и которые, мало того, что вытѣснили Грековъ совершенно изъ Апеннинскаго полуострова, въ концѣ XI вѣка сдѣлали сомнительнымъ даже ихъ господство на Балканскомъ.

Извѣстно, что тутъ идетъ рѣчь не о тѣхъ Норманнахъ, которые цѣлыми толпами выходили изъ Скандинавіи, чтобы поступить на службу къ греческимъ императорамъ и мимоходомъ положили основаніе Русскому государству. Норманны, появившіеся въ Италіи (не говоря конечно о тѣхъ, ко-

торые прибыли въ нее изъ Константинополя въ качествѣ византійскихъ наемниковъ) были потомками тѣхъ пиратовъ, коимъ Карлъ-Простякъ уступилъ въ 912 году, одну изъ лучшихъ провинцій Франціи, чтобы тѣмъ по крайней мѣрѣ остальныя спасти отъ ихъ набѣговъ. Въ благодатныхъ поляхъ Нормандіи они скоро выродились; чрезъ столѣтіе въ нихъ было уже больше романской крови, нежели скандинавской. Вмѣстѣ съ религіею Одина они покинули и языкъ свой, измѣнивъ его на романское нарѣчіе. Но воинственная отвага, пылкое воображеніе, высказывавшееся одинаково въ страсти къ приключеніямъ и въ богатой романтикѣ труверовъ, физическая сила, остались за ними. Въ XI вѣкѣ они являются естественно аристократіею между европейскими племенами, аристократіей, въ правахъ которой никто не могъ сомнѣваться, потому что она носила въ себѣ, въ мечахъ своихъ, всегда готовое и неопровержимое доказательство своего превосходства.

Въ 1016 году, одинъ изъ гражданъ Апульскаго города Бари, нѣкто Мелъ, возъимѣлъ мысль освободить свою родину отъ греческаго ига и вступилъ въ соглашеніе по этому дѣлу съ нѣкоторыми изъ своихъ соотечественниковъ. Проектъ ихъ былъ, однакожъ, открытъ и для спасенія жизни они должны были бѣжать изъ города. Судьба свела Мела съ нѣсколькими норманнскими рыцарями, которые отправлялись на богомолье къ одному изъ безчисленныхъ святыхъ мѣстъ южной Италіи. Они показались ему самымъ лучшимъ орудіемъ для достиженія его цѣли и онъ изобразилъ имъ въ яркихъ краскахъ жалкое положеніе своей отчизны, ея богатство, ненависть жителей къ Грекамъ, изнѣженность послѣднихъ и вѣроятность успѣха для всякаго, кто захотѣлъ бы ихъ выгнать изъ Апуліи. Слова его нашли вѣру въ жадныхъ одинаково къ славѣ и къ добычѣ авантюристахъ. Возвратившись домой, они не замедлили пересказать слышанное своимъ роднымъ и знакомымъ, и вотъ въ 1017 году, въ Италіи появляется уже цѣлый отрядъ ихъ, который съ благословенія папы Бенедикта VIII, безъ дальнѣйшаго открываетъ враждебныя дѣйствія противъ Византійцевъ. Первая битва при Аренулѣ кончилась совершеннымъ пораженіемъ послѣднихъ;

тоже самое повторилось при Мареи и Ваккаригчіи. Только по напряженіи всѣхъ силъ удалось греческимъ намѣстникамъ остановить успѣхи пришельцевъ. Изъ двѣсти пятидесяти человѣкъ, прибывшихъ изъ Нормандіи послѣ четвертой битвы при Каннахъ осталось въ живыхъ только десять; остальные погибли особенно отъ дѣйствія греческой артиллеріи [49]). Пережившимъ это пораженіе разумѣется нечего было думать о завоеваніи Апуліи и они поступили въ службу къ владѣтелямъ Капуи и Салерно. Но скоро къ нимъ присоединились другіе выходцы. Въ 1030 году мы находимъ Норманновъ уже независимыми господами довольно значительной области между Неаполемъ и Капуей, гдѣ они основали укрѣпленный городъ Аверсу. Эта область была имъ уступлена герцогомъ Салернскимъ Сергіемъ въ благодарность за оказанныя ему услуги. Тутъ образовали они устроенное на ложномъ основаніи государство, въ главѣ котораго съ титуломъ графа стоялъ норманнскій рыцарь Райнульеръ. Эти начатки норманскаго владычества быстро развились, когда въ концѣ царствованія Романа III, прибыло цѣлое семейство Готвилей — двѣнадцать братьевъ, изъ которыхъ только старшій остался дома, чтобы владѣть отцовскимъ наслѣдіемъ [50]).

Родъ Танкреда Готвильскаго принадлежитъ уже не одной мѣстной исторіи Южной Италіи; имена членовъ его: Роберта Гюйскарда, Рожера, Дрогона и другіе, пріобрѣли себѣ всемірно-историческое значеніе. Какою опасностью они угрожали цѣлости Византійской имперіи не задолго до начала крестовыхъ походовъ извѣстно, и мы по этому имѣемъ право болѣе на нихъ не останавливаться.

И въ виду этой опасности Византійскій престолъ занимали старая, умѣвшая удовлетворять только чувственности женщина и больной, неспособный, ничѣмъ кромѣ внѣшней красоты не отличавшійся, юноша. Имперіи предстояла очевидная гибель, еслибъ не нашелся человѣкъ, который бы на дѣлѣ замѣнилъ правителей, правившихъ только по имени.

Такимъ человѣкомъ явился братъ новаго императора, главный виновникъ его возвышенія, орфанотрофъ [51]) Іоаннъ. И его, какъ Врингаса, какъ Василія (см. предъидущій очеркъ), какъ многихъ другихъ дѣятелей Византійской исторіи отъ

честолюбивыхъ видовъ на корону удерживало то обстоятельство, что онъ былъ эвнухомъ, но по крайней мѣрѣ ничто не мѣшало ему трудиться объ обезпеченіи ея за родомъ своимъ. По воцареніи брата власть по самой силѣ вещей досталась ему, какъ единственному человѣку, который былъ способенъ воспользоваться ею. Лѣтописи изображаютъ намъ его, какъ человѣка съ желѣзнымъ характеромъ, трудолюбія и дѣятельности необыкновенной, равнодушнаго къ удовольствіямъ, но ловкаго и находчиваго во всемъ, что касалось дѣла [52]). Образъ дѣйствій его въ отношеніи къ Роману уже показываетъ, что выборъ средства не затруднялъ его, лишь бы оно вело къ цѣли. О жестокости права его свидѣтельствуетъ слѣдующій анекдотъ: однажды сестра его Марія, воротившись изъ путешествія въ Эфесъ, куда она отправлялась на поклоненіе мощамъ Іоанна Богослова, упрекала его за невыносимыя притѣсненія подданныхъ. «Послѣдній кусокъ хлѣба отнимаютъ у бѣдныхъ для пополненія недоимокъ; имя твое произносится не иначе, какъ въ сопровожденіи самыхъ страшныхъ проклятій».—«А ты думаешь имперіей можно управлять на одни благословенія?» отвѣчалъ онъ сухо [53]). Физическій недостатокъ наложилъ на него печать мизантропіи и презрѣнія къ людямъ; никогда не улыбался онъ, никогда не отводилъ души въ откровенной бесѣдѣ съ друзьями. Сама наружность соотвѣтствовала этой душевной настроенности: морщинистое, смуглое лицо, сдавленный узкими губами ротъ, соколиный носъ, указывавшій на склонности хищной птицы, въ добавокъ ко всему этому монашеская ряса. По капризу ли, съ разсчетомъ ли сильнѣе дѣйствовать на народъ, привыкшій безусловно благоговѣть передъ духовнымъ саномъ, Іоаннъ, постригшись еще смолода въ монахи, никогда не покидалъ ихъ одежды и чуждался богатыхъ придворныхъ мундировъ даже въ то время, когда занималъ уже важнѣйшія должности. Вѣроятно онъ находилъ, что подъ нею столь же удобно было скрывать пожиравшее душу его честолюбіе, какъ нѣкогда подъ нею же скрывались боявшіе ея свѣта промыслы знахаря и заказнаго отравителя.

Первымъ дѣломъ его послѣ вѣнчанія брата было обезпечить его отъ участи, которая постигла его предшествен-

ника. Если Зоя, возводя на престолъ человѣка, который кромѣ ея не имѣлъ рѣшительно никакой поддержки въ византійскомъ обществѣ, думала обезпечить черезъ это за собою безпредѣльное вліяніе и власть, то она жестоко ошиблась. На первыхъ порахъ было вздумала она снова возвысить протовестіарія Симеона, равно какъ и другихъ министровъ отца своего, которые въ послѣднее время царствованія Романа утратили прежнее значеніе, но рѣшительно не успѣла въ этомъ. Какъ Іоаннъ, такъ и братъ его очень ясно понимали, что въ распоряженіи Зои безъ крайней опасности для нихъ самихъ нельзя было оставить людей ей преданныхъ. Симеонъ и его товарищи по приказанію императора опять должны были отказаться отъ своихъ должностей и оставить палацій [54]). Въ замѣнъ ихъ императрицу окружили приверженцы Іоанна. Дѣло дошло до того, что она болѣе походила на плѣнницу, чѣмъ на царствующую государыню. Приставленный къ ней почетный караулъ не допускалъ къ ней никого безъ вѣдома и разрѣшенія Іоанна. И женскій придворный штатъ былъ наполненъ незнакомыми Зои личностями. Выѣзжать изъ дворца безусловно запрещалось ей. Даже посѣщеніе бани требовало особаго разрѣшенія со стороны всемогущаго орфанотрофа. Попытка отравить его посредствомъ подкупленнаго медика не удалась и послужила только къ оправданію всѣхъ сдѣланныхъ имъ распоряженій [55]).

Самъ Михаилъ принималъ мало участія въ этихъ мѣрахъ, но онъ и не противился имъ. Передъ энергическою волею брата стиралась какъ бы его собственная личность, При такихъ обстоятельствахъ естественно, что страсть императрицы къ нему не измѣнилась. Съ какимъ-то дѣтскимъ увлеченіемъ ухаживала она за нимъ, плакала если долго не видала его, не смѣла противиться ни одной его прихоти. Что онъ съ своей стороны въ отношеніи къ ней не чувствовалъ ничего подобнаго при разницѣ въ лѣтахъ понятно само собою.

Труднѣе, чѣмъ со стороны Зои, было Іоанну обезпечить себя и семейство свое со стороны народа, или вѣрнѣе говоря, такъ какъ въ Византіи болѣе чѣмъ гдѣ либо народъ подходилъ подъ опредѣленіе Платона — что онъ ничто иное, какъ дикое, безсловесное животное — со стороны высшаго

византійскаго общества. Спѣсивая чиновная олигархія, потомки которой теперь еще подъ именемъ Фанаріотовъ располагаютъ судьбами Турецкой имперіи (да и не одной Турецкой) не могла примириться съ мыслію, что въ главѣ ея стоятъ люди, которые не въ состояніи заявить въ свою пользу ни заслугъ предковъ, ни даже своихъ собственныхъ. Салонная оппозиція, въ Византіи едва ли менѣе опасная, чѣмъ въ любомъ изъ современныхъ деспотическихъ государствъ, не замедлила начать свою неумолимую и безпощадную дѣятельность. Вспоминали, что престолъ-то собственно долженъ принадлежать забытой всѣми Ѳеодорѣ и говорили, что если Зоя не имѣетъ права на него, то конечно еще менѣе недостойный мужъ и зять ея. Не постигали, какъ это судьба могла выдвинуть изъ грязи людей «дрянныхъ и грошовыхъ» [56]), забывъ о существованіи множества мужей, ознаменованныхъ и заслугами и знатностью рода. На торгахъ и въ цирульняхъ, центрѣ всѣхъ политическихъ толковъ простаго народа на Востокѣ, эта оппозиція отозвалась также, но съ особеннымъ колоритомъ. Тутъ о правѣ правителей не спрашивали — успѣхъ служилъ достаточнымъ ручательствомъ несомнѣнности его. Но народъ глумился надъ святотатственнымъ бракосочетаніемъ императрицы подъ страстную пятницу. Онъ взваливалъ на новыхъ правителей отвѣтственность за то, что два дня послѣ нечестивой свадьбы, въ Свѣтлый праздникъ неслыханная гроза съ градомъ побила всѣ виноградники и плодовыя деревья въ окрестностяхъ Константинополя, что въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ огненный метеоръ наполнилъ ужасомъ его жителей [57]), что Іерусалимъ былъ разрушенъ до основанія землетрясеніемъ, повторявшимся нѣсколько разъ втеченіе сорока дней, что огненный столбъ прошелъ по небу отъ Запада къ Востоку [58]). Въ нихъ онъ видѣлъ виновниковъ засухи, господствовавшей нѣсколько лѣтъ сряду въ европейскихъ провинціяхъ имперіи, саранчи, пожиравшей жатву на поляхъ Ѳракіи и Булгаріи. А это между тѣмъ, говорили, только начало бѣдствій. «Вотъ одинъ изъ послушниковъ Пергамскаго эпископа, такъ перешептывались между собою простые люди» сподобился явленія ангела, который открылъ ему, что послѣ саранчи по-

явятся въ такомъ же множествѣ змѣи и скорпіоны, а потомъ аспиды, василиски и другія чудовища. И все за то, что нарушена заповѣдь Божья» [59]). Даже падучую болѣзнь императора считали чѣмъ-то неестественнымъ, навожденіемъ злаго духа, предвѣстникомъ будущей небесной кары.

Я уже замѣтилъ, что салонная оппозиція поддерживала преимущественно мысль, что корона должна принадлежать по настоящему несправедливо потерявшей ее Ѳеодорѣ. Весьма естественно, что центромъ ея сдѣлался нареченный женихъ царевны Константинъ Далансинъ. Онъ громче всѣхъ высказывалъ негодованіе на позоръ, нанесенный имперіи избраніемъ въ государи ея такого человѣка какъ Михаилъ, рѣшительнѣе всѣхъ говорилъ о необходимости установить другой порядокъ. Эта отважность съ одной стороны, обширныя связи, авторитетъ и вліяніе, которыми онъ пользовался, съ другой заставили Іоанна увидѣть въ немъ съ самаго начала опаснѣйшаго изъ своихъ соперниковъ. Остальная византійская знать по устраненіи его уже не казалась болѣе страшною; ее всегда можно было, если не запугать, такъ подкупить почестями и выгодными мѣстами. А между тѣмъ борьба съ Даланинымъ была затруднительна, потому что онъ жилъ внѣ сферы непосредственнаго дворцоваго вліянія вдали отъ столицы. Будучи однимъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ имперіи онъ въ гордой независимости, съ-тѣхъ-поръ какъ разстроилась свадьба его съ Ѳеодорой, проводилъ время въ своихъ обширныхъ малоазійскихъ помѣстьяхъ. Всякая попытка открытаго насилія противъ него, могла вызвать возстаніе, примѣръ котораго подѣйствовалъ бы заразительно на всѣ восточныя провинціи имперіи. Надлежало по этому сначала заманить его въ Константинополь. Но Даланинъ слишкомъ хорошо понималъ свое положеніе, чтобы безъ дальнѣйшаго впасть въ западню, которую ему готовили. Посланный отъ правительства, чтобы пригласить его именемъ императора въ столицу, получилъ отказъ. Тогда Іоаннъ отправилъ къ нему одного изъ кубикуляріевъ императора, эвнуха Эргодота, съ просьбою, ради Бога не уклоняться отъ желаній государя, который хочетъ окружить престолъ свой лучшими людьми Византіи и ни отъ кого не ждетъ столько

пользы государству, какъ отъ Даланина. Въ то же время орфанотрофъ увѣрялъ его въ своемъ собственномъ безпредѣльномъ уваженіи къ нему и въ томъ, что ему рѣшительно нечего опасаться въ Константинополѣ; а въ подкрѣпленіе послѣдняго онъ, какъ бы въ залогъ неприкосновенности его особы, послалъ ему кусокъ честнаго креста и нерукотворную икону Спасителя. Даланинъ не устоялъ передъ такимъ настоятельнымъ упрашиваніемъ. Онъ отправился въ Константинополь и по прибытіи дѣйствительно былъ принятъ императоромъ съ большими почестями; ему дали титулъ проконсула и отвели помѣщеніе въ самомъ зданіи дворца. Но всѣ эти лестные знаки вниманія не заключали въ себѣ ничего существеннаго и не даровали Даланину дѣйствительнаго участія въ правленіи. А между тѣмъ правительство, усыпивъ его подозрѣнія, ревностно искало предлога, чтобы привязаться къ нему. За такимъ предлогомъ разумѣется дѣло не стало; имъ послужило незначительное возмущеніе въ Антіохіи, вызванное притѣсненіями мѣстныхъ властей. Пытками и въ тоже время обѣщаніемъ помилованія безъ труда заставили захваченныхъ виновниковъ показать, что настоящею цѣлью возстанія было провозгласить Даланина императоромъ, и что онъ самъ былъ душею всего предпріятія. Теперь и надъ нимъ нарядили судъ, въ приговорѣ котораго конечно не могло быть сомнѣнія. Его присудили къ заточенію на островъ Плату; но это еще неудовлетворило Іоанна, который велѣлъ заключить его въ одну изъ темницъ Константинополя.

Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ поступкомъ на византійскую знать, было сильнѣйшее негодованіе. Всѣ кричали на неслыханное вѣроломство, на безпримѣрную несправедливость. Константинъ Дука, женатый на дочери Даланина и бывшій представителемъ одного изъ могущественнѣйшихъ родовъ Византіи, вздумалъ даже было взволновать константинопольскую чернь, но былъ схваченъ дворцовыми солдатами и также заключенъ въ темницу. Его участь раздѣлили еще три патриція, которыхъ малоазійскія помѣстья сверхъ того еще были конфискованы. И протовестіарій Симеонъ, полагавшій возвратить себѣ прежнее вліяніе чрезъ

примкнутіе къ олигархической оппозиціи, палъ теперь окончательно, потому что долженъ былъ оставить столицу и постричься въ монахи. Наконецъ еще были отправлены въ ссылку братья Даланина, патриціи Θеофанъ и Романъ, равно какъ и дядя его Адріянъ [60]). Въ виду этой рѣшимости правительства остальные смирились, тѣмъ болѣе что Іоаннъ при угрозахъ не забылъ дѣйствовать и ласками. Вліятельнѣйшіе сенаторы, недержавшіе открыто стороны Даланина, были награждены за свое благоразуміе новыми титулами и денежными подарками. Даже чернь склонилась въ пользу новаго правительства, когда ей подъ предлогомъ дороговизны роздали безплатно 100,000 мѣръ пшеницы [61]). Въ замѣнъ враждебныхъ новому порядку вещей сановниковъ были назначены люди, близкіе императору; такъ званіе протовестіарія, вмѣсто заточеннаго Симеона, досталось брату Михаила, Георгію; другому — Никитѣ — было поручено Антіохійское намѣстничество; третьему — Константину — должность доместика схоларіевъ [62]); племянникъ его также Михаилъ возведенъ въ санъ кесаря [63]).

Управившись такимъ образомъ съ внутренними непріятелями, Іоаннъ со всею энергіею принялся за усмиреніе внѣшнихъ. Само собою понятно, что мы здѣсь не поставимъ себѣ задачею распространяться о войнахъ и походахъ, предпринятыхъ подъ его управленіемъ; мы тѣмъ болѣе можемъ обойдти ихъ, что личнаго участія онъ не принималъ въ нихъ, хотя ни одно предпріятіе не производилось безъ его указаній и распорядительства. Ограничимся тѣмъ, что скажемъ, что подъ его управленіемъ имперія опять нѣсколько оправилась отъ бѣдственнаго положенія, въ которое поставили ее совершенное нерадѣніе Константина VIII и Романа III. Магомметанскіе пираты получили достойное наказаніе. Флотъ ихъ былъ разбитъ въ водахъ Архипелага, множество плѣнныхъ проданы въ рабство въ пользу Византійской казны, а 500 человѣкъ выбранныхъ изъ числа ихъ повѣшаны или посажены на колъ въ разныхъ мѣстахъ по берегамъ Малой Азіи и Θракіи [64]). Сербы смирились, Египетскій султанъ долженъ былъ заключить перемиріе на тридцать лѣтъ, Болгары снова признали господство Византія. Что же касается Нор-

манновъ, то не только успѣхи ихъ въ Италіи были остановлены, но Іоаннъ съумѣлъ даже употребить ихъ для выгодъ имперіи, потому что, заключивъ съ ними союзъ, при ихъ помощи покорилъ Сицилію, которая съ середины IX вѣка находилась въ рукахъ Сарациновъ. Правда и то, что всѣ эти успѣхи болѣе истощали государство, чѣмъ приносили ему пользу, потому что они были кратковременны. Черезъ двадцать пять лѣтъ по изгнаніи Магомметанъ изъ Сициліи, тамъ развѣвалось уже знамя независимаго Норманнскаго короля Рожера, а еще пятнадцатью годами позже Норманны перешли уже черезъ Адріатику и оспаривали греческое владычество въ Албаніи и Эпирѣ; но вѣдь это была вина уже не Іоанна, а позднѣйшихъ правителей.

При всѣхъ этихъ заслугахъ онъ однакожъ не могъ не чувствовать непрочности своего положенія. Единственною опорою его и всего рода Пафлагонскаго былъ братъ, коего здоровье внушало все болѣе и болѣе опасеній. Смерть одного человѣка должна была неудержимо разрушить все воздвигавшееся съ такимъ трудомъ зданіе. Чтобы обезпечить себя еще съ другой стороны, онъ вздумалъ было занять мѣсто патріарха, но сдѣланная въ 1037 году попытка исполнить это намѣреніе осталась безъ успѣха. Высшее византійское духовенство воспротивилось низложенію патріарха Алексія, противъ котораго Іоаннъ взводилъ обвиненіе, что при его назначеніи не были соблюдены установленныя церковными законами формы. Константинопольскіе епископы боялись за собственную независимость въ случаѣ согласія на требованія орфанотрофа, тѣмъ болѣе что большая часть ихъ была хиротонисана самимъ же Алексіемъ, такъ что признаніе недѣйствительности его выбора ставило въ вопросъ законность ихъ собственнаго назначенія. Іоаннъ увидѣлъ, что дѣйствовать черезъ Зою было все-таки вѣрнѣе и легче, чѣмъ черезъ хитрыхъ, никогда не забывавшихъ о своихъ интересахъ монаховъ. Любовь ея къ его брату все еще была такъ горяча, что, не смотря на ненависть, которую она питала къ нему самому, черезъ него онъ могъ располагать ею безусловно. По его требованію она усыновила племянника своего мужа, уже упомянутаго кесаря Михаила, и тѣмъ признала

его не только фактическимъ, но и законнымъ наслѣдникомъ престола. Когда все семейство Пафлагонцевъ жило еще вдали отъ двора, производя торгъ лѣкарствами и мѣняя деньги, этотъ Михаилъ служилъ работникомъ въ константинопольскомъ арсеналѣ и занимался тамъ ремесломъ Конопатчика; отсюда и названіе Калафата, подъ которымъ онъ живетъ въ Византійской исторіи. Уже Михаилъ IV умиралъ, когда совершалась церемонія усыновленія; нѣсколько дней спустя не оставалось больше никакой надежды для него. Онъ надѣлъ, по обычаю того времени монашескую рясу, чтобы ею обмануть совѣсть, упрекавшую его за убійство Романа [65]) и умеръ 10-го декабря 1041 года.

Такъ хороши были мѣры, принятыя Іоанномъ, что Михаилъ Калафатъ былъ признанъ преемникомъ дяди своего безъ малѣйшаго сопротивленія. Сенатъ привѣтствовалъ его безпрекословно своимъ «Богомъ даннымъ» государемъ; народъ ликовалъ при раздачи щедрыхъ даровъ, которыми сопровождалось его коронованіе [66]). Но личные разсчеты Іоанна тѣмъ не менѣе были жестоко обмануты. Съ самаго начала правда племянникъ привѣтствовалъ его титуломъ старшаго брата, назначилъ соправителемъ, ничего не дѣлалъ безъ его вѣдома и согласія. Скоро однакожъ эти отношенія измѣнились. Михаилъ V былъ еще человѣкъ молодой, не безъ дарованій и охоты трудиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени гордый и самоувѣренный [67]). Личность въ родѣ Іоанновой не могла ему долго нравиться. Дѣйствительная опытность въ дѣлахъ, которой нельзя было отрицать у его дяди, не вознаграждала его за надменную манеру, съ которою эта опытность давала знать себя. Быть поучаему никому не нравится, тѣмъ менѣе вѣнчанной особѣ. Къ этому присоединилась неизвѣстно отъ чего происшедшая вражда между Іоанномъ и роднымъ братомъ его доместикомъ схоларіевъ Константиномъ. Эта вражда высказалась еще въ началѣ царствованія Михаила IV, когда дворъ боролся съ Даланнымъ. Константинъ въ то время противился крутымъ мѣрамъ, которыя были приняты противъ послѣдняго, и потомъ постоянно настаивалъ на его освобожденіи, но не могъ ничего сдѣлать противъ всемогущаго вліянія старшаго брата.

Теперь его ненависть нашла случай къ болѣе успѣшному дѣйствованію. Лестью и ухаживаніемъ онъ овладѣлъ довѣріемъ племянника и всячески настроивалъ его противъ орфанотрофа. Скоро между послѣднимъ и молодымъ императоромъ возникла холодность, не замѣдлившая перейдти въ положительное нерасположеніе. Встрѣчая безпрестанно сопротивленіе своимъ совѣтамъ, Іоаннъ въ справедливомъ сознаніи своего достоинства и значенія, отказался наконецъ отъ дѣлъ и уѣхалъ въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ своихъ. Вся родня Михаила, предвидѣвшая себѣ гибель, отъ этой семейной распри и отъ неопытности юноши, стоявшаго въ главѣ ея, приняла сторону Іоанна. Мало того: столь глубокое довѣріе къ своимъ государственнымъ способностямъ внушалъ онъ, что даже большая часть придворныхъ и административныхъ чиновниковъ разсчитала, что гораздо вѣрнѣе будетъ обнаружить сочувствіе къ нему, нежели къ императору. Пріемныя комнаты загороднаго дворца были полнѣе императорскихъ, ему кланялись усерднѣе, чѣмъ самому государю, потому что всякій былъ увѣренъ, что рано или поздно обстоятельства его снова поставятъ въ главѣ правленія. На перекоръ этимъ манифестаціямъ, за которыми быть можетъ скрывалась прямая оппозиція противъ двора, Михаилъ аффектировалъ въ отношеніи къ нему самое обидное пренебреженіе. Однажды онъ велѣлъ ему явиться во дворецъ, а самъ въ то время, какъ тотъ прибылъ, уѣхалъ въ циркъ и заставилъ его дожидаться. Жестоко оскорбленный этимъ, Іоаннъ, не дождавшись, опять вернулся на свою дачу. Тогда Михаилъ предалъ его, какъ оскорбителя величества, суду, который приговорилъ орфанотрофа къ ссылкѣ и конфискаціи имущества. Болѣе жестокая участь постигла родственниковъ государя, которые осмѣлились роптать противъ безумнаго поступка юноши. Мало того, что ихъ также удалили изъ столицы; въ припадкѣ безчеловѣчнаго юмора, Михаилъ приказалъ оскопить ихъ, чтобы тѣмъ еще усилить, какъ онъ выражался, узы, соединявшія ихъ съ падшимъ орфанотрофомъ. [68])

Это непостижимое безуміе, совершенно изолировавшее Михаила въ византійскомъ обществѣ, разумѣется должно было повести къ самымъ тяжкимъ послѣдствіямъ. Доместикъ

схоларіевъ, которому тотчасъ послѣ катастрофы Іоанна былъ данъ титулъ благороднѣйшаго, былъ плохою замѣною умнаго и дѣятельнаго орфанотрофа. Легкомысленный, жадный къ удовольствіямъ, любя болѣе блескъ и удобства власти, чѣмъ дѣйствительное употребленіе ея, онъ только по временамъ проявлялъ минутную энергію и стойкость. Самъ же молодой императоръ былъ еще менѣе способенъ справиться со всѣми окружавшими его затрудненіями, такъ что новый переворотъ былъ не избѣженъ.

Опрометчивость и самонадѣянность Михаила чрезвычайно ускорили его. Удаляя всѣхъ приверженцевъ своего дяди изъ занимаемыхъ ими мѣстъ и возобновляя такимъ образомъ весь личный составъ византійской администраціи, онъ не пощадилъ даже и патріарха, не смотря на то, что тотъ вовсе не былъ сторонникомъ Іоанна. Народъ сносилъ эти перемѣны, прямо до него не касавшіяся, но естественно, что всѣ отставленныя лица составили сильную враждебную правительству партію, которая ждала только случая, чтобы отмстить ему. Этотъ случай представился, когда мѣры Михаила упали и на усыновившую его Зою. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть, онъ и имени ея не хотѣлъ раздѣлить болѣе, забывая что сама она исключительно опиралась на авторитетъ усыновившей его императрицы. Весною 1042 года ее арестовали и отвезли въ монастырь, существующій еще теперь на островѣ Принца въ Мраморномъ морѣ. [69]) На другой день лаконическая прокламація императора извѣщала жителей о случившемся. Михаилъ былъ увѣренъ, что они примутъ ее столь же равнодушно, какъ свержeніе Іоанна и низложеніе патріарха, но на этотъ разъ ошибся. Съ ранняго утра чернь толпилась и волновалась около тѣхъ мѣстъ, гдѣ было прочитано объявленіе. Преступленія и развратъ Зои были забыты; теперь вспоминали только о томъ, что она представительница династіи, которая уже почти два вѣка управляла Византіею. Враги Михаила въ противоположность къ блеску предковъ императрицы, выставляли его собственное низкое происхожденіе, съ ея благодушіемъ, въ отношеніи къ нему сравнивали его собственную черную благодарность. Къ этому присоединялись толки

другаго рода, нарочно распускавшіеся слухи о новыхъ налогахъ, которые хочетъ назначить правительство, о томъ что этихъ налоговъ не избѣгнутъ и церкви, что патріархъ свергнутъ именно за то, что противился ихъ введенію. Монахи со всѣмъ увлеченіемъ корыстной касты, вопили противъ угрожающаго оскорбленія святыни, кляли государя, который не задумался простереть свои насилія даже на перваго представителя ея. Самъ Михаилъ между тѣмъ спокойно сидѣлъ во дворцѣ, и не подозрѣвая той бури, которая готова была грянуть, благодаря его легкомысленной самоувѣренности.

На площади Константина въ центрѣ города, гдѣ и теперь еще помѣщается главный базаръ Константинополя, разъигралось наконецъ начало наступавшей драмы. Сюда явился городской префектъ Анастасій (это званіе тогда соотвѣтствовало почти должности оберъ-полиціймейстера въ нашихъ столицахъ), чтобы съ обычнымъ церемоніаломъ, при звукахъ трубъ и литавръ прочесть царскую прокламацію. «Я удалилъ отъ себя Зою», вотъ слова Михаила «за коварные и вѣроломные противъ меня замыслы—замыслы, въ которыхъ участвовалъ и бывшій патріархъ Алексій. Но отношенія мои къ вамъ, вѣрноподданные, отъ этого не измѣнятся. Я по прежнему буду къ вамъ ласковъ и милостивъ.» [70])—Вмѣсто обычныхъ всѣмъ царскимъ указомъ привѣтовъ, по прочтеніи этого акта водворилось мертвое молчаніе. Вдругъ среди этого зловѣщаго безмолвія, раздался чей-то голосъ: «долой нечестиваго конопатчика! Да здравствуетъ матушка наша Зоя! Она императрица, ей по закону принадлежитъ власть! Другихъ намъ нечего слушать!» «Смерть конопатчику, смерть попирателю креста» [71]) вторила чернь. Камни, комки грязи, осколки скамеекъ и лавокъ летятъ въ Анастасія, который въ смертельномъ страхѣ бѣжитъ, чтобы скрыться въ префектурѣ. Мятежъ быстро разливается по улицамъ, сопровождаемый грабежомъ и поджигательствомъ правительственныхъ зданій. Къ вечеру онъ охватилъ весь городъ, такъ что императоръ былъ осажденъ во дворцѣ своемъ. При страшномъ заревѣ пожаровъ народъ собрался у Софійскаго собора, чтобы разсудить о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

И теперь еще Михаилъ не приписывалъ большаго зна-

ченія возстанію, считая его ничтожною вспышкою, которая не можетъ быть опасной. Онъ полагался на то, что недавно еще въ день Пасхи, послѣ крестнаго хода были розданы черни шелковыя ткани, которыми была устлана вся дорога отъ палаціи къ Софіевскому собору и думалъ, что это неслыханное разсточеніе, на всегда обезпечило за нимъ любовь народа. Враги его вѣрнѣе оцѣнили движеніе. Старые чиновники Константина VIII, устраненные отъ должностей своихъ послѣдовавшими послѣ смерти его событіями, примкнули къ инсургентамъ и внесли систему въ ихъ дѣйствія; къ нимъ присоединился и низложенный партріархъ, который нашелъ способы бѣжать изъ монастыря, куда его заключили. На совѣщаніи въ Софіевскомъ соборѣ рѣшили провозгласить правительницами Зою и Өедору. О послѣдней, томившейся уже восемь лѣтъ въ монастырѣ и всѣми забытой, подумали вѣроятно только потому, что Зоя была во власти двора (императорскія вооруженныя галеры, стоявшія у пристани дворца, препятствовали сообщенію съ монастыремъ, въ который отвезли ее) и слѣдовательно Өедора оставалась единственною представительницею династистическихъ и легитимическихъ интересовъ, въ пользу которыхъ объявилось возстаніе въ самомъ началѣ. Ее привели въ соборъ и сверхъ монашеской рясы, облекли въ хранившіяся тамъ императорскія регаліи, потомъ показали народу, который съ восторгомъ привѣтствовалъ ее царицей. Клики ликующей массы пробудили наконецъ Михаила изъ его обманчиваго покоя и теперь прежняя самоувѣренность его быстро смѣнилась величайшимъ малодушіемъ. Узнавъ о томъ, что происходило въ соборѣ, онъ послалъ за Зоею и велѣлъ снять съ нея монашеское одѣяніе. Рано утромъ слѣдующаго дня онъ вмѣстѣ съ нею, подъ прикрытіемъ своей гвардіи, отправился въ циркъ и занялъ мѣсто въ царской ложѣ. Глашатые его объявили во всеуслышаніе, что императрицѣ матери возвращены всѣ права ея, что императоръ готовъ сдѣлать уступки, какія потребуются. Поздно. Народъ, столпившійся на аренѣ амфитеатра, отвѣчалъ бранью и ругательствами и съ неистовымъ крикомъ требовалъ его смерти. Испуганный Михаилъ бросился назадъ въ палацій, насилу укрываясь отъ стрѣлъ и

камней, которые со всѣхъ сторонъ полетѣли въ его ложу. Опасность теперь въ его глазахъ приняла такіе размѣры, что онъ уже не думалъ о томъ, какъ усмирить волненіе народа, а лишь о спасеніи своей жизни, и о скорѣйшемъ бѣгствѣ изъ столицы, хотя это бѣгство и было равно отреченію отъ престола. Уже галера, назначенная для перевозки его въ Малую Азію, была готова, уже онъ хотѣлъ сѣсть въ нее, когда доместикъ заступилъ ему дорогу. «Не изъ-за всякой бездѣлицы», говорилъ Константинъ, «слѣдуетъ предаваться отчаянію! Разъ, добившись вѣнца, надобно или умереть или побѣдить, но не отдать его безъ защиты» [72]).

Подъ вліяніемъ этого совѣта было рѣшено остаться и принять предстоявшій бой. Дѣйствительно дѣло могло еще казаться не совсѣмъ потеряннымъ. Внутри дворцовой ограды, приспособленной къ оборонѣ, находилось значительное число солдатъ, къ тому же многочисленная толпа придворной челяди, для вооруженія которой помѣщавшійся въ стѣнахъ палація арсеналъ [73]) представлялъ всѣ средства. Къ этому присоединилось еще другое весьма благопріятное для Михаила обстоятельство. Утромъ того же 19-го Апрѣля, когда не удалась попытка примиренія, прибылъ въ Константинополь и высадился у дворцовой пристани Катакалонъ, одинъ изъ византійскихъ генераловъ, которые командовали въ Сициліи. Онъ привезъ вѣсть о взятіи Мессины, послѣдняго пункта, которымъ владѣли тамъ Арабы, и былъ сопровождаемъ отрядомъ отборнаго боеваго войска. Къ несчастію Михаила, ни онъ, ни доместикъ его не съумѣли воспользоваться этими средствами. Надлежало или запереться во дворцѣ и выжидать нападеніе возставшихъ, или же, ужъ если рѣшиться на наступательныя дѣйствія, всѣми силами ударить на одинъ изъ фокусовъ возстанія и, управившись на одномъ мѣстѣ, приняться за другіе центры его. Доместикъ рѣшилъ иначе. Небольшое число солдатъ оставилъ онъ для защиты палація, остальныхъ раздѣлилъ на три отряда. Первый долженъ былъ аттаковать циркъ, другой выступить изъ Халки (главныхъ воротъ палація) и стараться проникнуть до площади Константина; третьему наконецъ назначалось дѣйствовать съ сѣверной оконечности дворца по берегу Золотаго

Рога, чтобы отрѣзать инсургентовъ отъ сообщенія съ константинопольскими предмѣстьями, которыя лежатъ по другую сторону залива; точкою опоры для него служилъ Тзиканистерій, обширное зданіе, построенное Василіемъ Македонскимъ [74]) для столь любимой Византійцами игры въ мячикъ. Одинъ взглядъ на планъ Константинополя убѣдитъ читателя, что ничего не могло быть неудачнѣе такой диспозиціи. Эксцентричное движеніе войскъ съ необходимостью вело къ тому, что каждый шагъ впередъ удалялъ ихъ другъ отъ друга и затруднялъ взаимную поддержку. Положеніе каждаго отряда становилось тѣмъ опаснѣе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ успѣшнѣе.

Въ самомъ началѣ, какъ и слѣдовало ожидать, перевѣсъ былъ на сторонѣ нападавшихъ. Плохо или вовсе невооруженная толпа инсургентовъ, не могла выдержать напора стройныхъ колоннъ экскубиторовъ (дворцовой стражи) и схоларіевъ Катаколона, и отхлынула назадъ. Циркъ былъ быстро очищенъ; точно также и центральная колонна проникла до Августея и овладѣла этою площадью. [75]) Но тутъ ихъ успѣхи остановились. Въ тѣсныхъ улицахъ, ведшихъ отъ цирка и Августея, къ площади Константина, всѣ выгоды были на сторонѣ защищавшихся. Камни, горячія уголья, кипятокъ, цѣлыя бревна низвергались съ крышъ на наступающихъ, которымъ въ этомъ случаѣ не помогали ни дисциплина, ни превосходство вооруженія. Съ страшнымъ урономъ наконецъ войска отступили, преслѣдуемыя разъяренною толпою. Къ вечеру бой кипѣлъ уже не въ городѣ собственно, а подъ стѣнами самаго палація, для охраненія обширной ограды, котораго уже не хватало болѣе оставшихся въ живыхъ защитниковъ. Ночью съ 19-го на 20-е число толпа овладѣла наконецъ главнымъ входомъ (Холки) и ворвалась во внутренность дворца. Михаилъ насилу достигъ маленькой лодки въ Босфорѣ, и, переодѣтый, вмѣстѣ съ дядей бѣжалъ въ Студитскій монастырь, надѣясь здѣсь найдти спасеніе. Послѣдствія показали, что эта надежда была тщетная.

Въ разграбленномъ дворцѣ, откуда еще не убрали труповъ, Зоя теперь вмѣстѣ съ сестрою торжественно благодарила собравшихся сенаторовъ и народъ, за оказанную ей

помощь и потребовала, чтобы ей объявили, какъ поступить съ низложеннымъ Михаиломъ. Кровавая побѣда, стоившая не менѣе трехъ тысячъ гражданъ (таково было число убитыхъ инсургентовъ [76]) конечно не располагала къ милости. Въ отвѣтъ на вопросъ царицы раздались дикіе возгласы: «Убить его, негодяя! Посадить на колъ, распятъ, ослѣпить его! Чтобы онъ свѣта Божьяго не взвидѣлъ больше!» [77]) Зоѣ стало жаль несчастнаго; она вспомнила любовь свою къ его дядѣ, узы, такъ долго соединявшія ее съ семействомъ Пафлагонцевъ, просила пощады. Но сестра, Ѳеодора, ожесточенная долгимъ заключеніемъ, не хотѣла и слышать о помилованіи и приказала вновь назначенному, на мѣсто Анастасія, городскому префекту Камбанарису, ослѣпить Михаила и доместика. Несмѣтная толпа отправилась вмѣстѣ съ нимъ къ Студитскому монастырю и насильно вытащила оттуда несчастныхъ. Ихъ связали, посадили на муловъ и среди общихъ насмѣшекъ, издѣваній, повезли къ лобному мѣсту [78]) Константинополя, которое называлось Сигмою и находилось на возвышенности недалеко отъ Золотаго Рога, за великолѣпнымъ монастыремъ Богородицы, который отстроилъ Романъ III. Раффинированная жестокость того времени, какъ будто нарочно избрала этотъ пунктъ мѣстомъ казни, чтобы по возможности затруднить казнимымъ послѣднее прощаніе съ землею. Видъ отсюда восхитительный; широкою синею лентою тянется почти у ногъ зрителя обширный бассейнъ Константинопольской гавани; за нимъ подымаются террассы холмовъ, покрытыхъ дачами, загородными дворцами и роскошною растительностью. Михаилъ встрѣтилъ свою участь съ жалкимъ малодушіемъ. На колѣняхъ, умолялъ онъ, чтобы прежде выкололи глаза у доместика, превратные совѣты котораго будто бы погубили его, а потомъ уже ему самому. Константинъ, напротивъ, перенесъ страшную операцію ослѣпленія съ стоическою твердостью. Потомъ обоихъ сослали въ монастыри, равно какъ и всѣхъ проживавшихъ еще въ столицѣ родственниковъ Пафлагонскаго дома. [79])

Итакъ Константинопольскій престолъ находился опять въ рукахъ законныхъ владѣтельницъ своихъ. Онъ представлялъ теперь зрѣлище до-тѣхъ-поръ еще не бывалое въ исторіи

имперіи. Его занимали двѣ императрицы, вполнѣ равноправныя, но кромѣ этого равенства не имѣвшія ничего общаго между собою. Ѳеодора, съ сердцемъ, полнымъ горечи отъ перенесенныхъ обидъ и преслѣдованій, со взглядомъ на жизнь омраченнымъ кромѣ несчастій, еще суровымъ аскетическимъ направленіемъ, отвыкла во время семи-лѣтняго слишкомъ заключенія въ монастырѣ отъ свѣтскаго шума и всякихъ дѣлъ; съ другой стороны сестра ея, престарѣлая уже, но по прежнему была жадная къ удовольствіямъ, легкомысленная, слабая, безъ всякихъ твердыхъ началъ, за то изловченная въ искусствѣ интриги. — Такое сочетаніе мало обѣщало имперіи. При всемъ томъ время ихъ правленія прошло сравнительно спокойно. Вслѣдствіе ли естественной реакціи, послѣ возстанія, которая придавала двойную силу потребности въ отдыхѣ; вслѣдствіе ли чего иного, трехмѣсячье, втеченіе котораго они совмѣстно владѣли престоломъ, не было ознаменовано ни внутренними, ни внѣшними безпорядками. Назначенный вновь доместикъ восточныхъ схоларіевъ, Николай, удачно охранялъ status quo на югѣ имперіи. Георгій Маніакъ, старый полководецъ временъ Василія II, отставленный орфанотрофомъ Іоанномъ, а теперь посланный въ Италію, съумѣлъ ужиться съ Норманнами, такъ что и отсюда опасаться было нечего. Нѣсколько благоразумныхъ указовъ, которыми между прочимъ былъ уничтоженъ обычай продавать судебныя должности, [80]) облегченіе податей и т. п. подлинныя мѣры доставили новому правительству популярность, которая могла только выиграть еще отъ строгости противъ нѣкоторыхъ злоупотребителей предъидущихъ царствованій.

Тѣмъ не менѣе однакожъ, такое счастливое положеніе дѣлъ не могло сохраниться на долго. Зоя слишкомъ искренно ненавидѣла сестру свою, которая въ свою очередь слишкомъ явно платила ей презрѣніемъ, чтобы согласіе между ними, вынужденное событіями, осталось ненарушеннымъ. Легко догадаться, что въ завязавшейся между ними борьбѣ, успѣхъ долженъ былъ остаться на сторонѣ первой; мало того, что ей помогали испытанная ловкость въ интригѣ, тонкое знаніе людей, окружавшихъ престолъ — самые недо-

статки ея въ глазахъ, испорченнаго высшаго византійскаго общества, давали ей перевѣсъ надъ суровыми добродѣтелями сестры. Къ сожалѣнію византійскія лѣтописи не сохранили намъ подробностей о ходѣ этой борьбы; въ краткихъ и сухихъ выраженіяхъ, онѣ знакомятъ насъ только съ результатами ея. «Послѣ всего этого» (назначеніе упомянутыхъ выше сановниковъ), говоритъ Кедринъ [81]) «рѣшили» (кто? какъ? почему? неизвѣстно) «избрать новаго государя и женить его на Зоѣ». У Константина Манассія [82]) къ такому же отрывочному извѣстію присовокупляется еще, что побужденіемъ къ браку было желаніе народа, получить законныхъ наслѣдниковъ престола — желаніе при пятидесяти семи лѣтнемъ возрастѣ императрицы едва ли возможное. Какъ бы то ни было, но новый, третій бракъ ея состоялся. Сначала выборъ Зои палъ на человѣка, уже прежде бывшаго въ связяхъ съ нею, упомянутаго нами въ началѣ очерка Катапана [83]) Константина Артоквина. Онъ былъ уже женатъ но это нисколько не удержало ее; расторженіе перваго брака Романа Аргира, пріучила ее не уважать чужихъ супружескихъ правъ. Но жена Катапана не походила на жену Аргира. Она не захотѣла отказаться отъ него добровольно, чтобы влачить потомъ жалкое существованіе въ монастырскихъ стѣнахъ. Ужъ если ему не было суждено остаться ея мужемъ, такъ пусть же лучше — такъ разсуждала она — никому не достанется. Катапанъ умеръ, отравленный собственною женою. Тогда Зоя обратилась къ другому изъ прежнихъ любовниковъ своихъ, къ Константину Мономаху, такъ какъ мелькнувшій было проектъ женить на ней Даланина [84]) не встрѣтилъ ея одобрѣнія. Со злою наивностью Кедринъ, разсказывая объ этомъ, замѣчаетъ, что одинаковость имени Катапана и Мономаха, показалась императрицѣ достаточнымъ побужденіемъ къ замѣненію перваго послѣднимъ. [85]) Мономахъ жилъ въ это время вдали отъ двора, въ ссылкѣ на островѣ Лесбосѣ. Его заточилъ туда орфанотрофъ Іоаннъ, во время своего могущества, опасаясь встрѣтить въ немъ соперника. Теперь онъ былъ вызванъ оттуда и съ торжествомъ привезенъ на царской галерѣ въ столицу, а 11-го іюня 1042-го года отпраздновалось его бра-

косочетаніе съ вдовствующей императрицей. Ѳеодора снова удалилась въ монастырь свой, хотя и не въ качествѣ монахини болѣе, а сохраняя всѣ свои царскія почести.

Съ этого времени имя Зои уже не является болѣе въ столь тѣсной связи съ судьбами имперіи, какъ прежде. Мы не слышимъ ни о новыхъ интригахъ, ни о новыхъ преступленіяхъ ея. Спокойно доживаетъ она въ стѣнахъ палацця, никѣмъ не замѣчаемая, не возбуждая ни надеждъ честолюбцевъ, ни участія добродушной черни. До такой степени забыта она, что даже годъ смерти ея внесенъ въ лѣтопись одного лишь Зонара. Да и его къ этому упоминанію побудило кажется ничто иное, какъ желаніе подсмѣяться надъ ограниченностью Мономаха, про котораго онъ при этомъ случаѣ разсказываетъ вещи почти невѣроятныя. Зоя, по словамъ Зонара, скончалась въ 1052-мъ году, а овдовѣвшій супругъ ея всячески старался о томъ, чтобы ее причислили къ лику святыхъ. Чтобы склонить къ этому несоглашавшееся духовенство, онъ указывалъ какъ на чудеса, на какіе-то грибы, которые выросли около ея могилы. Само собою разумѣется, что духовенство отвергло его предложеніе [86]). — Однажды только въ царствованіе Мономаха имя Зои, послужило символомъ для народнаго движенія въ Константинополѣ; но и тутъ кромѣ имени, мы никакихъ другихъ слѣдовъ ея государственнаго значенія не находимъ. Ходъ этого дѣла будетъ ясенъ изъ слѣдующаго.

Константинъ Мономахъ, по счету IX въ ряду византійскихъ императоровъ этого имени, оказался, какъ и слѣдовало ожидать отъ избранника Зои, рѣшительно недостойнымъ своего положенія. Не смотря на льстивыя обѣщанія, съ которыхъ онъ началъ свое правленіе, не смотря на выраженныя, въ первомъ манифестѣ, его увѣренія «что подъ его державою будутъ процвѣтать добродѣтели, а пороки искоренятся» [87]), онъ первый подавалъ примѣръ разврата и порока. Весьма естественно, что увядшія прелести императрицы не удовлетворяли его, и что онъ искалъ утѣшенія въ другихъ женщинахъ. Въ этомъ ничего нѣтъ особеннаго и Византійцы разумѣется не обратили бы вниманія на сердечныя связи своего государя, если бы онъ не до-

шелъ въ нихъ до такой степени цинической откровенности, что оскорбилъ чувства приличія, даже привыкшихъ къ разврату Константинопольцевъ. Изъ византійскихъ патриціанокъ полюбилась ему особенно одна, Склирина, дочь упомянутаго нами выше Вардаса Склироса, съ которою онъ уже до вступленія на престолъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Она была вдовою и послѣдовала за нимъ въ изгнаніе, когда онъ по приказанію орфанотрофа Іоанна, принужденъ былъ оставить столицу. Теперь, когда судьба снова возвысила его, онъ окружилъ ее всѣми почестями рожденной государыни, уступилъ ей одинъ изъ императорскихъ дворцовъ, назначилъ особый придворный штатъ и почетный караулъ изъ гвардейцевъ. Зоя до такой степени отупѣла, или находилась въ такой безусловной зависимости отъ воли мужа, отличавшагося дѣйствительно рѣдкою красотою, что не только ничего не предпринимала противъ своей соперницы, а напротивъ возъимѣла самую нѣжную пріязнь къ ней. Съ ея собственнаго согласія, Константинъ Мономахъ помѣстилъ наконецъ Склирину въ самомъ палаціи. Спальня ея находилась рядомъ съ спальнею императора; съ другой стороны къ послѣдней примыкала спальня Зои. На всѣхъ торжественныхъ выѣздахъ и выходахъ какъ Зоя, такъ и Склирина являлись съ одинаковыми аттрибутами царскаго достоинства; преимущество первой заключалось только въ томъ, что она занимала мѣсто по правую сторону императора, Склирина по лѣвую. Однимъ словомъ Византія представляла теперь единственный, быть можетъ, въ исторіи христіанскихъ народовъ примѣръ, государя живущаго въ открытомъ двоеженствѣ, т. е. совершающаго въ виду всѣхъ одно изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій, за которое Византійская же Церковь подвергала двадцати-двухъ-лѣтнему отлученію.

Сколь ни было притуплено нравственное чувство византійскаго народа, все таки это зрѣлище должно было глубоко возмутить его. Православный государь по образу жизни своей сходился съ ненавистными поклонниками Магоммета. Въ 1044 году всеобщее неудовольствіе выразилось въ открытомъ возмущеніи. 9-го Марта [88]), въ день сорока мучениковъ, императоръ отправился въ сопровожденіи обѣихъ женъ своихъ, от-

стоять обѣдню, въ посвященной ихъ памяти церкви. Но едва онъ вышелъ изъ Халки и достигъ стоявшаго тутъ рядомъ храма Спасителя, какъ поднялись крики изъ толпы: «не хотимъ, чтобы Склирина была императрицей, не хотимъ, чтобы изъ за нея, законныя государыни наши томились въ пренебреженіи. Смерть двоеженцу!» Въ испугѣ Константинъ со всею свитою бросился назадъ во дворецъ. Но на этомъ народное движеніе и остановилось. Выступивъ на балконъ дворца, Зоя безъ труда усмирила бунтующихъ, у которыхъ на этотъ разъ не было руководителей изъ аристократіи, слѣдовательно и не было ни яснаго плана, ни опредѣленной цѣли. Все дѣло ограничилось тѣмъ, что Константину не удалось помолиться въ церкви сорока мучениковъ.

Намъ здѣсь конечно не приходится распространяться о событіяхъ продолжительнаго и безславнаго царствованія Мономаха. Съ судьбою дочерей Константина VIII они такъ мало связаны, что даже имена ихъ до самой смерти Мономаха, кромѣ упомянутаго случая, въ лѣтописяхъ не встрѣчаются. Зоя, какъ мы видѣли, умерла въ 1052 году, т. е. двумя годами ранѣе его. Ѳеодора осталась въ живыхъ и въ 1054 году еще разъ выступила на поприще политической дѣятельности.

Послѣ смерти Склирины, Мономахъ нашелъ себѣ новую подругу, въ лицѣ молодой Грузинки, проживавшей въ столицѣ въ качествѣ заложницы. Вліяніе, которое она оказывала на него, сдѣлалось поводомъ къ придворной интригѣ. Составилась партія изъ логофета [89]) Іоанна, протонотарія Константина и префекта Каликлія [90]) противъ Константина Лихуда, который занималъ неизвѣстно какую должность, но пользовался большимъ авторитетомъ при дворѣ и повидимому былъ человѣкомъ достойнымъ. Свергнуть его было не трудно, но слѣдовало ожидать, что послѣ смерти Мономаха, близость которой тогда уже можно было предвидѣть, онъ снова займетъ прежнее мѣсто, такъ какъ Ѳеодора, въ руки которой въ такомъ случаѣ снова переходила вся власть, благоволила къ нему. Чтобы обезпечить себя отъ его возвращенія, рѣшили устранить и самую императрицу, возводя на ея мѣсто намѣстника Болгаріи Николая Протевонда и же-

нивъ его на наложницѣ Мономаха. Къ счастію Ѳеодоры онъ запоздалъ прибытіемъ изъ ввѣренной ему провинціи, такъ что она успѣла послѣ смерти Константина захватить въ свои руки бразды правленія. Николая остановили на пути въ столицу и постригли въ монахи.

Теперь наконецъ Ѳеодора увидѣла себя единственною правительницею имперіи. Двадцать шесть лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ престолъ былъ назначенъ ей отцомъ ея и теперь только назначеніе это исполнилось; двадцать шесть лѣтъ преслѣдованій обманутыхъ надеждъ, томительнаго ожиданія. Весьма естественно, что она вступала теперь въ законныя права свои съ озлобленнымъ сердцемъ, съ горячимъ желаніемъ отмстить за перенесенныя обиды. Краткое царствованіе ея носитъ по этому характеръ личной раздраженности, во всѣхъ мѣрахъ видно, что побужденіемъ для нихъ былъ не политическій разсчетъ, а какое-то желчное упрямое своеволіе, которое окончилось бы конечно ея собственною гибелью, если бы смерть не предупредила катастрофы.

Благодаря кратковременности ея царствованія, самъ народъ константинопольскій, впрочемъ, мало пострадалъ отъ несговорчиваго нрава своей императрицы. Всю тяжесть его вынесла только административная аристократія. Хотя большая часть виновныхъ долговременнаго угнетенія Ѳеодоры уже не было въ живыхъ, тѣмъ не менѣе вся высшая администрація подверглась современному обновленію въ личномъ составѣ своемъ. Само собою разумѣется, что первые поплатились за свое нерасположеніе къ ней виновники проекта объ устраненіи ее отъ власти. Какъ логофета, такъ и всѣхъ сообщниковъ его отправили въ ссылку; бывшій при Мономахѣ доместикомъ Востока Исаакій Комненъ (впослѣдствіи самъ императоръ) былъ отставленъ; на его мѣсто назначенъ какой-то непопадающійся болѣе въ лѣтописяхъ Ѳеодоръ. Та же участь постигла другаго генерала, Бріэнія, который сверхъ того подвергся еще конфискаціи имущества. Положительной вины мы не знаемъ ни за тѣмъ, ни за другимъ, но что оба были люди, стоющіе уваженія, доказывается ихъ послѣдующимъ царствованіемъ (Бріэнній, точно также, какъ Исаакій Комненъ, впослѣдствіи сдѣлался императоромъ).

Флотъ получилъ новаго начальника въ лицѣ Мануила; на мѣсто изгнаннаго Іоанна, въ должность логофета былъ назначенъ человѣкъ, какъ кажется, принимавшій участіе въ замыслѣ Константина Діогена, свергнуть Мономаха III, нѣкто Левъ Стравоспондилъ. Наконецъ санъ кесаря и вмѣстѣ съ тѣмъ право на престолонаслѣдіе получилъ Михаилъ Стратіотикъ, испытанный воинъ, но человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма ограниченный. [91])

Өеодора не имѣла времени убѣдиться на опытѣ въ удачѣ или неудачѣ своихъ выборовъ. Она умерла черезъ годъ съ небольшимъ послѣ смерти Мономаха, не успѣвъ ничего сдѣлать для имперіи, хотя принялась за устройство ея съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Во всѣ дѣла входила она сама, выслушивала безъ утомленія доклады своихъ министровъ, любила рѣшать въ высшей инстанціи споры и тяжбы своихъ подданныхъ. Очень можетъ быть, что эта непривычная дѣятельность, которая при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно обогатило бы Византійскую исторію не одною блестящею страницею, прежде времени исчерпала силы ея непривычнаго къ ней организма. 22-го Августа 1056-го года ея не стало. [92])

Послѣ Өеодоры мы уже не встрѣчаемъ женщинъ на Византійскомъ престолѣ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ положеніе имперіи становилось безнадежнѣе, тѣмъ сильнѣйшихъ плечъ требовало бремя правленія ея. Если смотрѣть на Византійскую исторію, какъ только на личную исторію государей ея (а при настоящемъ состояніи науки, такой взглядъ почти только и возможенъ), то одиннадцатый вѣкъ представляетъ эпоху самого глубокаго упадка ея. Съ конца его начинается движеніе къ лучшему, а въ лицѣ послѣдняго христіанскаго государя Константинополя, въ лицѣ Константина Дракозиса мы видимъ личность почти идеальную, мученика не только по страданіямъ, но и по геройству. Но конечно никакія личныя заслуги тогда уже не были въ состояніи предовратить катастрофу. Она подтвердила тотъ неумолимый историческій законъ, что на дѣтей и внуковъ падаетъ отвѣтственность за грѣхи отцовъ и дѣдовъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Luitprandi legat. p. 345 (ed. Bonn. supplem. od. Leonis diaconi histor.).

2) Leo, Geschichte der Italien. Staaten, т. I, стр. 374 и 384.

3) О подлой измѣнѣ, посредствомъ которой Византійцы овладѣли этимъ городомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ господствомъ надъ цѣлымъ племенемъ Хорватовъ разсказываетъ Кедринъ II, 476.

4) Василій сдѣлалъ это, захвативъ въ плѣнъ часть болгарскаго войска въ ущельи Балкана близъ Филиппополя, 29-го Іюля 1015-го года. «Плѣннымъ, императоръ велѣлъ выколоть глаза и раздѣлить на сотни; каждой «сотнѣ былъ данъ проводникъ изъ плѣнныхъ же, которому выкололи только «одинъ глазъ. Въ такомъ видѣ отправили ихъ къ Болгарскому царю Са«муилу. Когда тотъ увидѣлъ это зрѣлище, то упалъ безъ чувствъ отъ ужа«са и черезъ два дня умеръ.» Cedren. II, 458. Константинъ Манассіи въ своей стихотворной хроникѣ называетъ это «укрощеніемъ болгарской над«менности, сохраненіемъ государевой паствы отъ бѣшеныхъ собакъ!» (v. 6016—6020).

5) Пространство между верховьями Оронта и Селевкіею имѣло при сирійскихъ государяхъ изъ династіи Селевка столь густое населеніе, что не смотря на умѣренный объемъ его, нужно было разбить эту область на четыре провинціи. Schlosser, universalhist. Uebersicht d. Gesch. d. alten Welt, часть II, отдѣл. I, стр. 160). — Во времена Цимисхія здѣсь была пустыня, въ которой войска гибли отъ недостатка воды и припасовъ. Антіохія, имѣвшая около Р. Х. до милліона жителей, во время перваго крестоваго похода сохранила ихъ не болѣе 80,000. — Не могу не указать здѣсь на превосходный трудъ, характеризующій постепенное одичаніе природы другой византійской провинціи, Эллады и Пелопоннеса. Это сочиненіе Фрааса: «Die Flora des gegenwärtigen Königreichs Griechenland, München 1839». Авторъ и сличилъ въ немъ климатическія условія и растительность нынѣшней Греціи съ свидѣтельствами о нихъ древнихъ писателей и провелъ параллель между измѣненіями того и другаго и историческими событіями въ судьбѣ самихъ обывателей ея.

6) Африканскіе Сарацины, принадлежавшіе къ Фатимитской сектѣ, часто являются въ качествѣ наемниковъ при византійскихъ войскахъ въ Италіи; побѣдою при Бозентелло Греки были преимущественно имъ обязаны. Leo, стр. 346.

7) Такъ напр. Василій II ввелъ такъ называемый аллеленгилъ, т. е. законъ, чтобы набиравшіеся рекруты были вооружаемы своими общинами и чтобы послѣдніе платили за нихъ всѣ подати, пока они находились на службѣ. Cedren II, 37 и 456.

8) Cedren. II. 541. 9) Ibid. 492. 10) Lebeon hist. du Bas-empire XVI, 180 (ed. Paris. 1775 г.) 11) Anna Comnenae Alexiad. l. II, cap. 5. 12) Febroti Glossar. Cedreni. v. πρωτοβεστιάριος. Codini Curopalatæ de officialibus 8 и 28. Pontani explanat. dignitatum XXXIII.

13) Fabroti v. δρουγγάριος и βίγλα. Codin. 24, Pontan. XXXIV.

14) У тщеславныхъ въ высшей степени Византійцевъ встрѣчается множество титуловъ, иногда совершенно безсмысленныхъ по своей выспренности (какъ напр. созданный Алексіемъ Комненомъ πανυπερσεβαστός) и не означающихъ никакой опредѣленной должности. Таковъ былъ и титулъ проэдра, т. е. слово въ слово предсѣдателя, употребленный впервые Никифоромъ Фокою. Онъ, какъ извѣстно, наградилъ имъ эвнуха Василія за усердіе при свержeніи Врингаса. См. предъидущій очеркъ. 15) Cedren. II, 485. 16) Ibid. Joël. Chronogr. 61. Constant. Manass. v. 6055 etseqq. 17) По словамъ Кедрина она сдѣлала это добровольно; по свидѣтельству Ефремія ее принудили обманомъ v. 2945. 18) Cedr. II, 484. 19) «Мужъ мудрый, богобоязненный, «преданный чтенію книгъ и ночнымъ бдѣніямъ.» Конст. Манасъ. ст. 6061, 62. Тоже самое у Ефремія, ст. 2949 и слѣд. Mich. Glyc. 584. 20) Lebeau XVI, 401. 21) Codin. Curopal. 41. Comment. Gretseri et Goari cop. VI въ началѣ.

22) Собственно синкеллами назывались кандидаты на патріаршее достоинство (Fabroti v. σύγκελλος). Зонаръ употребляетъ этотъ титулъ для объясненія званія шерифовъ у Магомметанъ, т. е. нареченныхъ преемниковъ калифа. Но впослѣдствіи, т. е. уже со временъ иконоборцевъ, это слово стало однимъ только почетнымъ названіемъ безъ опредѣленнаго значенія Comment. in Codinum. 376 и слѣд. 23) Cedren. II, 487 24) Ibid. 25) Ibid. Титулъ дукса давался градоначальникамъ, командовавшимъ въ тоже время отдѣльнымъ отрядомъ войска — нѣчто въ родѣ коммендaнта или военнаго губернатора. Такъ Византійскіе намѣстники въ итальянскихъ городахъ носили титулъ дуксовъ въ противуположность къ посадникамъ независѣвшихъ отъ Византіи итальянскихъ республикъ, которые назывались подестами. Вездѣ, гдѣ такой подеста узурпировалъ ввѣренную ему только временно власть онъ принималъ титутъ дукса, или дуки. Тоже самое было въ городахъ, нѣкогда подвластныхъ имперіи, но потомъ достигшихъ независимости, какъ то въ Равеннѣ, Венеціи, Неаполѣ и проч. Leo, Gesch. der Ital. Staaten. Bd. I passim. 26) Cedren. II, 488.

28) Cedren. II, 488. 29) Ephraim. 2975 etseqq. 30) Cedren. II, 489. 31) Значеніе слово πραπόσιτος весьма обширно; упоминаются præpositi cubiculi, fabricae, militum, monetae и проч. Чѣмъ именно былъ этотъ Іоаннъ, съ которымъ мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ разсказѣ. 32) Cedren. 493. 33) Ibid. 34) Ibid. 501. 35) Joël. 61, Constant. Manass. 6064. 36) Mich. Glyc. 583. Cedren. 497. Ephraem. 2970.

37) Cedren. 502. 38) Ibid. 504. 39) Constant. Manass. 6075 и слѣд. «Взглянувъ на этого нѣжноокаго (χαριτοβλέφαρος) Михаила и видя красоту и прелесть его лика, императрица предалась и тщательно собирала розы грацій съ ланитъ его.» Слѣдущее за тѣмъ описаніе его наружности не берусь перевести; его надобно прочесть въ подлинникѣ.

40) Вообще церковныхъ старостъ, завѣдывавшихъ экономіей своихъ церквей называли ἄρχοντες. Вѣрно ли я перевелъ слово πάνθεον, принимая его за названіе Софіевскаго собора, не знаю, но долженъ признаться, что нигдѣ не находилъ имени его съ этимъ эпитетомъ, точно также, какъ и слово πάνθεον, кромѣ относящагося сюда мѣста у Кедрина (II, 504) мнѣ не попадалось. Софіевскій соборъ обыкновенно у Византійцевъ назывался просто большою церковью (μεγάλη ἐκκλησία). 41) Zonar. II, 232 (ed. Par.). 42) Cedren. 505. Mich. Glyc. 585. 43) Cedren. 504. Goari annotat. 876. 44) 50

фунтовъ золота, говоритъ Кедринъ. 45) Leo diac. 110. 46) Cedren. 512. 47) Ibid. 513.

48) Это не значитъ, что Византійцы имѣли какое нибудь вліяніе на внутреннее управленіе двухъ названныхъ республикъ. Въ отношеніи къ нему онѣ давнымъ давно уже пользовались независимостью. Но что по крайней мѣрѣ по имени Венеція все еще чтила Византію своею метрополіею, помня то время, когда управляли ею константинопольскіе экзархи, — это видно изъ ревности, съ которой магистраты ея принимали почетные титулы, дававшіеся имъ восточными императорами, изъ согласованія ея внѣшней политики съ видами Константинопольскаго правительства. Въ грамотѣ дожа Юстиніана императоръ Левъ V Армянинъ называется прямо владыкою Венеціи (sanctissimus dominus nostes imperator Leo. Tafel, Urkunden zur älteren Geschichte der Republik Venedig. p. 3). Примѣры принятія дожами византійскихъ титуловъ весьма часты; такъ напр. упомянутый Юстиніанъ носилъ званіе Hypatus imperialis (ibid. 2); тоже упоминается въ лѣтописи Андрея Доидало про дожа Анджело Партиципація, 819-го г. (ibid. 3); Петръ Трандонико (840-го г.) былъ спатаріемъ т. е. меченосцемъ императора (ibid. 4); въ 1004-мъ г. Василій II даровалъ титулъ патриція дожу Іоанну, женившемуся на Маріи Аргиро (сестрѣ Романа III), ibid. 41 и проч. Что касается подчиненія внѣшней политикѣ Венеціанцевъ — политикѣ Константинопольскаго двора, то оно видно изъ постоянной помощи, которую ихъ флоты оказываютъ послѣднему противъ Магомметанъ. См. Leo I 376 и слѣд. Tafel 4, 41 и проч. а еще болѣе изъ повтореннаго еще въ 971 году запрещенія венеціанскимъ купцамъ торговать непосредственно съ Магомметанами — очевидно въ пользу византійскаго транзита. Tafel 25. И гораздо позже еще, когда Генуэзцы заключали уже торговые трактаты съ Сарацинами, венеціанскіе корабли только какъ бы украдкою являлись въ ихъ гаваняхъ для торговыхъ сношеній.

48) Я употребляю это выраженіе, нисколько не опасаясь заключающагося въ немъ анахронизма и увѣренный, что оно вполнѣ идетъ къ дѣлу. Побѣда была рѣшена тѣмъ, что Греки употребили противъ враговъ своихъ дальнометныя орудія, балласты, камопульты и т. д. служившія обыкновенно только при осадѣ городовъ. Lebeau XVI, 411. Gibbon history of the decline etc. cap. LVI.

50) Muratori, antiquit. rerum Italicarum. p. VI, p. 62. Leo I, 410 и слѣд. 51) Орфанотрофы завѣдывали богоугодными заведеніями, особенно сиротскими домами, которыхъ въ Византійской имперіи было очень много. Должность эта была далеко не изъ самыхъ почетныхъ въ чиновничей іерархіи (въ реестрѣ Кодина она занимаетъ 53-е мѣсто по табели о придворныхъ рангахъ. de offici, p. 11), но по существу дѣла весьма выгодная. 52) *πρακτικός ἄνθρωπος ὤν καὶ δραστήριος.* Cedren. 506. 53) ibid. 54) ibid. Mich. Glyc. 586. 55) Cedren. 519. 56) *τζιωβολιμαίους καὶ χυδαίους.* Cedren. II, 507. 57) Ephraem. 586. Cedren. 507. 58) Ibid. Cedren. 511. 59) Ibid. 509. 60) Ibid. 521. 61) Ibid. 516. 62) Ibid. 515. 63) Кесаремъ назывался у Византійцевъ, покрайней мѣрѣ въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, наслѣдникъ престола. Уже Алексій Комненъ ввелъ для послѣдняго титулъ Севастократора (Codin. 7. Anna Comnen. I, 147.) и превратилъ такимъ образомъ слово кесарь въ почетное названіе для всѣхъ родственниковъ государя. Кесарь, точно также какъ императоръ, носилъ пурпуровое одѣяніе (Codin. 15) и привѣтствовался

одинаковымъ съ нимъ титуломъ господина (δεσπότης) и величества (βασιλεία). Исключительно императору, покрайней мѣрѣ до Комненовъ, былъ свойственъ титулъ σεβαστός = venerandus.

64) Cedren. 513. 65) Ibid. 534.

66) Нашъ разсказъ тутъ отступаетъ отъ извѣстій, сообщаемыхъ самымъ подробнымъ для этой эпохи лѣтописцемъ Византіи, Георгіемъ Кедринымъ. Онъ говоритъ, что по смерти Михаила IV стала править сама Зоя, но наскучивъ правительственными заботами, нѣсколько времени спустя отказалась отъ правленія въ пользу племянника своего втораго мужа (II, 534). Михаилъ Глика не говоритъ ничего о ея собственномъ управленіи, а упоминаетъ только, что право на обладаніе престоломъ послѣ смерти мужа перешло опять исключительно къ ней и что это право она уступила Калафату (589). Если разсказъ Зонары о его усыновленіи вѣренъ (II, 242.), то и отъ этого права ей даже нечего было отказываться; оно и безъ того принадлежало ему. Наконецъ Михаилъ Атталіота, начинающій свою лѣтопись какъ разъ смертью Михаила IV, упоминаетъ еще — весьма глухо впрочемъ — о какомъ то народномъ движеніи, будто бы вынудившимъ у нея такое рѣшеніе. Я объясняю себѣ это разногласіе въ показаніяхъ лѣтописцевъ тѣмъ, что Калафата въ минуту смерти Михаила IV не было въ Константинополѣ и что, быть можетъ, противники Пафлагонской династіи захотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы устранить ее отъ престола. При бдительности орфанотрофа всѣ эти замыслы, если они дѣйствительно существовали, были подавлены въ самомъ зародышѣ, тѣмъ что онъ до прибытія Калафата въ столицу, правилъ во имя императрицы (хотя и противъ воли ея.) Ефремій (ст. 3061), Константинъ Манассій (ст. 6147) и Іоилъ въ краткихъ извѣстіяхъ своихъ о смерти Михаила IV и возшествіи на престолъ его племянника согласны съ разсказомъ Гликаса, т. е. молчатъ о собственномъ правленіи Зои.

67) «Онъ отвергалъ узду благаго совѣта, какъ молодой жеребецъ отвергаетъ узду всадника.» Constant. Man. 6153.

69) Ephraem. 3070 etseqq. Constant. Man. 6170. Mich. Attaliota. 12. 69) Ibid. 13. Островъ тогда уже носилъ то же названіе, что теперь: νῆσος πξίγκιπος.

70) Mich. Glyc. 591. По гречески «эти возгласы звучатъ несравненно энергичнѣе: «ἀνασκαφείη τὰ ὀστᾶ τοῦ καλαφάτου!» «σταυζοπάτην καλαφάτην βασιλέα οὐ θέλομεν!» Cedren. 537, Glyc. 591. 72) Cedren. 538. 73) Codini de aedific. 22. 74) Ibid. 82. 75) Она находилась почти на серединѣ пути отъ палація къ forum Constantini и представляла большую важность, потому что тутъ стояла префектура.

76) Mich. Glyc. 592. 77) Ibid. Cedren. 540. 78) Кедринъ говоритъ, что поволокли за ноги. — Въ такомъ случаѣ они едва ли достигли бы живыми мѣста казни. 79) Краткій разсказъ Константина Манассія объ этомъ возстаніи нѣсколько отступаетъ отъ нашего повѣствованія (v. 6205 и слѣд.) Мы держались главнымъ образомъ Кедрина, съ которымъ согласны и Michael Glyc. Ephraemius (3080), Jaël 62 и Michael Attaliota 15 и слѣд.

80) Cedren. 541. Glyc. 592. 81) Ibid. 82) v. 6229. 83) Я не могу сказать имя ли это, названіе ли должности, которую онъ быть можетъ занималъ

нѣкогда. Катапанами у Византійцевъ особенно позднѣйшаго времени назывались намѣстники нѣкоторыхъ областей. Такъ напр. съ 999-го года этотъ титулъ давался намѣстникамъ Калабріи. Leo I, 374.

84) Онъ былъ освобожденъ изъ темницы въ царствованіе Калафата. 85) 542. 86) II, 260 (ed. Par.).

87) Cedren. 543. 88) Ibid. 555. 89) Должность логоѳетовъ соотвѣтствовала почти обязанностямъ нашихъ статсъ-секретарей у принятія прошеній. Gretseri commentt. ad Codin. 134. 90) Каниклеiемъ или Канаклеiемъ назывался одинъ изъ главныхъ загородныхъ дворцовъ. Ibid. 206. 91) Cedren. 612. 92) Ibid. Mich. Glyc. 599. Mich. Attaliota 52. Ephraem. 3172. Constant. Man. 6323. Zonar. II, 262.

Р. ОРБИНСКІЙ.

Пѣсня швеи.

(Изъ Томаса Гуда *).

Въ убогой лачужкѣ у лампы сидитъ
Швея надъ работой ночною,
И взоромъ потухшимъ прилежно слѣдитъ
За быстрой, искусной иглою.
Сидитъ она долго, безъ отдыха шьетъ
Въ привычной и горькой заботѣ,
И грустную пѣсню чуть слышно поётъ
О тяжкой, безплодной работѣ.

Работать! Работать!.... Какъ время идетъ:
Пробило ужъ полночь глухую!
Работать! Работать! пока не блеснетъ
Лучь солнца сквозь кровлю худую.
О лучше была бъ я послѣднимъ рабомъ
Въ далекой землѣ мусульманской,
Чѣмъ здѣсь убиваться тяжелымъ трудомъ
Въ отчизнѣ, въ странѣ христіанской.

---

*) Англійскій писатель Томасъ Гудъ родился въ 1798 году, умеръ въ 1845. — Сочиненія его имѣли сильное вліяніе на его соотечественниковъ. «Пѣсня рубашки» (The song of the shirt), въ которой онъ обрисовалъ страшное положеніе швей въ Англіи, повлекло за собою учрежденіе нѣсколькихъ обществъ съ цѣлію облегченія участи швей. Самъ же онъ провелъ всю жизнь въ крайней бѣдности и умеръ въ нищетѣ. Во время послѣдней его болѣзни безжалостные заимодавцы хотѣли отнять у него смертный одръ; одинъ изъ друзей его ходатайствовалъ за него передъ Робертомъ Пилемъ

Работать! Работать! До отдыха-ль мнѣ
Хоть силы въ трудахъ я теряю,
Хоть часто, заснувъ надъ работой, во снѣ
Послѣдній стежекъ дошиваю.
Красавицы! Свѣтелъ вашъ праздничный рядъ;
Придетъ ли вамъ въ мысли порою
Что купленъ у бѣдныхъ вашъ легкій нарядъ
Ихъ жизни, здоровья цѣною?

Работать, работать, работать должна
Я день и всю ночь до разсвѣта —
А горькая бѣдность въ удѣлъ мнѣ дана:
Едва я лохмотьемъ одѣта.
Когда-жъ подъ крестомъ я найду уголокъ?
Давно ужъ мнѣ жизнь въ наказанье;
О Боже! какъ дорогъ здѣсь хлѣба кусокъ,
Какъ дешевы кровь и страданье.

Работать, работать велитъ мнѣ нужда
Суровой холодной зимою!
Работать, работать, работать всегда
И въ праздникъ природы — весною!
А ласточка вьется надъ кровлей моей
Съ веселымъ своимъ щебетаньемъ,
Какъ будто гордится и волей своей,
И солнца отраднымъ сіяньемъ!

О! дайте вздохнуть мнѣ свободно въ поляхъ
Сверкающихъ майской росою,
На ясное солнце взглянуть въ небесахъ,
На лугъ съ изумрудной травою.
Часокъ лишь мнѣ дайте пожить, какъ жила,
Пока я заботы не знала,
Пока мнѣ нужды безотрадная мгла
Какъ камень на грудь не упала.

и выхлопоталъ ему возможность умереть спокойно. Десять лѣтъ спустя, Англія воздвигла ему памятникъ съ надписью: *Сочинителю пѣсни о рубашкѣ;* опытъ перевода этой пѣсни предлагаю я теперь читателямъ.

Примѣчаніе переводч.

О добрые люди! Прошу я у васъ
Не счастья, не радостной доли,
О дайте, молю я, свободный мнѣ часъ
За тѣмъ — чтобъ поплакать на волѣ!
На долго отраду нашла бъ я въ слезахъ;
За дѣломъ же плакать не смѣешь:
Сей часъ зарябитъ, потемнѣетъ въ глазахъ,
И кончить на срокъ не успѣешь.

Такъ въ бѣдной лачужкѣ, у лампы сидитъ
Швея за проворной иглою,
А кровъ обвѣтшалый надъ нею дрожитъ,
Колеблемый бурей ночною.
Богатый! Смотри какъ безъ отдыха шьетъ
Страдалица въ тяжкой заботѣ,
И грустную пѣсню чуть слышно поётъ
О вѣчной, безплодной работѣ.

ОЛЬГА Н—.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

Романъ. Соч. О. Рабиновича.

I.

— Я вамъ говорю, что жена не согласится: я ее знаю, она через-чуръ осторожна въ такихъ дѣлахъ; нѣтъ, не согласится. И Берманъ не согласится, и Исаакъ не согласится, и Маркусъ тоже... Не знаю, какъ, Соломонъ... этотъ — можетъ быть: это мягкій; но ужъ объ Александрѣ и говорить нечего: тотъ ни за что! о, то бѣдовой: фаворитъ матери....

Такъ вполголоса говорилъ Нафтали Вельшеръ, глава торговаго дома «Н. Вельшеръ и сыновья», сидя въ креслахъ и поглаживая одною рукой свою окладистую сѣдую бороду, а другою поддерживая миніатюрный остатокъ сигары, торчавшій у него въ зубахъ. Это былъ сухощавый старикъ, съ блѣднымъ задумчивымъ лицомъ, съ безжизненными глазами, и съ сѣдыми густыми волосами на головѣ, подстриженными въ скобку. Его длиннополый коричневый сюртукъ, застегнутый подъ самую шею, былъ нѣсколько вытертъ въ локтяхъ и около петлицъ, но чрезвычайно чистъ и чрезвычайно мѣшковатъ. Вельшеръ былъ высокаго роста, но очень сутуловатъ, и еще больше казался такимъ, отъ привычки опускать голову и смотрѣть на свои блестящіе старомодные сапоги съ икрами.

Собесѣдникъ его, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, былъ маленькій худенькій человѣкъ, одѣтый въ черный фракъ и такіе же панталоны; на его маленькой головкѣ были взъерошены остатки

нѣсколькихъ волосъ; его сѣрые глазки, быстро и безпокойно вращались въ разныя стороны въ своихъ орбитахъ, отчего казалось, что онъ немного косъ, что однакожъ не мѣшало имъ придавать живое выраженіе его маленькому сморчкообразному личику, усѣянному бородавками; ротъ его безпрестанно искривлялся, отъ желанія вѣчно улыбаться; а по его жиденькимъ бакенбардамъ, зачесаннымъ вверхъ и неловко подкрашеннымъ въ черно-бурый цвѣтъ, можно было бы предположить, что его только-что протянули сквозь чубукъ. Это былъ нотаріусъ Самсонъ Кутеръ, нѣкогда школьный товарищъ старика Вельшера, а теперь адвокатъ дома «Н. Вельшеръ и сыновья», хотя сыновья не очень его жаловали. Онъ былъ приглашенъ къ обѣду по случаю имянинъ, и пока жена его, на другой половинѣ, льстила хозяйкѣ дома, выхваляя красоту ея столоваго бѣлья, серебра и прочаго, Самсонъ Кутеръ, не желая терять даромъ времени, толковалъ о дѣлахъ съ старикомъ Вельшеромъ въ отлично-меблированной и общирной его конторѣ, гдѣ всѣ пять сыновей, молча работали за отдѣльными письменными столами.

— Нѣтъ, напрасно, не согласятся они, съ разстановкой продолжалъ Вельшеръ, не спуская глазъ съ своихъ сапогъ.

Низкопоклонный Кутеръ вертѣлся на своемъ стулѣ во всѣ стороны. Понятія, которыя онъ имѣлъ объ услужливости и вѣжливости, вселили въ него привычку подхватывать и досказывать слова за того, кто съ нимъ разговаривалъ. Такимъ образомъ, онъ вѣчно повторялъ слова за своимъ собесѣдникомъ, и въ доказательство своей проницательности, часто даже заѣзжалъ впередъ, и отъ этого, когда кто нибудь разговаривалъ съ Кутеромъ, постороннему слушателю могло казаться, что нотаріусъ исполняетъ должность суфлера. За то и онъ, разсказывая что-нибудь, любилъ, чтобъ его слушатель подхватывалъ за нимъ слова и заканчивалъ рѣчь, что, однакожъ, рѣдко случалось съ сыновьями Вельшера, которые за особенное удовольствіе поставляли себѣ или упорно молчать и заставлять маленькаго нотаріуса самого договаривать за себя, или же закончить такъ, чтобъ вышла нелѣпость, въ явную насмѣшку надъ болтуномъ.

— Нѣтъ, напрасно, повторилъ онъ шопотомъ за Вельшеромъ, потряхивая своими непомѣрно-большими оттопырившимися ушами: — не согласятся они, потому-что...

— Я не говорю «потому-что», произнесъ Вельшеръ, поднявъ на мгновенье свои тусклые глаза на нотаріуса и опять опустивъ ихъ.

— Я не говорю потому-что, подхватилъ маленькій Кутеръ.

— Нѣтъ, вы говорите; вотъ вы сказали... Откуда вамъ знать, почему они не согласятся? Да молчите, пожалуйста, и слушайте лучше меня. Откуда вамъ знать, когда я не знаю?.. Не согласятся, просто, оттого, что я согласенъ.

— Да, да, да, произнесъ Кутеръ, не переставая потряхивать своею маленькой головкой.

— А жаль. Премiи, вы говорите, онъ даетъ пять процентовъ и за два года впередъ?

— И за два года впередъ.

— Ахъ, Боже праведный! произнесъ Вельшеръ, опять на мгновеніе взглянувъ на нотаріуса. — Вы ли это говорите: «за два года впередъ», или только за мною повторяете?

— Нѣтъ, нѣтъ, по чести! я это говорю, мой почтеннѣйшій герръ Вельшеръ, отвѣчалъ нотаріусъ: — таковы его условія. Пусть, дескать, дастъ мнѣ довѣренность на шесть лѣтъ, на употребленіе домовъ его въ залогъ по откупнымъ дѣламъ, а я, дескать, плачу пятъ процентовъ въ годъ премiи; за первые два года впередъ, а послѣ по годично... Вотъ, вотъ, что онъ говоритъ... жаль упустить: человѣкъ очень вѣрный, клянусь моею жизнью.

— Да, сказалъ Вельшеръ: — это было бы не худо. Мои два дома оцѣнены въ сто двадцать тысячъ, хоть и больше стоютъ... премiи было бы шесть тысячъ въ годъ.

— Серебромъ, хи, хи, хи! не забудьте, серебромъ, подхватилъ нотаріусъ, умильно улыбаясь и закинувъ голову на одинъ бокъ.

— Ужъ, конечно... Совершенно неожиданный доходъ. Однакожъ, если откупа пойдутъ плохо, то могутъ и залоги....

— То могутъ и залоги... лопнуть, закончилъ нотаріусъ.

— Вотъ видите, вы сами говорите.

— Нѣтъ... то есть, да, то есть... этого быть не можетъ, потому-что человѣкъ очень вѣрный, да, да, да.

— Да откупа невѣрны, кто ихъ знаетъ? Впрочемъ, что и толковать, когда жена и дѣти не согласятся.

— Не согласятся, хи, хи, хи, правду говорите! А можетъ быть я уговорю, а! а можетъ быть, а можетъ быть?

Тутъ головка Кутера, которая была въ-уровень съ грудью Вельшера, такъ шибко затреслась, что пучекъ взъерошенныхъ волосковъ, торчавшій на ней, задѣлъ за сигару стараго купца и

даже *потерпѣлъ нѣкоторое повреждение отъ огня,* какъ говорится въ страховыхъ обществахъ.

— Ну васъ! произнесъ Вельшеръ тѣмъ же безжизненнымъ тономъ: — совсѣмъ сигару испортили. Зачѣмъ вы лѣзете такъ близко?

— Ничего, это ничего, отвѣчалъ нотаріусъ, поправляя обозженный пучёкъ. — Да, да, можетъ удастся уговорить. А ужъ я-бъ васъ ограничилъ.... о, я-бъ васъ ограничилъ! такой бы контрактъ составилъ, что, просто, связалъ бы, какъ цѣпью, вашего контрагента.

— Да что можетъ контрактъ помочь противъ...

— Противъ несостоятельности, подхватилъ нотаріусъ. — Нѣтъ, не говорите этого: контрактъ, вы знаете, не игрушка, а еще такой какой я сочиню—такъ просто *желѣзная стѣна...* Я, слава Богу, не даромъ, совсѣмъ не даромъ, о, ни чуть не даромъ, изучалъ законы! О, я не такъ какъ другіе, я берегу моихъ кліентовъ какъ глазъ свой...

— Оставьте, я это знаю давно, съ маленькимъ нетерпѣніемъ произнесъ Вельшеръ. — А вотъ лучше попробуемъ... Начнемъ съ Александра, съ самаго...

— Съ Александра, съ самаго безпутнаго грубіяна, подхватилъ Кутеръ; но испугавшись, что слишкомъ много сказалъ, началъ бить себя слегка ладонью по губамъ и безостановочно мигать глазами.

— Нѣтъ, я не хотѣлъ такъ называть Сашу, съ упрекомъ сказалъ Вельшеръ: — вы не угадали.... я хотѣлъ сказать — съ самаго упрямаго.

— Съ самаго упрямаго.... мальчишки, произнесъ опять шопотомъ нотаріусъ.

— Нѣтъ, опять не то. Какой онъ мальчишка? Онъ ворочаетъ всѣми моими дѣлами; онъ моложе всѣхъ, да умнѣе иного старика.... Что у васъ за гадкая привычка *впадать* въ чужую рѣчь?... Сашинька, произнесъ Вельшеръ громко: — подойди сюда.

Бѣлокурый, красивый и щегольски одѣтый, Александъ Вельшеръ поднялся изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, заткнулъ за ухо перо, поправилъ свои очки и, заложивъ руки въ карманы своихъ клѣтчатыхъ брюкъ, подошелъ къ отцу, остановился въ двухъ шагахъ отъ него и отъ нотаріуса и очень нелюбезно произнесъ.

— Ну, что?

— Вотъ, нашъ другъ.... началъ отрывисто отецъ: — нашъ

другъ, господинъ Кутеръ, предлагаетъ дѣльце.... кажется можно бы.... очень прибыльное....

Сашинька окинулъ бѣглымъ взглядомъ съ головы до ногъ маленькаго нотаріуса и презрительно улыбнулся, какъ бы желая выразить свое рѣшительное недовѣріе ко всѣмъ его предложеніямъ.

— А какое это дѣльце? спросилъ онъ.

— Отецъ началъ разсказывать сыну, что одинъ богатый человѣкъ, содержатель питейныхъ откуповъ, желаетъ взять у него дома на залоги, и за это будетъ платить хорошія деньги, что составляетъ совершенно неожиданную отрасль доходовъ, и прочая. Во время разсказа старика, Кутеръ поднялся со стула, и заложивъ обѣ руки за длинныя фалды своего неуклюжаго фрака, согнулся въ дугу, и, ставъ между отцомъ и сыномъ, началъ кивать головой то къ одному, то къ другому, съ видомъ человѣка, предлагающаго золотые рудники, неподверженные никакому сомнѣнію.

— А что это значитъ «залоги»? — спросилъ Александъ у нотаріуса, когда отецъ кончилъ и опустилъ глаза на свои ноги.

— Залоги? хи, хи, хи! — отвѣчалъ Кутеръ. — Залоги даются въ обезпеченіе исправности платежа откупной суммы.

— Ну, а если платежъ выходитъ неисправный?

— Неисправный?... то залоги, хмъ — хмъ.... то есть, разумѣется, залоги отвѣчаютъ.

— Такъ отправляйтесь вы къ черту, съ вашимъ откупщикомъ! вскричалъ Александръ Вельшеръ съ бѣшенствомъ, и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Александръ, куда ты бѣжишь? постой! воротись! — кричалъ старикъ Вельшеръ, вставъ съ креселъ; но тотъ ужъ его не слышалъ. — Вотъ видите, Кутеръ, побѣжалъ стремглавъ къ матери.... поднимутъ бунтъ вдвоемъ.... Эхъ, захотѣлось же вамъ подстрекнуть меня сегодня!

Онъ опять спокойно сѣлъ въ кресло и началъ перебирать разныя бумаги на письменномъ своемъ столѣ, повидимому рѣшившись выдержать одну изъ сценъ давно ему знакомыхъ.

— Вотъ, послушайте-ка, матушка, кричалъ Алаксандръ, таща за руку полную высокую ростомъ женщину, пожилыхъ лѣтъ, одѣтую въ темное шерстяное платье и огромный чепецъ съ красными лентами: — извольте-ка послушать!... Сѣли себѣ вдвоемъ, да затѣяли планъ какъ бы сбыть оба дома.... отдать какому-нибудь аферисту, и — прощайся съ ними. Вѣдь пришла же въ голову идея!...

Старуха взялась обѣими руками подъ бока и въ угрожающемъ положеніи остановилась передъ мужемъ.

— А посмотри на меня, старикъ, сказала она.

Вельшеръ поднялъ голову и устремилъ взглядъ на короткую жирную шею своей жены, укашенную тремя нитками крупнаго жемчуга съ богатымъ брилліантовымъ фермуаромъ.

— Экъ выдумалъ, умная голова! продолжала жена, медленно качая головой. — Вотъ выдумалъ! залоги!... дома въ залоги!... Чтобъ публиковали тебя, *барабанили* тебя....

— Помилуй, Бина, вѣнецъ мой! началъ мужъ.

— Не хочу ни слышать, ни видѣть! вскричала жена. — Не хочу! Залоги!... Вотъ тебѣ напасть! Выжилъ ты изъ ума, *старая туфля.*

— Да вѣдь это только предположеніе; не хочешь — не надо.

— Предположеніе! Стыдился бы ты своей сѣдой бороды имѣть такія предположенія. А вы, *тонкій человѣкъ*, ребъ-Самсонъ Кутеръ, — вы съ такими штуками не приходите; нѣтъ ужъ, пожалуйста, не приходите.... держите эти планы для другихъ....

Всѣ сыновья Вельшера, собравшіеся на шумъ, обступили несчастнаго нотаріуса, который ужасно растерялся и внутренно проклиналъ мгновенье, въ которое ему вздумалось заговорить съ старикомъ о залогахъ.

— А! такъ это *вашъ* планъ? говорилъ сквозь зубы и медленно старшій сынъ, Соломонъ, высокій худощавый брюнетъ, съ орлинымъ носомъ, корчившій всегда изъ себя Англичанина.

— Кому-жъ какъ не этой *огненной головѣ* и выдумать такія вещи, иронически замѣтилъ Исаакъ, второй сынъ Вельшера, довольно рыжій и довольно плѣшивый, но не дурной собою молодой человѣкъ.

— Непостижимо! кричалъ имянинникъ Маркусъ, толстенькій и кругленькій, какъ портерный боченокъ, третій сынъ.

— Невѣроятно! пищалъ кривобокій Берманъ, четвертый сынъ Вельшера, юноша съ французской бородкой, съ низко обстриженными волосами на головѣ, и съ сильнымъ желаніемъ говорить въ носъ.

— Такъ вы насъ разорить вздумали, кричала старуха, а за нею любимецъ ея, Сашинька. — Есть ли у васъ Богъ въ сердцѣ? есть ли у васъ стыдъ?

— Я разорить, я, я! говорилъ запуганный Кутеръ, почти сквозь слезы. — Помилуйте! *да чтобъ я добра не имѣлъ*, если

мнѣ это и снилось.... и снилось даже.... я, который готовъ за васъ *лечь вдоль и поперегъ....*

— Что за клятвы, что за выраженія! возразилъ важный Соломонъ, который не любилъ простонароднаго еврейскаго нарѣчія, а говорилъ всегда чистымъ нѣмецкимъ языкомъ. — *Вдоль и поперегъ*, большая особа!...

— Что это? что это? ссора! Богъ съ вами!... раздался тихій, спокойный голосъ позади шумящихъ.

Всѣ оглянулись.

Передъ ними стоялъ Меерсонъ съ своимъ важнымъ и суровымъ лицомъ. Онъ окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ и остановилъ глаза на Соломонѣ, который граціозно рисовался среди своихъ братьевъ, держа одну руку за своимъ бѣлымъ жилетомъ, а другою лаская свои лоснящіяся бакенбарды. Старикъ Вельшеръ всталъ и молча подалъ руку своему богатому гостю; старуха Бина старалась улыбнуться и милостиво кивала ему головой; всѣ сыновья, кромѣ Соломона, обступили его, попеременно тряся его обѣ руки; даже маленькій Кутеръ, очень довольный, что объ немъ забыли, пробился сквозь толпу и отвѣсилъ ему самый униженный поклонъ. Казалось, духъ согласія пролетѣлъ по комнатѣ, и взмахомъ своихъ крыльевъ разсѣялъ страсти, бушевавшія въ ней за минуту назадъ. А этотъ духъ согласія былъ совсѣмъ не лучезарный духъ, съ эфирными крыльями, а.... а.... о, я долженъ вымолвить!... это былъ тяжеловѣсный кредитъ Меерсона и его огромный чугунный шкафъ, съ секретными перегородками.

— Такъ у васъ непремѣнно должны быть ссоры, всегда.... всегда, продолжалъ Меерсонъ: — даже и въ такой день, когда всѣ должны....

— Должны радоваться, подхватилъ нотаріусъ, у котораго привычку подхватывать чужія слова, не могло отбить даже семейство Вельшеровъ.

Меерсонъ бросилъ на него строгій взглядъ, отъ котораго маленькій нотаріусъ скорчился и сталъ доставать изъ фрака носовой платокъ, чтобъ вытереть свой немного вспотѣвшій подбородокъ.

— Ахъ! произнесъ онъ, сладко улыбнувшись и оглядывая свой платокъ. — Опять моя дорогая Брайна сдѣлала мнѣ сюрпризъ.

Но никто его не слушалъ. Всѣ были заняты Меерсономъ, который важно поздравлялъ имянинника Маркуса, прибавляя разныя желанія здоровья и счастья; отецъ и мать кланялись, жали

руки, бормотали что-то и улыбались. Только одинъ Соломонъ не переставалъ стоять въ своей живописной позиціи. Кутеръ подбѣжалъ къ нему.

— Перестаньте, мсье Соломонъ, сказалъ онъ: — честное слово!... прошу васъ.... чертъ ихъ побери, эти залоги! будто я самъ не знаю, что надо быть осторожнымъ. Помилуйте! мнѣ ваша собственность дороже всего; клянусь, по чести! Чтобъ моя Брайна такъ была жива и здорова!... А посмотрите какой сюрпризъ! Я всегда носилъ цвѣтные шелковые платки.... вы знаете, ну, да вы знаете, мсье Соломонъ; но я всегда изъявлялъ....

Тутъ Кутеръ остановился, умильно поглядывая на Соломона; но тотъ молчалъ какъ рыба.

— Я всегда изъявлялъ желаніе, продолжалъ нотаріусъ: — имѣть бѣлые батистовые носовые платки; еще вчера, ей Богу, говорилъ какъ-то женѣ объ этомъ.... знаете, что-то благороднѣе, деликатнѣе имѣть бѣлый платокъ.... и вотъ, хи, хи, хи! совершенно неожиданно у меня оказывается бѣлый платокъ, и еще съ моимъ шифромъ. О, ангелъ, ангелъ это, а не Брайна!...

И дѣйствительно Самсонъ Кутеръ и его дражайшая Брайна, — дама очень начитанная и очень чувствительная, — дѣлали другъ другу частые сюрпризы. Бывало она, напримѣръ, скажетъ: О, Рейнскіе Пилигримы, Рейнскіе Пилигримы! говорятъ, это что-то чрезвычайное!» — и, гляди, на другой день, Рейнскіе Пилигримы, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ голубой обверткѣ, являются на ея рабочемъ столикѣ. Бывало онъ, напримѣръ, скажетъ: «Все забываю, некогда, занятъ, а надо бы лампу для вечернихъ занятій,» — и, вотъ, на завтра утромъ у него стоитъ на письменномъ столѣ красная жестяная лампа, цѣною въ рубль сорокъ копеекъ серебромъ. Положимъ, она еще скажетъ: «Ахъ, какія дамскія галоши появились!» — и къ ней прилетѣла въ спальню отличная пара резинковыхъ галошъ, которыхъ не только не потеряешь въ грязи, но даже не стянешь съ ноги обѣими руками. Положимъ, еще онъ скажетъ: «Люблю розы, страсть моя — розы,» — и вотъ, черезъ часъ, онъ только успѣлъ сходить въ кофейню и прочесть публикацію объ уѣзжающихъ заграницу, а у него уже торчитъ въ песочницѣ великолѣпная благовонная роза. А ужъ въ дни рожденія и говорить нечего! А такихъ торжественныхъ дней они пережили немало. Бездѣлица — ему было за шестьдесятъ, а ей подъ пятьдесятъ! И въ эти счастливые дни, въ которые судьба подарила человѣчество Самсономъ и Брайною Кутеръ, — (ужасно подумать, что бы было

съ человѣчестомъ, если бы судьба не захотѣла ему сдѣлать этого подарка!) и въ эти счастливые дни, говоримъ мы, мужъ и жена старались принять важныя личины, и предавались сладкой меланхоліи. И въ этомъ меланхолическомъ состояніи они сходились къ утреннему кофе въ маленькую столовую; — онъ въ черномъ фракѣ и *таковыхъ* же узенькихъ брюкахъ со штрипками, изъ котрыхъ, мимоходомъ сказать, одна штрипка всегда выворачивалась наружу, а свѣтлая Брайна въ накрахмаленномъ чепцѣ и *таковомъ* же бѣломъ платьѣ, которое, мимоходомъ сказать, было съ запада длиннѣе, чѣмъ съ востока; и бысть тогда цѣлованіе веліе, и сюрпризы, и поздравленія безъ числа и счету. И оттого у Брайны Кутеръ было такое множество ножницъ, игольниковъ, нѣмецкихъ романовъ, ридикулей и дагерротипныхъ портретовъ своего супруга! И оттого у Самсона Кутера было такое множество ключиковъ, печатокъ, прессъ-папье, теплыхъ вязаныхъ перчатокъ, кавказскихъ запанокъ подъ чернью, дагерротипныхъ портретовъ своей супруги, и даже одна кожаная вещица, круглой формы, на подобіе большаго кренделя, которая имѣла какое-то таинственное назначеніе во время письменныхъ занятій нотаріуса.

— Ну, что, не пора ли на верхъ? нерѣшительно спросилъ Нафтали Вельшеръ, вынувъ изъ жилета свои карманные часы.— Уже три часа.

— Пора, пора, проговорила жена: — мы только и ожидали почтеннаго *свата*. Пожалуйте, господа. А ты, Сашенька, запри контору и возьми ключъ къ себѣ.

Всѣ начали выходить. Меерсонъ и Соломонъ Вельшеръ остались позади.

— Сегодня десятое Іюня, шепнулъ старикъ молодому человѣку на ухо.

Соломонъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Десятое Іюня, Соломонъ.... въ этотъ день.... годъ тому назадъ.... умерла ваша жена.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ.

— Ахъ, да, проговорилъ онъ со вздохомъ: — можно ли забыть это!

— Вы, кажется, забыли гораздо прежде, *чѣмъ можно забыть*.... Я пришелъ вамъ напомнить.... Я бы сказалъ, что пришелъ отравить вашу радость сегодня, но у васъ нѣтъ радости, какъ она бываетъ у другихъ людей. Знаю я какая братская любовь господствуетъ между вами....

Соломонъ молчалъ; Меерсонъ горько улыбнулся.

— Вы между собой всѣ чужіе, продолжалъ онъ: — Между вами даже нѣтъ наружнаго сходства; только фирма васъ связываетъ.... Вы, напримѣръ, также рады дню рожденія Маркуса, какъ онъ вашему, и какъ я имянинамъ императора Сулука.... Даже полагаю, что каждый изъ васъ часто думаетъ: «еслибъ *этотъ* не родился, на мою часть пришлось бы болѣе». Полагаю такъ; можетъ быть ошибаюсь.

Въ это время маленькій нотаріусъ уже былъ наверху и пламенно цѣловалъ руку своей сухощавой мечтательной жены, которая, стоя рядомъ съ нимъ, могла передъ нимъ казаться каланчой.

— Видѣлъ, душа моя, убѣдился, кричалъ Кутеръ, намѣкая на сюрпризъ. — Ты сокровище, а не Брайна.

На блѣдномъ и вытянутомъ лицѣ Брайны, (которое для ея лѣтъ было довольно моложаво), пролетѣла улыбка, и слетѣла бы совсѣмъ, еслибъ не зацѣпилась за острый носъ съ синимъ пятномъ во фронтѣ. Между этимъ носомъ и тонкими безцвѣтными губами улыбка остановилась и образовала съ обоихъ боковъ рта двѣ рѣзкія черточки.

— О, Самсонъ! проговорила болѣзненнымъ голосомъ Брайна, взявъ мужа подъ руку и отправляясь съ нимъ, вслѣдъ за прочими, въ столовую.

Хозяинъ указалъ почетное мѣсто Меерсону и самъ сѣлъ возлѣ него. Кутеръ, считая себя за человѣка съ несомнѣнными достоинствами, сѣлъ на самомъ концѣ, вслѣдствіе принятой въ свѣтѣ аксіомы, что чѣмъ выше стоитъ человѣкъ, тѣмъ скромнѣе ведетъ себя. Жена его, вѣроятно, не раздѣлявшая этого мнѣнія, или не знавшая о немъ, сѣла поближе къ хозяйкѣ. Слуга въ поношенномъ сюртукѣ и бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ (которыя хранились у хозяйки подъ замкомъ и выдавались для важныхъ случаевъ), подавалъ кушанье.

— Еслибъ я былъ Гомеръ, сказалъ нотаріусъ, когда дѣло дошло до жаркого и до третьей рюмки мадеры, которую знатокъ счелъ бы за марсалъ: — если бы я былъ....

— Такъ вы говорите, что курсы еще долго будутъ падать, герръ Меерсонъ? спросилъ одинъ изъ сыновей хозяина.

— Полагаю такъ, отвѣчалъ Меерсонъ.

— Еслибъ я былъ Гомеръ, хи, хи! началъ опять нотаріусъ, который, впрочемъ, Гомера никогда не читалъ, а зналъ его только по нѣсколькимъ цитатамъ, которыя довелось ему кой-гдѣ

прочесть: — то воспѣлъ бы сочныя яства и горячіе напитки этого семейнаго праздника....

— Да, сочныя яства.... шопотомъ сказалъ жирный Маркусъ своему брату Берману: — поживишься у матушки сочныхъ яствъ.

— Только въ этомъ одномъ ты правъ, Маркусъ, отвѣчалъ Берманъ громко: — во всемъ остальномъ у тебя ужасныя идеи.

— Въ чемъ правъ? спросилъ плѣшивый Исаакъ.

— Маркусъ говоритъ, что г-нъ Кутеръ очень начитанный. и даже можно сказать, ученый человѣкъ, отвѣчалъ Берманъ.

Мадамъ Кутеръ бросила нѣжный взглядъ на своего супруга.

— О, еслибъ вы знали какъ онъ занимается.... еслибъ вы только знали! сказала она. — Ни минуты не даетъ себѣ покою. Въ свободное отъ дѣлъ время онъ или читаетъ, или сочиняетъ... Я ему говорю, что это вредитъ его здоровью, что это слишкомъ сильно дѣйствуетъ па его нервы.... куда! онъ не слушается. Вѣчный труженикъ.... Онъ меня въ могилу хочетъ вогнать своимъ упрямствомъ.

— Душа моя, человѣкъ долженъ вѣчно учиться, вѣчно, вѣчно.... отвѣчалъ важно мужъ, прихлебывая изъ своей рюмки.— Что здоровье?... что нервы?... вздоръ! одна наука, просвѣщеніе.... вотъ что пе-не-не....

— Необходимо человѣку, хочешь ты сказать, мой другъ, подхватила жена, видя что мужъ остановился и ждетъ, чтобъ кто-нибудь досказалъ за него.

— Ну, нѣтъ, сказалъ Меерсонъ: — я, хоть въ наукахъ не силенъ, однако уважаю ихъ отъ души; а все-таки, по моему, науки вторая статья, а прежде нужно человѣку здоровье....

— И деньги, прибавила Бина Вельшеръ, торжественно поглядывая на своихъ сыновей.

— Безъ всякаго сомнѣнія, произнесъ Соломонъ сквозь зубы.

— Здоровье безъ денегъ — это цитерна безъ воды, весело замѣтилъ Александръ.

— О, да! сказала мать. — Деньги — все! это мнѣ и другъ, и родственникъ, и покровитель.... Вотъ, часто мой старикъ вздумаетъ — «Бина, дескать, отчего ты себѣ не сошьешь такого платья, какое я видѣлъ на мадамъ Кичкесъ?» или тамъ что нибудь другое.... Къ чему? снесу и это простое, ничего.... Чѣмъ тратить деньги на дорогое платье, ужъ лучше булавкой пришпилить себѣ къ тальѣ билетъ въ сто целковыхъ, ха, ха, ха!...

— Хи, хи, хи! повторилъ нотаріусъ, держа себя за бока: — хи, хи, хи! Ахъ, мадамъ Вельшеръ! вотъ остро! хи, хи, хи!

умру со смѣху, честное слово! Вотъ остро! учитесь, учитесь, о, женщины у этого феникса! Ей Богу, вы образецъ мудрости человѣческой, мадамъ Вельшеръ!

— Какой безстыдный льстецъ вашъ мужъ, сказалъ тихо Меерсонъ женѣ нотаріуса.

— Брайна, дорогой вѣнецъ мой! продолжалъ Кутеръ, потряхивая головкой и быстро поварачивая глаза такимъ удивительнымъ образомъ, ему одному свойственнымъ, что можно было полагать, что однимъ глазомъ онъ смотритъ на жену, а другимъ на мадамъ Вельшеръ. — Вотъ, смотри — это женщина.... это, можно сказать, женщина!...

Молодые люди улыбались, не спукая глазъ съ нотаріуса.

— Нѣтъ, вотъ я всегда.... продолжалъ Кутеръ: — я всегда.... ты свидѣтелъ, Брайночка.... сколько разъ я говорю: «наградилъ Господь моего почтеннаго и добродѣтельнаго друга, Нафтала Вельшера! наградилъ, то есть, дѣйствительно наградилъ, говорю.... и состояніемъ.... и супругой, и дѣтьми, говорю, и.... и....

— И всѣмъ рѣшительно, прибавила Брайна.

— Точно такъ, всѣмъ рѣшительно: ты отгадала, мое золото!

Изъ тусклыхъ глазъ стараго Нафтала, неподвижно созерцавшихъ висѣвшую на стѣнѣ столовой картину, на которой были очень живо изображены зеленые огурцы, селедки, дыни, арбузы и прочія блага житейскія, можно было заключить совсѣмъ противное. Кто его знаетъ? можетъ быть подъ этою холодностью кроется бездна прожитыхъ страданій; можетъ быть, онъ боролся въ молодости съ чѣмъ-нибудь, намъ неизвѣстнымъ, и, почувствовавъ свое безсиліе, долженъ былъ уступить; можетъ быть, глубоко-оскорбленный въ самыхъ задушевныхъ своихъ чувствахъ, еще тогда когда щеки его были полнѣе и глаза ярче, онъ сосредоточился въ самого себя и постепенно окаменѣлъ ко всему, кромѣ своей фирмы, которая слилась съ его существомъ и должна будетъ отдѣлиться отъ него вмѣстѣ съ душой. Можетъ быть, этотъ старикъ, еслибъ захотѣлъ, могъ разсказать печальную семейную повѣсть, которая могла бы послужить урокомъ для молодости и спасла бы ее отъ безотрадной старости. А можетъ быть все это пустяки. Развѣ серьезныя занятія, сидячая жизнь, газеты, гранъ-шлемъ, или ремизъ безъ трехъ, не отличные помощники всемогущему времени по части охлажденія молодой крови и превращенія ея въ сыворотку!

— Да, да, гордитесь герръ Вельшеръ, продолжалъ неутомимый нотаріусъ: — вы человѣкъ, можно сказать, одаренный богато. Вотъ, точь-въ-точь по древнему сказанію: *сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ стола твоего.*

Кутеръ, прибавивъ эту еврейскую цитату, эффектно протянулъ руку, указывая на сыновей Вельшера, которыхъ онъ терпѣть не могъ, и которые взаимно ненавидѣли его чистосердечно.

— Ахъ! томно произнесла жена нотаріуса, поднявъ глаза кверху.

— Понялъ, другъ мой, твой вздохъ, совершенно понялъ, сказалъ мужъ. — Чтожъ дѣлать, намъ не суждено!... Небу, то есть, не угодно было намъ дать дѣтей. Былъ одинъ сынишко лѣтъ двадцать тому назадъ....

— О, Самсонъ, не напоминай! произнесла жена его, стараясь прослезиться и опустивъ глаза въ тарелку.

— Отчего-жъ? надо покориться, покориться надо, другъ мой, судьбѣ.... Вотъ я покорился и — ничего. Помнишь стихотвореніе мое на смерть сына?... Увѣряю васъ, господа, я рыдалъ какъ женщина, честью клянусь! сердце просто разрывалось на куски какъ.... какъ....

— Какъ старый выплаченный вексель, хотите вы сказать, подхватилъ Соломонъ Вельшеръ.

Молодые люди захохотали; Меерсонъ то же улыбнулся.

— Вы все шутите, милый Соломонъ, хи, хи, хи, сказалъ Кутеръ, принужденно смѣясь: — молодость, ничего: все извинительно. А я, божусь вамъ, рыдалъ надъ моимъ стихотвореніемъ.

— Удивительно, какъ у васъ развился стихотворный талантъ, при вашихъ сухихъ занятіяхъ! замѣтилъ плѣшивый Берманъ.

— Что до этого, то просто удивительно, отвѣчала жена Кутеръ. — Повѣрите ли, мѣсяца за два, знаете, когда вы у насъ чай пили.... когда мы праздновали нашу серебряную свадьбу.... Онъ тогда былъ совершенно измученъ: цѣлый день хлопоталъ по дѣламъ, почти не обѣдалъ.... до полуночи сочинялъ апелляцію.... Я умоляю его: «Самсонъ, другъ мой, успокойся, лягъ спать».... насилу уложила. Чтожъ? утромъ просыпаюсь, у меня на столѣ стихотвореніе, — трудился, бѣдный, чтобъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ. И какое стихотвореніе! въ двадцать пять строкъ, и каждая строка въ двадцать пять словъ, а по начальнымъ буквамъ выходило: «Самсонъ-Брайна-двадцать-пять». Все, все намекало на нашу серебряную свадьбу.

Кутеръ бросилъ торжествующій взглядъ на всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ.

— Къ чему разсказывать семейныя тайны, Брайна, сказалъ онъ съ притворною скромностью: — ну, тружусь, чтожъ такое! трудъ моя сфера... не могу, душа требуетъ пищи, честное слово!

— Да что, продолжала съ улыбкой жена, неупускавшая никогда случая похвалить мужа, такъ точно какъ онъ не упускалъ случая похвалить жену. — Что ему! у него стихи и рифмы такъ и льются, такъ льются, какъ рѣка.

— Другой сказалъ бы, что герръ Кутеръ въ молодости своей былъ *маршалкомъ* *), со смѣхомъ замѣтилъ Александръ.

Нотаріусъ покраснѣлъ до ушей.

— Чтожъ, лучше быть хорошимъ маршалкомъ, нежели плохимъ адвокатомъ, сказалъ Соломонъ.

— Шутите себѣ, шутите, сколько угодно, возразилъ Кутеръ, скрывая свою досаду: — шутить здорово за обѣдомъ... А чтобъ я былъ плохимъ адвокатомъ — этого и матушка ваша не скажетъ.

— Ну, не знаю, сказалъ Соломонъ: — она-то именно и не мо-

*) Въ старину ни одна еврейская свадьба необходилась безъ *маршалка*. Этимъ именемъ называлось лицо, бывшее всегда въ компаніи съ музыкантами. Маршалокъ собственно не игралъ ни на какомъ инструментѣ, онъ былъ импровизаторъ свадебнаго торжества. Подъ звуки музыки онъ обязанъ былъ импровизировать стихи въ честь новобрачныхъ, ихъ родителей и родственниковъ. Эти импровизаціи, произносимыя на разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ съ примѣсью древне-еврейскаго, происходили въ двухъ случаяхъ: когда расплетали косу невѣстѣ, и за ужиномъ послѣ вѣнчальной церемоніи. Между такими маршалками бывали очень даровитые стихотворцы, которые своими иногда трогательными, иногда остроумными стихами заставляли рыдать или хохотать своихъ слушателей. Грустныя импровизаціи обыкновенно говорились при расплетаніи косы невѣсты, а веселыя, сатирическія — за ужиномъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ маршалки славились своимъ талантомъ, и на богатыя свадьбы ихъ выписывали даже за нѣсколько сотъ верстъ, платя имъ значительныя деньги. Впослѣдствіи, когда цивилизація вытѣснила много старинныхъ обычаевъ у Евреевъ, она вытѣснила и маршалка. Между низшимъ классомъ онъ еще держится и доселѣ; но это ужъ не тотъ восторженный импровизаторъ, который сыпалъ элегіями, анакреонтическими одами, сатирами и акростихами, при каждомъ случаѣ, — а бездарный подражатель, передающій цвѣты воображенія своего прототипа, въ жалкомъ искаженномъ видѣ, и часто не впопадъ, по однимъ дошедшимъ къ нему изустнымъ преданіямъ. За недостаткомъ таланта, онъ прибѣгаетъ къ фарсамъ и грубымъ неприличнымъ остротамъ. Въ настоящее время у Евреевъ *маршалокъ* — очень оскорбительное слово: оно означаетъ скомороха, шута.

жетъ забыть того знаменитаго контракта съ поссесеромъ, помните, герръ Кутеръ?

Знаменитый этотъ контрактъ былъ дѣйствительно знаменитъ. Домъ Вельшера когда-то купилъ у одного поссесора десять тысячъ четвертей пшеницы, и нотаріусъ Кутеръ, составлявшій контрактъ, отъ желанія показать какъ у него дѣло кипитъ, надѣлалъ въ немъ тьму ошибокъ. Въ первомъ пунктѣ онъ написалъ десять тысячъ четвертей, но забылъ написать какого именхлѣба; въ третьемъ пунктѣ законтрактованный продуктъ былъ названъ льнянымъ сѣмянемъ; а въ пятомъ было сказано: *рожь должна быть доставлена къ первому Мая* и прочая. Полагаясь на исправность Кутера, никто не думалъ прочитывать контракта, при его заключеніи. Къ счастью продавецъ былъ честный человѣкъ и исполнилъ свою обязанность въ точности. Уже при окончательномъ разсчетѣ, кому-то изъ сыновей Вельшера вздумалось прочесть контрактъ и тогда открылись всѣ приведенныя выше несообразности. Этотъ контрактъ, о которомъ молодые Вельшеры не упускали случая припоминать при всякомъ случаѣ, когда Кутеръ черезъ-чуръ храбрился, лежалъ тяжкимъ грѣхомъ на душѣ микроскопическаго нотаріуса.

— Контрактъ, пшшъ! чуть слышно произнесъ Кутеръ, у котораго, при намекѣ на этотъ окаянный актъ, проявлялось всегда дрожаніе мускуловъ въ лѣвомъ плечѣ,—феноменъ даже не разъясненный пріятелемъ его, Кутера, докторомъ Фресгрицомъ, написавшимъ трактатъ «О бородавкахъ». — Пшшъ! важность, контрактъ! да у васъ волосъ нѣтъ столько на головѣ, сколько я контрактовъ написалъ на моемъ вѣку.

Разскажите это брату Исааку, отвѣчалъ Соломонъ: — у него большой недостатокъ въ волосахъ.

— Нельзя ли оставить брата Исаака въ покоѣ, съ неудовольствіемъ возразилъ Исаакъ, не любившій шутокъ на счетъ своей лысины. — А? нельзя ли, Соломонъ?.. Братъ Исаакъ никогда не шутитъ на счетъ горбатаго носа брата Соломона.

Соломонъ, чрезвычайно дорожившій своею наружностью, въ свою очередь обидѣлся.

— У меня горбатый носъ! сказалъ онъ, взявшись за этотъ почтенный членъ своего лица: — у меня! Скажите хоть вы, мадамъ Кутеръ, ну скажите!.. не вретъ ли онъ безсовѣстно!

Мадамъ Кутеръ, которая въ это время покорилась всей меланхоліи своего нрава и мечтала о томъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ, очнулась какъ отъ долгаго сна.

— Носъ... горбатый носъ... произнесла она тихо и заикаясь, припомнивъ вдругъ объ одномъ именно горбатомъ носѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на судьбу ея въ дни юности: — горбатый, о, да... то есть, горбикъ былъ очень маленькій.

— Какъ «былъ»? вскричалъ Соломонъ: — а теперь гдѣ-жъ онъ дѣлся?

— Гдѣ дѣлся? отвѣчала мадамъ Кутеръ, все еще подъ вліяніемъ своихъ сладостныхъ мечтаній. — Гдѣ онъ дѣлся?.. *Онъ*, говорятъ, въ Варшавѣ, до-сихъ-поръ торгуетъ стѣнными часами.

— Вы помѣшались, шопотомъ сказала Бина Вельшеръ, ущипнувъ жену нотаріуса въ бокъ.

Къ счастью Кутеръ во все это время очень горячо спорилъ съ тремя молодыми Вельшерами, сидѣвшими поближе къ нему, объ истинномъ значеніи вексельнаго права. Александръ Вельшеръ заботливо глядѣлъ изъ-за стола въ переднюю, гдѣ слуга отбивалъ смолу съ бутылки шампанскаго, приготовленной къ десерту. Бережливый молодой человѣкъ трепеталъ за участь бутылки, попавшей въ непривычныя руки, и еслибъ не стыдился Меерсона, то самъ побѣжалъ бы въ переднюю распорядиться драгоцѣннымъ нектаромъ, хоть этотъ нектаръ принадлежалъ къ весьма низкому качеству и былъ высланъ изъ Марсели въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ бутылокъ на коммиссею дому Вельшеръ, съ приказомъ продавать гуртомъ по *девяти* рублей серебромъ за дюжину. Старикъ Вельшеръ и Меерсонъ были углублены каждый въ свои размышленія и, повидимому, мало обращали вниманіе на прочихъ собесѣдниковъ. Такимъ образомъ бредъ Брайны Кутеръ былъ только разслышанъ хозяйкой дома и Соломономъ, жадно ожидавшимъ разрѣшенія участи своего носа; но тщеславный Соломонъ, счелъ за нужное не распространять болѣе разговора съ Брайною Кутеръ, очень довольный тѣмъ, что братья не разслышали страннаго ея объясненія. Онъ былъ очень самолюбивъ и слишкомъ дорожилъ своей особой, чтобъ позволить надъ нею какую-нибудь шутку: а тутъ, пожалуй, не одинъ сарказмъ посыпался бы на него, при мысли о носѣ, торгующемъ въ Варшавѣ стѣнными часами.

— Итакъ, здоровье имянинника! сказалъ весело нотаріусъ, который хотя и не забылъ пораженій, понесенныхъ имъ въ этотъ день, однако все-таки не могъ оставаться равнодушнымъ къ бокалу съ шипучимъ шампанскимъ.

Всѣ церемонно чокнулись и молча выпили свои бокалы, кро-

мѣ Меерсона, который тоже сквозь зубы проговорилъ что-то въ родѣ желанія, и госпожи Кутеръ, которая, поднося бокалъ къ губамъ, улыбнулась и граціозно кивнула имяниннику головой. Казалось, на этомъ семействѣ лежала какая-то особенная печать унынія и дикости. Только въ дѣлахъ у нихъ проявлялась энергія, а иногда даже и единодушіе; во всемъ прочемъ, въ веселости, въ вѣжливости, въ откровенности, въ привязанности, имъ отказала судьба. Еще между чужими, молодые братья, не лишенные образованія и нѣкотораго европейскаго лоска, могли быть сносны, или, по крайней мѣрѣ, незамѣтны, въ толпѣ другихъ, болѣе ихъ достойныхъ и одушевленныхъ; но когда они были всѣ вмѣстѣ, въ своемъ домѣ, въ присутствіи своего апатическаго отца и скопидомной матери, всѣмъ имъ, т. е., и дѣтямъ, и родителямъ было неловко и скучно, потому-что имъ нечего было сказать другъ-другу. Семейству Вельшеровъ были неизвѣстны и эти тысячи задушевныхъ пустяковъ, которые такъ тепло пересказываются въ семейномъ кругу, разогрѣваютъ сердце матери, богатое любовью, и сгоняютъ мракъ задумчивости съ заботливаго чела отцовскаго; и эта семейная интимность, у которой такъ много содержанія для бесѣды и взаимнаго удовольствія. Они не понимали, какимъ образомъ могутъ люди веселиться и еще въ семейномъ кругу. Наживать деньги общими силами, пожалуй, это понятно. Что это, напримѣръ, мадамъ Кичкесъ разсказываетъ, какъ она весело провела день съ *своими*, на хуторѣ, играя въ кегли и помирая со смѣху отъ шалостей своихъ дѣтей! Или, что это, напримѣръ, герръ Шмелькесъ разсказываетъ, какъ на имянинахъ внучки, они провели весь вечеръ *какъ въ раю:* играли въ фанты, въ *комету*, въ лото, и измученные усталостью отъ бѣготни и веселости, далеко за-полночь улеглись спать. Фи! фи! будто это возможно! Отчего же у насъ Вельшеровъ не такъ? А вѣдь мы тоже люди не глупые и не бѣдные. Такъ думали иногда Вельшеры, особенно семь разъ въ году, когда имъ приходилось праздновать семь скучныхъ дней рожденія,—такъ они думали и удивлялись сами себѣ. Удивляюсь и я имъ, удивляются имъ, конечно, и мои читатели. Но мало ли видишь удивительныхъ фигуръ въ калейдоскопѣ!

Старуха Бина Вельшеръ была очень довольна своимъ обѣдомъ и внутренно сознавалась, что добросовѣстно исполнила свой долгъ въ отношеніи къ сыну Маркусу. Была икра свѣжая и сельди, и супъ съ морковью, и почки съ бобами, и пудингъ съ ромомъ, и гусь жареный, и *айва* въ сахарѣ, и мадера (она

же марсалъ), и шампанское, и кофе — вотъ подаютъ гостямъ, — и даже двѣ бутылки зельцерской воды, которой, къ счастью, никто не спрашивалъ.

— Смотри ты у меня, сказала она тихо слугѣ, когда онъ прибиралъ со стола и всѣ обѣдавшіе съ шумомъ раздвигали свои стулья: — скажи *ей* (это былъ намекъ на кухарку), что я видѣла, тамъ осталась половина рѣдьки... да... яйцо... пусть не думаетъ, что я не видѣла. Да ты перчатки скинь и положи въ буфетъ.

— Матушка, произнесъ ей на ухо Соломонъ, остановившись возлѣ нея будто для того, чтобъ налить себѣ стаканъ воды.— Тесть мнѣ напомнилъ, — сегодня день смерти моей жены. Онъ надулся: хочетъ насъ кольнуть, по обыкновенію. Смотрите, не попадитесь.

Старуха не измѣнила себѣ ни малѣйшимъ жестомъ. Она еще немного позвенѣла ключами, посуетилась нѣсколько въ столовой, и потомъ съ печальной физіономіей отправилась въ гостинную, гдѣ Меерсонъ, сидя у окна, задумчиво хлебалъ свой простывшій кофе.

— Понимаю вашу грусть, сватъ, сказала она приблизившись къ нему. — Вы думаете, мы забыли... ахъ!

Меерсонъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Мнѣ Богъ не далъ дочерей, продолжала она: — Сперанца была мнѣ дороже родной... родной дочери... Мы чувствуемъ эту утрату. Сегодня годъ... ахъ, Боже милосердый!

Она закрыла глаза руками.

— Такъ вы не забыли моей бѣдной Сперанцы? сказалъ Меерсонъ, испустивъ глубокій вздохъ, облегчившій его грудь.— А я думалъ... да, нѣтъ! вы шутите... Вамъ Соломонъ сказалъ, что я...

— Мнѣ—Соломонъ!.. клянусь вамъ жизнью!.. Мнѣ не должно напоминать. Я и свѣтлаго платья оттого не надѣла сегодня, видите...

— Благодарю васъ, мадамъ Вельшеръ, за участіе. Я полагалъ, что вы совершенно забыли... ошибся — извините. Я былъ сегодня на ея могилѣ... хотѣлъ выплакаться, да не могъ. Не могу плакать; самъ не знаю, что это за каменное сердце у меня.

— Мужчины не такъ легки на слезы, отвѣчала старуха. — Вотъ и мой Соломонъ: онъ не можетъ плакать, онъ даже не плакалъ, когда Сперанца бездыханная лежала передъ его глазами;

но какъ онъ чувствуетъ, какъ онъ чувствуетъ глубоко, если бы вы знали! Подъ его холодною наружностью, скрывается много чувствительности.

Старикъ машинально посмотрѣлъ на Соломона, который съ сигарой въ зубахъ медленно ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. «Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, я слишкомъ несправедливъ къ *нимъ*», подумалъ Меерсонъ: «меня предубѣдили противъ нихъ: ихъ не любятъ. Почему же ихъ не любятъ?..»

Бина Вельшеръ очень хотѣла, чтобы объ ней и ея семействѣ имѣли доброе мнѣніе. Причина весьма натуральна: мы всѣ желаемъ, чтобъ объ насъ думали лучше, чѣмъ мы заслуживаемъ; особенно мнѣніемъ людей богатыхъ мы дорожимъ. Отчего это? оттого ли, что мы всегда въ зависимости отъ добраго мнѣнія другихъ и постоянно полагаемъ, что если не сегодня, такъ завтра, черезъ годъ, черезъ два, оно послужитъ намъ опорой въ нуждѣ и принесетъ пользу, въ какомъ бы то ни было видѣ? Или оттого, что инстинктъ добра, внушенный въ насъ природой, заставляетъ насъ стараться хоть слыть добрыми, если не имѣемъ довольно моральной силы, чтобъ быть такими въ самомъ дѣлѣ? Или, наконецъ, оттого, что натура человѣка до того предана лицемѣрію и противорѣчіямъ, что онъ непремѣнно долженъ казаться не тѣмъ что онъ есть, — отчего одни хотятъ казаться добрыми, другіе злыми, одни богатыми, другіе бѣдными, одни строгими, другіе снисходительными, одни молодыми, другіе старыми? Предоставляемъ каждому рѣшить этотъ вопросъ посвоему.

Итакъ, Бина Вельшеръ желала, чтобъ Меерсонъ имѣлъ объ ней доброе мнѣніе. Отчего же не желать этого, когда онъ такъ богатъ и переписывается со всѣми торговыми домами въ Европѣ. Старуха была рада, что аргументъ о ея платьѣ темнаго цвѣта, довольно подѣйствовалъ на ея свата.

— Вы мало знаете Соломона, продолжала она: — и какъ вамъ знать? вы все держитесь какъ-то далеко отъ насъ... Мы часто толкуемъ съ мужемъ, отчего это вы все удаляетесь отъ насъ?...

— *Отъ васъ?* отвѣчалъ Меерсонъ: — а съ кѣмъ я близокъ здѣсь? Кромѣ биржи, или гулянья, видѣли ли меня въ чьемъ нибудь домѣ? Я не люблю дружиться ни съ кѣмъ. Мнѣ надоѣли свѣтское лицемѣріе и ложь. Я предпочитаю сообщество моего сосѣда, русскаго актера, всѣмъ церемоннымъ сходбищамъ...

— Да, мы объ этомъ тоже говоримъ часто съ дѣтьми. Что вы тамъ нашли въ этомъ актерѣ, право, непонятно...

Старуха довольно неделикатно пожала плечами. И тутъ она тоже по своему была права. Что тамъ, въ самомъ дѣлѣ, интереснаго въ человѣкѣ, который не имѣетъ гроша денегъ за душой и живетъ жалованьемъ!

— Что я нашелъ въ этомъ актерѣ? отвѣчалъ важно Меерсонъ, вставъ со стула и взявшись за шляпу: — бездѣлицу нашелъ я въ немъ, совершенный вздоръ... просто не стоитъ добраго слова: онъ, этотъ актеръ, *всегда веселъ и всегда говоритъ правду*, — два качества, которыхъ у насъ съ вами со свѣчей не найдешь.

Меерсонъ раскланялся съ хозяйкой дома и съ Соломономъ и вышелъ. Прочіе сыновья уже занимались въ конторѣ; а старикъ Вельшеръ, съ закрытыми глазами, полулежалъ въ покойномъ креслѣ: его усыпилъ неугомонный нотаріусъ, который, сдѣлавъ свое дѣло, т. е., заговоривъ старика до изнеможенія, ускользнулъ съ своей дорогою половиной. Изъ всѣхъ новѣйшихъ обычаевъ, обычай, позволяющій гостю уходить не прощаясь, былъ единодушно принятъ въ этомъ домѣ. Молодые Вельшеры, простерли непринужденность даже до того, что часто, когда у нихъ случались гости, они сами уходили изъ дома, не простившись съ ними. Хорошіе обычаи скоро прививаются и разнообразно развиваются.

— Ну, люди! говорилъ Кутеръ, ведя домой подъ руку свою жену, которая горделиво и плавно выступала по улицѣ и очень желала, чтобъ кто-нибудь знакомый попался на встрѣчу и спросилъ, откуда они идутъ: — нечего сказать, люди!.. медвѣди, тьфу! хуже... какъ честный человѣкъ! невѣжды... грубіяны...

— Самсонъ, сердце мое, отвѣчала жена: — они богачи, — ихъ надо уважать.

— Кто объ этомъ споритъ? разумѣется, надо уважать. А ты думаешь, что? сталъ бы я развѣ ходить къ нимъ, еслибъ не уважалъ?.. Мнѣ ихъ обѣдъ, что-ли, нуженъ?.. Не видалъ я почекъ съ бобами, эка важность!..

— Ну, и они, только что немножко того... грубоваты, скасказала Брайна, заикаясь: — а впрочемъ, все-таки, вотъ, никого же не пригласили, кромѣ насъ и Меерсона... И дѣла тоже поручаютъ тебѣ, а не другому, а кліенты они прибыльные... Ну, и то чего-нибудь да стоитъ, онъ, дескать, работаетъ у дома «Н. Вельшеръ и сыновья»...

— Хмъ, хмъ! знаю я ихъ... вотъ тутъ сидятъ они у меня! возразилъ Кутеръ, подпрыгнувъ передъ женой и ударивъ себѣ

рукой въ грудь. — Сколько лѣтъ работаю я у нихъ? а, сколько? я думаю, около двадцати. Вотъ эти франты передъ моими глазами выросли; я ихъ за уши дралъ. Чертъ бы ихъ лучше побралъ тогда! Вишь ты, я маршалокъ, я не умѣю контракта составлять... Гмъ, невѣжды, никакого почтенія къ человѣку съ достоинствами, такъ сказать, съ заслугами! Ого-го! не забуду я имъ, этимъ копеечнымъ *аристократамъ*, сегодняшняго обѣда, нѣтъ, не забуду. Запряталъ я далеко, далеко эту обиду, увѣряю тебя. Развѣ живъ не буду, а ужъ найду случай сбавить съ нихъ немножко спѣси.

Слабонервная Брайна испугалась воинственнаго припадка своего мужа, который энергически билъ себя по боковому карману фрака, какъ будто онъ туда запряталъ свою обиду.

— Пустяки, другъ мой, сказала Брайна: — развѣ тебѣ въ первый разъ отъ нихъ переносить. Ты же самъ выдумалъ поговорку, что *съ франзолей не ссорятся.*

— Хи, хи, хи! выдумалъ, точно выдумалъ, отвѣчалъ Кутеръ, развеселившійся отъ мысли, что изобрѣтенная имъ поговорка признана его женой весьма основательною. Въ дѣлахъ вкуса она была у него неоспоримымъ авторитетомъ.

— Потому-то и не нужно обижаться шутками подобныхъ людей, продолжала жена. — Все-таки они...

— Люди богатые, подхватилъ мужъ. — Богатые, пропади они совсѣмъ! Оттого-то я ихъ и уважаю, а то, гмъ! нашелъ бы и я словечко для нихъ. Да съ франзолей не ссорятся, хи, хи, хи! А обиды не забуду, нѣтъ. Кто-то сказалъ: «тотъ не мудрецъ, кто не мститъ за обиду какъ змѣя». А я мудрецъ, душа моя Брайна... ты, конечно...

— Согласна съ этимъ... о, да! отвѣчала жена. — Ты Nathan der Weise Лессинга... О, Лессингъ, Лессингъ!.. А погляди, мой другъ, какая картина! прибавила она, указывая рукой на море: — волны гоняются за волнами (море было совершенно спокойно); въ водѣ брызжутъ золотыя искры отъ солнца (солнце было совсѣмъ на противоположной сторонѣ горизонта); птицы фантастически несутся по поверхности воды, какъ сны около изголовья спящей красавицы (одна сорока скакала по мачтамъ какого-то судна)... а вдали черное облако, предвѣстникъ грозы (небо никогда не было яснѣе)... О, природа, природа, какъ ты прекрасна!

— Сердце мое, Брайна, сказалъ растроганный мужъ, у котораго слезы навернулись на глазахъ отъ умиленія. Ты одна умѣешь подмѣчать красоты природы... Тысячи людей прохо-

дятъ, такъ сказать, ничего не замѣчая... вотъ и я, не замѣтилъ бы, еслибъ ты не обратила моего вниманія (онъ былъ чрезвычайно близорукъ)... А ты, ты тотчасъ замѣтила. О, ты просто, сокровище!..

И оба супруга совершенно успокоенные, одинъ на счетъ того, что онъ мудрецъ, а другая на счетъ распознанія красотъ природы, зашли къ себѣ домой, гдѣ судьба, въ образѣ сѣрой кошки, приготовила для нихъ отъ себя сюрпризъ. Въ небытность своихъ хозяевъ, реченная кошка, опрокинула чернильницу на письменномъ столѣ нотаріуса, и распорядилась такъ, чтобы половина черной жидкости оставалась на вексельномъ листѣ бумаги въ двѣнадцать рублей серебромъ, а другая половина вылилась на полъ. Въ эту другую половину сѣрая судьба — сѣрая кошка, хотѣлъ я сказать — погрузила недовязанный чулокъ хозяйки, обмотавъ клубокъ около ножки дивана и двухъ ножекъ стола съ такимъ искусствомъ, какъ будто она брала уроки отъ большаго паука, который пріютился у потолка въ углу надъ кресломъ нотаріуса. Преданіе говоритъ, что этотъ сюрпризъ на нѣкоторое время сокрушилъ мудрость Самсона Кутера и затмилъ красоты природы въ глазахъ его почтенной супруги.

II.

Меерсонъ долго гулялъ по бульвару въ глубокой задумчивости. Уже послѣ захожденія солнца онъ воротился домой; но вмѣсто того, чтобъ зайдти къ себѣ, онъ зашелъ къ Осколкину.

— А что дома господинъ твой? спросилъ онъ у Петрушки, который сидѣлъ на галлереѣ и, отъ нечего дѣлать, переговаривался знаками съ дѣвушкой, чистившей кастрюли на противоположномъ балконѣ.

— Нетути-съ, отвѣчалъ Петрушка:—еще не пришли. Должно быть, еще не кончили обѣда у Михалаки.

— Сходи, пожалуйста, въ локанду, сказалъ Меерсонъ: — и попроси, чтобъ пришли ко мнѣ на чай, съ своимъ гостемъ. Я тутъ подожду.

Петрушка проворно сбѣжалъ съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ возвратился.

— Приказали благодарить, сказалъ онъ Меерсону: — не могутъ сегодня никакъ... Тамъ идетъ попоечка, и въ картишки засѣли. Говоритъ: попроси, чтобъ извинили, другимъ времячкомъ, пожалуй, говоритъ...

Меерсонъ ушелъ къ себѣ, немного досадуя на Осколкина, съ которымъ надѣялся пріятно провести вечеръ. Ему также хотѣлось сблизиться съ Бубновымъ. Меерсонъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ весьма опытный и прозорливый, и если онъ любилъ этотъ саркастическій спектицизмъ и беззаботность въ Осколкинѣ, то дѣтски-робкая, судорожная и безпокойная натура Бубнова не могла ему не нравиться. Закаленный въ треволненіяхъ мірскихъ и утомленный своими долголѣтними трудами въ пріобрѣтеніи богатства, Меерсонъ въ холодности равнялся совсѣми старыми вдовцами или холостяками, но отличался отъ нихъ тѣмъ, что любилъ молодость и оригинальность характера. Онъ самъ не могъ, или почти не могъ никогда быть веселымъ, и потому, что очерствѣлъ въ спекуляціяхъ, и потому-что охладѣлъ въ космополитизмѣ, и еще по другимъ причинамъ, которыя, можетъ быть, впослѣдствіи узнаемъ. Но за то неподдѣльная веселость и беззаботность въ другомъ его очаровывали. Это ему напоминало нѣкоторыя черты изъ его прошедшаго, утонувшаго въ безднѣ заботъ и предпріятій. Какъ умный человѣкъ, онъ не жалѣлъ о томъ, чего, по закону природы, воротить нельзя; и, вмѣсто безполезныхъ сожалѣній, онъ утѣшался своимъ богатствомъ и вѣсомъ въ коммерціи, и благодарилъ судьбу, что она не совсѣмъ превратила его въ камень и не отняла у него способности сочувствовать искренности другихъ. Вотъ причина, почему онъ, за исключеніемъ дѣловыхъ сношеній, не дозволялъ себѣ никакой короткости съ своими коммерческими *друзьями*, которые, кромѣ натянутости и холодности, ничего ему дать не могли, — а этого добра, какъ самъ онъ сознавался, у него самого было въ избыткѣ.

Онъ зашелъ въ свой богато-убранный кабинетъ и, пока старый молчаливый слуга его приготовлялъ чай, подсѣлъ поболтать съ своимъ зеленымъ попугаемъ. Это былъ давній другъ, привезенный изъ-за границы, съ которымъ было сопряжено много воспоминаній для одинокаго старика.

Въ это время Осколкинъ и Бубновъ были среди весьма пріятнаго общества, въ локандѣ Михали, которая по вывѣскѣ называлась «Андалузія».

Въ одной изъ боковыхъ комнатъ, довольно посредственно освѣщенной и меблированной, въ которой стояла нѣсколько небольшихъ софъ и круглыхъ столиковъ, было человѣкъ десять гостей, въ томъ числѣ и наши друзья. Осколкинъ, который плотно пообѣдалъ и котораго нѣсколько стакановъ вина и горя-

чаго пунша не въ состояніи были поколебать, былъ въ отличномъ расположеніи духа и безпрестанно хохоталъ надъ веселостью Бубнова, который, по выраженіи своего друга, разсвирѣпѣлъ до-нельзя. Будучи слабѣе сложеніемъ Осколкина и отвыкнувъ отъ крѣпкихъ напитковъ, Бубновъ скорѣе поддался силѣ вина и пунша. Давно не былъ онъ такъ веселъ. Въ последнее время пребыванія своего въ деревнѣ, онъ ужасно скучалъ, не говоря уже объ огорченіяхъ, которыя переносилъ. Теперь вдругъ судьба бросила его въ большой веселый городъ, гдѣ все для него было такъ ново, такъ привлекательно. Онъ былъ въ восторгѣ отъ цирюльника Капрела Кичкалдурова, который выбрилъ его неслыханнымъ образомъ — на колѣнѣ. Онъ разинулъ ротъ отъ удивленія при первомъ взглядѣ на оригинальнаго хозяина Андалузіи, грека Михали, который безъ верхняго платья, съ своими голыми мохнатыми руками, съ своимъ огромнымъ носомъ на длинномъ худощавомъ лицѣ, съ своими подстриженными бакенбардами, которыя, въ соединеніи съ усами, были чрезвычайно похожи на уздечку, представлялъ фигуру, дѣйствительно весьма замѣчательную. Бубнова забавляли эти разнородные гости, наполнявшіе комнаты локанды, въ разнообразныхъ костюмахъ, съ характеристическими наружностями, шумѣвшіе и кричавшіе каждый на своемъ языкѣ. И обѣдъ не могъ ему не понравиться, послѣ длиннаго переѣзда до Одессы. Онъ восхищался странными названіями блюдъ, и каждый разъ когда Михали, который, изъ уваженія къ Осколкину, самъ имъ услуживалъ, являлся съ своею взнузданною мордой и съ важностью вскрикивалъ, подавая блюдо: «Зареный хихи», или, «Пиццонка венеціанская», или: «Морской пѣтуху на шкарѣ», — Бубновъ помиралъ со смѣху и какъ дитя хлопалъ въ ладоши. А тутъ еще синьйоръ Лабри, извѣстный signor trombatore, присѣвшій обѣдать съ ними вмѣстѣ и уморительно объясняющійся по-русски съ хозяиномъ; а тутъ въ добавокъ прекрасное бордо, и затѣмъ фрукты, и затѣмъ мороженное, и затѣмъ горячій пуншъ; а кругомъ шумъ, говоръ, смѣхъ. Все такъ ново и оригинально.

Боковая комната, о которой мы намекнули выше, носила странное названіе «пустыни». Названію этому былъ причиной одинъ господинъ, по имени Титъ Степанычъ, а по фамиліи совершенно неизвѣстный. Этотъ Титъ Степанычъ, котораго зналъ весь городъ, и который, казалось не могъ иначе и называться какъ только Титомъ Степанычемъ, безъ всякихъ другихъ прибавленій и продолженій, обѣдалъ постоянно въ Андалузіи, и

послѣ обѣда удалялся въ сказанную боковую комнату, почитать Одесскій Вѣстникъ, а если надобность укажетъ, то и заложить штоссъ въ десять цѣлковыхъ. Приглашая охотниковъ сразиться и отправляясь изъ общей столовой въ боковую комнату, онъ обыкновенно шелъ впереди, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, и напѣвалъ въ полголоса: «Я въ *пустыню* удаляюсь». Отъ этого боковая комната получила названіе пустыни, каковое названіе сохранилось до нашихъ временъ, какъ говорится въ древнихъ хроникахъ.

Не знаю, отчего кажется мнѣ, что читатели должны сами догадаться, что Титъ Степанычъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ маленькою наклонностью къ полнотѣ, нѣсколько курносъ, носилъ темнокоричневый парикъ и не любилъ украшать своего лица ни усами ни бакенбардами. Карты — это была его стихія. Но онъ не былъ злымъ картежникомъ, никогда не думалъ разбогатѣть отъ картъ, не зналъ никакихъ мистерій этого ремесла, не имѣлъ никакихъ намѣреній объигрывать кого-нибудь на вѣрняка; а просто игралъ оттого, что ни къ чему другому не былъ способенъ. Онъ игралъ въ коммерческія игры, игралъ въ азартныя, игралъ въ домино и въ трикъ-тракъ, игралъ на деньги, игралъ въ кофейняхъ на кофе и мороженное, игралъ въ трактирахъ на порціи кушанья, а въ случаѣ крайней нужды, игралъ даже на виноградъ и крымскія яблоки. Оттого за Титомъ Степанычемъ числились разные счеты въ разныхъ заведеніяхъ, хозяева и служители которыхъ вели съ нимъ родъ коммерческаго контокорренте, или текущаго годоваго счета. Здѣсь Титъ Степанычъ имѣлъ въ своемъ *credit* 37 консервъ, 16 мороженныхъ, 111 *кофеевъ;* тамъ имѣлъ въ своемъ *debet* 82 *полупунша* и полсотни лимонадовъ; въ другомъ мѣстѣ было 15 порцій кушанья *actif,* а 33 *passif* ergo *deficit* — 18 порцій; а еще въ другомъ мѣстѣ участь 8-ми шоколадовъ висѣла неразрѣшенною, потому-что *контра* Тита Степаныча съ его партнеромъ осталась недоигранною. Такимъ образомъ Титъ Степанычъ вѣчно игралъ, никого не обижалъ, былъ смиренъ какъ дѣвушка и, какъ дѣвушка, имѣлъ тоненькій голосокъ; часто жаловался на судьбу, которая, по числу картъ въ колодѣ, имѣла для него пятьдесятъ два вида, сильно вѣрилъ въ сны, въ дурной глазъ и въ разныя другія примѣты, потому-что не былъ чуждъ нѣкотораго суевѣрія, и, въ довершеніе картины, безпрестанно курилъ изъ чубука, курилъ даже и тогда, когда въ трубкѣ не было ни огня ни табаку, — такъ сильно дѣйствовала на него иногда меланхолія.

Въ «пустынѣ» за карточнымъ столомъ, предсѣдалъ теперь Титъ Степанычъ и металъ на пропалую. Осколкинъ и нѣкоторые другіе понтеры сидѣли вокругъ; другіе стояли и клали свои карты на столъ черезъ головы сидящихъ; одинъ только Бубновъ, неигравшій ни въ какія игры и неузнававшій девятки, пока не пересчитывалъ очковъ пальцемъ, бѣгалъ изъ «пустыни» въ столовую и обратно, шутилъ съ Барбуней, останавливался на минуту у карточнаго стола и заговаривалъ на лету съ Осколкинымъ, или съ кѣмъ нибудь изъ играющихъ. Онъ былъ очень веселъ, ерошилъ безпрестанно волосы, бѣгая взадъ и впередъ, какъ будто ему было такъ нѐкогда, что каждая минута для него была дорога. По временамъ онъ садился на одну изъ маленькихъ софъ, какъ бы для краткаго отдыха; но чрезвычайная веселость и удовольствіе не давали ему покоя: онъ опять вскакивалъ и пускался бѣгать изъ угла въ уголъ.

— Что, выиграла? спросилъ онъ у Осколкина, подошедъ къ столу и увидѣвъ, что тотъ разогнутою картой загребалъ къ себѣ нѣсколько серебряныхъ монетъ изъ банка. — Да?

— Да! отвѣчалъ Осколкинъ:

Бубновъ началъ потирать руки отъ удовольствія.

— О, Сеня великій! сказалъ онъ: — ты ужасная прелесть... Эй, Барбуня, дай еще стаканъ краснаго!

— Резонъ, Бубновина... и мнѣ тоже, Михалаки! вскричалъ Осколкинъ.

Михалаки, который къ вечеру еще отчаяннѣе засучивалъ рукава своей рубахи и при свѣчахъ еще рѣзче казался взнузданнымъ, принесъ два стакана вина.

— Это отлично дѣлаете, синьйоре, сказалъ онъ Бубнову: — надо пить вино много: вы много рыба кусалъ за обѣдомъ; ма надо рыба заморить. Вы знаете насе грецкое пословица?

При этомъ онъ произвелъ губами звукъ, въ родѣ того, какой иногда нехотя вырывается у каждаго, послѣ съѣденной кислой груши. Михали усвоилъ себѣ этотъ звукъ въ сообществѣ говядины и жирныхъ рыбъ, безпрестанно шипѣвшихъ на шкарѣ, или на сковородахъ, и вопіявшихъ о лимонномъ сокѣ. Часто отъ этого влажнаго звука, выходившаго изъ губъ Михали съ особеннымъ искусствомъ, у гостей рождался неимовѣрный аппетитъ; а одинъ отставной протоколистъ, даже и потому только ходилъ обѣдать въ Андалузію, что возбуждающій звукъ этотъ служилъ ему вмѣсто второй рюмки травника.

— Какую пословицу, Михали? спросилъ Бубновъ.

— Кусай рыба, пей вода — рыба гуляй; кусай рыба пей вино — рыба спи»! отвѣчалъ Михалаки важно.

Бубновъ покатился со смѣху.

— О, Михали! вскричалъ онъ: — ты восьмое чудо въ мірѣ, а девятое твой носъ! гляди...

И онъ показалъ пальцемъ на стѣну, на которой великолѣпно рисовалась тѣнь носоваго горба Михали.

— О, Михали тертый калачъ, сказалъ Осколкинъ, которому игра не мѣшала прислушиваться къ разговору своего друга съ хозяиномъ локанды. — Ты съ нимъ не шути... Былъ въ когтяхъ у египетскаго паши, ей-Богу! Вотъ хоть спроси самого... командовалъ тамъ флотомъ, что-ли? Разскажи-ка ему Михали.

— Флотомъ не флототъ, возразилъ Михали, взявшись обѣими руками за свою открытую, обросшую густыми волосами, грудь: — а корветъ на каманда хотѣлъ дать паша.

— Неужели? спросилъ Бубновъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Ма-а, цесное слово!.. «Позалуска, говоритъ, Михалаки Спиридонипцъ, возьми корветъ на каманда...»

— Кто, паша говоритъ?

— Паша говоритъ.

— А ты не хотѣлъ.

— За никакой капитали на свѣтѣ.

— Отчего же?

— Залико умирать на молодыхъ лѣтъ, отвѣчалъ Михали, загнувъ голову на одинъ бокъ.

При этомъ, тронувъ обѣими руками свою открытую жилистую шею, онъ медленно сталъ ихъ разводить въ противоположныя стороны, какъ будто затягивая себѣ петлю на шеѣ.

— Онъ такой... огонь, спиртъ, паша, продолжалъ Михали:— обращеніе не внимаетъ на хороса цаловѣкъ... Что ему хороса цаловѣкъ! Фррръ!.. и прощай, мое почтеніе!..

— Пожалуйста, Михали Спиридоновичъ, перестаньте! жалобно перебилъ Титъ Степанычъ:—вы своими розскознями только мѣшаете... Идите къ своему дѣлу... вы мнѣ несчастливы... Вы мнѣ всегда несчастіе приносите, когда входите сюда. Вотъ полчаса отъ валета оттасоваться не могу. Эхъ, Боже мой! продолжалъ тѣмъ же плачевнымъ голосомъ Титъ Степанычъ, оглянувшись и увидѣвъ, что Михали оставилъ комнату: — вотъ человѣкъ!.. ну ужъ человѣчекъ!.. какъ войдетъ — хоть брось колоду. Это звѣзда, звѣзда моя пагубная, — этотъ Михали.

— Имѣю семъ кушей, произнесъ кто-то изъ понтерокъ.

— И я транспортъ, сказалъ другой.

— Вижу, вижу, отвѣчалъ Титъ Степанычъ, смиренно уставивъ глаза въ потолокъ. — Судьба меня преслѣдуетъ... Не даромъ мнѣ женщина приснилась въ эту ночь. Ахъ, молочница проклятая! продолжалъ онъ, сильно ударивъ дамой по столу: — видишь, теперь вышла на право, а прежде... а прежде... о, судьба!

— Что судьба! судьба — индѣйка-съ... сказалъ одинъ изъ понтеровъ, новопріѣзжій рябоватый купчикъ изъ Брянска. — Все эдакъ жалѣться изволите, т. е., изволите дихламировать, какъ актеръ какой на судьбу-съ... А между тѣмъ уголъ загнуть позвольте-съ...

При словѣ «актеръ» Осколкинъ грозно поднялъ глаза на Брянскаго купчика.

— Актеръ, актеръ! меланхолически произнесъ Титъ Степанычъ, дунувъ сперва въ свой остывшій чубукъ, торчавшій у него подъ зубами.—Что актеръ? актеръ значитъ дѣйствующій... мы всѣ дѣйствующіе; вотъ и вы дѣйствующій, и я, и всѣ эти господа дѣйствующіе на этомъ свѣтѣ.

Титъ Степанычъ обыкновенно философствовалъ, когда ему не везло.

— Нѣть-съ, прошу извинить, возразилъ купчикъ: — это совсѣмъ не то-съ. Актеръ, т. е., правильнѣе *актеръ,* происходитъ отъ того обстоятельства, что онъ нѣкоторымъ образомъ въ актахъ и явленіяхъ проскользаетъ-съ.

Въ толпѣ раздался громкій смѣхъ. Это Бубновъ бросился на софу, держась за бока.

— Вотъ, и не изволили дать, таперича, продолжалъ Брянскій филологъ: — умертвили скоропостижно моего туза-съ... Вы никогда не даете третьей карты. Сожалительно довольно-съ: принесла бы эдакъ кушикъ замѣтный. А все причиной, что объ актерахъ заговорилъ, ха, ха, ха! народъ злокачественный для меня, ха, ха, ха!

— Да что вы къ актерамъ прицѣпились? возразилъ одинъ изъ играющихъ. — Будьте осторожны: сосѣдъ вашъ, вотъ что папироска въ серебряныхъ щипчикахъ, тоже актеръ!

Молодой купчикъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Гмъ! оно тово-съ, сказано примѣрнымъ образомъ, пробормоталъ онъ, поднявъ глаза на Осколкина, котораго суровый

взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ: — а обиды никакой не замышляли-съ.

Осколкинъ молчалъ, а Титъ Степанычъ продолжалъ метать и испускать глубокіе вздохи, видя какъ нѣкоторые изъ понтеровъ, забравъ у него нѣсколько цѣлковыхъ, незамѣтно ускользали изъ «пустыни», подъ разными предлогами.

— Оно, если истинно молвить, началъ опять купецъ, обращаясь къ Осколкину, передъ которымъ хотѣлъ загладить свой неделикатный отзывъ объ актерахъ: — то это классъ для меня много уважительный. Былъ у меня въ Воронежѣ театральный артистъ, очень добрый пріятель, господинъ Май, не изволили слышать?

— Не изволилъ, отвѣчалъ Осколкинъ брюзгливо.

— Странно-съ. А онъ былъ извѣстенъ всей публикѣ. Имѣлъ дарованіе, просто... то есть, внушительно сказать, въ малороссійскихъ исполненіяхъ былъ совершенный мудрецъ. А ваша какъ фамилія, позвольте узнать?

— Моя фамилія Сентябрь, отвѣчалъ Осколкинъ тѣмъ же тономъ.

— Сентябрь? странная фамилія-съ.

— Отчего странная? Былъ же у васъ пріятель актеръ Май, отчего-жъ мнѣ не называться Сентябремъ?

— Оно можно-съ, да нѣкоторымъ образомъ гнѣвно изволите обнаруживать свое неудовольствіе.

— Отвяжитесь отъ меня, ради вашего пріятеля Мая! вскричалъ Осколкинъ. — Чего вы ко мнѣ привязались.

Купецъ погладилъ себѣ голову рукой.

— Привязываться не имѣемъ характера-съ, сказалъ онъ съ достоинствомъ: — а обиды не вижу никакой для васъ, если, подобно сказать, желаю поближе познакомиться...

Осколкинъ отвернулся отъ своего неотвязчиваго сосѣда и началъ отъискивать карту въ кучѣ изломанныхъ понтёрокъ.

— Атанде, Титъ Степанычъ! вскричалъ онъ, положивъ на столъ валета съ загнутыми тремя углами: — семь имѣю — идетъ на пятнадцать.

Титъ Степанычъ искоса посмотрѣлъ на валета, потомъ поднялъ глаза къ потолку, потомъ остановилъ ихъ на Бубновѣ, который стоялъ какъ разъ противъ него и, улыбаясь, слѣдилъ за ходомъ игры, для него совершенно непонятной.

— Знаю я тебя, произнесъ на распѣвъ своимъ тоненькимъ

голосомъ Титъ Степанычъ: — о, знаю! ты, извергъ, у меня сидишь вотъ тутъ и вотъ тутъ.

Онъ указалъ рукой сперва на свое горло, потомъ на затылокъ.

— Вы меня знаете? спросилъ Бубновъ съ испугомъ: — вы? откуда?

— Знаю я тебя, продолжалъ Титъ Степанычъ, тасуя медленно карты и не опуская глазъ съ Бубнова. — Я тебя давно знаю, дурака! И ты мнѣ сегодня приснился.... я видѣлъ, видѣлъ тебя послѣ перваго абцуга...

Бубновъ, у котораго сильно шумѣло въ головѣ, пришелъ въ ярость и схватился за подсвѣчникъ.

— Какъ вы смѣете? вскричалъ онъ. — Я дуракъ!.. за что я дуракъ? Откуда вы меня знаете за изверга и дурака? Первый разъ въ жизни васъ вижу. Я вамъ черепъ раскрою, вы курносая образина этакая!

— Стой, Бубновятина, не шумѣть! закричалъ Осколкинъ, схвативъ своего друга за руку. — Это онъ не къ тебѣ говоритъ; ты его еще не знаешь. Это онъ такъ валета честитъ...

— Разсказывай другимъ, возразилъ Бубновъ, у котораго пуншъ и вино почти затмили разсудокъ. — Валета честитъ!.. Прямо смотритъ на меня и ругаетъ... Что я ослѣпъ, что-ли?.. Валета честитъ... выдумалъ!...

— Честное слово! отвѣчалъ Осколкинъ, смѣясь. — Ты его не знаешь: это чудакъ въ своемъ родѣ... Онъ мухи не тронетъ...

Бубновъ не слышалъ и продолжалъ горячиться, а Титъ Степанычъ, который, казалось, былъ глухъ ко всему его окружающему, сосредоточился на валетѣ, и медленно, съ разстановкой, удерживая дыханіе, клалъ на столъ карту за картой. При каждомъ разѣ, когда изъ-подъ верхней карты показывалась головка какой-нибудь фигуры, онъ печально взглядывалъ на потолокъ, и потомъ, потянувъ бережно карту и увѣрившись, что это все еще не валетъ, испускалъ глубокій вздохъ, какъ-будто десять пудовъ тяжести свалилось съ груди его.

— Что, Титъ Степанычъ, *ла мэнъ дрожже?* спросилъ улыбаясь Осколкинъ, котораго игра не интересовала, а забавляла.

— Ахъ, истинно дрожè, отвѣчалъ жалобно Титъ Степанычъ. Вотъ онъ! Вотъ онъ, мой гонитель! вскричалъ онъ. — О, судьба моя, судьба!

Онъ съ отчаяніемъ заломилъ голову назадъ и устремилъ глаза въ потолокъ. Руки его растопырились; въ правой была дама, выигравшая ему гривенникъ, а въ лѣвой вся остальная

колода, на верху которой, съ безстыднымъ хладнокровіемъ вытянулся безжалостный валетъ, выигравшій Осколкину пятнадцать полтинниковъ.

Титъ Степанычъ еще разъ посмотрѣлъ на валета. Ему показалось, что эта безобразная фигура, высунувъ языкъ, дѣлаетъ ему на караулъ своей сѣкирой.

— Домечите же талью, Титъ Степанычъ, сказалъ одинъ изъ понтеровъ.

— Что? дометать? нѣтъ, не могу! отвѣчалъ Титъ Степанычъ, чуть слышно и слегка кашлянувъ, какъ-будто валетъ въ самомъ дѣлѣ остановился у него въ горлѣ. — Не могу, господа, хоть убейте.... О, звѣзда моя несчастная!.. Видѣли ли вы, ну, скажите, умоляю васъ, люди добрые, видѣли ли вы, чтобъ постоянно цѣлый вечеръ только давать валета? только давать... только давать!...

И онъ швырнулъ въ потолокъ картами съ такою силой, что онѣ обсыпали всѣхъ сидѣвшихъ и стоявшихъ вокругъ стола, въ томъ числѣ и Бубнова, который все ворчалъ и, въ свою очередь, не слышалъ и не понималъ ничего изъ всего того, что вокругъ него дѣлалось.

— А, еще этого не доставало! гнѣвно вскричалъ Бубновъ, очищая себя отъ картъ, которыя попадали ему на голову и за воротникъ сюртука. — Такъ этотъ человѣкъ меня вызываетъ! хорошо!..

Засучивъ рукава и сдавивъ свои маленькіе кулаки, онъ хотѣлъ броситься на Тита Степаныча, но Осколкинъ схватилъ его на руки и унесъ на другой конецъ комнаты.

— Эка разсвирѣпѣлъ! сказалъ Осколкинъ. — Уймешься что-ли, ты буянъ...

— Я буянъ, я? говорилъ съ слезами на глазахъ Бубновъ, перешедшій вдругъ отъ ярости къ жалобамъ. — Я, Сеня, буянъ? Меня ругаютъ, обижаютъ, а я буянъ. Ахъ, Сеня, Сеня, ты виноватъ противъ меня.... виноватъ кругомъ... не заступишься, нѣтъ, а еще бранишь тоже. Такъ для этого ты меня выписалъ, чтобъ меня обижали? О, Боже мой, Боже мой! зачѣмъ же всякій меня обижаетъ? Что я за такой несчастный родился, что меня всѣ обижаютъ!

— Ну, видѣли ли вы подобное несчастіе? говорилъ Титъ Степанычъ, вставшій съ своего мѣста и собиравшійся выйдти изъ «пустыни» вмѣстѣ съ прочими гостями. — Скажите, видѣли? Нѣтъ, нѣтъ, и не увидите. Это только у меня случаются «ру-

тёрки», а у другихъ ихъ нѣту. Ужъ такова моя звѣзда несчастная! Скажите, зачѣмъ родился я подъ такою несчастною звѣздой?

— Слышишь, онъ спрашиваетъ! сказалъ Бубновъ Осколкину, указывая пальцемъ на Тита Степаныча. — А я васъ спрашиваю, милостивый государь, — тутъ онъ быстро вскочилъ съ софы, на которую Осколкинъ его посадилъ, и, съ заломанными назадъ руками, остановился среди комнаты передъ Титомъ Степанычемъ: — я васъ спрашиваю: скажите вы мнѣ, зачѣмъ я родился подъ несчастною звѣздой?

— Что, и у васъ тоже случаются «рутёрки»? спросилъ съ участіемъ Титъ Степанычъ.

Бубновъ обернулъ голову къ Осколкину, какъ бы испрашивая объясненія; но тотъ хохоталъ во все горло.

— Пора спать, душа моя, Елисей, пойдемъ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ не пойду, рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ Бубновъ: — не пойду! кутить хочу. Давай кутить!.. Давай играть... играю, Сеня, великій, безсмертный Сеня!.. Возьми карты, да покажи мнѣ какъ играть, я сейчасъ пойму. Давай, вотъ видишь? будемъ играть на булавку... коралловая, ей Богу, чисто коралловая... шесть цѣлковыхъ заплатилъ въ Харьковѣ...

— Ты съ ума сошелъ. Пойдемъ спать.

— Нѣтъ, не пойду.

— Нѣтъ, пойдешь, или понесемъ съ Барбуней.

— Ну, ладно, ладно, пойду. Только ты меня играть выучи.... Что я за профанъ такой! не умѣю играть. Пожалуйста, Сеня... дай слово, что выучишь, дай честное слово....

И еще долго Бубновъ, котораго къ концу разбирало все болѣе и болѣе, требовалъ честнаго слова отъ своего друга, когда тотъ, съ помощью Петрушки раздѣлъ его и укладывалъ спать на диванѣ у себя въ спальнѣ. Осколкинъ смѣялся отъ души и принужденъ былъ дать слово Бубнову, который, наконецъ, успокоился и торжественно объявилъ, что на первыя деньги, которыя выиграетъ, онъ себѣ купитъ хлыстъ изъ гутта-перчи и портретъ Виктора Гюго.

III.

«Экка неугомонный» разсуждалъ самъ съ собой Петрушка, когда онъ, на другой день утромъ, чистилъ въ передней сапоги для господъ, еще покоившихся въ объятіяхъ сна; «а погляди,

сапожёкъ невзрачный какой, просто дѣтскій, да еще и дырочка пробивается. Эхъ-ма! въ карманѣ, должно быть, чахоточка квартируетъ.... а попировать не прочь на чужой грошъ... И у *моего*-то каблучекъ не золотыми гвоздями набитъ, да все-таки человѣкъ мастеровой: есть своя копеечка.... А я думалъ, ишь-ты, грекъ, чисто грекъ... анъ выходитъ не грекъ... А душа должна быть добренькая: выпилъ, да хнычетъ себѣ.... все просится, да цѣлуется съ бариномъ, просто курочка... Да вотъ она штучка... надо будетъ потребовать прибавочки: одному служить и двумъ служить — выходитъ два дѣла розныхъ...»

Петрушка очень любилъ уменьшать существительныя и прилагательныя.

«А попробуемъ эту ваксу, что гость привезъ», продолжалъ Петрушка: «должно быть дрянь: видно по цвѣту. Такъ и есть дрянь; а банка красивенькая, а въ банкѣ дрянь.... Надули бѣдняжечку тамъ... а тамъ, стало быть, также какъ и тутъ.... и тутъ купишь, хоть примѣрно, въ аглицкой лавкѣ, отличную баночку, залитую сургучемъ, законапаченную; дескать тамъ сардельки, либо другая сласть копчоная.... а выходитъ тоже надуванція...»

— Эй ты, шарлóта несчастная! что задумался? раздалось надъ самымъ ухомъ Петрушки, углубившагося въ свои размышленія.

Онъ поднялъ голову.

— А, это ты тетка Варвара, сказалъ онъ: — зачѣмъ пожаловала?

— Стало быть по дѣлу, отвѣчала тетка Варвара, начавъ шарить по всѣмъ угламъ передней и швыряя все, что попадалось ей подъ руки. — Гдѣ твой табакъ, Петруха?

Петрушка отъискалъ свой табакъ и бумагу и подалъ гостьѣ, о которой авторъ считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Тетка Варвара, если позволено намъ будетъ тутъ употребить статистическое выраженіе, была — произведеніе туземное, т. е., одесское, потому что другіе города врядъ-ли производятъ такіе продукты. Она была очень высокая, довольно плотная собой баба, лѣтъ сорока пяти, съ большимъ блѣднымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и маленькими, нѣсколько впалыми глазами. Волосъ ея невидать было никогда изъ-подъ платка, которымъ была повязана ея голова, и котораго огромный узелъ или бантъ красовался или съ боку, или на затылкѣ. Она имѣла голосъ очень толстый, носила по-верхъ юбки родъ пальто темно-зеленаго

цвѣта, съ карманами по обѣимъ сторонамъ, а ноги обувала въ смазные сапоги; ходила всегда широкими шагами и въ добавокъ курила и пила такъ, что только по неимѣнію усовъ ея нельзя было принять за настоящаго шкипера. Ремесломъ она была факторка, т. е., поставщица поденьщиковъ и слугъ обоего пола, собиравшихся каждое утро на углу одной очень шумной улицы. Здѣсь, между сидящими на тротуарѣ и за канавой штукатурами съ ихъ длинными щетками, носильщиками съ ихъ тачками и посилками, кухарками, горничными и лакеями, можно было видѣть тетку Варвару, расхаживающую съ заложенными назадъ руками, и обозрѣвающую свои владѣнія, которыя простирались отъ бочки квасника до погребка съ лаконическою надписью: «Погребъ винъ.» Она безпрестанно уходила и приходила, перебранивалась съ подвластнымъ ей народомъ, а иногда даже и показывала свои дюжіе кулаки тѣмъ, кому ихъ показывать надлежало. Если времена случались тяжелыя и требованія на новыхъ слугъ не было, то она изъ знакомыхъ ей домовъ сманивала старыхъ и мѣняла ими по своему произволу. Такимъ образомъ случалось, что часто въ одно прекрасное утро, два сосѣда одного и того же дома оказывались безъ кухарокъ или лакеевъ, которые на другое же утро помѣщались опять въ тотъ же домъ, только съ обмѣномъ своихъ хозяевъ. Наконецъ, скажемъ, что тетка Варвара, ни разу въ своей жизни не переступившая черту порто-франко, имѣла свой собственный образъ выраженія, который могъ казаться даже нѣсколько дикимъ для людей, дорожащихъ чистотою русскаго слова.

— Ну, а зачѣмъ же ты пожаловала? спросилъ опять Петрушка, когда тетка Варвара закурила папиросу и сѣла на порогѣ.

— Я пришла зачѣмъ?— хочу тебя снять съ этой должности, отвѣчала она, плюнувъ въ сторону.

— Какъ снять?

— Снять — стало быть пристроить къ другому мѣсту. Антикъ, говорю тебѣ, мѣсто.

— А у кого?

— Есть старая барыня, полячка, милая какъ вотъ не знаю что. Дѣлать, просто, нечего: издохнешь со скуки; только всего, что за *нею*, по лавкамъ ходить, да на запяткахъ стоять.

— А жалованье?

— Жалованья дадимъ двадцать рублевъ бумажками въ мѣсяцъ, да одежа, да харчи, да кофій по утрамъ, а вечеромъ чай.

Петрушка самодовольно улыбнулся.

— Мнѣ, Петруха, карбованецъ маклерства, продолжала Варвара, безпрестанно затягиваясь и пуская густые клубы дыму изъ рта и носа: — и угощеніе честное въ трактирѣ.

— Ладно, сказалъ Петрушка: — да съ этимъ бариномъ, какъ мнѣ разсчитаться: совѣстно, Варварушка.

— Дѣло нашинское, братъ, поведемъ умѣючи, отвѣчала хладнокровно Варвара.

Изъ спальни Осколкина послышался кашель.

— А вотъ проснулся, сказалъ Петрушка: — понесу сапоги, а ты посиди маленько.

— Посижу, сколько заблагоразсудится, отвѣчала Варвара: — а потомъ зайду къ твоему ахтеру и дѣло закончимъ.

Петрушка понесъ сапоги и началъ приготовлять умываться своимъ господамъ.

— А что, Елисей, какъ голова? спросилъ сидѣвшій на своей постели Осколкинъ у Бубнова, который лежалъ скорчившись и изъ-подъ одѣяла глядѣлъ пристально на своего друга.

Бубновъ зѣвнулъ и потянулся.

— Ничего, кажется, голова, сказалъ онъ. — А что поздно легли мы спать?

— Да, не рано.

— Я, кажется, съ кѣмъ-то дрался вчера?...

— Не дрался, а готовъ былъ драться.

— Мнѣ стыдно, Сеня, право. Какъ же ты меня допустилъ безчинствовать.

— Нѣтъ, не допустилъ.... Ну, покутили немного, что-жъ за бѣда?

— Что могли обо мнѣ подумать! съ грустью сказалъ Бубновъ, вставъ съ постели и принявшись одѣваться. — Осрамилъ себя, просто.

— Передъ кѣмъ? позволь спросить.

— А передъ тѣми, что были съ нами вмѣстѣ вчера.

— Эхъ, ты баба, ха, ха, ха! ты просто не Павловичъ, а Павловна.... Есть о чемъ горевать. То развѣ не люди? а за человѣкомъ водится грѣхъ, за каждымъ. Давай лучше пить чай: будемъ поправляться. Эй, Петрушка, есть у насъ лимонъ? давай лимонъ къ чаю.

Друзья, настроенные на различные лады, подсѣли къ чайному столику. Одинъ, по своему обыкновенію, сгорбился и опустилъ голову, припоминая свои вчерашнія похожденія, а другой хриплымъ своимъ голосомъ напѣвалъ извѣстные водевильные

стихи, которыхъ каждый куплетъ оканчивается словами: «водится грѣшокъ, водится грѣшокъ».

— Здравствуйте, мое почтеніе, господинъ Семенъ Семенычъ! громко произнесла вошедшая тетка Варвара, остановившись передъ чайнымъ столикомъ и взявшись одной рукой подъ бокъ. Какъ себѣ поживаете? Живы, здоровы? Пожалуйте ручку поцѣловать.

Бубновъ поднялъ голову и съ любопытствомъ началъ осматривать гостью, удивляясь ея воинственной осанкѣ.

— А, тетка Варвара! сказалъ Осколкинъ, улыбнувшись.—Не хочу, не надо.... не люблю цѣловаться. Ну, что скажешь?

— Привела вамъ парня, судырь.

— А на что мнѣ парень?

— Пожалуй, коли не нужно, такъ извините. Какъ же вы будете безъ человѣка? вѣдь Петрушка отходитъ.

— Почему отходитъ? спросилъ Осколкинъ.—Что ему сдѣлалось?

— Эхъ, Семенъ Семенычъ! отвѣчала Варвара, махнувъ рукой.—Почему отходитъ?... отходитъ—потому дрянь. Вы забыли, а онъ вамъ не сказалъ, что его видъ просрочился; а теперь нельзя: надо идти за новымъ видомъ.

— Правда Петрушка? спросилъ Осколкинъ.

— Точно такъ, сударь, встрѣтилась безпремѣнная надобность.... сокрушаюсь сердцемъ такого барина оставить, да знать не суждено мнѣ, бормоталъ Петрушка, отъискивая что-то подъ кроватью.

— Ну, Богъ съ тобой! убирайся, чучело, только поскорѣе.... перебилъ Осколкинъ, который привыкъ къ частой перемѣнѣ слугъ и даже неоднократно удивлялся, что Петрушка у него держался уже почти три мѣсяца.

— Опричь этого, сказала факторка, понизивъ голосъ, когда Петрушка оставилъ комнату:—этотъ для васъ не слуга; вамъ я знаю какого нужно, о, вамъ, господинъ Семенъ Семенычъ, совсѣмъ другаго калибера нужно, а не такую шарлоту безпардонную. Я вамъ привела парня—антикъ! кровь съ молокомъ, грамотный и билетъ заявленъ гдѣ подобно. Хотѣли отбить его, ей, хотѣли отбить!

— Ужъ и хотѣли отбить, со смѣхомъ возразилъ Осколкинъ.—Ты истинно тетка-варваръ.

— Чтобъ я съ этого мѣста не сошла, если не правда! хотѣли отбить парнишку, вотъ сюда въ этотъ трактиръ, что здѣсь

таки, какъ его? Ландомузія.... Мондолузія.... Тьфу, погибель ему, какое имя подлое! А я себѣ говорю: нѣтъ, не дамъ: такого парня нужно Семену Семенычу; потому знаю вашъ характеръ господскій и все стало-быть благородство.... Ждетъ у воротъ. Прикажите привесть?

— Чтожъ дѣлать? приведи! отвѣчалъ Осколкинъ, пожавъ плечами.

Тетка Варвара проворно вышла изъ комнаты.

— Чертъ баба, сказалъ Осколкинъ Бубнову.—Объ закладъ бьюсь, что она сама же сманиваетъ Петрушку на другое мѣсто. У нихъ здѣсь такъ.

— Антоша! вскричалъ Бубновъ, всплеснувъ руками, при видѣ новаго слуги, котораго Варвара втолкнула передъ собой въ комнату.

— Ахъ, сударь, это вы? съ видимою радостью произнесъ Антоша.

— Что, знакомый? спросилъ Осколкинъ у Бубнова.

— Какъ-же, братецъ, вмѣстѣ пріѣхали изъ Малороссіи.... Возьми его, Сеня, возьми: будешь доволенъ. Въ глаза ему скажу, что онъ славный малый.

— А что, неправду говорила я вамъ, сказала Варвара, заложивъ руки за спину и выставивъ одну ногу впередъ:—вотъ и ихъ милость знаютъ, что парень хорошій. Повѣрите, повѣрите мнѣ, господинъ Семенъ Семенычъ? скажите повѣрите?

— Что тебѣ повѣрить? спросилъ Осколкинъ.

— Нѣтъ, скажите, повѣрите? повторяла Варвара?

— Отвяжись, повѣрю.

— Ну, такъ вотъ вамъ мой пароль, сказала она, закинувъ голову назадъ:—что изъ всѣхъ пятьнадцати слугъ, что я вамъ подряжала до-теперича, ни одинъ въ подметку не годится этому хвату. У меня глазъ, судырь мой, хоть сѣрый да зоркій. То все была шарлота несчастная, а это совсѣмъ другая статья.... Пожалуйте, судырь, полтиничка куртажа, да въ счетъ его жалованья столько же, анъ вмѣстѣ цѣлкашка, а за цѣну вы ужъ сами съ нимъ сходитесь.... Покорнѣйше благодарю, мерси.... Прощайте, счастливо оставаться!... А ты, Антошка, шарлота заѣзжая, смотри мнѣ, служи правдой, а то изъ города выживу.

Тетка Варвара ушла, не забывъ въ передней шепнуть Петрушкѣ, чтобы онъ, по разсчетѣ съ своимъ бариномъ, явился въ ея владѣнія, для дальнѣйшихъ инструкцій.

— Ну, баба! сказалъ Осколкинъ, когда Антоша вышелъ въ

переднюю и сталъ принимать отъ Петрушки разное имущество, заключавшееся въ щеткахъ, стаканахъ, подсвѣчникахъ и тому подобномъ: — любому маклеру здѣшнему не уступитъ въ изобрѣтательности.

— Да, какъ видно, не промахъ, отвѣчалъ Бубновъ. — А что это у ней за поговорка такая — «шарлота несчастная»?

Осколкинъ засмѣялся.

— Это здѣшнее мѣстное выраженіе, сказалъ онъ. — Шарлота происходитъ отъ слова «шарлатанъ», а шарлатанъ по здѣшнему значитъ — мазурикъ, разгильдяй, или что-то въ этомъ родѣ. — Ну, оставимъ это, прибавилъ Осколкинъ, принявъ серьезный видъ: — теперь поговоримъ о дѣлѣ.

— О какомъ? спросилъ Бубновъ.

— О какомъ! о тебѣ, душа моя. Надо же за что-нибудь взяться.

— Да, надо.... Я самъ хотѣлъ тебѣ напомнить, сказалъ Бубновъ, вздохнувъ и стуча ложечкой по стакану. — Вотъ, мой спутникъ Антоша ужъ пристроился, а я....

— Пристроимъ и тебя, не тужи, отвѣчалъ Осколкинъ. — Вотъ что! Вѣдь ты учитель, съ свидѣтельствомъ?

— Какъ же!...

— Прекрасно! Будемъ искать уроковъ.... Я имѣю кой-какія знакомства.... Вотъ, сейчасъ въ пансіонъ у мадамъ Боассо.... тамъ будешь преподавать русскій и нѣмецкій: ты вѣдь въ нѣмецкомъ звѣрь лютый.... Потомъ.... ну, ужъ отъищешь и въ частныхъ домахъ: здѣсь хорошо платятъ за уроки. Да, прекрасно! чего тутъ лучше.... хоть, напримѣръ, у Софьи Ильинишны.... Э, нѣтъ, нѣтъ! не надо, у Софьи Ильинишны не надо.... не хочу! ты вѣдь поэтъ, а это не ловко.

— Отчего не ловко? спросилъ Бубновъ, улыбаясь. — Что это за Софья Ильинишна?

— Софья Ильинишна Разгородкина, молодая вдова, помѣщица какой-то великороссійской губерніи.... живетъ здѣсь для своего удовольствія.... Давно мнѣ еще сказала, что ищетъ хорошаго учителя для своей пятилѣтней дочери.... Нѣтъ, не надо, дружокъ мой, Елисей, прибавилъ Осколкинъ, покачавъ нѣсколько разъ головой.

— Да отчего же, чудакъ ты? спросилъ Бубновъ съ любопытствомъ.

— Отчего? чертъ побери! влюбишься: больно хороша собой, вскричалъ Осколкинъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Вотъ еще глупости, отвѣчалъ Бубновъ, смѣясь. — Не безпокойся. Ужъ я свое заплатилъ молодости: былъ влюбленъ разъ, и того довольно съ меня.

— Ты заплатилъ свое, ха, ха, ха! ты! вскричалъ Осколкинъ, показывая пальцемъ на Бубнова и прищуривъ одинъ глазъ. — Ты заплатилъ уже свое! Да, ты еще двадцать разъ будешь платить, я тебя знаю.

— Ошибаешься, Сеня.

— Ни капли, душа моя. Ты страдаешь любовью, которая у тебя пробуждается при каждомъ удобномъ случаѣ. А что всего любопытнѣй, такъ это то, что въ новомъ предметѣ своей страсти, ты любишь и послѣднiй свой предметъ, и предпослѣднiй, и прошлый, и позапрошлый, и давно прошедшiй. Пари держу, что послѣдняя женщина, которую ты удостоишь своей любви, будетъ имѣть въ себѣ всѣ качества тридцати твоихъ прежнихъ очаровательницъ.

— Оставь пустяки городить: надо же серьезно потолковать.

— Серьезно, такъ серьезно. Коли надѣешься на себя, то познакомлю, пожалуй. Она тоже хорошо будетъ платить за уроки: у ней состоянiе хорошее. А коли еще серьезнѣе тебѣ сказать, Бубновина, такъ эта та голубая шляпка, отъ которой я съ ума сходилъ цѣлый мѣсяцъ.

— Ты, Сеня? вскричалъ Бубновъ, потирая руки.

— Я, собственной моей особой.

— А какъ же ты излѣчился?

— Шампанскимъ, дружище, излѣчился. «Семенъ ты плѣшивый», сказалъ я самъ себѣ: «и ты еще вздумалъ влюбляться въ красавицу! да она на тебя и посмотрѣть не захочетъ. Принимаетъ въ домѣ оттого, что умная баба, и тебя считаетъ умнымъ человѣкомъ; а ты еще дурачиться вздумалъ, Семенъ Осколкинъ! ну, такъ я-жъ тебя приведу въ разсудокъ!» и закутилъ я, батюшки мои, что, просто, ай люли! Благо, здѣсь шампанское дешево.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ протрезвился, и — какъ рукой сняло.

— И пересталъ ходить къ ней?

— Это отчего? вотъ еще! хожу, какъ ходилъ, болтаю, провожу прiятно время, а любовь моя улыбнулась на вѣки вѣчные.

— Ну, а что, въ самомъ дѣлѣ, хороша она, эта Софья Ильинишна? спросилъ Бубновъ окутавшись плотнѣе своимъ широкимъ архалукомъ и уставивъ свои блестящiе глаза на Осколкина.

— Прелесть, говорю тебѣ, — отвѣчалъ Осколкинъ, прихлебывая свой чай: — блондинка очаровательная. Глаза, знаешь, голубые, просто говорятъ; лицо полное, свѣжее; носикъ, ротикъ, шейка — токарной работы; волосы — что твои шелки шемаханскіе! дама comme il faut, лѣтъ двадцати восьми, не болѣе, вдовушка. Поетъ, рисуетъ; играетъ на фертопьяно отлично; всю французскую мудрость проглотила на сквозь; толкуетъ тебѣ объ искусствѣ, о древнихъ Грекахъ, Римлянахъ, Пуническихъ войнахъ, и самъ нечистый знаетъ о чемъ только она ни толкуетъ. Говоритъ, что знатная дама; въ столицѣ была знакома со всѣми литераторами, — носили, просто, на рукахъ. Стоитъ, говоритъ, ей только захотѣть, и высшее общество приметъ ее съ распростертыми объятіями; но надоѣлъ ей столичный шумъ.... живетъ для себя и для своего ребенка.... Филантропка заклятая: что слово, то гуманность съ компаніею.... Да вретъ она, кажется, немножко.

— Что у тебя за замѣчанія такія странныя! воскликнулъ Бубновъ, досадуя на своего друга, заключившаго свое длинное описаніе такимъ невыгоднымъ образомъ для Разгородкиной. — Вретъ! вретъ! вчера, вотъ, разсказывалъ про того банкира — вретъ, сегодня про даму хорошаго тона — вретъ. Что это у тебя каждый вретъ?

— Не каждый, а многіе врутъ, отвѣчалъ Осколкинъ хладнокровно. — Полагаю, и Софья Ильинишна тоже немножко любитъ прихвастнуть. Впрочемъ можетъ-быть и ошибаюсь.... Да нѣтъ же, не ошибаюсь.... Я ужъ замѣтилъ кое-что.

— Что ты замѣтилъ?

— У ней, знаешь, бываетъ кружокъ довольно хорошій: люди эдакъ не глупые и просвѣщенные, даже и писаки кой-какіе есть.... Любитъ, говоритъ, искреннюю, умную бесѣду людей безъ церемоніи. Ну, положимъ, любитъ, Богъ съ ней! Вотъ разъ какъ-то пошли задачи, написать, знаешь что-нибудь на заданную тему; а она не разъ говорила, что ужъ напечатала кое-что подъ вымышленнымъ именемъ. Ну-съ, хорошо! На слѣдующій вечеръ всѣ принесли свои произведенія, всѣ, разумѣется, кромѣ меня.... Я, братъ, не имѣю претензіи на сочинительство. Еще въ гимназіи, бывало, когда прійдется сочинить страничку, то волосы въ головѣ колютъ, просто. Отъ этого, думаю, у меня и лысина такъ скоро завелась....

Бубновъ съ нетерпѣніемъ махнулъ рукой и отвернулся въ другую сторону.

— Доскажу, ей Богу, постой! вскричалъ Осколкинъ, закуривая десятую папиросу. — Принесли, принялись читать; ну, было и хорошее, было и такъ себѣ: а какъ принялась читать мадамъ Разгородкинъ свое литературное произведеніе въ полъ-листа, то вышла такая дичь высокопарная, что, просто страсти.... Я не выдержалъ. Софья Ильинишна, говорю: это такъ глубоко и тонко, что тоньше воробьиннаго носа: никакъ смысла не нащупаешь.... Она вѣдь любитъ откровенность, — я и сказалъ что думалъ.

— Что-жъ, это не важность, замѣтилъ Бубновъ: — можетъ быть тогда не удалось ей: дѣло очень просто.

— Случается. А вотъ другой примѣръ, продолжалъ Осколкинъ. — Она протрубила намъ уши своимъ наѣздничествомъ и кавалькадами на подмосковныхъ дачахъ, гдѣ она выкидывала удалыя штуки. Что жъ, дѣло возможное. Я видѣлъ на Луганской ярмаркѣ калмычекъ, которыя гарцуютъ верхомъ по чище Аммалать-Бека. А вышло и тутъ хвастовство маленькое.... Прошлымъ лѣтомъ она жила на Южномъ-Берегу; видѣлъ ее тамъ одинъ нашъ знакомый; умора, просто, честное слово! Божится, что какъ сѣла наша наѣздница на татарскую клячу, — тамъ, знаешь въ горахъ верхомъ разъѣзжаютъ, — то поблѣднѣла, какъ полотно.... никакъ не могла управиться: клячонка пошла себѣ шагомъ къ колодцу и принялась пить, а наѣздница, растопыривъ руки, кричала: караулъ, спасайте!... Ха, ха, ха!

— Пустяки, сказалъ Бубновъ, улыбнувшись. — Кто бабушкѣ не внукъ! Мы всѣ любимъ поразсказать о себѣ что-нибудь съ прибавкой; а къ женщинамъ, и еще къ хорошенькимъ, это даже идетъ.

— То-то я ей и говорю, возразилъ Осколкинъ: — что не надо ей стараться быть болѣе нежели она есть, — довольно и того съ нея: баба козырная; такъ нѣтъ же; непремѣнно хочетъ быть совершенствомъ, вмѣстилищемъ всѣхъ достоинствъ и застрахованной отъ всякихъ слабостей, — а это не годится.... А все-таки она женщина прекрасная. Такъ и быть, Елисей, поведу къ ней.

— Только съ уговоромъ, другъ мой, Сеня, сказалъ Бубновъ взявъ за руку Оскольнина. — Не называй меня хоть тамъ Елисеемъ, прошу тебя. Ну, какъ можно въ присутствіи молодой дамы называться Елисеемъ? Ахъ, Богъ ты мой, что я за несчастный человѣкъ!

— Воля твоя, я не вижу никакого несчастія называться Елисеемъ.

— А я вижу.

— Ну, коли видишь, такъ будь по-твоему. Отнынѣ ты Алексѣй, Алексѣй Павловичъ даже, если хочешь.

— Ахъ чудесно! воскликнулъ Бубновъ, охарашиваясь передъ зеркаломъ. — Алексѣй Павловичъ, — это идетъ. Спасибо тебѣ, Сеня.

— Не за что, душа моя, отвѣчалъ Околкинъ. — Однакожъ пора за дѣло взяться. Ты знаешь, я сегодня играю Осипа: нужно заняться немножко; а завтра возьмемся за тебя.

IV.

Дѣйствительно Осколкинъ взялся плотно хлопотать по всѣмъ своимъ знакомымъ за своего друга. Хлопоты его увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и дѣла Бубнова постепенно начали поправляться такъ, что къ концу этого лѣта онъ могъ уже похвалиться довольно хорошими доходами съ уроковъ. Его вездѣ полюбили, куда только онъ ни былъ вхожъ, и прощали ему его маленькія странности и ребячество, изъ уваженія къ его благородному и доброму характеру. Мадамъ Боассо была въ восторгѣ отъ его аккуратности и деликатности: Бубновъ никогда не пропускалъ опредѣленнаго часа, не требовалъ денегъ впередъ, и даже свои заслуженныя просилъ далеко послѣ срока. Два-три семейства, гдѣ онъ давалъ частные уроки, къ счастью принадлежали къ образованному классу: они уважали своего домашняго учителя, какъ нельзя болѣе, за его многостороннюю образованность и другія прекрасныя качества. Но болѣе, чѣмъ вездѣ, Бубновъ торжествовалъ въ домѣ Разгородкиной, гдѣ часто, по вечерамъ, собиралось небольшое число любителей словесности и искусствъ. Здѣсь, кромѣ неиспорченности души Бубнова, поняли и его поэтическій талантъ. Въ первый разъ услышалъ онъ строгій и безпристрастный судъ своимъ поэтическимъ созданіямъ, отъ людей, которые имѣли въ дѣлѣ нѣкоторыя познанія. Часто, когда онъ, одушевленный чтеніемъ своихъ гармоническихъ стиховъ, забывалъ все вокругъ него происходящее, — и маленькую Любиньку, которая крѣпко полюбила своего учителя и не сходила съ его колѣнъ, и ея маменьку, не спускавшую глазъ съ его прекраснаго, оживленнаго лица, — часто, говоримъ

мы, въ подобныя минуты, вдругъ единодушный громъ рукоплесканій оглушалъ комнату, рукоплесканій, однакожъ, искреннихъ, потому что никому изъ слушателей не было надобности льстить безъизвѣстному поэту. Бубновъ не слышалъ этихъ рукоплесканій, не обращалъ вниманія на одобрительный говоръ, а, будто самъ упиваясь своими чудными стихами, читалъ только для себя, и читалъ прекрасно, какъ только онъ одинъ умѣлъ читать свои стихотворенія. Но послѣ чтенія, его одушевленіе мгновенно упадало и замѣнялось природною робостью. Не довѣряя похваламъ, онъ всегда полагалъ, что ихъ расточаютъ только такъ, изъ вѣжливости, къ нему или къ прекрасной хозяйкѣ, — все равно, и потому всегда грустно улыбался, когда кто-нибудь намекалъ о напечатаніи его стиховъ. По странному противорѣчію, онъ, казалось, всегда былъ довольнѣе, если находили какое-нибудь изъ его стихотвореній слабымъ или не новымъ по мысли; тогда онъ соглашался безпрекословно и доказывалъ, что всѣ его произведенія слабы и не стоютъ извѣстностиости. Ему лучше хотѣлось сознаться, что онъ плохой поэтъ, чѣмъ сознаться въ своей робости; какъ всѣ нерѣшительныя и слабыя натуры, онъ жертвовалъ своимъ талантомъ, для поддержанія мнимой силы своего характера и безпристрастія къ самому себѣ.

Но все это не мѣшало ему быть очень довольну своимъ настоящимъ положеніемъ. Онъ, если только не хандрилъ, бывалъ часто душей вечернихъ собраній у Разгородкиной, и заставлялъ хохотать или своею поддѣльною наивностью, или мѣткими остротами, не большой кружокъ людей, тамъ собиравшихся, съ которыми онъ сдружился совершенно. Софья Ильинишна, пока мы еще ближе не узнали ея, была дѣйствительно очень схожа съ портретомъ, который списалъ съ нея Осколкинъ; но нельзя не сознаться, что въ домѣ ея точно господствовалъ нѣкоторый родъ искренности и откровенности, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько это возможно, между пятью или шестью мужчинами и одной дамой. Не нарушая приличій, ни въ разговорахъ, ни въ поступкахъ, собесѣдники, смѣясь, иногда высказывали другъ другу свои слабости и недостатки, позволяли себѣ нѣкоторыя веселыя шутки, безъ желчи, и на слѣдующій разъ пожимали себѣ дружески руки, какъ ни въ чемъ не бывало. Разумѣется, что при началѣ Бубновъ немного дичился; но когда онъ ознакомился лучше въ домѣ, то онъ не только не отставалъ, но даже превзошелъ всѣхъ своею развязностью, жестоко казнилъ ка-

кую-нибудь невинную слабость кого-нибудь изъ собесѣдниковъ, и разсказывалъ уморительные анекдоты про свою студенческую жизнь и свои путешествія по малороссійскимъ хуторамъ.

Не безъ того, бывали и довольно мрачныя минуты для него, которыя вызывали обыкновенные его возгласы и жалобы на свою несчастную звѣзду. Такъ напримѣръ, когда шалунья пансіонерка невзначай облила чернилами его новую соломенную шляпу, онъ былъ неутѣшенъ цѣлый день. Въ другой разъ мозоль отравила ему жизнь на цѣлыхъ два часа. Иной разъ не было силъ человѣческихъ выдержать отъ фагота, который такъ безпощадно ревѣлъ, что Бубнову казалось удивительнымъ, отчего это всѣ жильцы дома, и даже все населеніе квартала, не бѣжитъ топиться прямо въ море. Было даже одно страшное мгновенье, заставившее его дрожать довольно долго, когда однажды, въ отсутствіе Осколкина и Антонин, онъ одинъ шагалъ по комнатѣ, по обыкновенію опустивъ голову и не спуская глазъ съ носковъ своихъ сапоговъ, и мечталъ о разныхъ разностяхъ, въ томъ числѣ и о голубыхъ глазахъ Софьи Ильиничны. Онъ улетѣлъ на самый край міра фантазіи, когда, вдругъ его поразилъ пронзительно произнесенный возгласъ: «Старый — вещь!» Онъ затрепеталъ отъ этого крика и увидѣлъ передъ собой оборваннаго Еврея, покупщика и продавца старыхъ вещей, у котораго торчалъ за пазухой пистолетъ безъ замка, а къ поясу были привѣшены ножны отъ кинжала. Первою его мыслью было, что послѣдній часъ его насталъ, а второю — вытолкать въ шею воинственнаго разнощика, что онъ и исполнилъ; но, по слабости нервъ, онъ долго не могъ опомниться отъ испуга. Нельзя также было перенести равнодушно, когда подгулявшій дворникъ, однажды назвалъ его *маленькимъ бариномъ*. Но все это были пустяки, надъ которыми онъ самъ послѣ смѣялся и позволялъ другимъ смѣяться.

За то были у него минуты высокаго блаженства, когда онъ упивался музыкой въ итальянской оперѣ. Италія — это былъ его идеалъ; героини его пѣсень и балладъ были пламенныя Итальянки, которыхъ онъ до-сихъ-поръ никогда не видѣлъ, и о которыхъ составилъ себѣ понятіе изъ книгъ и собственнаго своего воображенія. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бъ случай бросилъ его прямо въ самый край этихъ пламенныхъ Итальянокъ, — существенность, въ образѣ бранчивой хозяйки трактира или неопрятной продавщицы фруктовъ, могла бы сильно подѣйствовать на его впечатлительную натуру, во вредъ *поэтическимъ дѣвамъ* Ита-

ліи. Но къ счастью для поэтическихъ дѣвъ, случай на этотъ разъ былъ за нихъ. Бубновъ съ перваго раза встрѣтился съ любимицами своей души именно въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ себѣ воображалъ. При освѣщеніи театра, въ блистательныхъ и живописныхъ костюмахъ предстали онѣ передъ нимъ, съ своими жгучими глазами и мелодическими напѣвами, въ роляхъ Люччіи, Дездемоны, Эльвиры, Лукреціи, Розины. Онъ замиралъ, слушая ихъ, и впивался глазами въ образы, давно мелькавшіе въ головѣ его неясными призраками. Напрасно Осколкинъ хохоталъ надъ его восторженностью, и увѣрялъ его, что Дездемона нюхаетъ дома табакъ, а поэтическая Люччія чуть не подралась однажды съ своимъ мужемъ за соусъ изъ цвѣтной капусты: Бубновъ ничего не хотѣлъ слышать. Онъ вѣрилъ, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ вѣрить, что эти существа чувствуютъ вполнѣ поэтическую сторону своего назначенія, и, убаюканный гармоническими звуками Россини, Верди, Доницетти, онъ забывалъ, что сидитъ въ театрѣ. Его прихотливая фантазія олицетворяла для него въ одномъ мотивѣ голубое небо, въ другомъ тихій ропотъ волны, въ третьемъ недосягаемыя вершины гордыхъ горъ, въ иномъ ужасающія пропасти, и онъ, съ каждой пьесой не только что уносился мысленно въ любимую имъ страну, но полагалъ, что дѣйствительно въ то мгновенье дышетъ воздухомъ этой страны, прекрасной, музыкальной, гдѣ «зрѣетъ апельсинъ» и гдѣ Петраркъ, такъ чудно пѣлъ для своей Лауры.

Къ чести для характера Бубнова должно сказать, что не одни собственныя свои эстетическія наслажденія занимали его: его занимало и другое обстоятельство, гораздо важнѣе и серьезнѣе, именно — образованіе Антоши. Осколкинъ какъ-то ему однажды со смѣхомъ разсказывалъ, какъ онъ въ расплохъ засталъ своего лакея, декламирующаго передъ зеркаломъ роль изъ какой-то валявшейся комедіи. Бубновъ серьезно задумался надъ этимъ, повидимому, пустымъ обстоятельствомъ, и предложилъ своему другу взять на испытаніе молодаго человѣка. Если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ наклонность къ сценическому искусству и талантъ, говорилъ онъ, то былъ бы грѣхъ непростительный не подать руку помощи бѣдному Антошѣ. Осколкинъ, по обыкновенію своему, долго смѣялся и пустился въ длинныя разсужденія о значеніи и относительности слова «талантъ», однакожъ согласился съ предложеніемъ своего друга. Они брали часто съ собой за кулисы Антошу, который дѣйствительно такъ пристрастился къ театру, что севершенно забросилъ свою скрипку и

во снѣ бредилъ длинными монологами. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду Бубновъ терпливо преподавалъ Антошѣ грамматику, заставлялъ его въ свободное время читать книги и журналы, пересказывать ему ихъ содержаніе, — и былъ совершенно доволенъ способностями и прилежаніемъ своего ученика; а въ промежуткахъ друзья заставляли его заучивать небольшую часть какой-нибудь роли и наизустъ прочитывать ее въ ихъ присутствіи. Осколкинъ хохоталъ и поправлялъ будущаго актера, повторяя часто: «браво, Антошка! таланта изъ тебя не будетъ, но все же лучше быть посредственнымъ актеромъ, чѣмъ зависѣть отъ протекціи тетки Варвары.» Или: «учись, дружище, учись: выйдешь въ люди. Спасибо не скажешь, я знаю, а выругаешь насъ когда нибудь на всѣ бока; а все-таки учись.» Забавно, вмѣстѣ съ тѣмъ и утѣшительно было видѣть какъ друзья наши, если у нихъ не случалось гостей или сами не уходили въ гости, въ долгіе зимніе вечера, развалившись въ креслахъ и покуривая свои папиросы, внимательно прослушивали уроки красиваго смуглаго Антоши, который, въ своей сѣрой курткѣ и полосатыхъ пантолонахъ, шаркалъ по полу и размахивалъ руками не хуже любаго *jeune-premier* какого-нибудь ярмарочнаго театра. Осколкинъ шутилъ и смѣялся, Бубновъ потиралъ руки отъ удовольствія, а Антоша, довольный своимъ выполненіемъ заданной роли, смиренно отправлялся въ переднюю чистить самоваръ, бормоча сквозь зубы: «Умереть — уснуть, а можетъ быть — грезить», или что-нибудь другое въ этомъ родѣ.

Такъ прошла для друзей нашихъ вся зима, безъ особенныхъ приключеній, которыя бы стоили подробнаго описанія.

V.

Весна! весна! Сколько поэзіи въ этомъ словѣ, особенно для насъ, жителей Одессы, избалованныхъ прекраснымъ климатомъ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ мы къ себѣ въ гости эту прекрасную дочь года, которая приноситъ съ собой благоуханія и цвѣты, которая одѣваетъ въ зеленую одежду нашу окрестность и пробуждаетъ нашу дѣятельность. Кратковременная зима надоѣдаетъ намъ своею китайскою вѣжливостью, потому что она обходится съ нами очень двусмысленно. То подаритъ она насъ тепломъ, и мы, забывая про Январь мѣсяцъ, щеголяемъ въ однихъ сюртукахъ по бульвару, и только тогда припоминаемъ о зимѣ, когда

примемся кашлять и чихать самымъ прозаическимъ образомъ, или когда прочитаемъ публикацію о дровахъ, гдѣ-то продающихся по весьма умѣренной цѣнѣ, (по 38 рублей серебромъ сажень). То вдругъ обрадуетъ она насъ снѣгомъ, ужаснымъ густымъ снѣгомъ, который величественно стелется по нашимъ широкимъ улицамъ и порождаетъ въ насъ надежды на катанье въ саняхъ, но который, однакожъ, исчезаетъ прежде, чѣмъ мы успѣваемъ запречь сани. Иногда, по старинной прихоти своей, она даритъ насъ смѣсью дождя и снѣгу въ равной пропорціи и въ одно время, которая, падая на землю и принявъ къ себѣ въ товарищи уличную грязь, превращается въ одинъ огромный горчишникъ или желтобурую кашу. Нѣтъ, это не зима, а карикатура. То ли дѣло весна! Давайте намъ весну. Она приноситъ къ намъ опять корабли и опять пыль; мы корабли нагрузимъ, а пыль проглотимъ на здоровье: безъ того и другаго мы жить не можемъ.

— А, наконецъ, потеплѣло, говорилъ нашъ старый знакомецъ Пэрецъ Тарарамъ, раскрывая единственное окно своей каморки. — Прекрасный вечеръ. Пойдемъ сегодня *работать*, Тилочка?

Тила, одѣтая въ полинялое ситцевое платье, подперши свои худенькія щеки обѣими руками, сидѣла за ветхимъ столомъ на трехъ съ половиною ножкахъ и, при нагорѣвшемъ огаркѣ, читала интересную *Бова-мансе*, или исторію о Бовѣ-королевичѣ, перевѣденную на разговорный Еврейскій языкъ.

— А? произнесла Тила въ задумчивости.

— Пойдемъ работать. Брось эту прекрасную Дружевну, — *пусть она себѣ идетъ въ Божію землю,* сказалъ Пэрецъ, закрывая книжку передъ дѣвушкой. — Надо же заработать что-нибудь. Зима была такая грязная, шагу нельзя было ступить; а ты все кашляла...

— Да, я все кашляла; и теперь еще бокъ болитъ, отвѣчала Тила.

Пэрецъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на дѣвочку, которая подросла немного и казалась еще сутуловатѣе. Лицо ея было чрезвычайно блѣдно и прозрачно, а глаза ярко блестѣли подъ широкими черными бровями; все это, въ соединеніи съ ея отросшими волосами, падавшими густыми кудрями на шею, придавали всей физіономіи дѣвочки выраженіе суровой и истомленной красоты, которая такъ привлекательна въ тридцати-лѣтней женщинѣ, но внушаетъ опасенія въ ранней молодости.

— Вотъ, поправимся, птичка моя, сказалъ Пэрецъ, поцѣловавъ Тилу въ щеку: — идетъ лѣто, будемъ на чистомъ воздухѣ... а тутъ вотъ и не мудрено заболѣть въ этой тѣсной норѣ.

— А ты, Пэрецъ, давно говорилъ, что мы переберемся съ этой квартиры, сказала Тила: — Ты мнѣ обѣщалъ; сдержи обѣщаніе... переберемся, прошу тебя.

— Я — пожалуй, отвѣчалъ Пэрецъ, сложивъ вмѣстѣ пальцы одной руки и дунувъ на нихъ: — гмъ, пожалуй, только *нѣтъ ногтей* (денегъ), а тутъ надо расплатиться....

Тила покачала головой и пристально посмотрѣла на шарманщика.

— Неправда, неправда, сказала она, живо. — Ты меня обманываешь: тебя здѣсь держитъ Марьяна.

Пэрецъ ударилъ себѣ кулакомъ въ спину и выпрямился.

— Марьяна? Тилочка, Богъ съ тобой! сказалъ онъ.

— Да, Марьяна, сказала Тила грустно. — Ты уже не прежній Пэрецъ, нѣтъ.

— Ты шутишь, дитя, что-ли?

— Нѣтъ, не шучу. Давно ли ты подарилъ Марьянѣ свое кольцо?

— Мѣдное кольцо, цѣною въ гривенникъ, сказалъ Пэрецъ, усмѣхнувшись.

— Да, въ гривенникъ; а за гривенникъ я ломаю свои кости полчаса, тихо замѣтила дѣвочка. — И всегда ты съ нею шутишь, и смѣешься, продолжала она: — на прошлой недѣлѣ ты ее ущипнулъ за руку, а она тебя дернула за усъ. Ты думаешь, я не видѣла? нѣтъ, Пэрецъ, я видѣла.

— Право, это глупости, душа моя. Ты знаешь — я шутникъ, люблю посмѣяться съ кѣмъ попало. Дѣла идутъ плохо, времена тяжелыя, такъ чтожъ? закопать себя въ землю. Эхъ, Тилочка, нашему брату если не потѣшиться, такъ повѣситься!... Ну, идемъ, что-ль сегодня работать?

— Идемъ, отвѣчала дѣвушка, вставъ и отправившись въ другой уголъ комнаты развязывать небольшой узелъ, въ которомъ хранился ея комедіантскій костюмъ.

— Да вотъ что, сказалъ Пэрецъ: — мы можетъ быть, засидимся гдѣ-нибудь поздно и воротимся домой когда ужъ ничего нельзя будетъ достать... а ужинать надо: мы сегодня почти не обѣдали.... Картофель отварной, хмъ... да маслины — отъ этого не пожирѣешь....

Онъ глубоко вздохнулъ и взялъ свою фуражку, висѣвшую на гвоздѣ.

— Такъ вотъ я пойду заблаговременно закупить что-нибудь на ужинъ, продолжалъ онъ: — хорошо, что четвертакъ случился... спасибо Хаиму стекольщику: и стекло вставилъ въ окно въ долгъ, и еще четвертакъ далъ взаймы... Такъ вотъ ты посиди, Тилочка, одѣнься, причешись, а я пока сбѣгу и куплю *качкавалу* *), да кусокъ вяленаго коропа, да еще кой-чего, прійдемъ съ работы — хорошенько поужинаемъ.... А *грекъ* **) у насъ, кажется, есть?...

— Есть, отвѣчала Тила, показавъ пальцемъ на небольшую полку въ углѣ, на которой, между разными принадлежностями скуднаго хозяйства, лежалъ большой бѣлый хлѣбъ.

— Ну, хорошо, посиди, я сейчасъ, сказалъ Пэрецъ, выходя изъ комнаты.

Тила задумчиво начала одѣваться въ свое старое шерстяное платьице поверхъ ситцеваго, чтобъ защитить себя отъ вечерней свѣжести; потомъ она принялась расчесывать и завивать свои черныя кудри, безпрестанно вертя головой то въ одну то въ другую сторону, передъ небольшимъ зеркальцемъ, разбитымъ не менѣе какъ въ четырехъ мѣстахъ, которое она съ большимъ трудомъ, съ помощію пустой бутылки и отставнаго утюга, умудрилась какъ-то поставить на столѣ передъ свѣчей.

Вдругъ кто-то, какъ вихорь, ворвался въ комнату. Тила, вздрогнувъ, подняла голову.

— Какъ ты меня перепугала, Марьяна! произнесла Тила дрожащимъ голосомъ.

Марьяна была дѣвушка лѣтъ пятнадцати, смуглая, полная, вертлявая и съ безконечно плутовскими черными глазками. Она была сестра хозяина, красильщика Хаскеля, у котораго шарманщикъ нанималъ квартиру.

— Ха, ха, ха! эка принцесса! вскричала Марьяна, взявшись руками за свою засаленную юбку и вертясь по комнатѣ какъ сумасшедшая. — Испугалась!.. ахъ, ты, *зеленый* ***) *тузъ*, чего тутъ пугаться?.. Тамъ-та тамъ-та ти-та тидль-ли!.. Что, хороша полька, ты Тилька скверная?

---

*) Молдавскій сыръ.

**) Такъ, для сокращенія, называются большія греческія булки.

***) Пиковую масть Евреи называютъ зеленою.

— Чего ты сюда пришла браниться? съ неудовольствіемъ сказала Тила.

— Я не пришла, отвѣчала Марьяна, зацѣпивъ ногой за маленькую кровать, на которой Тила обыкновенно спала, и чуть не опрокинувъ ея. — Ахъ, ты каторжная кровать, еще за ноги цѣпляется!..

И она бросилась въ другой уголъ каморки, ударила ногой по шарманки, стоявшей на полу, и начала перекидывать вверхъ дномъ все, что ни попадалось ей подъ руку.

— Хочешь и тебя поставлю вверхъ ногами, вскричала она, заливаясь смѣхомъ и подбѣжавъ къ Тилѣ. — Тебѣ это будетъ кстати: ты штукмахерша..

— Ну, зачѣмъ пришла ты сюда? спросила Тила почти сквозь слезы.

— Я не пришла, говорятъ тебѣ. Меня Пэрецъ послалъ. Иди, говоритъ, Марьясечка душечка, на минутку, посиди съ Тилой, чтобъ ей не было скучно.

— Такъ вотъ ты и пришла мнѣ досаждать?

— Досаждать? важное кушанье! что ты такое, чтобъ тебѣ досаждали? ты костлявая дѣвчонка и больше ничего.... и танцовать не умѣешь.... Вотъ, я, посмотри.

И Марьяна опять принялась вертѣться по комнатѣ, припѣвая себѣ какой-то танецъ и чуть переводя дыханіе, не забывъ однакожъ толкнуть ногой спавшую на полу возлѣ шарманки Берту, которая, испугавшись неожиданнаго толчка, съ быстротой молніи, вскочила на столъ и сѣла на карточки, безпрестанно мигая глазами и оглядываясь во всѣ стороны.

— Уфъ! уморилась! вскричала Марьяна: — голова закружилась.... Вотъ потанцуй-ка ты такъ, Тилька.... Нѣтъ, зась!

— Ужасно, какъ хорошо, пфа! — произнесла Тила, повязывая волосы черною бархаткой и презрительно качнувъ головой.

— Ты много знаешь!... Вотъ, показала я тебѣ, что танцовать ты не умѣешь.... Ну, и шить ты не умѣешь, а я умѣю; и кушанья готовить не умѣешь, а я умѣю; и по-русски говорить хорошо не умѣешь.... «Оци, оци, *цорныя оцы*».... дрянь ты этакая! а я умѣю, и по нашему, и по-русски, и по-французски знаю бандзуръ мамдузель, куманъ са ва тиль! тиль, тиль, Тилька горбатая, ха, ха, ха!

— Ну, тебѣ хорошо, когда ты такъ много знаешь, — сказала Тила съ неудовольствіемъ.

— Таки хорошо, — возразила Марьяна. — И пѣть ты не умѣешь, пищишь какъ крыса; а я, вотъ, послушай.

И Марьяна громко запѣла протяжнымъ голосомъ пѣсенку, которую передадимъ нашимъ читателямъ въ переводѣ.

«На высокой горѣ,
На зеленой травѣ,
Стоятъ два Нѣмца,
Съ длинными хлыстами.
Они статные мужчины, —
Носятъ короткое платье....
Батюшка, сударь-мой,
Сердцѣ во мнѣ радуется,
Какъ рыбка въ водѣ,
Какъ пирожокъ въ маслѣ....
А какой парень меня не любитъ,
Такъ пусть!...»

Тутъ она громко щолкнула языкомъ и пальцами и захохотала.

— Вотъ слышала? — сказала она: — а ну, запой-ка ты такъ. Нѣтъ, зась, *а маке....*

— *А-маке-диръ* *), Марьяска — цыганка! — отвѣчала Тила.

— А! такъ ты еще ругаешься, — сказала Марьяна: — постой же: я скажу Пэрецу, онъ тебѣ дастъ.

— Ужасно, важность! за тебя онъ мнѣ дастъ.

— За меня, разумѣется. Онъ за мою подметку двадцать Тилокъ такихъ какъ ты отдастъ. Вотъ, видишь....

Она слегка подняла ногу и начала стучать пальцемъ по подошвѣ своего изорваннаго башмака.

— Кто тебѣ это сказалъ? спросила Тила.

— Я тебѣ это говорю, отвѣчала Марьяна: — онъ въ меня влюбленъ по самыя уши.... а мнѣ нужды мало: эка важность, шарманщикъ рыжій! есть по чище его, — Данилекъ — фельдшеръ не то что онъ, да и то смотрѣть не хочу, тьфу!

— Цаца какая!

— А ты какъ думала?... А ужъ, если выйду за Пэреца, такъ выйду на зло тебѣ. Тогда первымъ дѣломъ моимъ будетъ — прогнать тебя *къ черному году*.

— Пошла прочь отсюда! — вдругъ вскричала Тила, схвативъ утюгъ со стола: — или я тебѣ вотъ этимъ голову разобью, ей Богу, разобью, чтобъ я съ мѣста не сошла если не разобью! хоть въ *Самбиръ* пойду, а разобью!... Пошла прочь!

*) Болячка тебѣ.

Марьяна въ испугѣ стремглавъ бросилась изъ комнаты.

Нѣсколько секундъ стояла Тила въ угрожающемъ положеніи, держа въ дрожащей рукѣ утюгъ. Глаза ея горѣли необыкновеннымъ огнемъ, губы слегка трепетали, какъ будто нашоптывая что-то; ея узкая впалая грудь высоко поднималась, а въ щекахъ на лицѣ появился чуть замѣтный румянецъ, замѣнившійся потомъ смертною блѣдностью. Наконецъ, она опомнилась; слезы двумя ручьями потекли по ея худощавому лицу; она бросила отъ себя утюгъ, взяла обезьяну на руки и, посадивъ ее на свою маленькую кроватку, начала вытаскивать изъ подъ изголовья знакомый намъ спенсеръ мамзель Берты, который порядочно поистаскался и изъ краснаго превратился въ бураковый.

— Сиди смирно, Берта, говорила Тила тихо, напяливая спенсеръ на обезьяну, которая вертѣлась на кровати какъ кубарь: — сиди же, постой, пойдемъ работать.... Ахъ, Марьяна гадкая! она хочетъ меня прогнать, когда выйдетъ замужъ за Пэреца.... Боже мой, что со мною будетъ!

Она съ отчаяніемъ начала ломать себѣ руки и, въ задумчивости, присѣла на постель, возлѣ растянувшейся Берты, которая не спускала глазъ съ дѣвочки, какъ-будто понимая что та ей говорила.

— Пэрецъ, Пэрецъ! начала опять Тила въ полголоса: — ты мнѣ другое обѣщалъ.... ты меня такъ ласково цѣловалъ всегда и говорилъ, что будешь мнѣ и отецъ и мать, и когда подросту, то будешь моимъ мужемъ; а теперь ты забылъ, что обѣщалъ... Я — *зеленый тузъ*, горбатая, говоритъ она, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ; а *онъ* говорилъ, похорошѣю, когда подросту; чтожъ онъ боится подождать? Чтожъ ему тамъ понравилось въ Марьянѣ: только что толстая, да щеки красныя, и больше ничего....

Она грустно опустила голову.

— Ахъ, Берта! продолжала всхлипывая дѣвочка, наклонившись надъ обезьяной и лаская обѣими руками ея мохнатую морду: — тебѣ хорошо: ты ничего не понимаешь; а мнѣ худо, очень худо; я понимаю, что Пэрецъ меня пересталъ любить.... а я его какъ люблю! больше люблю, чѣмъ любила матушку; я съ нимъ совсѣмъ забыла про отца; отецъ меня оставилъ. Богъ съ нимъ! а Пэрецъ до-сихъ-поръ не оставлялъ, училъ меня, трудился для меня: все обѣщалъ.... обѣщалъ какъ подросту.... а теперь ему ужъ нравится Марьяна.... Зачѣмъ мама не взяла меня къ себѣ въ землю! лучше было бы для меня. Пусть бы себѣ тогда Пэ-

рецъ любилъ кого угодно; а теперь не выдержу, съ ума сойду.... Промѣнять меня на эту замаранную Марьяську....

— Тебя промѣнять, Тила, на кого-нибудь! чтобъ мнѣ громъ убилъ на этомъ же мѣстѣ! — вскричалъ Пэрецъ, который нѣсколько секундъ стоялъ у раскрытой двери, съ провизіей въ рукахъ, и прислушивался къ жалобамъ Тилы. — Я тебѣ промѣняю! я!!

Онъ бросилъ на полъ узелокъ съ съѣстнымъ, который былъ у него въ рукахъ и, схвативъ Тилу на руки, началъ съ горячностію цѣловать ее.

— Тебя промѣнять! говорилъ онъ, бѣгая съ своею ношей взадъ и впередъ по тѣсной каморкѣ: — дитя мое, радость моя! кто-жъ у меня въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ тебя?

Тила съ нѣжностью поглядѣла шарманщику въ глаза и крѣпко обняла его шею обѣими руками.

— Она говоритъ.... Марьяна, что прогонитъ меня, когда выйдетъ замужъ за тебя, отрывисто проговорило дѣвочка.

— Она выйдетъ за меня! прервалъ Пэрецъ: — хмъ! *въ среду послѣ холоднаго кугеля.* *) Она принимаетъ купую корову за вѣтряную мѣльницу.... Снилось ей, дурѣ замаранной!... Гмъ, завтра, душа моя, оставляемъ мы эту квартиру. Богъ съ ней!... Чтобъ тебя огорчали, мою бѣдную сиротку, — ни за что, ни за что!... Заложу мой овчинный тулупъ, а когда мало будетъ, такъ займу подъ вексель пять цѣлковыхъ и расплачусь тутъ, лишь бы убраться отсюда на другую квартиру.... Ну, хочешь, Тилочка, идти сегодня *поискать хлѣба,* или нѣтъ? продолжалъ онъ, поставивъ дѣвочку на ноги. — Если хочешь остаться дома — пожалуй: и я останусь....

— Нѣтъ, нѣтъ, идемъ, вскричала развеселившаяся Тила: — надо трудиться: деньги нужны.

Она надѣла черезъ плечо свой обручъ и, пока Пэрецъ улаживалъ у себя на спинѣ шарманку и тушилъ свѣчу, дѣвочка выпрыгнула за дверь и начала бить въ мѣдный треугольникъ, который купилъ для нея Пэрецъ въ послѣднее время, чтобъ придать болѣе разнообразія писклявой музыкѣ своей шарманкѣ.

— А вотъ, Тилочка, начинается опять тепло, сказалъ Пэрецъ, когда они выбрались изъ тѣснаго переулка, въ которомъ находилась ихъ квартира, и пошли по Коблевской улицѣ. — На-

---

*) Это выраженіе равносильно русскому: послѣ дождика въ четвергъ.

до постараться, можетъ, Богъ дастъ поправимъ свои обстоятельства.

— Будемъ стараться вмѣстѣ, отвѣчала Тила, весело подпрыгивая и поспѣшая за широкимъ шагомъ шарманщика. — Скажи, какъ надо стараться, — увидишь....

— О, я увѣренъ, что ты на все готова.

— Съ тобой на все.... лишь бы съ тобой....

— Гмъ! произнесъ Пэрецъ задумчиво: — еще это лѣто, а тамъ посмотримъ.... Ты уже старушка, дитя мое: тринадцать лѣтъ, шутка-ли! и подросла какъ.... даже ошибиться можно, — можно сказать, что тебѣ пятнадцать.... Уже ломаться не годится, и не здорово.... Посмотримъ, къ зимѣ отдамъ къ швеѣ учиться.

— Такъ я ужъ не буду больше ни пѣть, ни показывать штукъ? спросила Тила съ выраженіемъ несказаннаго удовольствія въ глазахъ, котораго, однакожъ, Пэрецу, въ вечерней темнотѣ, примѣтить нельзя было.

Онъ вздохнулъ.

— Чтожъ дѣлать? отвѣчалъ онъ, принявъ вопросъ дѣвочки въ превратномъ смыслѣ. — Я думалъ, что будешь пѣть хорошо.... ошибся: нѣтъ у тебя дарованія, такъ лучше вовсе бросить. А штуки показывать еще хорошо для маленькой дѣвочки, а ты уже становишься большою.

— Такъ ты меня отдашь къ швеѣ? спасибо, это мнѣ очень нравится.

— Ну, хорошо: я доволенъ, что тебѣ нравится. Да, Тила, поучишься мастерству, пополнѣешь какъ яблочко.... а тамъ, два-три года скоро пролетятъ....

Тила притаила дыханіе, чтобъ послушать что будетъ послѣ этихъ двухъ-трехъ лѣтъ, потому что ея будущность, ея замужство съ шарманщикомъ такъ глубоко врѣзалось во все существо ея, что этотъ предметъ сдѣлался единственною задачей ея жизни, и она объ немъ готова была говорить и слушать каждую минуту. Но шарманщикъ, завидѣвъ вдали толпу людей, весело толковавшихъ у фонаря, разсудилъ за благо заиграть какую-то штуку, имѣя очевидно — враждебные виды на гривенники своихъ ближнихъ. Однакожъ на этотъ разъ никто не прельстился музыкой шарманки, ни даже звономъ треугольника, и наши артисты, молча, поплелись далѣе.

— Такъ что будетъ, рѣшилась спросить Тила, забѣгая впередъ шарманщика: — когда эти два-три года пролетятъ?

— Будетъ то, что Богъ дастъ, отвѣчалъ Пэрецъ рѣшительно: — а если будемъ живы и здоровы, то, по моему глупому уму-разуму, тебѣ въ то время быть Перчихой *)...

Тила улыбнулась и отъ сердечнаго удовольствія сильно ударила въ треугольникъ; а Пэрецъ опять заигралъ на шарманкѣ, въ смутномъ ожиданіи, на приглашеніе откуда бы ни было, и опять горько обманулся въ своей надеждѣ. Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный на тротуарѣ, по которому шелъ, и крѣпко схватилъ Тилу за руку.

— Смотри! произнесъ онъ шопотомъ, показывая пальцемъ на одно-этажный домикъ, стоявшій на противоположной сторонѣ улицы.

— Ну, смотрю, сказала Тила, нагнувшись и вглядываясь въ открытыя окна домика. — Ахъ, это тотъ господинъ, что въ прошлое лѣто съ нами пріѣхалъ изъ Капшуковъ.

Окна этого низенькаго чистенькаго домика были раскрыты. Внутри было свѣтло; звуки фортепьяно выходили на улицу; головы гостей попеременно мелькали у оконъ; между ними виднѣлась голова Бубнова, который безпрестанно бѣгалъ по комнатѣ и размахивалъ весело руками. Въ углубленіе видна была дама, которая сидѣла у фортепьяно и безпрестанно оборачивала голову назадъ, заговаривая то съ однимъ, то съ другимъ изъ своихъ гостей.

— Онъ, точно онъ, сказалъ шарманщикъ. — Шутка ли! почти годъ какъ нигдѣ не повстрѣчался. Вишь ты куда онъ забрался.... Должно быть, ему очень весело: смотри, какъ онъ бѣгаетъ по комнатамъ.

— Эй, шарманка! вдругъ раздалось изъ-за угла: — ступай, зовутъ. У насъ въ погребѣ матросы гуляютъ.... славные ребята: деньги ни-почемъ.

— Ладно, иду, отвѣчалъ Пэрецъ, съ одной стороны довольный, что его приглашаютъ въ погребъ, а съ другой сожалѣя, что случай, такъ нечаянно показавъ ему Бубнова, отнимаетъ у него возможность, видѣться съ старымъ знакомымъ и узнать у него объ его квартирѣ.

Въ это время Бубнову очень весело было у Софьи Ильиничны, у которой онъ проводилъ вечеръ вмѣстѣ съ другими обычными ея гостями. Квартира ея была въ одной изъ самыхъ спо-

*) Въ нисшемъ классѣ у Евреевъ жены называются чаще по собственнымъ именамъ своихъ мужей, чѣмъ по ихъ фамиліямъ.

койныхъ улицъ въ городѣ и заключалась въ нѣсколькихъ комнатахъ, небольшихъ, но свѣтлыхъ, чистыхъ и изящно меблированныхъ. Разгородкина, не смотря на свои высшіе взгляды, была, впрочемъ, женщина практическая и знала, что комфортъ и экономія — главныя условія въ жизни каждаго образованнаго человѣка. Она проживала свои доходы, отъ великороссійской деревни весело и бережливо, не позволяя себѣ лишнихъ прихотей и не отказывая себѣ въ томъ, что могло ей принесть удовольствіе. Горничная и лакей, привезенные изъ имѣнія, были достаточны для ея услугъ; въ лошадяхъ и экипажахъ она не видѣла надобности, зная, что во всякое время найдетъ на Дерибасовской улицѣ какую угодно карету, если только надобность окажется. Чтобъ избавить себя отъ лишнихъ хлопотъ, она не держала своей кухни, а имѣла столъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ города, куда она въ хорошую погоду отправлялась пѣшкомъ съ своей маленькой Любенькой, очень довольная тѣмъ, что имѣла случай обѣдать въ публичномъ заведеніи и выказать свою безпримѣрную неустрашимость въ сообществѣ незнакомыхъ мужчинъ; въ дурную погоду ей носили кушанье на домъ. По временамъ она ходила въ оперу, но очень рѣдко и то не столько для слушанія музыки, сколько для удовольствія посидѣть въ креслѣ, опять по причинѣ той же безпримѣрной неустрашимости. Иногда подъ вечерокъ ей приходила охота, переодѣться въ мужское платье, и, съ сигарой въ зубахъ, объ руку съ кѣмъ нибудь изъ своихъ приближенныхъ друзей, щеголять по бульвару, желая, *въ своемъ искреннемъ презрѣніи къ обществу* (это ея слова), чтобъ кто-нибудь ее узналъ и, пожалуй, злословилъ сколько душѣ угодно. Кто зналъ Софью Ильиншну близко, тотъ не могъ не удивляться, отчего это такое прекрасное созданіе, принадлежа къ лучшей половинѣ человѣческой породы, усиливается усвоить себѣ привычки грубѣйшей половины. Для какой цѣли? Не лучше ли оставаться прекрасною милою женщиной, со всѣми слабостями и недостатками, сродными ея полу, чѣмъ быть драгуномъ или профессоромъ въ юбкѣ? Всякій, умѣющій смотрѣть въ оба, видитъ въ этой маскѣ или жалкую месть тому обществу, въ которое попасть нельзя, или новый видъ тщеславія, желающаго выдти изъ общаго уровня и отличиться чѣмъ-нибудь отъ толпы, лишь бы заставить замѣтить себя! И кто изъ умныхъ людей, не страдающихъ близорукостью, не знаетъ, что подъ этой броней, тонкой и ненадежной какъ паутина, все-таки бьется женское сердце, которое ежеминутно измѣняетъ себѣ! Я

бы ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ быть исключительною женщиною съ высшими взглядами и мужскими замашками, и не совѣтовалъ бы моимъ дочерямъ быть такими. Стоитъ ли минутное торжество, чтобъ изъ-за него маскироваться и безпрестанно принуждать себя! Природа беретъ свое, камней предкновенія на пути много; — стоитъ только разъ поскользнуться, и тогда, наградой за все долговременное лицемѣріе, будетъ улыбка презрѣнія общества и потеря собственнаго уваженія. Ахъ, прекрасное существо! не завидуй мгновенной извѣстности урода! Лучше оставаться статнымъ и неизвѣстнымъ свѣту парикмахеромъ, какъ мой знакомецъ monsieur Palette, чѣмъ быть генераломъ Томъ-Пуссомъ, и видѣть себя публикованнымъ во всѣхъ газетахъ земнаго шара.

Нельзя сказать, чтобъ приближенные къ Софьѣ Ильинишнѣ не понимали ея. Они видѣли, что подъ этою удалью, кроется женщина со всѣми ея слабостями. Были пытливые глаза, замѣтившіе и заботливость, съ какою она затягивала корсетъ на себѣ, и другія страшныя усилія, которыя она употребляла для возвышенія своей красоты, и даже нетерпѣніе, съ какимъ она слушала похвалы какой-нибудь городской львицѣ. Все это было замѣчено. Но поэтому-то и находили ея сообщество пріятнымъ: этотъ новый родъ кокетства задѣлъ молодыхъ людей за живое. Еслибъ она дѣйствительно была тѣмъ, чѣмъ хотѣла казаться, т. е. женщиною безъ женскихъ недостатковъ, то друзья разбѣжались бы отъ нея во всѣ стороны, втеченіе одного мѣсяца: дознано опытомъ, что молодые мужчины не любятъ феноменовъ въ этомъ родѣ; но такъ какъ они не вѣрили ни въ ея стоицизмъ, ни въ ея равнодушіе къ мірскимъ благамъ, ни въ ея разглагольствованія, клонившіяся къ воцаренію золотаго вѣка на землѣ; то и не могли они упустить изъ вида, что она хорошенькая вдовушка, съ порядочнымъ состояніемъ, которая, кромѣ этого, принимаетъ радушно своихъ гостей, и иногда ихъ угощаетъ ужиномъ, приправленнымъ не только веселою и безцеремонною бесѣдой, но даже шампанскимъ. Однимъ словомъ: Софья Ильинишна умѣла заинтересовать собой, и хотя, по ея словамъ, ни одинъ мужчина не долженъ былъ отъ нея ожидать ни малѣйшей склонности, кромѣ дружбы, однакожъ молодежѣ все какъ-то не вѣрилось, чтобъ это была правда. Каждый полагалъ, что ея часъ когда-нибудь пробьетъ, и, по свойственному всякому человѣку самолюбію, считалъ себя одного способнымъ вдохнуть пламень страсти, въ эту интересную статую. Я даже не

ошибусь, если скажу, что нѣкоторые изъ нихъ думали такъ, или почти такъ: «Ужъ если она въ меня не влюбится, такъ я просто не знаю, что́ такое у ней въ груди—сердце или турецкая губка.» Особенно одинъ курчавый и круглолицый кандитатъ правъ, онъ же экзекуторъ какой-то канцеляріи, по этой статьѣ остается у меня въ сильномъ подозрѣніи....

Отчего это у меня всегда рука трясется, когда я берусь описывать красоту? Оттого ли, что я скуплюсь подѣлиться съ кѣмъ нибудь, такимъ изящнымъ предметомъ, желая удержать его за собой и дрожа надъ каждой чертой, какъ скряга надъ каждымъ червонцемъ; или оттого, что красоту вообще трудно описывать? Полагаю, что послѣднее вѣрнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ опишете вы эти лоснящіеся каштановые волосы, поднятые кругомъ головы вверхъ, заплетенные въ прихотливую корзинку, и слитые въ одну бархатную массу? Какъ опишите вы тонкій ароматъ, которымъ они пропитаны, и этихъ крошечныхъ курчавыхъ бѣглецовъ, которые отстали отъ всей семьи и предпочли лучше остаться на лилейной шейкѣ, чѣмъ забраться вверхъ? Неужели вы передадите бумагѣ огонь голубыхъ глазъ, сверкающихъ изъ-подъ длинныхъ шелковыхъ рѣсницъ, огонь, за который не ручается ни одно страховое общество? Гдѣ найдете вы такіе кораллы и розы (два общепринятыя сравненія), чтобъ уподобить имъ пару губокъ, полныхъ и немного отдувшихся, съ которыхъ вѣетъ нѣгой и жизнію, которыя не говоря говорятъ, которыя, кажется, то повелѣваютъ, то просятъ, смотря по тому съ какою настроенностью вы станете любоваться на нихъ? Какъ изобразите вы причудливую форму правильнаго носика, или овалъ бѣлаго прозрачнаго подбородка и рѣзкою черточкой, раздѣленную съ нимъ такую же прозрачную возвышенность, которая, спускаясь къ шеѣ, придаетъ благородную законченность всей головѣ. Какъ передадите вы симметрію плечь, изящество рукъ и ногтей, гордость высокой груди, обворожительность таліи, лукавство узкихъ ножекъ?... Нѣтъ, воля ваша, а по моему мнѣнію, сто тысячъ описаній не стоютъ одной живой красавицы, и по этому я не хочу ничего описывать и, на самомъ интересномъ мѣстѣ, бросаю изъ рукъ перо, какъ нѣкогда бросилъ его безсмертный авторъ англійскаго милорда Георга... О, гдѣ вы, счастливые дни моей жизни, когда я въ первый разъ читалъ дивныя похожденія этого милорда и остолбенѣлъ отъ ужаса, именно на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ творецъ его «бросаетъ перо»? Мнѣ казалось тогда, что я вижу его передъ собой, этого творца, какъ

онъ, въ сильномъ негодованіи, величественно скрестивъ руки на груди и закинувъ свою голову назадъ, стоитъ, полный глубокихъ думъ, а у ногъ его валяется брошенное перо, униженное, изгнанное изъ талантливыхъ рукъ его. Воображалъ ли я тогда, что со временемъ мнѣ прійдется самому быть въ такомъ же положеніи! Нѣтъ, не воображалъ, смѣю васъ увѣрить.

Однако, если все то, что я сказалъ выше, похоже на какое нибудь описаніе, то это описаніе нѣсколько похоже на самую Софью Ильинишну.

Она небрежно колотила пальцами по клавишамъ, мало заботясь объ ушахъ своихъ гостей, изъ которыхъ одинъ, сидя на диванѣ, задумчиво перелистывалъ книгу, лежавшую на столѣ передъ нимъ, а остальные расхаживали по комнатѣ, громко разговаривая между собой.

— Такъ онъ ни за что не хочетъ напечатать, говорите вы, Jean? спросила Софья Ильинишна, обернувшись къ разговаривающимъ и не переставая терзать ройяль одной рукой.

Молодой мужчина съ черными бакенбардами и усами, котораго она назвала Жаномъ, пожалъ плечами.

— Развѣ вы его не знаете? отвѣчалъ онъ. — Ужъ когда забилъ себѣ въ голову одно, то трудно его вразумить.

Софья Ильинишна вскочила съ табурета.

— Послушайте, Осколкинъ, неужели вы не имѣете надъ нимъ никакой власти? спросила она.

— О, музы и Аполлонъ, и вся олимпійская сволочь! возразилъ Осколкинъ, ставъ среди комнаты и съ притворною торжественностью поднявъ одну руку вверхъ.—Откуда-жъ ко мнѣ взялась власть, Софья Ильинишна?...

— Какъ вамъ не стыдно, Бубновъ! сказала она. — Всѣ вамъ говорятъ, чтобъ вы напечатали, а вы....

— Да, вамъ хорошо совѣтовать, отвѣчалъ Бубновъ брюзгливо: — а когда меня осмѣютъ и разругаютъ, вы будете въ сторонѣ.

— Это отчасти справедливо, отвѣчалъ сидѣвшій на диванѣ, задумчивый гость, прозванный въ шутку Дельѳійскимъ оракуломъ, по причинѣ мистическаго образа выраженія, который онъ иногда употреблялъ.

— Ну, садитесь, господа, кругомъ, всѣ вмѣстѣ, сказала Софья Ильинишна: — будемъ разсуждать хладнокровно. Отчего эта безалаберная голова не хочетъ отдать въ печать своихъ стихотвореній, когда всѣ ему говорятъ, что они хороши?

Всѣ придвинули стулья къ круглому столу, за которымъ сидѣлъ «оракулъ», и который былъ заваленъ книгами, сигарами, папиросами и эстампами. Даже маленькая Любаша, миніатюрная копія своей матери, придвинула свое высокое кресло и очень серьезно принялась слушать, сложивъ на груди маленькія полуобнаженныя ручки.

— Отчего? повторила хозяйка.

— Отвѣтъ въ вашемъ вопросѣ, отвѣчалъ, улыбаясь, оракулъ, который по-просту назывался мсье Курцъ.

— Васъ безъ ключа не поймешь, Курцъ, какъ таинства Эккартсгаузена, возразила Разгородкина: — скажите яснѣе.

— Я же и есть ключъ къ этимъ таинствамъ, отвѣчалъ Осколкинъ. — Вы спросили: отчего *эта безалаберная голова* не хочетъ печатать и прочая; а Курцъ говоритъ, что въ вашемъ вопросѣ и заключается отвѣтъ, т. е. оттого, что безалаберная голова, потому-то и не хочетъ. Такъ ли, оракулъ?

Курцъ утвердительно кивнулъ головой.

— И слышать ничего не хочу, сказалъ съ рѣшительнымъ видомъ Бубновъ: — можете себѣ говорить что̀ хотите, а я остаюсь при своемъ мнѣніи, что въ наше время гладкостью стиха и звучностью риѳмы не возьмешь: нужна капитальная поэзія въ самомъ содержаніи.

Разгородкина граціозно опрокинулась на спинку дивана.

— А ея развѣ нѣтъ у васъ? спросила она, бросивъ томный взглядъ на Бубнова. — Развѣ эта прекрасная, нѣкогда великая страна, которую вы воспѣваете, не оживаетъ подъ вашимъ художественнымъ стихомъ?... Бубновъ, Бубновъ, ты поэтъ, я увѣряю тебя, всѣ увѣряютъ тебя, но ты упрямое дитя.

Съ нѣкотораго времени она стала говорить Бубнову «ты», позволяя себѣ эту интимность преимущественно тогда, когда хотѣла выказать свое сердечное къ нему участіе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бубновъ: — я никому изъ васъ не вѣрю.

— Для чего же пишете вы, когда не хотите печатать? спросилъ Жанъ.

— Теперь не хочу, а со временемъ...

— Когда женится и потолстѣетъ, замѣтилъ Курцъ.

— Ничуть, отвѣчалъ Бубновъ, улыбаясь.

— Когда же? спросила хозяйка.

— Когда разживусь.... Вотъ, какъ разживусь, соберу немного денегъ.... О, я теперь ужасный скряга: все собираю по частичкѣ, да въ банкъ кладу: пусть ростутъ проценты....

Бубновъ потеръ руки.

— Вотъ, тогда, продолжалъ онъ: — поѣду за-границу, въ Палестину; заверну подышать классическимъ воздухомъ Эллады, побываю въ моей очаровательной Италіи....

Софья Ильинишна сомнительно кивнула головой и громко свиснула, что заставило Любиньку сильно расхохотаться и нѣсколько разъ всплеснуть руками отъ удовольствія.

— Ахъ, мамаша, какая ты милашка когда свистишь и куришь папироску! вскричалъ ребенокъ.

— Любинька совершенно права, сказалъ Бубновъ, улыбаясь, взглянувъ на Софью Ильинишну.

— Оставьте эти вздоры, возразила она: — и скажите лучше, что̀ будетъ далѣе, когда вы воротитесь изъ-за границы.

— Тогда, совсѣмъ другое дѣло, отвѣчалъ Бубновъ. — Я прочту вновь все, что написалъ, повѣрю съ моими мѣстными впечатлѣніями, и, если найду, что въ поэзіи моихъ стиховъ есть сходство съ тѣмъ, что я видѣлъ и ощущалъ, — тогда, пожалуй.

— Ты умная голова, сказалъ Осколкинъ, вставъ и подошедъ къ Бубнову, котораго потрепалъ нѣсколько разъ по плечу. — Люблю: надо быть строгимъ къ себѣ.

— Знаете, и я начинаю съ этимъ соглашаться, сказалъ Курцъ: — въ дѣлѣ искусства судъ друзей подлежитъ апелляціи.

— Судъ непризванной толпы подлежитъ апелляціи, но не мнѣніе знатоковъ, сказала Разгородкина.

— Въ томъ-то и дѣло, Софья Ильинишна, что я все не знаю, кто это утвердилъ насъ въ званіи непогрѣшительныхъ знатоковъ? замѣтилъ Осколкинъ.

— Пойдите, пожалуйста, отвѣчала она: — кто утвердилъ... вотъ еще! Не всѣ же, подобно вамъ, любятъ вѣчно сомнѣваться. Я своихъ убѣжденій никому не выдамъ безъ упорной битвы.

— О, безъ сомнѣнія, сказалъ Осколкинъ, разсмѣявшись.

— Да, безъ сомнѣнія, отвѣчала Разгородкина, сурово поглядѣвъ на Осколкина и медленно кивнувъ нѣсколько разъ головой, съ видомъ непоколебимой самоувѣренности. — Не хочу хвастать, но въ искусствѣ, въ изящномъ, я нѣчто понимаю, и ужъ вѣрно болѣе васъ, бородатыхъ мудрецовъ. Скажите вы, Ваничка, вы сами художникъ.

Ваничка Красницкій, или Жанъ, архитекторъ съ замѣчательными способностями и съ чрезвычайно нѣжнымъ вкусомъ, въ

это время любовался рисунками въ «Univers pittoresque». При обращенiи къ нему хозяйки, онъ поднялъ голову.

— Да, отвѣчалъ онъ съ маленькимъ замѣшательствомъ, изобличавшимъ нѣкоторое недовѣрiе къ сужденiямъ прекрасной хвастуньи: — да; нельзя сказать... я не разъ убѣдился...

— На художественныхъ выставкахъ въ Петербургѣ, продолжала она, съ рѣдкою смѣлостью во взорѣ: — мое сужденiе опредѣляло достоинство картины, и, могу васъ увѣрить, messieurs, не одинъ художникъ трепеталъ этого сужденiя.

— Покажи имъ, мамашинька, тюльпанъ, что ты нарисовала вчера, вдругъ воскликнула Люба. — Ахъ, еслибъ вы видѣли!.. желтый, желтый... и большой... вотъ!

Она вытянула свои ручки впередъ, держа ихъ въ отдаленiи одну отъ другой, чтобъ опредѣлить приблизительно величину тюльпана. На умномъ лицѣ Осколкина чуть замѣтно промелькнула лукавая улыбка. Софья Ильинишна слегка покраснѣла.

— Люба, сказала мать строго: — сколько разъ я запрещала тебѣ вмѣшиваться въ разговоры старшихъ!

— Противорѣчiе! вскричалъ Осколкинъ. — Вы же сами говорили, что желаете дать вашей дочери совсѣмъ отличное отъ другихъ воспитанiе; что съ самаго нѣжнаго возраста вы хотите, чтобъ ребенокъ ни въ чемъ не стѣснялся, чтобы принужденiе и притворство не было ему знакомо даже по слуху.

— И не отступаюсь отъ этого, отвѣчала Разгородкина. — Только не хочу, чтобъ она разсуждала о томъ, что̀ я дѣлаю...... Могутъ подумать, что я ее учу трубить всѣмъ въ уши о моихъ достоинствахъ, — прибавила она съ замѣшательствомъ пятнадцатилѣтней невинности.

«Особенныхъ достоинствъ еще нѣтъ въ умѣньѣ нарисовать желтый тюльпанъ», подумалъ молчаливый Курцъ. Онъ собирался на эту тему сказать какую-то таинственную остроту, но Софья Ильинишна ему помѣшала.

— Гмъ! мы удалились отъ нашего предмета, начала она опять. — Повторяю: въ дѣлѣ искусства судъ толпы — обида, потому что толпа замѣчаетъ только рѣзкiя, рельефныя красоты, а тамъ гдѣ красота рѣзка и рельефна, тамъ она перестаетъ быть красотой. Она тогда только вѣрна природѣ, когда также проста, какъ природа... Нiагарскихъ водопадовъ на свѣтѣ не много: это вычурная шутка природы, величественная, слова нѣтъ, но уродливая шутка. Она имѣетъ свой смыслъ въ странѣ, которой первобытные обитатели были дикiе краснокожiе; но для

образованнаго, эстетическаго вкуса Европейца подобныя гиперболы не нужны. Человѣка съ неиспорченнымъ вкусомъ такіе виды могутъ поразить на мгновенье своею рѣдкостью, даже потрясти его нервную систему, но онъ не станетъ искать въ нихъ истинныхъ и успокоительныхъ красотъ природы, которыя найдетъ только въ простой группѣ деревьевъ, въ необозримомъ полѣ, покрытомъ колосьями, въ вечернемъ безоблачномъ небѣ, или тому подобныхъ, такъ сказать, *гармоническихъ* проявленіяхъ природы, незамѣтныхъ для непризваннаго взора, но дорогихъ для сердца полнаго вѣры въ красоту и совершенство....

Слушатели, не спускавшіе глазъ съ ораторши, при этомъ блистательномъ парадоксѣ ея, какъ-будто по единодушному согласію, всѣ переглянулись между собой.

— Оттого-то я и говорю, продолжала Софья Ильинишна, ободренная молчаніемъ своихъ гостей: — что ни въ поэзіи, ни въ музыкѣ, ни въ живописи, ни скульптурѣ, не можетъ быть то истинно прекрасно, что̀ увлекаетъ толпу: она инстинктомъ своимъ угадываетъ только то, что̀ выходитъ изъ круга обыкновеннаго, но истинная красота для нея недоступна. Одни только древніе Греки могли понимать красоту, такъ сказать, *массой* или толпой; но... то были другія времена, другія условія.

— Schöne Welt, wo bist du? Kehre wieder... произнесъ Ваничка Красницкій, поглаживая свои прекрасныя бакенбарды и устремивъ задумчивый взоръ въ зеркало, стоявшее противъ него и отражавшее его интересную фигуру.

— Нѣтъ, Ваничка, и тутъ я не согласна съ Шиллеромъ, возразила Софья Ильинишна, которая вѣчно любила противорѣчить другимъ. Эта охота къ спору была такъ сильно развита въ Софьѣ Ильинишнѣ, что даже и тогда, когда утомленные или убѣжденные ея слушатели начинали съ нею соглашаться, она, какъ говорится, заворачивала околицей назадъ и, изъ одной охоты противорѣчить, незамѣтно начинала оспаривать свое же собственное мнѣніе, не задолго передъ тѣмъ высказанное.

— Отчего же вы не согласны? спросилъ Ваничка. — Сами же вы тысячу разъ взывали къ прошлому съ энтузіазмомъ.

— Взывала, да; но вы не поняли въ какомъ смыслѣ. Я взывала къ прошлой простотѣ нравовъ, къ тому времени, когда дубовый вѣнокъ былъ наградой поэту, когда красота не нуждалась въ парикмахерахъ и валансьенскихъ кружевахъ. Я смотрю на это прошлое съ тѣмъ сладостнымъ ощущеніемъ, съ которымъ взрослый человѣкъ смотритъ на колыбель, въ которой его ка-

чали, хоть ни за что въ свѣтѣ не захочетъ онъ лечь въ нее вновь.... Да!.. Но мы опять уклонились... Я хочу доказать вамъ, господа, что если любовь къ искусству нынѣ не такъ сильно разлита въ массѣ, какъ нѣкогда, за то его понимаютъ и цѣнятъ достойнѣе чѣмъ нѣкогда. Число критиковъ ограничено — это правда; но это оттого, что произведенія искусства въ наше время цѣнить труднѣе. Чтобъ быть знатокомъ, мало одной наглядности, какъ для древняго Аѳинянина, почерпавшаго свое знаніе въ народныхъ игрищахъ, — а надобно имѣть основательное образованіе, особенный тактъ, который пріобрѣтается долгимъ изученіемъ.

— Ха, ха, ха! васъ безъ ключа тоже не поймешь, какъ Курца! вскричалъ Осколкинъ. — Искусство, по вашему, должно быть просто какъ природа, а чтобъ умѣть цѣнить его, мало говорите вы — всматриваться въ самую природу: надобно еще что-то такое. Нѣтъ, Софья Ильинишна, тутъ что-то не такъ.

Бубновъ сидѣлъ, сложивъ руки на груди и съ блуждающей улыбкой на лицѣ всматривался въ одушевленное лицо Разгородкиной. Онъ, понимавшій искусство и поклонявшійся ему въ безмолвіи, безъ пышныхъ разглагольствованій, рѣдко вдавался въ споры съ прекрасной хозяйкой.

— По моему мнѣнію, Софья Ильинишна, сказалъ онъ: — вы всегда должны оставаться побѣдительницей, потому что истинный почитатель красоты уничтожается передъ нею......

Она улыбнулась и, слегка вздохнувъ, вперила свой очаровательный томный взглядъ въ Бубнова.

— Ахъ, Алёша, вы никогда не дадите потолковать серьезно, сказала она.

Любинька испустила глубокій вздохъ вслѣдъ за своею маменькой и, съ умоляющимъ видомъ посмотрѣла на своего учителя.

— Такой возвышенный предметъ какъ искусство, не терпитъ шутокъ, продолжала Софья Ильинишна. — Особенно для васъ, поэта, оно должно быть дороже жизни. Тотъ родъ искусства, которому вы себя посвятили, не осязаемъ для рукъ и не доступенъ тѣлесному зрѣнію. Это самый возвышенный, самый благородный родъ: онъ говоритъ сердцу и волнуетъ душу. Вымыселъ, или, какъ говорятъ Англичане, Fiction, который заставляетъ обливаться слезами, или приводитъ въ священный восторгъ — что можетъ быть прекраснѣй этого?... Олицетворить абстрактную идею....

«Ну, пропала моя голова, когда дѣло дошло до абстракта», подумалъ Осколкинъ.

— Нельзя ли, вмѣсто абстракта, приказать подать водки, вскричалъ онъ, смѣясь и вскочивъ съ своего мѣста.

— И я того же мнѣнія, прибавилъ Бубновъ.

— И вы тоже, Бубновъ, фи! сказала Софья Ильинишна. — Мнѣ стыдно за васъ... Вы, жрецъ высокаго искусства....

— Ахъ, вскричалъ онъ, — не называйте меня жрецомъ!.. Терпѣть не могу.....

— Почему же? спросила Разгородкина.

— Это ему напоминаетъ жрецовъ Цибеллы, замѣтилъ Курцъ.

— Прикажете разъяснить, Софья Ильинишна? спросилъ Осколкинъ.

— Не трудитесь, отвѣчала она, улыбнувшись и погрозивъ пальцемъ на оракула.

— Тсъ! вдругъ вскричалъ Бубновъ, поднявъ руку и отвернувъ немного голову въ сторону, прислушиваясь къ чему-то, ему очень знакомому. — Тсъ!... Ахъ, такъ точно.....

Всѣ съ любопытствомъ устремили взоры на Бубнова, стоявшаго неподвижно, съ дѣтской, радостной улыбкой на лицѣ.

— Что тутъ за чудеса такія? сказала хозяйка: — шарманка, кажется, больше ничего....

Дѣйствительно, въ это время, шарманка нашего пріятеля, Пэреца, играла на противоположномъ тротуарѣ.

Заработавъ неожиданно цѣлковый у веселыхъ матросовъ, Пэрецъ вышелъ изъ погреба съ своею спутницей и пріятно изумился когда увидѣлъ, что окна маленькаго домика все еще раскрыты и что голова Бубнова все еще замѣтна между гостями. Онъ спросилъ у Тилы, какую пѣсню играли они въ Капшукахъ, когда первый разъ встрѣтились съ Бубновымъ; и когда дѣвочка припомнила ему, что это былъ «Красный сарафанъ», шарманщикъ заигралъ эту пѣсню, приказавъ дѣвочкѣ пѣть, безъ акомпанимента, однакожъ, треугольника. Если Бубновъ такой же добрый, какъ былъ прежде, думалъ Пэрецъ, то онъ непремѣнно узнаетъ своихъ старыхъ знакомцевъ по этой пѣснѣ. Шарманщикъ не ошибся.

— Что это, столбнякъ на тебя нашелъ, что-ли? спросилъ Осколкинъ Бубнова, не перемѣнявшаго своего положенія.

— Ахъ, это они, точно они!.. произнесъ Бубновъ тихо... Это ея голосъ, ея произношеніе....

Онъ схватилъ съ окна свою шляпу, и съ словами: «Извините, пожалуйста, я сейчасъ!» бросился стремглавъ изъ гостинной.

— Что съ нимъ такое сдѣлалось? воскликнула Софья Ильинишна, пустившись въ погоню за бѣглецомъ.

Она его догнала въ передней, когда онъ готовился выскочить на улицу, и схватила за полу сюртука.

— Куда вы, Алеша? что съ вами случилось? спросила она.

— Ахъ, это вы, Софья Ильинишна, сказалъ онъ, остановившись. — Пустите, я на минутку.

— Куда же, Бога ради?

Она взяла его руку въ свои обѣ руки. У Бубнова закипѣла въ жилахъ кровь, отъ прикосновенія къ этимъ мягкимъ, эластическимъ ручкамъ. Легкій трепетъ пробѣжалъ по всѣму его тѣлу.

— Послѣ скажу, пустите: опоздаю, отвѣчалъ онъ.

Она все продолжала его держать. Онъ поднялъ на нее глаза: она была такъ хороша въ эту минуту! Изъ гостинной доходилъ громкій говоръ собесѣдниковъ; въ передней тускло горѣла стѣнная лампа; въ полуоткрытую дверь вѣялъ слегка съ улицы весенній вѣтерокъ. «Была не была!» подумалъ Бубновъ и съ яростью влѣпилъ нѣсколько поцѣлуевъ въ теплую ручку Софьи Ильинишны. Это былъ поступокъ, на который ни одинъ изъ ея друзей не рѣшался до-сихъ-поръ; но вмѣсто того, чтобъ разсердиться, она безмолвно наклонила голову, желая поцѣловать Бубнова въ щеку. Онъ не далъ ей времени этого исполнить. Испугавшись самъ своей храбрости, онъ быстро рванулся и выбѣжалъ на улицу. Звуки шарманки и голосъ Тилы становились все слабѣе и слабѣе.

Въ сильномъ волненіи бѣжалъ Бубновъ по улицѣ, думая съ сладостнымъ трепетомъ, о своемъ послѣднемъ подвигѣ. Свѣжій воздухъ нѣсколько успокоилъ его, и онъ припомнилъ, что совсѣмъ не кстати вырвалъ свою руку изъ рукъ красавицы, когда она такъ нѣжно глядѣла на него. Онъ припомнилъ благовоніе, которымъ его обдало, когда она наклонила къ нему голову, и легкое движеніе ея губъ, оставшееся потеряннымъ въ воздухѣ, въ то самое мгновенье, когда имъ овладѣлъ испугъ. Онъ улыбнулся самодовольно: ему было такъ хорошо, такъ легко на душѣ.

— Стой, Пэрецъ-и-Хименесъ и прочая, стой! вскричалъ онъ, догнавъ наконецъ шарманщика и ударивъ его по спинѣ, въ то время, когда тотъ медленно и опустивъ голову шелъ по улицѣ, уже отчаявшись видѣть Бубнова. — Стой! лихая ты голова!

Пэрецъ и Тила испустили вмѣстѣ радостный крикъ.

— Ну, давай руку, малютка, вотъ такъ, продолжалъ Бубновъ, весело, пожимая руку Тилы. — Вотъ, видите, я васъ тотчасъ узналъ....

— Мы васъ прежде узнали, сударь, отвѣчалъ Пэрецъ, кланяясь и улыбаясь. — Мы видѣли васъ, вонъ, въ томъ домикѣ. Я нарочно и заигралъ и велѣлъ ей запѣть; коли, говорю, не перемѣнился, такъ тово, можетъ быть, и позоветъ. Оно и вышло такъ: вы, г-нъ Бубновъ, тотъ же добрый человѣкъ что и были. Дай Богъ вамъ здоровья!... Да только вы теперь совсѣмъ молодцомъ сдѣлались, прибавилъ онъ, любуясь на щегольской костюмъ Бубнова: — и пополнѣли, и выпрямились, и въ ростѣ, кажется, *поднялись,* ей-ей!

Бубновъ заложилъ руки за спину и слегка подскочилъ на своихъ каблукахъ.

— Мммда-а-а! произнесъ онъ протяжно. — Слава Богу, я доволенъ.... Какъ же это я съ вами ни разу здѣсь не встрѣтился, съ-тѣхъ-поръ какъ мы сюда пріѣхали?

— Далòко живòмъ, подхватила Тила.

— Далòко живòмъ, плутовка, повторилъ Бубновъ со смѣхомъ, передразнивая дѣвочку и погладивъ ее по головѣ. — Что-жъ такое, что далóко?

— Само собою, отвѣчалъ Пэрецъ: — должно быть, что далеко живемъ отъ васъ.. Да и по улицамъ мы ходимъ по такимъ, гдѣ вы рѣдко, вѣрно, бываете. А городъ большущій, народу тьма: и пять лѣтъ можно прожить не встрѣтившись.

— А ты, Берта, какъ? продолжалъ Бубновъ, взявъ лапу обезьяны, сидѣвшей на плечѣ шарманщика: — здраствуешь? ну, хорошо.... Какъ же твои обстоятельства, Пэрецъ, а?

— Какія у насъ обстоятельства, сударь! намъ вся цѣна — грошъ.

— Однако, дѣлишки твои? зарабатываешь?

— Плоховаты были пока. Вотъ она, все нездорова была... Сегодня только съ теплымъ вечеркомъ и цѣлковый показался... Вотъ, только-что заработалъ.

Онъ вынулъ изъ кармана своей куртки монету и показалъ ее Бубнову.

— Это вы мнѣ принесли счастье, продолжалъ шарманщикъ. — Не запомню того года, какъ за какой-нибудь часъ цѣлковый получалъ; а сегодня, только что мы васъ завидѣли въ томъ домикѣ.... *бацъ!* и цѣлковый прикатился.

«Вотъ штука! подумалъ Бубновъ: «я уже начинаю приносить счастье другимъ. Чего добраго, можетъ быть это и правда!»

— Гдѣ-жъ ты живешь, Пэрецъ? спросилъ онъ.

— Да, что сударь, отвѣчалъ Пэрецъ: — домà, въ которыхъ нашъ братъ живетъ, не имѣютъ названій.... Просто на непокрытой улицѣ, ха, ха, ха!.. Впрочемъ, завтра перебираюсь на другую квартиру, коли будетъ воля Божья.

— А что развѣ такое? спросилъ Бубновъ.

— Дѣло житейское: надо заплатить за нѣсколько мѣсяцевъ, а тутъ *уфисъ!..*

— А, *уфисъ,* подхватилъ Бубновъ, уже знакомый съ этимъ многозначущимъ словомъ: — то есть, *ништу-ди-кацъ.*

Тила захохотала.

— Вы угадали, отвѣчалъ шарманщикъ.

Бубновъ вынулъ изъ своего кошелька полуимперіалъ.

— Довольно будетъ? спросилъ онъ Пэреца.

— Что вы, Богъ съ вами! вотъ еще! вскричалъ тотъ.

— Даю взаймы, чудакъ ты.

— Подъ залогъ какихъ благополучій?

— Не дурачься, Пэрецъ.... Какіе мнѣ залоги нужны?

— Да нѣтъ, сударь! вѣдь я можетъ не въ состояніи буду скоро заплатить.

— Вздоръ, будешь; а если нѣтъ, то время терпитъ: могу подождать. Возьми же, или я разсержусь.

Пэрецъ принялъ полуимперіалъ и пріобщилъ его къ цѣлковому. Онъ не сказалъ никакой благодарности Бубнову, только слегка тронулъ козырекъ своего клеенчатаго картуза и остановился, прислонившись къ фонарному столбу. Эта неожиданная помощь, такъ благородно предложенная человѣкомъ, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, самъ былъ не слишкомъ богатъ, взволновала Пэреца и его питомицу: оба стояли какъ вкопанные, съ той только разницей, что дѣвочка, съ благоговѣйнымъ видомъ, уставила глаза на Бубнова, а Пэрецъ, напротивъ, опустилъ свои въ землю. При свѣтѣ фонаря можно было примѣтить крупную слезу, скатившуюся на рыжій усъ шарманщика.

— Ну, пусть Богъ васъ наградитъ! произнесъ онъ наконецъ, поднявъ глаза къ небу. — Добрыя души никогда не остаются безъ награды...

— Ладно, ладно, сказалъ Бубновъ. — Да вотъ что... Вѣдь я хочу васъ когда-нибудь видѣть... заходите иногда ко мнѣ. Какое у меня варенье отличное, Тила!

— И безъ варенья зайдемъ, отвѣчала Тила: — скажите куда...

Бубновъ назвалъ домъ, въ которомъ квартировалъ.

— Какъ не знать! вскричалъ Пэрецъ. — Кто здѣсь не знаетъ этого дома! Зайдемъ, непремѣнно зайдемъ.

— Да знаешь что̀, Пэрецъ, сказалъ Бубновъ, потирая руки: — вѣдь у меня ты найдешь стараго знакомаго.

— Кого?

— Антошку.... Антошку Васильева.

— Что̀ вы? Антошка у васъ живетъ?.. Антошка? Вотъ тотъ скрипачъ капшуковскій.

— Тотъ самый. Да онъ теперь ужъ не скрипачъ. Мы, съ пріятелемъ вмѣстѣ, сдѣлали изъ него актера. Будетъ актеръ, со временемъ.

— Актеръ! вскричалъ Пэрецъ, всплеснувъ руками. — Антоша актеръ! вы шутите, сударь.

— Ни капли. Мы его все еще учимъ: авось спасибо скажетъ. Разумѣется, *здѣсь* ему не быть на сценѣ, а такъ, знаешь, на какомъ-нибудь маленькомъ театрѣ... напримѣръ, въ Каменцѣ или Таганрогѣ, пробьется, непремѣнно пробьется. Онъ малый съ понятіемъ и... хорошъ собой. О, ты его не узнаешь: соколомъ смотритъ... А покамѣсть онъ намъ услуживаетъ.... Ну, прощайте! Смотри же, приходи.

— Будьте увѣрены, отвѣчалъ Пэрецъ, снявъ фуражку.

— Да что тутъ откладывать, сказалъ Бубновъ: — завтра же и приходите: будете штуки показывать. Смотри же, Пэрецъ-и-Мендоза, завтра вечеромъ..

— Непремѣнно, непремѣнно! кричалъ шарманщикъ остановившись и глядя вслѣдъ за уходившимъ Бубновымъ. — Ушелъ.... Ну, человѣкъ! пусть онъ будетъ счастливъ, куда не повернется!.. Аминь, Отецъ милосердый!

— Аминь, Отецъ милосердый! повторила Тила, поднявъ задумчивый взоръ къ небу, усѣянному яркими звѣздами.

VI.

На другой день вечеромъ Меерсонъ сидѣлъ у Осколкина и игралъ съ нимъ въ шахматы. Бубновъ суетился и бѣгалъ по комнатамъ; по частому потиранію рукъ, видно было, что онъ собирается быть очень веселымъ въ этотъ вечеръ.

— Смотри же, Антоша, ты ему дашь хорошій стаканъ пуншу, говорилъ Бубновъ, самъ отъискивая въ шкафѣ баночку съ ва-

реньемъ. — Надо его пріободрить: что-то онъ, кажется, упалъ духомъ, бѣдняга.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Антоша, который хотѣлъ предстать передъ ожидаемыми гостями въ блистательномъ видѣ, и потому одѣлся въ свой коротенькой сюртучекъ изъ легкой фланели съ большими черными и голубыми квадратами.

— А гдѣ это мой бронзовый подсвѣчникъ, что я сегодня купилъ?.. Куда ты его запряталъ?.. Ахъ, нѣтъ, вотъ онъ! это я самъ запхнулъ его подъ подушку.... Да какъ они оба удивились, Антоша, еслибъ ты зналъ, когда я имъ сказалъ, что ты живешь съ нами.

— Не бойсь, не забыли, сказалъ Антоша, съ веселой улыбкой.

— Куда тебѣ забыли!.. Скрипачъ, говоритъ, Антоша... скрипачъ, ха, ха, ха!

— Поглядите-ка какъ нашъ Бубновъ веселъ сегодня, сказалъ Осколкинъ Меерсону, оборотивъ голову назадъ и глядя въ ту комнату гдѣ хлопоталъ его другъ. — Добрѣйшая душа! Радуется какъ дитя, что какой-то шарманщикъ съ дѣвочкой прійдутъ сегодня штуки показывать.

— Кажется, его знакомые? произнесъ Меерсонъ медленно, не сводя глазъ съ шахматной доски и обдумывая какой-то ходъ.

— Да; изъ Малороссіи пріѣхалъ съ ними вмѣстѣ.... Онъ не забываетъ никогда тѣхъ, которые ему показывали малѣйшую привязанность.

— Счастливецъ! произнесъ Меерсонъ со вздохомъ.

— Особенно къ бѣднымъ онъ чувствуетъ особенную склонность, продолжалъ Осколкинъ. — Его добрая душа сочувствуетъ всякому бѣдному человѣку.

— Счастливецъ! повторилъ Меерсонъ.

— Кто счастливецъ? вскричалъ вдругъ Бубновъ, вбѣжавъ въ комнату гдѣ сидѣли играющіе и сѣвъ на диванъ возлѣ Меерсона. — Уфъ, уморился до нельзя!...... Ну, какъ ваша партія?... Да, бишь, кто это счастливецъ, сказали вы, мсьё Меерсонъ?

— Я счастливецъ, вотъ, видишь... отвѣчалъ Осколкинъ: — *шахъ* mein lieber Herr! и еще два хода — и вамъ капутъ... Ну, видишь теперь?.. Да и ты счастливецъ, Бубнишка.

— Я, Сеня? ха, ха, ха! почему это?

— Представьте себѣ! продолжалъ Осколкинъ, складывая шахматную доску и обращаясь къ Меерсону: — завоевалъ вдовушку, злодѣй.

Меерсонъ улыбнулся.

— Какъ? ту, что вы по ней съ ума сходили? спросилъ онъ.

— Вотъ еще глупости! прервалъ Бубновъ, покраснѣвъ.

— Оставь, братецъ, возразилъ Осколкинъ: — чего тутъ конфузиться?.. г-нъ Меерсонъ нашъ домашній.... Да, завоевалъ, счастливчикъ, ту самую вдовушку, мадамъ Разгородкинъ.

— Откуда-жъ ты это взялъ? спросилъ Бубновъ, глядя въ потолокъ и пристукивая слегка ногой по полу.

— Откуда взялъ! Что я слѣпъ, что-ли? Да она пропадаетъ за тобой, клянусь стиксомъ! Только и бредитъ, что твоими стихами; въ твоемъ отсутствіи скучаетъ и вѣчно завязываетъ разговоръ объ тебѣ. Ты сдѣлался ея *абстрактной идеей,* ха, ха, ха!

Бубновъ сдѣлалъ гримасу.

— Да и ты, злодѣй, не равнодушенъ къ ней, — о, меня не надуешь! продолжалъ Осколкинъ. — Ишь ты какъ выучился притворяться... А прежде былъ славный малый, откровенный. Заразилъ тебя здѣшній коммерческій воздухъ, Алёша.

— Чтожъ такое, въ часъ добрый, сказалъ Меерсонъ. — Любить женщину съ благороднымъ намѣреніемъ совсѣмъ не стыдно... Она свободна, имѣетъ состояніе; онъ тоже свободенъ...

— Въ его-то благородныхъ намѣреніяхъ я не сомнѣваюсь, прервалъ Осколкинъ: — но къ ней не имѣю большаго довѣрія.

— Какъ это? вскричалъ Бубновъ, вскочивъ съ дивана.

— Сиди, сиди, Алеша; *не ву горячѐ па.* Я не думаю говорить непочтительно о Софьѣ Ильинишнѣ: она женщина со многими достоинствами; но, по моему мнѣнію, она принадлежитъ къ тѣмъ, которыя любятъ... себя.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ? Какъ бы тебѣ растолковать!.. Ну, положимъ, онѣ любятъ такъ, какъ я люблю голландскую селедку...

— Темно, Сеня, какъ пучина морская, сказалъ Бубновъ со смѣхомъ.

— Нѣтъ, не темно; вотъ разъясню. Я, напримѣръ, люблю голландскую селедку и рѣшительно не стыжусь этого. Ну, коли люблю, такъ долженъ бы для нея сдѣлать футляръ, запрятать съ почтеніемъ, и, по временамъ, благоговѣйно вскрывать и любоваться въ созерцаніи любимаго мною предмета; или же какимъ-нибудь другимъ способомъ выразить мою любовь къ селедкѣ. Но я ничего подобнаго не дѣлаю, а *пожираю* ее отъ избытка любви... Увы! селедки нѣтъ, а я все говорю, что люблю се-

ледку... Ясно, что это я уже говорю про другую, которую, въ свою очередь, опять уничтожу.

— Какое же это имѣетъ примѣненіе къ Софьѣ Ильинишнѣ?

— Вотъ какое. Она тебѣ оказываетъ предпочтеніе, можетъ быть и любитъ теперь. Ты человѣкъ съ свѣжею душой, имѣешь несомнѣнный талантъ: можетъ быть и прославишься со временемъ... Чтожъ? Это все очень лестно для женщины. Но Софья Ильинишна женщина, которая ищетъ приключеній. Она болѣе всего боится скуки, или, какъ говоритъ она, *забвенія;* она ни за что не хочетъ быть забытой, и для того старается играть какую нибудь роль, въ какомъ бы то кругу ни было. Ея безпокойной натурѣ необходима постоянная пища. Пройдетъ время, перемѣнятся обстоятельства, или, просто — новый капризъ вытѣснитъ старый, и она будетъ думать о тебѣ также, какъ я объ уничтоженной мною селедкѣ.

Бубновъ наклонилъ голову и испустилъ глубокій вздохъ.

— То есть, продолжалъ Осколкинъ: — что она тебя *очень* любила въ свое время. Между тѣмъ, людямъ съ твоимъ характеромъ играть въ любовь довольно опасно. Имъ сходитъ съ рукъ разъ, сходитъ другой, а въ третій могутъ и сами сильно попасть въ капканы къ любви. Въ этомъ случаѣ они предаются ей всей душой и послѣ имъ съ нею разстаться трудно: она оставляетъ глубокіе слѣды на всю ихъ жизнь.

— Какъ далеко вы смотрите, сказалъ Меерсонъ улыбнувшись. — Это совсѣмъ не въ вашемъ, духѣ, мьсё Осколкинъ.

— Не далеко смотрю тамъ, гдѣ не нужно, возразилъ Осколкинъ, возвысивъ голосъ, что онъ обыкновенно дѣлалъ, когда старался убѣдить своего слушателя: — но тутъ предметъ слишкомъ близокъ моему сердцу. Люблю этого злодѣя! каюсь въ моей слабости.

Онъ ударилъ себя въ грудь.

— Благодарю, Сеня! сказалъ Бубновъ, подошедъ къ своему другу и обнявъ его одной рукой. — Ты мой благороднѣйшій другъ: многимъ обязанъ я тебѣ... Ну, а все-таки ты иногда несешь ужасную ахинею.

— Человѣкъ бо есмь, и еще актеръ въ добавокъ, отвѣчалъ Осколкинъ.

— То-то и есть, сказалъ Бубновъ: — оттого-то ты и потерялъ цѣлое разсужденіе даромъ.

— Какъ такъ? спросилъ Осколкинъ.

— Да такъ. Ты толковалъ о моей любви къ Софьѣ Иль-

нишнѣ и о ея взаимности, какъ о непреложномъ фактѣ, а это еще писано вилами по песку.

— Очень можетъ быть. Но на всякій случай спрячь мой совѣтъ: если не нынче, такъ завтра пригодится.

— Изволь, прячу... отвѣчалъ Бубновъ. — А что, Антоша, не видать? спросилъ онъ у нетерпѣливаго Антоши, который въ другой комнатѣ безпрестанно выглядывалъ въ форточку окна, желая въ темнотѣ вечерней узнать своихъ знакомыхъ Пэреца и Тилу.

— Не видать, Алексѣй Павловичъ, отвѣчалъ Антоша. — Да они, можетъ быть, не отъищутъ дома...

— Э, вздоръ, отъищутъ, отвѣчалъ Бубновъ: — я имъ хорошо растолковалъ... Ну-съ, вы не будете смѣяться надо мною, мсьё Меерсонъ?

Меерсонъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— То есть, ребячество, разумѣется, продолжалъ Бубновъ, немного заикаясь: — даже *mauvais genre...* зазывать къ себѣ въ домъ шарманку; но мнѣ ужасно нравится этотъ шарманщикъ и его спутница.

— Отчего же *mauvais genre?* сказалъ Меерсонъ: — вы люди молодые, холостые, можете позволить себѣ всякія невинныя шалости. Поживши долго въ Англіи, я привыкъ ко всякой эксцентричности, и вовсе не удивляюсь, если кто-нибудь, наскучивъ спектаклями и модными гуляньями, вздумаетъ иногда забраться въ копеечный балаганъ или на толкучій.

— А я право не отъ эксцентричности, отвѣчалъ Бубновъ: — а просто интересуюсь въ *нихъ.* Знаете, узналъ ихъ случайно на ярмаркѣ въ одномъ мѣстечкѣ, потомъ цѣлую дорогу съ ними ѣхалъ до Одессы... Вотъ, я нѣсколько разъ говорилъ Сенѣ, что очень жалѣю, отчего не встрѣчаюсь съ моими знакомцами. А тутъ, вдругъ вчера, совершенно неожиданно я, съ ними опять столкнулся. Не вытерпѣлъ: велѣлъ имъ сегодня прійдти.

— И прекрасно сдѣлалъ, подхватилъ Осколкинъ: — мы немного позабавимся.

— Много, знаете, грустнаго въ этомъ скитальчествѣ съ мѣста на мѣсто, продолжалъ Бубновъ: — съ тяжелою ношей на спинѣ и съ невѣрною цѣлью впереди. Кусокъ хлѣба, кусокъ хлѣба, больше ничего: вотъ чего ищетъ человѣкъ. А сколько трудится, чтобъ сыскать его!... Вотъ, господа, увидите моего Пэреца-и-Мендозу, — удивительный, говорю вамъ, человѣкъ, прямой, съ большимъ запасомъ здраваго разсудка; а ужъ иперболистъ, Боже

твоя воля! страшно подумать, ха, ха, ха!... Что̀, не видать, Антоша?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А эта бѣдная сиротка, которая плетется за нимъ повсюду, продолжалъ Бубновъ: — и вытаскиваетъ пятачки глазомъ изъ щели, и ломается... такая худенькая дѣвочка, но съ лицомъ очень интереснымъ, вотъ увидите.... Ахъ, какъ бы они уже скорѣе пришли!... Тила... Тила... Что это за имя такое, Тила, мсьё Меерсонъ?

— Тила сокращено отъ Тегила, отвѣчалъ Меерсонъ: — оно въ переводѣ значитъ «слава.»

— Вотъ какъ! сказалъ Бубновъ, потирая руки: — а я совсѣмъ не зналъ. Ну, хорошо, теперь буду знать.

— Идутъ, ей Богу! вскричалъ вдругъ Антоша, быстро отскочивъ отъ окна, въ которое безпрестанно заглядывалъ. — Позвольте, я выбѣгу и покажу имъ дорогу.

Черезъ минуту или двѣ шарманщикъ и Тила вошли въ комнаты, предшествуемые Антошей, который съ радостной улыбкой па лицѣ, трепалъ по плечу Тилу и пожималъ руку шарманщику. Пэрецъ почтительно остановился у двери, держа за руку свою спутницу, и не рѣшаясь идти далѣе. На плечѣ у него, по обыкновенію, сидѣла Берта, въ своемъ великолѣпномъ чепцѣ, бросая вокругъ себя безпокойные взоры.

— Сюда, сюда! кричалъ веселый Бубновъ изъ другой комнаты. — Вотъ, господа, рекомендую, мои знакомцы, съ которыми я сдѣлалъ нѣсколько сотъ верстъ; артисты...

— *Сосновые* артисты, прервалъ Пэрецъ, улыбнувшись. — Здравія желаемъ вашей милости! Извините, господа, я бы не смѣлъ зайдти, да г-нъ Бубновъ вчера приказалъ.

— Ничего, братецъ: очень рады, подхватилъ Осколкинъ. — А въ самомъ дѣлѣ хорошенькая дѣвочка, не правда ли, герръ Меерсонъ?...

— Кланяйся же, тихо сказалъ Пэрецъ дѣвочкѣ, слегка толкнувъ ее въ плечо.

Тила сдѣлала три реверанса, сперва Бубнову, потомъ Осколкину, потомъ Меерсону.

— Прикажете начать? спросилъ Пэрецъ, прилаживая себѣ къ боку шарманку.

— Начинай, отвѣчалъ Бубновъ, бросившись на диванъ, какъ будто приготовляясь видѣть не-вѣсть какія диковинки.

Если кто-нибудь изъ моихъ читателей найдетъ страннымъ

приглашеніе Бубнова къ себѣ шарманщика и уличной пѣвицы, то это рѣшительно не моя вина, а вина самого Бубнова. Ему хотѣлось непремѣнно видѣть ихъ у *себя въ домѣ*. Онъ помнилъ уроки чистописанія, при которыхъ присутствовалъ на пути отъ Капшуковъ до Одессы; помнилъ разсказы и разсужденія Пэреца, заставлявшіе его, Бубнова, часто улыбаться; помнилъ фамильярность свою съ этими двумя бѣдными скитальцами, и вниманіе и привязанность, которыя они ему оказывали, въ замѣнъ его ласкъ; отчего-жъ не пригласить ихъ одинъ разъ къ себѣ? Отчего же хоть на мигъ не осуществить для себя *прошлаго*, когда прошлое имѣло такое магическое значеніе для Бубнова, о чемъ мы уже имѣли случай говорить прежде? Но если читатель узнаетъ, что̀ именно составляло главную цѣль Бубнова въ этомъ приглашеніи, то перестанетъ находить его страннымъ. А цѣль эта была вотъ какая. Изъ вчерашняго свиданія съ шарманщикомъ, Бубновъ узналъ, что его обстоятельства довольно плохи. Мы видѣли помощь, которую предложилъ добрый молодой человѣкъ; но для его добраго сердца этого было мало. Онъ въ мигъ сообразилъ, что если пригласитъ къ себѣ шарманщика и пѣвицу и для этого скромнаго спектакля также пригласитъ богатаго Меерсона, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, уличнымъ артистамъ достанется такой кушъ, какого они и во снѣ не видали, и за который имъ приходилось бы скитаться по многимъ трактирамъ и погребамъ. Отчего-жъ не сдѣлать добраго дѣла, когда представляется случай? думалъ Бубновъ, и въ этомъ, конечно, всѣ будутъ съ нимъ согласны.

Не станемъ наскучать читателямъ описаніемъ представленія, которое мы уже видѣли на постояломъ дворѣ въ Капшукахъ. Сперва дѣйствовала Берта, потомъ Тила, потомъ исторія дошла до пятачка, котораго нѐкуда было воткнуть, по неотъисканію щели въ полу, отчего дѣло обошлось и безъ этой штуки; шарманка немилосердо скрипѣла; Пэрецъ оглушительно свисталъ; Бубновъ, съ величайшимъ вниманіемъ, смотрѣлъ во всѣ глаза; Осколкинъ улыбался и уничтожалъ папиросу за папиросой; Антоша, сложивъ руки на груди по-наполеоновски, съ видимымъ презрѣніемъ, взиралъ на эти балаганныя представленія и самодовольно измѣрялъ бездну, раздѣляющую ихъ отъ того благороднаго поприща, которому предполагалъ *онъ* себя посвятить. Одинъ только Меерсонъ, казалось, не обращалъ вниманія на все, вокругъ него происходившее. Онъ задумчиво смотрѣлъ впереди себя, или на полъ, или мгновенно взглядывалъ на шарман-

щика и Тилу и опять устремлялъ безсознательный взоръ впереди себя. Только когда шумъ утихъ, онъ очнулся, поднялъ голову и знакомъ подозвалъ къ себѣ Тилу, погладилъ ее по головѣ и, молча, всунулъ ей въ руку какую-то бумажку, которую досталъ изъ портфеля. Осколкинъ и Бубновъ тоже дали Тилѣ по цѣлковому. Пэрецъ, получая изъ рукъ дѣвочки собранныя деньги, не вѣрилъ своимъ глазамъ; у него сильно билось сердце, такъ нетерпѣливо хотѣлось ему узнать поскорѣе достоинство бумажки, данной этимъ плѣшивымъ и важнымъ господиномъ.

— А что, неправда ли, хорошо? сказалъ Бубновъ, потирая руки отъ удовольствія.

— Безподобно! отвѣчалъ Осколкинъ съ серьезнымъ видомъ.

По лицу Пэреца пробѣжала грустная улыбка.

— Да, безподобно, хмъ! сказалъ онъ. — Ужъ вамъ, я думаю, и не случалось никогда видѣть лучше этого.... Ничего, господа, мы не обижаемся: намъ не похвала въ головѣ, а хлѣбъ.

— Нѣтъ, право, мы совсѣмъ не насмѣхаемся, возразилъ Осколкинъ. — Чтожъ, нельзя сказать, все было исполнено не дурно.... Все хорошо въ своемъ родѣ, братецъ. По моему если разносчикъ ловко держитъ на головѣ лотокъ и, какъ слѣдуетъ, громко и жалобно кричитъ: «Семитаки! бубликъ!» то и это хорошо: всякъ долженъ исполнять свое ремесло добросовѣстно.

— Ну, спасибо вамъ, коли такъ думаете, сказалъ Пэрецъ, поклонившись.

— А ты давно въ этомъ ремеслѣ? спросилъ Осколкинъ, желая поразговориться съ Пэрецомъ, котораго расторопность Бубновъ неоднократно ему выхвалялъ.

— Давненько. Лѣтъ двадцать будетъ.

— Чтожъ, есть прибыль?

— Слава Богу! нужды большой не было; иногда хоть и задолжаешь, а все-таки какъ нибудь вывернешься... Спасибо, хоть *инструментъ* теперь собственный свой, а то долго ходилъ съ чужимъ и долженъ былъ отдавать половину заработка хозяину.

— А эта дѣвочка тебѣ родственница?

— Нѣтъ, сирота; взялъ ее въ Польшѣ, въ Лудмирѣ.

— Что это за Лудмиръ? спросилъ Осколкинъ. — Я въ Польшѣ бывалъ, а, кажется, такого города не слыхивалъ.

— Виноватъ! отвѣчалъ шарманщикъ: — Это Владиміръ-на-Волыни... мы называемъ Лудмиръ.

— Что съ вами, мьсс Меерсонъ? вскричалъ Бубновъ, увидѣвъ смертную блѣдность, покрывшую лицо старика, хотѣвшаго

подняться съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и опять упавшаго назадъ.

Осколкинъ въ одинъ скачокъ очутился возлѣ Меерсона и схватилъ его за руку.

— Что? что? что такое? вскричалъ онъ.

— Ахъ! произнесъ Меерсонъ, быстро поднявшись на ноги и съ сверкающими глазами глядя на шарманщика, который, держа Тилу за руку, уже готовился выйдти съ нею въ другую комнату, гдѣ ждалъ ихъ Антоша съ приготовленнымъ угощеніемъ.—Ахъ, такъ ли я слышалъ?... Гдѣ взялъ ты эту дѣвочку, говоришь ты.

— Въ Лудмирѣ, отвѣчалъ Пэрецъ.

Меерсонъ стоялъ среди комнаты блѣдный, разстроенный; грудь его сильно вздымалась, руки дрожали.

— Чья она? повторилъ онъ.

— Да вы не будете знать, отвѣчалъ шарманщикъ хладнокровно.

— Ради Бога, скажи! вскричалъ старикъ умоляющимъ голосомъ.

Бубновъ и Осколкинъ въ недоумѣніи поглядывали другъ на друга.

— Ну, пожалуй, скажу, если непремѣнно хотите, отвѣчалъ шарманщикъ. — Отца ея я не зналъ: гдѣ-то далеко запропастился; а мать недавно умерла, будетъ года три.... Она

— Это дочь Чарны? воскликнулъ Меерсонъ, не давъ шарманщику договорить и схвативъ себя за голову.

— А вы почему угадали? спросилъ удивленный Пэрецъ.

— Это дочь Чарны? повторилъ старикъ.

— Точно такъ, дочь Чарны.

— Боже мой! Боже мой! вскричалъ Меерсонъ, закрывъ на мгновенье глаза руками: — это мое дитя!...

— *Ваше* дитя! вскричали въ одинъ голосъ Бубновъ, Осколкинъ и шарманщикъ.

Меерсонъ въ одинъ мигъ очутился возлѣ оторопѣвшей дѣвочки, которая, поблѣднѣвъ какъ смерть и трепеща всѣмъ тѣломъ, плотно прижалась къ стѣнѣ. Онъ нагнулся къ ней, сорвалъ съ нея обручъ, съ силой швырнулъ его отъ себя, и покрывая все лицо ея горячими поцѣлуями, опустился на колѣни.

— Мое, мое дитя, моя дочь! повторялъ онъ. — Мое сокровище, которое я отъискивалъ, безъ котораго мнѣ жизнь была въ тягость!

Тила плакала на-взрыдъ, лежа на груди отца и крѣпко обнявъ его шею обѣими руками. Пэрецъ стоялъ какъ оглушенный громомъ, прислонившись къ двери, и пристально смотрѣлъ на Меерсона, который, ставъ на ноги, попеременно хохоталъ и ломалъ себѣ руки, то садясь, то опять быстро вскакивая и бѣгая по комнатѣ, повидимому потерявъ отъ радости всякое сознаніе. Шарманщикъ нѣсколько разъ принимался заговорить, но не могъ; его что-то давило въ горлѣ и заставляло безпрестанно откашливаться, какъ будто слова задерживались на полдорогѣ и никакъ не могли вырваться наружу. Въ углубленіи, на маленькой козеткѣ, молча, сидѣли Осколкинъ и Бубновъ, взволнованные предъидущею сценой, и совершенно не постигая, какимъ образомъ Меерсонъ оказался отцомъ этой нищей дѣвочки. Первый изъ нихъ, закинувъ голову и устремивъ глаза въ потолокъ, слегка стучалъ себя въ зубы своими серебряными сигарочными щипчиками; а другой, въ полу-наклоненномъ положеніи, укрѣпивъ оба локтя на своихъ колѣняхъ и подперши щеки ладонями, не спускалъ глазъ съ обезьяны, кувыркавшейся около ногъ шарманщика.

Наконецъ, волненіе Меерсона нѣсколько поутихло. Онъ сѣлъ на диванъ и, посадивъ къ себѣ на колѣни Тилу, обѣими руками началъ гладить ей волосы и лобъ, глядя ей въ глаза съ выраженіемъ безконечной любви и радости.

— Чтожъ ты молчишь, дитя мое? сказалъ онъ ей по-нѣмецки. — Скажи мнѣ слово, называй меня батюшкой....

— Батюшка! проговорила Тила, всхлыпывая: — гдѣ вы были до-сихъ-поръ?... Какъ долго я васъ ждала!... И ма̀ма тоже долго ждала: она въ землю ушла не дождавшись.

— Миръ съ нею, съ твоею бѣдной мамой, отвѣчалъ Меерсонъ съ глубокимъ вздохомъ. — Я много виноватъ передъ нею!

— Еслибъ вы были при томъ, когда она умирала, батюшка, вы бы крѣпко плакали, крѣпко, крѣпко, такъ какъ я.... А можетъ быть она совсѣмъ бы не умерла, еслибъ вы были.

— Да проститъ меня Богъ милосердый! произнесъ Меерсонъ, поднявъ глаза къ верху.

— Она все повторяла: «Фрòимъ, Фрòимъ, еслибъ ты зналъ до чего ты меня довелъ!» продолжала дѣвочка. — Это она все къ вамъ говорила, а вы были далеко.... очень далеко, говоритъ Пэрецъ, по ту сторону моря.... Ма̀ма все васъ звала къ себѣ: «Приходи, приходи, Фроимъ!» и съ этими словами закрыла глаза.

— Она проклинала меня и учила тебя меня ненавидѣть? спросилъ Меерсонъ. — Чтожъ, она была права: я это заслужилъ.

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвочка съ жаромъ и замотавъ головой. — Нѣтъ! никогда она васъ не проклинала. Она только говаривала, что ей такъ суждено на свѣтѣ, а вы ничѣмъ не виноваты. «Тила,» говорила она мнѣ часто: «если отецъ тебя когда нибудь отъищетъ, скажи ему, что это моя *горькая планета* виновата, а онъ не виноватъ.» Такъ она мнѣ говорила.

— Добрая душа! проговорилъ старикъ.

— Такъ вамъ жаль мамы? спросила дѣвочка.

— О, Богъ мой свидѣтель!

— Теперь я вижу, что вы точно мой отецъ, сказала дѣвочка, въ первый разъ осыпая горячими поцѣлуями лицо старика.

— А прежде тебѣ не вѣрилось? спросилъ онъ, ощущая что-то неизъяснимо теплое въ сердце подъ вліяніемъ ласкъ своей дочери.

— Не вѣрилось, отвѣчала дѣвочка: — мама все разсказывала, что у васъ густые курчавые волосы, а у васъ совсѣмъ....

Она остановилась.

— Около четырнадцати лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ твою маму, отвѣчалъ старикъ грустно: — съ-тѣхъ-поръ, дитя мое, много ушло воды, а съ нею и моя молодость, и мои курчавые волосы.

Пэрецъ все стоялъ у двери и прислушивался къ этому разговору отца съ дочерью. Наконецъ, громко кашлянувъ, онъ рѣшился заговорить.

— Извините, прошу васъ, сказалъ онъ: — такъ вы точно тотъ *кордунеръ* *), хмъ, хмъ....

Меерсонъ бросилъ на шарманщика гордый взглядъ.

— Тотъ Фроимъ Меерлсъ, продолжалъ Пэрецъ, нѣсколько смутившись: — что въ Лудмирѣ женился на Чарнѣ?

— Да, холодно отвѣчалъ старикъ. — Тогда я былъ галиціянинъ Фроимъ Меерлсъ, а теперь я англійскій негоціантъ Эфраимъ Меерсонъ.

Пэрецъ поднялъ свои густые брови на пол-вершка въ гору и замолчалъ.

---

*) Евреи въ Малороссіи и западныхъ губерніяхъ называютъ своихъ австрійскихъ соплеменниковъ «кордунерами», отъ слова «кордонъ», пограничной линіи, раздѣляющей Россію отъ Австрійскихъ владѣній.

Немногія слова шарманщика напомнили Тилѣ его присутствіе въ комнатѣ. Неожиданная встрѣча съ отцомъ, о которомъ она когда-то такъ долго грезила, грезила, и даже уже перестала грезить, и неизвѣданныя ласки, которыми онъ ее теперь осыпалъ, на минуту заставили ее забыть про скромныхъ сподвижниковъ ея уличной скитальческой жизни. Но услышавъ звонкій голосъ Пэреца, имѣвшій въ себѣ такъ много сладостнаго для нея, Тила вдругъ очнулась отъ упоенія, которое вкушала на груди отца, и бросила грустный взоръ сперва на Пэреца, а потомъ на обезьяну. Неужели ей прійдется разстаться на всегда съ этими задушевными друзьями? Неужели мысль о замужствѣ съ Пэрецомъ не должна уже осуществиться? «Нѣтъ, нѣтъ! думала Тила: этого быть не можетъ.» Но какимъ образомъ уладится это?... Ея умъ, хотя еще незрѣлый, однако сообразилъ, что много лежитъ теперь разстоянія между нею и бѣднымъ шарманщикомъ; изъ отвѣта Меерсона, назвавшаго себя англійскимъ негоціантомъ, она поняла, что отецъ ея долженъ быть лицо довольно значительное; но все же онъ въ большомъ долгу у Пэреца. Еслибъ не Пэрецъ, кто знаетъ? можетъ быть она давно бы уже умерла отъ голода и холода, или, что и того хуже, была бы теперь въ шайкѣ тѣхъ оборванныхъ нищихъ, которые на полу-живой клячѣ скитаются изъ города въ городъ, изъ села въ село, хвастаютъ своими отвратительными лохмотьями и осыпаютъ проклятіями каждаго, кто не даетъ имъ столько, сколько имъ хочется. Какъ она всегда боялась этихъ «шлѐпперовъ», про которыхъ слышала такъ много ужасныхъ разсказовъ; какъ она, будучи еще очень маленькою, всегда плакала и цѣловала маму, когда та, въ наказаніе за какую-нибудь шалость, грозилась продать ее «шлѐпперамъ.» Безъ Пэреца, можетъ быть, и пришлось бы ей самой пристать къ этимъ страшнымъ нищимъ, или броситься въ воду. Онъ ее избавилъ отъ этой печальной необходимости. Съ нимъ ей было весело и спокойно; онъ училъ ее сколько могъ, онъ иногда послѣдній кусокъ отнималъ у себя, чтобъ накормить ее, совсѣмъ чужую, постороннюю для него дѣвочку. Какъ же не любить такого человѣка? Она изъ благодарности хотѣла отдать ему всю свою будущую жизнь и онъ согласился на это, обѣщая быть навсегда ея защитой. А развѣ онъ не могъ достать себѣ лучшей невѣсты? Онъ такой молодецъ, такой умница, который, какъ надѣнетъ въ субботу свой суконный сюртукъ и заломаетъ фуражку на бекрень, то по неволѣ заставитъ каждаго на Шалашной улицѣ сказать ему:

«Здравствуйте, съ праздникомъ!» Отчего же отцу ея не быть благодарнымъ и не обѣщать своей дочери Пэрецу въ замужство, въ награду за его долгія попеченія во время ея сиротства и одиночества? Что за важность, что негоціантъ? тѣмъ лучше: отецъ дастъ деньги и сдѣлаетъ Пэреца тоже негоціантомъ: изъ Пэреца можно сдѣлать все, что угодно. Она читала много прекрасныхъ сказокъ, гдѣ принцессы выходили замужъ за простыхъ людей, оказавшихъ имъ или ихъ отцамъ какія нибудь услуги. А какая услуга можетъ быть больше той, которую Пэрецъ оказалъ и ей, и отцу ея? Эти мысли, мгновенно пролетѣвшія въ головѣ Тилы, нѣсколько утѣшили ее; но она все продолжала съ грустью глядѣть на шарманщика и обезьяну, какъ будто тайныя предчувствія не давали ея сердцу согласиться съ ея дѣтскими размышленіями.

— Что же будетъ съ *нимъ?* съ рѣшимостью спросила Тила, глядя отцу въ глаза и показывая рукой на Пэреца, стоявшаго съ опущенною головой.

— Съ нимъ? сказалъ отецъ: — я ему заплачу.

Пэрецъ поднялъ голову.

— Вы мнѣ заплатите! сказалъ онъ. — Позвольте узнать, за что?«

— Какъ за что? возразилъ Меерсонъ: — за твои заботы объ моемъ ребенкѣ.

— Развѣ я разсчитывалъ на вашу награду, когда заботился о вашемъ ребенкѣ?

— Положимъ, что нѣтъ; но все же я долженъ быть тебѣ признателенъ: я отецъ....

— Вы отецъ! перебилъ съ горечью Пэрецъ: — но семнадцать тысячъ отцовъ такихъ какъ вы, не въ состояніи чувствовать къ ней того, что я чувствую. Я мою любовь къ этой бѣдной дѣвочкѣ не продаю. Я любилъ ее какъ отецъ, еще тогда, когда вы, настоящій отецъ ея, и не думали объ ней: а послѣ полюбилъ ее больше, чѣмъ отецъ, больше, больше....

Пэрецъ сталъ крутить одинъ изъ своихъ усовъ.

— Мнѣ не надо вашей платы, продолжалъ Пэрецъ, болѣе и болѣе сознавая оскорбленіе, нанесенное ему Меерсономъ: — нѣтъ, не надо; я богаче васъ: у меня нѣтъ тяжелыхъ камней на совѣсти.

— Пэрецъ, Пэрецъ, что ты говоришь! вскричала дѣвочка, ломая руки.

— Ты можетъ быть и правъ, сказалъ Меерсонъ: — тебѣ не

надо моей награды, потому что ты ея не заслужилъ. Смотри, какъ *она* худа, измучена: этимъ она обязана твоей наукѣ ломаться; ты не далъ развиться ея молодымъ костямъ. Ты изъ моего дитяти сдѣлалъ уличную комедіантшу и измучилъ ее.

Старикъ съ отчаяніемъ во взорѣ вглядывался въ чуть замѣтные синеватые круги, образовавшіеся около глазъ дѣвочки, и, осыпая ее поцѣлуями, безпрестанно ощупывалъ ея шею, грудь и плечи.

— Ты ее измучилъ, повторилъ отецъ. — Полюбуйся на прекрасные плоды твоихъ заботъ.

— О, не браните его, батюшка! вскричала Тила, обнявъ шею отца. — Не браните его, онъ не заслужилъ этого. Вы не должны его бранить: онъ.... онъ мой женихъ.

— Онъ твой женихъ! вскричалъ старикъ, грозно посмотрѣвъ на шарманщика. — Ты и до *этого* дошелъ?

— Да, отвѣчалъ хладнокровно Пэрецъ, выпрямившись. — Когда отецъ ея былъ далеко, а мать лежала въ могилѣ, я полагалъ, что имѣю право назвать ее когда нибудь моей женой.

Тила умоляющими глазами смотрѣла на отца. Меерсонъ въ этихъ большихъ свѣтлыхъ глазахъ прочелъ безпредѣльную привязанность къ шарманщику; но, по его мнѣнію, это была привязанность дитяти къ человѣку, котораго оно считало своимъ благодѣтелемъ. Старикъ видѣлъ, что ему прійдется бороться съ этимъ чувствомъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, сильно вкоренившимся въ сердце его дочери, но онъ не видѣлъ невозможности со временемъ искоренить его. Когда пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, думалъ онъ, и Тила познакомится съ другими условіями и удобствами жизни, совершенно различными отъ тѣхъ, которыя она до-сихъ-поръ знавала, то сама будетъ смѣяться надъ своими дѣтскими мечтами. Она довольно умна: этого нельзя было не видѣть. Старикъ пріободрился и опять развеселился. Передъ глазами у него опять было его милое дитя, правда, очень худое и очень печальное, но пройдетъ время, и оно будетъ и крѣпко, и весело. Много запаса любви въ его сердцѣ, и много денегъ у него въ сундукѣ; неужели съ такими средствами нельзя будетъ осчастливить своей единородной дочери!

— Будь весела, моя милая, сказалъ онъ: — *тебѣ откроется новый свѣтъ;* уже не нужно будетъ тебѣ ломать своихъ молодыхъ косточекъ....

— А что будетъ съ нимъ? чуть слышно произнесла Тила, опять показывая пальцемъ на Пэреца.

— Что Богъ дастъ, подхватилъ Пэрецъ, едва удерживая рыданіе, которое у него готово было вырваться. — Что Богъ дастъ, Тилочка.... Не думай теперь обо мнѣ: у тебя есть отецъ.... богатый.... который осчастливитъ тебя; а я.... я теперь для тебя чужой.

Онъ медленно поднялъ шарманку, стоявшую на полу, и взялъ на руки обезьяну.

— Пойдемъ отсюда, Берта, сказалъ онъ: — намъ здѣсь не мѣсто.... Позвольте.... позвольте, герръ Эфраимъ Меерсонъ, въ послѣдній разъ поцѣловать мою бывшую невѣсту.

Онъ подошелъ къ Тилѣ и поцѣловалъ ее въ губы. Дѣвочка судорожно обхватила его шею одной рукой, а другой прижала къ груди обезьяну, и, рыдая, попеременно осыпала поцѣлуями своихъ дорогихъ друзей.

— Нѣтъ, не въ послѣдній разъ, сказала она: — нѣтъ, батюшка, не въ послѣдній разъ.... не правда ли, батюшка?

Пэрецъ вырвался изъ объятій Тилы и скорыми шагами, забывъ даже поклониться Бубнову, вышелъ изъ комнаты.

— Нѣтъ не въ послѣдній разъ, не правда ли, батюшка? твердила дѣвочка, вытянувъ обѣ руки къ двери, въ которую вышелъ шарманщикъ съ своею обезьяной, и отчаянно порываясь вслѣдъ за ними, какъ-будто эти два существа унесли съ собой все счастье ея жизни.

— Успокойся, дитя мое, сказалъ отецъ. — Посмотримъ.... все будетъ хорошо со временемъ.

Пэрецъ вошелъ въ переднюю, по которой Антоша расхаживалъ медленными шагами, по временамъ останавливаясь передъ раскрытою на столѣ книгой и бормоча что-то про себя. Наскучивъ безпрестаннымъ заглядываньемъ въ комнаты своихъ господъ, онъ принялся твердить наизусть, какую-то роль изъ переводнаго водевиля. Антоша былъ нѣмымъ свидѣтелемъ сцены свиданія Меерсона съ своею дочерью и изъ нѣсколькихъ словъ первоначально произнесенныхъ по-русски старикомъ, понялъ въ чемъ дѣло и очень обрадовался неожиданному счастью сухопарой Жидовочки, какъ онъ называлъ Тилу; но онъ не хотѣлъ ломать головы надъ странностью этого событія, и не хотѣлъ понимать, отчего оба его господина такъ долго хранили глубокое молчаніе, такъ точно какъ не имѣлъ желанія понимать содержанія, послѣдующаго за первымъ свиданіемъ, разговора отца съ дочерью и шарманщикомъ, происходившаго на непонятномъ ему языкѣ.

— «Нѣтъ, маркизъ, бормоталъ Антоша, держась одной рукой за пуговицу сюртука, а другую заложивъ за спину, и принявъ граціозно-безпечную позу, которую изъ-за кулисъ подмѣтилъ у перваго любовника: «нѣтъ, маркизъ! повѣрьте, мнѣ не приданое вашей дочери нужно: я самъ такъ богатъ, такъ богатъ, что незнаю куда дѣвать мое богатство....» Здѣсь, кажется, надобно улыбаться, посмотримъ.

Онъ подбѣжалъ къ столу и бросилъ взглядъ на тетрадь.

— Да, надобно улыбнуться, сказалъ онъ.... «что не знаю, куда дѣвать мое богатство.» (Онъ улыбнулся). «Я имѣю два замка въ Пикардіи и фабрику въ Франшъ-Конте, недалеко отъ Бес... Без... Бессарабіи....» Нѣтъ, совралъ, ей Богу, совралъ! вскричалъ онъ, опять подбѣжавъ къ тетради. — Ахъ, въ Безансонѣ сказано тутъ. Что я за дубина, ай, ай, ай! Въ Безансонѣ, въ Безансонѣ, въ Безансонѣ.... нѣтъ, теперь ужъ не забуду. — «Увѣряю васъ честью французскаго дворянина, маркизъ, что ваша прелестная Олимпія сдѣлала на меня.... на меня неизгладимое впечатлѣніе.»

Тутъ онъ остановился и, показывая видъ, что прислушивается къ словамъ умозрительнаго маркиза, началъ барабанить у себя пальцами по животу, «сирѣчь на шляпѣ,» какъ было сказано въ тетрадкѣ.

— «О, нѣтъ! началъ онъ, повидимому возражая своему собесѣднику: — «еслибъ она была дочерью самаго послѣдняго блузника, то и тогда я согласился бы отдать ей въ руку мое знатное происхожденіе».... Нѣтъ, что-то не такъ.

Антоша ударилъ себя рукой по лбу и опять подбѣжалъ къ тетрадкѣ. — Гмъ, гмъ!... «Отдать ей и мою руку и мое знатное происхожденіе».... Эка не дается мнѣ эта проклятая роль! Какой это басурманъ переводилъ эту пьесу, хотѣлъ бы я знать.... Все какъ-то не гладко, не ладно, оттого и запомнить трудно. Впрочемъ, Семенъ Семенычъ говоритъ, что если и соврешь разъ, такъ тоже не бѣда. Да, старому актеру можно: онъ и своимъ, пожалуй, замѣнитъ; а нашему брату, рекруту, не пригодно пускаться въ такія спекуляціи. — «И такъ, маркизъ, рѣшайтесь. Одно ваше слово — и я счастливъ, и ваша дочь, прелестная Олимпія, будетъ отнынѣ называться графиней де-Бѣльмо.... (нѣтъ, совралъ) де-Бельмонъ — Кро — кро — кро — Кроазе.... де-Бельмонъ Кроазе».... Ну, тебя къ черту! вскричалъ онъ, махнувъ рукой. — Сегодня не везетъ, примемся въ другой разъ: а воде-

вилъ дрянной, право.... А, и ты тутъ, Пэрецъ? Давно сидишь ты въ передней?

Пэрецъ, уже нѣсколько времени сидѣвшій на узкомъ прилавкѣ, внутренность котораго вмѣщала въ себѣ сапоги, галоши, ваксу, подсвѣчники и прочую утварь, а наружность служила Антошѣ постелью, не видѣлъ и не слышалъ что около него происходило. Сложивъ руки на груди, и опустивъ печально голову, онъ думалъ тяжкую думу.

— О чемъ задумался, добрый молодецъ? продолжалъ Антоша, улыбаясь. — На-ка хлебни вотъ этого.... славный пуншъ, право; ужъ полчаса, какъ стаканъ ждетъ тебя.

— А? произнесъ Пэрецъ, какъ будто съ просонья.

— Хлебни-ка вотъ этого гектора, сказалъ Антоша, подавая Пэрецу стаканъ съ пуншемъ: — кажется, гектора.... говоритъ Семенъ Семенычъ.... Нѣтъ, не гектора.... неправда: это Гекторъ—собака есть у сосѣда, а *то* какъ-то иначе называется.... Ну, ничего....

— Что ты говоришь, Антоша? спросилъ Пэрецъ, выпучивъ глаза на своего собесѣдника.

— Что говорю?... выпей эту штуку.

— Нѣтъ, не хочу *этого*, отвѣчалъ Пэрецъ, отводя рукой стаканъ съ пуншемъ: — мнѣ дай стаканъ водки.... Есть у васъ простая водка?

— Сивалдай, какъ говоритъ Алексѣй Павловичъ? О, какъ же, есть.

Антоша подалъ Пэрецу большую рюмку водки, которую тотъ залпомъ выпилъ.

— Наливай другую, сказалъ Пэрецъ, крякнувъ и подставляя рюмку Антошѣ.

— Что ты, что ты?

— Хочу сдѣлаться пьяницей.... хочу съ ума сойдти.... хочу!... Мммъ!... хочу.... самъ не знаю, чего хочу!

Между тѣмъ въ третьей комнатѣ, гдѣ сидѣли отецъ и дочь съ Бубновымъ и Осколкинымъ, царствовало глубокое молчаніе. Меерсонъ медленно расхаживалъ взадъ и впередъ и поминутно взглядывалъ на Тилу, которая сдѣлала надъ собой чрезвычайное усиліе и перестала рыдать. Она имѣла столько разсудка, что считала свой плачь большимъ оскорбленіемъ для отца; но вздоховъ своихъ она никакъ не могла удержать. Ежеминутно, при мысли о своей разлукѣ съ тѣмъ, который былъ ей такъ дорогъ, у ней вырывался невольно глубокій вздохъ и она съ

боязнію взглядывала на отца, которому эта нежданная тоска дочери по былой нищетѣ мѣшала быть вполнѣ счастливымъ.

Онъ остановился среди комнаты.

— Извините, messieurs, сказалъ онъ: — я совсѣмъ забылъ про васъ.... Извините меня....

— О, помилуйте! отвѣчалъ Осколкинъ.

— Поздравляю, поздравляю! вскричалъ вдругъ Бубновъ, подбѣжавъ къ Меерсону и тряся его за руку. — Мы не хотѣли вамъ мѣшать въ первую минуту такого неожиданнаго счастья. Наконецъ, теперь ужъ можно и намъ вмѣшаться, не правда ли? Ну, поздравляю отъ всего сердца, и тебя, Тилочка, тоже поздравляю; ты будешь счастлива: ты нашла отца богатаго и добраго.

Онъ подсѣлъ къ дѣвочкѣ и началъ ее гладить по головѣ и ласкать. Тилѣ сдѣлалось какъ-то легче, при звукахъ ласковаго голоса этого добраго маленькаго господина, который собой напомнилъ ей прошедшее.

— Позвольте и мнѣ васъ поздравить, сказалъ Осколкинъ, пожавъ руку Меерсону.

— Благодарю, благодарю, господа, радостно говорилъ старикъ. — Сядемте же вмѣстѣ и порадуемся вмѣстѣ: я увѣренъ, что вы оба рады моему счастью.

— О, будьте увѣрены, въ одинъ голосъ отвѣчали Осколкинъ и Бубновъ.

— Просто самъ-себѣ не вѣрю, сказалъ Меерсонъ, опять сѣвъ подлѣ своей дочери и взявъ ее за руку. — Я уже потерялъ всякую надежду....

— А казусъ преинтересный, право, сказалъ Осколкинъ.

— Да, преинтересный, господа.... вы, безъ сомнѣнія, хотите знать объясненіе всей этой исторіи, не правда ли?

— Признаюсь, горю нетерпѣніемъ, отвѣчалъ Бубновъ.

— И я тоже, сказалъ Осколкинъ.

— Извольте, отвѣчалъ Меерсонъ: — исторія очень проста и очень коротка.... Но прежде всего прошу васъ, будьте ко мнѣ снисходительны. Не судите обо мнѣ слишкомъ строго и не лишайте вашего уваженія. Въ жизни человѣка бываютъ роковыя минуты, когда порокъ и проступокъ не только-что не кажутся гнусными, но даже имѣютъ свою привлекательность. Счастливъ тотъ, кто въ подобныя минуты умѣетъ владѣть собой. Со мною было иначе: я забылъ страхъ Божій, заглушилъ мою совѣсть и сдѣлалъ проступокъ, который долго оплакивалъ и буду опла-

кивать. Если Небо тронулось моимъ многолѣтнимъ раскаяніемъ, то оно меня простило: безконечно Его милосердіе; но я.... я самъ себѣ никогда не прощу. Эта дѣвушка, которую вы видите передъ собой, будетъ служить мнѣ вѣчнымъ упрекомъ; ея безотрадное дѣтство, ея скитальческая жизнь, ея слабое, разстроенное здоровье....

Онъ на минуту остановился и съ нѣжностью поглядѣлъ на свою дочь. Испустивъ слабый вздохъ, онъ продолжалъ.

— Ея разстроенное здоровье.... все это, все.... лежитъ на моей отвѣтственности.... вы видите, я самъ диктую себѣ обвинительные пункты, прибавилъ онъ съ грустной улыбкой: — не лишайте же меня вашего уваженія, повторяю мою просьбу.... и такъ, слушайте.

Меерсонъ началъ разсказывать имъ то, что мы уже знаемъ изъ разсказа Пэреца трактирщику Менделю, изложеннаго нами въ самомъ началѣ нашей исторіи. Разумѣется, что о приготовленіи въ Лондонѣ жидовской рыбы, не было и слова, можетъ быть потому, что все это было плодомъ затѣйливаго воображенія шарманщика, или можетъ быть оттого, что Меерсонъ не считалъ нужнымъ пускаться въ такія невыгодныя подробности. Онъ разсказалъ имъ, какъ изъ австрійскаго подданнаго онъ сдѣлался великобританскимъ гражданиномъ, нажилъ мало-по-малу порядочное состояніе, и потомъ, по одному, весьма счастливому случаю, сдѣлался совершеннымъ богачемъ; какъ онъ ѣздилъ въ Америку и потомъ неоднократно дѣлалъ коммерческіе вояжи по Европѣ, и, наконецъ, дошелъ до той эпохи, когда случай бросилъ его въ Ливорно.

— Уже около семи лѣтъ прошло тогда, продолжалъ Меерсонъ: какъ я оставилъ мою бѣдную Чарну во Владимірѣ; я зналъ, что оставилъ ее беременною. Сначала я обманывалъ самого себя и давалъ себѣ обѣщанія послѣ того или другаго предпріятія вызвать мою жену къ себѣ, или самому съѣздить за нею; но предпріятіе оканчивалось, завязывалось другое-третье, а я и не думалъ исполнять своихъ обѣщаній. Я даже ни разу не писалъ къ женѣ, думая поразить ее своимъ нечаяннымъ пріѣздомъ. Время уходило, а съ нимъ изгладилось и послѣднее слабое воспоминаніе о женѣ. Коммерческія дѣла, опьяненіе богатства и интересныя путешествія окончательно заглушили во мнѣ все прошлое. Въ это время я познакомился въ Ливронѣ съ богатою вдовою Ребеккой Скорта. Она была уже не первой моло-

дости, но довольно хороша собой и имѣла тринадцатилѣтнюю дочь, Сперанцу....

— Сперанца, Сперанца.... мы были на ея могилѣ, грустно сказалъ Бубновъ.

— Да, отвѣчалъ Меерсонъ со вздохомъ. Торговые интересы сблизили меня съ Ребеккой Скорта; я былъ еще довольно бодръ и свѣжъ, вдова была богата и хороша. Пріятели, въ которыхъ нигдѣ недостатка нѣтъ, рѣшили, что лучшей пары и быть не можетъ. Я долго еще боролся съ самимъ собой; бѣдная Чарна, какъ блѣдная тѣнь еще носилась передъ моими глазами; но я заглушилъ въ себѣ всѣ вопли совѣсти и женился на Ребеккѣ, утѣшая себя тѣмъ, что пошлю *разводный актъ* моей первой женѣ и значительную сумму денегъ, чтобы обезпечить ее и ребенка, который долженъ былъ родиться въ моемъ отсутствіи. Но я и этого не сдѣлалъ....

Старикъ ударилъ себя въ грудь, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и потомъ, сѣвъ опять, началъ продолжать:

— Остальное вамъ почти извѣстно все, господа. Моя вторая жена умерла. Я сосредоточилъ всю мою любовь на Сперанцѣ, на этомъ прелестномъ ребенкѣ, соединявшемъ въ себѣ всѣ очаровательныя качества женщины южныхъ странъ съ пылкостью и умомъ нашего племени. Этой привязанностью къ сиротѣ, я думалъ загладить мою несправедливость и жестокость къ Чарнѣ и моему родному дитяти. Я началъ старѣть и постепенно терять прежнюю энергію. Часто, лаская Сперанцу, мнѣ представлялось мое брошенное дитя, которое, не извѣдавъ отцовскихъ ласкъ, можетъ быть скитается гдѣ нибудь безъ крова и хлѣба. Эта мысль стала меня преслѣдовать день и ночь, и я уже пересталъ думать о разводномъ актѣ, а серьезно рѣшился съѣздить въ Россію. Бракъ Сперанцы съ бывшимъ тогда въ Ливорнѣ Соломономъ Вельшеромъ, казался мнѣ устроеннымъ самимъ небомъ для блага моей бѣдной Чарны и ея ребенка. Черезъ годъ послѣ отъѣзда Сперанцы съ мужемъ, я прекратилъ всѣ мои дѣла и оставилъ Италію. Наконецъ, послѣ многолѣтняго отсутствія я опять увидѣлъ Владиміръ. Я уже не былъ прежній бѣдный промышленникъ рогатымъ скотомъ и піявками, но за то я уже не былъ тотъ молодой, бодрый весельчакъ что прежде: лѣта и богатство сдѣлало свое дѣло и наложили на меня свое суровое клеймо. Никто изъ первыхъ знакомыхъ меня не узналъ, да я и не желалъ, чтобъ меня узнали. Подъ рукой началъ я освѣдомляться о моей женѣ, и, послѣ двухмѣсячныхъ

осторожныхъ распросовъ узналъ, что Чарна умерла въ чрезвычайной бѣдности и что послѣ нея осталась дѣвочка, которую увелъ съ собой какой-то плясунъ на канатѣ, или что-то подобное въ этомъ родѣ, неизвѣстно куда. Ничего болѣе не могъ я узнать. Я оставилъ тамъ агента, на скромность котораго могъ положиться, и поручилъ ему жить постоянно во Владимірѣ и по временамъ извѣщать меня объ успѣхахъ своихъ розысковъ; а самъ, съ истерзаннымъ сердцемъ, отправился въ Одессу. Сперанцу я нашелъ уже больною: ее пожирала страшная болѣзнь, отъ которой не встаютъ больше. Тутъ поселился я и основалъ свою торговлю, живя надеждой отъискать когда нибудь мою дочь. Владимірскій агентъ извѣщалъ меня почти каждые два мѣсяца, и его извѣстія не приносили мнѣ никакой отрады: всегда одно и тоже — нѣтъ никакихъ слуховъ, а впрочемъ, будемъ надѣяться на Бога. — Я дѣйствительно полагалъ всю мою надежду на Бога, и, вотъ наконецъ, Онъ умилосердился надо мной и надъ этой бѣдной сироткой. Вотъ, господа, моя печальная повѣсть.... великъ мой проступокъ, безъ всякаго сомнѣнія, но велики были и мои страданія. Увѣряю васъ, что въ послѣднее время, особенно послѣ смерти Сперанцы, мнѣ жизнь была въ тягость. Были минуты, когда надежда меня совершенно оставляла, и я дерзалъ роптать на Провидѣніе, я, оскорбившій такъ жестоко и Провидѣніе и человѣчество въ лицѣ моей жены и дочери!...

— Разъясните же еще одно мое недоумѣніе, сказалъ Осколкинъ, послѣ краткаго молчанія, которое всѣ хранили по окончаніи Меерсономъ своего разсказа. Какимъ это образомъ, вы, будучи родомъ изъ Галиціи и потомъ проживая такъ долго за-границей, говорите такъ хорошо по-русски?

— Очень просто, отвѣчалъ Меерсонъ, улыбаясь. — Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я безпрестанно ѣздилъ въ Россію, и проживалъ въ ней по цѣлымъ годамъ. Я всегда любилъ русскій языкъ и старался говорить на немъ правильно. Потомъ, когда разбогатѣлъ за-границей и принялся, хотя поздненько, нѣсколько образовывать свой умъ и вкусъ, упражненія въ русскомъ языкѣ составляли главную статью въ программѣ моихъ занятій. Я въ Лондонѣ получалъ русскіе журналы и другія сочиненія, обращавшія чѣмъ нибудь на себя вниманіе.

— Ну, да, очень понятно, сказалъ Бубновъ.

— Кто-жъ тебѣ говоритъ, что непонятно? возразилъ Осколкинъ: — разумѣется, понятно.... ну, мсье Меерсонъ, слава Богу!

вы теперь должны радоваться; все кончилось хорошо. Какъ это, Алета, намъ твердили по-латыни? Finis opus.... opera.... coro.... coronatibus!... Нѣ—ѣ—ѣ—тъ, прощай моя ученость! вскричалъ онъ, махнувъ рукой. Погибла Гречанка — погибла латынь!... А знаете ли что? не выпить ли намъ шампанскаго по случаю этого радостнаго событія?

— Какого событія? что твоя латынь погибла? спросилъ Бубновъ, смѣясь.

— Убирайся ты! отвѣчалъ Осколкинъ. Вотъ по случаю какого событія, вотъ!

Онъ указалъ на Тилу, которая сидѣла на диванѣ, сложивъ руки на груди и не спуская глазъ съ своего отца.

— Нѣтъ, сказалъ Меерсонъ: — теперь не время, — еще успѣемъ. Счастье мое слишкомъ велико и возвышенно: его надо ознаменовать молитвой и благодареніемъ святому промыслу. Теперь надо пока накормить и успокоить мою дочь и самому успокоиться; а повеселиться еще успѣемъ, погодите немножко: я вамъ задамъ пиръ на славу.

Онъ взялъ Тилу за руку и, пожелавъ друзьямъ спокойной ночи, отправился на свою квартиру, которая какъ намъ извѣстно, находилась въ этомъ же самомъ домѣ.

Старый слуга Меерсона, итальянскій Еврей, молчаливый и суровый, почтительно наклонилъ голову, когда господинъ, въ нѣсколькихъ словахъ по-итальянски объяснилъ ему, кто такая эта дѣвочка. Онъ въ минуту сбѣгалъ ко вдовѣ докторшѣ, у которой Меерсонъ имѣлъ столъ, принесъ съ собой готовый ужинъ, фрукты и бисквиты, молча поставилъ все это передъ Тилой, и опять почтительно наклонилъ голову, прислушиваясь съ чрезвычайнымъ вниманіемъ къ новымъ приказаніямъ своего господина, относившимся къ разнымъ распоряженіямъ на счетъ приготовленія на завтра туалета для Тилы и пріисканія пока хотя какой нибудь женщины для ея услугъ.

Между тѣмъ, какъ Меерсонъ кормилъ какъ птичку свою печальную дочь, осыпая ее безпрестанно ласками и поцѣлуями, шарманщикъ Пэрецъ, нагруженный двумя большими рюмками водки, поднесенными ему Антошей, и сверхъ того еще однимъ шкаликомъ, который онъ мимоходомъ истребилъ у дверей знакомой штофной лавочки, грустно плелся къ себѣ на квартиру. Судьба какъ-будто рѣшилась потѣшаться надъ нимъ въ этотъ вечеръ. Какъ на зло, ему не было проходу отъ безпрестанныхъ зазываній. То изъ погреба выскакивалъ растрепанный мальчикъ съ

приглашеніемъ; то изъ русской харчевни выходилъ удалой молодецъ, въ длинномъ передникѣ, похожемъ на ландкарту, отъ разноцвѣтныхъ пятенъ, и звалъ Пэреца поиграть для гостей; то свой братъ, Еврей, изъ-за угла стукался лбомъ о широкую грудь Пэреца и, запыхавшись, божился ему, что онъ уже часъ бѣгаетъ по улицамъ, отъискивая или шарманку, или Артема-Молдована, потому что, по случаю женитьбы одного столярнаго подмастерья, въ музыкѣ предстоитъ крайняя надобность. Пэрецъ всѣмъ имъ отвѣчалъ кратко и сильно: — «нѣтъ, не пойду!» и отъ каждаго изъ нихъ получалъ одинъ и тотъ же вопросъ: зачѣмъ же онъ, Пэрецъ, вертитъ шарманку и полошитъ всю улицу, когда не хочетъ, чтобъ его зазывали? — «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ Пэрецъ, послѣ третьяго или четвертаго такого вопроса; — въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ же я это играю на улицѣ? вѣдь нашъ братъ когда играетъ, такъ, значитъ, даетъ знать о себѣ, авось позовутъ куда нибудь. Оттого-то мы и повертимъ шарманку минуту или двѣ и перестанемъ. Зачѣмъ же я верчу ее вотъ уже цѣлый часъ безъ отдыху? А вѣдь идти никуда не хочу.... о, нѣтъ, никуда: у меня не то въ головѣ теперь.» И онъ, углубляясь далѣе и далѣе въ свои грустныя мысли, ускорялъ свой шагъ, какъ будто кто нибудь гнался за нимъ, и машинально опять принимался вертѣть шарманку, какъ будто желая заглушить невыносимую тоску, обвившуюся злою ехидной вокругъ его сердца.

Облитый потомъ, Пэрецъ добрался до своей квартиры и, въ потьмахъ, поставивъ на полъ шарманку, сѣлъ на нее. Мамзель Берта, сочувствуя грусти своего хозяина, безпрестанно лизала ему лобъ и щеки и обматывала его шею своими длинными лапами; но не видя отвѣта на свои ласки, обезьяна уныло скорчилась на плечѣ его, словно горюя о томъ, что ихъ маленькая семья уменьшилась еще однимъ существомъ.

«Отецъ.... богачъ.... думалъ Пэрецъ: — куда мнѣ къ нему! что я передъ нимъ? муха, больше ничего. А я же что виноватъ, что полюбилъ ее? Кто могъ знать, что онъ свалится, словно съ облаковъ, да еще съ тяжелымъ грузомъ денегъ?... Я причиной, говоритъ онъ, что она слаба здоровьемъ! я, говоритъ, не далъ развиться ея костямъ. Вотъ еще! будто мало *ломакъ* на свѣтѣ здоровыхъ, да еще черезъ-чуръ здоровыхъ! А вѣдь извѣстно, что всѣ ломаки начинаютъ свою науку съ самого дѣтства: иначе и нельзя вовсе выучиться.... А можетъ быть *онъ* больше причиной, чѣмъ я. Зачѣмъ оставилъ онъ ее на жертву нищетѣ и всякимъ нуждамъ!»

Онъ потеръ себѣ лобъ и всталъ.

— Маршъ! вскричалъ онъ сердито, почувствовавъ тяжесть Берты, уцѣпившейся за его шею.

Обезьяна быстро соскочила на полъ и въ темнотѣ начала прыгать по всѣмъ угламъ.

— Ищи, ищи Берта, сказалъ Пэрецъ стоя, прислонившись, въ углѣ: — ищи нашу пѣвунью, нашу дорогую Тилу.... Напрасно! не сыщешь ты ея, не воротится она къ намъ болѣе. О, Боже мой, Боже мой! Снилось ли мнѣ что нибудь подобное.... Она была моя, совсѣмъ моя.... Единственное сердце, которое меня любило на свѣтѣ, теперь у меня отняли.... Вотъ тебѣ и новая квартира, Тила! тебѣ все хотѣлось другой квартиры: ты боялась Марьяны, бѣдная; я успокоилъ тебя — перебрался на другой конецъ города, а ты и не успѣла обновить своей новой квартиры.

Онъ ощупью добрался до стѣны, гдѣ стояла маленькая кроватка Тилы, и сѣлъ на нее.

Увы! нашъ веселый и беззаботный Пэрецъ теперь вполнѣ поддался грусти, его давившей. Онъ увидѣлъ себя опять одинокимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Зачѣмъ взялъ онъ Тилу къ себѣ и зачѣмъ полюбилъ онъ ее? Прежде горе было ему неизвѣстно. Онъ зналъ, что онъ бобыль на свѣтѣ, иногда задумывался объ этомъ, но не на долго: махнувъ рукой, онъ предавался опять влеченью своего веселаго нрава. Какъ будто въ шутку судьба вздумала обрадовать его. Онъ нашелъ слабое существо, къ которому привязался и которое къ нему привязалось. Въ первый разъ въ жизни онъ вкусилъ, какъ сладко быть любимымъ хоть кѣмъ нибудь, какъ тепло сердцу быть вмѣстѣ съ другимъ любящимъ сердцемъ, какъ пріятно сказать самому себѣ: смотри, на твоихъ плечахъ лежитъ это слабое созданіе, — будь же его покровителемъ и благодѣтелемъ навсегда. Слишкомъ три года твердилъ онъ себѣ это съ постоянно возрастающимъ наслажденіемъ. Сначала онъ думалъ быть только отцомъ бѣдной сиротки, и, какъ ни малы были его средства, пріютить беззащитную подъ свое крыло; но дѣвочка сама навела его на другую мысль, на привязанность еще болѣе нѣжную и тѣсную, когда она такъ открыто высказала ему свои надежды на него за урокомъ у Лисьей-Гребли, на пути отъ Краснаго-трактира до Капшуковъ. Съ-тѣхъ-поръ эта мысль росла, росла, и въ нихъ обоихъ глубоко пустила свои корни, изглаживая всѣ огорченія, которыми была полна ихъ горемычная жизнь, и рисуя въ привлекатель-

номъ свѣтѣ будущій союзъ ихъ, которому никто въ свѣтѣ не долженъ былъ радоваться, кромѣ ихъ самихъ. Какъ же тяжело должно быть послѣ всего этого увидѣть себя вновь обреченнымъ на одиночество! Пэрецу казалось, что ему оторвали самый теплый кусокъ отъ сердца; мрачно и пусто было у него на душѣ; мрачно и пусто было въ его комнатѣ. Цѣлую ночь не смыкалъ онъ глазъ, размышляя о внезапномъ ударѣ его постигшемъ; взошла зоря, а Пэрецъ все сидѣлъ на маленькой кроваткѣ Тилы, опершись спиной о стѣну, а возлѣ него храпѣла Берта, какъ храпитъ больной ребенокъ, впавшій, послѣ изнурительнаго жара въ продолжительный и тяжелый сонъ.

VII.

Участь Тилы теперь совершенно преобразовалась. Богатый отецъ, незнавшій границъ своей радости, окружилъ ее всей доступною для него роскошью. Къ своей прежней квартирѣ онъ нанялъ еще нѣсколько комнатъ и отдѣлалъ ихъ для своей дочери, которую окружилъ гувернантками и горничными. Для образованія ея онъ взялъ нѣсколькихъ учителей, въ числѣ которыхъ былъ и Бубновъ учителемъ Русскаго и Нѣмецкаго языковъ. Въ маленькой и изящной гостинной Тилы красовался дорогой рояль, за которымъ она постоянно каждое утро просиживала по два часа, съ своимъ учителемъ, важнымъ Итальянцемъ въ очкахъ и въ бѣломъ галстухѣ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Тила сдѣлала удивительные успѣхи во всемъ, чему ее только ни обучали. Отецъ и Бубновъ были безъ ума отъ радости и удовольствія; только одинъ Осколкинъ часто сомнительно покачивалъ головой, вглядываясь въ постоянно грустное лицо дѣвочки и прислушиваясь къ ея чуть-слышному сухому кашлю, который домашній докторъ приписывалъ легкой простудѣ. Тила, о туалетѣ которой заботилось нѣсколько опытныхъ женщинъ, перестала горбиться по прежнему: ее научили тайнѣ держаться прямо, но она все была та же слабая, узко-грудая дѣвочка что прежде. Ни любовь отца, ни переходъ въ новую жизнь, полную довольства и блистательныхъ надеждъ, не принесли Тилѣ радости и не сдѣлали никакой перемѣны въ пользу ея здоровья. У ней постоянно было въ головѣ одно: ея бѣдные и скромные друзья — шарманщикъ Пэрецъ и обезьяна Берта. Часто сидя съ отцомъ своимъ за завтракомъ, она отворачивалась отъ этихъ богатыхъ серебря-

ныхъ и фарфоровыхъ приборовъ, отъ ароматнаго кофе и ослѣпительно бѣлыхъ сухарей и бисквитовъ, и припоминала свои скромные но веселые завтраки съ Пэрецомъ, когда ее обдавалъ паръ изъ огромнаго жестянаго чайника, наполненнаго горячей водой, наверху котораго плавало нѣсколько чайныхъ листковъ, купленныхъ у трактирнаго буфетчика, который имѣлъ привиллегію отъ своего хозяина продавать въ свою пользу чай, уже дважды бывшій въ употребленіи у гостей. Какъ тогда было ей весело обмакивать копеечный галетъ въ свой стаканъ, прислушиваться къ веселымъ разговорамъ Пэреца, и хохотать надъ гримасами Берты, которая тоже пріучалась пить горячій чай изъ разбитаго блюдечка. Дѣвочка мысленно сравнивала то время съ теперешнимъ, и какъ ни разительно все говорило въ пользу настоящаго, а все-таки настоящее казалось ей *болѣе удобнымъ*, тогда какъ прошедшее было *болѣе счастливымъ*. Она ни слова болѣе не намекала отцу о своемъ бывшемъ женихѣ: съ перваго вечера своего свиданія съ отцомъ она поняла его положеніе въ свѣтѣ; отецъ былъ обманутъ этимъ молчаніемъ и полагалъ, что дочь начинаетъ забывать прежнюю свою жизнь и дѣтскую мысль о союзѣ съ шарманщикомъ. Ея постоянную грусть онъ приписывалъ впечатлѣніямъ дѣтства, когда бѣдный ребенокъ на рукахъ своей несчастной брошенной матери ничего больше не слышалъ, кромѣ жалобъ и вздоховъ. Меерсонъ надѣялся, что современемъ и эта грусть пройдетъ совершенно, когда образованіе Тилы достигнетъ болѣе полныхъ размѣровъ и представитъ ей болѣе пищи для занятій и развлеченія. Тила училась прилежно, желая угодить своему отцу; но ни уроки, ни прогулки, ни новые наряды, не могли уничтожить въ ней ея задушевной мысли, которой она не хотѣла повѣрить никому. Часто, гуляя съ гувернанткой въ богатой каретѣ, которую отецъ нарочно купилъ для нее, она бывало бросается отъ одного окна къ другому, поворачивая голову во всѣ стороны и трепеща всѣмъ тѣломъ, при видѣ знакомыхъ мѣстъ, гдѣ они втроемъ съ Пэрецомъ и обезьяной дѣлали свои артистическія путешествія. Неясные отдаленные звуки какой нибудь шарманки бросали ее въ холодный потъ и она готова была выпрыгнуть изъ кареты и бѣжать туда, откуда происходилъ звукъ, чтобъ отъискать тѣхъ, за которыми такъ скорбѣло ея бѣдное сердце. Напрасно! Пэреца нигдѣ нельзя было встрѣтить: онъ какъ будто упалъ въ воду, и Тила навлекала на себя только выговоры гувернантки, которая, въ своемъ негодованіи, вѣчно повторяла одно и тоже: «Fi

donc, mon enfant! какъ вамъ не стыдно выставляться до половины изъ кареты! Можно подумать, что вы горничная, которая желаетъ, чтобъ весь городъ видѣлъ, въ какомъ красивомъ экипажѣ она сидитъ.»

Грустно, однообразно текли дни для Тилы въ ея прекрасно убранныхъ комнатахъ, о которыхъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ она даже и помышлять не смѣла. Меерсонъ, который, какъ намъ уже извѣстно, не любилъ ходить никуда и не имѣлъ знакомыхъ семействъ, не могъ доставить своей дочери общества; но онъ далъ себѣ слово, спустя еще немного времени, когда Тила утеряетъ свою прежнюю дикость и когда забудется исторія о ея прежней жизни и чудесной встрѣчи съ отцомъ, пронесшаяся, съ разными прибавленіями, по городу, непремѣнно завязать знакомство съ двумя-тремя семействами, единственно для своей дочери. Тила, молча, слушала предположенія своего отца и принужденно улыбалась: она желала показать видъ, что раздѣляетъ его пріятныя надежды въ будущемъ, между тѣмъ, какъ глубокая тоска о прошломъ, какъ злой червь, высасывала по каплѣ ея жизненные соки.

Было прекрасное лѣтнее утро. Тила сидѣла за урокомъ съ Бубновымъ. Онъ былъ одинъ въ цѣломъ домѣ, знавшій дѣвочку еще съ прежнихъ временъ, и потому отецъ, желавшій привести у своей дочери въ забвеніе все то, что было прежде, съ перваго дня, просилъ Бубнова, чтобъ онъ ни словомъ, ни намекомъ не приводилъ прошлаго на память дѣвочкѣ. Бубновъ обѣщалъ, потому что признавалъ всю основательность этого требованія Меерсона, и былъ вѣренъ своему обѣщанію. Онъ рѣшительно перемѣнилъ свое обращеніе съ Тилой, говорилъ ей не иначе, какъ «вы», и показывалъ видъ, какъ будто онъ до сего времени никогда ее не знавалъ. Тила понимала что это означало. Напрасно пыталась она нѣсколько разъ въ началѣ, по окончаніи урока, обращать свои прекрасные глаза на своего учителя и брать его за руку, какъ будто выпрашивая у него хоть одного утѣшительнаго слова, хоть вѣсточки о шарманщикѣ. Бубновъ быстро отворачивался или уходилъ изъ комнаты, хотя сердце у него надрывалось отъ умоляющаго взора дѣвочки, котораго смыслъ былъ ему понятенъ. Тила, видя неудачу своихъ неоднократныхъ попытокъ, давно перестала мучить своего учителя, который, также какъ Меерсонъ, полагалъ, что время возьметъ свое и изгладитъ ея дѣтскія мечты о томъ, о чемъ, по его мнѣнію, припоминать не стоило. И теперь, въ это утро, она, по

обыкновенію, спокойная и грустная, упражнялась съ своимъ учителемъ въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій.

Меерсонъ сидѣлъ въ одной изъ комнатъ своей конторы, запершись съ нотаріусомъ Кутеромъ. Конторщики очень удивлялись этому долгому совѣщанію ихъ патрона съ маленькимъ нотаріусомъ. Они знали, что Меерсонъ не очень любилъ Кутера, и хотя послѣдній жилъ тоже въ этомъ же самомъ домѣ, однако съ самого начала водворенія торговаго дома Эфраима Меерсона, Кутеръ былъ всего, можетъ быть, два-три раза, потому что дѣлами этого дома занимался другой нотаріусъ и адвокатъ.

— Странно, сказалъ молодой человѣкъ, корреспондентъ на четырехъ европейскихъ языкахъ, посмотрѣвъ на стѣнные часы. Странно! Уже часъ и десять минутъ, какъ они тамъ шепчутся.

— Вѣроятно дѣло важное, отвѣчалъ другой молодой человѣкъ, отпечатывая прессомъ копіи съ писемъ, отправляемыхъ за-границу.

Корреспондентъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— Кутеръ и важное дѣло — двѣ вещи невозможныя, сказалъ онъ. — Я его узналъ хорошо, когда еще служилъ въ конторѣ Вельшера. Тамъ его терпѣть не могутъ; одинъ только старикъ какъ-то его держится: вмѣстѣ, говорятъ, въ школѣ обучались. Еслибъ не это, онъ бы туда носа не смѣлъ показывать.

— Ну, ужъ молодые Вельшеры, — не говорите объ нихъ, пожалуйста, возразилъ до того молчавшій бухгалтеръ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень привлекательной наружности. — Знаю я ихъ. Это истинные людоѣды, которые *мальтретируютъ* каждаго, кто, къ несчастью, приходитъ съ ними въ соприкосновеніе.

— Согласенъ, отвѣчалъ корреспондентъ: — но тутъ рѣчь идетъ о Кутерѣ.... Это, по моему мнѣнію, несноснѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— О, есть еще хуже, сказалъ бухгалтеръ, усмѣхнувшись.

— Можетъ быть, отвѣчалъ корреспондентъ: — но для дѣловыхъ людей Кутеръ истинный бичъ. Заговоритъ сначала о какомъ-нибудь дѣлѣ, а кончитъ притчей. Вѣчно у него въ головѣ какіе-то обветшалые анекдоты, которые онъ разсказываетъ ни къ селу ни къ городу, и самъ же смѣется имъ.

— Счастливецъ! прервалъ молодой копіистъ. — Онъ «доволенъ самъ-собой, своимъ обѣдомъ и женой». По его мнѣнію, онъ самый умный, самый ученый и самый дѣльный человѣкъ въ свѣтѣ. Онъ счастливъ, право.

— Да, несчастливъ тотъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, возра-

зилъ корреспондентъ. — Онъ тамъ заговоритъ до смерти нашего старика.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, отвѣчалъ бухгалтеръ. — Нашъ старикъ не такъ легко позволитъ заговорить себя до смерти: онъ Англичанинъ по характеру, — меньше словъ, больше дѣла. Онъ церемонится съ Кутеромъ не станетъ.... Должно быть, вправду, дѣло очень важное, когда они такъ долго трактуютъ.

— Непостижимо! произнесъ корреспондентъ, поднявъ плечи.

Въ это самое мгновенье ключъ два раза повернулся въ таинственной двери, за которою оба старика такъ долго совѣщались. Кутеръ, немного раскраснѣвшійся и, повидимому, очень довольный своимъ успѣхомъ, быстро выпрыгнулъ изъ комнаты, покачивая своею маленькой головкой на право и на лѣво; за нимъ на порогѣ остановился Меерсонъ, съ своимъ вѣчно спокойнымъ и серьезнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Нотаріусъ нѣсколько разъ споткнулся объ вытянутыя ноги сидѣвшихъ конторщиковъ, и, разсыпая извиненія во всѣ стороны, отъискалъ свою палку, которую самъ въ попыхахъ заткнулъ за какой-то шкафъ; еще разъ обернулся онъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ Меерсонъ, тотъ слегка далъ ему прощальный знакъ головой, отчего маленькій Кутеръ пришелъ въ неописанный восторгъ и стукнулся лбомъ съ такимъ же, какъ онъ, маленькимъ корабельнымъ маклеромъ, который готовился войдти въ контору. Меерсонъ отворилъ настежъ дверь своей рабочей комнаты и, сѣвъ въ кресло, сложилъ руки на груди и опустилъ голову въ глубокой задумчивости. Напрасно бросали конторщики украдкой свои взгляды на него: они ничего не могли прочесть на этомъ кругломъ и гладкомъ лицѣ, оправленномъ въ пару огромныхъ воротничковъ, туго накрахмаленныхъ *à la old english bachelor*.

Кутеръ стремительно вбѣжалъ къ себѣ на квартиру и, минувъ свою контору, которая помѣщалась съ лѣвой стороны, бросился на право, прямо къ женѣ, которая въ то время сидѣла на высокомъ стулѣ и задумчиво гладила бѣлый жилетъ своего мужа.

— Брайна! сокровище! перлъ моей жизни! вскричалъ нотаріусъ, подбѣжавъ къ женѣ. — Дай руку, скорѣй, скорѣй!

Мадамъ Кутеръ улыбнулась и съ удивительною граціей подала мужу своему руку, которую онъ началъ осыпать поцѣлуями.

— Поздравь меня, вѣнецъ мой, поздравь! кричалъ онъ.

— Съ чѣмъ же, Самсонъ, другъ мой? спросила жена.

— Нѣтъ, постой! прежде скажи, есть ли подобный мнѣ на

свѣтѣ? Нѣтъ, скажи, скажи, есть ли еще другой Самсонъ Кутеръ на свѣтѣ?

— О, отвѣчала жена, наклонивъ голову на одинъ бокъ: — безъ сомнѣнія нѣтъ!

— Ну, теперь хорошо, сказалъ Кутеръ, безпрестанно бѣгая по комнатѣ. — Теперь, вотъ узнаешь.

— Что-жъ тамъ такое?

— Что такое? хи, хи, хи! такое, что никому, кромѣ Самсона Кутера, въ голову не прійдетъ.

Жена замолчала и продолжала гладить.

— Не сердись, Брайночка, продолжалъ мужъ, одѣваясь въ свое комнатное пальто: — сейчасъ узнаешь.

Онъ схватилъ соломенный стулъ и подсѣлъ къ женѣ.

— Ишь! произнесъ онъ въ полголоса. — Дѣло сдѣлалъ, другъ мой! дѣло, за которое мнѣ слѣдуетъ поставить монументъ.

— Скажешь ли наконецъ, какое это дѣло? спросила нѣсколько нетерпѣливая жена.

— Скажу, непремѣнно скажу. Кому же скажу я, какъ не тебѣ?... А давно хотѣлъ сказать, давно, давно.... это дѣло душило меня; а надо было молчать.... нельзя, приказано было молчать. Теперь, слава Богу, кончилъ! теперь можно сказать.

Онъ потеръ крѣпко руки и отшатнулся немного въ сторону, устремивъ въ свою милую половину, безконечно лукавый, по его мнѣнію, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный взглядъ.

— И такъ.... сказала жена, вытянувъ немного шею впередъ.

— И такъ.... отвѣчалъ мужъ, вытянувъ шею по тому же направленію. — И такъ, сокровище мое, я долженъ тебѣ сказать, что я.... я, Самсонъ Кутеръ, in propria persona, какъ у насъ ученыхъ говорится, я.... адвокатъ и нотаріусъ.... сдѣлался — *шадханомъ* *).

— Вотъ еще! вскричала Брайна, съ неудовольствіемъ, надувъ свои блѣдныя губы.

— Ишь! *шадханомъ*, повторилъ мужъ: — но шадханомъ первой руки, первой, первой, первой.

— Кого-жъ ты сосваталъ?

— Кого? бездѣлица.... пустяки! кого я сосваталъ! Хи, хи, хи! я высваталъ для Соломона Вельшера невѣсту.... а.... а для Тилы Меерсонъ жениха.

— Какъ? что?

*) Такъ называется лицо, занимающееся сватовствомъ.

— Хмъ! ничего, пустяки.... вздоръ, продолжалъ Кутеръ, бѣгая опять по комнатѣ и вложивъ обѣ руки въ передніе карманы пальто. — Вздоръ! это легко, какъ легко вытянуть волосокъ изъ молока. Эка важность, свести всѣхъ этихъ медвѣдей и устроить такую партію какъ Соломонъ и Тила!...

— Садись же, другъ мой, сказала Брайна: — садись и расскажи какъ слѣдуетъ.

Кутеръ сѣлъ подлѣ жены.

— Ага! сказалъ онъ: — понимаешь, въ чѣмъ состоитъ подвигъ, понимаешь! Слава Богу, что хоть ты меня понимаешь!... Другіе меня понимать не въ состояніи.... Я бы заглохъ въ толпѣ, какъ.... какъ цѣлебная трава въ бурьянѣ; я бы превратился въ ничтожество.... я былъ бы простой, обыкновенный человѣкъ, еслибъ не ты....

Брайна вздохнула и томно взвела глаза въ гору.

— Ты одна понимаешь меня, душа моя, продолжалъ мужъ: — стало быть поймешь, какой трудъ, какой ужасный, какой громадный трудъ мнѣ предстоялъ въ этомъ дѣлѣ.

— О, вполнѣ постигаю, сказала Брайна. — Какъ же это тебѣ пришло въ голову?

— Простѣйшимъ образомъ. Ты знаешь, что падчерица Мерсона уже была за Соломономъ Вельшеромъ; стало быть, они уже какъ-то... какъ-то.

— Свои, подхватила жена.

— Точно такъ. Ну, знаешь и то, что Меерсонъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нашелъ дочь свою.

— Какъ не знать! весь городъ знаетъ эту странную исторію.

— Прекрасно! вотъ мнѣ и пришла въ голову идея, нельзя ли опять какъ нибудь соединить эти два семейства. Я рискнулъ... отправился къ Бинѣ Вельшеръ и сообщилъ ей мою идею.

— Ахъ, Самсонъ, какъ глубоко знаешь ты людей!... какъ глубоко! Обратись ты...

— Обратись я въ духа безплотнаго и тогда бы не могъ знать ихъ лучше.

— Нѣтъ, не то хотѣла я сказать.

— А, не то хотѣла ты сказать... ну, хорошо. Чтожъ ты хотѣла сказать?

— Я хотѣла сказать, что обратись ты къ старику Нафтали — все дѣло пропало бы.

— Хи, хи, хи, разумѣется! я зналъ съ какого боку зайдти.

Думалъ, просто, что Бина нападетъ на меня какъ *черное утро*; но скрѣпилъ сердце, рѣшился: мнѣ эта идея покою не давала. Думаю, была не была...

— Это любопытно, сказала Брайна, улыбаясь.

— Куда любопытно! вскричалъ Кутеръ: — просто мурашки по кожѣ лѣзутъ, какъ вспомню съ какимъ трепетомъ я подходилъ къ старухѣ. Однако, ничего: старуха тотчасъ согласилась и сказала мнѣ откровенно... откровенно... хи, хи хи!

Кутеръ залился смѣхомъ и взялся за-бока.

— Умора! просто! Бина Вельшеръ говоритъ откровенно. Повѣритъ ли этому кто-нибудь!.. хи, хи, хи!.. Сказала мнѣ откровенно, что эта идея родилась и у ней, при первомъ извѣстіи о найденной какой-то дочери Меерсона.

Ну, дальше.

— Я знаешь, выпрямился, услышавъ это; думаю себѣ: съ самымъ лютымъ звѣремъ совладѣлъ. Позвали на верхъ Соломона, — и этотъ ничего, только задумался немного; потомъ попросилъ нѣсколько дней на размышленіе. Нечего дѣлать: надо было подождать; но каково мнѣ было молчать, каково... каково... и не сказать тебѣ ни слова обо всемъ этомъ, тебѣ, перлъ моей души.

Брайна кокетливо погрозила на него пальцемъ.

— Я чуть не лопнулъ, другъ мой, продолжалъ Кутеръ: — просто чуть не лопнулъ отъ огорченія, что долженъ отъ тебя скрываться; да что дѣлать: Бина строго приказала, — говоритъ: «смотрите, Кутеръ, ни слова никому, даже вашей женѣ, пока дѣло не окончится; если же оно совсѣмъ не состоится, то вы на вѣки должны забыть объ нашихъ переговорахъ и никому, Боже сохрани! даже малѣйшаго намека». Я поклялся тобой, Брайночка, тобой, твоимъ здоровьемъ, какъ же бы могъ я нарушить клятву.

— Это другое дѣло, сказала Брайна: — въ такомъ случаѣ я тебя прощаю... Ну, продолжай.

— Въ тотъ же день подстерегъ я Меерсона, когда онъ гулялъ вечеромъ на набережной. Онъ меня выслушалъ внимательно, долго молчалъ, потомъ отвѣчалъ однимъ словомъ: «Подумаю». Ну, Самсонъ Кутеръ, думаю и я себѣ, ты великій человѣкъ.

— И это все тянулось до сегодняшняго дня? спросила жена.

— Да, отвѣчалъ мужъ. — Сегодня дѣло пришло къ концу, все улажено, условія всѣ написаны... черезъ нѣсколько дней будетъ и сговоръ; а я... я схвачу пару тысячъ цѣлковыхъ, пару

тысячъ... пару тысячъ круглыхъ серебряныхъ цѣлковыхъ, какъ честный человѣкъ!

Жена уставила глаза на мужа и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Удивляешься? вскричалъ Кутеръ весело, взявъ ее за подбородокъ. То-то, знай нашихъ!

— Что-то черезъ-чуръ много, сказала жена въ раздумьѣ.

— А какъ растолкую, такъ и не черезъ-чуръ, отвѣчалъ мужъ. Меерсонъ даетъ сто тысячъ серебромъ... слышишь-ли? сто тысячъ; а въ такомъ случаѣ шадхану слѣдуетъ два процента съ приданаго.

Брайна значительно покачала головой.

— Ну, ужъ и кушъ тоже порядочный, сказала она: — шутка ли, сто тысячъ!.. А Вельшеръ сколько даетъ?

— Дурочка ты моя безцѣнная, Вельшеръ ничего не даетъ. Соломонъ вѣдь участникъ *дома*... самъ капиталистъ готовый... Такъ вотъ оно что!..

— Ну, и то сказать, вѣдь Соломонъ Вельшеръ лицо извѣстное, а беретъ Богъ знаетъ кого, уличную дѣвочку, грошовую комедіантку... Оно, если поразмыслить хорошенько, и не много сто тысячъ за однѣ только насмѣшки его родныхъ братьевъ, не говоря уже о чужихъ.

— Деньги, Брайна, деньги! Серебро все покрываетъ, сказалъ одинъ нашъ древній мудрецъ. *Они*-то и толковали сначала — да какъ? да что? да другое? дескать комедіантша, шлялась ни вѣсть съ кѣмъ... что̀ будутъ говорить въ городѣ? и тому подобное; да я имъ *забилъ гаки-баки*. Куда! говорю, все это вранье, выдумки: никогда не бывала она комедіантшей, а такъ, дѣйствительно была у зажиточнаго шарманщика... четыре работника отъ него ходятъ, а самъ онъ никогда не ходитъ... человѣкъ очень зажиточный, бездѣтный... вотъ и взялъ онъ дѣвочку въ Польшѣ къ себѣ и привезъ съ собой сюда, хотѣлъ въ училище отдать, и прочая и прочая, хи, хи, хи, хи! Ужъ кому, говорю, это знать лучше какъ не мнѣ: въ одномъ дворѣ живемъ; самъ, говорю, былъ притомъ какъ шарманщикъ, пришедши въ нашъ дворъ нанять квартиру, привелъ съ собой и дѣвочку; случился тутъ, говорю, и Меерсонъ и сталъ вглядываться въ дѣвчонку... сходство ужасное съ матерью... ну, и открылась вся исторія, и прочая, и прочая, хи, хи, хи! И поклялся имъ даже, поклялся тобой, Брай...

Кутеръ спохватился и ударилъ себя нѣсколько разъ по губамъ.

— Безсовѣстный! сказала жена съ неудовольствіемъ: — во всякой лжи ты все клянешься мною.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ мужъ: — не тобой я имъ клялся: я забылъ; увѣряю тебя — не тобой... клянусь твоимъ здоровьемъ, милый другъ мой, что не тобой!

— Ну, хорошо, хорошо, перестань — вѣрю, сказала жена.

— Такъ вотъ такимъ образомъ я ихъ и умаслилъ, началъ опять Кутеръ.

— А они тебѣ повѣрили?

— Повѣрили, или нѣтъ, какая надобность; а показали видъ, что повѣрили.

— А молвы не обманешь, Самсонъ: все-таки вѣчно будутъ говорить, что жена Соломона Вельшера была нѣкогда уличною комедіантшей.

— Комедіантшей, комедіантшей! возразилъ мужъ, поднявшись со стула и ставъ среди комнаты.

Онъ нѣсколько времени смотрѣлъ въ потолокъ съ чрезвычайно глубокомысленнымъ видомъ, какъ будто готовясь разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ въ мірѣ.

— Мы всѣ комедіанты, Брайна, фокусники въ нѣкоторомъ родѣ, сказалъ онъ, прищуривъ одинъ глазъ и наклонивъ голову на бокъ. Я на эту тему напишу разсужденіе и покажу тебѣ; а теперь я слишкомъ взолнованъ, слишкомъ, слишкомъ: двѣ тысячи такъ и вертятся передъ глазами... цапъ-царапъ, гопъ-са-са!

Нотаріусъ подпрыгнулъ и, протянувъ свою маленькую ручку, быстро сдавилъ ладонь, какъ будто стараясь что-то поймать въ воздухѣ. Брайна улыбнулась веселости своего мужа.

— Когда-жъ ты получишь? спросила она. — Неужели ждать до свадьбы?.. Вѣдь свадьба, я думаю, еще не скоро будетъ.

— Не скоро, не скоро, совсѣмъ не скоро, отвѣчалъ Кутеръ, опять садясь: — черезъ три года. Невѣста теперь какъ-то не совсѣмъ здорова; вотъ и положили, чтобъ ждать пока она поправиться; отецъ тогда повезетъ ее за-границу и тамъ оставитъ, а когда наступитъ срокъ свадьбѣ, Соломонъ отправится туда же и дѣло съ концомъ. Тамъ новобрачные пробудутъ нѣсколько времени... Такимъ образомъ забудутся всѣ пересуды и Соломонъ Вельшеръ прикатитъ сюда съ молодою женой. Пойди послѣ дѣлай слѣдствіе и раскрывай прошедшее, хи, хи, хи!

— Такъ ты свой куртажъ получишь еще только послѣ свадьбы? спросила опять жена, сдѣлавъ очень кислую мину.

— Шутишь, душа моя! отвѣчалъ мужъ: — Самсонъ Кутеръ

такъ долго не ждетъ... Я уже распорядился на этотъ счетъ... На другой день послѣ сговора я получу отъ Меерсона половину, а другую передъ его отъѣздомъ съ дочерью... гмъ! гмъ!

Кутеръ, прищуривъ глаза, началъ задумчиво гладить обѣими руками свои колѣни и слегка покачиваться на стулѣ.

— Гмъ! произнесъ онъ задумчиво. — Вижу васъ передъ собой, о, вы, магическіе кружки! Нѣтъ, стара штука, герръ-Меерсонъ: я голландскихъ червонцевъ не беру, не беру, — мнѣ пожалуйте русскою звонкою монетой, или кредитными... вотъ такъ... гмъ!.. разъ, два, три, четыре... О, я ихъ заработалъ, заработалъ кровавымъ потомъ... пять, шесть... шутка ли! бѣгать взадъ и впередъ... семь... взадъ и впередъ, выслушивать непріятныя вещи, которыя одна сторона говоритъ про другую, и передавать ихъ въ смягченномъ, такъ сказать, въ смягченномъ видѣ, и... и... восемь, девять, десять... вотъ такъ-десять пачекъ, ровно тысяча! сюда васъ, вотъ сюда, мои почтенныя, согрѣйте мнѣ сердце немного...

Онъ вложилъ правую руку въ боковой карманъ своего пальто, какъ будто пряча туда кредитные билеты, полученные отъ Меерсона.

— Ахъ! вскричалъ онъ вдругъ, нащупавъ что-то въ карманѣ. — Ахъ, я болванъ, что я надѣлалъ!

Онъ въ сильномъ разстройствѣ вскочилъ со стула.

— Что такое, Самсонъ? спросила испуганная жена.

— Ахъ, я болванъ, ахъ, я негодный человѣкъ! кричалъ Кутеръ, вытаскивая изъ кармана небольшой лоскутокъ исписанной гербовой бумаги и показывая его женѣ.

— Ну, чтожъ, вексель... сказала она.

— Да, вексель, которому *грація* *) прошла еще позавчера, жалобно отвѣчалъ нотаріусъ. — Еще позавчера принесли *къ протесту*... Я положилъ въ карманъ и — забылъ; ни самъ къ должнику не пошелъ, ни повѣстки не посылалъ. Ахъ, Боже мой! что я надѣлалъ! упустилъ протестъ... упустилъ протестъ.... а въ пятьсотъ пятой статьѣ устава о векселяхъ...

— Въ пятьсотъ двѣнадцатой, кажется, другъ мой, подхватила жена.

— Все равно! нетерпѣливо вскричалъ мужъ, бѣгая по комнатѣ какъ угорѣлый: — протестъ пропущенъ — сила векселя

---

*) Такъ обыкновенно называются *десять дней обожданія*, установленные для купеческихъ векселей.

пропала... бѣгу, лечу... къ плательщику... если онъ честный человѣкъ, то авось какъ нибудь выпутаюсь изъ бѣды.

— Бѣги, бѣги, скорѣй, говорила встревоженная жена, помогая мужу высвободиться изъ его пальто, и напяливая на него его будничній фракъ. — Ахъ, горе какое! продолжала она, когда мужъ улетѣлъ стрѣлой поправлять дѣла просроченнаго векселя. Ахъ, несчастье! вотъ тебѣ и заработалъ!.. Бѣдный Самсонъ! несчастный Самсонъ! безалаберный Самсонъ! А всему виной его поэтическій талантъ: не будь онъ поэтомъ, — онъ не былъ бы такъ разсѣянъ. И Клопштокъ былъ разсѣянъ, и Жанъ-Поль Рихтеръ былъ разсѣянъ, и... и... ну, еще многіе, и Гёте... нѣтъ, Гёте, кажется, не былъ разсѣянъ; напротивъ, онъ былъ очень аккуратный человѣкъ... Все равно, всѣ великіе люди подвержены этой слабости. Какъ это устроено все чудно на свѣтѣ! высокій умъ... ахъ! талантъ... ахъ! поэзія... ахъ! все это враждуетъ съ дѣйствительностью... Ахъ! а бѣднаго Самсона можно еще и подъ судъ отдать за упущеніе по должности...

Оставимъ мадамъ Кутеръ ахать, и будемъ продолжать далѣе.

Вечеромъ того же дня Меерсонъ зашелъ къ Осколкину, который за письменнымъ столомъ приготовлялъ письмо къ кому-то изъ своихъ знакомыхъ. Бубновъ лежалъ, вытянувшись на диванѣ, и читалъ книгу.

— Вечеръ добрый! сказалъ старикъ: — что подѣлываете? ужъ нѣсколько дней мы не видѣлись.

— Да, вы все были очень озабочены, отвѣчалъ Осколкинъ, перестав писать. Мы не хотѣли мѣшать вамъ.

— А я хоть и давалъ уроки мамзель Тилѣ каждый день, сказалъ Бубновъ, вставъ съ дивана и сѣвъ подлѣ Меерсона: — я васъ почти не видѣлъ въ глаза.

— Да, я былъ очень занятъ, отвѣчалъ Меерсонъ: — пропасть было дѣлъ; но между всѣми дѣлами, было одно, требовавшее очень много размышленія и соображеній. Наконецъ, это дѣло уладилось; именно, объ немъ пришелъ я сообщить вамъ...

Друзья устремили любопытные взоры на старика.

— Вотъ, вкратцѣ скажу вамъ, господа, продолжалъ онъ. — Я васъ обоихъ считаю моими лучшими друзьями, и потому не могу не подѣлиться съ вами моею радостью. Помните, въ первый вечеръ, когда я нашелъ мою дочь, я обѣщалъ задать вамъ пирушку. Какъ-то все не клеилось до-сихъ-поръ. Теперь вы попируете у меня заурядъ ужъ и за сговоръ моей дочери.

— Какой сговоръ? спросили оба въ одинъ голосъ.

— Я засваталъ мою Тилочку за Соломона Вельшера, отвѣчалъ Меерсонъ.

— Какъ, за того самого, что былъ женатъ на Сперанцѣ? спросилъ изумленный Осколкинъ.

— За того самаго.

— Въ умѣ ли вы, старикъ? вскричалъ Осколкинъ: — вы же сами неблаговолили къ этому молодому человѣку и ко всему семейству... Чего вы такъ поспѣшили? Перезрѣлая дѣва ваша дочь, что-ли? не могли подождать еще пять-шесть лѣтъ?

— Свадьбой-то и подождемъ нѣсколько лѣтъ, отвѣчалъ Меерсонъ: — а сговорить слѣдовало теперь. Партія блистательная; пожалуй, Соломонъ Вельшеръ можетъ себѣ съискать невѣсту всегда, а я не долженъ упускать случая. Между нами сказано, вѣдь никто не забылъ, что моя дочь ходила съ обезьяной и шарманкой по трактирамъ.

— Чтожъ за бѣда? ваши деньги все изгладятъ, сказалъ Осколкинъ.

— Онѣ-то и изглаживаютъ, отвѣчалъ Меерсонъ. Въ настоящемъ моемъ положеніи я не могу отдать моей дочери за-кого попало: я долженъ искать партію приличную моему состоянію; а изъ приличныхъ моему состоянію, не всѣ согласятся жениться на уличной пѣвуньѣ. Соломонъ Вельшеръ пренебрегаетъ пустыми толками и пересудами; положимъ, что это оттого, что онъ нѣкоторымъ образомъ считаетъ себя уже связаннымъ со мною по первому браку съ моей падчерицей, или положимъ, что мои сто тысячъ превращаютъ его въ такого философа. Это разъ. Другое, несчастная привязанность моей дочери къ этому проклятому шарманщику, заставила меня скорѣй сдѣлать этотъ шагъ. Хоть моя Тилочка очень умна, но все же она еще ребенокъ; она себѣ взяла въ голову какую-то мысль о женихѣ, — вотъ и даю ей жениха: — она увидитъ разницу между красивымъ и ловкимъ Соломономъ и неуклюжимъ Пэрецомъ. Это подѣйствуетъ на нее; она пойметъ все свое прежнее ребячество, и оцѣнитъ мою привязанность, перестанетъ грустить, поправится въ здоровьѣ, и далѣе, и далѣе. Не правъ ли я, мсье Бубновъ?

— Какъ нельзя болѣе, отвѣчалъ Бубновъ: — вы поступаете какъ умнѣйшій человѣкъ.

— Ну, а что касается до того, что я не люблю семейства Вельшеровъ, продолжалъ Меерсонъ: — то я вамъ давно сказалъ, что можетъ быть это одно предубѣжденіе. Я совсѣмъ не такъ самолюбивъ, чтобъ полагать, что ужъ когда я не возлю-

билъ кого-нибудь, то онъ и впрямъ недостоинъ любви. Впрочемъ, всѣ считаютъ Соломона лучшимъ изъ молодыхъ Вельшеровъ... я все это долго обдумывалъ и сладилъ съ самимъ собой, прибавилъ онъ, улыбаясь: — такъ и быть, я рѣшился.

— Если такъ, то пусть и такъ: вы, конечно, лучше знаете, сказалъ Осколкинъ: — поздравляю отъ души и желаю много счастья вашей дочери.

— Благодарю. Черезъ нѣсколько дней у насъ будетъ формальный сговоръ и разныя китайскія церемоніи; а послѣ того я устрою у себя дома пирушку только для васъ двухъ, господа... повеселимся тогда втроемъ.

Потолковавъ еще нѣсколько времени о разныхъ разностяхъ, Меерсонъ ушелъ къ себѣ домой.

На другой день, около полудня, Бубновъ шелъ на урокъ къ маленькой дочери Разгородкиной. Хотя время шло къ осени, однако жаръ былъ очень чувствительный и южный вѣтеръ подымалъ цѣлыя облака пыли. Еслибъ была какая нибудь возможность подняться надъ городомъ и взглянуть на него сверху, то можно было бы сказать, что это разъигралась буря на пыльномъ океанѣ, котораго волны, разрѣзываемыя невидимой силой, по временамъ позволяютъ видѣть подводные, то есть *подпыльные камни*, очень похожіе на дома съ крышами. Полагаемъ, что именно въ этомъ хотѣлъ удостовѣриться одинъ очень искусный воздухоплаватель, удостоившій обобрать насъ въ одно прекрасное воскресенье и оставившій намъ въ утѣшеніе какой-то гигантскій колпакъ, очень удобный для домашняго неглиже Вельзевула.

Бубновъ шелъ и безпрестанно отплевывался. Онъ закутался въ свой фуляровый плащъ, такъ что только одни глаза его были видны, и размышлялъ о выгодахъ и невыгодахъ пыли. Выгодна она для портныхъ, для оптиковъ, для прачекъ и для Армянъ-цирюльниковъ, которые то и дѣло что моютъ по цѣлымъ днямъ своимъ ближнимъ головы и шеи турецкимъ мыломъ; а невыгодна она, разумѣется, для остальной части человѣческаго рода, не принадлежащей ни къ портнымъ, ни къ оптикамъ, ни къ прачкамъ, ни къ цирюльникамъ. Потомъ Бубнову вообразилось, что собака ему бросилась подъ ноги, и онъ порядочно испугался, но въ ту же минуту успокоился, увѣрившись, что это не болѣе какъ шляпа, катившаяся по тротуару, за которою бѣжалъ какой-то господинъ съ длинными кудрями, бормоча сквозь зубы: «Quel chien de vent!.. c'est abominable!» Бубновъ машинально взялся за свою шляпу, желая убѣдиться въ ея пребываніи на

должномъ мѣстѣ, и улыбнулся самодовольно. Потомъ онъ началъ всматриваться въ пару удивительныхъ женскихъ ботинокъ, которыя подвигались впереди его и граціозно постукивали по тротуару, потому-что хозяйка ихъ, во избѣжаніе всякаго случая, туго обтянула около себя полы платья и, придерживая ихъ одной рукой спереди, а другой сзади, медленно шла своей дорогой. Ботинки были чудо какъ хороши и самымъ изящнымъ образомъ затянуты поверхъ бѣлаго чулка.

«Нѣтъ, думалъ Бубновъ: далеко вамъ до ботинокъ Софьи Ильинишны. Куда! (онъ нагнулся немного). Пятка дѣйствительно миніатюрная; но все что-то вульгарное проглядываетъ въноскѣ. Совсѣмъ не тотъ покрой, не тотъ шикъ. Да и то сказать, такой аристократической ножки какъ у Софьи Ильинишны, со свѣчой поискать. Готовъ я объ закладъ биться, что у Фанни Эльслеръ нога не изящнѣе. Да!.. что за прелестная женщина, эта Софья Ильинишна... а злодѣй Сеня тотчасъ смекнулъ... Экка кулакъ! его никакъ не обманешь. А чтобы сказалъ онъ еще, еслибъ зналъ какъ я совѣстился цѣлыхъ два дня смотрѣть ей въ глаза послѣ того, какъ рѣшился поцѣловать ее нѣсколько разъ въ руку! и какъ она сказала мнѣ тихо, тихо: «Вы дитя Alexis, право!»... и какъ она зардѣлась при этомъ!.. и какъ она начала развязывать ленточку на моей шляпѣ... а я съ дуру вскрикнулъ: «Ахъ, Софья Ильинишна, вы совсѣмъ испортили бантикъ!» и тѣмъ испортилъ все дѣло... А я робокъ, право. Чего тутъ робѣть! Меерсонъ правъ: она свободна, я свободенъ... пора мнѣ сдѣлаться положительнымъ человѣкомъ. А чтобъ для состоянія ея — нѣтъ! ей-Богу, нѣтъ! я люблю ее, люблю... она стоитъ любви искренней, вѣчной, а объ имѣніи и не думаю, нѣтъ! какъ честный человѣкъ, нѣтъ!»

Бубновъ строго экзаменовалъ свое сердце и клялся не напрасно. Онъ опасался, можетъ быть въ какомъ-нибудь отдаленномъ тайникѣ его сердца скрывается, невѣдомо для него самого, малѣйшее побужденіе, противное правиламъ благороднаго человѣка; но онъ убѣдился въ чистотѣ своего чувства и успокоился. Бубновъ не принадлежалъ къ тѣмъ, которые хотятъ только быть правыми передъ другими: въ дѣлахъ серьезныхъ, гдѣ дѣло шло о чести, онъ хотѣлъ быть правымъ передъ самимъ собой. Онъ вошелъ къ Разгородкиной въ переднюю, въ томъ убѣжденіи, что согласись только она за него выйдти замужъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ все состояніе записать Любинькѣ, онъ бы ей еще спасибо сказалъ.

Охорашиваясь и стирая съ себя пыль, Бубновъ, однакожъ, внутренно смѣялся надъ своими воздушными замками и невольно спросилъ самъ себя: зачѣмъ эта мысль о женитьбѣ на Разгородкиной такъ упрямо засѣла ему въ голову? Занятый разрѣшеніемъ этого вопроса, онъ тихонько отворилъ дверь передней и остановился. Софья Ильинишна вполголоса пѣла за фортепьяно. Бубновъ началъ прислушиваться къ словамъ и узналъ одну изъ своихъ страстныхъ пѣсень, положенныхъ Разгородкиною на музыку. Онъ на цыпочкахъ прошелъ первую комнату и незамѣтно вошелъ во-вторую, гдѣ стоялъ ройяль. Пѣвица была такъ углублена, что не замѣтила Бубнова. Онъ тихонько присѣлъ на стулѣ, стоявшемъ позади фортепьяно, и, сгорбившись немного и сложивъ руки на груди, началъ разглядывать пѣвицу сквозь пюпитръ. Какъ она была хороша въ эту минуту! Небрежно причесанные ея волосы частью свѣсились на одну щеку, а частью ниспадали на бѣлоснѣжную шею; лицо ея дышало свѣжестью, какъ роза омытая утреннею росой; опущенные ея глаза неподвижно были устремлены на клавиши; тонкій газовый шарфъ нѣсколько разъ небрежно обмотанный вокругъ шеи придавалъ какой-то фантастическій видъ всей головѣ, которая казалась будто выходящею изъ прозрачнаго облака; изъ широкихъ и короткихъ рукавовъ ея шелковаго полосатаго платья, сѣроголубаго цвѣта, выглядывали ея бѣлые изящно округленные локти. Казалось пѣвица прислушивалась къ каждому слову, произносимому ею, и, по выраженію ея лица, то пламенному, то томному, можно было видѣть какъ глубоко она была прочувствована содержаніемъ своей пѣсни. Бубновъ все глядѣлъ, глядѣлъ и не утомился бы глядѣть цѣлый вѣкъ; слезы нечувствительно катились по его лицу; въ первый разъ въ жизни поэтъ почувствовалъ все свое достоинство, и увидѣлъ сочетаніе красоты съ поэзіей; — красота трепетала и задумывалась надъ его задушевными мыслями, а эти задушевныя мысли придавали такое чудное выраженіе красотѣ! Бубновъ притаилъ дыханіе и все глядѣлъ и слушалъ, и крѣпко сжалъ себѣ грудь обѣими руками, когда пѣвица страстно, съ прерваннымъ вздохомъ, произнесла послѣдній стихъ пѣсни: «О, спѣши, милый другъ, на свиданье любви!» Софья Ильинишна замолчала, но пальцы ея небрежно перебирали клавиши и отъ мотива пѣсни перешли къ прелюдіи, въ la-mineur; она все продолжала сидѣть въ одномъ положеніи, съ опущенными рѣсницами, а Бубновъ не спускалъ съ нея глазъ, изъ которыхъ одна за-одной катились слезинки по его лицу.

Еще одинъ глубокій-глубокій вздохъ испустила Софья Ильинишна и быстро встала съ табурета.

— Боже! вскричала она, покраснѣвъ до ушей: — вы, Alexis... Алексѣй Павловичъ... здѣсь!

Бубновъ молчалъ и только слѣдилъ глазами за ея движеніями. Она подошла и положила руку къ нему на плечо.

— Вы давно здѣсь? спросила она.

Бубновъ опомнился и всталъ.

— Давно... давно, сказалъ онъ: — я прожилъ тутъ тридцать лѣтъ въ двѣ минуты.

Оба стояли другъ противъ друга, пристально глядя себѣ въ глаза.

— О чемъ же эти слезы? спросила она.

— О чемъ! Боже мой, еслибъ я смѣлъ сказать! отвѣчалъ Бубновъ.

— Послушайте, сказала Софья Ильинишна спокойнымъ голосомъ: — сядемте на диванъ... намъ должно поговорить. Хорошо... Ну, дайте вашу руку... такъ.

Она положила на свою ладонь его руку и прикрыла ее другою своею ладонью.

— Ну, хорошо, продолжала она: — вы меня любите, Алеша: я это вижу.

— О, болѣе, болѣе...

— Хорошо, хорошо. И я васъ люблю, Алеша: вы это тоже видите.

— О! произнесъ опять Бубновъ, засверкавъ своими чудными черными глазами.

— Оставимъ восклицанія. Мы съ вами люди умные. Романовъ, я думаю, мы начитались вдоволь, любовныя объясненія намъ ни почемъ. Докажемъ же, что всѣ эти объясненія не вѣрны натурѣ и объяснимся въ этомъ чувствѣ, какъ двумъ разумнымъ существамъ прилично.

Бубновъ улыбнулся сквозь слезы и его лицо радостно засіяло, какъ солнышко послѣ лѣтняго минутнаго дождя.

— Мы любимъ другъ друга, продолжала Софья Ильинишна: — отчего-жъ не сказать этого обдуманно, хладнокровно, безъ возгласовъ, такъ какъ любовь эта родилась въ насъ не мгновенно: вѣроятно мы ее долго обдумывали на свободѣ. - Стыдиться нашего чувства — было бы грѣхъ: оно чисто и безкорыстно. И такъ, по рукамъ, мой милый поэтъ, будемъ просить Небо о сча-

стія и согласія: отнынѣ мы будущіе супруги. Вотъ вамъ въ задатокъ мой поцѣлуй.

И она запечатлѣла страстный, долгій поцѣлуй на губахъ Бубнова, который трепеталъ и замиралъ подъ вліяніемъ этого благовоннаго поцѣлуя, разсыпавшаго горячія искры по всему тѣлу молодаго человѣка. Онъ обнялъ одной рукой ея талью.

— Другъ мой, счастье мое, Софья Ильинишна! вскричалъ онъ: — что могу я вамъ сказать?.. Что, что? ей-Богу, ничего, кромѣ того, что всю мою жизнь... А! не хочу!.. Не хочу профанировать обыкновенными словами моего святаго чувства къ вамъ. Вы правы: не нужно ни возгласовъ ни разглагольствованій. Я чувствую, что я счастливъ, что я не на землѣ — и больше ничего.

— Да, да, мой другъ безцѣнный, не надо, не надо, отвѣчала она, играя его мягкими волосами и цѣлуя его въ лобъ: — мы понимаемъ другъ друга и довольно.

Нѣсколько секундъ они оба хранили глубокое молчаніе.

— Долженъ ли я вамъ еще сказать, началъ опять Бубновъ: — что я чуждъ всякихъ разсчетовъ, всякихъ интересовъ, что я...

Она слегка ударила его по губамъ.

— Стыдись, другъ мой, произносить такія глупости, сказала она, съ нѣжнымъ упрекомъ во взорѣ: — развѣ я тебя не знаю! О, повѣрь, я тебя знаю лучше, чѣмъ родная мать могла бы тебя знать, и если я отдала тебѣ мое сердце, то ты вѣрно его стоишь... Отнынѣ, мой милый, прочь всѣ церемоніи! ты долженъ говорить мнѣ «ты»: ты мой будущій супругъ и повелитель.

На лицѣ ея играла неизъяснимая улыбка радости и чистосердечія, отъ которой будущій супругъ и повелитель готовъ былъ превратиться въ самаго преданнаго раба.

— Я знаю, сказала она: — друзья наши станутъ порядочно потѣшаться надъ нами: особенно Курцъ и Осколкинъ, — одинъ станетъ сыпать своими мистическими остротами, а другой разъяснять ихъ. Предупреждаю тебя, Alexis, не огорчайся этимъ; будемъ счастливы въ тишинѣ и... и не станемъ долго откладывать: надо торопиться быть счастливымъ въ жизни... Я только устрою нѣкоторыя дѣла по имѣнію и тогда — соединимся передъ лицомъ Бога и будемъ жить другъ для друга.

Еще долго, любовники, держа другъ друга за-руки, разсуждали о своемъ будущемъ счастьѣ. Бубновъ забылъ о своемъ урокѣ, въ которомъ, однакожъ, Любинька и не нуждалась, сама хлопоча изъ всѣхъ силъ въ дѣвичьей, чтобы какъ-нибудь вбить

въ голову горничной Дашѣ какую-то басню Крылова. Софья Ильинишна была весела какъ дитя; Бубновъ потиралъ руки и не могъ налюбоваться ею, какъ будто она только въ первый разъ предстала передъ нимъ. Наконецъ, онъ вырвался изъ объятій своей возлюбленной, чтобы спѣшить домой и подѣлиться счастьемъ съ своимъ другомъ Осколкинымъ. Бубновъ не чувствовалъ земли подъ собой; онъ не шелъ а летѣлъ; грудь его была переполнена блаженствомъ: надо было облегчить ее. Вѣтеръ не переставалъ бушевать, а пыль кружиться и надоѣдать проходящимъ; Бубнову казалось страннымъ, отчего это проходящіе хмурятся и дѣлаютъ кислыя лица, когда на свѣтѣ есть такое милое существо какъ Софья Ильинишна!

Осколкинъ выслушалъ хладнокровно восторженный разсказъ своего друга. По обыкновенію своему, онъ наружно во всемъ согласился съ Бубновымъ, хотя внутренно думалъ совсѣмъ другое. Это была особенная черта его характера. Его здравый и прямой умъ видѣлъ многое не въ томъ свѣтѣ какъ другіе; но онъ старался убѣждать тогда только, когда полагалъ, что его убѣжденія еще въ состояніи подѣйствовать. Если-жъ онъ видѣлъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и что его слова навлекутъ только огорченіе и неудовольствія, а дѣлу не помогутъ; то онъ тогда наружно отступался отъ своего мнѣнія, не желая напрасно отравлять теплыхъ вѣрованій и надеждъ въ другомъ, и искренно желая, чтобы счастливый случай уничтожилъ собственныя его опасенія и сомнѣнія.

VIII.

Жестоко ошибся Меерсонъ въ своемъ разсчетѣ. Тила не только не обрадовалась богатому и красивому своему жениху, но еще болѣе упала духомъ. Она дико оглядывалась на всѣ стороны въ домѣ Вельшера, куда отецъ привезъ ее, въ сопровожденіи гувернантки и горничной, вечеромъ въ день сговора. На нее не подѣйствовали ни ласки ея жениха, Соломона Вельшера, оставившаго, для богатой наслѣдницы, свою обычную холодность, ни даже маленькіе часы съ эмалью и алмазами, которые подарила ей ея будущая свекровь, мадамъ Вельшеръ. Весь вечеръ она сидѣла неподвижно, на одномъ мѣстѣ, и на все, что ей ни говорили, отвѣчала односложными словами, или грустной улыбкой. Братья жениха безпрестанно перешептывались между собою

и втихомолку осыпали сарказмами и Тилу и Соломона, хотя впрочемъ, каждый изъ нихъ согласился бы быть на его мѣстѣ, принимая въ соображенiе значительную цифру приданаго и еще значительнѣйшую перспективу наслѣдства впереди. Меерсонъ былъ сильно огорченъ поведенiемъ своей дочери, и безпрестанно упрашивалъ ее быть веселѣй и развязнѣй; но она со слезами на глазахъ увѣряла его, что въ другой разъ она постарается сдѣлать ему угодное, но что теперь она чувствуетъ себя очень дурно. Старикъ попросилъ гувернантку, чтобъ она какъ нибудь постаралась разсѣять его дочь, и та, взявъ ее за руку, начала водить по богатоубраннымъ комнатамъ Вельшера; она показывала ей прекрасныя картины, висѣвшiя на стѣнѣ, и толковала ихъ значенiе. Тила ничего не слышала и тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, умоляла гувернантку, чтобъ она выпросила у отца позволенiе скорѣе уѣхать изъ этого дома, гдѣ все казалось ей такъ холодно и непрiязненно. Старикъ увидѣлъ, что онъ слишкомъ поспѣшилъ сговоромъ своей дочери. Надобно было подождать еще нѣсколько времени, пока дочь его сдѣлалась бы болѣе образованною и развязною и была бы въ состоянiи предстать въ болѣе выгодномъ видѣ передъ семействомъ, въ которое должна была вступить. Но шагъ былъ сдѣланъ: воротить его не было возможности. Старикъ видѣлъ все лицемѣрiе своего будущаго зятя и старухи Бины, которые, показывали видъ, что они очарованы милою Тилочкой, хотя та была къ нимъ холодна и сурова. Въ сильномъ негодованiи на нихъ, на свою дочь, на самого себя, на весь свѣтъ, онъ уѣхалъ домой, не проговоривъ на дорогѣ ни пол-слова съ Тилой, которая сама чувствовала, что заслужила строгiй выговоръ отъ своего отца. Молча онъ отправился въ свою спальню.

На другой день утромъ, освѣжившись и успокоившись раннею прогулкой въ полѣ, Меерсонъ, полный любви къ своей дочери, о которой жалѣлъ и которую внутренно самъ всячески оправдывалъ, готовился войдти къ ней, чтобы сдѣлать ей ласковый отеческiй выговоръ за вчерашнiя огорченiя. Едва ступивъ за-порогъ отдѣленiя, занимаемаго Тилой, онъ встрѣтилъ гувернантку, которая шла извѣстить его, что Тила провела очень безпокойную ночь, имѣла сильный жаръ и почти не смыкала глазъ. Старикъ послалъ за докторомъ, а самъ бросился опрометью въ спальню и подбѣжалъ къ постели Тилы. Дѣвочка была блѣднѣе обыкновеннаго; синiе круги подъ глазами очертились еще рѣзче, глаза ея безсознательно блуждали во всѣ стороны; языкъ ея

былъ сухъ и она поминутно имъ облизывала свои запекшіяся губы; по временамъ у ней изъ груди вырывались слабые стоны, смѣшанные съ частымъ сухимъ кашлемъ. Меерсонъ страшно поблѣднѣлъ, при видѣ жалкаго положенія своей дочери. Онъ взялъ ее за руку. Боже, Боже! какая худая и горячая рука!

— Тилочка, что съ тобой? вскричалъ отецъ.

Она вперила въ него свои глаза и долго не отвѣчала. Отецъ повторилъ вопросъ.

— Я больна, отвѣчала она слабымъ голосомъ: — меня что-то жжетъ и потихоньку щиплетъ въ груди.

Пріѣхалъ ихъ домашній докторъ, почтенный и добрый старичекъ. Онъ былъ любимецъ Тилы, которая была къ нему очень привязана за его шутки и веселые анекдоты. Онъ пользовалъ ее съ перваго дня ея вступленія въ отцовскій домъ и называлъ своей невѣстой. На всегдашніе распросы отца, докторъ обыкновенно отвѣчалъ, что безпокоиться не о чемъ, что дѣвочка ростетъ и еще не свыклась съ своимъ новымъ образомъ жизни, и приводилъ разныя другія причины ея слабаго, но совсѣмъ не опаснаго сложенія, въ которыя самъ чистосердечно вѣрилъ. Но теперь, подержавъ пульсъ больной и прислушавшись къ ея дыханію, докторъ перемѣнился въ лицѣ и съ безпокойствомъ началъ ерошить свои сѣдые бакенбарды. Онъ прописалъ на скоро рецептъ и позвалъ Меерсона въ другую комнату.

— Не могу скрывать отъ васъ положенія вашей дочери, сказалъ онъ: — оно довольно серьезно. Болѣзнь, которую мы считали за ничто, приняла другой оборотъ и быстро подвигается.

— Боже мой! вскричалъ Меерсонъ, всплеснувъ руками.

— Не отчаявайтесь, однакожъ. Я считаю нужнымъ созвать консиліумъ... сказалъ докторъ отрывисто.

— Не теряйте ни минуты, прервалъ Меерсонъ. — Спасите, спасите мою дочь!

Докторъ поглядѣлъ на свои часы.

— Приглашу къ двѣнадцати часамъ: раньше нельзя, сказалъ онъ, сѣвъ за столъ и написавъ по-латыни двѣ записки къ двумъ своимъ почтеннымъ *коллегамъ*, болѣе славившимся въ городѣ.

Меерсонъ считалъ минуты. Онъ сидѣлъ подлѣ своей дочери, самъ подавалъ ей лѣкарство и не спускалъ глазъ съ этого интереснаго лица, носившаго на себѣ печать долгихъ внутреннихъ мученій. Прикрытая одѣяломъ по самый подбородокъ, Тила лежала на спинѣ, вытянувшись какъ струна; голову ея, по вне-

занному развитію черть, можно было бы принять за голову двадцатилѣтней женщины, такъ сильно отпечатлѣлись на лицѣ дѣвочки долгія размышленія и подавленная скорбь. Каждый стукъ экипажа, раздававшійся во дворѣ, отзывался глухимъ эхомъ въ груди старика, съ замираніемъ сердца ждавшаго консультантовъ.

Наконецъ пріѣхалъ домашній докторъ, а вслѣдъ за нимъ, черезъ нѣсколько минутъ, прибыли и двѣ медицинскія знаменитости, обѣ суровыя, прямыя, молчаливыя; но одна изъ нихъ, которая была знаменитѣе и нѣсколько старше, была еще суровѣе, прямѣе и молчаливѣе. Эта послѣдняя знаменитость разъѣзжала всегда въ богатой каретѣ, въ которой постоянно была занята чтеніемъ журналовъ и писемъ, и не носила очковъ, на перекоръ всѣмъ молодымъ медикамъ. Всѣ три доктора заперлись въ комнатѣ больной; долго разсуждали они по-латынѣ, долго прислушивались къ звуку, издаваемому маленькою вещицею изъ слоновой кости, положенною на грудь больной; нѣсколько разъ всѣ трое покачали головами, и, наконецъ, соединенными силами составили рецептъ, въ силу котораго они сами столько же вѣрили, какъ и въ то, что на лунѣ имѣются разныя фабрики и заводы.

Съ истерзаннымъ сердцемъ сидѣлъ Меерсонъ, предчувствуя, что долгое совѣщаніе врачей предвѣщаетъ мало добраго. Когда дверь отворилась и врачи вышли, онъ пристально смотрѣлъ каждому изъ нихъ въ лицо, желая узнать объ участи своей дочери. Добрый старичекъ, домашній докторъ, всячески избѣгалъ встрѣчи съ пытливымъ взглядомъ несчастнаго отца и какъ-то поспѣшно, мимоходомъ, пожалъ ему крѣпко руку, и сказавъ, что еще заѣдетъ послѣ обѣда, стремглавъ бросился отъискивать по всѣмъ угламъ свою шляпу, которую очень хорошо видѣлъ на окнѣ. Другіе два доктора вѣжливо раскланялись съ хозяиномъ и готовились выйдти; Меерсонъ удержалъ за-руку того, который былъ безъ очковъ.

— Одно слово, докторъ, сказалъ онъ: — ради Бога! ради Бога!.. долженъ ли я надѣяться.

Докторъ слегка кашлянулъ.

— Надѣяться должно всегда, отвѣчалъ онъ сурово.

У Меерсона задрожали ноги; онъ прислонился къ столу, подлѣ котораго стоялъ, чтобъ не упасть.

— Но... но... скажите мнѣ вы, чуть слышно прошепталъ онъ.

— Что могу я вамъ сказать? отвѣчалъ докторъ, пожавъ пле-

чами: — больная въ опасности, не хочу скрывать отъ васъ; но мы еще посмотримъ... бываютъ исключенія.

Какъ ни слабъ былъ этотъ лучъ надежды, но Меерсону сдѣлалось нѣсколько легче. Человѣку сродно обманывать самого себя. Старикъ вошелъ въ комнату дочери, и опять сѣлъ у ея постели. Больная была очень безпокойна; она то поворачивалась съ боку на бокъ, то вытягивалась, то съеживалась; видно было что она жестоко страдала. У ногъ ея сидѣла заплаканная гувернантка и поглядывала попеременно на бѣдную страдалицу и на ея несчастнаго, убитаго горемъ, отца. Старикъ наклонился къ лицу больной и началъ тихонько ее цѣловать.

— Успокойся, Тилочка, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ: — не кидайся такъ на постели, успокойся, усни, ты всю ночь не спала.

— Я скоро усну, папинька, на долго, отвѣчала дѣвочка.

— Что ты говоришь, дитя мое?

— Я скоро усну на долго... на вѣки, повторила Тила.

— Боже мой, она въ бреду! вскричалъ отецъ, приложивъ руку къ ея лбу.

— Нѣтъ, я не въ бреду, отвѣчала Тила спокойно: — вижу васъ, папинька, вижу мадмоазель Штейнъ... видѣла докторовъ, что здѣсь были, да никакъ не могла понять о чемъ они говорили... нѣтъ, я не въ бреду.

— Зачѣмъ же терзаешь ты меня? зачѣмъ говоришь о смерти? возразилъ отецъ, ломая руки: — ты только въ эту ночь заболѣла и уже толкуешь о смерти.

— Я въ эту ночь видѣла мáму, сказала Тила: — она сидѣла на этомъ самомъ мѣстѣ гдѣ вы сидите, и чесала мнѣ волосы большимъ гребнемъ... Она сказала мнѣ что-то на ухо...

— Дитя мое, милое, дорогое дитя мое, ты будешь со мною! всклинкнулъ старикъ въ отчаяніи.

Тила слегка поднялась на постели и съ удивленіемъ посмотрѣла на отца.

— Развѣ *и вы* слышали что *она* мнѣ говорила? спросила она.

— Кто? что? Боже праведный, о чемъ она толкуетъ!

— Эти самыя слова говорила мнѣ мáма: — «Дитя мое, дорогое дитя мое, ты будешь со мною; Фроимъ былъ одинъ и останется одинъ, а ты будешь со мною».

Холодный-потъ облилъ старика; ему показалось, что волосы на головѣ его превратились въ острыя иглы; онъ схватилъ себя обѣими руками за голову, оперся локтями о небольшой столикъ,

уставленный лѣкарствами, и въ такомъ положеніи просидѣлъ нѣсколько часовъ. О, не доведи Богъ никого, извѣдать страданія, перенесенныя въ это время неутѣшнымъ старикомъ!

Къ вечеру пріѣхалъ Соломонъ Вельшеръ съ своею матерью. Старуха была очень встревожена и значительно поглядѣла на своего сына, при видѣ жалкаго положенія, въ которомъ находилась его невѣста. Они стали расспрашивать Меерсона, который, какъ помѣшанный, оглядывался во всѣ стороны, заставлялъ повторять себѣ каждое слово по нѣскольку разъ и, вмѣсто отвѣта, безпрестанно повторялъ: «Спасите мнѣ мое дитя! мое дитя спасите мнѣ! возьмите у меня все, оставьте меня въ рубищѣ, только дитя мое спасите!» Соломонъ Вельшеръ пошептался нѣсколько времени съ докторомъ и изъ его отвѣтовъ понялъ, что болѣзнь Тилы дѣйствуетъ разрушительно и гигантскими шагами спѣшитъ впередъ. Молодой человѣкъ испустилъ глубокій вздохъ и, принявъ свой обыкновенный холодный видъ, заложилъ руку за жилетъ и засмотрѣлся на хорошенькую гувернантку, мадмоазель Штейнъ, неотступавшую ни на шагъ отъ больной. Просидѣвъ еще немного времени, мать и сынъ отпустили нѣсколько холодныхъ утѣшеній Меерсону, которыхъ онъ и не разслышалъ, и отправились домой. Всю дорогу они просидѣли въ коляскѣ скучны и безмолвны; только пріѣхавъ домой и взбираясь на лѣстницу, Бина Вельшеръ, поддерживаемая подъ руку своимъ сыномъ, проговорила отрывисто, какъ бы къ самой себѣ: «Гмъ! напрасно только марали свое имя и навлекли на себя сплетни и пересуды всего города... Надо будетъ *приказать* Кутеру, чтобъ онъ *затеръ всю эту исторію»*. Соломонъ не отвѣчалъ на это замѣчаніе матери, только громко чихнулъ: дымъ изъ его сигары попалъ ему прямо въ носъ.

Двѣ недѣли продолжалась болѣзнь Тилы. Консультанты ѣздили нѣсколько разъ и съ каждымъ разомъ лица ихъ становились суровѣе и суровѣе. Наконецъ, они перестали ѣздить, отказываясь то недосугомъ, то болѣзнью, то подъ разными другими предлогами. Меерсонъ не могъ не понять, что доктора̀ перестали ѣздить оттого, что считали противъ своей совѣсти напрасно брать у него деньги за визиты (а онъ платилъ полною горстью) и тратить безъ пользы свое время, которое могло быть полезно другимъ больнымъ. Но до послѣдней минуты человѣкъ не перестаетъ надѣяться; онъ надѣется даже тогда когда самъ громко вопіетъ, что ужъ не имѣетъ никакой надежды. Меерсонъ предложилъ своему домашнему доктору пригласить другихъ двухъ-

трехъ врачей, на мѣсто прежнихъ. Докторъ стоялъ съ опущенными въ землю глазами и молчалъ.

— Вы, молчите, докторъ? сказалъ Меерсонъ, трепеща услышать то, что онъ давно ожидалъ.

— Послушайте, отвѣчалъ докторъ, взявъ его за руку и сжимая ее крѣпко въ своихъ рукахъ. — Вы человѣкъ разсудительный, твердый....

— О, не терзайте меня! вскричалъ Меерсонъ: — я уже довольно истерзанъ. Скажите, есть ли хоть тѣнь надежды, или нѣтъ никакой?

— Никакой.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно никакой.... *Она* не проживетъ двадцати четырехъ часовъ.

Слезы, горькія слезы брызнули изъ глазъ Меерсона. Давно не плакалъ онъ, очень давно; онъ не запомнитъ того года какъ видѣлъ слезу на глазахъ; онъ забылъ даже при какихъ условіяхъ должны люди плакать, потому-что въ жизни своей видѣлъ много притворныхъ слезъ и притворныхъ улыбокъ; ему казалось что и слезы и улыбки не больше какъ инструменты въ рукахъ искусныхъ людей, умѣющихъ хорошо владѣть ими. Какъ ни велика была его печаль въ это мгновенье, онъ однакожъ не могъ не удивиться внезапному проявленію у него слезъ, которыхъ источникъ онъ полагалъ давно засохшимъ.

— И такъ, сказалъ онъ тихо, послѣ нѣкотораго молчанія: — это молодое существо должно умереть не разцвѣтши! О, на меня лежитъ кара небесная!... Бѣдный ребенокъ, несчастный отъ колыбели до своей могилы!... неизвѣдавшій никакой радости въ теченіи своей короткой жизни!...

Нѣтъ, старикъ, ты ошибался. Было время, когда Тила знавала и радость и счастье; но это время было не въ твоихъ роскошныхъ покояхъ, а въ узкой и голой каморкѣ, или на открытомъ воздухѣ, когда только Пэрецъ былъ у ней подъ бокомъ. Это время было дѣйствительно краткое, но много счастья сулило оно впереди. Ты невольно уничтожилъ это скромное счастье, полагая предоставить своей дочери гораздо большее, сообразное съ твоими понятіями, которыя ты извлекъ изъ омута спекуляціи и богатства. Виновенъ ли ты въ этомъ, или нѣтъ — не человѣку судить; но ты ошибочно полагалъ, что если дочь твоя не видѣла радости *у тебя*, то она ея нигдѣ не видѣла.

Вечеръ былъ осенній, пасмурный. Мелкій но частый дождь

шелъ съ самаго утра; вѣтеръ жалобно завывалъ и навѣвалъ на сердце тоску. Бубновъ и Осколкинъ, съ самаго того времени какъ Тила слегла въ постель, не пропускавшіе ни одного дня, чтобъ не просидѣть у Меерсона нѣсколько часовъ сряду, и теперь сидѣли вмѣстѣ съ нимъ въ спальнѣ больной. Оии были искренно привязаны къ старику и какъ родные сочувствовали его несчастію. Въ комнатѣ было тихо; докторъ сидѣлъ у постели больной и слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, имѣя въ виду, не ея спасеніе, — объ этомъ не могло быть рѣчи, — а изученіе подробностей исхода болѣзни, которую онъ, вмѣсто скоротечной чахотки, называлъ какимъ-то мудренымъ латинскимъ именемъ. Осколкинъ сидѣлъ у окна и безсознательно глядѣлъ на темный дворъ, который въ этотъ вечеръ какъ-то особенно благопріятствовалъ жалобнымъ воплямъ осенняго вѣтра; подлѣ Осколкина сидѣлъ Бубновъ, бросая вокругъ себя безпокойные взоры; у ногъ больной стояли двѣ горничныя, переглядываясь между собой и покачивая головами при каждомъ слабомъ и глухомъ хрипѣніи, вырывавшемся изъ ея груди; гувернантка, которая всей душой была привязана къ Тилѣ, измученная долгою безсонницею, дремала въ креслѣ у камина; Меерсонъ, закрывъ руками лицо, сидѣлъ на маленькой софѣ, опершись о ея спинку; обильныя слезы текли сквозь его пальцы, и онъ часто вынималъ платокъ, обтиралъ имъ свое лицо, бросалъ отчаянный взглядъ на постель своей дочери и опять прикрывалъ лицо руками. Вдругъ какой-то слабый шумъ послышался въ переднихъ комнатахъ. Одна изъ горничныхъ выбѣжала изъ спальни; вслѣдъ за горничною выбѣжалъ Бубновъ.

— Пусти по доброй волѣ, или я тебя сшибу съ ногъ, какъ Богъ святъ! кричалъ кто-то, борясь съ старымъ лакеемъ Меерсона.

— Пэрецъ! ты здѣсь! вскичалъ Бубновъ, увидѣвъ того, кто такъ шумѣлъ и клялся.

Дѣйствительно это былъ Пэрецъ. Съ самаго перваго вечера какъ его разлучили съ Тилой, онъ далъ себѣ слово избѣгать всякой встрѣчи съ нею и даже обходить улицу, въ которой она жила. Онъ зналъ привязанность къ себѣ дѣвочки и отъ души желалъ, чтобы она его забыла и была вполнѣ счастлива въ новой сферѣ, въ которую ее бросила судьба. О своемъ собственномъ счастіи онъ уже не заботился: онъ его похоронилъ на вѣки. Встрѣтившись однажды случайно съ Антошей и распросивъ его о Тилѣ, Пэрецъ узналъ, что дѣвочка учится у многихъ

учителей, что она окружена служанками, что отецъ старается доставлять ей всѣ возможныя удовольствія, но что здоровье ея плохо и что домашній докторъ постоянно прописываетъ ей рецепты. У Пэреца сжалось сердце отъ боли когда онъ вспомнилъ, что у него Тила находилась безъ рецептовъ, у него, бѣдняка, не бывшаго въ состояніи предоставить ей болѣе двухъ разъ въ недѣлю вареннаго блюда. Онъ попросилъ Антошу, чтобъ онъ по временамъ его извѣщалъ о Тилѣ, и назвалъ небольшую овощную лавочку, въ которой можно было каждое утро найдти Пэреца. Антоша далъ слово и вѣрно исполнялъ его. Такимъ образомъ Пэрецъ узналъ и о сговорѣ Тилы съ богатымъ Вельшеромъ, и о болѣзни ея, которая внезапно возрасла, и, наконецъ, о безнадежномъ положеніи, въ которомъ находилась больная. Долго онъ крѣпился, но не могъ выдержать: онъ рѣшился идти въ домъ Меерсона и въ послѣдній разъ увидѣть любимицу души своей, или, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть на комнату, въ которой она испустила послѣднее дыханіе.

— Боже мой! она умираетъ.... она умираетъ, сказалъ Пэрецъ: — а меня и пустить не хотятъ къ ней.

— Не шуми, Пэрецъ, отвѣчалъ Бубновъ. — Я понимаю твое горе, но шумѣть не надо.... Я пойду и скажу Меерсону; думаю, онъ не откажетъ впустить тебя....

— Прошу васъ, сударь, ради Бога, пойдите, попросите его, сказалъ Пэрецъ, обливаясь слезами. — Даю вамъ мое слово, что я не покажусь къ ней, я только такъ, гдѣ нибудь прислонюсь въ уголку, чтобъ хоть еще разъ посмотрѣть на нее, и больше ничего.

Бубновъ возвратился въ комнату больной и, сѣвъ на софу подлѣ Меерсона, шопотомъ передалъ ему на ухо просьбу шарманщика.

Старикъ махнулъ рукой съ видомъ крайней безнадежности.

— Все равно теперь, отвѣчалъ онъ тихо: — пусть войдетъ... все равно.

Бубновъ опять вышелъ и черезъ минуту возвратился въ спальню; за нимъ на цыпочкахъ и держа фуражку въ рукѣ, вошелъ Пэрецъ. Онъ не обратилъ вниманія ни на кого изъ присутствующихъ, а прямо направилъ шаги въ ту сторону, куда Бубновъ указалъ ему пальцемъ. Докторъ и горничныя удивились, увидѣвъ незнакомаго человѣка, въ курткѣ и узкихъ брюкахъ, осыпанныхъ мѣдными пуговками; но никто не смѣлъ нарушить торжественной тишины, господствовавшей въ комнатѣ.

Пэрецъ опустился на коверъ у ногъ постели, гдѣ стояли горничныя. Положивъ фуражку подлѣ себя, онъ уперся руками о полъ, вытянулъ впередъ голову и осторожно, изъ-за ножекъ кровати устремилъ глаза на больную, лежавшую безъ движенія и съ закрытыми глазами. Нѣсколько минутъ онъ не могъ оторвать глазъ отъ этого блѣднаго исхудалаго лица, на которое въ лучшія времена засматривался съ наслажденіемъ; казалось, волшебная сила приковала его взоръ къ этой головкѣ, одѣтой въ бѣлой чепецъ. Наконецъ, шарманщикъ испустилъ слабый вздохъ; онъ готовъ былъ зарыдать, но подавилъ въ себѣ рыданіе и отвернулся.

Вдругъ больная зашевелилась и открыла глаза. Она сдѣлала небольшое усиліе, уперлась одной рукой о свое изголовье и быстро подняла голову, поворачивая ее во всѣ стороны; глаза ея, крѣпко подкатившіеся подъ лобъ, не потеряли своего блеска, а казались еще ярче въ полуосвѣщенной комнатѣ. Одна изъ горничныхъ подбѣжала къ больной, спрашивая ее не прикажетъ ли она чего-нибудь, но та слегка оттолкнула ее отъ себя.

— Онъ тутъ! онъ тутъ! Я издали слышала его голосъ, со стономъ произнесла Тила.

При звукѣ этого голоса Меерсонъ вскочилъ съ софы.

— Кто тутъ, Тила, душа моя? спросилъ онъ.

— Онъ.... онъ, отвѣчала Тила. — Пэрецъ тутъ.... мой Пэрецъ.... О, благодарю васъ, папинька! Гдѣ ты? Пэрецъ, другъ мой, пріиди ко мнѣ.

Пэрецъ вопросительно посмотрѣлъ на Бубнова, а тотъ въ свою очередь на Меерсона. Старикъ далъ знакъ согласія легкимъ наклоненіемъ головы.

— Ахъ, наконецъ увидѣла я тебя! сказала Тила, когда Пэрецъ, громко рыдая, остановился у изголовья больной. — Мнѣ сердце сказало, что ты тутъ.... Я *чувствовала* твое дыханіе въ этой комнатѣ.

Она взяла его руку и приложила себѣ къ щекѣ.

— Помнишь? Я бывало всегда такъ дѣлаю, сказала она.

— Помню, помню, и во всю жизнь не забуду! вскричалъ Пэрецъ.

У Бубнова покатились слезы изъ глазъ. Осколкинъ привсталъ съ своего мѣста; хотя онъ не понималъ словъ языка, на которомъ больная говорила, однако смыслъ ихъ былъ ему понятенъ.

— Все прошло какъ сонъ, продолжала Тила, сильно кашля-

нувъ нѣсколько разъ.—Что-жъ дѣлать, —не суждено было.... Но я все твоя невѣста, Пэрецъ; въ гробъ лягу твоей невѣстой.

— Въ гробъ! въ гробъ! вскричалъ шарманщикъ съ отчаяніемъ.

— Да, въ гробъ, отвѣчала спокойно Тила.—Мнѣ мáма сказала, что я въ эту ночь буду съ нею вмѣстѣ.... Ахъ какъ мнѣ жаль тебя и... и папеньку!... А Берта гдѣ, Пэрецъ?... Жаль, что ты не принесъ ея сюда....

Сильное напряженіе истощило больную; голова ея упала на подушку; глаза опять закрылись.

— Подойди, подойди, шептала она тихо.—Поцѣлуй въ послѣдній разъ свою невѣсту.... я *твоя* невѣста; не хочу быть невѣстой того... того *человѣка*.... не хочу....

Пэрецъ наклонился надъ изголовьемъ Тилы и запечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на губахъ страдалицы. Онъ долго прислушивался, не скажетъ ли она ему еще что-нибудь; но она молчала; только тяжелое дыханіе ея было слышно по всей комнатѣ.

Бубновъ взялъ шарманщика за руку и отвелъ отъ постели больной. Пэрецъ выпрямился, остановился у двери и, устремивъ глаза въ Меерсона, покачалъ нѣсколько разъ головой.

— Посмотрите, произнесъ Пэрецъ вполголоса, указывая пальцемъ на кровать: —посмотрите, милльонщикъ, какое счастье вы предоставили вашей дочери!.... Вы пережили двухъ женъ и двухъ дочерей.... невинныя потерпѣли за виноватаго.... За вами большой счетъ, г-нъ Меерсонъ.

Рыдая вышелъ онъ изъ комнаты; свѣтъ потемнѣлъ въ глазахъ его и онъ нѣсколько минутъ не могъ добиться толку въ какую сторону слѣдуетъ ему выйдти изъ дома. Онъ даже забылъ свою фуражку, валявшуюся на коврѣ подлѣ кровати, на которой лежала его умирающая невѣста, съ которою онъ когда-то надѣялся прожить долго и счастливо.

У Меерсона раскрылись всѣ раны сердца; упрекъ шарманщика какъ электрическій ударъ пролетѣлъ по всему его тѣлу и потрясъ его. Старикъ испустилъ тяжкій вздохъ и опять закрылъ себѣ лицо руками.

О, вы изъ моихъ читателей и читательницъ, которые когда-нибудь сидѣли у постели своего умирающаго дитяти, внимали его предсмертному дыханію, видѣли судорожныя движенія подъ его маленькимъ одѣяломъ, прислушивались къ слабымъ стонамъ, вырывающимся изъ груди, которая черезъ нѣсколько минутъ должна охладѣть на вѣки, прикладывали дрожащую руку къ хо-

лодному поту — предвѣстнику смерти, окидывали тоскливымъ взглядомъ комнату, въ которой, неслышимо для васъ раздается послѣдній ударъ сердца, вамъ драгоцѣннаго, въ которой тамъ и сямъ валяется игрушка вашего ребенка, или книжка, изъ которой онъ учился, или другіе предметы, напоминающіе вамъ счастливое время, когда онъ былъ здоровъ и составлялъ вашу утѣху и радость,—о, вы, говорю я—вы поймете что долженъ былъ ощущать Меерсонъ у постели своей Тилы! Но на вашемъ истерзанномъ сердцѣ не лежало упрека. Увѣрившись, что все кончено для вашего больнаго дитяти, вы предавались волѣ Божьей. Уже заранѣе расцвѣтало для васъ утѣшеніе, которое небо готовитъ всѣмъ скорбящимъ и смиренно покоряющимся Ему. Но не такъ было съ Меерсономъ. Къ мученіямъ, которыя *вы* переносили, у него присоединялось еще одно страшное мученіе, превосходящее всѣ прочія — упреки совѣсти. Не онъ ли былъ причиной преждевременной смерти своей дочери? Не тѣмъ ли, что онъ, еще до ея рожденія на свѣтъ, бросилъ ее, обрекъ онъ ея слабое дѣтство недугамъ, которыхъ несчастная мать не могла предотвратить, и которые развились впослѣдствіи отъ скитальческой и богатой лишеніями жизни, и преобразовались въ одну ужасную болѣзнь, доведшую страдалицу до могилы? Или не тѣмъ ли, что онъ такъ внезапно оторвалъ слабаго ребенка отъ его привычекъ и отъ всего того, что ему было дорого, вырылъ онъ для него могилу своими руками? Такъ или такъ, — а причиной смерти Тилы былъ самъ Меерсонъ. Какая страшная дилемма для отца,—чувствовать, что онъ самъ убилъ свое дитя, или тѣмъ, что онъ его преждевременно оставилъ, или тѣмъ, что не-кстати нашелъ его! О, пытка старика была невыносима. «Не правъ ли въ самомъ дѣлѣ шарманщикъ? думалъ Меерсонъ: не поплатились ли за *его собственную вину*, и Чарна, и Ребекка, и Сперанца, и Тила? Какой страшный счетъ! Четыре существа, которыя были имъ любимы втеченіе всей его жизни, преждевременно легли въ землю оттого, что несчастная судьба привела ихъ съ нимъ въ столкновеніе. *Четыре* жертвы! Ужасно!»

Въ эту ночь Тила скончалась.

Горесть старика превышаетъ всякое описаніе. Его съ трудомъ оторвали отъ трупа дочери, и когда выносили изъ дома тѣло, онъ испустилъ страшный ревъ, отъ котораго у присутствующихъ кровь охладѣла, и всей своею тяжестью повалился на-полъ. Нѣсколько часовъ приводили его въ чувство; опасались апоплексическаго удара; но старикъ наконецъ опомнился.

Онъ дико посмотрѣлъ вокругъ себя и опять бросился на землю, но уже не въ безпамятствѣ, а въ полномъ сознаніи своего несчастія. По восточному обычаю Евреевъ, онъ разорвалъ на себѣ сюртукъ, въ которомъ былъ одѣтъ, и нѣсколько минутъ продолжалъ сидѣть на землѣ, испуская раздирающіе душу вопли и безпрестанно повторяя: «О, дочь моя! о, дочь моя! зачѣмъ лучше мною не наполнили ямы, въ которую *тебя* положили!...

Семь дней контора Меерсона была заперта на замокъ, а его самого никто не видѣлъ втеченіе цѣлаго мѣсяца, никто, кромѣ стараго его слуги; даже и на зовъ Осколкина и Бубнова старикъ не откликался изъ-за двери кабинета, въ которомъ онъ заперся. Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ не спуская глазъ съ портрета Тилы, который былъ снятъ спустя недѣлю или двѣ послѣ ея неожиданной встрѣчи съ отцомъ. Портретъ этотъ висѣлъ возлѣ портрета Сперанцы. И на кладбище тоже, подлѣ великолѣпнаго памятника Сперанцы Вельшеръ возвышалась свѣжая могила Тилы Меерсонъ.

Хотя послѣ семи дней контора опять открылась и конторщики сходились въ урочное время, однако они сидѣли почти безъ занятія и только заканчивали прошлыя дѣла и сводили счеты: новыхъ текущихъ дѣлъ никакихъ не было. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Тилы, Меерсонъ въ первый разъ показался въ своей конторѣ; но дѣятельности въ ней прибавилось очень мало, потому-что старикъ неохотно отвѣчалъ на всѣ предложенія маклеровъ и другихъ торговыхъ агентовъ; а иногда даже отворачивался въ сторону и вовсе оставлялъ безъ отвѣта тѣхъ, которые къ нему обращались. Никто не узнавалъ старика. Это ужъ былъ не тотъ прямой и всегда гладко выбритый Меерсонъ, съ гордой осанкой, съ строгимъ и умнымъ лицомъ, сообразжавшій самыя многосложныя дѣла съ быстротою молніи, и дававшій всегда ясные и многозначительные отвѣты. Нѣтъ, это ужъ не былъ прежній Эфраимъ Меерсонъ, а согнутый, сгорбившійся старикъ, небритый по нѣскольку дней сряду, похудѣвшій и потерявшій всякое выраженіе гордости въ лицѣ, на которомъ явились рѣзкія морщины. Платье на немъ сдѣлалось широко; толстое золотое кольцо, которое нѣкогда такъ плотно сливалось съ его указательнымъ пальцемъ, теперь свободно двигалось взадъ и впередъ, и часто, въ искривленномъ положеніи, останавливалось на суставѣ. Казалось, этотъ добрый и красивый старикъ внезапно превратился въ жалкую развалину.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего выхода изъ кабинета,

онъ вспомнилъ про своихъ друзей — Бубнова и Осколкина, и послалъ къ нимъ записку, въ которой, извиняясь въ томъ, что такъ долго избѣгалъ съ ними встрѣчи, онъ умолялъ ихъ не оставлять его и посѣщать по-прежнему. Друзья, неоднократно сообщавшіе другъ-другу свои безпокойства на счетъ непомѣрной скорби старика и опасавшіеся за его разсудокъ, очень обрадовались приглашенію, и въ тотъ же вечеръ просидѣли съ Меерсономъ до полуночи. Старикъ встрѣтилъ и проводилъ ихъ съ распростертыми объятіями. Казалось, съ этими только людьми онъ былъ въ состояніи разсуждать и разговаривать по цѣлымъ часамъ: присутствіе другихъ было ему невыносимо. Молодые люди сначала заговаривали о разныхъ разностяхъ, всячески избѣгая намека на прошедшее, чтобъ не растравлять ранъ старика, слишкомъ еще свѣжихъ; но онъ первый завелъ разговоръ о смерти Тилы, о тяжести своего несчастія и о жестокости судьбы, допустившей его найдти неожиданно свое дитя и внезапно опять потерять его, и, въ этотъ разъ, ужъ навсегда. Меерсонъ рыдалъ и часто ударялъ себя въ грудь. Съ потерей Тилы, или лучше сказать, съ той минуты когда онъ узналъ, что его дочери уже не встать съ кровати, на которую она слегла, у него открылись обильные источники слезъ. Онъ изъявлялъ свое удивленіе Бубнову и Осколкину и увѣрялъ ихъ, что, сколько запомнитъ, онъ не плакалъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста.

О дѣлахъ Меерсонъ не думалъ заботиться: все, рѣшительно все, опротивѣло ему въ свѣтѣ. Однакожъ по старой привычкѣ, а болѣе для того, чтобъ какъ нибудь убить скуку дождливыхъ и грязныхъ зимнихъ дней, онъ по утрамъ заходилъ въ контору и по временамъ обмѣнивался кой-какими вялыми словами съ своимъ главнымъ бухгалтеромъ, въ руки котораго передалъ управленіе всей конторой. Всѣ, имѣвшіе дѣла съ домомъ Эфраима Меерсона, знали, что слѣдуетъ обращаться къ бухгалтеру, хотя самъ патронъ сидѣлъ въ своей рабочей комнатѣ, изъ которой иногда бросалъ унылые взоры на своихъ занятыхъ конторщиковъ. Послѣобѣденное время, если не было возможности ходить по улицамъ, — а онъ ходилъ по цѣлымъ часамъ, когда погода позволяла, — онъ оставался въ кабинетѣ и, въ полу-лежачемъ положеніи, не спускалъ взгляда съ двухъ портретовъ, висѣвшихъ передъ его глазами. О, сколько воспоминаній было для него связано съ портретами этихъ двухъ существъ, изъ-которыхъ одно умерло въ первомъ цвѣтѣ юности, а другое на зарѣ своей жизни! Вечера онъ, по большой части, проводилъ у Осколкина и Буб-

нова, или они у него. Во все продолженіе долгихъ зимнихъ вечеровъ, не было ни одного, въ который не было бы разговора о покойной Тилѣ, и который не былъ бы свидѣтелемъ горячихъ слезъ и стоновъ Меерсона. Молодые люди всячески утѣшали его, хотя сами понимали все безсиліе подобныхъ утѣшеній; но они были довольны тѣмъ, что глубокая скорбь измученнаго старика вырывалась всегда наружу и тѣмъ позволяла надѣяться, что если она не совсѣмъ искоренится, то неменуемо ослабнитъ впослѣдствіи.

Однажды, около одиннацати часовъ вечера, когда Меерсонъ сидѣлъ у Осколкина и доигрывалъ съ нимъ третью партію въ шахматы, останавливаясь и задумываясь безпрестанно и поминутно испуская глубокія вздохи, пришелъ Бубновъ, который провелъ этотъ вечеръ у Софьи Ильинишны. Онъ поздоровался съ старикомъ и молча сѣлъ возлѣ него, устремивъ безсознательный взглядъ въ шахматную доску.

— Ты также смотришь на игру, Бубнишка, сказалъ Осколкинъ: — какъ котенокъ въ книгу, которая нечаянно попалась ему въ лапы.... Смотритъ! другой подумалъ бы, что смыслитъ что-нибудь, а онъ не знаетъ разницы между турой и пѣшкой.

Бубновъ съ досадой махнулъ рукой.

— А выучиться не важность, продолжалъ Осколкинъ, не отводя глазъ отъ игры. — Да лѣнь.... лѣнтяй ты неисправимый, Алеша, да еще влюбленный Орландо въ добавокъ.

Осколкинъ болталъ о чемъ ни вздумалось ему, лишь бы какъ нибудь развеселить старика, о которомъ чрезвычайно сожалѣлъ. Наружная перемѣна въ Меерсонѣ была болѣе всего замѣтна Осколкину, знавшему его всегда бодрымъ и здоровымъ. Если онъ только не игралъ на театрѣ и не сопровождалъ Бубнова къ Софьѣ Ильинишнѣ (эти сопровожденія, впрочемъ, становились рѣже и рѣже); то оставался по цѣлымъ вечерамъ съ Меерсономъ, игралъ съ нимъ въ шахматы, разсказывалъ ему бездну закулисныхъ исторій, и всячески старался отвлекать его отъ постоянной мысли о смерти Тилы, мысли, ни на минуту не оставлявшей старика. И теперь, съ этою же цѣлью, Осколкинъ нашелъ предлогъ въ незнаніи Бубновымъ шахматной игры и готовился на этотъ счетъ разсыпаться шутками и остротами. Но, не получая отъ своего друга никакого отвѣта на двукратное свое нападеніе, Осколкинъ посмотрѣлъ на него, и, по выраженію лица, догадался, что Бубновъ сильно разстроенъ.

— Извини, Алеша, сказалъ онъ ласково: — я не разглядѣлъ тебя съ перваго начала; ты, кажется, огорченъ чѣмъ-то.

— Чертовски огорченъ, отвѣчалъ Бубновъ.

— Чѣмъ же, душа моя?

— Чѣмъ, гмъ! Соничка завтра уѣзжаетъ.

— Какъ, уѣзжаетъ? вскричалъ Осколкинъ.

Меерсонъ тоже съ любопытствомъ поглядѣлъ на Бубнова, котораго отношенія къ Софьѣ Ильиничнѣ были ему извѣстны.

— Какъ уѣзжаетъ? спросилъ и онъ въ свою очередь. — Вы-жъ должны были въ скорости жениться на ней.

— Жениться-то женюсь, да не скоро, а это досадно, отвѣчалъ Бубновъ. — Уѣзжаетъ въ деревню: дѣла требуютъ. Два-три мѣсяца непремѣнно пройдутъ, пока она воротится. Говоритъ, что можетъ быть и совсѣмъ продастъ имѣніе и пріѣдетъ сюда съ наличнымъ капиталомъ.

— Такъ о чемъ же горевать? сказалъ Осколкинъ хладнокровно. — Экка нашелъ горе! Что-жъ за бѣда, если сдѣлаешься колпакомъ тремя мѣсяцами позже!

— Да, тебѣ хорошо шутить, угрюмо отвѣчалъ Бубновъ: — а еслибъ ты видѣлъ какъ она бѣдная убивается, при мысли о такой долгой разлукѣ со мной.... да какъ мнѣ самому переносить эту неожиданную непріятность....

— Ну, поѣзжай и ты съ нею, сказалъ Осколкинъ.

— Я предлагалъ ей это, отвѣчалъ Бубновъ: — да она говоритъ—не ловко. Тамъ, знаешь, знакомые, родня перваго мужа,— не ловко: она права.

— Жаль, что мнѣ не суждено знать вашей будущей супруги, сказалъ Меерсонъ: — я уѣду прежде чѣмъ она воротится.

— Такъ вы непеpемѣнили своего намѣренія, герръ Меерсонъ? спросилъ Осколкинъ.

— Нѣтъ; я твердо рѣшился, отвѣчалъ старикъ грустно. — Чего мнѣ здѣсь ждать? Я здѣсь похоронилъ все то, что было мнѣ драгоцѣннѣе жизни. Поѣду влачить послѣдній остатокъ моихъ дней по разнымъ странамъ, опять погляжу на тѣ мѣста, гдѣ бывалъ во времена болѣе счастливыя....

— Друзья молчали и съ участіемъ глядѣли на старика.

— Побуду въ Палестинѣ, продолжалъ Меерсонъ. — Можетъ быть воздухъ этой страны, игравшей такую великую роль въ судьбахъ всего человѣчества, принесетъ мнѣ.... если не утѣшеніе, — утѣшенія нѣтъ болѣе для меня на землѣ, — то, по крайней мѣрѣ, душевное спокойствіе.

— Да поможетъ вамъ въ этомъ Богъ! сказалъ Осколкинъ.—

А ты, Алеша, не тужи, право: два-три мѣсяца не вѣчность какая. Молодому человѣку горевать о пустякахъ не годится.

— Разумѣется, не годится, перебилъ Меерсонъ, обращаясь къ Бубнову. — Ваше счастье отъ васъ не уйдетъ, такъ точно какъ мое несчастіе не ушло отъ меня, какъ я ни старался прятаться отъ него.

— А когда она ѣдетъ? спросилъ Осколкинъ.

— Завтра въ полдень.

— Ну, такъ надо пойдти утромъ пожелать ей счастливой дороги и скораго возвращенія.

— Безъ сомнѣнія надо, отвѣчалъ Бубновъ. — Ляжемъ заблаговременно спать, чтобъ пораньше встать. Надо будетъ койкакія коммиссіи поисправить и кой-какія вещицы оплатить пошлиной на таможнѣ.

IX.

Скоро опять весна....

Скоро опять теплое солнце, и цвѣты и зелень! скоро опять новая дѣятельность и новая жизнь, но моей Тилы уже нѣтъ болѣе, моей Тилы, которая грустнымъ сновидѣніемъ пронеслась въ моей памяти. О, сколько скорбныхъ часовъ стоило ты мнѣ, бѣдное, слабое дитя, когда я старался начертать твой портретъ такимъ, какимъ онъ мнѣ разъ представился передъ глаза, въ одну теплую и лунную ночь, когда меня въ первой разъ поразило твое унылое, напряженно-болѣзненное пѣніе! Какъ мнѣ было больно преждевременно похоронить тебя, такое молодое и любящее существо! Если мнѣ не удалось передать бумагѣ твой образъ такъ, какъ я его долго носилъ въ груди моей, то тѣмъ не менѣе у меня болитъ сердце при воспоминаніи о твоемъ краткомъ и трудномъ странствованіи на землѣ. Повѣсть моя о тебѣ, начавшаяся такъ весело, пришла къ печальному концу, какъ повѣсть каждаго изъ насъ, которая начинается веселою молодостью и кончается печальною старостью и смертью. Но тебѣ, бѣдное дитя, не суждено было извѣдать веселой молодости: не достигнувъ ея, ты распläтилась съ жизнію. Какъ знать? можетъ быть, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣтства, ты прожила и прочувствовала болѣе, нежели иной втеченіе долгой и безцвѣтной жизни!

Не я одинъ скорблю о смерти Тилы; были еще многіе, которые скорбѣли о ней, и въ томъ числѣ нотаріусъ Кутеръ съ

своей женой; но они скорбѣли по своему. Послушаемъ ихъ разговоръ.

— Да, да, да, говорилъ Кутеръ, сидя вечеромъ съ своей женой за чайнымъ столомъ: — да; вотъ, какъ-будто кто-нибудь просто изъ зубовъ вырвалъ. Ужъ подлинно, по бородѣ текло, а въ ротъ не попало.

— Жаль, чрезвычайно жаль, со вздохомъ отвѣчала жена.

— Да еще какъ жаль, душа моя! Тысяча пятьсотъ цѣлковыхъ такъ и лопнули. Хорошо еще, что въ самый день сговора я успѣлъ вырвать у *него* пятьсотъ.

— Ты же и виноватъ, Самсонъ: зачѣмъ потребовалъ только пятьсотъ? Было потребовать всѣ, или хоть половину; по крайней мѣрѣ была бы ровно тысяча

— Ну, пойди же! просто несчастье, несчастье.... клянусь тебѣ! Я началъ говорить съ Меерсономъ и сталъ, знаешь, этакъ деликатно намекать на мой куртажъ, а тутъ нелегкая поднесла приказчика.... приказчика, слышишь?

— Слышу, слышу — приказчика.

— Бездѣльникъ началъ толковать о какихъ-то пяти стахъ четвертяхъ... Я, знаешь, заслушался и вбилъ себѣ въ голову число *пятьсотъ*.... да такъ и бухнулъ, дескать, пожалуйте пятьсотъ рублей серебромъ. Старикъ ни слова; пошелъ къ шкафу и отсчиталъ

— Вотъ то-то и есть, что ты прислушиваешься къ толкамъ другихъ; имѣлъ бы свое въ головѣ, полезнѣй было бы, мой милый другъ.

— Прислушиваешься! да какъ же не слушать, когда тотъ говоритъ громко.

— Такъ-таки уйдти на другой конецъ и не слушать.

— Э, знаешь ты, Брайна, много! Только биржевые маклера обязаны уходить въ сторону, когда кто-нибудь говоритъ съ тѣмъ лицомъ, къ которому они имѣютъ дѣло; а нашъ братъ, нотаріусъ и адвокатъ, такъ сказать, *лицо задушевное; наши* рѣчи секретъ, то есть секретъ для посторонняго; но рѣчи прочихъ... прочихъ....

— Прочихъ людей...

— Да, людей, или кого-нибудь другаго...

Мадамъ Кутеръ подняла глаза на мужа.

— Кого-жъ еще другаго, кромѣ людей? спросила она.

— Маклеровъ и другихъ людей, хотѣлъ я сказать, отвѣчалъ

мужъ: — для насъ не секретъ, потому что мы, этакъ, знаешь... безъ хвастовства... просто, то есть...

Онъ затрясъ нѣсколько разъ своею маленькою головкой, какъ будто желая привести въ порядокъ бродившія въ ней слова и выраженія, которыхъ онъ на этотъ разъ никакъ не могъ привести въ одну толковую понятную рѣчь.

— Оставь пожалуйста, сказала жена: — ты самъ виноватъ, и больше ничего, что не получилъ тогда всѣхъ денегъ у Меерсона.

— А кто могъ знать, что дѣвчонка такъ скоро отправится? сказалъ Кутеръ. — Кто могъ знать, а?... кто? кто?

— Человѣкъ доженъ ожидать смерти каждый часъ, со вздохомъ отвѣчала жена.

— Да, долженъ; а ждетъ ли онъ ее въ самомъ дѣлѣ? спрашиваю я тебя. Вѣдь онъ, то есть, человѣкъ, строитъ дома, заключаетъ контракты, хи, хи, хи!

— *Она*, говорятъ, была очень слабаго сложенія! можно было предвидѣть, что она не долго проживетъ.

— Говорятъ! а я развѣ ее видѣлъ? Честное слово, въ глаза не видалъ, хоть и клялся Соломону, что знаю ее какъ мои пять пальцевъ, и что такой милой и умной дѣвочки въ жизнь мою не встрѣчалъ.... Ну, пропало, такъ пропало! нечего теперь толковать; спасибо, зашибъ хоть *пол-пачки* *).

Кутеръ замолчалъ и сталъ оглядываться во всѣ стороны.

— А планъ мой, планъ, продолжалъ онъ, заслонивъ себѣ ладонью ротъ съ одной стороны, какъ будто опасаясь, чтобъ стѣны его не подслушали: — мой блистательный, геніальный, таинственный планъ, который, такъ сказать, скрывался въ этомъ дѣлѣ, — тоже пропалъ ни за что...

— Какой еще планъ? спросила жена.

— Какой? планъ мести, таинственной мести, жестокой мести этимъ грубіянамъ, душа моя Брайна. Хмъ! я маршалокъ, я акта составить не могу, я, дескать, и то и десятое, — такъ вотъ же я вамъ въ семью и втисну *штукарку*, что въ балаганахъ ломается; перестанете вы чваниться своими предками, которые, будто бы, при донъ-Альфонсѣ Португальскомъ, имѣли право носить шпагу и шпоры; начнется у васъ теперь новая династія, хи, хи, хи, династія *фокусъ-покусъ* — *аллонъ маршъ-кая*, хи,

---

*) Т. е. пол-тысячи.

хи, хи!.. Ахъ, не удалось!.. а посбавилъ бы я блеску съ этого *золотого знамени* *)....

Онъ долилъ ромомъ свой отпитый стаканъ, порядочно хлебнулъ и покряхтѣлъ съ видомъ человѣка, которому, не смотря на многія непріятности, все-таки довольно тепло на душѣ.

— А хлопотъ, хлопотъ было послѣ, Боже ты всесильный! началъ опять Кутеръ. — Пристала Бина, говоритъ, вы, молъ, Кутеръ, заварили эту кашу, такъ поправьте, а не то — прощайтесь съ нашимъ *домомъ*. — Да что вы, мадамъ Вельшеръ, помилосердствуйте, говорю, чѣмъ же я виноватъ? Вѣдь я васъ не принуждалъ. — Какъ себѣ хотите, говоритъ, а я ничего знать не хочу. Осрамили, дескать, нашу фамилію, разгласили по городу, что мой Соломонъ женится на этой штукаркѣ, а теперь она умираетъ; только пятно останется. Поправьте, непремѣнно, поправьте; *переверните шубу шерстью вверхъ*....

— Это и озадачило твой честный характеръ, Самсонъ, другъ мой, сказала жена съ томнымъ видомъ, подмѣшивая чайной ложечкой пуншъ своего мужа и поднося ее частенько къ губамъ своимъ.

— Какъ же, сокровище мое! отвѣчалъ мужъ: — озадачило, что хоть, вотъ, просто, пойди да утопись.... Нечего дѣлать! пошелъ я разсказывать вдоль и поперегъ, что милліонщикъ Меерсонъ, бывшій сватъ Вельшеровъ, отъискавъ какую-то бродячую дочь свою, вздумалъ предлагать ее въ невѣсты одному изъ молодыхъ Вельшеровъ; что Бина страшно вознегодовала на эту... на эту....

— Положимъ, дерзость, подхватила жена.

— Положимъ, дерзость... Нѣтъ, я не сказалъ «положимъ дерзость», а таки сказалъ, просто, дерзость... Ну, и то, и другое, и что она черезъ меня велѣла сказать Меерсону, чтобъ онъ себѣ и не думалъ, что если онъ даже отдастъ все свое состояніе, то все-таки бродячая дѣвчонка не пара Вельшеру.... Я даже въ этомъ побожился, Брайночка, честное слово, побожился.

— Ну, что, повѣрили?

— Чему не повѣрятъ, люди! сказалъ Кутеръ, качая головой. — Чему не повѣрятъ.... О, люди, люди...

— Порожденіе крокодила, подхватила жена томно, припомнивъ знаменитый монологъ Карла Моора.

---

*) Подъ выраженіемъ «золотое знамя», у Евреевъ подразумѣвается знатность происхожденія.

Оба замечтались.

Между тѣмъ какъ почтенные супруги мечтали о людяхъ — порожденіи крокодила, мы, въ этомъ положеніи оставимъ ихъ и, распростившись съ ними навсегда, обратимся къ прочимъ фигурамъ нашего «калейдоскопа».

Уже около двухъ недѣль прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ Разгородкина уѣхала, а Бубновъ не получилъ отъ нея никакого извѣстія, не смотря на ея обѣщаніе — писать къ нему изъ каждаго города. Бубновъ очень безпокоился и не зналъ что думать. Осколкинъ и Меерсонъ старались его успокоить, увѣряя, что по причинѣ сильной распутицы, путешественница, вѣроятно, очень долго и непріятно тащится по разнымъ дорогамъ, и что, по пріѣздѣ ея на мѣсто, она, безъ всякаго сомнѣнія, тотчасъ пошлетъ письмо. Прошло еще около двухъ недѣль, а письма нѣтъ какъ нѣть. Грусть Бубнова возрастала съ каждымъ днемъ. Онъ началъ поговаривать о необходимости его отправиться по слѣдамъ Софьи Ильинишны, чтобъ узнать о судьбѣ ея, можетъ быть она утонула, или подпала какому-нибудь другому несчастію. Осколкинъ его удерживалъ, представляя всю нелѣпость этой мысли, увѣряя, что Софья Ильинишна непремѣнно должна дать о себѣ извѣстіе, и что, впрочемъ, послѣдовать за нею онъ, Бубновъ, не опоздаетъ и еще черезъ мѣсяцъ, а теперь нужно еще подождать: четыре или пять недѣль молчанія со стороны ея, еще ничего не значатъ. Съ этимъ былъ согласенъ и старикъ Меерсонъ.

Однажды вечеромъ они всѣ трое сидѣли въ комнатѣ Осколкина. Меерсонъ и Бубновъ, по обыкновенію своему, были печальны: у каждаго изъ нихъ лежало по тяжести на сердцѣ, хотя, по существу своему, онѣ были совершенно различны одна отъ другой. Одинъ, приближаясь уже къ концу своего земнаго поприща, сравнивалъ себя съ засохшимъ деревомъ, у котораго время ощипало по одиначкѣ всѣ листья, оставивъ одинъ искривленный стволъ и нѣсколько безобразныхъ сучьевъ; а другой, еще только приготовляясь жить, видѣлъ опять возвращеніе прежнихъ неудачъ и огорченій, которыя и до того довольно утомили его, и страшился ихъ возобновленія въ послѣдовательномъ порядкѣ, по всему протяженію его жизненнаго пути, который таинственно и мрачно стлался въ его воображеніи. Да, горе этихъ двухъ людей было различно, но тоска всегда тоска. Она равно грызетъ сердце и молодое и старое. Осколкинъ былъ не въ духѣ, — и не мудрено! Находясь постоянно въ сообществѣ

двухъ задумчивыхъ и скорбящихъ людей, которые были ему такъ близки и которыхъ счастью онъ готовъ былъ бы способствовать всей душой, еслибъ только была къ тому какая-нибудь возможность, онъ самъ часто сталъ предаваться грусти. Онъ барабанилъ пальцами по столу, истощивъ уже весь запасъ своихъ разговоровъ и уничтоживъ полъ-ящика папиросъ.

Вдругъ Антоша вбѣжалъ въ комнату.

— Ахъ, извините, извините, простите меня, Алексѣй Павловичъ! сказалъ онъ жалобно, нагнувъ шею на одинъ бокъ и съ умоляющимъ видомъ глядя на Бубнова. — Виноватъ! извините, прошу васъ! Еще въ четыре часа принесъ почтальйонъ....

— Что-о? вскричалъ Бубновъ, вскочивъ стремительно со стула. — Почтальйонъ?.. письмо? скорѣе, разбойникъ, Антошка, или я тебя задушу!

— Да, письмо, отвѣчалъ Антоша, стараясь вытащить изъ боковаго кармана своего фланелеваго сюртука пакетъ, котораго печать согрѣлась и прилипла къ подкладкѣ. — Вотъ, сей-часъ, позвольте, позвольте....

Но Бубновъ какъ тигренокъ бросился на Антошу и съ силой вытащилъ скомканный и изорванный пакетъ.

— Отъ нея, отъ нея, отъ Сонички! вскричалъ Бубновъ, взглянувъ на надпись пакета и бросившись къ угольному столику, на которомъ стояла свѣча.

— Боже мой! продолжалъ Антоша, обращаясь къ Осколкину и Меерсону. — Вѣдь просто несчастіе.... Я получилъ письмо.... никого не было дома, я и положилъ въ карманъ... Потомъ вы пришли, Семенъ Семенычъ, и отправили въ погребъ за карзинкой съ виномъ, что изволили купить.... Я захлопотался и только, вотъ, теперь вспомнилъ...

— Хорошо, хорошо.... ступай, отвѣчалъ Осколкинъ сухо, обративъ глаза въ ту сторону, гдѣ Бубновъ, стоя передъ свѣчей, читалъ письмо, трепетавшее у него въ рукахъ.

Долго смотрѣли Осколкинъ и Меерсонъ въ лицо Бубнова, не желая нескромнымъ вопросомъ прервать его чтеніе и ожидая пока онъ самъ сообщитъ имъ интересное для нихъ содержаніе письма и, по привычкѣ своей, разразиться радостью. Они, также какъ мы, знали, какъ быстръ у него бывалъ переходъ отъ печали къ веселости, и на оборотъ. Но, Бубновъ, прочитавъ письмо, не произнесъ ни слова, и блѣдный, взволнованный, трепеща всѣмъ тѣломъ, опустился на диванъ, положилъ развернутое письмо къ себѣ на колѣни, взялся обѣими руками за голову

и испустилъ вздохъ, глубокій и продолжительный вздохъ, павшій тяжелымъ молотомъ на сердца его друзей, которые съ безпокойствомъ слѣдили за каждымъ его движеніемъ.

— Алеша, ради Бога! что случилось? не мучь насъ! вскричалъ Осколкинъ, приблизившись къ своему другу.

— Возьми и прочитай, чуть слышно отвѣчалъ Бубновъ: — узнаешь что случилось.... Прочитай громко, Сеня. Еще разъ хочу услышать содержаніе этого... этого письма. Пусть!.. Ужъ когда сердце истерзано, такъ пусть же истерзается оно до конца.

Осколкинъ сперва притворилъ дверь, потомъ присѣлъ къ лампѣ и началъ вслухъ читать письмо Разгородкиной.

Вотъ что писала она Бубнову:

«Безцѣнный мой Алеша! Зная, что всего болѣе ты безпокоишься о моемъ здоровьѣ, я прежде всего спѣшу увѣдомить тебя, милый другъ мой, что чувствую себя какъ нельзя лучше и что перемѣна климата мнѣ ничуть не повредила, не взирая на невыгодное время года. Дорога моя шла быстро и благополучно, и именно по причинѣ быстроты этой не могла я тебѣ писать съ дороги; а изъ дома до-сихъ-поръ не писала потому, что была очень занята распоряженіями по хозяйству, и, въ добавокъ непріятно изумлена тяжбой, затѣянной однимъ изъ моихъ сосѣдей, каковая рѣченная тяжба, говоря приказнымъ слогомъ, заставила меня съѣздить въ нашъ губернскій городъ, изъ котораго теперь и пишу къ тебѣ, мой милый и безцѣнный поэтъ.

«Ты видишь, что я *человѣкъ положительный* и начинаю по порядку. Commencer par le commencement, говоритъ старое правило; а если отступишь отъ этого правила, то непремѣнно пойдешь прихрамывая, clopint-clopant, какъ моя тяжба съ неугомоннымъ сосѣдомъ.

«Теперь ты, конечно, горишь нетерпѣніемъ узнать о нашемъ союзѣ и моемъ возвращеніи въ Одессу; но тутъ я должна пуститься въ одно маленькое разсужденіе, которое знаю передъ кѣмъ излагаю. Твое благородное серде, твой умъ и геній, доказываютъ, что, изъ сотенъ тысячъ людей, ты одинъ достоинъ носить высокое названіе человѣка, что съ тобой надобно говорить прямо, какъ велитъ наша мать-природа, а не околичностями, какъ выдумалъ самъ человѣкъ, удалившійся отъ своей доброй матери и павшій съ пьедестала своего величія. Что значитъ союзъ, какъ не слитіе двухъ сердецъ въ одно, двухъ сердецъ, понимающихъ одно другое, и готовыхъ страдать одно за

другое? Ясно, что подобное слитіе можетъ существовать между людьми разныхъ половъ и одинаковаго пола. Какъ высоко значеніе подобныхъ двухъ сердецъ, столкнувшихся случайно, и предназначенныхъ олицетворять собой въ маломъ ту вѣчную гармонію, которая разлита по всей безграничной громадѣ мірозданья! Вотъ тотъ *микрокосмосъ*, о которомъ толковали древніе! Теперь, спрашиваю я тебя, тебя — человѣка съ самыми высокими понятіями о чистотѣ человѣческой: нужно ли непремѣнно, чтобъ такая гармонія двухъ сердецъ скрѣплялась *чувственностью*, т. е., временнымъ, скоропреходящимъ наслажденіемъ? Не явное ли это ослабленіе того, что само по себѣ крѣпче и неподвижнѣе скалъ гранитныхъ? О, великій Гайднъ! когда ты писалъ свою высокую музыкальную поэму о мірозданьи, ты только могъ почерпать свое вдахновеніе въ безконечномъ и неосязаемомъ *согласіи*, разлитомъ въ цѣлой природѣ, а не извлекать его изъ нечистаго источника чувственности, откуда Гоффманъ извлекалъ свой геніальный бредъ!

«Эти размышленія родились у меня въ дорогѣ и, по основательности своей, вкоренились въ меня. Ты одинъ способенъ понимать ихъ, потому что ты истинный поэтъ и изучаешь жизнь не со стороны матеріальной, а со стороны ея *типическаго*, т. е., первобытно-неиспорченнаго значенія. И потому-то я увѣрена, что ты согласишься со мною, когда я скажу, что мы совершенно забылись, когда предположили между собою бракъ, который могъ бы только оковать насъ новыми условіями, но едва ли возвысилъ бы онъ гармонію нашихъ душъ, и безъ того слитыхъ во едино *цементомъ безкорыстія и взаимнаго пониманія*.

«Теперь, позволь мнѣ, мой другъ, посмотрѣть на брачный союзъ съ тобою съ женской точки зрѣнія. Нѣтъ слова, что ты одаренъ достоинствами, рѣдкими во всякое время, а въ наше время въ-особенности. Не говоря о твоемъ талантѣ, который есть особенный даръ природы, ты имѣешь *благородный* и образованный умъ, доброе сердце, любящее все человѣчество и преданное ему, безкорыстный и высокій характеръ, который могъ бы принести счастьѣ всей землѣ, еслибъ встрѣчался почащѣ на землѣ. Но въ красотѣ тѣлесной тебѣ отказала природа. Ты черезъ-чуръ малъ ростомъ, слишкомъ сухощавъ и нѣсколько сутулаватъ. Я тебя считаю выше всякихъ мелочей, и потому говорю съ тобою прямо. (*О Софья Ильинишна! какъ вамъ не совѣстно! вы на всякомъ шагу противорѣчите себѣ.* Первое примѣчаніе автора.) По этой же самой причинѣ буду говорить прямо и о себѣ. Я — красавица:

ты это знаешь, и всѣ это знаютъ, и я сама это знаю можетъ быть болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Къ тому еще ты, какъ всѣ геніальные люди, пугливъ и немного капризенъ какъ дитя, тогда какъ я обладаю твердымъ, неустрашимымъ характеромъ и непоколебимою стойкостью. Эта неровность въ наружности и въ нѣкоторыхъ чертахъ характера у обоихъ насъ, отъ безпрерывныхъ сравненій и столкновеній, могла бы разстроить нашу *внутреннюю симпатію*, и тогда въ удѣлъ намъ досталось бы одно только позднѣе и безполезное сожалѣніе. (*О, какія нелѣпости вы говорите, Софья Ильинишна!*... Второе примѣчаніе автора.) Другъ мой! ты видишь, что я говорю прямо, безъ обиняковъ. Мой языкъ всегда согласенъ съ моими дѣлами, потому что я не придерживаюсь древней пословицы: Tam bonum facere quam malum dicere, — пословицы, равно оскорбительной для истины и для человѣчества, которая могла только родиться въ Римѣ тогда, когда онъ коллосальными шагами приближался къ своему разрушенію.

«Теперь ты видишь, что наша мысль о бракѣ была чисто дѣтская: мы можемъ быть друзьями, друзьями въ истинномъ значеніи этого слова, какъ понимаютъ его люди съ высокой душою; но супругами мы быть не можемъ. Что мы отъ этого выиграемъ, въ томъ ручается тебѣ истина всего написаннаго мною выше. — Возвращеніе мое въ Одессу, зависитъ отъ случая: можетъ быть пріѣду, можетъ быть нѣтъ; но во всякомъ разѣ ты останешься моимъ неоцѣненнымъ другомъ, и, послѣ безконечной моей любви и преданности святой истинѣ, занимающій первое мѣсто въ моемъ сердцѣ, все остальное мѣсто принадлежитъ тебѣ. (*О, Софья Ильинишна! Софья Ильинишна! А о молодомъ прокурорѣ, на котораго пали ваши голубые очи, вы не говорите ни слова!* Третье примѣчаніе автора.)

«Прощай до будущаго письма, и вѣрь въ мою вѣчную, неизмѣнную преданность, какъ я вѣрю въ твою, мой безцѣнный несравненный Алеша.

С. Р.

«P. S. Пиши ко мнѣ въ И.... на собственный мой адресъ; пиши часто и много, да пиши мнѣ непремѣнно «ты» иначе я разсержусь, и называй меня, какъ всегда, Соничкой: мнѣ такъ сладко слышать отъ тебя это названіе! Любинька тебѣ кланяется и проситъ, не можешь ли ты ей выслать карту Южной-Россіи. Мы будемъ съ ней вдвоемъ отъискивать Черное Море и Одессу и припоминать тѣхъ, кого любимъ. A propos! Кланяйся Оскол-

кину, Оракулу, Викентію Марковичу, Ваничкѣ, и всѣмъ нашимъ знакомымъ.»

— Кудряво и безсовѣстно, сказалъ Меерсонъ, когда Осколкинъ кончилъ чтеніе и съ негодованіемъ бросилъ письмо на столъ.

— Бездушная женщина! какъ я ее презираю! вскричалъ Бубновъ. — О, еслибъ ты зналъ, какъ я ее презираю, Сеня!

Онъ глядѣлъ въ глаза Осколкину съ выраженіемъ ребенка, который провинился и умоляетъ о прощеніи.

— Нѣтъ, Алеша, отвѣчалъ Осколкинъ:—ты ея еще не презираешь. Теперь говоритъ твое уязвленное сердце; а подлинно презирать ты ее будешь послѣ.

— Ахъ, Сеня, Сеня! я ее уже презираю, увѣряю тебя, говорилъ Бубновъ, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. — Теперь съ этой же минуты со мной совершился переворотъ: мѣсто прежней любви заняли ненависть и презрѣніе.

Осколкинъ улыбнулся.

— Ужъ по тому одному сомнѣваюсь, сказалъ онъ:—что это черезъ-чуръ много въ одинъ разъ. Кого ненавидятъ, того не презираютъ, и кого презираютъ, тотъ не стоитъ ненависти.

— Какое безстыдство! прервалъ Бубновъ съ жаромъ и почти со слезами на глазахъ.—Какое безстыдство! играть человѣкомъ какъ куклой и еще позволить себѣ напыщенное резонерство, какъ бы въ насмѣшку надъ всѣмъ тѣмъ, что дорого для человѣка.

— Что до этого, такъ я могу тебѣ сообщить кое-что, сказалъ Осколкинъ значительно. — Чего ты смотришь?... Могу поразить тебя диковинкой, только увѣрь меня, что ты теперь въ состояніи слушать и обсуждать.

— Я? я?... Я совершенно хладнокровенъ, отвѣчалъ Бубновъ, между тѣмъ, какъ его лихорадочныя движенія и блѣдность въ лицѣ доказывали противное.

— Ну, не очень, возразилъ Осколкинъ. — Впрочемъ, дѣло не слишкомъ запутанное: поймешь и теперь. Слушай, вотъ-что я тебѣ скажу! Знаешь ли ты, что содержаніе *этого* письма мнѣ давно извѣстно?

Бубновъ и Меерсонъ въ изумленіи выпучили глаза на Осколкина.

— Ага! вы недоумѣваете,—очень радъ, продолжалъ онъ.— Вотъ въ чемъ тайна. Помнишь ты, Алеша, первый нашъ разговоръ о Разгородкиной?

Бубновъ утвердительно кивнулъ головой.

— Помнишь ты, что разсказывалъ я тебѣ о сочиненіяхъ на заданныя темы и великолѣпной безтолочи, написанной Разгородкиной? Помнишь? хорошо! Такъ вотъ это-то письмо и есть тогдашнее сочиненіе, прочитанное намъ ею.

— Какъ? вскричалъ Бубновъ.

— Да такъ, отвѣчалъ Осколкинъ спокойно. — Тогдашнюю свою диссертацію, она теперь преобразовала въ письмѣ къ тебѣ. Помню какъ теперь ея содержаніе. Былъ тамъ и Гоффманъ и Гайднъ, и эта латинская фраза, и гармонія душъ, и *малый міръ,* и словомъ все, чѣмъ нашпигованно это письмо. Только тамъ этими же самыми матеріалами доказывалось противное. Софья Ильинишна тогда старалась доказать необходимое сочетаніе красоты съ безобразіемъ, для совершеннѣйшаго уподобленія природѣ, въ которой одна съ другимъ идутъ объ руку.

— Возможно ли это? спросилъ Меерсонъ.

— Честью увѣряю! отвѣчалъ Осколкинъ.

— О, женщина безъ сердца! вскричалъ Бубновъ. — Сколько я прежде любилъ тебя, столько теперь ненавижу!

Вопреки, однакожъ, этимъ увѣреніямъ Бубнова, въ ненависти къ Софьѣ Ильинишнѣ, онъ нѣсколько дней былъ совершенно какъ помѣшанный. Онъ потерялъ аппетитъ и сонъ, лежалъ на диванѣ по цѣлымъ днямъ, ничего не дѣлая и, хотя ни слова не говорилъ болѣе объ измѣнницѣ, однако не трудно было замѣтить, что его сильно потрясъ этотъ обманъ въ чувствѣ, которое онъ лелѣялъ съ такою горячностью. Осколкинъ былъ столько деликатенъ, что ни разу не намекалъ ему о своихъ предостереженіяхъ, не желая безполезными упреками огорчать друга, котораго любилъ со всей силой своего прямаго сердца.

— Знаете что, Алексѣй Павловичъ? сказалъ однажды Меерсонъ. — Я вамъ хочу сдѣлать предложеніе.

Бубновъ, молча, посмотрѣлъ на старика.

— Какое? спросилъ Осколкинъ.

— Поѣзжайте со мной за-границу, продолжалъ Меерсонъ.— Разсѣетесь и забудете свое горе.

— Ахъ, браво! вскричалъ Осколкинъ. — Ничего не можетъ быть лучше этого.

— Вы убиты горемъ также какъ и я, грустно продолжалъ старикъ: — только ваше горе излѣчимо, а мое почти нѣтъ, потому-что оно меня посѣтило слишкомъ поздно. Поѣзжайте со мною, другъ мой. Расходовъ вамъ не нужно имѣть никакихъ:

вы будете на всемъ готовомъ. Я еще, пожалуй, вамъ приплачу, когда захотите.

Бубновъ продолжалъ смотрѣть на старика; казалось, эта мысль о путешествіи начинала ему нравиться.

— Поѣзжай, душа моя, Алеша, сказалъ Осколкинъ. — Увидишь свѣтъ, побудешь въ разныхъ странахъ.

— Да, сказалъ Меерсонъ. — Мы объѣдемъ Европу, побудемъ въ Палестинѣ.... Вы изъявляли нѣсколько разъ желаніе, поклониться Святымъ Мѣстамъ, — вотъ вамъ случай; потомъ проникнемъ въ глубь Азіи, даже въ Африку, если захотите. Пройдетъ годъ, другой, вы излѣчитесь отъ вашей тоски и съ обновленными силами и полезными знаніями воротитесь на родину.

— И поступишь на службу, подхватилъ Осколкинъ: — сдѣлаешься полезнымъ слугой отечеству.

При этихъ словахъ глаза Бубнова засверкали благороднымъ пламенемъ. Быть полезнымъ сыномъ своего отечества, онъ считалъ величайшимъ благомъ, доступнымъ человѣку на землѣ.

— Такъ и быть, ѣду! вскричалъ онъ рѣшительно. — Когда же, мсье Меерсонъ?

— А вотъ, исхлопочемъ паспорты, и въ дорогу, отвѣчалъ старикъ, обрадовавшись согласію Бубнова. — Съ первымъ пароходомъ въ Галацъ.

— А я тоже, господа, отправлюсь отсюда, какъ только мой контрактъ кончится, сказалъ грустно Осколкинъ. — Что мнѣ дѣлать тутъ безъ васъ?... Пропаду!... Отправлюсь въ Воронежъ, пристрою Антошку, — пусть подвизается, мошенникъ; а самъ, можетъ, проберусь въ Бѣлокаменную. Промаюсь какъ-нибудь, пока ты вернешься, Бубновина, а тамъ опять поселимся вмѣстѣ. Впрочемъ, далекихъ плановъ нечего строить: что Богъ дастъ, то и будетъ.

X.

Было прекрасное весеннее утро, — то есть, прекрасное у насъ, а въ прочихъ мѣстахъ, кто его знаетъ, какое тогда было утро? — Вдоль по канавѣ, устроенной у загородныхъ дачь, нашъ знакомецъ, Пэрецъ, пробирался къ еврейскому кладбищу; онъ шелъ медленными шагами и несъ на рукахъ Берту, которая уже не была больше мамзель-Берта, потому что на ней не было ни спенсера ни великолѣпнаго чепца. И самъ Пэрецъ уже не былъ

больше шарманщикъ Пэрецъ: онъ шарманку свою продалъ. Приблизившись къ воротамъ кладбища, онъ постучалъ. Старикъ привратникъ, съ длинною сѣдою бородой, отворилъ калитку.

— Что тебѣ надобно? спросилъ онъ угрюмо.

— Сюда надобно, также угрюмо отвѣчалъ Пэрецъ.

Старикъ посторонился и съ недовольнымъ видомъ далъ ему пройдти.

— Вотъ еще невиданныя вещи, бормоталъ привратникъ, косо поглядывая на обезьяну: — чтобъ въ *такое* мѣсто ходить съ такимъ поганымъ звѣремъ.

— Послушайте, отвѣчалъ Пэрецъ, остановившись и грозно посмотрѣвъ на привратника. — Еслибъ вы не были старше меня, я бъ вамъ сказалъ: *ты* самъ поганный звѣрь; а теперь я вамъ говорю: *вы* сами поганый звѣрь.... За всѣмъ тѣмъ, на-те, вотъ вамъ *злотый*, покажите мнѣ могилу дочери Эфраима Меерсона.

— Какой дочери? старшей или меньшей? спросилъ превратникъ, смягчившись при видѣ злотаго. — Впрочемъ, *пожалуйте*. Обѣ могилы стоятъ рядомъ.

Пэрецъ бросился на землю, позади извѣстнаго намъ монумента Сперанцы, подлѣ котораго возвышался небольшой мраморный памятникъ, простой но красивой отдѣлки, съ надписью, гласившею о мѣстѣ успокоенія Тилы. Пэрецъ залился горькими слезами. Нѣсколько аршинъ глубины отъ него, тлѣлъ прахъ существа, нѣкогда ему столь дорогаго. Онъ пролежалъ долго, и мысленно прошелъ всѣ подробности своей жизни, въ послѣдніе три года съ небольшимъ, съ-тѣхъ-поръ какъ увелъ за руку бѣдную дѣвочку отъ охладѣвшаго трупа ея матери. Онъ раскрывалъ свои раны по-одиначкѣ и съ наслажденіемъ прислушивался къ ихъ нестерпимой боли, считая это послѣднею данью, которую онъ долженъ былъ памяти Тилы. Возлѣ него резвилась Берта, то вскакивая ему па голову, то шаря своею длинною лапой у него за-пазухой, откуда она привыкла получать орѣхи или каштаны. Еще долго пролежалъ бы онъ въ такомъ положеніи, еслибъ чье-то тихое рыданіе не разбудило его. Онъ вытянулъ шею изъ-за памятника и увидѣлъ Меерсона и Бубнова, сидящихъ передъ нимъ на старой полуобрушенной могилѣ. Старикъ сидѣлъ, закрывши лицо руками; сквозь исхудалые пальцы, капали слезы. Бубновъ, молча, кивнулъ головой, замѣтивъ шарманщика, который отвѣтилъ тѣмъ же, не трогаясь съ мѣста.

— Въ послѣдній разъ прощаюсь съ вами, дорогія дѣти мои, сквозь рыданія говорилъ Меерсонъ, не отнимая рукъ отъ ли-

ца.—Въ послѣдній разъ, сижу я у вашихъ могилъ... Кто знаетъ? можетъ быть я ужъ не возвращусь и скоро послѣдую за вами... Но на моей могилѣ никто даже не вздохнетъ.

Пэрецъ, не перемѣняя своего лежачаго положенія, сталъ прислушиваться къ словамъ старика.

— Стоило трудиться, стоило наживать деньги, продолжалъ Меерсонъ: — чтобъ дожить до одиночества на старости.

— Горько одиночество и въ молодости, отвѣчалъ Бубновъ со вздохомъ.

— Да, сказалъ Меерсонъ, поднявъ голову и отирая слезы.— Но въ молодости есть надежды, а въ мои лѣта ихъ ужъ нѣтъ. Одна осталась мнѣ надежда, — во гробѣ соединиться съ тѣми, которыя были мнѣ дороги въ жизни.... но.... но разсчетъ за нихъ!... Не могу безъ ужаса припомнить того, что сказалъ мнѣ шарманщикъ у постели Тилы.

Перецъ нѣсколько разъ покачалъ головой.

— Странно, однакожъ, послѣ краткаго молчанія продолжалъ старикъ, не столь грустнымъ тономъ. — Когда я любилъ Сперанцу, я не зналъ о существованіи Тилы на свѣтѣ. Я полагалъ, что люблю Сперанцу болѣе, чѣмъ всякой другой отецъ любитъ свое дитя; ея смерть погрузила меня въ отчаяніе; но я никогда не могъ проронить слезинки на ея могилѣ.... А теперь, смотрите.... слезы льются, льются сами собою.... Что значитъ *своя* кровь!

— Своя кровь? перебилъ Бубновъ. — Нѣтъ, это не доказательство.... Вотъ, поглядите.

И онъ ему показалъ рукой въ ту сторону, гдѣ, за памятникомъ, сидѣлъ Пэрецъ и съ заплаканными глазами смотрѣлъ на Меерсона.

— Ахъ, ты здѣсь! сказалъ старикъ. — Подойди сюда, подойди, прошу тебя. Я давно хотѣлъ тебя видѣть.

Пэрецъ вышелъ изъ-за памятника и остановился передъ старикомъ.

— Что вамъ угодно отъ меня? спросилъ онъ нѣсколько грубо.

— Я виноватъ передъ тобой, много виноватъ, сказалъ Меерсонъ грустно. — Я, могшій составить твое счастье, и счастье моего дитяти, и мое собственное, — я погубилъ все!... Меня оскорбила любовь шарманщика къ моей дочери, меня.... А самъ я развѣ не вышелъ изъ ничтожества?.... Съ небольшимъ усиліемъ, съ небольшою твердостью, какъ легко было побѣдить глупый предразсудокъ, особенно мнѣ! Надо мною смѣялись

бы! Пусть бы смѣялись! Мои средства позволяли мнѣ переселиться куда угодно и видѣть счастливыми своихъ дѣтей. Но мнѣ даже не пришла и мысль объ этомъ. Какъ можно, чтобъ милльонеру что-нибудь подобное пришло въ голову.

Растроганный Пэрецъ подошелъ ближе къ Меерсону.

— Милльонеру! продолжалъ старикъ, какъ будто самъ издѣваясь надъ собою.—А что былъ я прежде?—Неужели я могъ это забыть!... Прости меня, Пэрецъ! Я много виноватъ передъ тобой!

Онъ всталъ и уставилъ глаза на Пэреца съ видомъ глубокаго сожалѣнія. Нѣсколько минутъ оба смотрѣли одинъ на другаго. Въ потухшихъ глазахъ старика, видна была безпредѣльная скорбь человѣка, вполнѣ сознающаго всю тяжесть обвиненій, которыя онъ самъ на себя взводитъ; а въ свѣтломъ взорѣ Пэреца, нѣкогда столь смѣломъ и проницательномъ, теперь виднѣлись тихая тоска и полная покорность своей печальной участи. Они подошли еще ближе одинъ къ другому. Оба грустно наклонили головы, оба вздохнули изъ глубины сердца, и, наконецъ,—на могилѣ маленькой Тилы, милльонеръ и шарманщикъ примирительно подали другъ другу руки.

Въ тотъ же самый день, въ который Меерсонъ и Бубновъ отправились на пароходъ, за часъ или два до солнечнаго захожденія, по большой чумацкой дорогѣ отъ Одессы, шелъ пѣшеходъ. Онъ былъ одѣтъ въ старый суконный бурнусъ, а на головѣ имѣлъ круглую сѣрую шляпу, довольно поистертую. Онъ опирался на большую палку и шелъ съ опущенною головой. За спиной у него висѣла небольшая котомка, въ которой хранились его пожитки; а изъ-за котомки, то выглядывала, то опять пряталась мохнатая головка какого-то безпокойнаго существа. Читатель, конечно, догадался, что этотъ пѣшеходъ былъ не кто иной, какъ эксъ-шарманщикъ Пэрецъ Тарарамъ.

Пэрецъ спѣшилъ добраться до корчмы, отстоявшей еще на нѣсколько верстъ отъ него. Прохладный вѣтерокъ теребилъ его огромныя бакенбарды и усы. Вдругъ подъ самымъ его ухомъ раздался крикъ: «Стой! стой!» Голосъ показался Пэрецу знакомымъ; онъ поднялъ голову и увидѣлъ остановившуюся на дорогѣ повозку, запряженною парой лошадей.

Съ повозки, нагруженной по самыя края, соскочилъ одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, именно — Сидоръ Ильичъ. Онъ былъ тотъ же пузатый, коротконогій, безбровый Сидоръ Иль-

ичъ, какимъ мы его давно знали; на немъ была та же синяя кофта, подпоясанная тѣмъ же желто-краснымъ поясомъ.

— Шеллямляхххъ, Перчикъ! вскричалъ онъ, хватая руку Пэреца. — Здорово, дружище! какъ тебя Богъ милуетъ? Вотъ неожиданно! какъ снѣгъ на голову, какъ говорятъ Французы.

Пока Сидоръ Ильичъ здоровался съ Пэрецомъ, Климъ, съ своею кочергообразной ногой, слѣзъ съ козелъ и, подошедъ къ пристяжному коню, началъ вытягивать ему чубъ обѣими руками. Этотъ пристяжной конь былъ тоже одинъ изъ нашихъ старыхъ знакомыхъ, — именно буланый жеребенокъ, котораго мы видѣли въ самый день его рожденія и который дѣйствительно подвизался съ правой стороны своей меланхолической куцой матери, хотя короткій его хвостъ, подстриженный уступами, и чуть замѣтная грива свидѣтельствовали о его зеленой юности.

— А куда тебя Богъ несетъ? спросилъ Пэрецъ у Сидора Ильича.

— Да подъ качели въ Одессъ, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ.

— А не поздненько немножко?

— Да поздненько: Свѣтлая недѣля давно отошла.... Оказія приключилась, пріятель ты мой. Украли у меня коней въ Хапуровыхъ-Хуторахъ.... возился цѣлую недѣлю, да спасибо, добрый человѣкъ навелъ на слѣдъ. Отъискалъ коней и воровъ, засадилъ въ острогъ.... Одначе, ничего.... качели почти до самой Троицы держатся.... Ну, а гдѣ-жъ твой струментъ?

— Продалъ.

— Продалъ? вотъ тебѣ разъ, вскричалъ Сидоръ Ильичъ. — А та дѣвочка, твоя пѣвунья?

Перецъ печально показалъ пальцемъ на землю.

— Умерла? Что ты говоришь? вскричалъ опять Сидоръ Ильичъ. — Отчего умерла? когда?

— Долго разсказывать, отвѣчалъ Пэрецъ. — Умерла, да и дѣло съ концомъ.

— Куда-жъ ты теперь?

— Въ мою колонію, отвѣчалъ Пэрецъ: — я записался въ земледѣльцы.... Выждалъ пока утвержденіе вышло отъ начальства, продалъ шарманку и, вотъ, теперь иду на мѣсто. Верстъ полтораста отсюда.

— Гай, гай! произнесъ Сидоръ Ильичъ печально. — Какъ, примѣромъ сказать, времена перемѣняются.

— Да, перемѣняются, со вздохомъ отвѣчалъ Пэрецъ.

— Ну, а на что тебѣ теперь *эта штука?* уступи ее мнѣ.

Сидоръ Ильичъ показалъ на обезьяну, сидѣвшую у Пэреца за спиной и положившую къ нему на плечо свою морду.

— Нѣтъ, не уступлю ни за что, отвѣчалъ Пэрецъ. — Она одна у меня осталась отъ всего прошлаго. Хоть тѣмъ буду утѣшаться, что, глядя на нее, буду припоминать веселое время.

— И то правда, отвѣчалъ Сидоръ Ильичъ. — Ну, счастливой дороги!

— Прощай, отвѣчалъ Пэрецъ.

Они опять пожали другъ другу руки и разстались. Повозка тронулась съ мѣста. Около минуты простоялъ Пэрецъ среди дороги, глядя вслѣдъ за повозкой, которая загрохотала и покатилась. Онъ испустилъ глубокой вздохъ и поплелся далѣе. Это было послѣднее прости, которое онъ сказалъ своей прошедшей жизни и прошедшимъ знакомствамъ. Передъ нимъ теперь лежало новое поприще.

Вздохнулъ и Сидоръ Ильичъ, укрѣпляясь на своемъ мѣстѣ въ повозкѣ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, вздохъ этотъ произошелъ отъ маленькаго напряженія, которое онъ долженъ былъ употребить при улаживаніи своей тучной особы между своей *ширмой*, разными дрючьями и ящикомъ съ куклами, а не отъ другихъ какихъ-нибудь причинъ. Вздохнулъ и кочергообразный Климъ, втянувъ порцію сладости изъ своего исполинскаго рожка и ударивъ слегка плетью своего любимца, буланаго жеребенка, показывавшаго съ самаго нѣжнаго возраста нѣкоторую наклонность къ лѣни; но Климъ вздохнулъ отъ удовольствія, — это достовѣрно. Его задушевныя мечты осуществились: буланый жеребенокъ развивался передъ его глазами, и хотя недавно потерпѣлъ похищеніе въ Хаптуровыхъ-Хуторахъ, однако крѣпкая желѣзная цѣпь, недавно купленная хозяиномъ и лежавшая въ повозкѣ, давала надежду на отстраненіе подобнаго несчастія на будущее время.

Итакъ, читатель мой! какой-нибудь буланый жеребенокъ въ состояніи принесть счастіе и удовольствіе человѣку....

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ.

Статья третья *).

Германская федеральная конституція. Конституція отдѣльныхъ германскихъ государствъ **). Швеція и Норвегія.

I.

Конституція Германскаго союза представляетъ примѣръ политической нелѣпости; составители ея считали возможнымъ соединить вмѣстѣ самыя противоположныя начала, и достигли до того, что, какъ показало настоящее время, эта пресловутая конституція существуетъ только на бумагѣ. Она источникъ всѣхъ бѣдствій для германскаго народа, преграда его политическому прогрессу, — и съ тѣмъ вмѣстѣ нисколько неудовлетворяетъ идеалу маленькихъ князей и герцоговъ на политическую самостоятельность. Скажемъ нѣсколько словъ о ея происхожденіи.

Старая германская конституція, утвержденная Вестфаль-

---

*) Русское Слово: 1859 г. № 11, 1860 г. № 1 и 3.

**) Die deutschen Verfassungsgesetze der Gegenwart etc. von H. A. Zachariä. 1855. Collection des Constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Ameriques, par Dufau, Duvergier et Eaudet, 1821 г., во 2-мъ томѣ. — Pölitz, т. I.

скимъ міромъ, давала Германіи до извѣстной степени единство, дѣлала изъ нея одно государство съ единымъ верховнымъ избирательнымъ главой—императоромъ римскимъ и королемъ нѣмецкимъ.

Различныя части, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались самостоятельныя государства, составляли сеймъ (Rechtsstag), высшую законодательную власть, рѣшенія котораго однако получали силу только съ утвержденія императора. Сеймъ состоялъ изъ трехъ совѣтовъ, или коллегій: 1) Коллегія курфирстовъ, сильнѣйшихъ владѣтелей, имѣвшихъ исключительное право избранія императора. Курфирстовъ было семеро: три духовныхъ (архіепископы Майнцкій, Трирскій, Кельнскій) и четыре свѣтскихъ (король Богемскій, герцогъ Саксонскій, маркграфъ Бранденбургскій, герцогъ Баварскій); 2) Коллегія князей (Fürstenrath)—она состояла изъ трехъ курій: a) епископовъ и аббатовъ, которыхъ земли были княжествами, b) князей и герцоговъ, c) графовъ. Каждая курія совѣщалась отдѣльно.

Въ коллегіи курфирстовъ голоса подавались поголовно (viriatim); а въ княжеской: каждый князь и прелатъ-князь подавалъ столько голосовъ, сколько отдѣльныхъ княжествъ имѣлъ во владѣніи; тѣ же прелаты, которые не были князьями, а также графы подавали голоса сообща, по куріамъ (curiatim), именно: прелаты—не князья—имѣли всего два голоса (скамья швабскихъ прелатовъ изъ 15 аббатовъ и 5 аббатиссъ и скамья рейнская—8 аббатовъ и 11 аббатиссъ, и 150 графовъ—4 голоса. Такъ, что во второй коллегіи было 246 лицъ, а голосовъ 100 (изъ нихъ 94 viriatim и 6 curiatim).—Третья коллегія состояла изъ 51 имперскаго города и имѣла два голоса (скамья рейнская—14 городовъ, швабская—37).—Вообще въ Германіи въ 1793 году считалось 324 территоріи, владѣльцы которыхъ имѣли удѣльныя права (Landeshoheit) и кромѣ того 1,475 имуществъ, принадлежавшихъ имперскому рыцарству (Reichsfreie Rittergüter), т. е. такому, которое зависѣло не отъ мѣстныхъ герцоговъ и князей, а непосредственно отъ императора (Unmittelbare Ritterschaft). Какъ ни были велики права князей, но они все-таки не бы-

ли независимыми государями: право войны и мира принадлежало только императору и сейму.

Эта конституція пала вслѣдствіе вмѣшательства Наполеона I въ дѣла Германіи. Австрія и Пруссія отдѣлились, изъ остальныхъ государствъ Германіи образовался Рейнскій союзъ подъ протекторствомъ Франціи *). По низверженіи владычества Наполеона германскіе государи образовали новый союзъ, на слѣдующихъ новыхъ началахъ:

1) Суверенные князья и вольные города Германіи со включеніемъ императора Австрійскаго и королей: Прусскаго, Дат-

**) Рейнскій союзъ образовался актомъ 12 іюля 1806 года, члены его объявили, что прекращаютъ всякія связи и отношенія съ Германской имперіей; послѣдній императоръ Германскій Францъ II объявленіемъ 6 Авг. 1806 года сложилъ съ себя это званіе, и такимъ образомъ Германская имперія распалась на Рейнскій союзъ и нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Наполеонъ, избранный протекторомъ Рейнскаго союза, провозгласилъ герцоговъ и князей, согласившихся на союзъ, самостоятельными государями, далъ однимъ изъ нихъ титулъ королей, другимъ великихъ герцоговъ, наградилъ землями множества князей и графовъ, лишенныхъ самостоятельныхъ правъ (медіатизованныхъ), — съ тѣмъ, чтобъ на всегда сдѣлать невозможнымъ возстановленіе единства Германіи. Члены новаго союза были: короли Баварскій и Вюртембергскій, великіе герцоги Клеве-Бергскій, Баденскій, Гессенскій (Дармштадтскій), герцоги Нассаускій, Арембергскій, князья Гогенцолернскіе, Сальмъ, Изенбургъ-Берштейнъ, Лихтенштейнъ, Лейенъ. Впослѣдствіи къ союзу присоединились; великій герцогъ Вюрцбургской, король Саксонскій, Саксонскіе герцоги, Ангальтскіе князья Вальдекъ, Липпе, Рейсъ, герцоги Мекленбургскіе. Всѣмъ имъ гарантирована была независимость, — но, собственно только внутренняя, потому что союзъ долженъ былъ участвовать во всѣхъ войнахъ и трактатахъ Наполеона, выставлять контингентъ, какъ вассальное государство. Союзный сеймъ долженъ былъ состоять изъ двухъ коллегій: коллегіи королей и коллегіи князей. Въ первой засѣдали короли и великіе герцоги. Въ 1815 г. германскіе государи жадно сохраняли это постановленіе, дававшее имъ титулы и владѣнія, какихъ они прежде не имѣли, и успѣли перенести его и въ новый союзный актъ — 1815 года. Такимъ образомъ Германія и теперь живетъ по конституціи, составленной иностраннымъ завоевателемъ и имѣвшей цѣлью — держать ее въ вѣчномъ безсиліи съ тѣмъ, чтобы она была слугой Франціи. Любопытно, что нѣмецкіе государи, которые въ 1813 и 1814 г. издавали такіе краснорѣчивые манифесты противъ поработителя Германіи и возбуждали свои народы къ Арминіевскимъ подвигамъ, — сохранили все то, что далъ имъ этотъ завоеватель, — а народы не только ничего не получили новаго, но и лишились многихъ изъ тѣхъ льготъ, которыми пользовались при протекторствѣ Наполеона.

скаго и Нидерландскаго (Австрійскій императоръ и король Прусскій за всѣ ихъ земли, входившіе въ составъ бывшей Германской имперіи, король Датскій за Голштинію, Нидерландскій за Люксембургъ) соединяются въ постоянный союзъ, который будетъ называться Германскимъ союзомъ (Deutscher Bund).

2) Цѣль соединенія: — сохраненіе внѣшней безопасности и внутренняго порядка Германіи — и независимости каждаго германскаго государства.

3) Всѣ члены союза имѣютъ одинаковыя права. Они равномѣрно обязываются ненарушимо сохранять договоръ о союзѣ.

4) Дѣлами союза будетъ завѣдывать союзное собраніе (Bundesversammlung), въ которомъ члены представляются своими уполномоченными.

5) Австрія председательствуетъ въ союзномъ собраніи.

Изъ нѣсколькихъ сотенъ нѣмецкихъ государствъ, существовавшихъ во времена Вестфальскаго мира, большая часть потеряли свои права при медіатизаціи, произведенной въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Договоръ 1815 года (8-го іюня) признаетъ только 69 государствъ; но права ихъ на сеймѣ не одинаковы — одни имѣютъ больше голосовъ, нежели другіе: а именно: на чрезвычайномъ большомъ сеймѣ малыя государства имѣютъ по одному голосу, другія по 2, 3, 4 голоса; на маломъ или обыкновенномъ — большія и среднія по одному, а малыя — нѣсколько вмѣстѣ даютъ одинъ голосъ (curiatim). Представляемъ роспись этихъ государствъ съ обозначеніемъ числа голосовъ и числа жителей:

Число голосовъ на маломъ сеймѣ.	Названіе государствъ.	Число голосовъ на большомъ сеймѣ.	Титулъ.	Число жителей въ круглыхъ цифрахъ.
1	Австрія	4	Императоръ и король . . .	13.000,000
1	Пруссія	4	Король	13.000,000
1	Саксонія	4	id.	2.000,000
1	Баварія	4	id.	4.560,000
1	Ганноверъ	4	id.	1.820,000
1	Вюртембергъ	4	id.	1.730,000
1	Баденъ	3	Великій Герцогъ	1.350,000
1	Кургессенъ	3	Курфирстъ . .	750,000
1	Гессенъ	3	Великій Герцогъ	855,000
1	Голштинія	3	Герцогъ (король Датскій) . .	550,000
1	Люксембургъ	3	Великій Герцогъ (король Голланд.)	400,000
1	Брауншвейгъ	2	Герцогъ . . .	267,000
	Нассау	2	Герцогъ . . .	430,000
1	Мекленбургъ-Шверинъ . .	2	Великій Герцогъ	540,000
	Мекленбургъ-Стрелицъ . .	1	id.	100,000
1	Саксенъ-Веймаръ	1	id.	260,000
	— Гота	1	Герцогъ . . .	150,000
	— Кобургъ	1	Герцогъ . . .	
	— Мейнингенъ . . .	1	Герцогъ . .	166,000
	— Гильдбургаузенъ . .	1	Герцогъ . . .	132,000 Альтенбургъ.
1	Ольденбургъ	1	Великій Герцогъ	285,000
	Ангальтъ-Дессау	1	Герцогъ . . .	111,000
	— Бернбургъ . . .	1	id.	52,000
	— Кетенъ.	1	id.	(см. Дессау)
	Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	1	Князь	75,000
	Шварцбургъ-Рудольштадтъ.	1	id.	70,000
1	Гогенцоларнъ-Гехингенъ . .	1	id.	(см. Пруссія)
	Лихтенштейнъ.	1	id.	7,000
	Гогенцолернъ-Зигмарингенъ	1	id.	(см. Пруссія)
	Вальдекъ	1	id.	60,000
	Рейсъ — старш. линія (Грейцъ)	1	id.	35,000
	Рейсъ — младш. линія (Шлейцъ)	1	id.	80,000
	Шаумбургъ-Липпе	1	id.	29,000
	Липпе	1	id.	106,000
1	Вольный городъ Любекъ . .	1		48,000
	— Франкфуртъ	1		73,000
	— Бременъ . .	1		88,000
	— Гамбуръ . .	1		11,000
17		69		43.280,000

Впослѣдствіи эта роспись подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, а именно: одинъ изъ множества гессенскихъ ландграфовъ — Гамбургскій получилъ права суверенного госуда-

ря и одинъ голосъ на большомъ сеймѣ *); но за то вслѣдствіе соединенія подъ властію одного государя (по наслѣдству и частнымъ сдѣлкамъ нѣкоторыхъ государствъ, число голосовъ уменьшилось четырмя, а именно: Кобургъ соединился съ Готой, Ангальтъ-Кетенъ съ Дессау, оба Гогенцолеренскіе княжества перешли къ Пруссіи; такъ, что теперь число голосовъ на большемъ сеймѣ (pleno) всего 66 **).

Необыкновенно странное положеніе центральной власти (сейма) и отношеніе его къ отдѣльнымъ государствамъ. Германія не составляетъ политическаго лица. Каждое отдѣльное государство пользуется всѣми суверенными правами: правомъ посылать и принимать дипломатическихъ агентовъ, заключать трактаты,—и даже объявлять войну. Вотъ первая нелѣпость. Союзъ основанъ съ цѣлью—взаимнаго охраненія. Какимъ же образомъ, онъ можетъ достигать этой цѣли, если каждое отдѣльное государство, безъ разрѣшенія сейма, можетъ объявить войну иностранной державѣ? Тогда выйдетъ, — что союзъ волею и неволею долженъ также объявить войну,—потому что иначе онъ не можетъ защищать своего члена. А между тѣмъ коронное постановленіе союза, говоритъ, что война неиначе можетъ быть объявлена союзомъ, какъ по большинству двухъ третей голосовъ. При составленіи пресловутаго союзнаго договора эта нелѣпость естественно кинулась въ глаза; редакціонный комитетъ хотѣлъ постановить, что тѣ германскія государства, которыя не имѣютъ владѣ-

---

*) Опредѣленіе сейма 7 іюля 1817 и 1819 годовъ. Владѣтель Книпгаузена графъ Бентинкъ признанъ былъ также суверевнымъ государемъ, но безъ права голоса на сеймѣ.

**) Мѣсто Саксенъ-Гильдбургаузена занялъ Саксенъ-Альтенбургъ. Вообще, не трудно замѣтить изъ самой росписи, что право голоса приписывается не столько государству, сколько лицу владѣтеля. Поэтому, напримѣръ, когда Гогенцолернскіе князья уступили (въ 1851 г.) свои владѣнія Прусскому королю, сеймъ отказалъ ему въ присоединеніи тѣхъ голосовъ, которые принадлежали этимъ князьямъ, — говоря, что голоса принадлежали имъ, а не ихъ владѣніямъ. Въ окончательномъ актѣ (ст. 16) сказано объ этомъ предметѣ: «Если владѣнія одного царственнаго дома переходятъ по наслѣдству къ другому, тогда союзное собраніе рѣшаетъ, слѣдуетъ ли новому владѣтелю пользоваться на большомъ сеймѣ голосами, принадлежавшими прежнему, но ни въ какомъ случаѣ на маломъ сеймѣ, ни кто не можетъ имѣть болѣе одного голоса.

ній внѣ Германіи, не могутъ объявлять войны. Но Баварія и Вюртембергъ протестовали противъ этого положенія, на томъ основаніи, что это уменьшитъ ихъ значеніе въ глазахъ иностранныхъ государствъ, и наконецъ лишитъ возможности подать взаимную помощь въ случаѣ внезапнаго нападенія. Вслѣдствіе этого было постановлено: «Государства союза обязываются защищать не только всю Германію, но также и каждое отдѣльное государство союза въ случаѣ внѣшняго нападенія, и обезпечиваютъ взаимно другъ другу владѣнія, заключающіяся въ союзѣ.

«Въ случаѣ объявленія войны союзомъ, никто изъ членовъ по одиночно не можетъ вести пероговоровъ съ непріятелемъ, заключать перемирія или миръ — безъ согласія прочихъ».

«Союзныя государства обязываются не воевать другъ съ другомъ, но представлять свои споры на разрѣшеніе сейма. Сеймъ будетъ стараться примирить спорящихъ третейскимъ судомъ, — а когда эта мѣра останется безъ успѣха, то споръ будетъ рѣшенъ безапелляціонно верховнымъ судомъ (Austrägalinstanz)».

Правда, здѣсь ни слова не сказано о правѣ тѣхъ государствъ, которыя не имѣютъ владѣній внѣ Германіи, объявлять войну иностраннымъ державамъ, — но нѣтъ и запрещенія. Такъ что Баварія, Ганноверъ или Гессенъ-Дармштадтъ могутъ компрометтировать всю Германію, объявивши войну Франціи, Швейцаріи или Даніи, — или вызвавши своими враждебными дѣйствіями эти государства. Что же это за политическое тѣло, которое безсильно удержать въ границахъ самаго малаго изъ своихъ членовъ, и ежеминутно можетъ быть имъ вовлечено въ борьбу? Это не одно голое предположеніе: Баварія, напримѣръ, едва не вызвала Францію во время послѣдней Итальянской войны, Ганноверъ постоянно вызываетъ Данію. Но положимъ, что второстепенныя государства не рѣшатся на отдѣльную войну. Но права на войну Австріи и Пруссіи, какъ государствъ, имѣющихъ владѣнія внѣ союза, неподвержены сомнѣнію. Какое же положеніе союза, когда напримѣръ Австрійскій императоръ въ качествѣ короля Ломбардо-Венеціанскаго объяв-

ляетъ войну Франціи? Союзъ — нейтраленъ, — но какъ скоро непріятель вступитъ въ тѣ владѣнія Австрійскаго императора, которыя составляютъ часть союза — въ Тироль или Истрію, то онъ долженъ защищать его всѣми своими силами.

Такъ выходитъ изъ смысла статей союзнаго договора, такъ поставленъ былъ вопросъ и на практикѣ во время послѣдней Итальянской войны между Австріей и Франціей. Но есть ли въ этомъ началѣ здравый смыслъ? Мартенсъ, разбирая вопросъ о положеніи государя, обладающаго двумя отдѣльными государствами, говоритъ, что онъ не только можетъ въ качествѣ владѣтеля одного изъ нихъ объявить войну иностранной державѣ, оставаясь нейтральнымъ, въ качествѣ владѣтеля другаго, — но даже объявить войну самому себѣ... Это понятно до извѣстной степени: государь дѣйствуетъ не какъ физическое лицо, но какъ представитель государства. Но Австрійская монархія состоитъ не изъ отдѣльныхъ государствъ, ни Венгрія, ни Венеція не имѣютъ отдѣльнаго министерства, отдѣльной арміи, отдѣльныхъ финансовъ. Если Австрійскій императоръ объявляетъ войну, какъ Ломбардо-Венеціанскій король, то все-таки онъ ведетъ ее не на деньги одной Ломбардо-Венеціи, а всей своей монархіи; армія набранная въ германскихъ владѣніяхъ его, сражается въ Италіи, не спрашивая разрѣшенія сейма. Поэтому, выраженіе — что онъ воюетъ, какъ Итальянскій государь, одно пустое слово. Если бы Венеція, Венгрія, Галиція и прочія имѣли свои отдѣльные правительства и арміи, были бы членами международнаго союза, — тогда дѣло другое, — Австрійскій императоръ могъ бы дѣйствовать отдѣльно въ качествѣ напримѣръ Венеціанскаго короля, могъ бы даже, слѣдуя Мартенсу, представить свѣту любопытное зрѣлище: объявить войну самому себѣ, то есть, въ качествѣ Ломбардо-Венеціанскаго короля воевать съ Венгріей или Тиролемъ. Но пока этого нѣтъ, обязана ли иностранная держава уважать нелѣпое положеніе о различіи не германскихъ отъ германскихъ владѣній того же государя? Война часто не иначе можетъ быть кончена, какъ уничтоженіемъ силъ противника въ самомъ центрѣ его владѣній. Австрія имѣетъ это право въ войнѣ съ Франціей, — но Франція (по германской консти-

туціи) должна остановиться у Фріуля, и дальше идти не смѣетъ и должна спокойно ждать, какъ Австрійскій императоръ будетъ набирать новую армію въ своихъ германскихъ владѣніяхъ. Словомъ, германскія владѣнія для Австріи и Пруссіи обведены (по союзной конституціи) магическимъ кругомъ, — Германія — священный и неприкосновенный азиль для австрійской арміи. Тоже самое, если Австрія будетъ въ войнѣ съ Россіей. Неужели Франція и Россія захотятъ признать въ случаѣ большой войны начало, по которому Германія прикрываетъ ихъ противника и дѣлаетъ шансы войны неровными и успѣхъ ея сомнительнымъ, потому что противникъ никогда не можетъ быть доведенъ до крайности?

Вообще эта чудовищная система придумана Метернихомъ очень ловко для выгодъ Австріи. Другія державы, бывшія на конгрессѣ, согласились на нее, потому что имѣли въ виду — только опасность со стороны Франціи. Наши русскіе публицисты до-сихъ-поръ смотрятъ на этотъ вопросъ съ той же точки зрѣнія, то есть изъ-за Германіи видятъ Францію, забывая, что Австрія гораздо значительной частью своихъ владѣній граничитъ съ Россіей.

Мы привели статьи союзнаго договора, по которымъ запрещается война между двумя германскими государствами. Конечно, союзъ имѣетъ достаточно силы для выполненія этой статьи, относительно мелкихъ государствъ, — и совершенно безсиленъ, какъ показали событія, относительно Австріи и Пруссіи. Въ 1851 году, Австрія и Пруссія стояли съ оружіемъ въ рукахъ другъ противъ друга, — и если не начали войны, то конечно не изъ страха къ сейму.

Организація Сейма — представляетъ совершенную невозможность достигнуть общаго рѣшенія. *) Для постановленія

---

*) Союзный сеймъ (Bundesversammlung, Diète fédérative), бываетъ — малый (enger Rath), который постоянно засѣдаетъ и въ полномъ собраніи (Bundesversammlung im Plenum). Мы приводили роспись числа голосовъ, которыми располагаетъ каждое государство на маломъ и большомъ сеймѣ. Большой сеймъ собирается только для рѣшенія важныхъ дѣлъ, въ-особенности слѣдующихъ вопросовъ: 1) объявленія войны и заключенія мира, 2) измѣненія союзнаго акта или введенія новыхъ органическихъ постановленій, 3) принятія новаго члена въ союзъ, 4) о важныхъ религіозныхъ

важностей этихъ рѣшеній, именно о войнѣ и мирѣ требуется большинство $^2/_3$ голосовъ. Но какъ распредѣлено количество голосовъ? Пруссія и Австрія, по населенію и военнымъ силамъ, составляютъ $^2/_3$ Германіи, а между тѣмъ они оба вмѣстѣ имѣютъ на большомъ сеймѣ 8 голосовъ изъ 66, на маломъ 2 изъ 16; Пруссія, Австрія, Баварія, Саксонія Вюртембергъ, Ганноверъ, Баденъ, оба Гессена, Данія (за Гольштинію), Голландія (за Люксембургъ), — т. е. всѣ большія и среднія государства, съ населеніемъ въ 40 милліоновъ (изъ 42 милліоновъ населенія всей Германіи) имѣютъ только 39 голосовъ, слѣдовательно все еще не составляютъ конституціоннаго большинства двухъ третей (66 голосовъ, слѣдовательно конституціонное большинство 44), и въ случаѣ грозы, со стороны напримѣръ Франціи, мелкія государства, которыхъ населенія въ двадцать разъ меньше, могутъ парализировать ихъ. И на оборотъ всѣ мелкія государства вмѣстѣ съ великими герцогствами, и напримѣръ съ Саксоніей имѣютъ 46 голосовъ; слѣдовательно конституціонное большинство, и по этому могутъ, если захотятъ, увлечь на войну Австрію, Пруссію и другія королевства, — хотя населеніе этого большинства составляетъ восемь, а меньшинство тридцать четыре милліона! Тотъ же законъ повторяется и на маломъ сеймѣ, — конечно этого не было никогда и не будетъ, чтобы мелкія государства господствовали надъ большими; на что согласны Австрія и Пруссія и, пожалуй еще Баварія, то безпрекословно принимаютъ остальныя государства,—не было примѣра оппозиціи. Что же послѣ этого значатъ похвалы защитниковъ сеймовой конституціи, что она гарантируетъ независимость слабаго государства наравнѣ съ сильнымъ? Къ чему было устроивать этотъ безобразный механизмъ, который на практикѣ не приводится въ движеніе? Онъ, ясно, имѣетъ только одну цѣль: парализировать дѣйствія Пруссіи или Австріи отдѣльно. Отъ того система политическихъ интригъ процвѣ-

дѣлахъ. На маломъ сеймѣ дѣла рѣшаются простымъ (абсолютнымъ) большинствомъ, на большомъ — большинствомъ двухъ третей голосовъ. Но измѣненіе союзной конституціи и принятіе новаго члена можетъ быть рѣшено не иначе, какъ единогласно.

таетъ въ Германіи; есть нѣсколько центровъ, около которыхъ группируются мелкія государства — Саксонія, Вюртенбергъ и нѣкоторыя другія, — и въ Дрезденѣ и Вюртенбергѣ происходитъ постоянно дипломатическая борьба, здѣсь иностранныя державы устраиваютъ прочное вмѣшательство въ дѣла Германіи.

Посмотримъ, на отношенія сейма къ отдѣльнымъ государствамъ въ другихъ вопросахъ.

По конституціи сейму принадлежатъ, кромѣ посредничества, о которомъ мы упоминали,—слѣдующая власть: 1) военная защита союза и дипломатическія сношенія, 2) гарантія конституцій отдѣльныхъ государствъ, защита правъ государей противъ ихъ народовъ и опредѣленіе правъ народовъ, 3) опредѣленіе общихъ правъ Германцевъ, 4) введеніе общаго законодательства по нѣкоторымъ частямъ, какъ-то: почтовой, монетной, книгопечатанью и прочее.

Въ такъ называемомъ «окончательномъ актѣ» (Schluss-Acte), устройства Германскаго союза, подписанномъ въ Вѣнѣ 15 мая 1860 года, союзъ получаетъ право, какъ собирательное государство, объявлять войну, но только для защиты Германіи или ея отдѣльныхъ государствъ. Въ 37 статьѣ союзнаго договора сказано: «Если одно изъ союзныхъ государствъ въ спорѣ съ иностранной державой, прибѣгаетъ къ посредничеству союза, то союзное собраніе приступаетъ немедленно къ разбирательству. И если окажется, что право на сторонѣ иностранной державы, — то союзъ прекращаетъ дальнѣйшее разбирательство, и побуждаетъ союзное государство къ сохраненію мира; если же окажется противное, — то союзъ принимаетъ мѣры къ охраненію безопасности союзнаго государства, и продолжаетъ или до-тѣхъ-поръ, пока оно не получитъ полнаго удовлетворенія.» Какое значеніе можетъ имѣть это постановленіе для большихъ германскихъ государствъ, а тѣмъ болѣе для иностранныхъ? Какое изъ послѣднихъ согласится подчиниться приговору чуждаго собранія, — какое изъ большихъ государствъ — каковы Австрія и Пруссія — согласится отказаться отъ самостоятельности, и подчиниться приговору двухъ десятковъ молодыхъ государствъ? Исторія показала, что это постановленіе только

правило, безъ дѣйствительной силы, на которыя указываютъ, когда это выгодно и о которомъ забываютъ, когда оно не выгодно. Для защиты общаго отечества союзъ имѣетъ армію, — въ воображеніи. Одной арміи, состоящей въ распоряженіи союза, нѣтъ; каждое государство, какъ бы оно мало ни было, содержать отдѣльную армію, оно только обязано, въ мирное время, и выставлять въ военное время столько солдатъ, сколько назначено по росписи, — именно по одному проценту съ населенія, кромѣ резерва. Такъ, что теперь союзная армія, т. е. собраніе всѣхъ контингентовъ состоитъ изъ 562,000 и 1,600 пушекъ. До-сихъ-поръ еще не было случая собрать эту разноколиберную армію для войны; но одна только возможность войны показала, что будетъ въ дѣйствительности. Во время послѣдней войны Австріи съ Франціею, когда опасность казалась близко союза, Пруссія объявила, что она на себя принимаетъ защиту Германіи, если ей предоставлено будетъ дипломатическая и военная иниціатива. То-есть по уставу союза, во время войны сеймъ назначаетъ главнокомандующаго союзной арміей, слѣдовательно можетъ назначить въ эту должность напримѣръ князя Лихтенштейнскаго, выставляющаго армію въ 82 человѣка, и подчинить ему прусскую армію, состоящую изъ 180,000 по росписи и сверхъ ся еще изъ 400,000 человѣкъ, — а Пруссія требовала, чтобы ей предоставлено было главное начальство, — или теперь требуетъ, чтобы это начальство раздѣлено было между ею и Австріей. Здравый смыслъ говоритъ громко въ пользу требованія Пруссіи, но союзный актъ говоритъ противное. Изъ это ясно, какое практическое значеніе, могутъ имѣть постановленія союза о военной защитѣ. Небольшое доказательство было дано въ 1848—49 годахъ, когда Данія, государство съ двумя съ половиною милліонами жителей, побѣдоносно боролась съ Германскимъ союзомъ.

Кромѣ войска (въ воображеніи) союзная власть имѣетъ въ своемъ завѣдываніи нѣсколько крѣпостей: Ландау, Люксембургъ, Майнцъ, Раштадтъ, Ульмъ. Но и здѣсь, въ составленіи гарнизоновъ и распредѣленіи начальства повторяется соперничество Австріи съ Пруссіей и безсиліе союзной власти;

такъ что эти крѣпости болѣе похожи на лагери, гдѣ наблюдаютъ другъ за другомъ двѣ великія германскія державы, нежели на оплоты отъ военныхъ враговъ.

Приводимъ еще нѣсколько статей союзнаго акта о военныхъ отношеніяхъ:

Ст. 39. «Если мнѣнія одного изъ членовъ союза или другіе положительные факты заставляютъ думать, что одному изъ союзныхъ государствъ, или всему союзу, угрожаетъ непріятельское нападеніе, — тогда сеймъ безотлагательно разбираетъ дѣло, и если признаетъ опасность дѣйствительною, то немедленно принимаетъ должныя мѣры.»

Ст. 39. «Если въ территорію союза вступитъ непріятельская армія, то состояніе войны объявляется самимъ этимъ фактомъ; и каково бы ни было послѣдующее рѣшеніе сейма, мѣры, защиты, *пропорціональныя опасности* (?) должны быть немедленно приняты.»

Ст. 40. «Если союзъ будетъ побужденъ къ формальному объявленію войны, то таковое объявленіе можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ по опредѣленію двухъ третей голосовъ большаго сейма.»

Ст. 42. «Если предварительный вопросъ о дѣйствительномъ существованіи опасности, будетъ разрѣшенъ отрицательно, то тѣ государства союза, которыя не раздѣляютъ мнѣніе большинства, сохраняютъ права согласиться между собою о мѣрахъ взаимной защиты» (!)

Ст. 46. «Если то изъ союзныхъ государствъ, которое имѣетъ владѣнія внѣ союза, предприметъ войну въ качествѣ европейскаго государства, то союзъ остается нейтральнымъ.»

Ст. 47. «Если такое государство потерпитъ нападеніе на свои владѣнія, лежащія внѣ союза, то послѣдній принимаетъ мѣры защиты или участія въ войнѣ только тогда, когда сеймъ большинствомъ голосовъ призналъ существованіе опасности для Германіи.»

Всѣ эти статьи имѣютъ болѣе литературное, нежели положительное политическое значеніе.

Значеніе союзной власти въ дипломатическомъ отношеніи представляетъ также много странностей. Каждое германское государство можетъ принимать и посылать дипломатическихъ

агентовъ, заключать всякаго рода трактаты, лишь бы они были непротивны союзному договору, — а союзная власть *принимаетъ*, *но не посылаетъ* дипломатическихъ агентовъ. Правда, что по второму пункту 50 статьи союзнаго акта, сейму предоставлено и право посылать агентовъ, «если онъ найдетъ нужнымъ», — но онъ никогда не пользовался этимъ правомъ! Въ 1848 году центральная власть, бывшая несравненно сильнѣе и учрежденная на другихъ основаніяхъ, (національное представительство и намѣстникъ имперіи), отправила посланниковъ въ Англію и Францію, — но послѣдняя отказала въ пріемѣ! Союзной власти предоставлено: наблюдать за сохраненіемъ мира и дружественныхъ отношеній съ иностранными державами, — негоцировать и заключать трактаты отъ имени союза, (исключительно мирные трактаты, оканчивающіе войну этого союза), быть посредникомъ между отдѣльными государствами союза и иностранной державой, по ихъ предложенію.

Военное и дипломатическое значеніе союзной власти, по общему мнѣнію, имѣло только одно положительное слѣдствіе: оно послужило къ развитію того рода политической литературы, который называется протоколами, ультиматумами, ультиматиссимами и т. д. Цѣлыя горы бумагъ исписывались напримѣръ по гольштинскому вопросу, — безъ малѣйшаго результата.

Что касается до значенія союзной власти, относительно внутренней жизни Германіи, то она также ничтожна, какъ и относительно внѣшней.

Сеймъ долженъ пещись: чтобы во всѣхъ германскихъ государствахъ были учреждены представительныя собранія; дѣйствующія конституціи могутъ быть измѣняемы только конституціоннымъ путемъ; если кто изъ государей будетъ просить гарантіи союза для конституціи его государства, — то въ такомъ случаѣ сеймъ получаетъ право вмѣшательства по жалобѣ или государя, или палатъ. *) Всѣ эти постановленія

*) Примѣръ приложенія этого права представился въ недавнее время. Курфирстъ Гессенскій отмѣнилъ въ 1852 г. прежнюю конституцію и далъ новую: начала одни и тѣже въ обѣихъ конституціяхъ, то есть сословное

не получили серьезнаго практическаго значенія, — какъ мы увидимъ при разборѣ конституцій отдѣльныхъ государствъ Германіи. Далѣе сеймъ наблюдаетъ за неприкосновенностью монархическаго начала, объявляетъ не дѣйствительными тѣхъ конституціи, по которымъ функціи верховной власти не будутъ предоставлены государю, или онъ будетъ стѣсненъ въ исполненіи обязательствъ, налагаемыхъ на него союзнымъ договоромъ; наблюдаетъ, чтобы публичныя пренія палатъ, тамъ гдѣ это установлено мѣстнымъ закономъ, не нарушали общественнаго спокойствія Германіи. Эта часть обязанностей сейма получила практическое приложеніе, такъ что сеймъ всегда бываетъ опорой реакціи и никогда — прогресса, либерализма.

Союзная конституція обязываетъ сеймъ охранять права медіатизованныхъ господъ и бывшаго имперскаго рыцарства, — такъ что это сословіе имѣетъ право апелляціи къ сейму на своихъ государей, въ случаѣ нарушенія правъ, и слѣдовательно не состоитъ въ полномъ подданствѣ, *) Относи-

представительство, — только съ той разницей, что по новой двѣ палаты, а по прежней одна. По жалобѣ палаты сеймъ началъ обсуждать дѣло, потому что онъ гарантировалъ прежнюю конституцію.... и до-сихъ-поръ еще нѣтъ окончательнаго рѣшенія.

*) Права ихъ опредѣлены 14 статьей союзнаго акта 1815 года и подтверждены окончательнымъ актомъ 1820 года. — Впрочемъ въ этой статьѣ повторены только постановленія 27—32 параграфовъ акта Рейнскаго союза. Рейнскій актъ опредѣляетъ права государей (les droits de Souveraineté) въ правѣ законодательства, высшаго суда, высшей полиціи, рекрутскаго набора и налога. За исключеніемъ этихъ правъ, всѣ остальныя предоставлены были медіатизованнымъ владѣтелямъ. Права эти слѣдующія: 1) Равенство крови (Ebenbürtigkeit) съ коронованными фамиліями, — вслѣдствіе этого, бракъ государя съ дѣвицей медіатизованной фамиліи есть равный, а не морганатическій (по крайней мѣрѣ въ Германіи); — 2) главы медіатизованныхъ фамилій составляютъ первый классъ чиновъ тѣхъ государствъ, гдѣ живутъ (т. е., должны засѣдать въ первой палатѣ) и пользуются относительно своихъ лицъ и имуществъ наибольшими привиллегіями; это послѣднее постановленіе до-сихъ-поръ мѣшаетъ введенію равенства въ поземельномъ налогѣ: отдѣльныя государства не вправѣ уничтожить привиллегированный характеръ имуществъ медіатизованныхъ господъ, — и хотятъ выкупить у нихъ эти привиллегіи; 3) право быть судимыми только въ судахъ высшей степени; 4) право гражданскаго и уголовнаго (полицейскаго) суда первой инстанціи въ своихъ владѣніяхъ, — и даже второй ин-

тельно простыхъ гражданъ въ 35 статьѣ окончательнаго акта сказано: «Хотя союзный договоръ, гарантируя независимость отдѣльныхъ государствъ постановилъ, какъ основный принципъ, невмѣшательство союзной власти во внутреннее управленіе ихъ, но однако члены союза во второй части договора, условились въ нѣкоторыхъ общихъ правахъ ихъ подданныхъ. По этому сеймъ будетъ наблюдать за исполненіемъ этихъ соглашеній, если будетъ доказано тѣми, до кого сіе касается, что они остались безъ исполненія. Впрочемъ приложеніе къ частнымъ случаямъ законовъ и постановленій, изданныхъ въ силу сказанныхъ обязательствъ, предается на благоусмотрѣнія государей.»

По рѣдкому, запутанному изложенію этой статьи акта 1820 можно подумать, что въ 1815 году обѣщаны были Нѣмцамъ необычайныя льготы, быстрое осуществленіе которыхъ могло угрожать потрясеніемъ порядка. А между тѣмъ всего на все было постановлено слѣдующее (по 18 статьѣ акта 1815 г.) «Государи и вольные города Германіи условливаются укрѣпить за своими подданными слѣдующія права: 1) Пріобрѣтать и владѣть недвижимой собственностью и внѣ границъ того государства, гдѣ они живутъ, при чемъ они подвергаются только тѣмъ сборамъ и повинностямъ, какія несутъ коренные подданные; 2) Переселяться изъ одного го-

---

станціи, если владѣнія велики. — Кромѣ того они пользуются разными почетными правами въ округѣ своихъ владѣній, на основаніи декрета короля Баварскаго отъ 19 марта 1807 г., принятаго союзной конституціей за общее правило. — Замѣтимъ, что нѣкоторые медіатизованные князья имѣютъ владѣнія обширнѣе многихъ германскихъ государей, напримѣръ герцогъ Арембергъ имѣетъ владѣнія со 120,000 душъ населенія. —

Бывшее имперское дворянство (Reichsadel) пользуется привиллегированнымъ судомъ (т. е. въ случаѣ преступленій судится прямо на высшей инстанціи), мѣстной полицейской властью и судебной на низшей степени, церковнымъ патронатомъ, привиллегированнымъ участіемъ на сеймахъ и проч. Но 14 статья союзной конституціи, исчисливши эти права дворянства, прибавляетъ, что пользованіе ими будетъ происходить на основаніи правилъ, которыя издадутся государями, — и тѣмъ самимъ, поставила самыя права въ зависимость отъ мѣстныхъ государей, и сдѣлала возможнымъ ихъ отмѣну или сокращеніе. При изложеніи конституцій отдѣльныхъ государствъ мы увидимъ какими правами пользуются штандесгерры и имперское рыцарство въ составленіи представительства.

сударства союза въ другое таковое же (die Befugnisse des freien Wegziehens), вступать въ военную и гражданскую службу другаго государства союза, выполнивъ прежде обязанности въ первомъ отечествѣ; 3) Освобожденіе отъ пошлинъ (jus detractus, gabella emigrationis) при перевозѣ имуществъ изъ одного государства въ другое; 4) Союзное собраніе позаботится объ изданіи однообразнаго законодательства о свободѣ книгопечатанія и объ охраненіи литературной собственности.» Къ этимъ постановленіямъ надобно прибавить статью 16-ю о равенствѣ правъ гражданскихъ и политическихъ, правъ лицъ *всѣхъ* христіанскихъ исповѣданій *) и о томъ, что сеймъ *подумаетъ*, нельзя ли какъ нибудь улучшить положеніе Евреевъ (Die Bundesversammlung wird in Berathung ziehen) **). Наконецъ 29-я статья окончательнаго акта

---

*) Такъ сказано въ союзной конституціи; но въ нѣкоторыхъ частныхъ конституціяхъ слово «всѣхъ» замѣнено словомъ «трехъ», подъ которымъ подразумѣваются католическое, евангелическое (лютеранское) и реформатское исповѣданіе. — Очевидно, что такое замѣненіе противно буквѣ союзной конституціи.

**) Втеченіе 30 лѣтъ сеймъ однако ничего не придумалъ для облегченія участи несчастныхъ Евреевъ. Въ 1848 г. національное франкфуртское собраніе провозгласило равенство правъ послѣдователей всѣхъ религій, и этотъ имперскій законъ былъ принятъ государствами Германіи. Но прошелъ страхъ французской революціи и всѣ постановленія въ пользу Евреевъ отмѣнены, возстановлены старыя конституціи, по которымъ они не имѣютъ политическихъ правъ. За исключеніемъ Пруссіи и Ганновера (также вольныхъ городовъ) они въ другихъ странахъ Германіи не могутъ быть не только избирателями и депутатами, но и вообще всякая административная и военная карьера закрыта для нихъ. А въ нѣкоторыхъ государствахъ (напримѣръ въ Саксенъ-Мейнингенѣ), Евреи не могутъ быть даже адвокатами и присяжными! Въ Австріи вновь получила силу самая безнравственная и подлая мѣра угнетенія, настоящая Австрійская, именно: Евреи могутъ вступать въ бракъ только съ разрѣшенія правительства; опредѣлено особымъ постановленіемъ, сколько должно быть женатыхъ Евреевъ, — поэтому желающій вступить въ бракъ, долженъ ждать ваканціи!!...

Въ Пруссіи конституція 1850 года, составленная подъ вліяніемъ событій 1848 года, подтверждаетъ равенство политическихъ и гражданскихъ правъ Евреевъ наравнѣ съ христіанами (Der Genuss der bürgerlichen und staatsbürgerlichen Rechte ist unabhängig von dem religiösen Bekenntnisse, ст. 12-я конституціи), и въ-самомъ-дѣлѣ они не только бываютъ избирателями, но и депутатами. Но за исключеніемъ этого политическаго права, Евреи терпятъ полное униженіе: административная, судебная и военная карьера замкнута для нихъ, что особенно чувствительно въ такой странѣ какъ Прус-

(1820 г.) постанавливаетъ: «Въ случаѣ когда въ одномъ изъ государствъ союза, будетъ отказано гражданину въ правѣ суда (Justizverweigerung, deni de justice) то сеймъ, по жалобамъ обиженнаго, разсматриваетъ дѣла на основаніи законовъ страны, и приглашаетъ правительство дать судъ.» *)

Союзъ показалъ дѣятельность въ развитіи только репресивной стороны этихъ жалкихъ льготъ. Такъ 20-го Сентября 1819 года онъ издалъ законъ о книгопечатаніи, не о свободѣ его, какъ ему бы слѣдовало сдѣлать на основаніи союзной конституціи, — а объ ограниченіи свободы, особенно журналистики. Законъ этотъ изданъ по предложенію Австріи, — по этому не зачѣмъ распространяться о его характерѣ. Въ 1824 году изданъ законъ также по предложенію Австріи о поддержаніи монархическаго принципа, — которому не грозило никакой опасностью; а въ 1838 году сеймъ постановилъ такія правила объ охраненіи внутренняго спокойствія, которыя грозили паденіемъ конституціонному началу, такъ что Баварія, Саксонія, Вюртембергъ и нѣкоторыя герцогства опубликовали его съ оговоркою, что они не признаютъ за сеймомъ права нарушать статью союзнаго акта о введеніи пред-

---

сія, которая почти вся состоитъ изъ чиновниковъ и военныхъ. Въ 1856 году членъ прусской палаты депутатовъ Вагенеръ, бывшій редакторъ Kreuz-Zeitung, сдѣлалъ предложеніе, поддержанное 29-тью другими членами, объ отмѣнѣ 12-й статьи «потому что принципъ ея противенъ христіанскому государству», какъ онъ выразился. Предложеніе было отвергнуто. Но не смотря на то, равенство Евреевъ остается большей частію мертвой буквой. Кажется, что въ послѣднее время Прусское правительство рѣшилось давать серьезное приложеніе 12-й статьи. Положеніе Евреевъ ясно показываетъ политическую незрѣлость нѣмецкаго народа въ сравненіи съ французскимъ. Мѣры подобныя тѣмъ, которыя существуютъ въ Австріи и другихъ государствахъ, еще болѣе поразительны, — что все это происходитъ въ странѣ философской! «Въ Германіи, сказалъ одинъ изъ французскихъ публицистовъ, дозволяется философу съ каѳедры отвергать бытіе Бога, и не дозволяется Еврею входить на каѳедру для поученія о единомъ Богѣ.

*) Такія притязанія со стороны французскаго собранія, которое исчезло какъ дымъ, и бумаги котораго были проданы съ акціона, для удовлетворенія недоданнаго жалованья прислугѣ и неуплаченныхъ счетовъ за свѣчи, — были смѣшны. Но они принесли свои плоды: никто не пожалѣлъ о проигрышѣ дѣла германскаго единства, никто особенно не симпатизируетъ ему.

ставительныхъ учрежденій и будутъ охранять ихъ во всей силѣ *).

Такова союзная конституція. Какъ федеральный актъ, она безсильна относительно большихъ государствъ, безсильна во внѣшнемъ отношеніи, неспособна ни къ какому значительному практическому приложенію; для внутренней жизни германскаго народа она представляетъ преграду для прогресса либеральныхъ учрежденій. Но это еще не главные ея недостатки. Она есть отрицаніе политическаго бытія германской націи. Единство Германіи, т. е. составленія сильной центральной власти съ національнымъ представительствомъ, при чемъ отдѣльныя государства обратились бы въ провинціи, — вотъ идеалъ лучшихъ людей Германіи. Въ 1848 году вслѣдствіе февральской революціи союзная конституція исчезла сама-собою, безъ всякаго насильственнаго движенія; сеймъ пропалъ, какъ призракъ. Всѣмъ извѣстны событія этого времени: германскій парламентъ во Франкфуртѣ, эрцъгерцогъ Іоганъ — глава исполнительной власти, временная покорность германскихъ правительствъ до-тѣхъ-поръ, пока продолжалось во Франціи торжество республиканской партіи, полное сопротивленіе послѣ избранія Лудовика-Бонапарта въ президенты, — избраніе Прусскаго короля въ императоры Германіи, его отреченіе, распаденіе парламента, его бѣгство и окончательныя засѣданія въ одномъ изъ штутгартскихъ трактировъ и проч. и проч., — и за тѣмъ возстановленіе конституціи 1815 года. Въ настоящее время событія, происходящія въ той-же Франціи, но другаго рода нежели въ 1848 году, кажется, положатъ опять конецъ союзной конституціи, негодность которой для внѣшней защиты, почти всѣми признана.

Къ чему же придетъ Германія? Ей необходимо прочное, юридически-организованное національное единство. Единство

*) По 56 ст. окончательнаго акта конституціи могутъ быть измѣняемы только конституціоннымъ порядкомъ, то есть, съ соблюденіемъ тѣхъ формъ и условій, какія постановлены ими самими; а приведенное постановленіе сейма предложило государямъ представить конституціи на его разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ уничтожить въ нихъ все, что противно твердости монархическаго начала.

языка, литературы, исторіи не составляетъ еще націи; безъ твердаго политическаго единства, народъ не живетъ въ политическомъ отношеніи. Но не разрѣшимая загадка, какъ можно устроить это единство. Сильная центральная власть съ императоромъ во главѣ и суверенныя права мѣстныхъ государей — понятія несовмѣстимыя, исключающія другъ-друга. Обращеніе всей Германіи въ Пруссію, т. е. соединеніе императорскаго достоинства съ Прусской короной невозможно: на это никогда не согласятся ни Австрія, ни Баварія, ни множество другихъ государствъ, — и притомъ не только государи, но и народы этихъ земель. Тоже самое относительно Австріи! Въ Германіи, вслѣдствіе вѣчнаго раздѣленія и малаго развитія политическихъ идей, мѣстный патріотизмъ (если только можно употребить въ этомъ смыслѣ такое великое слово) сильно развитъ; мало того — внутри каждой страны, напримѣръ жители Франконіи (область Баварскаго королевства) ненавидятъ Мюнхенцевъ, и охотнѣе предпочли бы владычество Франціи.

Если бы Германія состояла только изъ малыхъ государствъ, тогда бы она достигла политическаго единства безъ большихъ затрудненій, — ни одно бы изъ нихъ не осмѣлилось идти противъ воли націи. Такъ, въ 1848 году малыя государства безпрекословно признали власть Франкфуртскаго парламента и провозглашеніе имперіи. Но ея несчастіе, — существованіе такихъ великихъ членовъ, каковы Австрія и Пруссія, которыя не согласятся пожертвовать своимъ отдѣльнымъ бытіемъ. Словомъ, при сохраненіи того порядка вещей, который теперь существуетъ, невозможно для Германіи политическое единство и твердая центральная власть; формула для единства можетъ произойдти только на другихъ основаніяхъ, изъ другаго порядка вещей.

Нѣмцы любятъ говорить, что имъ нечего заимствовать у другихъ народовъ, — и съ высоты величія, смотрятъ на Францію. А между тѣмъ Германія оживаетъ только тогда, когда Франція встаетъ; она рабски повторяетъ Французское движеніе: въ 1848 году у ней была своя февральская революція, свое учредительное собраніе, свое іюньское возстаніе, — или, правильнѣе во множественномъ числѣ, революціи и собра-

нія. Но все это было ребяческой пародіей, безъ величія, безъ энтузіазма. И все это движеніе покончилось комически,—протестами, перепиской, коммиссіями—и наконецъ прямо перешло на старое.

При такой политической неспособности нѣмецкая нація обнаружила въ 1848 году еще другое качество—ненависть къ другимъ національностямъ: славянской, скандинавской, итальянской. Тогда, какъ Франція начала дѣло своего возрожденія провозглашеніемъ правъ всѣхъ народовъ на независимую жизнь, сохранила этотъ принципъ, и тѣмъ пріобрѣла себѣ громадную силу и популярность,—Германія же возбудила общую антипатію.

II.

Тринадцатая статья союзнаго акта 1815 года опредѣляетъ, чтобы въ каждомъ государствѣ были собранія чиновъ (landständische Verfassung). Эта статья чрезвычайно важна,—и любопытно, что она до-сихъ-поръ не получила полнаго примѣненія, потому что въ Австріи нѣтъ представительныхъ учрежденій. Если бъ эта статья была ясно выражена, то она была бы охраной льготъ германскихъ народовъ, давала бы сейму право вмѣшательства во внутреннія дѣла отдѣльныхъ государствъ и могла бы повести къ ограниченію суверенитета государей и къ созданію твердой центральной власти. Не такъ вышло на дѣлѣ. Мы остановимся на этомъ пунктѣ, потому что онъ лучше всего показываетъ отношенія германскихъ государей къ центральной власти.

Въ первоначальномъ планѣ конституціи союза было предложено: чтобы во всѣхъ германскихъ государствахъ были устроены представительныя собранія, чтобы союзный актъ опредѣлилъ minimum (наименьшее количество) правъ, которыя должны быть предоставлены народу и парламентамъ, оставляя на волю государей расширять эти права.

Баварія, и въ-особенности Вюртембергъ, сильно протестовали противъ этого предложенія, находя его несовмѣстнымъ съ высокими правами королей. Съ своей стороны уполномо-

ченный Ганновера (т. е. Англійскаго короля) представилъ ноту слѣдующаго содержанія: что его государь не можетъ допустить, чтобы измѣненія, происшедшія въ Германіи послѣ революціи, могли дать королямъ Баваріи и Вюртемберга право неограниченнаго господства надъ ихъ подданными, и чтобы уничтоженіе конституціи Германской имперіи могло имѣть законнымъ слѣдствіемъ уничтоженія мѣстныхъ конституцій: что представительная система существовала въ Германіи съ незапамятныхъ временъ, что во-многихъ государствахъ эта организація основана на договорахъ народовъ съ государями. Далѣе, онъ утверждалъ, что трактаты, по которымъ германскіе государи приступали къ общей лигѣ противъ Наполеона, нисколько не даютъ имъ надъ подданными тѣхъ правъ, которыхъ они прежде не имѣли, потому что съ одной стороны въ этихъ трактатахъ ничего не было сказано о правахъ подданныхъ, а съ другой стороны, хотя государямъ обезпечено верховное право (Souveraineté), но слово суверенность вовсе не означаетъ деспотической власти: такъ король Англійскій, конечно такой же суверенъ, какъ и другіе европейскіе государи, а между тѣмъ его народъ пользуется великими льготами, которыя не только не угрожаютъ престолу, но укрѣпляютъ его силу.

Но Вюртембергъ продолжалъ спорить. Вслѣдствіе этого появилась знаменитая тринадцатая статья, которая, для незнакомыхъ съ германской публицистикой, кажется равносильной ганноверскому предложенію, т. е. обязываетъ государей дать народамъ представительныя учрежденія,—а между-тѣмъ ни къ чему не обязываетъ. Какъ же это произошло? Здѣсь для понятія одной изъ коренныхъ статей конституціи необходима.... филологія. Въ проектѣ было сказано: «In allen Bundesstaaten SOLL eine landständische Verfassung *bestehen*,» (т. е. въ каждомъ изъ государствъ союза *должно необходимо* существовать представительное устройство),—а въ союзномъ актѣ тринадцатая статья выражена такъ: «In allen Bundesstaaten *wird* eine landständische Verfassung stattfinden» (т. е. въ каждомъ государствѣ союза *будетъ* имѣть мѣсто представительное устройство). Нѣмецкіе комментаторы по этому говорятъ: проектъ обязывалъ безусловно дать представитель-

ство, а союзный актъ говоритъ, что представительство *будетъ*, — но когда, — этого не опредѣляетъ. Словомъ, германскіе государи давали или не давали конституціи сообразно тому, какъ понимали различіе глаголовъ *sollen* и *sein!*... надобно сказать, что только въ Германіи можно было серьезно заниматься филологической интерпретаціей и сводить великій вопросъ на филологическій!

Впрочемъ, за исключеніемъ Австріи, всѣ германскіе государи дали конституціи своимъ подданнымъ. Долѣе другихъ колебалась Пруссія, но, наконецъ, вынужденная внѣшними событіями, дала конституцію на началахъ англійскихъ или французскихъ (парламентарныхъ). Въ среднихъ и малыхъ германскихъ государствахъ конституціи сохранили досихъ-поръ своеобразность, какъ въ устройствѣ представительства, такъ и въ его значеніи. Начнемъ съ этихъ послѣднихъ.

Французская система представительства (точно также какъ и американская) основана на началѣ числа: съ извѣстнаго количества народонаселенія избирается одинъ членъ — депутатъ. Германская теорія совсѣмъ другая.

Средневѣковое государство состояло изъ трехъ свободныхъ элементовъ: рыцарства, духовенства, горожанъ. Это не были сословія въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, — это скорѣе были три націи, — рѣзко отличавшіяся другъ-отъ-друга не только занятіями, но и происхожденіемъ, законами, нравами, интересами, даже языкомъ и литературою. Поэтому представительство въ средневѣковомъ государствѣ иначе и не могло быть мыслимо, какъ въ формѣ трехъ отдѣльныхъ камеръ: дворянъ, духовенства, горожанъ. Составить представительство общее, воловое, по количеству народонаселенія было бы въ то время величайшей нелѣпостью: горожанинъ ничего общаго не имѣлъ съ рыцаремъ. Далѣе, въ каждой изъ этихъ категорій представительство опять было основано не на принципѣ числа, а на количествѣ *юридическихъ* лицъ: каждый городъ, какъ особое цѣлое, имѣлъ представителя, каждый большой монастырь или капитулъ также, — рыцарское сословіе раздѣлялось также на юридическія лица, различныя рыцарскія корпораціи, кромѣ того на высшее и

нисшее рыцарство. Такую форму имѣло представительство не только въ Германіи, но и во Франціи и даже въ Россіи (земскія думы).

Это средневѣковое различіе сословій не изгладилось и въ новое время. Франція, гораздо прежде другихъ государствъ, достигла нивелированія сословій, созданія одной націи, т. е. въ ней явились великія національныя интересы, предъ которыми сословныя отошли на дальній планъ, и наконецъ сословія смѣшались, потеряли средневѣковый характеръ. Въ 1789 году было послѣднее собраніе Etats generaux, кончившееся тѣмъ, что среднее сословіе объявило себя націей и потребовало, чтобы представители другихъ сословій соединились съ нимъ въ одну камеру.

Представительныя учрежденія тогда только удовлетворяютъ своему смыслу, когда служатъ дѣйствительно органомъ интересовъ всего народа, представляютъ въ сокращеніи націю. Слѣдовательно если народъ раздѣляется на сословія, рѣзко различающіяся бытомъ и интересами, то оно должно быть устроено такъ, чтобы каждый элементъ былъ представленъ въ количествѣ, сообразномъ съ своимъ естественнымъ значеніемъ въ государствѣ, какъ живомъ организмѣ. По этому, напримѣръ форма представительства, устроенная Екатериной II-й для коммиссіи составленія проекта новаго уложенія, была самая мудрая, самая справедливая. Въ ней всѣ сословія, всѣ племена Россіи имѣли своихъ представителей: не только крестьяне, горожане, дворяне, — но и различные виды сельскаго сословія: казаки, однодворцы, инородческія племена, каждое отдѣльно посылало депутата. Интересы ихъ и должны быть различны, хотя бы они и жили въ одномъ уѣздѣ. Предоставить дѣло выбора одному числу — значило бы въ этомъ случаѣ получить вовсе не истинное представительство нуждъ и желаній Россіи и по этому представительство не на началѣ числа, а на началѣ элементовъ государства, — есть справедливо тамъ, гдѣ еще не послѣдовало ихъ объединенія. Но ставить эту переходную, историческую систему абсолютною, сохранять ее и тогда, когда различные слои слились въ одну націю, — значитъ искусственно поддерживать раздробленіе, устроивать путы для политическаго развитія народа, дѣлать

представительство не истиннымъ, а ложнымъ, потому что оно тогда будетъ выраженіемъ сгнившихъ частей и не будетъ выражать живаго цѣлаго.

А между тѣмъ такого рода представительство въ чистой формѣ до-сихъ-поръ существуетъ въ Швеціи, и въ измѣненной — во всѣхъ германскихъ государствахъ, за исключеніемъ Пруссіи.

Разсматривая конституціи германскихъ государствъ, нельзя неудивляться тому терпѣнію, съ которымъ составители ихъ собирали всѣ отжившіе элементы, выхолили ихъ и призвали къ дѣйствію съ одною цѣлію: стѣснить консервативными началами свободное представительство. Есть цѣлый классъ нѣмецкихъ публицистовъ, которые восхищаются этими конституціями, находя, что ими устанавливается *реальное* представительство. Это восхищеніе понятно: конституціи эти во многомъ обязаны своимъ происхожденіемъ гелертерамъ, — они наглядно представляютъ всю исторію Германіи, это, въ нѣкоторомъ родѣ, политическій музеумъ.

Всѣ германскія конституціи чрезвычайно сходны между собою (за исключеніемъ Пруссіи), — такъ, что достаточно разсмотрѣть одну изъ нихъ, чтобы знать всѣ остальныя. Онѣ отличаются отъ шведской и прежнихъ германскихъ тѣмъ, что нѣтъ представительства въ трехъ или четырехъ камерахъ: всего двѣ камеры, — но палата депутатовъ именно устроена на старомъ началѣ — сословномъ, а высшая палата состоитъ изъ наслѣдственныхъ и избирательныхъ членовъ самыхъ верхнихъ историческихъ слоевъ съ примѣсью, впрочемъ въ опредѣленной дозѣ новаго начала — избранія государемъ. Во всѣхъ государствахъ медіатизированные князья и графы, на основаніи союзнаго акта, засѣдаютъ наслѣдственно въ первой палатѣ, — если только имѣютъ медіатизованныя имѣнія въ территоріи государства *).

---

*) Этихъ фамилій въ Германіи восемьдесять четыре: Арембергъ, Бентгеймъ, Бентникъ, Бемелбергъ, Кастель, Коллоредо, Круа, Дитрихштейнъ, Эрбахъ, Эстергази, Фюрстенбергъ, Фуггеръ, Гишь, Гёрцъ, Гротъ, Гогенлоге, Изенбургъ, Аулендорфъ, Лейнингенъ, Лейенъ, Левенштейнъ, Лооцъ-и-Корсваренъ, Нейпергъ, Эттингъ, Остенбургъ, Папенгеймъ, Плетенбергъ, Пюклеръ,

Посмотримъ сначала на составъ первой палаты. Въ Саксоніи она состоитъ изъ членовъ шестнадцати категорій, въ Ганноверѣ — десяти, въ другихъ государствахъ почти изъ такого же числа. Именно, — въ Саксоніи первую палату составляютъ: 1) совершеннолѣтніе принцы королевскаго дома, 2) представитель (по выбору) Мейссенскаго монастыря, 3) господинъ Вильденфельсъ, 4) одинъ уполномоченный отъ пяти линій графскаго дома Шенбургъ, 5) депутатъ Лейпцигскаго университета (непремѣнно изъ ординарныхъ профессоровъ), 6) господинъ Кенигсбрукъ, 7) господинъ Рейбергдорфъ, 8) евангелическій придворный проповѣдникъ (Oberhofprediger), 9) деканъ будиссинскаго соборнаго капитула, 10) Лейпцигскій суперинтендентъ, 11) представитель Вурценскаго монастыря, 12) первый представитель другихъ четырехъ линій Шенбургской фамиліи, 13) двѣнадцать уполномоченныхъ, избираемыхъ пожизненно, отъ владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, 14) десять пожизненныхъ членовъ по выбору короля изъ сословія дворянъ (Rittergutsbesitzer), 15) городскіе головы (die erste Magistratsperson) городовъ Дрездена и Лейпцига, 16) головы шести другихъ городовъ, по росписи утвержденной королемъ.

Такимъ образомъ первая саксонская палата состоитъ изъ лицъ, поступающихъ въ нее по различнымъ началамъ: a) по началу крови (1-я категорія), b) по владѣнію извѣстнымъ недвижимымъ имуществомъ (категоріи 3, 4, 6, 7, 12), c) по выбору высшаго поземельнаго дворянства большихъ духовныхъ корпорацій (категоріи 2, 9) и университета, d) по назначенію короля (категорія 14), e) по занимаемой должности (категорія 8, 9, 15, 16). Притомъ члены — или наслѣдственны, или пожизненны, — или, тѣ которые занимаютъ мѣсто по должности, — срочны, т. е., присутствуютъ до-тѣхъ-поръ, пока занимаютъ должность, которая дала имъ право вступить въ камеру. Коль скоро членъ теряетъ по-

---

Рехбергъ, Рехтернъ-Лимпургъ, Сольмъ, Шесбергъ. Шенборнъ, Шенбургъ, Шварценбергъ, Сольмсъ, Стадіонъ, Штернбергъ, Штальбергъ, Турнъ-и-Таксисъ, Террингъ, Валдботтъ-Бассенгеймъ, Валдбургъ, Видъ, Винцингренъ, Витгенштейнъ.

земельное имущество, давшее ему право вступить въ камеру, то вмѣстѣ съ тѣмъ и теряетъ это послѣднее право. Городское населеніе вотируетъ при избраніи депутатовъ въ нисшую камеру, и кромѣ того, какъ мы видѣли, нѣкоторые большіе города имѣютъ представителей и въ первой. Это начало довольно общее въ германскихъ конституціяхъ; радикально странное (почему, въ самомъ дѣлѣ, большіе города избираютъ и въ нисшую и въ высшую камеру, а малые только въ послѣднюю?), объясняемое единственно желаніемъ ввести чиноначаліе и своего рода аристократію между городами, и собрать въ первой палатѣ *сливки* всѣхъ общественныхъ разрядовъ.

Въ Ганноверѣ составъ первой палаты представляетъ нѣсколько любопытныхъ отличій. Кромѣ принцевъ королевскаго дома и четырехъ медіатизованныхъ герцоговъ и графовъ (Аренберга, Лооцъ-Корсварена, Бентгейма, Штольберга),— она состоитъ: 1) изъ *наслѣдственнаго* маршала королевства (Erblandmarschall des Königreichs), 2) изъ тридцати трехъ уполномоченныхъ отъ большихъ поземельныхъ владѣльцевъ (а не только владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, какъ въ Саксоніи),—королевство раздѣляется для этого предмета на тридцать на три округа, въ каждомъ изъ нихъ сто пятьдесятъ владѣльцевъ, платящихъ не менѣе пятидесяти талеровъ ежегодной поземельной подати, избираютъ одного депутата,— если въ округѣ не найдется ста пятидесяти лицъ съ такимъ состояніемъ, то дозволяется скомплектовать число ихъ изъ менѣе богатыхъ,—если въ округѣ болѣе ста пятидесяти лицъ, платящихъ пятьдесятъ талеровъ, то всѣ они пользуются правомъ избирательства. Это начало—англійское, здѣсь рыцарство замѣнено джентри. 3) Весьма интересная оригинальность: десять членовъ отъ торговли и ремеслъ! Законъ 26-го Октября 1848 года. (Gesetz über die Wahlen zur allgemeinen standeversammlung) постанавливаетъ, что все королевство для выборовъ по этой категоріи раздѣляется на десять округовъ, въ каждомъ округѣ отъ двадцати до тридцати избирателей, имѣющихъ заведеніе, годовая подать съ котораго не менѣе трехъ съ половиною талеровъ, а также изъ двухъ старшинъ каждаго цѣха. Далѣе, 4) духовенство и ученое сосло-

віе (не одни университеты, какъ въ Саксоніи, Баденѣ и другихъ государствахъ, но и члены среднихъ и нисшихъ заведеній, избираютъ десять представителей, именно: протестантское духовенство—четырехъ, католическое — двоихъ, Геттингенскій университетъ—одного, учителя гимназій—одного, учителя нисшихъ училищъ — двоихъ. Ганноверская конституція единственная въ мірѣ, по которой ремесленники и школьные учителя составляютъ какой-то аристократическій слой, представляемый въ первой палатѣ. Какъ видно за начало представительства взяты отвлеченныя понятія—торговля, наука и проч. Наконецъ, не менѣе любопытно, —юристы (Rechtsgelehrte) т. е., судьи и адвокаты также посылаютъ четырехъ представителей въ высшую палату. Въ дополнительныхъ законахъ къ конституціи очень подробно исчислены правила, по которымъ школьные учителя, ремесленники, юристы избираютъ представителей,— какъ напримѣръ, нѣсколько гимназій должны условливаться въ общемъ выборѣ. Вообще ганноверская первая палата далеко непохожа на англійскую палату лордовъ, — въ ней какое-то нелѣпое соединеніе такихъ элементовъ, какъ медіатизированные князья и ремесленники. Замѣтимъ, что законъ очень серьезно говоритъ, напримѣръ, въ статьѣ о выборѣ представителей въ высшую палату отъ ремесленниковъ, что пивовары также пользуются правомъ избранія, если платятъ положенную годовую подать!

Въ Кургессенѣ (по конституціи 1852 года *) первая палата состоитъ изъ лицъ тринадцати категорій: 1) изъ совершеннолѣтнихъ принцевъ царствующей фамиліи, 2) изъ главы каждой линіи курфирстскаго дома, 3) изъ главъ княжескихъ и графскихъ фамилій, имѣющихъ медіатизированныя владѣнія (Standesherrschaft) въ Кургессенѣ, 4) изъ наслѣдственныхъ членовъ изъ сословія высшаго дворянства (Landesherrn), число которыхъ не должно превышать числа членовъ трехъ первыхъ категорій, — съ тѣмъ чтобы возведенный въ перство имѣлъ поземельное имущество съ ежегод-

*) Мы упоминали, что эта конституція дана курфирстомъ вмѣсто прежней 1831 года, отмѣненной имъ впротивность постановленія союзнаго акта, о чемъ и ведется процессъ.

нымъ доходомъ не менѣе, какъ въ 6,000 талеровъ, 5) изъ наслѣдственнаго маршала вольнаго господина (Freiherr) фонъ Ридезеля, 6) одного представителя двухъ дворянскихъ монастырей — Кауфунгенъ и Веттеръ, 7) изъ вице-канцлера университета, 8) католическаго епископа, 9) трехъ протестантскихъ суперинтендентовъ — Кассельскаго, Марбургскаго и Ганнаускаго, 10) изъ пяти депутатовъ отъ стараго гессенскаго рыцарства (althessiche Ritterschaft), 11) одного уполномоченнаго отъ рыцарства графства Шаумбургъ, 12) одного — отъ бывшаго имперскаго дворянства (Reichsunmittelbarer Adel) Фульдскаго и Гюнфелдскаго округовъ, 13) одного — отъ такого же рыцарства, провинцій Ганнау.

Первая палата великаго герцогства Гессена (Гессенъ-Дармштадтъ) состоитъ изъ тѣхъ же элементовъ, но въ сокращенномъ *) и болѣе либеральномъ видѣ, — всего семь категорій: принцы, штандесгерры, католическій епископъ, одинъ протестантскій духовный сановникъ, канцлеръ университета, — слѣдственно тѣ же категоріи, какъ и въ кургессенской конституціи, — но за то дворянство не имѣетъ особыхъ представителей, и избранныя государемъ члены въ числѣ десяти могутъ быть и не изъ рыцарства. Замѣчательно, что третья категорія гессенской конституціи буквально сходна съ пятой кургессенской, т. е., тотъ же господинъ Ридезель наслѣдственнымъ членомъ въ первыхъ палатахъ обоихъ государствъ!! Въ Баваріи первая палата называется — палатой государственныхъ совѣтниковъ (die Kammer der Reichsräthe) и состоитъ, изъ 1) принцевъ, 2) штандесгерровъ, 3) трехъ католическихъ и одной протестантской духовныхъ особъ, — 4) изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ (Kronbeamte des Reichs), 5) изъ назначаемыхъ королемъ за заслуги или во уваженіе ихъ происхожденія или состоянія (... wegen ausgezeichneter dem Staate geleisteter Dienste, oder wegen ihrer Geburt, oder ihres Vermögens...), — наслѣдственно или по-

*) Дѣйствующая конституція дана великимъ герцогомъ Лудвикомъ 17 Декабря 1820 года.

жизненно, съ тѣмъ чтобъ число пожизненныхъ членовъ не превышало одной трети числа членовъ *).

Палата депутатовъ (вторая, низшая палата) въ второстепенныхъ государствахъ Германіи составляется, какъ мы сказали, на основаніи начала сословій. Въ Саксоніи она состоитъ: изъ 20-ти депутатовъ отъ владѣльцевъ рыцарскихъ имуществъ, 25 депутатовъ отъ городовъ, 25 отъ крестьянъ (Bauerstand), т. е., всѣ землевладѣльцы обыкновенныхъ, а не рыцарскихъ имуществъ, и пяти отъ торговли и ремеслъ.

Въ Ганноверѣ **) палата депутатовъ состоитъ изъ 82 членовъ, — изъ нихъ два назначаются королемъ изъ числа министровъ (странная особенность!) и одинъ членъ-контролеръ избирается самой палатой, — прочіе 79 распредѣляются такъ: 1) 38 депутатовъ отъ городовъ, но не всѣхъ, а отъ 73 исчисленныхъ въ росписи (§ 41, пунктъ 3-й конституціи), — изъ этого числа столичный городъ даетъ двухъ депутатовъ, другіе по одному, и наконецъ группы изъ двухъ, трехъ пяти и даже восьми малыхъ городовъ—даютъ по одному депутату, т. е., говоря германскимъ конституціоннымъ языкомъ, имѣютъ одинъ куріатскій голосъ; 2) изъ 41 депутата отъ сельскихъ общинъ и городовъ, неозначенныхъ въ первой категоріи. Представителей со стороны поземельнаго дворянства нѣтъ во второй палатѣ, потому что, какъ мы видѣли, всѣ значительные поземельные владѣльцы посылаютъ депутатовъ (въ числѣ 31-го) въ первую палату. По той же причинѣ и 63 члена баденской второй палаты состоятъ только изъ депутатовъ отъ городовъ и сельскихъ общинъ, — изъ этого числа 14 городовъ посылаютъ 22 депутата, именно Карлсруэ и Мангеймъ по три, Гейдельбергъ, Фрейбургъ, Пфорцгеймъ, Ларъ по два, прочіе по одному.

*) Въ Баваріи дѣйствуетъ конституція 26 Мая 1818 г. Впрочемъ въ 1848 году сдѣлано было и сохранено въ силѣ до-сихъ-поръ важное постановленіе (Verfassungs-Gesetz, die Wahl der Landtags-Abgeordneten betreffend, 4 Іюня 1846 г.) о составѣ второй палаты, по которому отмѣнено сословное представительство и введено народное въ тѣхъ почти размѣрахъ какъ и въ Пруссіи.

**) Въ Ганноверѣ дѣйствуетъ конституція 6 Августа 1840 г. съ весьма важными измѣненіями относительно устройства палатъ по закону 5 Сентября 1848 г. (Das Gesetz, verschiedene Abänderungen des Landes-verfassungs-Gesetzes betreffend.)

Въ Кургессенѣ вторая палата состоитъ изъ 48 депутатовъ: 16 отъ тѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые не вотируютъ для первой камеры, 16 отъ городовъ (изъ которыхъ одни имѣютъ полный голосъ, другіе куріатный), 16 отъ сельскихъ общинъ. Въ великомъ герцогствѣ Гессенѣ эта палата состоитъ изъ 50 членовъ: 1) шесть отъ дворянъ землевладѣльцевъ, 2) десять отъ восьми привиллегированныхъ городовъ (Дармштадтъ и Майнцъ по два, прочіе шесть по одному депутату, 3) 34 депутата отъ округовъ, въ составъ которыхъ входятъ и селенія и города, разумѣется, за исключеніемъ привиллегированныхъ.

Въ Вюртембергскомъ королевствѣ *) вторая палата весьма сложнаго состава,—въ нее входятъ многіе изъ тѣхъ категорій, которыя въ другихъ государствахъ посылаютъ представителей въ верхнюю камеру. Она состоитъ: 1) изъ 13 дворянскихъ депутатовъ, 2) изъ семи отъ семи привиллегированныхъ городовъ, 3) и по одному съ каждаго округа (Oberamtsbezirke), — и кромѣ того 4) изъ канцлера университета, 5) католическаго епископа, соборнаго декана и члена отъ соборного капитула, 6) изъ трехъ протестантскихъ генералъ-суперинтендентовъ. Семь лицъ, составляющихъ три послѣднія категоріи засѣдаютъ не вслѣдствіе избранія (за исключеніемъ члена отъ соборнаго капитула), а по должностямъ, и остаются въ палатѣ безсрочно, до-тѣхъ-поръ пока не лишились своихъ званій, — слѣдовательно вносятъ въ палату депутатовъ совершенно новый, противорѣчащій ея значенію, элементъ. Конечно, раціональнѣе было бы включить этихъ членовъ въ первую палату; но въ Вюртембергѣ первая палата состоитъ только изъ трехъ категорій: 1) изъ принцевъ королевскаго дома, изъ главъ тѣхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, которыхъ владѣнія прежде пользовались голосомъ на имперскомъ сеймѣ, 3) изъ лицъ наслѣдственно или пожизненно назначенныхъ королемъ, съ тѣмъ а) чтобы число ихъ непревышало одной

*) Въ Вюртембергѣ дѣйствуетъ конституція 25 Сентября 1819 г. Въ 1848 созвано было собраніе для ревизіи конституціи, и издана была новая, конечно болѣе либеральная. Но въ 1850 г. королевскимъ повелѣніемъ (6 Ноября) дана сила прежней конституціи, и всѣ постановленія послѣдняго собранія уничтожены.

трети числа лицъ двухъ первыхъ категорій, b) чтобы въ наслѣдственные члены избирались только лица дворянскаго сословія и притомъ такія, которыя имѣютъ поземельную собственность по меньшей мѣрѣ въ 6,000 гульденовъ ежегоднаго дохода.

Въ маленькихъ германскихъ государствахъ большей частію представительное собраніе состоитъ изъ одной камеры (Landtag), потому что довольно трудно, напримѣръ, въ Липпе найдти элементы для первой палаты такого рода, какъ въ среднихъ государствахъ. Но собраніе все-таки состоитъ изъ депутатовъ трехъ сословій—рыцарства, горожанъ и крестьянъ. Конституціи маленькихъ государствъ отличаются величайшей обстоятельностью: такъ въ Саксенъ-Мейнингенской (§ 20) исчислены всѣ дворяне-избиратели, — ихъ впрочемъ всего пятьдесятъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ заключаютъ любопытныя положенія, — такъ напримѣръ, Брауншвейская палата (Landschaftsordnung vom 12 Oct. 1832, § 60) состоитъ изъ 48 членовъ: 10 отъ дворянъ, 12 отъ городовъ, 10 отъ крестьянъ,— и еще четвертый разрядъ: 16 депутатовъ избираемыхъ всѣми тремя сословіями вмѣстѣ, — для этого каждое сословіе назначаетъ столько избирателей, сколько посылаетъ депутатовъ, они соединяются въ одну коллегію и избираютъ этихъ 16 депутатовъ. Такимъ образомъ два противоположные начала представительства—сословное и національное (изъ всего народонаселенія) соединены вмѣстѣ въ одной палатѣ, такъ что каждый Брауншвейтецъ представляется въ палатѣ двояко, — и какъ членъ сословія и какъ членъ націи. Такую удивительную комбинацію могли придумать только нѣмецкія политики. Конституція самаго маленькаго изъ германскихъ государствъ, княжества Лихтенштейнъ (7,000 жителей), замѣчательна тѣмъ, что дворянство не имѣетъ отдѣльныхъ представителей, — (впрочемъ, намъ неизвѣстно, есть ли тамъ хотя десятокъ дворянъ-помѣщиковъ), но за то, такъ какъ князь ревностный католикъ — духовенство имѣетъ спеціальныхъ представителей, и весь сеймъ (Landstände) состоитъ изъ двухъ отдѣленій: 1) Geistlichkeit — представители духовенства — трое избранныхъ бѣлымъ духовенствомъ и монастырями, и кромѣ того всѣ приходскіе священники, кото-

рые притомъ имѣютъ состоянія въ 2,500 гульденовъ eo ipso получаютъ мѣсто и голосъ въ палатѣ; 2) Landmanchaft по одному депутату съ каждой общины.

Сообразно съ такимъ жалкимъ конституціоннымъ устройствомъ, гдѣ на ряду съ живыми элементами призваны мертвые, идутъ постановленія объ участіи гражданъ въ избирательствѣ и значеніи представительныхъ собраній. Во всѣхъ германскихъ государствахъ разумѣется нѣтъ и помина о всеобщемъ избирательствѣ, — въ каждомъ сословіи избранія депутатовъ принадлежитъ только немногимъ достаточнымъ членамъ. Въ сословіи дворянскомъ собственно вотируетъ не лицо, а рыцарское имущество — подобно тому, какъ у насъ въ Россіи на дворянскихъ выборахъ право голоса принадлежитъ только лицу, обладающему имуществомъ опредѣленнаго размѣра (100 душъ крестьянъ). По этому если рыцарское имущество перешло во владѣніе нѣсколькихъ лицъ, то они сообща имѣютъ одинъ голосъ, — и нѣкоторыя конституціи, напримѣръ, нассауская, входятъ по этому случаю въ большія подробности: владѣльцы одного рыцарскаго имущества должны избрать одного избирателя, а если они не согласятся, то избирателемъ считается старшій лѣтами и проч. Далѣе, отсюда выходитъ другая оригинальность германскаго конституціоннаго права: женщины и малолѣтніе, если они владѣютъ рыцарскимъ имуществомъ, дающимъ право голоса, сохраняютъ это право, т. е., вотируютъ при избраніи депутата, на нее лично,—а за замужнюю ея мужъ, за вдову сынъ, за малолѣтнихъ — опекуны *). Если одно лицо владѣетъ нѣсколькими такими имуществами, то, въ нѣкоторыхъ государствахъ, оно имѣетъ и нѣсколько голосовъ на выборахъ **). Въ сословіи горожанъ и крестьянъ выборы

*) Положеніе о дворянскихъ выборахъ у насъ, изданное Екатериной II, заимствовано во многомъ изъ старыхъ нѣмецкихъ конституцій: имъ даны особыя права владѣльцу имущество со 100 душъ крестьянъ (нѣмецкому рыцарскому имуществу), далѣе право женщины и малолѣтняго передавать голосъ и прочее.

**) Напримѣръ Саксенъ-Мейнингенская конституція § 21 прямо выражаетъ: «Jedes Gut hat bei den Wahlen ein Stimmrecht.» Если такое дворянское имущество перешло во владѣніе не дворянина, то оно не теряетъ

устроены на двухъ степеняхъ, (и даже на трехъ какъ въ Нассау), — и правила выборовъ чрезвычайно разнообразны. Такъ въ Баденѣ, изъ 250 жителей выбирается одинъ избиратель (Wahlmann), — подавать голосъ въ этомъ случаѣ имѣютъ право всѣ граждане, не состоящіе въ зависимомъ положеніи (Hintersassen, Gewerbsgehülfen, Gesinde, Bediente и проч.) и имѣющіе двадцати-пяти-лѣтній возрастъ, безъ различія религій. Но чтобъ быть выбраннымъ депутатомъ надобно принадлежать къ одному изъ трехъ христіанскихъ исповѣданій (т. е., католическому, лютеранскому, реформатскому, слѣдовательно не только Евреи, но и послѣдователи различныхъ сектъ, напримѣръ, пресвитеріанской, методистской и пр. и даже — если бы нашлись, — послѣдователи Восточной или Армянской Церкви — не могутъ быть депутатами *)!!.. далѣе — тридцати-лѣтній возрастъ, и наконецъ владѣть недвижимымъ имуществомъ, цѣною по крайней мѣрѣ въ 10,000 гульденовъ (5,500 р. с.), или 1,500 гульденовъ ежегодной ренты. Въ Гессенскомъ курфиршествѣ избираютъ депутатовъ не народъ, а общинные и городовые совѣты. Въ Вюртембергѣ выборы нѣсколько сложнѣе: изъ 700 человѣкъ жителей (или 140 активныхъ гражданъ) выбирается 20 избирателей, но изъ нихъ собственно избирается только одна треть, а двѣ трети состоятъ изъ четырнадцати гражданъ, заплатившихъ въ послѣднемъ наибольшее количество прямыхъ налоговъ.... Затѣмъ, такимъ образомъ составленныя коллегіи при избраніи депутатовъ должны наблюдать слѣдующія оригинальныя правила: 1) никто не можетъ подавать голосъ въ пользу *самого себя* (ст. 144) и 2) отецъ и сынъ не могутъ одновременно быть депутатами, — и если отецъ не согласится отказаться, то сынъ лишается права быть депутатомъ!.. (ст. 148). Еслябъ въ Англіи существовало такое патріархальное правило, то она бы не совершила

своего права на голосъ; новый владѣлецъ-мѣщанинъ пользуется имъ — въ однѣхъ странахъ прямо, въ другихъ долженъ передать кому либо изъ дворянъ. Дворянинъ не владѣющій такимъ имуществомъ, подаетъ голосъ наравнѣ съ поселянами.

*) Мы говорили прежде, что по союзной конституціи провозглашено равенство правъ послѣдователей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

величайшей реформы—хлѣбныхъ законовъ, потому что серъ Робертъ Пиль засѣдалъ въ палатѣ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Въ Ганноврѣ постановленія гораздо либеральнѣе: выборы прямые (а не двухъ степеней), право участія въ выборахъ и право быть избраннымъ въ депутаты, имѣютъ всѣ полноправные граждане, несостоящіе подъ опекой или въ услуженіи, неопороченные судомъ, платящіе прямые налоги.

Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ находится много мудрыхъ правилъ, относительно порядка засѣданій. Такъ, саксонская конституція говоритъ, что члены не должны въ рѣчахъ позволять себѣ личностей, грубостей и т. д. и т. д., такъ что трудно понять, чтобы эти правила были написаны для собранія депутатовъ народа, а не для мальчиковъ приходской школы. Нассауская конституція очень много заботится о порядкѣ мѣстъ въ засѣданіи, устанавливаетъ какъ представители различныхъ сословій должны размѣщаться вокругъ президента, а члены каждаго сословія занимать мѣста по жребію....

Этимъ сухимъ формализмомъ, соединеніемъ началъ, отсутствіемъ политической идеи, отличаются всѣ германскія конституціи.

Гораздо выше стоитъ прусская конституція. Въ Пруссіи до 1848 года были только собранія чиновъ и то только съ совѣщательнымъ характеромъ. Вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ событій—французской революціи,—дана была парламентерная конституція, — которая впослѣдствіи была во многомъ измѣнена въ консервативномъ духѣ. Нынѣ дѣйствующая конституція (Stats-Grundgesetz) издана 31-го января 1850 г., которая была измѣнена въ нѣкоторыхъ статьяхъ законами; 30-го Апрѣля 1851, 21-го Мая 1852, 5-го Іюня 1852, 7-го Мая 1853, 24-го Мая 1853, 12-го Октября 1854 годовъ.

Прусская конституція не заключаетъ ни одного новаго политическаго начала. Большая часть ея статей — о раздѣленіи трехъ властей, о правахъ Пруссаковъ, о правахъ короля—буквальный переводъ съ французскихъ конституцій. Но французскія начала являются здѣсь обставленными такой средой, что они теряютъ всю свою грандіозность и сводятся на жалкую и даже комическую степень. Такъ напримѣръ, ка-

кую силу можетъ имѣть статья о равенствѣ гражданъ въ странѣ, гдѣ дворянинъ не можетъ вступить въ законный бракъ съ мѣщанкой. Любопытно, что нѣкоторыя статьи французскаго конституціоннаго права получили здѣсь развитіе—въ словахъ. Напримѣръ, во французской Déclaration des droits, сказано просто и ясно, что гражданинъ имѣетъ право выразить свои мнѣнія печатью или другимъ способомъ («Le droit de manifester sa pensée et ses opinions, soit par la voie de la presse, soit de toute autre manière)», а въ 27 статьѣ прусской конституціи: «Каждый Пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свои мнѣнія посредствомъ слова, письма, печати и *художественнаго изображенія*... («Jeder Preusse hat das Recht durch Wort, Schrift, Druck oder bildliche Darstellung seine Meinung frei zu äussern», отчего еще не прибавлено: жестами, танцами и прочее? — Пруссія заимствовала постановленіе французской революціи: что всѣ граждане — солдаты. Но это начало, которое дало Франціи ея страшную военную силу, въ Пруссіи произвело несостоятельную систему Ландвера. По прусской системѣ гражданинъ цѣлый вѣкъ неспокоенъ: то онъ служитъ въ первой молодости въ арміи, а потомъ въ ландверѣ. При этой системѣ Пруссія имѣетъ 700 тысячъ мундировъ — и не имѣетъ арміи, въ настоящемъ смыслѣ слова. Потому что армія, состоящая изъ отцовъ семействъ, есть нелѣпость: она не можетъ выдержать двухгодичной компаніи безъ того, чтобы семейство не стало банкрутомъ. Въ чисто военномъ отношеніи она даетъ Пруссіи линейное войско изъ молодыхъ солдатъ и старыхъ офицеровъ и резервъ (ландверъ) изъ старыхъ солдатъ и молодыхъ офицеровъ. Любопытно, что нѣтъ въ мірѣ націи, которая такъ много думала бы о своемъ военномъ могуществѣ, какъ Пруссія; по мнѣнію Пруссаковъ ихъ армія — первая въ мірѣ.

Далѣе, — прусская конституція провозглашаетъ полную религіозную свободу и равенство правъ лицъ всѣхъ религій,— и дѣйствительно Евреи могутъ засѣдать въ прусской палатѣ депутатовъ, — но не пользуются полными гражданскими правами въ городахъ... Такихъ противорѣчій и несообразностей множество въ прусскомъ законодательствѣ.

Конституціонное устройство Пруссіи слѣдующее. Первая палата состоитъ на основаніи 65 статьи конституціи: 1) изъ принцевъ королевскаго дома, 2) наслѣдственныхъ членовъ: штандесгеровъ (т. е. прежнихъ имперскихъ непосредственныхъ фамилій) и другихъ фамилій, получившихъ это право по волѣ короля; 3) изъ пожизненныхъ членовъ, по назначенію короля, — число которыхъ не должно превосходить $^1/_{10}$ числа членовъ двухъ первыхъ категорій, 4) изъ 90 членовъ, избираемыхъ на 2700 лицъ (слѣдственно на 30—1.), платящихъ небольшіе прямые налоги, — слѣдственно изъ финансовой аристократіи, 5) изъ 30 членовъ, избираемыхъ думами важнѣйшихъ городовъ. Члены двухъ послѣднихъ категорій избирались на шесть лѣтъ. — Но закономъ 12-го Октября 1854 это устройство было измѣнено въ духѣ усиленія королевской власти. Категорія избираемыхъ на срокъ членовъ была уничтожена; категорія пожизненныхъ теперь состоитъ: изъ лицъ назначаемыхъ по благоусмотрѣнію короля и изъ *Представляемыхъ*, (Personen welche uns.... *präsentirt werden*) собраніями важнѣйшихъ землевладѣльцевъ и рыцарскихъ обществъ графскимъ фамиліямъ, притомъ такимъ, которымъ именно дана эта привиллегія, городами, — опять такими, которыхъ удостоитъ король, и университетами. Такимъ образомъ самостоятельное участіе націи, въ составленіи первой палаты, которое существовало хотя въ ничтожной степени по конституціи, — уничтожено, т. е., быть избирателемъ—есть привиллегія даруемая королемъ отдѣльнымъ фамиліямъ или обществамъ, а съ другой стороны утвержденіе представленнаго кандидата зависитъ отъ воли короля. Наконецъ, самое важное новое положеніе не ограничиваетъ числа пожизненныхъ голосовъ. Мы видѣли, что во всѣхъ германскихъ конституціяхъ число пожизненныхъ членовъ опредѣлено самой незначительной пропорціей, оно составляетъ $^1/_{10}$ или не болѣе $^1/_3$ наслѣдственныхъ членовъ, такое же положеніе встрѣчается и въ другихъ европейскихъ конституціяхъ, напримѣръ голландской. Понятна причина этой мѣры. Первая палата, имѣющая консервативное значеніе, должна состоять изъ элементовъ независимыхъ, чтобы быть посредствующимъ самостоятельнымъ звѣномъ между палатой вы-

борныхъ и исполнительной властью. Этой независимости лучше всего можно достичь наслѣдственностію ея членовъ, или по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, чтобы они назначеніемъ своимъ не были обязаны исполнительной власти. По нынѣшней прусской системѣ, король, обладая правомъ назначать неограниченное число пожизненныхъ членовъ, можетъ задушить всякую оппозицію, назначивши для подкрѣпленія преданнаго ему меньшинства нужное число испытанныхъ приверженцевъ. Въ исторіи конституціонной политики это не новость. Лудовикъ XVIII въ министерство Деказа именно прибѣгнулъ съ успѣхомъ къ такой мѣрѣ.

Вторая палата состоитъ, на основаніе закона 30-го Апрѣля 1851 года изъ 352 чеповъ. Выборы депутатовъ двойные. Съ каждыхъ 250 душъ населенія выбирается одинъ избиратель. Избирателемъ бываетъ каждый прусскій гражданинъ съ 24-хъ-лѣтняго возраста; для избранія въ депутаты не требуется особыхъ условій.

Итакъ съ перваго взгляда кажется, что Пруссія приняла систему демократической Франціи — всеобщаго избирательства. А между тѣмъ законъ 30-го Мая 1849 г. (Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur zweiten Kammer) устроилъ избирательство такъ, что и при широкомъ правѣ подачи голосовъ, перевѣсъ лежитъ на сторонѣ богатыхъ.

Вспомнимъ, что во французской конституціи 1789—1791 годовъ начало финансовое (количество налога) играло нѣкоторую роль при выборахъ, но самую незначительную, потому что было приложено не къ лицу, а къ департаменту, и при томъ только относительно $^1/_3$ депутатовъ. Прусская система взяла это начало и развила его въ уродливыхъ размѣрахъ. Постараемся въ немногихъ словахъ объяснить эту мудреную систему.

Каждая община выбираетъ столькихъ избирателей (Wahlmann) во сколько число его жителей болѣе 250, — слѣдственно если въ общинѣ или городѣ 3000 жителей, то 12 избирателей. Но не всѣ граждане имѣютъ *равное* право при избраніи. Именно: составляется роспись, кто изъ гражданъ сколько платитъ податей, и затѣмъ всѣ они раздѣляются на

три разряда. Все количество прямыхъ налоговъ раздѣляется на три равныя части, и граждане раздѣляются на три категоріи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ лицъ, платящихъ треть податей, и каждая избираетъ треть избирателей, какое бы не было въ ней число индивидуумовъ. Напримѣръ, въ городѣ 3000 жителей, онъ долженъ выбрать 12 избирателей; положимъ, что городъ платитъ ежегодно 30,000 талеровъ налоговъ, налоги собираются сообразно съ количествомъ имущества, по этому легко можетъ быть, что въ числѣ 3000 жителей, находится 30 человѣкъ, уплачивающихъ треть всего количества податей, т. е. 3,333 талера, — они по этому и составляютъ полный отдѣлъ избирающихъ треть избирателей, т. е. 4) далѣе найдется 300 человѣкъ, платящихъ также вмѣстѣ 3,333 талера, — они избираютъ вторую треть избирателей, — и наконецъ 2,670 бѣдныхъ гражданъ — избираютъ остальную треть: слѣдственно это начало гильдій, приложенное къ избирательству. — Если въ общинѣ менѣе 750 жителей, то она присоединяется для выборовъ къ другой, — т. е. такъ какъ она не имѣетъ права выбрать трехъ избирателей, то выборы не могутъ имѣть мѣста. Но если община имѣетъ такое число жителей, что число избирателей не будетъ дѣлиться на 3, напримѣръ 2000 жителей, — она должна избрать 8 избирателей, а 8 недѣлится на три. Прусскій законъ предвидѣлъ это и съ обыкновенной своей аккуратностью разрѣшаетъ затрудненіе въ § 14: Если по раздѣленіи на три, въ остаткѣ окажется 1, то этого избирателя выбираетъ одно второе отдѣленіе (среднее); если 2, — то одного избираетъ первое отдѣленіе гражданъ (богатое), другаго — послѣднее (бѣдное) *).

При такой системѣ прусская палата депутатовъ представляетъ болѣе талеры, нежели гражданъ. Такимъ образомъ, мы видимъ во всѣхъ германскихъ государствахъ, не исключая и передоваго изъ нихъ — Пруссіи, представитель-

---

*) «Ist die Zahl der in einem Urwaldbezirke zu wählenden Wahlmänner nicht durch 3 theilbar, so ist, wenn nur 1 Wahlmann übrig bleibt, dieser von der zweiten Abtheilung zu wählen. Bleiben 2 Wahlmänner übrig, so wahlt die erste Abtheilung den einen und die dritte Abtheilung den anderen.»

ную систему, извращенную въ ея исходномъ пунктѣ, перепутанную съ элементами ей несвойственными, стѣсненную, изрѣзанную, такъ что она далеко не выражаетъ народа. Что касается до значенія германскихъ представительныхъ собраній, то во всѣхъ конституціяхъ имъ дается право утверждать бюджетъ, новые налоги, новые законы, и т. д. Но форма не должна насъ обманывать; надобно, чтобъ извѣстныя начала были серьезно проведены, чтобы камеры имѣли серьезное право участія въ государственныхъ дѣлахъ для того, чтобы правленіе могло по справедливости назваться парламентарнымъ. Изъ всѣхъ правъ представительныхъ собраній самое существенное — право утверждать бюджетъ и налоги, — только тогда народъ обладаетъ политической свобободой, когда это право вполнѣ принадлежитъ палатамъ. Въ 1775 году знаменитый Бюрке (Burke) во время войны съ возставшими американскими провинціями сказалъ въ англійскомъ парламентѣ: «Отвлеченная свобода, какъ и всякаго рода отвлеченности, не встрѣчается въ дѣйствительности. Свобода привязывается къ какому либо одному осязаемому предмету, и каждый народъ избираетъ любимый предметъ, который для него дѣлается по преимуществу идеаломъ счастія. Въ Англіи съ самыхъ древнихъ временъ великія битвы за свободу, главнымъ образомъ происходили за вопросъ о налогѣ. Въ древнихъ республикахъ большая часть споровъ вращалась около вопроса о правѣ избранія сановниковъ или о поддержаніи равновѣсія между различными государственными состояніями. Вопросъ о деньгахъ ихъ занималъ гораздо менѣе. Но въ Англіи на оборотъ — вопросъ о налогѣ занималъ самыхъ искусныхъ писателей и самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, за него дѣйствовали, за него страдали самыя великія сердца. — Тѣ, которые защищали превосходство англійской конституціи, не только доказали, что право утверждать налоги было древней и несомнѣнной привиллегіей англійскаго гражданина, — но вмѣстѣ съ тѣмъ утвердили какъ основный принципъ, что во всѣхъ государствахъ народъ долженъ обладать, прямо или чрезъ представителей, властью соглашаться на выдачу денегъ, если же этого онъ не можетъ, то не существуетъ и тѣни свободы.»

Но въ германскихъ государствахъ это великое право не существуетъ во всей своей силѣ. Хотя и сказано, что палаты утверждаютъ бюджетъ моральной силы, — но вмѣстѣ съ тѣмъ принято на практикѣ слѣдующее правило: если палаты откажутъ въ утвержденіи бюджета, то король распускаетъ ихъ и до собранія новыхъ, министерство, собираетъ доходы и расходуетъ ихъ по бюджету послѣдняго года. Если великое право налога сводится такимъ образомъ въ незначительные размѣры, — то понятно, что и все зданіе германскаго конституціонизма шатко и безжизненно. Не имѣя абсолютной власти въ вопросѣ о налогѣ, палаты не могутъ имѣть рѣшительнаго голоса въ направленіи внѣшней и внутренней политики: правительство можетъ прожить и безъ ихъ согласія.

Есть еще и другая мѣстная причина слабости развитія парламентарнаго начала въ Германіи. Мелкія государства неспособны для развитія парламентарной системы: у нихъ нѣтъ ни элементовъ для составленія политическихъ партій, ни великихъ политическихъ задачъ. Большія нѣмецкія государства, даже и самая Пруссія, которыя по качеству населенія обладаютъ достаточными средствами, для развитія парламентарнаго начала, страдаютъ другимъ недостаткомъ — отсутствіемъ національности. Государство тогда только сильно, парламентъ его тогда только имѣетъ жизненную силу, когда онъ есть представитель той моральной единицы, которая называется народомъ. Но что такое Пруссія? Это собраніе части нѣмецкихъ областей (и части не нѣмецкихъ) даже черезполосныхъ; это *часть* Германіи, — это не народъ, а часть его, но геній народа есть нѣчто недробимое; часть, какъ бы она ни была велика, если и удастся облечь ее въ оффиціальное званіе независимаго государства, осуждена вести жизнь лишенную величія, у ней нѣтъ великой будущности; на всѣхъ отправленіяхъ ея государственнаго организма будетъ лежать печать мелочности и безсилія. Народъ, какъ одна моральная единица, одухотворяетъ зданіе государства, — великъ ли онъ или малъ. Голландія или Швеція имѣютъ свою политическую жизнь, свой геній, — не смотря на то, что ихъ населеніе состоитъ первой изъ двухъ,

второй изъ четырехъ милліоновъ; а Пруссія съ семнадцатью милліонами населенія не имѣетъ этой моральной силы.

Что касается до Австріи, то французская революція 1848 года, разшевелила и это мертвое тѣло. Послѣ разныхъ бурь, революцій и отреченій, императоръ Францъ-Іосифъ утвердилъ конституцію, сочиненную для всей Австрійской имперіи представителями ея народовъ. Конечно, странно себѣ представить общее представительное собраніе народовъ совершенно различныхъ, враждебныхъ, не имѣющихъ никакихъ общихъ интересовъ, — представители которыхъ не понимали другъ-друга. Кремсарскій парламентъ былъ какимъ-то политическимъ Вавилонскимъ столпотвореніемъ. Тѣмъ не менѣе, какъ мы сказали, общая представительная конституція съ отвѣтственнымъ министерствомъ и проч. была утверждена въ 1849 году. Но она вскорѣ покончила свое существованіе, такимъ тихимъ и бюрократическимъ способомъ, какой можетъ имѣть мѣсто только въ одной Германіи, — именно пятью письмами императора къ князю Шварценбергу и барону Кюбеку. Самое замѣчательное письмо въ этой коллекціи — отъ 4-го Марта 1849 г. къ князю Шварценбергу, въ которомъ императоръ проситъ его вмѣстѣ съ другими министрами дать ему отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: возможно ли исполненіе конституціи? Получивши отрицательный отвѣтъ, императоръ отмѣнилъ ее *).

Въ нынѣшнемъ году императоръ учредилъ новаго вида государственный совѣтъ. Совѣтъ этотъ будетъ состоять изъ пожизненныхъ членовъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію императора, и срочныхъ по нѣскольку съ каждой области или королевствъ Австрійской монархіи, — избираемыхъ.... императоромъ. Такъ, что различіе между двумя категоріями состоитъ въ томъ, что члену второй говорится, что онъ членъ за Богемію или Венгрію, а члену первой этого не говорится. Собраніе имѣетъ совѣщательный характеръ въ финансовыхъ вопросахъ.

А. ЛОХВИЦКІЙ.

---

*) Замѣтимъ, что передъ этимъ императоръ отмѣнилъ постановленіе конституціи объ отвѣтственности министровъ предъ камерами, — и тѣмъ далъ имъ полную безбоязненность выразить свое задушевное мнѣніе о неприложимости конституціи.

Пандора.

I.

Въ чертогахъ дѣдовскихъ сафировыхъ небесъ,
Однажды по утру возставъ отъ сна, Зевесъ
Зѣвалъ, надъ головой потягивая руки.
Фу, чортъ возьми, сказалъ, хоть умирай отъ скуки!
Пригладилъ бороду и, облачась въ хитонъ,
Прохладой подышать спустился на балконъ.
Въ пространствѣ голубомъ все было тихо, ясно;
Послѣдняя звѣзда, мигая сладострастно,
Тускнѣла въ облакахъ; — и пурпуромъ горя,
Всходила въ небесахъ веселая зоря.
Сердито богъ кидалъ на міръ прекрасный взгляды,
И влаги утренней сердито пилъ прохлады;
Какъ вдругъ морщинами покрытое чело
Блеснуло мыслію и сдѣлалось свѣтло,
И бровь расправилась, нахмуренная строго;
Улыбка на устахъ явилася у бога,
И взоръ внимательный впился въ одинъ предметъ.
Одной изъ дѣвственныхъ разбросанныхъ планетъ.
Зевсъ свистнулъ весело; — на свистъ его издалёка,
Откуда ни возмись, въ одно мгновенье ока,
Меркурій прилетѣлъ, и въ видѣ голубка,
Ошую на плечо спустился старика.
Взглянулъ ему въ глаза такъ женственно-коварно,
И клюнулъ бороду сѣдую фамильярно.
Онъ зналъ, что если богъ изволитъ въ духѣ быть,
Съ нимъ можно иногда немножко пошутить.

«Смотри, сказалъ Зевесъ, въ густыхъ парахъ тумана
Тамъ вертится земля; — подъ сѣнію банана,
Вкушая на зорѣ эдемскихъ сладость нѣгъ,
Спитъ Прометея сномъ глубокимъ человѣкъ.
Онъ жалокъ, сей бобыль, безъ нѣжной половины!
Лети и принеси мнѣ изъ эдема глины.»
И голубь поднялся: — надъ зевсовой главой
Три круга очертилъ и канулъ внизъ стрѣлой.
А гордый Кроніонъ слѣдя за быстрымъ лётомъ,
Предался мысленно весь творческимъ заботамъ.
Лукаво на чертогъ Юноны разъ взглянулъ,
И бровію сѣдой лукаво подмигнулъ.
Такъ иногда у насъ среди земнаго быта,
Случается, друзья, — чиновный волокита,
Просительницу ждетъ въ условный кабинетъ.

II.

Въ чертогахъ дѣдовскихъ, сафировыхъ небесъ,
Сегодня всѣмъ богамъ пиръ задастъ Зевесъ.
Кошницы ломятся отъ пироговъ и хлѣба;
Готовитъ суетясь прохладный нектаръ Геба;
Вакхъ старыхъ винъ съ собой привезъ весь погребокъ,
И свѣтлый Аполлонъ карсели самъ зажёгъ.
Оркестромъ управлять Панъ взялся козлоногій.
Все было весело; — одной Юнонѣ строгой
Не нравился совсѣмъ сей божескій раутъ:
Богиня вѣдала что Зевсъ старинный плутъ
И злилась, желтая отъ ревности всегдашней,
Покуда работалъ онъ въ мастерской домашней.
Межъ тѣмъ веселый залъ давно гостьми кипѣлъ;
Ужъ Вакхъ въ десятый разъ напиться пьянъ успѣлъ.
Ужъ Марсу храброму, въ усахъ, бронѣ и каскѣ,
Венера десять разъ успѣла сдѣлать глазки.
Вдругъ двери отперлись при громѣ флейтъ и въ залъ
Зевесъ съ Пандорою торжественно вступалъ.
Мущины ахнули, богини покосились
И шумной саранчей всѣ вкругъ нея столпились.

Самъ маленькій амуръ къ Силену на ведро
Забравшись форо билъ. Венера за бедро
Щипнула Марса такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ,
И шумный споръ боговъ съ богинями возникнулъ.
Стыдлива дѣвственно и дѣвственно мила,
Рѣсницы опустивъ Пандора заломъ шла;
Покуда Кроніонъ исполненъ весь гордыни
Самъ каждой представлялъ красавицу богинѣ.
Онъ свистнулъ; — свѣтскости испытанный талантъ,
Меркурій подлетѣлъ какъ ловкій адъютантъ.
Лети, сказалъ Зевесъ, неси мое желанье!
Чтобъ нынче весело все было мірозданье;
Скорѣе облети кругомъ планеты всѣ,
Пускай всю ночь горятъ онѣ во всей красѣ;
Чтобъ не было нигдѣ ни молніи ни бури,
Чтобъ свѣтлая заря горѣла на лазури.
Пусть смертной торжество пируетъ цѣлый міръ!
А ты любезный Панъ, хоръ флейтъ скорѣй и лиръ,
Мазурку намъ давай! клянуся я въ ударѣ,
Со смертною моей танцую въ первой парѣ.
Ну боги веселѣй! проворнѣй по мѣстамъ!
Скорѣе разбирай своихъ любезныхъ дамъ.
Готовы? начинай! да Вакхъ побольше хмѣлю!
Ужъ если пить такъ пить! — и цѣлую недѣлю!

III.

Въ чертогахъ дѣдовскихъ, сафировыхъ небесъ,
По заламъ бѣгаетъ растрепанный Зевесъ;
Теребитъ бороду и въ бѣшеномъ разгульѣ,
Ногой толкаетъ все, столы, диваны, стулья;
Хватаетъ молніи пылающую печь,
И въ ярости грозитъ все мірозданье сжечь.
Причину ярости одна Юнона знаетъ,
И губы въ теремѣ довольная кусаетъ.
«Меркурій!» закричалъ бросаясь въ кресла богъ,
И съ низу до верху потряссся весь чертогъ.
«Меркурій!» повторилъ вдвойнѣ онъ полнъ невзгоды;
И съ громомъ треснули во всѣхъ палатахъ своды.

Но тутъ на ярый крикъ Меркурій прилетѣлъ
И въ образѣ орла къ ногамъ Зевеса сѣлъ.
«Гдѣ былъ ты, дуралей?» вскричалъ властитель гнѣвный!
Нѣтъ больше силъ терпѣть! вотъ адъ то ежедневный!
Не женщина а бѣсъ! и если ты мнѣ другъ,
Такъ выбери въ саду мнѣ самый крѣпкій сукъ!
Иль уноси ея въ элизій безъ оглядки,
Авось пройдутъ ея тамъ нервные припадки!»
Меркурій вылетѣлъ, — а гнѣвный Кроніонъ
Горсть соды проглотилъ и вышелъ на балконъ.
Ковромъ изодраннымъ ночь мрачная нависла,
Съ клоками черныхъ тучь; — мигали звѣзды кисло;
Чуть теплилась луна. Съ перилъ свой свѣсивъ носъ,
Смотрѣлъ онъ какъ орелъ въ эдемъ Пандору нёсъ.
Когда-жъ совсѣмъ отъ глазъ, въ дали Меркурій скрылся,
Свободнѣй онъ вздохнулъ и снова ободрился.
«Насилу!» произнесъ. «И кто-бъ подумать могъ,
Что измѣнится такъ, она въ короткій срокъ!
Капризна, бѣшена, ревнива, зла, упряма;
Изъ скромной дѣвушки такая вышла дама!
Ухъ! точно съ плечь гора! насилу отлегло!
Ну, если на землѣ отнынѣ будетъ зло,
Подумавъ, молвилъ онъ, — никто не удивится.
Я богъ, и то пришлось чуть чуть не удавиться!

Н. КРОЛЬ.

ПОЛИТИКА.

Реформа Италии, какъ понималъ ее Монтанелли.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ Наварской битвы Италіянскій вопросъ опять вызвалъ борьбу на долинахъ Ломбардіи; не разрѣшенный мечомъ и запутанный дипломатической канцеляріей, онъ снова обратилъ на себя общественное мнѣніе Европы. За него самыя лучшія симпатіи, самые свѣтлые и безпристрастные умы нашей эпохи; ему горячо сочувствуютъ вездѣ, гдѣ осталось уваженіе къ справедливости и вниманіе къ борьбѣ идеи съ грубой матеріальной силой. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, взоръ человѣчества обращенъ на маленькій уголокъ земнаго шара, гдѣ разыгрывается величайшая драма, какую только видѣлъ XIX вѣкъ. Кучка людей, предводимыхъ отважнымъ героемъ Рима, ночью высаживается на берега Сициліи, и едва успѣла развернуть святое знамя, подъ нимъ соединяется весь островъ. Гарибальди, по правую руку съ своимъ сыномъ, торжественно идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ, изъ города въ городъ. Не болѣе, какъ въ пятнадцать дней, онъ рѣшаетъ судьбу страны, освободивъ ее отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Въ самомъ торжествѣ этого благороднаго вождя есть что-то необыкновенное: въ первый день, послѣ своей высадки, онъ былъ въ виду многочисленнаго непріятеля, безъ денегъ и провизіи; черезъ недѣлю, онъ имѣлъ все, и на сторонѣ его, въ улицахъ Палермо, дрались дѣти, женщины и старики. Самое имя его сдѣлалось символомъ спасенія для угнетеннаго и страхомъ для тираніи.

Но въ чемъ же тайна этого удивительнаго успѣха? Разумѣется, не въ одномъ геніѣ Гарибальди и его личномъ мужествѣ. Въ наше время, индивидуальная сила, какъ бы ни были ея размѣры

колоссальны, не можетъ удачно дѣйствовать внѣ благопріятныхъ обстоятельствъ и независимо отъ тѣхъ или другихъ условій окружающаго міра. Гарибальди крѣпокъ не собственной силой, а всѣми силами Италіи; понимая ея потребности глубже, и выражая ихъ вѣрнѣй, чѣмъ кто нибудь изъ его современниковъ, онъ служитъ представителемъ Италіянской народности и ея затаенныхъ, но живыхъ инстинктовъ. Такому Давиду легко идти съ одной пращей противъ всякаго Голіафа. Пояснимъ свою мысль историческими фактами.

Послѣ геройскаго паденія Венеціи 22 Августа 1849 года, по-видимому, всякая надежда для Италіи была потеряна. Она соединила въ эту пору всѣ усилія, собрала всѣ средства, рванулась съ необыкновенной энергіей, и осталась побѣжденной, покрытой развалинами лучшихъ городовъ, кровью лучшихъ сыновей, безмолвнымъ свидѣтелемъ нищеты и стоновъ ея жителей. Австрійская палка не щадила ни нравственной, ни физической ея боли. Но роковой ударъ, поразивъ Италію съ внѣшней стороны, увеличилъ ея внутреннюю силу. Онъ подѣйствовалъ на нее, какъ гроза дѣйствуетъ на засохшее поле. «Италіянской націи, говоритъ Ричарди, надорванной вѣковымъ рабствомъ, нужно было глубокое потрясеніе; ей въ-особенности необходимо было снова привыкнуть къ оружію и закалить себя въ боевомъ огнѣ. И она услышала звуки пушки по всему полуострову, увидѣла пламенное юношество, отвсюду стекавшееся на театръ борьбы. Ея регулярныя войска и волонтеры, со всѣхъ частей Италіи, собрались, на нѣкоторое время, подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, великимъ національнымъ знаменемъ, которое освятило ихъ братство на полѣ битвы, подъ австрійскими пулями. Эти славныя воспоминанія никогда не изгладятся изъ народной памяти, и никакія средства вѣнскаго кабинета не уничтожатъ живаго семени, брошеннаго въ сердце Италіянцевъ нѣсколькими мѣсяцами свободы, которой они воспользовались въ 1848 и 1849 годахъ. Открытыя трибуны, сохранившія болѣе или менѣе времени гласность въ Палермо, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Венеціи и Туринѣ, заговорили въ одинъ голосъ съ свободнымъ книгопечатаніемъ отъ Альпъ до Этны. Прибавьте къ этому около восьмидесяти тысячъ изгнанниковъ, породнившихся и сердцемъ и умомъ на чужой землѣ; большую часть изъ нихъ пріютила Сардинія, гордо и мужественно поднявшая знамя національной независимости противъ Австріи. Такъ, не смотря на прошлыя и настоящія несчастія, Италія далека отъ отчаянія; одно обстоятельство можетъ без-

покоить ее, именно то, что она должна быть готова на новые и болѣе тяжкіе опыты, потому что независимость и свобода составляютъ то верховное благо, которое можно завоевать только цѣной долговременныхъ усилій и величайшихъ жертвъ.» (Histoire de l'Italie, par J. Ricciardi, гл. IX.)

Кромѣ нравственнаго единства и увѣренности въ своихъ силахъ, Италія въ это смутное время пріобрѣла политическую опытность, которой ей особенно не доставало. Она слишкомъ дорого заплатила за свои ошибки, чтобъ не воспользоваться ихъ уроками, чтобъ не осмотрѣть своего положенія внимательно. Съ 1830 года до восшествія Пія IX на престолъ въ ней глухо, но дѣятельно совершалась подземная работа партій, которыя, за неимѣніемъ юридической гласности и общественнаго мнѣнія, принуждены были соединяться въ тайныя общества. Сѣть ихъ разбрасывалась отъ Абруццо до Лондона. На поверхности этого волкана по временамъ происходили огненные взрывы, падали мученики, подобные братьямъ Бандіера, наполнялись темницы и галеры поборниками національной независимости, но идея жила и политическій термометръ поднимался выше. Въ 1848 году онъ дошелъ до послѣдней точки жара. Повсюду заговорили о свободѣ и внутреннихъ реформахъ, вездѣ появились энергическія демонстраціи и крикъ «да здраствуетъ Пій IX!» былъ общимъ сигналомъ Италіянскаго движенія. — Это былъ африканскій ураганъ послѣ пятнадцати лѣтъ душнаго затишья. Все что доселѣ замыкалось въ тѣсномъ кругу образованныхъ людей и отдѣльныхъ партій, все что думала и чувствовала Италія втихомолку подъ вліяніемъ паническаго страха, теперь все это открыто выражалось передъ правительствами. Когда явился протестъ Сетембрини, разоблачившій бѣдственное положеніе Обѣихъ Сицилій, онъ обошелъ сотни тысячъ читателей. Въ немъ высказалось горе не одного Неаполя, но всего полуострова: онъ былъ отголоскомъ народнаго мнѣнія отъ Палермо до Венеціи. Вотъ главныя черты этого историческаго акта: «Иностранцы, посѣщающіе нашу страну, удивляются свѣтлому небу и плодородію полей; пробѣгая сводъ законовъ, они, пожалуй, подумаютъ, что жители Обѣихъ Сицилій, наслаждаются счастіемъ, небывалымъ у другихъ народовъ. И между тѣмъ ни одно Европейское государство не находится въ болѣе жалкомъ состояніи, какъ наше, не исключая даже Турціи. Османлисовъ, по крайней мѣрѣ, считаютъ варварами, не имѣющими другой воли, кромѣ воли деспота. Коранъ повелѣваетъ имъ безусловно склоняться передъ слѣпымъ

фатализмомъ и, при всемъ томъ, положеніе ихъ улучшается съ каждымъ днемъ. Но въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, въ странѣ, названной садомъ Европы, изъ четырехъ трое умираютъ съ голоду и живутъ хуже скотовъ. Капризъ служитъ закономъ, прогрессъ замѣненъ упорной неподвижностью и, во имя религіи, христіане страдаютъ. О еслибъ каждый городъ, каждая деревня, каждая хижина Пуильи, Абруццо, Калабріи, прекрасной и бѣдной Сициліи могли разсказать неслыханныя жестокости, обиды и притѣсненія личности и собственности! Но и то, что я скажу, должно вызвать трепетъ и слезы и послужить достаточнымъ доказательствомъ, что мнимыя преобразованія нашего правительства — безстыдная ложь, новое и болѣе разсчитанное насиліе. Неаполитанское правительство походитъ на колоссальную пирамиду, которой основаніе состоитъ изъ сбировъ и поповъ, а вершина покрывается королемъ. Каждый чиновникъ, начиная отъ гусара до министра, отъ рядоваго солдата до генерала, отъ жандарма до шефа полиціи, отъ простаго церковника до королевскаго исповѣдника, представляетъ маленькаго деспота и, угнетая подчиненныхъ, въ тоже время ползаетъ передъ своимъ начальникомъ. Кто ни въ ряду притѣснителей, того со всѣхъ сторонъ язвятъ жаломъ безчисленнаго множества бюрократическихъ піявокъ. Свобода, состояніе, миръ и самая жизнь честныхъ гражданъ зависятъ отъ чистаго случая, — я не говорю, — отъ государя или министра, но отъ самаго ничтожнаго чиновника, куртизана, шпіона, сбира или іезуита. Двадцать семь лѣтъ Сицилія терпитъ такой безумный порядокъ вещей, унизившій насъ до животнаго состоянія и, можетъ быть, допускаемый провидѣніемъ за тѣмъ, чтобъ путемъ крайней бѣдности и страданій, довести насъ до послѣдней степени терпѣнія и потомъ приготовить намъ лучшее будущее....» Этотъ вопль одного изъ благороднѣйшихъ патріотовъ былъ понятенъ каждому Италіянцу, потому что внутренняя жизнь народа, съ небольшимъ различіемъ, вездѣ была одинаково-печальна.

Чтобъ составить о ней нѣкоторое понятіе, мы взглянемъ на общій ходъ событій, подготовившихъ 1848 годъ. Ихъ форма измѣнилась, но духъ остался тотъ же до настоящей минуты. Тѣмъ интереснѣе напомнить читателю, что въ этихъ событіяхъ дѣйствующимъ лицомъ является Монтанелли.

Въ Римѣ, по смерти Пія VIII, Григорій XVI принималъ тіару среди поголовнаго возстанія Болоньи и сдавленнаго ропота остальныхъ подданныхъ. Италія, фактически доведенная до рево-

люціоннаго состоянія, находилась точно въ такомъ отношеніи къ Европѣ, въ какомъ она находится теперь. Ея внутреннія потрясенія ежеминутно угрожали всеобщимъ нарушеніемъ мира, такъ что иностранные кабинеты, еще въ 1831 году, представили папѣ *меморандумъ*, требуя отъ него реформъ и улучшеній, сообразныхъ духу вѣка и цивилизаціи. Намѣстникъ св. Петра молчалъ, а кардиналъ его Бернети истощилъ всѣ тонкости софизмовъ, чтобъ успокоить сильныя державы и остановить всякое покушеніе на реформу. Двуличный монахъ достигъ цѣли. Англія, занятая парламентскимъ кризисомъ, и Франція, смѣнившая іюльскіе дни правленіемъ короля-эгоиста, ограничились одними пустыми обѣщаніями Ватикана. Этого мало; они рукоплескали ложному великодушію папы, поощряя его вынудить немедленную и безусловную покорность отложившихся провинцій. Григорій XVI, ободренный увѣреніемъ четырехъ пословъ, отправилъ генерала Альбани усмирять непокорную область. Папское войско, набранное изъ разныхъ бродягъ и ссыльныхъ, моровымъ повѣтріемъ прошло по разоренной странѣ.

Кровопролитія въ Чезенѣ и Форли, подобныя свѣжимъ событіямъ въ Перузѣ, довели Романью до отчаяннаго положенія; деревни вооружились, повсюду составились импровизированныя арміи, готовыя на самые жестокіе поступки. Жажда мести загорѣлась въ сердцѣ каждаго. Альбани не только не думалъ успокоить взволнованную страну; но онъ далъ полную волю наемнымъ солдатамъ безоружнаго владыки. Затѣмъ начались безнаказанныя убійства въ храмахъ, грабежи церквей и истребленіе беззащитныхъ жителей. Австрійцы, разставленные на границѣ, по первому зову кардинала сбѣжались на помощь ему, и довершили общее разрушеніе Романьи. Такъ Григорій XVI началъ свое царство. Потерявъ, на первой ступени трона, народное довѣріе, онъ больше и не заботился о немъ. Окруживъ себя Швейцарцами и раболѣпными сбирами, онъ продолжалъ управлять областью во имя страха и невѣжества. Всю жизнь его пугала свобода совѣсти и слова, какъ будто правленіе его не могло устоять даже противъ бумажнаго листа.

Тоскана, сравнительно съ церковной областью, пользовалась болѣе кроткимъ и разумнымъ правительствомъ; но общая реакція увлекла и Леопольда II. Выдача Ренци римской коллегіи и возстановленіе іезуитской конгрегаціи въ Пизѣ уронили его въ общественномъ мнѣніи. Модена, послѣ казни Менотти и Цербини, увидѣла въ Франсуа IV подозрительнаго и жестокаго герцога. Без-

прерывныя полицейскія преслѣдованія, лишенныя декретомъ отъ 1832 года, самыхъ обыкновенныхъ юридическихъ формъ, угрожали смертію по одному тайному доносу. Такъ невинный Ричи погибъ на эшафотѣ единственно потому, что жизнь его нужна была одному безсовѣстному куртизану. Несчастное семейство обвиненнаго, или лучше оклеветаннаго, не могло выпросить у герцога другой милости, кромѣ позволенія совершить казнь, вмѣсто веревки, желѣзомъ. Франсуа V, наслѣдовавъ своему отцу въ 1846 году, смѣнилъ стараго, всѣмъ ненавистнаго министра Ричини, и тѣмъ заключилъ преобразованіе. Когда ему намекали о неизбѣжномъ государственномъ кризисѣ и совѣтовали предупредить его добровольными уступками, онъ отвѣчалъ, что въ его распоряженіи, кромѣ собственныхъ силъ, есть триста тысячъ штыковъ Австрійскаго императора. Точно въ такомъ же состояніи находилось Луккское герцогство, съ тѣмъ однакожъ важнымъ различіемъ, что правитель его, занятый частными развлеченіями, почти вовсе не вмѣшивался въ общественныя дѣла. Вмѣсто него управлялъ бывшій англійскій конюхъ, назначенный министромъ финансовъ, Уардъ, дерзкій и своенравный до бѣшенства. Карлъ-Лудовикъ Бурбонъ, передавъ власть любимцу, пользовался одними плодами ея, какъ они ни были зелены и горьки. Въ молодости онъ много путешествовалъ и все, что ни встрѣтилось ему на большихъ дорогахъ европейскихъ столицъ самого пустого и безнравственнаго, все это онъ захватилъ съ собой въ качествѣ своихъ собесѣдниковъ и товарищей удовольствій. Господствующей маніей его были теологическіе диспуты, которыми онъ гордился, какъ схоластическій докторъ среднихъ вѣковъ. Изъ любви къ теоріи, онъ сначала предпочелъ Лютера папѣ, потомъ увлекся Фотіемъ, завелъ въ придворной капеллѣ обряды Греческой вѣры и наконецъ опять обратился въ католика. Всѣ эти шалости ученаго герцога стоили его микроскопическому царству необычайно тягостныхъ налоговъ. Въ 1847 году, одушевленные примѣромъ Тосканы и Рима, жители Луккъ попросили его облегчить положеніе страны и дать ей конституцію. Маркизъ Маццароса представилъ народное воззваніе, на которое испуганный Бурбонъ отвѣчалъ такъ: «я подписываю все; дайте мнѣ эту бумагу, но только пусть эти господа не входятъ сюда.» (Memorie di G. Montanelli, гл. XXXIII.) Въ самомъ дѣлѣ герцогъ утвердилъ прокламацію, начавъ ее слѣдующими словами: «мы хотимъ управлять вами не во имя терора, а любви, не во имя силы, а благодѣяній. Потому и открываемъ вамъ свое отеческое сердце. Немедленно мы намѣрены заняться

всѣмъ, что касается вашего блага, желая идти по слѣдамъ нашихъ сосѣдей Тосканцевъ, которые благоразумнымъ и вѣрнымъ шагомъ выступили на дорогу реформъ:» (Memorie di G. Montanelli, гл. XXXIII.) Вслѣдствіе этого акта была учреждена національная милиція, но когда дѣло дошло до объявленія полной конституціи, Карлъ-Лудовикъ, удалившись въ Массу и «дохнувъ болѣе свободнымъ воздухомъ», отказался отъ исполненія даннаго слова. Обремененный долгами, одолѣваемый банкирами и либералами, онъ рѣшился отказаться отъ Луккскаго герцогства, раздѣливъ его территорію между Тосканскимъ и Моденскимъ монархами. Первый вознаградилъ Карла-Лудовика значительнымъ пансіономъ, а второй назначилъ ему двѣнадцать тысячъ піастровъ въ годъ. Этотъ промѣнъ народовъ, тайно условленный въ 1844, состоялся на основаніи Вѣнскаго конгресса 1815 года. Такимъ образомъ Италія сократилась однимъ государствомъ.

Ломбардо-Венеціянское королевство, разоренное налогами и внутренней хищной администраціей, содержалось, съ небольшимъ различіемъ, въ осадномъ положеніи. Спокойствіе его было той цесарской тишиной, которую Радецкій опредѣлилъ слѣдующей фразой: «Дайте сорокъ дней рѣзни; они дадутъ вамъ сорокъ лѣтъ мира». И этотъ красный миръ, какъ его назвалъ Д'Азеліо, дѣйствительно, былъ данъ покоренному народу. Политика Вѣнскаго кабинета постоянно стремилась къ уничтоженію завоеванныхъ національностей; къ счастію, она принималась за это дѣло такъ неловко и грубо, что жестокость ея всегда встрѣчала упорное сопротивленіе. Разрушая вездѣ комунальное начало, и на мѣсто его вводя многосложную администрацію, обыкновенно нѣмецкую, презирая обычаи и преданія страны, она принуждена была сдерживать ее многочисленными гарнизонами и полицейскимъ терoромъ. Эта система, одна изъ самыхъ близорукихъ системъ въ государственныхъ организаціяхъ обходилась ей чрезвычайно дорого. Такъ въ Венгріи за одиннадцать лѣтъ прежде не было ни одного гроша долгу, а теперь онъ выросъ до трехъ миліардовъ. Въ Ломбардіи, для пополненія чахлой королевской казны, они употребляли всѣ мѣры, дозволенныя побѣдителю надъ побѣжденнымъ. Убивая политически, они старались убить Италіянскую націю и нравственно. Народное воспитаніе было главнымъ проводникомъ ея іезуитскихъ началъ. Читая катихизисъ, введенный въ низшія школы для дѣтей (теперь онъ остается въ одной Венеціи), мы не можемъ не удивляться странности и лжи ученія; такъ, на вопросъ: «что надо понимать подъ словомъ оте-

чество?» предлагается слѣдующій отвѣтъ: «подъ словомъ отечество надо разумѣть не только ту страну, гдѣ мы родились, *но и ту, съ которой мы соединились.*» И далѣе: «почему подданные должны смотрѣть на своего повелителя, какъ на государя?» «Потому что онъ имѣетъ полную власть надъ ихъ собственностью и личностію?» — Что должны дѣлать подданные, чтобъ не быть подозрительными?» — жители городовъ и деревень должны спокойно жить въ своихъ домахъ и остерегаться того, что они дѣлаютъ (Budare ai futti loro), и проч. и проч. Въ этомъ дѣтскомъ учебникѣ религія и полиція идутъ рядомъ, подкрѣпляя другъ друга, и гдѣ не доставало пассивнаго повиновенія, тамъ являлась стѣснительная мѣра. Чтобъ представить нагляднѣй, до какой степени Австрія боялась національнаго возбужденія, намъ достаточно разсказать исторію Конфалоніери: мы передадимъ ее, съ полнымъ сочувствіемъ къ этому знаменитому страдальцу Спильберга, словами его друга. «Заключенный сюда, говоритъ онъ, въ 1823 году, въ цвѣтѣ силъ и здоровья, Конфалоніери вышелъ изъ тюрьмы черезъ тринадцать лѣтъ, съ роковой болѣзнью, которая чрезъ десять лѣтъ свела его въ могилу. Его желѣзное здоровье сломилось въ *carcere duro;* неволя и цѣпи такъ измѣнили его, что одинъ изъ друзей, встрѣтившись съ нимъ въ Брюсселѣ, въ 1837 году, не могъ не заплакать, увидѣвъ полуживой остовъ человѣка, нѣкогда кипѣвшаго всей силой юности. Одно качество осталось въ немъ неизмѣннымъ — та крѣпость характера, которую не побѣдили ни угрозы судей, ни пытки палачей. Я не стану разсказывать тысячи несправедливостей этого ломбардскаго процесса, который продолжался два года и покрылъ трауромъ столько семействъ; я не стану говорить и о томъ, какъ Конфалоніери былъ осужденъ на смерть (измѣненную на медленное замираніе въ Спильбергѣ) за письмо, которое должно было бы оправдать его; но я упомяну о томъ несокрушимомъ мужествѣ, съ которымъ славный арестантъ вынесъ долговременное заключеніе. Нѣтъ надобности говорить о жестокости тюрьмы, столь извѣстной всякому. Въ отношеніи къ Конфалоніери примѣнили самое утонченное варварство, по приказанію императора, особенно мучившаго тѣ жертвы, которыя, казалось, тверже стояли. Я разскажу по этому случаю одинъ фактъ: извѣстно что Конфалоніери имѣлъ жену-героиню; исторгнувъ его изъ рукъ смерти, она постоянно думала о томъ, чтобъ освободить его изъ Спильберга. Трудъ былъ необыкновенно тяжелый. Не смотря на то, подкупивъ одного изъ тюремщиковъ, она почти достигла цѣли

своихъ долговременныхъ работъ и самыхъ лучшихъ надеждъ, и вдругъ полиція предупреждаетъ ее: планъ Люціи не удался. Это событіе произвело на нее такое потрясающее впечатлѣніе, что она вскорѣ умерла. И кто бы могъ подумать, что Францискъ, доселѣ запретившій передавать всякое внѣшнее извѣстіе Конфалоніери, теперь нарочно приказалъ сообщитъ ему кончину его жены, въ то же время не дозволивъ говорить о ней подробно. Это грубое приказаніе было исполнено буквально: директоръ темницы, призвавъ къ себѣ Конфалоніери, обратился къ нему такъ: «нумеръ четырнадцатый (въ Спильбергѣ человѣкъ теряетъ даже имя), его величество, государь, приказалъ объявить вамъ, что жена ваша умерла». Едва онъ окончилъ фразу, какъ часовые, подхвативъ узника, потащили его назадъ. Послѣ подобнаго факта неудивительно, что онъ изможденный вышелъ изъ Спильберга, удивительно то, что онъ до послѣдней минуты сохранилъ энергію души, безпримѣрную въ кругу его соотечественниковъ. Имя Фридерика Конфалоніери не умретъ въ исторіи нашихъ несчастій. Сынъ благороднаго и богатаго семейства, воспитанный среди роскоши и удовольствій, онъ однакожъ не видѣлъ вокругъ себя ничего иного, кромѣ ненавистнаго иностранца, попиравшаго національную землю; рѣшившись отдать себя всецѣло народному дѣлу, онъ съумѣлъ предпочесть праздной и безпечной жизни золотыхъ юношескихъ дней — жизнь, полную трудовъ и лишеній, которыя въ Италіи ведутъ прямо къ темницѣ или эшафоту. Честь великому мученику! Вспомнимъ, что люди умираютъ, но примѣры твердости и самоотверженія живутъ и приносятъ плодъ. Эта мысль должна утѣшить тѣхъ, кто, подобно мнѣ, не сомнѣвается, что послѣднимъ біеніемъ его сердца было желаніе свободы Италіи, въ которой ему даже не суждено было умереть». (National. 1846 г. 21 Декабря). Въ странѣ, лишенной всякихъ, политическихъ интересовъ, событіе, подобное смерти Конфалоніери, составляетъ эпоху. Онъ одиноко скончался въ маленькой швейцарской деревнѣ. Миланъ почтилъ его торжественнымъ погребеніемъ: безчисленное множество народа присутствовало въ соборѣ. Затѣмъ была составлена подписка, для сооруженія памятника въ Госпенталѣ, гдѣ скончался Конфалоніери. Австрія поняла, что въ этомъ народномъ торжествѣ выражалась не одна любовь къ великой жертвѣ, но и громкій протестъ къ ея мелкимъ гонителямъ». Послѣ столькихъ усилій, говоритъ Ричарди, и послѣ столькихъ преступленій, совершенныхъ въ Италіи для уничтоженія національнаго чувства и всякой свободной идеи, Австрія была

осуждена увидѣть тотъ же духъ независимости, проявившійся сильнѣе, чѣмъ когда нибудь». (Histoire de l'Italie, par Ricciardi, гл. IV.) Самый невинный праздникъ окончился тайными полицейскими арестами. Такія оскорбленія святаго народнаго чувства не остаются безъ кровной мести, на страницахъ исторіи.

По сравненію съ Ломбардо-Венеціанской областью Піемонтъ былъ счастливѣйшей страной. Если злоупотребленіямъ аристократіи и духовенства не было границъ, то, по крайней мѣрѣ, налоги были довольно сносные, въ головѣ администраціи являлись люди благонамѣренные. Изданіе «Альбертинскаго Кодекса» при всѣхъ его недостаткахъ, — при аристократической исключительности и невѣротерпимости относительно Іудеевъ и протестантовъ, было гораздо выше стараго законодательства. Къ сожалѣнію характеръ Карла-Альберта былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ характеровъ. Не проходило и двухъ дней, чтобъ онъ слѣдовалъ одному направленію въ своей политикѣ; нынче либералъ, завтра абсолютистъ, онъ плавалъ между двумя водами, не приставая ни къ одному берегу. Впрочемъ, нѣкоторыя темныя черты этой загадочной личности поясняются самыми обстоятельствами жизни.

Карлъ-Альбертъ родился въ 1798 году, когда его отечество было театромъ кровопролитныхъ войнъ. Не надѣясь носить савойскую корону, онъ былъ воспитанъ матерью въ идеяхъ XVIII вѣка. Всасывая съ молокомъ ученіе французскихъ энциклопедистовъ и въ то же время дыша воздухомъ монашескаго дворца, онъ навсегда сохранилъ покорность іезуитскаго адепта и гордость королевскаго сына, холодный скептицизмъ мыслителя съ келейнымъ убожествомъ отшельника. Съ ранней юности сближаясь съ народомъ, онъ въ двадцать лѣтъ горячо сочувствовалъ ему; братаясь съ молодыми артиллеристами и находясь въ постоянномъ обществѣ съ Коленьо и Санта-Роза, онъ усвоилъ юношескую отвагу и мечталъ одной надеждой — сдѣлаться спасителемъ Италіи. Но для осуществленія этой надежды было мало одной храбрости солдата; нужно было нравственное мужество и искренняя любовь къ Италіи, чего ему не доставало.

События 1821 года представили ему случай оправдать юношескія мечты; но онъ испугался самого дѣла, о которомъ такъ долго раздумывалъ въ тиши кабинета. Не желая рисковать династическими интересами, онъ измѣнилъ друзьямъ и выдалъ націю. Преслѣдуемый горькой насмѣшкой побѣдителей и проклятіями побѣжденныхъ, гонимый тревожной совѣстью, онъ бѣ-

жалъ изъ одной столицы въ другую, выпрашивая покровительства, какъ милости, у королей, великихъ герцоговъ и посланниковъ. Гордость савойскаго принца, оскорбленная униженіемъ куртизана, зародила въ его душѣ ту внутреннюю борьбу, которая преслѣдовала его такъ долго. Какъ подданный, онъ чувствовалъ тягостное положеніе только вполовину; но когда взошелъ на престолъ, онъ вполнѣ измѣрилъ бездну золъ, приготовленныхъ ему 1821 годомъ. Страшная пустота окружила тронъ молодаго монарха. «И вотъ осужденный, говоритъ Монтанелли, подозрѣвать каждаго и въ то же время быть предметомъ всеобщаго недовѣрія, въ которомъ соединились противъ него самыя непримиримыя партіи; ненавидимый аристократами, не простившими ему связи съ революціей, презираемый либералами, знамени которыхъ онъ измѣнилъ, среди лицемѣрныхъ выраженій любви; покинутый всѣми, онъ жилъ въ мірѣ, какъ въ безмолвной пустынѣ, не имѣя даже послѣдняго утѣшенія — въ своей собственной совѣсти.»

«Одинъ на единѣ могъ ли онъ безъ стыда припоминать противорѣчія своей жизни, союзъ съ Конфалоніери, бѣжавшимъ изъ Піемонта въ Миланъ.... какъ бывшаго регента, провозгласившаго въ Туринѣ испанскую конституцію, и какъ волонтера французскаго войска, которое подъ предводительствомъ герцога ангулемскаго, билось противъ защитниковъ испанской конституціи, — какъ италіянскаго энтузіаста 1821, поразившего италіянскихъ энтузіастовъ 1833 года.» Не находя болѣе жизни въ дѣйствительномъ мірѣ, онъ бросается въ химерическій міръ аскетизма.... Дворецъ Карла-Альберта походилъ на богадѣльню, гдѣ все было мрачно, строго и угрюмо, при видѣ короля-затворника. Послѣ обычной молитвы, онъ рано скрывался въ уединеніи и часто, среди глубокой ночи, подъ мерцаніемъ лампы, вставалъ и молился. Онъ каждый день слушалъ мессу, постился даже въ обыкновенное время, истощая себя до потери здоровья.»

«За придворными обѣдами, по правую и по лѣвую сторону короля, часто сидѣли два іезуита. Но эта монашеская жизнь не спасла его отъ заботъ и скорбей этой юдоли. Съ его средневѣковымъ мистицизмомъ соединялся скептицизмъ ученика Вольтера, и Карлъ-Албертъ иногда проговаривался, что тѣ же самые іезуиты, которыхъ онъ уполномочилъ полной властью надъ своими подданными, способны отравить его. Когда герцогъ д'Омаль, посѣтившій его въ 1843 году, совѣтовалъ ему приступить къ реформамъ, Карлъ-Альбертъ отвѣчалъ: «Я живу между кинжаломъ

карбонаріевъ и шоколатомъ іезуитовъ.» (Memorie di G. Montanelli, гл. XXXIII.). Впрочемъ на этой костлявой и сухой фигурѣ есть свѣтлыя черты героя Гоито, подъ которыми исчезаютъ пятна измѣнника Трокадеро. Когда снова развернулось знамя италіянской независимости, Карлъ-Альбертъ первый сѣлъ на коня вмѣстѣ съ сыновьями. Подъ градомъ пуль онъ неподвижно стоялъ впереди войска; «идемъ, мои дѣти!» — говорилъ онъ Піемонтцамъ, и въ этой флегматической храбрости вполнѣ обрисовался отважный герцогъ Савои, но не спаситель Италіи, какъ назвали его придворные льстецы.

Двойственная и шаткая политика Карла-Альберта, вѣрная наслѣдственнымъ преданіямъ его предковъ, особенно повредила Піемонту въ нравственномъ отношеніи. Она породила и въ людяхъ и въ государственномъ устройствѣ двусмысленный характеръ. *Mezzano* въ дѣлѣ политики то же, что полипъ въ животномъ царствѣ. Всматриваясь въ это правленіе глубже, мы видимъ постоянное противорѣчіе между внѣшнимъ фактомъ и его послѣдствіями, между правительственнымъ поведеніемъ и его обѣтами. Въ Піемонтѣ существовали муниципальные совѣты и не было никакихъ признаковъ соціальной жизни; повидимому феодальныя злоупотребленія давно отжили свой вѣкъ, и между тѣмъ привиллегированное сословіе тяготѣло надъ другими классами народа; между городомъ и деревней лежала пропасть, разъединявшая ихъ множествомъ административныхъ и судебныхъ безполезныхъ формъ; уголовное право отмѣнило истязаніе горячимъ желѣзомъ и клещами, но сохранило конфискацію; коммерческіе законы положили начало болѣе правильной торговлѣ, а трибуналы, основанные для исполненія ихъ, были признаны опасными и черезъ нѣсколько дней закрыты. Карлъ-Альбертъ хотѣлъ образовать сильное войско, но не хотѣлъ имѣть образованныхъ офицеровъ: онъ думалъ воспитать свободнаго италіянскаго гражданина, и обратилъ школы въ наглухо-запертые монастыри; съ студентами обращались какъ съ школьниками, и кто не имѣлъ двадцати тысячъ франковъ наслѣдственнаго состоянія, тому были затворены двери лицея или университета. Однажды, говоритъ италіянскій историкъ, туринскіе студенты согласились не говорить на другомъ языкѣ, кромѣ Италіянскаго; и этотъ заговоръ противъ мѣстнаго нарѣчія былъ принятъ за государственное преступленіе; виноватыхъ призвали, разбранили и грозили жестокимъ наказаніемъ, если они еще рѣшатся на подобное беззаконіе.» (Memorie di Montanelli: XXXIII.) Наконецъ

надъ всѣмъ царили іезуиты; голова юноши, сердце матери, семейная тайна и государственная мысль, находились подъ вліяніемъ, всюду проникающихъ и все подслушивающихъ, агентовъ ордена Лойолы.

Само собою разумѣется, что въ такое правленіе трудно было дѣйствовать людямъ прямаго и открытаго характера, съ тѣмъ благороднымъ сердцемъ, которое неспособно, подобно маятнику, качаться между честной идеей и безчестнымъ поступкомъ. Но за то въ этой мутной водѣ было привольно плавать тѣмъ гражданскимъ амфибіямъ, для которыхъ столько же нуженъ солнечнечный лучъ, сколько болотная тина.

Но по мѣрѣ того, какъ съ одного конца поднималась буря, съ другаго прояснялся горизонтъ. Когда Карлъ-Альбертъ предвидѣлъ, что столкновеніе съ Австріей было неизбѣжно, забывая преданіе своей фамиліи и политику семнадцатилѣтнято царствованія, онъ рѣшился дать Піемонту конституцію (1847 г. 1-го Ноября). Это было единственное оружіе, которымъ онъ, не обнажая меча, наносилъ смертельный ударъ вѣнскому кабинету. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ соединялъ простыми узами народъ съ правительствомъ. Вырвавшись изъ рукъ абскурантовъ и іезуитовъ, онъ становился вождемъ всего полуострова и другомъ европейскаго прогресса. И если бъ цѣной конституціонной хартіи онъ могъ загладить прошлые дни и возвратить довѣріе Италіи, Новаррское сраженіе, вѣроятно, украсило бы его корону вмѣсто мученическаго терна, блистательнымъ побѣднымъ лавромъ.

Для полноты этого историческаго очерка, намъ необходимо остановить вниманіе на противоположной и самой важной части Италіи, — посмотрѣть, въ какомъ состояніи 1848 годъ засталъ Неаполитанское королевство. Изъ протеста Сетембрини мы уже видѣли его; намъ остается указать на самые факты.

Извѣстіе объ іюльской революціи въ Парижѣ увеличило опасную болѣзнь Неаполитанскаго короля, Франсуа I; онъ умеръ 8-го Ноября 1830 года. Ему наслѣдовалъ Фердинандъ II. Обнародовавъ прокламацію, которая въ сущности была язвительной сатирой на правленіе его отца, онъ обѣщалъ «залечить раны королевства.» Дѣствительно, первые акты его предвѣщали лучшіе дни «Обѣимъ Сициліямъ.» Молодой властитель объявилъ амнистію политическимъ преступникамъ, сбавилъ налоги, назначилъ своего брата, графа сиракузскаго, вице-королемъ Сициліи и прогналъ изъ дворца Виліа, безграмотнаго лакея, облеченнаго полнымъ довѣріемъ покойнаго короля и бывшаго ору-

діемъ самыхъ безчестныхъ поборовъ въ рукахъ министра финансовъ, Медичи. Эти мѣры и слухъ, распространившійся о желаніи Фердинанда II — дать конституцію королевству, успокоили народъ, въ которомъ парижскія событія произвели сильное волненіе. Но реакція Франціи и Рима, послѣ сраженія при Римини и капитуляціи Анконы, измѣнила планы короля. Увидѣвъ себя внѣ опасности, онъ сбросилъ маску и призвалъ генерала Делкаретто въ министерство полиціи. Затѣмъ полилась кровь одиннадцати жертвъ, разстрѣлянныхъ въ Палермо.

Делкаретто около восьмнадцати лѣтъ расточалъ ужасъ и смерть, распоряжаясь почти неограниченной властью. Какъ политическій ренегатъ, онъ не имѣлъ другихъ цѣлей въ жизни, кромѣ личнаго интереса. По душѣ, глубоко пассивной, это былъ эвнухъ чужой воли, тотъ восточный рабъ, который изъ преданности повелителю съ улыбкой надѣнетъ петлю на собственную шею. Соединяя пронырливость лаццарони, съ корыстолюбіемъ откупщика, грубость солдата съ отвратительной гибкостью льстеца, онъ обладалъ всѣми свойствами, необходимыми его служенію. Всякій миролюбивый народный порывъ къ лучшему положенію въ его глазахъ былъ сигналомъ революціи, всякое неосторожное слово казалось заговоромъ. И если исторія Неаполя отъ 1830—1848 года, состояла изъ постоянныхъ возмущеній; то большая доля ихъ должна упасть на безмозглаго министра. Когда въ 1837 году холера опустошала Сицилію, въ массахъ прошла молва, что эпидемія есть слѣдствіе отравы. Эта нелѣпая басня, питаемая раздраженнымъ воображеніемъ толпы, тѣмъ больше находила себѣ вѣры, чѣмъ меньше правительство заботилось о помощи тысячами погибавшихъ людей. Страна была покинута на произволъ судьбы. Въ ней не было ни госпиталей, ни достаточнаго числа медиковъ, ни лѣкарствъ, ни даже хлѣба. Вмѣсто столь необходимыхъ пособій, Неаполитанское правительство послало отрядъ галерныхъ ссыльныхъ, для очищенія городовъ отъ полусгнившихъ труповъ и одинъ корабль съ пшеницей. Этого мало; оно прекратило всякія сообщенія палермскихъ провинцій съ метрополіей и тѣмъ лишило бѣдныхъ жителей послѣдней надежды — избѣжать голода, соединеннаго съ заразой. Главные начальники, которыхъ присутствіе могло ободрить унывшее народонаселеніе, первые бѣжали изъ города. Вице-король, князь Кампофранко, директоръ Санъ-Мартино, префектъ Терабруна, генералы Тскуди, Віоль и множество низшихъ чиновниковъ, поспѣшили выбраться на континентъ. Между тѣмъ эпидемія сви-

рѣпствовала съ необычайной силой; впродолженіе двухъ недѣль въ одномъ Палермо погибло около двадцати тысячъ человѣкъ. Сомнѣніе народа, оставленнаго правительствомъ, перешло въ ропотъ, а ропотъ разразился мятежомъ, скоро принявшимъ характеръ спокойной реформы. Іюля 24-го поднялась Катана. Делкаретто, уполномоченный чрезвычайной властью, прибылъ съ отрядомъ войска къ стѣнамъ Мессины, и немедленно приступилъ къ казнямъ. Все зло онъ вымѣстилъ на Катанѣ, которой преступленіе, собственно, состояло въ томъ, что она развернула трехцвѣтное знамя; оцѣнивъ сто шесдесятъ головъ, онъ требовалъ ихъ выдачи, положивъ заплатить за каждую голову отъ 300—1200 дукатовъ. Благодаря еще не совсѣмъ убитой совѣсти Сицилійцевъ, никто не явился за позорной добычей къ полицейскому шефу. Затѣмъ началось кровопролитія, достойныя дней Тамерлана: онъ приказывалъ растрѣливать даже дѣтей; заподозрѣнные или обвиненные въ возстаніи были брошены въ самыя грязныя подземелья, повѣшены за руки на деревахъ или преданы безстыднымъ и ужаснымъ пыткамъ. Одинъ изъ несчастныхъ былъ растрѣлянъ единственно за то, что осмѣлился считать холеру дѣломъ правительства; одна женщина была осуждена на двадцатилѣтнее заключеніе за то, что ударила въ колоколъ въ какой-то деревнѣ. Казни совершались церемоніально — подъ звуки военной музыки. И среди этихъ страшныхъ сценъ голода, заразы и смерти, Делкаретто приказалъ устроить балъ и явиться на него женамъ и дочерямъ только-что зарытыхъ покойниковъ. Ему же приписываютъ основаніе столь извѣстной *коммиссіи палокъ* (Commissione delle Mezzate), которая завершила славу неаполитанской полиціи. Чтобъ не возвращаться еще разъ къ этому чорному клейму на италіянскомъ имени, мы должны замѣтить, что въ 1848 году Делкаретто былъ выгнанъ изъ Неаполя тѣмъ же королемъ, которому онъ слишкомъ усердно отслужилъ. Онъ садился на пароходъ среди всеобщаго негодованія, былъ встрѣченъ камнями въ Ливорнской гавани, насмѣшками и бранью въ Генуѣ и только, подъ прикрытіемъ жандармовъ, могъ найдти себѣ вовсе неласковый пріемъ въ окрестностяхъ Монпелье. Онъ могъ найдти по себѣ достойнаго преемника только въ одномъ Манискальконн. (Memorie di Montanelli, гл. XXXIV. Hist. de l'Italie, par Ricciardi, гл. III и IV.)

Вслѣдствіе полицейскаго самоуправства, возведеннаго на степень систематическихъ преслѣдованій, соединенныхъ съ нищетой, невѣжествомъ и отсутствіемъ всякаго уваженія къ спра-

ведливости, спокойствіе страны постоянно нарушалось частными возстаніями городовъ и цѣлыхъ провинцій. Въ 1841 году произошло смятеніе въ Аквилѣ, въ 1844 — въ Калабріи, потомъ слѣдуетъ трагическая смерть братьевъ Бандіера, съ ихъ семью товарищами, и наконецъ заговоръ Доминика Ромео. Всѣ эти насильственныя мѣры, разумѣется, не имѣли успѣха; но онѣ были тѣмъ болѣе печальны, что главная причина ихъ лежала не въ духѣ кроткаго народа, а въ ошибкахъ самого правительства; отвергая потребность мирныхъ реформъ, оно вызывало вооруженные протесты угнетенной страны.

Разсматривая внутреннюю политику Фердинанда II, вся Европа особенно изумлялась упадку экономическихъ силъ въ одной изъ самыхъ богатѣйшихъ странъ. Отсутствіе умственнаго образованія и общественной жизни неизбѣжно повело за собой бѣдность и развратъ. Неаполитанскій лаццарони — явленіе, совершенно понятное тамъ, гдѣ Делкаретты занимаютъ министерскія мѣста. Біанки, одинъ изъ тѣхъ историковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ наши гг. Кайдановы, Лоренцы и компанія, отзывается о матеріальномъ положеніи Сициліи, такъ: «Публичныя работы на счетъ провинцій и комунъ, въ это послѣднее время, находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что Сицилія въ настоящее время находится въ томъ же видѣ, какъ за четыре или пять вѣковъ прежде; за исключеніемъ очень немногихъ дорогъ, весьма худо построенныхъ и содержимыхъ, другіе пути сообщенія между разными мѣстностями, такъ трудны, что по нимъ можно путешествовать только на мулѣ, а иногда, съ величайшей опасностью, карабкаться по узкимъ тропинкамъ, обставленнымъ пропастями.... Собственность не имѣетъ въ Сициліи той цѣнности и употребленія, какихъ можно было бы ожидать отъ превосходной почвы и климата ея. Безмѣрныя поля лежатъ безплодными пустынями и доказываютъ не столько лѣность человѣка, сколько недостатокъ и безпечность гражданскихъ и политическихъ законовъ. Потоки водъ столь обильныхъ и прозрачныхъ отнюдь не употреблены въ пользу земледѣльческаго труда или промышленности, что же касается мануфактурной дѣятельности, она едва существуетъ и вовсе неизвѣстна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.» (Hist. de l'Italie, гл. III.) Такимъ образомъ Сицилія, старая житница Европы, была доведена до того, что въ 1839 году она не только не выпустила ни одного мѣшка хлѣба за-границу, но принуждена была купить его изъ иностранныхъ рукъ на огромную сумму. Параллельно этому мате-

ріальному нищенству шло народное образованіе. Низшія сословія оставались въ полудикомъ состояніи; воспитаніе высшаго класса было ввѣрено іезуитамъ; ввозъ иностранныхъ книгъ и журналовъ почти вовсе былъ запрещенъ. Делкаретто находилъ даже цензуру іезуитовъ слишкомъ снисходительной относительно литературныхъ произведеній. Нѣкоторыя сочиненія допускались въ одномъ городѣ и запрещались въ другомъ. Такъ «Исторія Италіи» Ботты, напечатанная въ Неаполѣ, была схвачена въ Мессинѣ. Профессоры пармскаго, катанскаго и мессинскаго университетовъ получали по два франка и пятидесяти сантимовъ въ день, то есть, гораздо меньше, чѣмъ англійскій или американскій матросъ получаетъ на частномъ кораблѣ.

Среди этой тьмы и безмолвія, до слуха Европы едва доходили классическія пѣсни Леонарди, полныя глубокой тоски и вдохновеннаго гнѣва. Въ его гармоническомъ стансѣ отразилась прелесть сафирнаго неба и голубыхъ водъ моря съ глубокимъ паденіемъ человѣка. Публичность юридическихъ дебатовъ, обязанная славой краснорѣчивымъ импровизаціямъ Іосифа Поэріо, была единственнымъ убѣжищемъ гласности; но Le leggi son, ma chi pon mano ad essi? — говоритъ Дантъ.

Въ такомъ состояніи Италія встрѣтила 1848 годъ. Униженная извнѣ, разоренная внутри, запутанная австрійской политикой, она грозно и единодушно встала противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Съ высотъ Квиринала началась политическая драма, обошедшая полъ-Европы; на голосъ Римской реформы отвѣчали пятнадцать народныхъ реформъ. Для Италіи занялась новая заря національной жизни, которую Монтанелли такъ поэтично сравниваетъ съ утренней пѣснью. «На разсвѣтѣ, говоритъ онъ, есть неуловимый и неопредѣленный моментъ между исчезающей тьмой и возникающимъ свѣтомъ, — тотъ моментъ, котораго дѣвственной красотѣ нѣтъ ничего равнаго въ продолженіе остальнаго дня. Тихо поднимается съ безмолвнаго поля уединенное чириканье птицъ; ему немедленно отвѣчаетъ новый свистъ на другомъ пунктѣ, и мало-по-малу отдѣльныя пѣсни, дѣлаясь яснѣй и громче, сливаются въ одинъ безмѣрный и стройный концертъ, привѣтствующій восходящее солнце; — моментъ торжественный, напоминающій, во всей своей простотѣ, миролюбивое пробужденіе Италіи. Среди печальнаго мрака и гробовой тишины, подъ покровомъ тираніи, вдругъ раздается съ одного конца братское привѣтствіе, и этому національному зову отвѣчаютъ отвсюду тысячи откликовъ. Да, это также было

аккорды великолѣпнаго концерта; это былъ одинъ изъ тѣхъ утреннихъ часовъ, полныхъ свѣжести и красоты, которые изрѣдка появляются въ жизни народовъ и предвѣщаютъ имъ блистательный день.» (Memorie sull' Italia. т. I, гл. XXI)

Какъ обыкновенно бываетъ въ такія эпохи историческихъ переломовъ, силы народа проявляются въ полномъ блескѣ и съ необычайной энергіей. Великіе дѣятели, незамѣтные прежде, выступаютъ на первый планъ; ихъ геній и отвага идутъ впереди. Прошлое національное возстаніе Италіи было особенно богато замѣчательными личностями; ихъ умъ и волю не побѣдили ни общій погромъ отечества, ни крутая реакція послѣдующихъ дней, ни печальное изгнаніе. Они вынесли до послѣдней минуты тяжесть несчастія и сохранили святость убѣжденій. Къ числу этихъ дѣятелей принадлежитъ Монтанелли.

Іосифъ Монтанелли одаренъ той богатой нѣжной природой, которыя такъ часто встрѣчаются въ средневѣковой Италіи. Въ этой природѣ, въ высшей степени поэтической, повидимому соединяются самые противоположные элементы — глубокая мысль съ легкимъ воображеніемъ, даръ импровизаціи съ напряженнымъ кабинетнымъ трудомъ. Такая разносторонность вовсе не рѣдкость въ Италіянцахъ высшаго развитія. Дантъ, Микель-Анджело и Макіавелли удивляютъ насъ тѣмъ всеобъемлющимъ дарованіемъ, которое кладетъ рѣзкую печать на всемъ, чего бы оно ни коснулось. За тѣмъ отличительной чертой италіянскаго темперамента служитъ страстное увлеченіе идеей, если она проходитъ въ его умъ черезъ сердце; ему необходимо вдохновеніе въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ; оно часто замѣняетъ ему практическій смыслъ Англо-Саксонца или тяжелое соображеніе Нѣмца. «Я знаю Италіянцевъ, сказалъ однажды Д. Манини, имъ нужно поэтическое наитіе даже для того, чтобъ мѣтко выстрѣлить изъ ружья. Дайте имъ одинъ день энтузіазма, и они въ этотъ день сдѣлаютъ больше, чѣмъ въ нѣсколько лѣтъ съ помощію холоднаго размышленія.» По этому, можетъ быть, въ исторіи италіянской мысли и фантазіи, съ перваго взгляда поражаетъ странная безсистемность, неуловимые капризы въ развитіи талантовъ и произведеній. Это хаосъ титаническихъ работъ, смѣло начатыхъ юнымъ художникомъ и нечаянно прерванныхъ на половинѣ труда. За эпохой чудной дѣятельности вдругъ наступаетъ полное бездѣйствіе. Но если въ инстинктахъ этой фантазіи часто недостаетъ мѣры, выдержанности и такта, съ другой стороны творчество ея такъ неистощимо и разно-

образно, что, кажется, въ идеальномъ мірѣ для него нѣтъ границъ.

Монтанелли — типъ флорентійскаго Италіянца. Въ его умственномъ темпераментѣ главную черту составляетъ художественный элементъ, такъ ярко отмѣтившій исторію его отечества. Соединяя пламенное воображеніе съ классически-образованнымъ умомъ, дипломатическую разсчетливость съ увлеченіемъ поэта, онъ дѣйствовалъ на разныхъ поприщахъ, и вездѣ съ одинаковымъ одушевленіемъ, если не съ одинаковымъ успѣхомъ. Профессоръ, публицистъ, солдатъ, министръ, писатель и посланникъ, онъ честно выполнилъ каждое изъ этихъ занятій, и запечатлѣлъ свои мнѣнія кровью. Патріотическое чувство его никогда не было праздной мечтой, какъ оно бываетъ у большей части Италіянцевъ, у тѣхъ толстыхъ mezzani мелочной лавочки и профессорской каѳедры, которые такъ любятъ золотую средину въ политикѣ и еще больше въ собственномъ карманѣ.

Мы удѣлимъ нѣсколько строкъ біографіи этого человѣка. Она пояснитъ личный характеръ и политическую дѣятельность его.

Монтанелли родился въ 1813 году, близь Флоренціи, въ мѣстечкѣ Фучекіо. Отецъ его — музыкантъ — готовилъ своему сыну карьеру артиста. Но на девятомъ году, одинъ изъ его дядей, бывшій директоромъ пизанской коллегіи, взялъ племянника подъ свое покровительство; отсюда мальчикъ поступилъ въ университетъ, по юридическому факультету. Развитіе даровитаго юноши началось подъ вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка и новыхъ идей Сэнъ-Симона. Интересно прослѣдить, какъ психологическій фактъ, первоначальное образованіе Монтанелли изъ собственнаго его разсказа. «Едва исполнилось мнѣ тринадцать лѣтъ, когда я поступилъ въ университетъ; нѣкоторые товарищи, постарше меня, дали мнѣ прочитать Ruines de Volney и Système de la nature, приписываемую Гольбаху, увѣряя, что эти книги раскрываютъ обманы (католическихъ) поповъ. Немного нужно было, чтобъ изгладить изъ молодаго ума религію, не имѣвшую корней въ сердцѣ, религію, по имени христіанскую, но на самомъ дѣлѣ чисто языческую; — религію однихъ внѣшнихъ обрядовъ, съ колѣнопреклоненіемъ передъ иконами, съ шапочными поклонами прелатамъ, съ мессами, вечернями, и напоминавшую намъ, молодымъ людямъ, домашнія притѣсненія, соединенныя съ варварской системой монашескаго воспитанія, которое такъ деспотически господствуетъ въ нашихъ школахъ и такъ пазы-

ваемыхъ набожныхъ семействахъ. Достаточно было одного замѣчанія Гольбаха или Волнея, чтобъ убѣдить насъ въ томъ, что съ истиннымъ достоинствомъ человѣка несовмѣстна слѣпая вѣра во многое, чему учитъ католицизмъ. Принужденные скрывать эти чувства въ семейномъ кругу и притворяться въ уваженіи къ предметамъ, которые потеряли для насъ всякое значеніе, мы привыкали лгать; трудно сказать, какъ это притворство было гибельно для лучшихъ натуръ, особенно въ тотъ періодъ возраста, которому нужна искренность. Въ то время, когда философія разрушала въ насъ теплоту сердца, мы стали задумываться надъ вопросами соціальной жизни; и это было счастіемъ, потому что политика питала нашъ юношескій энтузіазмъ, предохранивъ его отъ печальныхъ послѣдствій грубаго матеріализма.»

«За всѣмъ тѣмъ я не замѣтилъ, какъ моя мысль унизилась до животнаго сенсуализма, и всякое нравственное чувство обратилось въ простой эгоизмъ. Это продолжалось до 1831 года, когда я увидѣлъ паденіе итальянской революціи и обманутыя надежды Франціи. Съ этой минуты за первыми восторгами юношескаго одушевленія — наступило горькое разочарованіе и глубокая дума передъ зрѣлищемъ человѣческой нищеты. Къ счастію, въ началѣ 1832 года, я напалъ на книги соціальной школы, еще свободной отъ ребячески-теократическихъ нелѣпостей отца Анфантэна. Это ученіе примирило насъ съ религіей, отвергнутой матеріалистами; оно приписывало бѣдственное состояніе современнаго общества, отсутствію всякаго религіознаго синтеза и, раздѣливъ исторію прогресса на двѣ эпохи — эпоху критики и творчества, обѣщало скорый періодъ организаціи, когда должна воцариться гармонія между духомъ и матеріей, индивидуальностью и ассоціаціей, свободой и властью, консерватизмомъ и прогрессомъ: это новое ученіе, исторгнувъ меня изъ тины матеріализма, унесло въ область болѣе чистыхъ идей. Думая, что я также могу содѣйствовать религіозному синтезу будущаго, я присоединился къ маленькому братству Сэнъ-Симона, составившемуся въ 1832 году въ пизанскомъ университетѣ: отселѣ я слѣдилъ съ нѣкоторыми товарищами за развитіемъ соціальныхъ вопросовъ. Извѣстно, что новыя системы, введенныя во Францію при Лудовикѣ-Филиппѣ, вытекли изъ нѣмецкаго пантеизма; главнымъ органомъ распространенія ихъ было періодическое изданіе «Revue Independante.» Едва ли въ Тосканѣ, не я одинъ выписывалъ этотъ журналъ. Въ этой

смѣлой теоріи былъ блистательный идеализмъ, котораго поэтической сторонѣ я отъ всей души сочувствовалъ.... Но вникая глубже, я нашелъ важныя возраженія противъ пантеизма. Человѣкъ, разсуждалъ я самъ съ собой, существо разумное и дѣятельное; я не могу допустить философію безъ приложенія.» (Memorie di Montanelli, гл. XII) Остановившись на этой мысли, Монтанелли испугался безнадежнаго и холоднаго фатализма, столь противнаго реальной природѣ. Неудовлетворенный логическими результатами пантеизма и его отвлеченными теоріями, онъ примкнулъ къ ново-католической школѣ Джоберти и Манцони; съ первымъ онъ сошелся въ демократическихъ идеяхъ, вторымъ увлекся, какъ поэтомъ. Эта школа, названная католическимъ либерализмомъ и отнюдь не новая, признавала католицизмъ точкой опоры возрожденія Италіи, католицизмъ, очищенный реформой. Собственно говоря, она допускала въ христіанскомъ ученіи однѣ конкретныя истины, понятныя сердцу народовъ и близкія общественнымъ интересамъ, но отвергала его внѣшнюю примѣсь, честолюбіе духовной іерархіи и весь ея наружный формализмъ. Соединившись съ этой школой, Монтанелли, по видимому, долженъ былъ на всегда остановиться на ней; она вполнѣ удовлетворяла его соціальное воззрѣніе и поэтическое чувство. «Годы, проведенные въ этомъ стремленіи къ истинѣ, говоритъ онъ, были самыми счастливыми въ моей жизни; не смотря на обязанности профессора и адвоката, которыя поглощали почти все мое время и не позволяли писать стиховъ, поэзія лилась изъ сердца; она вызывала воспоминанія первыхъ христіанъ и гремѣла упреками противъ философіи, обѣщавшей свѣтъ и оставившей меня среди мрака; она возвышалась до созерцанія вселенной, требуя отъ нея разъясненія великой тайны жизни.» (Memorie. гл. XII). Впрочемъ, тревожное чувство Монтанелли отступилось и отъ этого ученія. Сначала онъ былъ однимъ изъ первыхъ защитниковъ Пія IX, когда папа провозгласилъ новый порядокъ вещей. Около этого времени, онъ писалъ Матсини въ Лондонъ: «что же касается религіозной идеи, вы говорите въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о братьяхъ Бандіэра, что католицизмъ умеръ; думаю и чувствую, что онъ полонъ жизни. По моему мнѣнію, всѣ необходимыя реформы могутъ совершиться въ самыхъ нѣдрахъ церкви, съ помощію протеста.... Не знаю, какъ вы понимаете папу, но мы любимъ его и вѣримъ, что надо помочь ему. Пій IX — душа кроткая и милостивая; у него нѣтъ другаго желанія, кромѣ желанія добра, и онъ ужъ сдѣлалъ его много.» (Memor.

гл. XXIV). Такъ говорилъ Монтанелли, когда, дѣйствительно, вся Италія съ надеждой смотрѣла на Римскаго владыку. Этимъ обольщеніемъ былъ обманутъ не онъ одинъ; но онъ ранѣе другихъ проснулся. Событія шли быстро; Пій IX суетился, давалъ обѣщанія, смѣнялъ кардиналовъ, одно говорилъ народу, другое — министрамъ, сердился и плакалъ, а вожделѣнное преобразованіе не подвигалось впередъ. Монтанелли призадумался.... Какъ будто желая успокоить себя отъ сомнѣній и забыться въ уединеніи, онъ въ 1847 году осенью отправился въ Римъ». Я пришелъ сюда, говоритъ онъ, не за тѣмъ, чтобъ рыться въ пыли прошедшаго или наслаждаться поэзіей при взглядѣ на Колизей, озаренный луной, не за тѣмъ, чтобъ удивляться чудесамъ Рафаэля и Микель-Анджело. Съ Ватикана засвѣтила звѣзда надежды для Италіи, и я пришелъ въ Римъ Пія IX затѣмъ, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли этотъ свѣтъ былъ солнечнымъ восходомъ или мерцаніемъ погребальныхъ факеловъ».... (Memor. гл. XXX). Наконецъ, 2-го Ноября, онъ увидѣлъ папу, который вмѣсто туфли дружески подалъ ему руку. Аудіенція продолжалась около двухъ часовъ; разговоръ былъ чисто-политическій, которому Монтанелли старался придать самый живой интересъ, но Пій IX, уклончиво обѣгая щекотливые вопросы, по обыкновенію, не высказалъ ни одной рѣшительной мысли. «Вышедъ отъ папы, продолжаетъ онъ, я остановился на площади Квиринала; здѣсь среди торжественно-спокойной ночи, которую нарушалъ только монотонный шумъ фонтановъ, я представилъ себѣ священный восторгъ народа, когда Пій IX, выходя на балконъ съ яснымъ взглядомъ, благословлялъ его и возбуждалъ въ немъ надежды. Никогда я не считалъ папу великимъ умомъ; но съ той минуты, какъ увидѣлъ этотъ потухшій взоръ, услышалъ этотъ голосъ безъ симпатическихъ звуковъ, эту рѣчь, скорѣе ироническую, чѣмъ теплую, мое сновидѣніе исчезло; не смотря на его ласковый пріемъ, на его поцѣлуи въ замкѣ св. Ангела, когда была объявлена амнистія, не смотря на его дружеское обхожденіе съ народомъ, на открытую борьбу съ злоупотребленіями, на его посѣщенія больныхъ и всѣ добрыя мѣры первыхъ дней его правленія, я убѣдился, что онъ не способенъ стать въ уровень съ вѣкомъ. Отъ Пія IX для меня остался простой священникъ, одушевленный добрыми желаніями, болѣе чувствительный, чѣмъ притворный, брошенный въ міръ, въ которомъ онъ не узнавалъ себя.... такъ я вышелъ изъ Квиринала, какъ выходятъ изъ Палермскаго подземелья Campo-Santo, съ душой пере-

полненной самыхъ мрачныхъ думъ.... День моего посѣщенія Пію IX былъ днемъ погребенія, днемъ мертвыхъ». (Memor. гл. XXX). Съ этого времени Монтанелли перестаетъ вѣрить въ папскую власть, какъ источникъ будущаго величія Италіи. Озираясь кругомъ, онъ съ каждымъ днемъ больше убѣждался, что Католическое начало, по самому существу, неспособно къ реформѣ, сообразной съ духомъ современной цивилизаціи; онъ увидѣлъ, что до-тѣхъ-поръ, пока намѣстникъ галилейскаго рыбака, будетъ верховнымъ хранителемъ религіознаго преданія, политическое возрожденіе Рима невозможно. Такимъ образомъ одна изъ самыхъ поэтическихъ иллюзій, десять лѣтъ лелѣянная Монтанелли, умираетъ. Для мыслящаго существа не можетъ быть болѣе тяжкаго удара по душѣ, какъ разочарованіе въ горячемъ вѣрованіи, свято и долго носимомъ въ сердцѣ. Монтанелли испыталъ это. Говоря о смерти одного италіянскаго изгнанника, онъ, между-прочимъ, замѣтилъ: «ссылка, темница и эшафотъ не составляютъ единственныхъ страданій, соединенныхъ съ планами искупленія; есть другая раздирающая боль, закрытая въ насъ, неизвѣстная міру, непонятная исторіи и вѣдомая только одному провидѣнію; эта внутренняя рана сердца — разочарованіе».... Впрочемъ, у Монтанелли достало силъ побѣдить его; покинувъ прежнюю мечту и освободившись отъ мистицизма, онъ тѣмъ искреннѣе увѣровалъ въ необходимость не католической, а національной реформы. Изыскивая болѣе вѣрныя средства для осуществленія ея, онъ остановился на идеѣ *конституціоннаго единства* Италіи. Впослѣдствіи мы раскроемъ ея сущность и ошибки, а теперь возвратимся къ его жизни.

По выходѣ изъ университета, Монтанелли открылъ себѣ литературныя занятія. Участвуя въ превосходномъ журналѣ Флоренціи «Antologia», онъ обратилъ на себя вниманіе изящнымъ изложеніемъ статей и смѣлыми пріемами юношескаго пера. Вслѣдъ за тѣмъ онъ издалъ томъ лирическихъ стихотвореній, въ которыхъ мистическія грезы поэта одушевлялись демократическими чувствами. Ободренный первымъ успѣхомъ, столь лестнымъ для молодаго самолюбія, онъ не желалъ лучшей карьеры. Но иначе судилъ отецъ его; онъ вызвалъ сына въ глухой и маленькій городишко Фучекіо, заставивъ его работать въ качествѣ адвоката. Какъ ни противна была судейская трибуна симпатической душѣ его, Монтанелли страстно принялся за дѣло. Его блестящій талантъ не могъ остаться не замѣченнымъ въ толпѣ бездарностей, которыми отличаются всевозможныя бюрократіи въ

мірѣ. Въ 1840 году ему была предложена каѳедра коммерческаго тосканскаго права, только-что основанная въ пизанскомъ университетѣ. Профессорская дѣятельность его шла рядомъ съ кабинетными учеными трудами. Лекціи Монтанелли собственно были патріотической пропагандой, какъ нѣкогда уроки Кине и Мишлэ въ Французской коллегіи. Въ связи съ исторіей права, онъ развивалъ передъ слушателями исторію политической жизни Италіи, и тѣмъ имѣлъ огромное нравственное вліяніе на аудиторію. Юношество чуяло дыханіе свѣжей идеи, съ наслажденіемъ слушало наставника, глубоко уважало его и приготовило ему громкую популярность въ Тосканѣ. Монтанелли вполнѣ оправдалъ ее. Гдѣ бы ни показалось движеніе къ прогрессу, онъ становился впереди и руководилъ дѣломъ. Такъ въ 1846 году, тосканскій герцогъ дозволилъ Іезуитамъ захватить въ руки юношеское воспитаніе въ Пизѣ. Эта мѣра, антипатичная всему обществу, возбудила говоръ; составился протестъ, подъ редакціей Монтанелли и былъ представленъ министру. Правительство немедленно отмѣнило свое позволеніе; между тѣмъ народъ, окруживъ домъ Делла Фантеріа, настоятеля іезуитскаго монастыря, выбилъ окна и грозилъ монаху непріятной уличной сценой.... Полиція смолчала; но дѣло тѣмъ не кончилось. Протестъ разошелся въ рукописяхъ по всей Тосканѣ, былъ напечатанъ въ парижскихъ журналахъ; граждане, профессоры, студенты, все, что было честнаго и образованнаго въ Пизѣ, поздравляли другъ-друга съ успѣхомъ побѣды. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Монтанелли. Съ тѣмъ же мужествомъ онъ является въ народномъ протестѣ противъ выдачи Ренци. Ренци былъ вождь оппозиціонной партіи при Римини, человѣкъ любимый всей Италіей. Послѣ многихъ лѣтъ изгнанія, онъ таійно вошелъ въ Тоскану, которая давала убѣжище несчастнымъ эмигрантамъ. Римская полиція, руководимая австрійскими шпіонами, узнавъ о пребываніи Ренци въ Флоренціи, потребовала его выдачи. Буанаротти, потомокъ Микель-Анджело и сынъ знаменитаго италіянскаго Мирабо, подалъ голосъ въ пользу папскаго нунція. Такой поступокъ, унижавшій достоинство Тосканскаго правительства и святость народной вѣры, тѣмъ болѣе оскорбилъ общественное мнѣніе, что въ этомъ процессѣ замѣшалась австрійская полиція. Оно, съ свойственной ему прозорливостью, предвидѣло въ этомъ актѣ союзъ съ іезуитской партіей и вѣнскимъ кабинетомъ. Не смотря на жаркую и ловкую защиту адвоката Сальваньколи, Ренци былъ арестованъ. Жена его, мать троихъ дѣтей, обратилась къ великому герцогу

съ просьбой: «Одно ваше слово, писала она, спасаетъ пятерыхъ несчастныхъ». Леопольдъ II, читая это письмо, заплакалъ; но слезы матери не тронули совѣсти министровъ, и они хладнокровно выдали Ренци римскимъ жандармамъ. Флоренція зароптала. Монтанелли, овладѣвъ общественнымъ настроеніемъ, далъ дѣлу полную гласность. Примѣръ его послужилъ ободреніемъ для всей Тосканы, онъ былъ предвѣстникомъ общаго національнаго пробужденія.

Такимъ образомъ взявъ сторону мирной оппозиціи, Монтанелли съ перомъ въ рукѣ, изустной бесѣдой на каѳедрѣ и трибунѣ, а главное гражданской отвагой шевелилъ народное чувство, въ ту пору, когда Италіи нуженъ былъ національный энтузіазмъ; когда съ одной стороны на вершинахъ Альпъ показались австрійскіе штыки, а съ другой открылась римская реформа.

Между тѣмъ Ломбардія и Венеція, какъ-будто по магическому жезлу дружно возстаютъ противъ Австріи. Не болѣе, какъ въ двадцать четыре часа, на тринадцати различныхъ пунктахъ загорается народная месть, скоро охватившая весь сѣверъ Италіи. Радецкій, застигнутый въ расплохъ, послѣ безполезныхъ кровавыхъ сценъ въ Миланѣ, принужденъ былъ отступить съ разстроеннымъ, побитымъ и голоднымъ войскомъ. Отъ Венеціи до Неаполя раздался единодушный крикъ войны: «въ Ломбардію, въ Ломбардію, на помощь братьямъ!» повторялъ народъ, и правительства не могли остановить этого громоваго крика, вырвавшагося изъ наболѣвшей груди Италіи. Тоскана первая послала волонтеровъ на подмогу Миланцамъ. Монтанелли, оставивъ университетъ и положивъ перо, взялъ ружье и присоединился къ тосканскимъ ратникамъ. «Мы отправились, говоритъ онъ, двумя колоннами: одна изъ Пизы по дорогѣ въ Массу, другая изъ Флоренціи по дорогѣ въ Модену.... хотя меня избрали капитаномъ въ студенческомъ батальонѣ, но я сталъ въ числѣ рядовыхъ солдатъ, думая, что намъ, людямъ мысли и на-виду, особенно должно подать примѣръ самоотверженія, что очень важно въ народныхъ предпріятіяхъ.»

«Славный былъ видъ этихъ импровизированныхъ легіоновъ, гдѣ медикъ, адвокатъ, работникъ, патрицій, богачъ, бѣднякъ, священникъ, учитель и слуга шли рядомъ за свободу Италіи.... Походъ нашъ былъ гражданскимъ праздникомъ; все народонаселеніе поднялось на ноги; безчисленная толпа, окружавшая насъ на улицахъ, пожимала намъ руки и привѣтствовала добрымъ желаніемъ; женщины, стоявшія на балконахъ, махали платками; ихъ

сердце забыло разлуку изъ любви къ отечеству; матери, сестры и жены сквозь прощальныя слезы подавали улыбку надежды и славы. Кто остался въ городѣ, тотъ обѣщалъ помочь бѣднымъ ремесленникамъ, съ которыми война уносила послѣднюю опору семейства. По дорогѣ, къ нашему отряду со всѣхъ сторонъ сбѣгались волонтеры изъ деревень. Когда мы проходили селами, насъ встрѣчалъ колокольный звонъ и цвѣты сыпались на штыки, блестѣвшіе подъ лучами весенняго солнца.» (Memor. гл. XXXVIII). Но когда войско достигло Каррары, его остановили въ бездѣйствіи. Монтанелли «не желая играть роль герцогскаго жандарма» на границѣ Модены» и стоять празднымъ зрителемъ, отдѣлился отъ волонтеровъ и отправился въ Тироль съ тѣмъ, чтобъ поднять народонаселеніе его противъ общаго врага. Вечеромъ пѣшкомъ онъ вошелъ въ Трентъ, надѣясь ускользнуть отъ наблюденія полиціи. Но едва онъ показался въ городѣ, съ карманами набитыми прокламаціями, у него потребовали паспортъ; за неимѣніемъ его, онъ былъ переданъ національной гвардіи. Нѣтъ сомнѣнія, послѣ перваго осмотра, его ожидала смерть. Но часовой, которому поручили отвести Монтанелли въ военную коммиссію, услышавъ это имя и узнавъ въ чемъ дѣло, рѣшился спасти его; онъ далъ ему случай избѣжать ареста и выбраться въ горы. Собравъ по деревнямъ до 3,000 войска, Монтанелли явился съ нимъ въ крѣпости Толбино. Здѣсь завязались первыя стычки съ непріятелемъ, отраженнымъ на всѣхъ пунктахъ. Но въ лагерѣ тирольскихъ волонтеровъ поселился раздоръ и недовѣріе, что ослабило силы возставшихъ провинцій. Угрожаемые вновь подходившими толпами Кроатовъ и Нѣмцевъ, они послали Монтанелли въ Миланъ просить о помощи. Но въ Ломбардской столицѣ уже началась реакція. Титулованныя ничтожности, въ родѣ графа Дурини, маленькаго Макіавелли аристократической партіи, испугались той народной Немезиды, которой многіе изъ нихъ за нѣсколько дней рукоплескали. Монтанелли безъ успѣха явился къ своему посту. (Memor. гл. XXXVIII).

Между-тѣмъ Карлъ-Альбертъ, въ главѣ пятидесятитысячнаго войска, уже расположился на берегу Минчіо, и тосканскіе волонтеры перешли Ломбардскую границу. Монтанелли спѣшилъ соединиться съ ними. Потомъ мы видимъ его въ жаркомъ бою при Куртагоне и Монтанарѣ. Эта встрѣча тридцати двухъ-тысячнаго корпуса Радецкаго съ горстью піемонтскихъ ратниковъ, замѣчательна, какъ образецъ италіянской храбрости, оправдавшей выраженіе Петрарки, что въ сердцѣ Италіянцевъ древнее

мужество не изсякло. «Мы разскажемъ эту битву словами самого историка:» 29-го Мая, утромъ, толпа непріятеля бросилась на насъ.... мы выстроились подъ ружьемъ около девяти часовъ. День былъ блистательный. Здѣсь мы простояли около часу въ ожиданіи перваго выстрѣла изъ пушки; полковникъ Кампіа, начальникъ куртатинской милиціи, спросилъ меня, охотно ли пойдетъ нашъ отрядъ на рекогносцировку непріятеля. Маленкини беретъ съ собой десять или двѣнадцать человѣкъ и бросается за траншею. Менѣе, чѣмъ въ десять минутъ завязывается перестрѣлка. Дарко Феррари не хотѣлъ истреблять поле, изъ уваженія къ земледѣльцамъ, такъ что австрійскіе стрѣлки, укрываясь въ колосьяхъ, подходили подъ самые парапеты. Въ одно время началась битва при Куртатонѣ и Монтанарѣ....»

«Австрійцы нѣсколько разъ аттаковали и всегда былиотражены. Небольшой отрядъ, подъ предводительствомъ капитана Контри, отправился изъ Куртатоне развлекать лѣвое крыло непріятеля. Онъ бросается на густыя колонны и производитъ въ нихъ страшное опустошеніе. На него нападаютъ два баталіона и заставляютъ его отступить. Но одушевленный словами Ложье и подкрѣпленный новымъ отрядомъ волонтеровъ, онъ снова приступаетъ къ дѣлу, и обращаетъ врага въ бѣгство».

«Батальонъ студентовъ былъ оставленъ въ аріергардѣ при Граціѣ; едва онъ услышалъ боевой шумъ и увидѣлъ первыхъ раненыхъ, переносимыхъ въ деревню, имъ овладѣваетъ пламенное желаніе сразиться; когда генералъ Ложье хотѣлъ ввести его въ дѣло, онъ былъ уже въ самомъ пылу сраженія. И вотъ этотъ избранный легіонъ на мосту Озаны!.. Что потеряетъ человѣчество, если одинъ изъ этихъ толстыхъ нѣмецкихъ барововъ и гибнетъ на полѣ битвы? Но въ этомъ умственномъ сокровищѣ Тосканы, въ этомъ святомъ легіонѣ, каждая австрійская пуля угрожала намъ незамѣнимой потерей».

«Это было лучшее юношество — цвѣтъ знанія и цивилизаціи; здѣсь былъ Массоти, Пиріа, Пилла и Бурчи; тамъ на мосту пушечное ядро отнимаетъ у міра великаго геолога Леопольда Пиллу, который, умирая, произнесъ: «я мало сдѣлалъ для Италіи.» Около его падаетъ Торквато Тоти, мой любимый ученикъ, юноша, полный прекрасныхъ надеждъ».

«Наши двѣ пушки, съ которыми лейтенантъ Николини поражалъ Австрійцевъ меткимъ смертельнымъ огнемъ, наконецъ замолчали. Ракета, упавшая на пороховой ящикъ, взрываетъ его и ранитъ или убиваетъ почти всѣхъ артиллеристовъ. Николини

раненъ. Я дрался около самой артиллеріи, и видѣлъ эту адскую сцену: безоблачное небо задернулось дымомъ, одинъ домъ и мельница запылали, воздухъ раскалился, громъ канонады, свистъ пуль, взрывы бомбъ, свалка артиллеристовъ, бѣгавшихъ во всѣ стороны, изъ которыхъ одни срывали съ себя одежду, другіе тушили загорѣвшееся платье... и завсѣмъ тѣмъ на этой ужасной картинѣ вы видите веселыхъ ратниковъ; дѣти дерутся львами и одинъ крикъ «да здравствуетъ Италія! «одушевляетъ энтузіазмомъ утомленныхъ бойцовъ, и они съ новыми силами летятъ на поле сраженія».

Но эта кучка героевъ Италіянскихъ Термопилъ, подавленная массами непріятеля, принуждена была уступить. Поле битвы осталось за Австрійцами. Когда потеряна всякая надежда вырвать побѣду у непріятеля, Монтанелли собираетъ вокругъ себя лучшихъ товарищей для послѣдней и роковой защиты. Онъ укрывается съ ними на мельницѣ, со стороны озера, къ которому направились Австрійцы.

«Когда мы прибыли сюда, продолжаетъ онъ, насъ было отъ тридцати до сорока человѣкъ, рѣшившихся сопротивляться до послѣдней капли крови... Близъ меня находился Піетро Порра, мой лучшій другъ и неразлучный товарищъ по оружію. Я перебросилъ ему нѣсколько словъ, прежде чѣмъ выстрѣлилъ. Потомъ обращаюсь опять къ нему... и вижу его мертвымъ у моихъ ногъ. Эта непредвидѣнная потеря друга, столь любезнаго мнѣ, повергаетъ меня въ отчаяніе. Я выставилъ грудь противъ стѣны, на которую дождили непріятельскія пули; онѣ свистѣли у моихъ ушей, и я въ этомъ свистѣ слышалъ пріятную гармонію. Я желалъ соединенія съ своимъ убитымъ другомъ. Но, вспомнивъ о своемъ призваніи, я оправился; Италія призвала меня на битву, а не на плачъ, и я снова сталъ въ боевомъ ряду. Ружье мое не портилось; я взялъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, карабинъ моего Піетро. Въ ту минуту, какъ я готовился выстрѣлить, пуля пробиваетъ мнѣ лѣвое плечо, подобно удару тяжелой дубины: я наклонился, но не упалъ».

«Спрашиваю у своего сосѣда, гдѣ я раненъ; замѣтивъ небольшую скважину, черезъ которую вылетѣла пуля, онъ отвѣчаетъ мнѣ — «позади спины». Маленкини бѣжитъ на помощь, и хочетъ унести меня подальше отъ этого мѣста; но я, чувствуя себя еще въ силахъ продолжать сраженіе, противлюсь. Между тѣмъ глаза смыкаются, холодный потъ течетъ по членамъ, я думалъ, что это былъ послѣдній мой часъ». (Memor. гл. XI).

Послѣ взятія Куртатоне и Монтанары, Монтанелли остался въ рукахъ непріятеля. Когда онъ раненный и плѣнный лежалъ въ мантуанскомъ госпиталѣ, по Италіи разнесся слухъ о его смерти. Тоскана надѣла трауръ въ честь «лучшаго изъ своихъ гражданъ». Флоренція и Миланъ совершили панихиду по немъ въ своихъ роскошныхъ базиликахъ. Но больной выздоровѣлъ, и снова явился на политической сценѣ. Съ этой поры имя Монтанелли сдѣлалось народнымъ именемъ Италіи. И надо отдать справедливость Италіянцамъ: они умѣютъ почтить своихъ героевъ тѣмъ нѣжнымъ и граціознымъ уваженіемъ, въ которомъ видна глубокая признательность къ защитникамъ національной свободы. Вспомнимъ, что голова Гарибальди дорого была оцѣнена Австрійцами, когда онъ бросился съ кучкой вѣрныхъ товарищей въ Апеннины. Никто не позволилъ себѣ и подумать объ измѣнѣ великому воину нашего времени; напротивъ, онъ вездѣ находилъ и дружескую руку, и гостепріимный ночлегъ, и полную готовность служить ему всѣми средствами. Въ этомъ сочувствіи, кромѣ антипатіи къ иностранной тираніи, проявляется живучесть народныхъ силъ; а это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что такія націи могутъ изнемогать, падать, но не умирать. Съ другой стороны Италія должна гордиться своими вождями; нигдѣ и никогда, они не дѣйствовали съ такимъ самоотверженіемъ и энергіей, нигдѣ путь политической Голгофы не былъ покрытъ такой чистой и обильно-пролитой кровью. Здѣсь встрѣчаются цѣлые семейства и поколѣнія, сохранившія одну вѣру въ отечество, одну безпредѣльную преданность его интересамъ. Заранѣе обреченныя судьбой страданіямъ или гибели, они идутъ на встрѣчу ея съ яснымъ взоромъ, какъ будто не зная на землѣ муки, которая могла бы испугать или сломить ихъ. Чтобъ научиться такой любви и ненависти, надо было сорокъ лѣтъ проносить цѣпи, приготовленныя Австрійской имперіей. «Еслибъ въ Италіи, сказалъ одинъ изъ ея поэтовъ, не осталось ничего, кромѣ скалъ и пепла, то и тогда изъ этихъ скалъ и пепла не перестанетъ раздаваться голосъ за свободу ея».

Монтанелли, воротившись въ Тоскану, былъ принятъ съ восторгомъ. Избранный депутатомъ отъ Фучекіо, онъ вошелъ въ флорентійскій парламентъ 1848 года 27-го сентября. Черезъ мѣсяцъ, Леопольдъ II, принужденный общественнымъ мнѣніемъ смѣнить министерство, поручилъ Монтанелли составить его и управлять совѣтомъ въ качествѣ президента. Положеніе Тосканы было самое смутное. «Новая соціальная жизнь, говорятъ ме-

муары, упала съ высоты благородныхъ началъ въ грязь самыхъ пошлыхъ страстей; мелкія самолюбія спорили изъ-за портфелей; правительство было безъ авторитета; партіи безъ знаменъ; журнализмъ унизился до кумовства, и отцы отечества забавлялись дѣтскими играми». (Memor. гл. XLIII). Чтобъ понять это положеніе, надо помнить, что великій герцогъ, съ самого начала реформы, игралъ двоедушную роль. Не желая терять покровительства Австрійцевъ и въ то же время увлеченный общимъ движеніемъ Тосканы, онъ выжидалъ удобнаго случая, чтобъ взять сторону послѣдняго побѣдителя, кто бы онъ ни былъ. Онъ столько же радовался успѣху Радецкаго, сколько боялся революціоннаго разгара. Такъ при первомъ извѣстіи о Миланскомъ возстаніи, Леопольдъ II выразился звучнымъ дифирамбомъ: «Часъ италіянскаго возрожденія насталъ; кто искренно любитъ отечество, тотъ не можетъ отказать ему въ помощи. Я обѣщалъ содѣйствовать всей своей властью порыву вашего сердца, и *вотъ я готовъ сдержать свое слово*». (Memor. гл. XXXVIII). Такъ было сказано 21-го Марта; 23-го же языкъ прокламаціи совершенно измѣнился. Вмѣсто того, чтобъ поддержать военное одушевленіе Тосканы, его старались охладить; вмѣсто того, чтобъ послать волонтеровъ прямо въ Ломбардію, ихъ задержали въ Массѣ и Каррарѣ безъ всякаго дѣла. Тайной пружиной этого двоедушія Тосканской монархіи былъ министръ Балдассерони. Неутомимый и пронырливый администраторъ, онъ былъ типомъ мелкаго чиновника; невозмутимое хладнокровіе и педантическая точность въ исполненіи обязанностей замѣняли въ немъ умъ и чувство. Неспособный къ широкому взгляду на вещи, враждебный всему новому и гуманному, онъ считалъ службу чѣмъ-то въ родѣ религіознаго культа. Успѣху ея онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ — личнымъ самолюбіемъ, связями и даже почестями. Для него форма составляла все; въ исполненіи ея онъ находилъ единственное удовольствіе и, если угодно, нѣкоторую поэзію. Обратившись подъ старость въ канцелярскую машину, которой ворочала одна привычка, онъ сдѣлалъ изъ своего министерства какой-то пассивный автоматъ, гдѣ все дѣйствовало или, лучше, двигалось по снурку, какъ двигаются полишинели. Балдассерони не требовалъ ни особеннаго образованія, тѣмъ менѣе самостоятельнаго ума и воли; подчиненный его долженъ былъ слѣпо исполнять то, что принято или приказано. Это обыкновенная участь бездарныхъ администраторовъ; изъ нихъ образуется какая-то особенная порода, столько же похожая на чело-

вѣка, сколько на палку, столько же способная гнуться и кланяться за милость, сколько за брань и выговоръ. Притомъ Балдассерони былъ ханжа, воспитанный въ правилахъ іезуитизма. Въ религіи онъ также наблюдалъ одну внѣшнюю сторону; онъ посѣщалъ монастыри, капеллы, считалъ особеннымъ счастіемъ принадлежать францисканскому братству, и хотѣлъ бы управлять міромъ посредствомъ монаха, солдата и полицейскаго доносчика. Естественно, тосканскіе іезуиты были какъ нельзя больше довольны выборомъ такого человѣка въ головѣ министерства. Когда началась реформа, Балдассерони немедленно прикинулся партизаномъ ея; съ свойственной хитростью ученику Лойолы, онъ также заговорилъ о преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, думая свести ихъ на простыя слова. Такъ это и было. Повидимому, отстаивая всякое нововведеніе, онъ тайно подрывалъ его. Эти раки реакціоннаго темперамента необычайно вредны правительству, когда имъ дается вѣра и вліяніе въ эпохи государственныхъ кризисовъ. Лицемѣріе ихъ тѣмъ опаснѣе, что въ темной душонкѣ ихъ нельзя разсмотрѣть ни одного признака истины. Этого-то человѣка Леопольдъ II приблизилъ къ себѣ, вполнѣ положился на него и прислушивался къ шопоту его даже тогда, когда Балдассерони уже былъ удаленъ изъ министерства. Кромѣ того, какъ въ Тосканѣ, такъ и въ Ломбардіи, въ пользу реакціи работала финансовая партія, та плутократія, которую вполнѣ опредѣляетъ современная парижская буржуазія. Безъ политической совѣсти, безъ вѣры въ нравственные интересы, безъ идей и даже изящнаго вкуса, плотоядная по аппетитамъ, жадная до грубыхъ матеріальныхъ удовольствій и всего болѣе до денегъ, она желала бы царить надъ обществомъ во имя серебрянаго рубля. Тупой консерватизмъ составляетъ первую ея заповѣдь. Не желая лишиться завтрашняго барыша, она боится государственной реформы, какъ биржевой игрокъ — пониженія курса. Ей нѣтъ дѣла до нищеты другихъ; она равнодушно смотритъ на злоупотребленія власти и готова помочь общественному злу, лишь бы извлечь изъ всего этого проценты. Она скорѣе согласится вынесть диктатуру Делкаретто, чѣмъ, съ перемѣной стараго порядка вещей, закрыть лавочку или потерять нѣсколько сотъ дукатовъ. Въ старой, родовой аристократіи, по крайней мѣрѣ, была рыцарская гордость, какая-то наивная отвага, любовь къ блеску и роскоши; для этой новой аристократіи, воспитанной подъ доками и въ корридорахъ биржи, засаленной снаружи, грязной внутри, разсчетливой до скаредности Плюшкина, фальшивой до цинической лжи Фальстафа, граж-

данская честь состоитъ въ томъ, чтобъ обмѣрить и ускользнуть отъ полиціи, — поскорѣй разбогатѣть и потомъ со сцены долой. Къ этой плутократіи во Флоренціи и Ливорно принадлежала извѣстная толпа журналистовъ, гуртовщиковъ литературныхъ издѣлій. Это тѣ же лавочники, но торгующіе вмѣсто сахару, пеньки и спирта лучшими человѣческими силами. Ихъ вѣра — также въ барышѣ, но они достигаютъ грязныхъ цѣлей съ помощію прекраснаго орудія. Общественное мнѣніе для нихъ — рынокъ, на которомъ продаются мысль и убѣжденіе по первому запросу и оптомъ. Они преклоняются передъ большинствомъ, какъ египетскіе жрецы передъ коровой; они боятся перечить ему, хоть бы и понимали несправедливость его, боятся потому, чтобъ не лишиться двухъ или трехъ подписчиковъ. Они, обыкновенно, прикидываются либералами, если выгодно; и умѣютъ извлекать свою пользу не только изъ болтовни, но даже изъ молчанія... Но кто же изъ насъ не знаетъ этихъ купцовъ въ литературныхъ рядахъ нашего міра? Они вездѣ одинаковы; будьте увѣрены, что они унижаютъ честь молодой идеи, въ Италіи и Россіи, хуже, чѣмъ канцелярскіе Балдассерони и австрійскіе сбиры.

Реакціонная партія взяла рѣшительный перевѣсъ въ Тосканѣ, когда Монтанелли началъ управлять парламентомъ. Онъ хотѣлъ возстановить реформу и дать ей демократическое значеніе; но было поздно. Общественное мнѣніе, обманутое реакціей, извѣрилось. Притомъ въ самыхъ надежныхъ людяхъ, избранныхъ имъ въ министерство, онъ нашелъ измѣнниковъ. Таковъ былъ Гераццп, ученикъ Макіавелли, человѣкъ высокаго ума и классическаго характера, но холодный скептикъ, вѣрившій въ одну силу, какими бы средствами она не достигалась. Въ Ливорно онъ казался демократомъ, въ Флоренціи роялистомъ, на площади республиканцемъ, а въ кабинетѣ Леопольда II другомъ Австріи. Приготовивъ реставрацію, онъ первый расплатился за нее; выданный партіей великаго герцога, онъ заключенъ былъ въ крѣпость Белведеръ, наканунѣ паденія Флоренціи и капитуляціи Ливорно.

Такимъ образомъ, не видя возможности поставить внутреннюю реформу на твердую ногу, Монтанелли тѣмъ ревностнѣе сталъ заниматься одной изъ задушевныхъ идей — всеобщей конституціей Италіи. Онъ былъ убѣжденъ, что одна Тоскана не можетъ сохранить свободы, пока Австрійское правительство держится въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ; только общее италіянское освобожденіе можетъ поручиться за независимость

Флоренціи. Потому президентъ ея, поставивъ главнымъ вопросомъ изгнаніе Австрійцевъ, хотѣлъ соединить въ этомъ предпріятіи всѣ силы Италіи. Понимая, впрочемъ, трудность политической комбинаціи, онъ раздѣлилъ ее на два періода: въ первый онъ предполагалъ собрать разрозненныя силы народовъ и приготовить мощную войну за независимость; во-второй — составить италіянскій статутъ и образовать одну центральную власть надъ всѣмъ полуостровомъ, подчинивъ ее народной инисіативѣ.

Въ то время, когда Монтанелли такъ искренно и неутомимо работалъ надъ своей идеей, внѣшнія событія разрушаютъ ее окончательно. Вѣнскій кабинетъ вздохнулъ свободнѣй; Леопольдъ II, повинуясь совѣту австрійскихъ агентовъ, тайно оставилъ Флоренцію и удалился въ Сіену. Радецкій успокоилъ его письмомъ: «какъ только, говорилъ онъ, я усмирю сардинскихъ демагоговъ, прилечу къ вамъ на помощь съ тридцатью тысячами моихъ удальцевъ и возстановлю ваше высочество на тронѣ». Между тѣмъ Флоренція, снова взволнованная анархіей и потерявшая надежду видѣть великаго герцога, провозгласила диктаторское правленіе, въ лицѣ Монтанелли, Манцони и Герацци. Почти въ тоже время Римъ, покинутый Піемъ IX, объявилъ въ Капитоліѣ республику; Венеція продолжала защищаться противъ Австріи; Сицилія еще боролась съ Неаполемъ; Піемонтъ собиралъ новыя войска на берегахъ Тессино, однимъ словомъ вся Италія была въ огнѣ, какъ вдругъ поражаетъ ее извѣстіе о Наварской побѣдѣ. Затѣмъ началась общая реставрація.

Монтанелли еще разъ увлекся надеждой, и послѣдней надеждой на Францію. Передавъ полную диктатуру Герацци, онъ оставилъ Тоскану и, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, прибылъ въ Парижъ. Здѣсь онъ думалъ набрать новыхъ волонтеровъ и расположить національное собраніе въ пользу Италіи; но паденіе Рима, послѣ приступа Удино, всего лучше отвѣчало ему, что онъ ошибался въ намѣреніяхъ Франціи. Капитуляціи Флоренціи и Ливорно застали его въ этомъ положеніи: онъ поселился въ Парижѣ, какъ бѣдный изгнанникъ своего отечества.

Послѣ десяти лѣтъ эмиграціи, въ 1859 году мы видимъ его опять въ Тосканѣ, опять въ рядахъ апеннинскихъ стрѣлковъ противъ Австріи, и вмѣстѣ съ нимъ стараго друга его Маленкини. Теперь Италія была счастливѣй, чѣмъ въ 1848 г. и Монтанелли, напомнивъ намъ дни Куртагоне и Монтанары, возвратился не въ рабскую, а свободную Флоренцію: это лучшая награда, какую

только могъ ожидать благородный ратникъ Тосканы, во второй разъ жертвовавшій и жизнію, и талантомъ своему отечеству.

II.

Въ исторіи Италіи, конечно, не было ни одного періода столь богатаго надеждами и столь бѣднаго осуществленіемъ ихъ, столь счастливаго въ началѣ и столь несчастнаго въ концѣ, какъ 1848 годъ. Война за независимость открылась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; повидимому, все ручалось за успѣхъ ея. Съ одной стороны, общее одушевленіе страны, дохнувшей нѣсколькими днями свободы, народный энтузіазмъ, глубоко взволнованный и до основъ, побѣдоносное вступленіе Карла-Альберта въ Ломбардію, соединившаго подъ ружьемъ болѣе ста тысячъ войска, никогда небывалаго въ Италіи, и наконецъ сочувствіе общественнаго мнѣнія Европы — все это обѣщало вѣрную побѣду. Съ другой стороны, незавидное положеніе врага, какъ нельзя больше, отвѣчало ей: революція въ Вѣнѣ, гроза, собиравшаяся на горизонтѣ Венгріи, отступленіе Радецкаго изъ Милана до Вероны, упадокъ духа въ австрійскомъ войскѣ, поставленномъ между ненавистью угнетенныхъ народовъ и страхомъ его вождей, недостатокъ денегъ и распущенность администраціи — приготовили Австріи одну изъ тѣхъ роковыхъ минутъ, которыя рѣшаютъ судьбы имперій. Всѣ были увѣрены, что Италія выиграетъ великій процессъ. Вѣнскій Кабинетъ, не надѣясь удержать Ломбардію, готовъ былъ отступиться отъ нея на условіяхъ денежнаго вознагражденія, дать Венеціи конституцію и національное правительство. Дипломатическіе переговоры были открыты Англійскому и Французскому министерствамъ; но Пальмерстонъ и Ламартинъ не съумѣли воспользоваться ни случаемъ, ни временемъ. Сардинскій король, убѣжденный въ превосходствѣ силъ, отвергъ всякое перемиріе, «пока, сказалъ онъ, хоть одинъ австрійскій солдатъ останется на италіянской землѣ.» (D. Manin, par H. Martin, 1859, стр. 121—127.) Между тѣмъ игра обстоятельствъ измѣнила ходъ дѣла: сраженіе при Санта-Лючіа далеко не удовлетворило желанія Карла-Альберта, паденіе Виченцы, а съ нею и всей Венеціанской области, за исключеніемъ столицы, неудачная осада Мантуи, пораженіе тосканскихъ волонтеровъ при Куртатоне, затѣмъ отступленіе Піемонтцевъ за Минчіо и скорое появленіе Радецкаго подъ стѣ-

нами Милана — всѣ эти событія дали явный перевѣсъ Австріи и, если не довели Италію до отчаянія, то охладили ея первый порывъ. И кто бы могъ подумать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ судьба Ломбардо-Венеціи опять будетъ въ рукахъ Австріи? Но капитуляція Милана, подписанная 9 Августа, громко возвѣстила Италіи бѣдственный фактъ. Съ этой минуты не трудно было предвидѣть Новарскую битву, съ ея печальнымъ результатомъ.

Разсматривая это событіе, со всѣми его логическими послѣдствіями, нельзя вполнѣ согласиться съ обвинителями сардинскаго короля. Конечно, личныя ошибки его во-многомъ повредили вопросу италіянской независимости, но не онѣ были главной причиной. Рыцарское хладнокровіе Карла-Альберта, его необыкновенная отвага, съ которой онъ бросился въ это трудное предпріятіе и искренняя готовность жертвовать свободѣ Италіи «последнимъ дукатомъ и послѣднимъ человѣкомъ Піемонта» отнюдь не искупали другихъ недостатковъ несчастнаго короля. Потерявъ національное довѣріе, столь драгоцѣнное въ минуты народныхъ реформъ, онъ лишился главной опоры въ борьбѣ; нерѣшительный и зыбкій въ своихъ планахъ даже подъ непріятельскимъ огнемъ, онъ не могъ одушевить войско истиннымъ мужествомъ. О немъ можно сказать то же, что сказалъ Вольтеръ о Карлѣ XII: «онъ не былъ Александръ, но былъ бы первый его солдатъ.» Въ самомъ дѣлѣ, личная храбрость потомка Эмануила Желѣзной-Головы изумила самихъ враговъ. Во время Новарскаго сраженія онъ цѣлый день провелъ на конѣ, въ пылу жаркой битвы; онъ неподвижно стоялъ среди пушекъ, когда Австрійцы громили городъ съ высотъ Бикока. Дурандо, взявъ короля за руку, хотѣлъ отвести его въ сторону: «оставьте меня, генералъ, сказалъ король, — это мой послѣдній день; дайте мнѣ умереть.» (Campagnes d'Italie, par Schoenhals, стр. 104.) Дѣйствительно, онъ искалъ смерти, потому что не хотѣлъ пережить того глубоко-скорбнаго дня, который ему стоилъ трона, отечества и, можетъ быть, жизни. Но этой стоической твердости было мало для вождя піемонтской арміи; кромѣ ея, нуженъ былъ военный талантъ и стратегическія соображенія, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ дѣло съ осьмидесятилѣтнимъ фельдмаршаломъ, хитрымъ и осторожнымъ какъ лиса. За тѣмъ необходимо было довѣріе войска, умѣнье окружать себя способными людьми. Всего этого не доставало Карлу-Альберту. Упадокъ дисциплины, отсутствіе хорошей военной администраціи и выборъ главнокомандующимъ

человѣка, подобнаго Кржановскому — все это доказываетъ, что Карлъ-Альбертъ не измѣрилъ всей важности начатаго имъ дѣла; онъ вышелъ въ поле, какъ выходили средневѣковые витязи, разсчитывая не столько на искусство, сколько на силу руки и крѣпость копья. Притомъ странное чувство подозрѣнія, мучившее безпокойнаго короля во дворцѣ и въ кругу его подданныхъ, перешло и въ его внѣшнюю политику. Онъ не хотѣлъ видѣть французское войско по ту сторону Альпъ, и рѣшился лучше погибнуть одинъ, чѣмъ призвать на помощь союзника, котораго онъ опасался. *Italia fa da se* — скоро обратилось въ пустой призракъ самоувѣреннаго властителя.

За всѣмъ тѣмъ не Карлъ-Альбертъ погубилъ Италіянскую независимость 1848 года. Радецкій, поразивъ Піемонтъ и выигравъ десять новыхъ сраженій, подобныхъ Наварскому, легко могъ потерять самую Ломбардію. Главнымъ и несокрушимымъ противникомъ Австріи былъ народный духъ, та внутренняя сила Италіи, которая показала себя въ блистательной защитѣ Венеціи. Но чтобъ дать дѣйствительное значеніе этой силѣ, необходимо было вооружить ее единствомъ. Еслибъ отъ перваго до послѣдняго Италіянца всѣ были проникнуты однимъ благороднымъ желаніемъ національной свободы, тогда матеріальная масса, какъ бы велика ни была, не сломила бы народъ. Къ сожалѣнію, Италія дѣйствовала врозь. Мы ужъ видѣли, что въ самыхъ нѣдрахъ общества скрывались зародыши внутреннихъ раздоровъ. Реакціонная партія Тосканы, состоявшая изъ тупыхъ mezzano, имѣла друзей повсюду; ей сочувствовалъ неаполитанскій лаццарони, римскій нищій, воспитанный тунеядной милостыней полиціи и піемонтскій Іезуитъ. Это разъединеніе тѣмъ опаснѣе было въ странѣ, гдѣ политическое воспитаніе прошло мрачнымъ путемъ взаимныхъ ненавистей, интригъ и систематическаго разврата, — гдѣ оттѣнки стараго соціальнаго антагонизма, закрѣпленнаго преданіемъ, сохранились доселѣ. «Мы повторимъ всѣ ошибки, говоритъ Монтанелли, которыя разрушали наши покушенія на возрожденіе въ средніе вѣка; — отвлеченныя теоріи и политику безъ идей, единство, воспѣваемое поэтами и раздѣленія питаемыя страстями; удивительную реторику, но совершенное отсутствіе логики, той логики, которая управляетъ развитіемъ обществъ и которая возвела Римлянъ, нашихъ отцовъ, на степень великой націи: эта логика ничто иное, какъ здравый смыслъ, прилагаемый къ управленію народами. Опытъ доказалъ, что выгнать Австрійцевъ изъ Ломбардіи невозможно, не соеди-

нивъ всѣхъ силъ Италіи; а военный союзъ ея невозможенъ безъ политическаго, а политическій — безъ воззванія къ націи.» (гл. XLIV.) Но если не было единства въ народѣ, то еще глубже распадались правительственныя системы. За исключеніемъ Піемонта, всѣ другія части полуострова были связаны съ австрійскимъ дворомъ или родственными отношеніями, или тайными договорами, или взаимнымъ ручательствомъ за политическое statu quo. По этому Тоскана, Римъ и Неаполь, увлеченные общимъ движеніемъ, сначала объявили себя врагами вѣнскаго двора, но едва смолкъ первый народный крикъ: «къ оружію, къ оружію!» и оппозиціонная партія усилилась, они тайно приняли сторону Радецкаго, и подъ предлогомъ революціонныхъ смутъ, тушили патріотическій энтузіазмъ. Пій IX не хотѣлъ идти противъ Австріи, какъ православный пастырь противъ единовѣрнаго стада; Леопольдъ II — вслѣдствіе династическихъ интересовъ; Фердинандъ II, пославъ флотъ и войско на помощь Венеціи, послѣ катастрофы 15 Мая, немедленно отозвалъ ихъ назадъ. Адмиралъ Коса воротился въ Неаполитанскій портъ, а генералъ Пепе, старый другъ свободы, удержалъ въ своемъ повиновеніи изъ четырнадцати — двѣ тысячи человѣкъ, и бѣжалъ съ ними въ Венецію. Модена и Парма слѣдовали за Австріей, какъ тѣни за живымъ тѣломъ. Такъ въ Италіи образовались два враждебныхъ стана — демократическій и правительственный; первый требовалъ войны и реформы, второй желалъ мира и стараго порядка вещей. Это внутреннее разложеніе силъ сопровождалось самыми грустными явленіями: оно обнаружило лицемѣріе оффиціальной политики, поставивъ ее въ противорѣчіе съ народными обѣтами и надеждами; оно ослабило энергію и породило множество частныхъ и мѣстныхъ вопросовъ, вмѣсто того, чтобъ соединить и направить всѣ усилія къ одной цѣли. Австрія ловко воспользовалась этимъ положеніемъ; она съ каждымъ днемъ крѣпла, а Италія изнемогала. Съ одной стороны подходили новыя войска, а съ другой бѣжали измѣнники и малодушные бойцы трехцвѣтнаго знамени. Духъ крамолы прошелъ по всему полуострову и снова повергъ его безжизненнымъ трупомъ къ ногамъ Австрійскаго солдата.

Понятно, почему Монтанелли считалъ послѣднимъ спасеніемъ страны единство ея, въ какой бы формѣ оно ни выразилось. Извѣстно, что эта идея была любимой мечтой всѣхъ великихъ мыслителей Италіи. Дантъ развиваетъ ее въ своей «Монархіи»; Макіавелли ради ея создаетъ въ своемъ «Принцѣ» идеальнаго

тирана; поэты, историки и публицисты искали ее или въ величіи католическаго Рима или просили ее изъ рукъ внѣшняго побѣдителя, — то отъ цесаря, то отъ папы, но мечта осталась мечтой, и въ Италіи политическаго единства никогда не было. Возможно ли оно, на самомъ дѣлѣ — вотъ вопросъ, на который многіе отвѣчаютъ отрицательно.

Чтобъ рѣшить его, надо знать, есть ли данныя въ самыхъ условіяхъ народной жизни для соединенія разрозненныхъ членовъ въ одно политическое тѣло? Мы думаемъ, что Италія обладаетъ всѣми естественными средствами для достиженія своего политическаго единства. Двадцать пять милліоновъ ея жителей составляютъ одно племя, говорящее однимъ языкомъ, и спитанное подъ вліяніемъ однихъ преданій, съ однимъ родовымъ типомъ. Разумѣется, здѣсь есть множество мѣстныхъ оттѣнковъ въ нарѣчіяхъ, нравахъ, въ степени развитія и матеріальнаго благосостоянія, но эти оттѣнки, какъ слѣды чисто внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ, ни сколько не нарушаютъ гармоніи цѣлаго. Они вездѣ есть; мы не знаемъ ни одного народа, который бы сохранилъ свое племенное происхожденіе въ первоначальномъ видѣ. Но въ италіянской націи нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ и діаметрально-противоположныхъ элементовъ, какіе мы видимъ, напримѣръ, въ Австрійской или Турецкой имперіи. Самая природа, замыкающая Италію со всѣхъ сторонъ великолѣпными границами — Альпами и моремъ, сообщила ей характеръ отдѣльной политической личности, предназначенной для полнаго самобытнаго развитія. Въ ней нѣтъ тѣхъ географическихъ преградъ, которыя бы осуждали ее на разъединеніе; Апеннины, съ ихъ покатыми отлогостями, отнюдь не полагаютъ строгаго рубежа между Италіянцами Адріатическаго и Средиземнаго берега; ея рѣки и долины, самыя плодоносныя изъ долинъ земнаго шара, служатъ естественной связью между разными ея частями, какъ нервы въ человѣческомъ организмѣ; ея флора, столь богатая и разнообразная — отъ альпійскаго дуба до восточной пальмы — покрываетъ почву въ самой правильной симметріи, незамѣтно переходя отъ одного горизонта къ другому: здѣсь нѣтъ тѣхъ колоссальныхъ раздѣловъ, которые отбрасываютъ каменистую Аравію отъ счастливой или ледяныя пустыни Сѣверной Америки отъ огненныхъ степей ея юга.

Но какъ же этотъ народъ, предназначенный физически и нравственно составлять одну семью, утратилъ свое политическое единство? Конечно, онъ этого не искалъ, и это зависѣло отъ чисто-случайныхъ обстоятельствъ, порожденныхъ варварствомъ

среднихъ вѣковъ, или произволомъ дипломаціи, измѣняющей жизнь народовъ однимъ почеркомъ пера. Взгляните на`ге графическое положеніе Папской области, и вы убѣдитесь что предѣлы ея самые фантастическіе. Съ сѣверо-запада отдѣляетъ ее отъ Тосканы и Модены какая-то воображаемая линія, неимѣющая ничего опредѣленнаго; южная полоса заходитъ въ неаполитанскія владѣнія; Беневентъ лежитъ на чужой территоріи, а Санъ-Марино, какъ орлиное гнѣздо, пріютилось въ горныхъ скалахъ, въ самомъ сердцѣ Романьи. Эта черезполосная смѣсь могла образоваться только вслѣдствіе капризовъ исторіи, какъ плодъ добровольныхъ уступокъ, или подаяніе, брошенное на дорогѣ щедрой рукой. Та же служебная размежовка территорій замѣчается въ раздѣлѣ Пармы съ Моденой и Модены съ Лукками. Поэтому мы вправѣ заключить, что раздробленіе Италіи не было результатомъ народныхъ антипатій или внутреннихъ переворотовъ; напротивъ, основной кряжъ націи остался въ первобытной цѣлости, и только поверхность его покрылась разнообразными слоями, трудно сказать откуда и какъ занесенными. Въ этомъ отношеніи Италію сравниваютъ съ мраморнымъ дворцомъ, поставленнымъ на большой дорогѣ; всякій досужій путникъ, посѣтившій этотъ заброшенный домъ, не встрѣчая ни хозяина ни сторожа, измѣняетъ и перестроиваетъ его по своему вкусу. Меттернихъ двадцать лѣтъ трудился надъ тѣмъ, чтобъ обратить его въ конюшню. Послѣ этого не удивительно, что мы на одной и той же землѣ, у однаго и того же народа, находимъ самую странную смѣсь гражданскихъ учрежденій: демократическія начала уживаются съ съ абсолютнымъ правленіемъ, монархіи съ конституціей, конституція съ теократической властью, и республика съ безграничнымъ деспотизмомъ. При такомъ разнохарактерномъ устройствѣ, политическіе интересы отдѣльныхъ центровъ не могутъ имѣть ничего общаго; на пространствѣ 180 тысячъ квадратныхъ километровъ, видоизмѣняясь до всевозможныхъ формъ, они представляютъ разительный контрастъ по направленію и цѣлямъ. Еще разъ повторимъ, что всѣ эти различія чисто-политическія и, не измѣняя коренныхъ основъ Италіи, уживаются въ ней, какъ административныя формы. Мы не можемъ сказать, чтобъ житель Болоньи, переселившись въ Венецію, переставалъ быть Италіанцемъ или Неаполитанцемъ, терялъ свое національное имя въ Генуѣ или въ Пизѣ. Притомъ, какъ не противоположны эти формы съ перваго взгляда, но народная жизнь всей Италіи, развиваясь помимо правительственной опеки, постоянно стремится къ равно-

вѣсію; тамъ гдѣ форма слишкомъ грубо противорѣчитъ народному духу, общество тревожно ищетъ лучшаго состоянія и, если не находитъ его съ помощію мирныхъ средствъ, вынуждаетъ силой. Въ такомъ видѣ представляется исторія полуострова въ послѣдніе тридцать лѣтъ. Поэтому главная задача, думаемъ, состоитъ не въ томъ, возможно ли единство Италіи — въ немъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — а въ томъ, какими средствами оно можетъ осуществиться?

Есть двѣ специальныя системы, совершенно противоположныя одна другой — англосаксонская и французская. Первая стремится къ единству, посредствомъ индивидуальныхъ силъ, дѣйствуя отъ окружности къ центру. Здѣсь каждая личность — существо дѣятельное; у каждой воли есть своя собственная сфера. Гармонія этой системы опредѣляется нравственнымъ развитіемъ народа, и потому воспитаніе его составляетъ главное условіе общественнаго прогресса; оно замѣняетъ полицію, строгость уголовнаго законодательства, оно ограждаетъ домъ отъ ночнаго вора и правительство отъ гражданскихъ смутъ. Другая систеема также образуетъ единство, но дѣйствуетъ обратно—отъ центра къ окружности. Здѣсь частная личность исчезаетъ передъ государственной, индивидуальная воля поглощается общественнымъ авторитетомъ. Сила власти, собирая къ себѣ жизненныя источники, опирается на войско и внутренній порядокъ, поддерживается полицейскимъ строемъ. Мы не говоримъ о превосходствѣ той или другой системы, а указываемъ на нихъ, какъ на факты, и спрашиваемъ: какая изъ нихъ можетъ быть лучше примѣнена къ италіянскому единству? Монтанелли отвѣчаетъ на это такъ: дѣло не въ томъ, какая власть — монархическая или республиканская, король или свобода, парламентъ или военный вождь — совершитъ подвигъ италіянскаго единства.... Въ настоящій вѣкъ, что касается до права, мы живемъ въ полной эпохѣ варварства; умственная сила еще находится въ младенческомъ состояніи, и потому было бы глупо не воспользоваться, еслибъ сильный монархъ обнажилъ свой мечь въ пользу прекраснѣйшаго и въ высшей степени человѣческаго предпріятія — соединенія Италіи». (Гл. XXXIII.) Слѣдовательно Монтанелли не затрудняется въ выборѣ средствъ для италіянскаго единства; онъ готовъ принять его даже отъ вооруженной руки диктатора. Увлекаясь мечтой такого случайнаго соединенія, онъ естественно впалъ въ ошибку, такъ долго ослѣплявшую его соотечественниковъ, что будто Римъ долженъ быть центромъ Италіянскаго союза и Папская власть орудіемъ возрож-

денія всей страны. Это одна изъ тѣхъ иллюзій, которая наслѣдована отъ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ патріотическими предразсудками и преданіями всемірнаго города. Пора убѣдиться, что Папская власть по самому началу не способна къ такому радикальному преобразованію. Вооруженная крестомъ въ одной рукѣ и мечомъ въ другой, она возникла, подобно всѣмъ другимъ учрежденіямъ варварской эпохи, въ силу побѣды, не безъ хитрости и обмана. По духу и преданію, она носитъ въ себѣ рѣзкое противорѣчіе, болѣе десяти вѣковъ раздирающее Италію антагонизмомъ. Какъ власть космополитическая, она необходимо отрицаетъ всякое національное чувство, говоря: «мое царство не отъ міра сего». Какъ авторитетъ католическій, основанный на строгомъ абсолютизмѣ, она исключаетъ всякое живое требованіе народовъ. Считая себя непогрѣшимой, и потому не признавая ни законовъ разума, ни логики событій, она въ то же время держитъ политическую инисіативу. Папа, управляя двумя стами милліонами католическаго стада, какъ духовный пастырь, съ тѣмъ вмѣстѣ управляетъ тремя милліономи Римской области, какъ свѣтскій владыка. Возможно ли это соединеніе двухъ авторитетовъ царя и епископа—въ одномъ и томъ же лицѣ? Согласимся, что оно существуетъ, какъ историческій фактъ, какъ аномалія; даже больше, согласимся съ тѣмъ, что въ средніе вѣка, когда вся Европа представляла одинъ огромный монастырь, подъ гнетомъ теократическаго устава, когда между замкомъ и кельей не было никакихъ признаковъ жизни, когда насиліе считалось силой и право кулака—закономъ, эта власть не только была возможна, но и необходима; она заносила руку какъ для ударовъ, такъ и для благословеній, и если многому вредила, то многое и спасала. Но теперь, въ половинѣ XIX вѣка, когда повсюду чувствуется необходимость матеріальныхъ и нравственныхъ улучшеній, удовлетворяетъ ли она духу времени? Конечно, нѣтъ. Католицизмъ, давно потерялъ первоначальный характеръ. Болѣе трехъ вѣковъ, опираясь на іезуитскую партію и религіозную пропаганду, онъ существуетъ, какъ чисто-полицейское учрежденіе. Страницы его исторіи самыя печальныя страницы, послѣ лѣтописей Тацита. Папская тіара, часто переходя изъ рукъ въ руки честолюбцевъ, людей ничтожныхъ, готовыхъ на измѣну, коварство и отраву, оспориваемая впродолженіе пятидесяти лѣтъ двумя развратными женщинами Теодорой и Моросіей, въ пользу ихъ любовниковъ не разъ падала въ грязь. Время и преступленія Римской Куріи не оставили въ ней ни одного чистаго терна Голгофы. Ватиканъ, основанный

во имя рожденнаго въ вифлеемскихъ ясляхъ, всегда искалъ блеска, роскоши, отличій и видѣлъ въ стѣнахъ своихъ такія сцены, какія, по выраженію Ламне, «удивили бы своей дерзостью Калигулъ и Нероновъ.» Могла ли истинная религія съ ея братствомъ и равенствомъ найдти здѣсь уваженіе и вѣру? Сомнѣваемся. Притомъ, какъ положительный догматъ, выработанный и переголкованный подъ вліяніемъ касты, католицизмъ, съ первыхъ же дней, принялъ направленіе, противоположное народнымъ интересамъ. Его система состояла изъ однихъ отрицаній языческаго культа, но она не внесла ничего реальнаго въ положительную жизнь человѣка. Она учила систематической бѣдности, отчужденію собственности, аскетизму, невѣротерпимости, подъ видомъ смиренія проповѣдовала униженіе, подъ видомъ порабощенія плоти — рабство. Такое ученіе, въ послѣднемъ результатѣ, должно было привести къ застою и угнетенію. Дѣйствительная жизнь народа, съ ея насущными потребностями, заботами, семейной радостью и горемъ, не могла быть понятна монашескому сердцу папъ; они смотрѣли на нее равнодушно, потому-что отреклись отъ нея добровольно. Мы не знаемъ ни одного историческаго примѣра, когда-бъ они искали своего величія въ національной силѣ, въ счастіи самой Италіи; но мы знаемъ, что они часто были врагами ея. Когда имъ нужна была помощь, которой они не находили у своихъ подданныхъ, они не пренебрегали ни однимъ средствомъ; поддерживалъ ли ихъ испанскій фанатизмъ или вѣроломная рука Австріи — всякій союзъ казался имъ дозволеннымъ и законнымъ. Увлеченные эгоистическими цѣлями, папы, наконецъ, разорвали всякую нравственную связь съ управляемой ими страной. Она сдѣлалась для нихъ чѣмъ-то въ родѣ временнаго пріюта, ночлега на постояломъ дворѣ. Въ такомъ состояніи мы видимъ Италію въ XVI вѣкѣ и въ настоящую минуту. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ росло богатство, строились желѣзныя дороги, развивались торговля и производительныя силы, она, какъ будто пораженная параличемъ, не выходила изъ прежняго положенія, и даже многое потеряла изъ того, что уже имѣла. Ея превосходныя долины досолѣ лежатъ не воздѣланными, ея поля не приносятъ и третьей доли того, что они приносили бы при лучшихъ условіяхъ труда; ея благодатный климатъ, положеніе у двухъ морей, ея порты, рѣки и острова остаются мертвымъ капиталомъ въ общественной экономіи, гдѣ сполиція и воровство ведутъ къ богатству, а трудъ къ истощенію и бѣдности. У нея гораздо больше лакеевъ, чѣмъ ремесленниковъ; на ея землѣ разсѣяно

двадцать двѣ тысячи прелатовъ, которые, какъ птицы небесныя, не пашутъ и не сѣютъ, а сыты бываютъ и, конечно, лучше тѣхъ, кто въ потѣ лица и пашетъ и сѣетъ. И чѣмъ ближе мы подходимъ къ Риму, замѣчаетъ Абу въ своей книгѣ (la Question Romaine), тѣмъ запустеніе и нищета поражаютъ рѣзче. И все это въ характерѣ власти, утвержденной на клѣтизмѣ и полномъ отрицаніи житейскихъ интересовъ; они неизбѣжно стоятъ въ постоянной борбѣ съ прогрессомъ народнаго богатства и процвѣтанія матеріальныхъ силъ.

Отъ такой системы, неимѣющей и тѣни національнаго характера, дозволяющей кровопролитіе Перузы и насиліе Мортары, во имя религіи; отъ такой системы ожидать всеобщей реформы Италіи, болѣе чѣмъ жалкій обманъ. Католицизмъ, подобно греческому пантеизму, можетъ пасть, но не возродиться и въ лучшіе годы своей жизни.

Къ сожалѣнію, Монтанелли долго провелъ подъ вліяніемъ этого заблужденія. Но мы уже сказали, что онъ, отрѣшившись отъ него, перешелъ къ другой теоріи, болѣе справедливой, но опять далеко не практической. Разсмотримъ ее.

Разочаровавшись въ политическихъ надеждахъ на римско-католическую власть, тосканскій публицистъ построилъ свой планъ италіянскаго единства на *всеобщей конституціи*, т. е. на томъ центральномъ управленіи, въ которомъ, по мнѣнію его, должны участвовать всѣ италіянскія правительства. Но здѣсь мѣняется вопросъ: кто же поручится, что отдѣльныя власти полуострова, каждая по себѣ и для себя, согласятся принять охотно и единодушно эту реформу. Чтобъ возвыситься до такого безкорыстнаго подвига и великаго національнаго чувства, надо отказаться отъ громаднаго, отъ всѣхъ личныхъ и эгоистическихъ побужденій и слиться за одно съ интересами народа. Еслибъ италіянскія правительства и были менѣе разнохарактерны, по своимъ принципамъ, то и тогда такого миролюбиваго соглашенія ждать отъ нихъ невозможно. Но положимъ, что они рѣшились бы признать надъ собой одну центральную власть, то гдѣ же гармонія ея твердости? И кто можетъ поручиться, что не завтра, такъ послѣ завтра эта идеальная конфедерація не рушится подъ мечемъ болѣе дерзкаго или счастливаго завоевателя. Во всякомъ случаѣ, единство, состоящее изъ политической фракціи, безъ прочныхъ началъ въ своей организаціи, съ однимъ внѣшнимъ стагутомъ, не есть національное единство, а насильственное сплоченіе. Такія конфедераціи, обыкновенно, поддерживаются

побѣдой или споліаціей, какъ это мы видимъ на Ирландіи, и славянскихъ племенахъ, подвластныхъ Турецкой имперіи.

Единственное вѣрное средство для упроченія Италіянскаго союза, помимо кровопролитныхъ катаплазмовъ и государственнаго драматизма, заключается въ соціальномъ воспитаніи Италіи. Пока демократическіе инстинкты ея не пройдутъ школой строгаго образованія, пока политическая совѣсть ея не будетъ возстановлена, всякое покушеніе ея къ полному конфедеративному сліянію, останется мечтой поэтовъ и празднымъ желаніемъ патріотическаго чувства. Мы ужъ замѣтили, что причины разъединенія лежатъ не въ самомъ составѣ націи, не въ физіологическихъ или племенныхъ чертахъ ея, а въ чисто-внѣшнихъ обстоятельствахъ. Чтобъ удалить ихъ, нація должна стать выше мелкихъ антипатій, развитыхъ въ ней макіавелевской политикой, почувствовать и оцѣнить сокровищи тѣхъ невидимыхъ силъ, передъ которыми не устоятъ полусгнившія преграды оффиціальной жизни. Матсини совершенно справедливо совѣтовалъ Виктору-Эмануилу, искать опоры не въ иностранной помощи, не въ великодушіи французскаго войска, а въ самомъ народѣ Италіи.

Но готова ли она, въ настоящую минуту, совершить это дѣло преобразованія, сама по себѣ и своими собственными силами? Мы знаемъ, что въ ней бездна демократическихъ стремленій, что она давно была знакома съ свободными учрежденіями и великолѣпными плодами ихъ, что народъ ея такъ дорого заплатилъ за свою независимость, какъ ни одинъ народъ въ мірѣ, за всѣмъ тѣмъ мы не можемъ не признать ея нравственнаго изнеможенія. Наша мысль далека отъ того, чтобъ обвинить въ этомъ самую націю: массы вездѣ несутъ первую жертву въ своихъ несчастіяхъ, но послѣднія участвуютъ въ ихъ источникѣ. Не менѣе того, фактъ существуетъ, и намъ остается повѣрить его нѣсколькими данными. Среднимъ терминомъ характеристики современнаго состоянія Италіи можно взять Романцевъ.

Папская область, на пространствѣ четырехъ милліоновъ гекторовъ, заключаетъ 3,124,668 жителей. Богатая естественными произведеніями, она составляетъ лучшую часть Италіи; ея нажити необыкновенно плодородны; пшеничное зерно на хорошей почвѣ даетъ 15, на посредственной 9 процентовъ. Земледѣльческая собственность, оцѣненная въ 1847 году министромъ коммерціи и публичныхъ работъ въ 870 милліоновъ франковъ, могла бы утроить эту сумму, еслибъ промышленность и трудъ не были поражены застоемъ; ея превосходная долина, рѣка Тибръ, нѣ-

онгда судоходная до Перузы, теперь едва до Рима, ея острова, обильные растительностью, ея стада, не оставляющія цѣлый годъ пастбищъ, самое положеніе ея у береговъ двухъ морей, даютъ ей всѣ средства, необходимыя для матеріальнаго благосостоянія. За всѣмъ тѣмъ Римская область одна изъ самыхъ бѣдныхъ областей. Отсутствіе дѣятельности въ странѣ, гдѣ всякое новое предпріятіе встрѣчаетъ множество препятствій со стороны безпечной и своекорыстной администраціи, гдѣ нѣтъ ни хорошихъ путей сообщенія, ни портовъ, ни свободы труда, ни торговли, гдѣ успѣхъ и счастіе земледѣльца, какъ и все хорошее, по замѣчанію Абу, возрастаетъ въ геометрической пропорціи, по мѣрѣ удаленія отъ столицы, гдѣ человѣкъ дышетъ и работаетъ тѣмъ лучше, чѣмъ онъ дальше отъ Ватикана, — въ такой странѣ запустѣніе и нищета не есть дѣло природы, а общественнаго устройства. Когда Абу спросилъ о причинѣ такого явленія у одного римскаго монаха, тотъ отвѣчалъ ему: «земля не лишена обработки, но еслибъ это и было такъ, виноваты въ томъ папскіе подданные. Это народъ лѣнивый по природѣ, хотя 21,415 поповъ проповѣдуютъ ему трудъ.» (Question Romaine, par About 1859 года стр. 30.) Но одной проповѣди, еслибъ она и не состояла изъ пустыхъ общихъ мѣстъ, мало, когда полиція покровительствуетъ воровству и нищенству, когда тридцать одна тысяча прелатовъ и четырнадцать тысячъ чиновниковъ, служатъ отрицательной величиной въ общественной экономіи. Кто не знаетъ несмѣтныхъ богатствъ кардинала Антонелли, но, можетъ быть, немногіе знаютъ, какъ онъ пріобрѣлъ ихъ. Эта личность такъ точно опредѣляетъ римскаго бюрократа, что мы не считаемъ лишнимъ удѣлить ей нѣсколько строкъ. Антонелли, сынъ бѣднаго семейства, родился въ деревнѣ Сонино, знаменитомъ убѣжище бандитовъ. Ее окружаетъ мрачная и дикая природа— темные лѣса, глубокія пещеры и горы, оглашаемыя зловѣщимъ крикомъ коршуновъ. Младенчество ребенка протекло среди ужасныхъ сценъ — разбоя сосѣдей и полицейскихъ преслѣдованій. Когда ему было только четыре года (онъ родился въ 1806 году) французская армія растрѣливала бандитовъ въ окрестностяхъ Сонино; онъ былъ свидѣтелемъ казней при Піѣ VII и Леонѣ XII; на воротахъ св. Петра, около самого дома Антонелли, лежали отрубленные головы преступниковъ: всѣ эти уроки, первые уроки жизни, не могли смягчить ни душу, ни нервовъ будущаго римскаго министра. Поступивъ на службу, онъ не жалѣлъ ни шеи, ни совѣсти, чтобъ проложить себѣ дорогу поближе къ

престолу. Угаданный Григоріемъ XVI и любимый имъ за безусловную покорность чужимъ желаніямъ, не всегда чистымъ и безукоризненнымъ, онъ быстро возвысился при дворѣ. Сначала онъ былъ открытымъ врагомъ прогресса, но когда Пій IX провозгласилъ реформу, Антонелли прикинулся горячимъ либераломъ. «Наградой за эти новыя мнѣнія, была красная шапка и портфель; они доказали Сонино, что либерализмъ иногда выгоднѣе разбоя.» (Quest. Romaine, стр. 140—142.) Со времени отъѣзда папы въ Гаету, Антонелли пріобрѣлъ совершенную довѣренность его и, во имя католическаго владыки, если не безусловно, то полномочно правитъ Квириналомъ, а изъ него и всѣми Римскими владѣніями. Его братья занимаютъ самыя выгодныя мѣста, его вліянія боятся родовые аристократы, потомки тѣхъ графовъ и князей, которые ведутъ свою генеалогію отъ Сципіоновъ и Цинцинатовъ, его ненавидитъ народъ, но власть его тверда и не болѣе какъ въ десять лѣтъ Сонинскій бѣднякъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей Италіи. Послѣ такого примѣра, едва ли проповѣдь можетъ исправить лѣнивца и внушить уваженіе къ честному труду....

Народонаселеніе Римской области отличается превосходнымъ физическимъ здоровьемъ, атлетической силой и рѣдкими способностями души. Эстетическое чувство, воспитанное великой школой художниковъ, даетъ ему неоспоримое превосходство надъ другими націями. Его обвиняютъ въ недостаткѣ энергіи, но это обвиненіе едва ли справедливо: исторія Рима и жгучесть племени доказываютъ противное. Къ сожалѣнію, эта энергія, не находя правильныхъ исходовъ, прорывается въ порокахъ, какъ это обыкновенно бываетъ у народовъ, лишенныхъ гражданскаго развитія. Этотъ упадокъ римскаго народа объясняется его воспитаніемъ. «Плебеи вѣчнаго города, продолжаетъ Эдмондъ Абу, — большія дѣти, дурно воспитанныя и разными средствами развращенныя. Правительство, живущее среди нихъ и боящееся ихъ, обращается съ ними кротко. Оно требуетъ отъ нихъ небольшихъ налоговъ, забавляетъ ихъ зрѣлищами и даетъ имъ хлѣба... Оно не учитъ ихъ читать, но не запрещаетъ имъ просить милостыни; оно посылаетъ къ нимъ капуцина на домъ; капуцинъ даетъ лотарейные билеты женѣ, пьетъ съ мужемъ, учитъ дѣтей, а иногда и производитъ ихъ. Римскій плебей увѣренъ, что онъ не умретъ съ голоду, если нѣтъ хлѣба у него дома, онъ беретъ его изъ корзины булочника: законъ позволяетъ. Все, что требуется отъ нихъ, — быть добрыми христіанами, кланяться ду-

ховенству, унижаться передъ богатыми, ползать передъ патриціями и не бунтовать. Ихъ строго наказываютъ, если они не являются на исповѣдь и причастіе передъ Пасхой или выражаются о святыхъ не съ должнымъ уваженіемъ. Церковный трибуналъ не допускаетъ въ этомъ случаѣ никакихъ возраженій, надъ всѣмъ прочимъ царитъ полиція. Имъ прощаютъ преступленія, но щадятъ къ подлости, но не дозволяютъ одной вещи — желанія свободы, крика противъ злоупотребленій и гордости — быть человѣкомъ.... Что особенно удивляетъ меня, что и слѣ такого воспитанія они еще сохранили что-то человѣческое.... Не судите ихъ слишкомъ строго; подумайте, что они ничего не читали, никогда не выходили изъ Рима, гдѣ примѣръ блеска подается имъ кардиналами, примѣръ разврата — прелатами; примѣръ взяточничества — чиновниками, примѣръ грабительства — министромъ финансовъ. Вси мните, что изъ ихъ сердца постарались вырвать, какъ дурную траву, всякое чувство человѣческаго достоинства, что служитъ основаніемъ всѣхъ добродѣтелей.» (Question Romaine, стр. 49—50.)

Но если въ массахъ такъ низко падаетъ воспитаніе, принимая это слово въ обширномъ значеніи, то едва ли оно лучше въ высшемъ сословіи. Образованіе римскаго юноши-аристократа не имѣетъ никакой положительной цѣли. Онъ ростетъ между монастыремъ и передней Квиринала. Еслибъ онъ не чувствовалъ призванія сдѣлаться прелатомъ или честолюбія носить кардинальскую рясу, для него остается такъ мало желаній въ жизни, что воспитаніе его кромѣ наружной роскоши не можетъ удовлетворять другимъ, высшимъ потребностямъ человѣка. Кто-то сравнилъ Римлянъ «съ лошадью благородной породы, осужденной кружиться въ манежѣ и жевать хлѣбъ съ повязкой на глазахъ». Это сравненіе, нѣсколько грубое, но едва ли преувеличенное въ отношеніи римскаго патриція. Въ двадцать пять лѣтъ возраста онъ едва открываетъ взглядъ на жизнь, и, не понимая ея интересовъ, продолжаетъ прозябать до конца дней своихъ, переходя отъ опеки нянь и подъ опеку монаха.

Въ этомъ очеркѣ народнаго воспитанія узнается не одинъ Римъ, но съ большимъ или меньшимъ различіемъ вся Италія. Въ Сардиніи оно, конечно, лучше; за то въ Неаполѣ и Венеціи еще хуже. Чтобъ дополнить эту картину общимъ взглядомъ, обратимся къ мемуарамъ Монтанелли; онъ говоритъ о нравственномъ состояніи самаго лучшаго общества — тосканскаго. Въ послѣдніе сорокъ лѣтъ оно шло впереди умственнаго движенія

Италіи; изъ него, какъ изъ центра, ниспадали лучи свѣта на прочія части; оно первое возстало за независимость 1848 года и последнее вышло изъ борьбы. Но вотъ отзывъ самаго безпристрастнаго судьи о характерѣ современныхъ Тосканцевъ: «Если справедливо, что величіе націй зависитъ отъ ихъ нравственной силы и что онѣ падаютъ, когда въ нѣдрахъ ихъ замираютъ мощные характеры, то какъ же назвать ту разрушающую политику, которая растлила удивительныя способности тосканскаго народа».

«Равнина Арно чаруетъ взоръ чудесной гармоніей своего цѣлаго; здѣсь не видно печальныхъ контрастовъ — ни монотонныхъ долинъ, рѣзко замыкаемыхъ вершинами Альпъ, — въ Сѣверной Италіи, ни развалинъ древнихъ открытыхъ городовъ, окаймленныхъ апельсинными лѣсами, ни виноградниковъ, зрѣющихъ около почвы, засыпанной чернымъ пепломъ лавы — Южной Италіи. Долина и холмъ, холмъ и гора, бѣлый домикъ земледѣльца, красиво стоящій среди фермы, деревенская колокольня, село и городъ такъ стройно сливаются въ одну картину, что разнообразіе не уничтожаетъ единства, а единство не утомляетъ монотонностью. Та же самая гармонія царствуетъ въ нравственной природѣ Тосканца: соединеніе здраваго практическаго смысла съ творческой фантазіей, силы съ мягкостью, великихъ художественныхъ способностей съ великими государственными талантами, типа Данта съ типомъ Макіавелли. Понятно, почему Тоскана была фокусомъ Европейской цивилизаціи; понятно, почему средневѣковая Тоскана, когда ея маленькія республики участвовали въ безмѣрной дѣятельности христіанскаго міра и когда идея господствовала надъ матеріальной силой, — Тоскана представляетъ колоссальные типы характеровъ, невозможныхъ въ нашу бездушную и меркантильную эпоху; — типы купцовъ, великихъ гражданъ и поэтовъ во всѣхъ родахъ.

Негоціанты Пизы, возвращаясь съ Востока, привозили съ собой порфировыя колонны и драгоцѣнные мавзолеи, предназначенные для тѣхъ громадныхъ памятниковъ, которые, возвышаясь въ уединенномъ углу города, между зеленью полей и лазурью неба, должны были согласить идею жизни съ идеей смерти, апотеозу религіи съ патріотизмомъ. Флорентинскіе купцы-сеньёры, задумавъ построить Santa-Maria del Fiore, приказали архитектору воздвигнуть прекраснѣйшій храмъ въ мірѣ. Какая сила энтузіазма! Какой страстный порывъ къ безконечному! Одно поколѣніе завѣщало другому гигантскія предпріятія и, довольное

идеей, оно не заботилось о годахъ или вѣкахъ, въ которые должно исполниться предпріятіе. Оно не спрашивало, подобно намъ, мелкимъ торгашамъ, увидитъ ли и соберетъ ли оно плоды своихъ усилій».

«Эта высота характера пережила гражданскія смуты, волновавшія тосканскую демократію въ среднія вѣка; такъ что видя геройскіе подвиги послѣднихъ дней Пизы, Флоренціи и Сіены, принимаешь народную агонію за разсвѣтъ жизни. Какая безмѣрная любовь къ отечеству и какое величіе въ этихъ богатыряхъ Пизы! Послѣ отчаяннаго сопротивленія, впродолженіе четырнадцати лѣтъ и семи мѣсяцовъ, среди всевозможныхъ мукъ и лишеній, принужденные сдаться отъ голоду, они не хотятъ видѣть порабощеннаго отечества и, не смотря на великодушное поведеніе враговъ, вызванное удивленіемъ къ ихъ храбрости, предпочитаютъ вѣчное изгнаніе неволи. И вотъ они покидаютъ землю, покрытую гробами ихъ отцовъ и ищутъ убѣжища — одни въ Сициліи, другіе въ южной Франціи или Швейцаріи, оставивъ за собой пустынное отечество. А Флоренція! осаждаемая императорскими и папскими войсками, она знаетъ, что сила сломитъ ее. Но не думайте, чтобъ она не сопротивлялась; она борется за преданія, и передаетъ потомству грандіозный и вдохновенный образъ Франческо Феручи. Я не могу оторвать взора отъ этой народной Голгофы, не упавъ ницъ передъ вами, послѣдніе благородные бойцы Сіены, которые, подъ тираніей Медичисовъ, доказали, какая жизнь таится въ груди тосканскаго народа; съ восторгомъ я смотрю на васъ, какъ вы выходите изъ побѣжденнаго города и, обремененные ношей вашихъ республиканскихъ пенатовъ, взбираетесь на утесистыя вершины Монталчино и, въ этомъ горнемъ пріютѣ, подъ защитой природы, снова дышете воздухомъ свободы».

«Но характеръ Тосканца выродился подъ правленіемъ принцевъ. Прежде всего надо замѣтить, что это правленіе, начатое обманомъ, даже не завоеванное отличіемъ на полѣ битвы, не могло внушить къ себѣ того искренняго уваженія, которое было нервомъ феодальной власти. Аристократы, которыми оно окружило себя, были сыновья купцовъ, преображенныхъ въ графовъ, маркизовъ и рыцарей. Народъ не могъ смотрѣть на нихъ безъ смѣха и отказаться въ пользу ихъ отъ своего величія; вслѣдствіе этого тосканская демократія, въ существѣ, осталась республиканской и не склонилась безусловно передъ гордой и новой

властью. Тосканецъ могъ любить и уважать того или другого властителя за его личныя качества, но самое начало никогда не восторжествовало надъ нимъ; отъ перваго министра и до послѣдняго чиновника на всѣхъ своихъ правителей онъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ и оскорблялъ ихъ презрѣніемъ; но демократическое чувство его не имѣло сознанія той соціальной силы, которая возвышаетъ республики. Выродившійся Тосканецъ за спиной своего начальника смѣялся надъ нимъ, а передъ лицомъ его казался раболѣпнымъ и покорнымъ; онъ не стыдился унижаться передъ самымъ ничтожнымъ чиновникомъ, когда это униженіе служило на пользу ему и пріобрѣтало милость презираемой имъ власти. И что всего хуже, та же артистическая способность, которая, въ горнилѣ великихъ и благородныхъ страстей, отлила доблестные характеры средневѣковой Тосканы, теперь, за отсутствіемъ хорошихъ чувствъ, исказила всѣ нравственные типы, украсила эгоизмъ всѣми лестными качествами и животную огрубѣлость назвала изящнымъ тономъ общества; она произвела столь же отвратительные характеры, сколько они были прекрасны въ прежнее время. На языкѣ падшаго Тосканца образовался цѣлый кодексъ правилъ, учтивыхъ подлостей; черствый эгоистъ считался умникомъ, а благородный человѣкъ, преданный благу другихъ, слылъ за дурака и мечтателя; поэтому кодексу порядочный человѣкъ долженъ былъ исключительно заниматься своими собственными дѣлами и не мѣшаться въ общественныя, оставить міръ такъ какъ онъ есть, каждому улыбаться, къ каждому подлизываться, и никому не довѣрять. Когда среди этого ада нравственнаго растлѣнія совѣсть заснула, каждый заключился въ свою собственную презрѣнную страсть, за которой для него не было никакихъ заботъ, хоть бы провалилась вселенная. Юношество получило самое іезуитское воспитаніе; атеисты являлись къ обѣднѣ, чтобъ не быть замѣченными; другъ не имѣлъ духа защищать своего друга, и ханжи смѣялись надъ ближнимъ; въ дѣйствительности, эта гибкость характера, эта сговорчивость, мягкость манеръ, которыя пріобрѣли современнымъ Тосканцамъ репутацію добраго, вѣжливаго и благосклоннаго народа, въ дѣйствительности эти свойства были плодомъ отсутствія убѣжденій, всякаго чувства достоинства и энергическихъ страстей».

«Флорентійскій плебей, въ періодъ своего паденія, сохранилъ одни отрицательныя качества демократіи. Stenterello — народная маска Флоренціи — представляетъ слугу, который не любитъ и не уважаетъ своего господина; онъ льститъ ему, хвалитъ и за-

бавляетъ его; потомъ, повернувшись къ нему, смѣется и передразниваетъ его всѣми гримасами злаго дурака. Хитрый и пронырливый, онъ сознаетъ свое гадкое положеніе; онъ грязенъ и нисколько не думаетъ скрывать своей грязи; онъ бѣденъ, и хохочетъ или воспѣваетъ свою бѣдность; онъ глухъ, когда не находитъ выгоды слушать; онъ другъ всѣхъ и на самомъ дѣлѣ никого не любитъ, хорошій кусокъ хлѣба, горсть серебра и эпиграмма вотъ высшее счастіе этого падшаго артиста». (Memor. di G. Montanelli, гл. IV).

Изъ этой характеристики римскаго и тосканскаго общества можно видѣть, на какой степени нравственнаго развитія стоитъ современная демократія Италіи. Мы могли бы еще прибавить портретъ — неаполитанскаго лаццарони, еслибъ онъ былъ менѣе извѣстенъ, и потомъ спросить: «дѣйствительно ли народъ, предоставленный самому себѣ, способенъ не только создать, но даже чувствовать потребность національной реформы.» Мы живемъ въ тотъ вѣкъ, когда государственныя утопіи теряютъ кредитъ; мы видимъ, что великіе перевороты прежде зрѣютъ въ умѣ и волѣ, чѣмъ выражаются на дѣлѣ; мы убѣждаемся каждый день, какъ медленно и трудно выработываются самые простые и общедоступные вопросы въ народной жизни. Чтобъ избавить Еврея отъ незаслуженнаго униженія въ христіанской Европѣ, при усиліяхъ философіи и цивилизаціи, въ триста лѣтъ религіозной вѣротерпимости, едва дано ему право безнаказанно пройдти столичной улицей или открыть синагогу не въ грязныхъ кварталахъ нѣсколькихъ городовъ. Мы не думаемъ, чтобъ благородныя желанія были чужды человѣческой природѣ или великіе акты прогресса упорно отвергались ею, — это значило бы клеветать, — но эти желанія остаются удѣломъ немногихъ и эти акты противорѣчатъ общему ходу жизни. Кто не понимаетъ истины, — что каждый долженъ быть вознагражденъ по его способностямъ и каждая способность по мѣрѣ ея трудовъ; но возьмитесь примѣнить это правило къ работнику въ мастерской, къ художнику въ студіи, къ ученому въ кабинетѣ, и вамъ придется перевернуть вверхъ дномъ весь существующій порядокъ вещей. За всѣмъ тѣмъ, для Италіи есть вѣра въ будущее. Въ исторіи не рѣдко встрѣчаются такія эпохи, когда, повидимому, все падаетъ и разлагается, но въ самомъ разрушеніи таится новая жизнь. Бываетъ, что сухая и самая тощая нива даетъ обильный плодъ, если надастъ на нее доброе сѣмя и дождь во-время. Наблюдая послѣднія явленія итальянской народности, мы не можемъ не уди-

виться богатству ея силъ и неистощимой энергіи. Послѣ всѣхъ бѣдствій и горькихъ опытовъ, она сохранила всю свѣжесть любви къ независимости и полную ненависть къ ея гонителямъ. Всякое новое событіе, коснувшись одной части, волнуетъ весь полуостровъ; гдѣ бы ни появился смѣлый голосъ въ защиту ея правъ, онъ вездѣ находитъ откликъ, — вездѣ отъ сѣвера до юга слышится общій ропотъ противъ неаполитанскаго деспотизма и австрійской казармы, управляющей царицей Адріатики. Все это доказываетъ, что національное чувство, не смотря на искаженіе и попраніе его, никогда въ Италіи не умирало.

Въ развитіи его главнымъ и единственнымъ орудіемъ была литература. И это понятно. Въ странѣ, обреченной на политическое безмолвіе, она, обыкновенно, овладѣваетъ всѣми интересами современной эпохи. Романъ, сатира и драма проводятъ въ общество тѣ понятія, которыя, собственно, не принадлежатъ имъ. Съ идеальнымъ творчествомъ они соединяютъ предметы судебной трибуны, или политическихъ дебатовъ. Такое направленіе вредитъ чистотѣ литературнаго генія, лишая его спокойнаго наблюденія; оно доказываетъ болѣзненность эпохи; но виноватъ въ этомъ не писатель; онъ служитъ нѣжнымъ органомъ потребностей самого общества; онъ такъ или иначе отвѣчаетъ на его запросы. Если произведенія Альфіери, столь бѣдныя драматическимъ дѣйствіемъ, но столь богатыя отвлеченными истинами и желчнымъ негодованіемъ противъ тираніи, часто переходятъ изъ области искусства въ область политическихъ памфлетовъ, — вина не его; это недостатокъ всего піемонтскаго общества, въ концѣ XVIII вѣка. Викторъ Альфіери, этотъ удивительный и безпокойный умъ, явился въ ту пору, когда Италія просыпалась отъ долгаго мертвящаго сна, которымъ усыпилъ ее испанскій деспотизмъ. На нее упала искра новой философіи, возбудившей вниманіе всей Европы; за неимѣніемъ политической литературы, философскими вопросами овладѣла трагедія; она обратила сцену въ парламентскую трибуну и распространяла соціальныя истины языкомъ актера. Поэтъ не столько заботился о сценическихъ эффектахъ и оригинальности характеровъ, сколько о страстныхъ монологахъ противъ рабства. Съ Альфіери появляется въ Италіянской литературѣ народное чувство. Доселѣ она служила игрушкой въ рукахъ аристократическаго *e far niente,* отселѣ она начинаетъ говорить языкомъ всей націи, говорить сердцу всей Италіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она усвоиваетъ практическія цѣли.

Если мы обратимся къ произведеніямъ XVII вѣка, мы не находимъ въ нихъ никакой связи съ общественными интересами, какъ будто мысль писателя жила внѣ Италіи и своей эпохи. Это холодное отчужденіе отъ живаго міра объясняется совершеннымъ отсутствіемъ не однихъ талантовъ, но и самого чувства націи. Напротивъ съ половины XVIII вѣка, послѣ сатиръ Парини литература сближается съ дѣйствительной жизнью, передавая тайны ея народу. Впослѣдствіи, съ каждымъ новымъ періодомъ соціальный нервъ бился живѣй. Послѣ Альфіери, Уго Фосколо идетъ дальше. Онъ принимаетъ въ себя всѣ нравственныя болѣзни вѣка, и примѣромъ жизни оправдываетъ свои убѣжденія. Чтобъ остаться вѣрнымъ направленію, онъ отказывается отъ наслѣдства старой матери, родины и даже любимой имъ науки. Чтобъ не дать слово подданства австрійскому коммисару, онъ рѣшается лучше убѣжать въ швейцарскія горы, вынесть лишенія крайней бѣдности и умереть вдали отъ Италіи, на берегахъ Темзы. Такая высокая жертва не могла быть забыта его соотечественниками; они простили ему всѣ недостатки изъ уваженія къ трогической борьбѣ за святость идеи. Въ Альфіери еще видѣнъ человѣкъ стараго времени, заклятый врагъ французской революціи и гордый аристократъ Савои; въ Уго Фосколо эти черты совершенно исчезаютъ; онъ любитъ народъ не въ одной идеѣ, но доказываетъ свою любовь цѣлой жизнью. Въ произведеніяхъ Альфіери иногда сквозь слезы проглядываетъ надменная улыбка надъ человѣчествомъ, вмѣстѣ съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ къ его слабостямъ; Уго-Фосколо плачетъ безъ насмѣшки и страдаетъ безъ гримасъ. Въ его «Jacopo Ortis» собраны жалобы, упреки и проклятія всей Италіи; въ его трагедіи «Ricciardi» на картинѣ средневѣковыхъ междоусобицъ раздается плачъ о единствѣ Италіи. Эта драма, представленная на Болонскомъ театрѣ, имѣла огромный успѣхъ въ публикѣ. Послѣ Уго-Фосколо Итальянская литература, отряхнувъ монастырскую пыль и лѣнивый педантизмъ пятидесяти академій, окончательно слилась съ народной жизнью. Онъ умеръ не задолго до появленія «Юной Италіи».

Въ послѣднія тридцать лѣтъ «Юная Италія» была свѣточемъ для народа. Она будила въ немъ мужество и одушевляла его въ страданіяхъ. Ей обязано воспитаніемъ то молодое поколѣніе, которое теперь стоитъ въ рядахъ Гарибальди.

Съ ея судьбой столь странной и блистательной, соединяется судьба всѣхъ партій и тайныхъ обществъ Италіи. Къ сожалѣ-

нію она дѣйствовала извнѣ, среди постоянныхъ препятствій и опасностей. Исторія и значеніе ея здѣсь не могутъ быть раскрыты....

Послѣ неутомимаго и геніальнаго представителя «Юной Италіи», особенной популярностью пользовались Манцони и Джоберти. Мы остановимся на этихъ личностяхъ, чтобъ означить именами ихъ два господствующихъ направленія современной Итальянской литературы.

Александръ Манцони, внукъ знаменитаго юриста Беккаріа, ученикъ Виргилія, Данта и писателей XVI вѣка, началъ литературную дѣятельность съ оды, какъ большая часть италіянскихъ поэтовъ. Но молодой талантъ, воспитанный въ серьезной школѣ путешествій и усидчивыхъ кабинетныхъ трудовъ, постепенно росъ. Въ 1820 году вышла въ свѣтъ первая трагедія его «Графъ Карманьола.» Она открыла, въ одно и тоже время, два новыхъ направленія — романтическое и историческое. Въ первомъ отношеніи онъ освободилъ творчество отъ древне-классической рутины такъ называемыхъ единствъ; во второмъ — онъ оказалъ значительную услугу національному чувству, обративъ его къ печальному прошедшему Италіи. Въ обоихъ случаяхъ, онъ угадалъ потребности вѣка, потому что эта реакція обнаружилась во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Черезъ семь лѣтъ послѣ «Карманьолы,» явился знаменитый романъ его «Promessi Sposi.» Онъ далъ громкую извѣстность автору и былъ принятъ Италіей съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ. Эта книга затронула самыя живыя стороны Миланскаго общества. Разсказавъ приключеніе двухъ сельскихъ любовниковъ, Манцони нарисовалъ полную картину Ломбардіи XVII вѣка. Передъ читателемъ проходятъ на историческомъ фонѣ всѣ состоянія, со всѣми бѣдствіями — голодомъ, бунтомъ, осадой и заразой. Общій тонъ разсказа, нѣсколько запутаннаго подробностями, утомляетъ; за то эпизоды великолѣпные. Но что особенно нравилось Италіянцамъ въ этомъ романѣ — это политическіе намеки; они просвѣчиваютъ не только въ отдѣльныхъ образахъ, какъ напримѣръ, въ неподражаемомъ Innominato, но и въ самой идеѣ, проникающей повѣсть. Гдѣ авторъ ставитъ Испанца, тамъ надо разумѣть Австрійца.

Какъ драматическій писатель, Манцони имѣетъ ближайшее сходство съ Викторомъ Гюго; они оба отличаются огромной начитанностью, уваженіемъ къ исторіи, иногда доводимымъ до педантизма, и мастерскимъ воспроизведеніемъ отжившаго міра.

Недостатки ихъ также общіе — они оба холодны. Передавая смыслъ старыхъ хроникъ съ рабскимъ подражаніемъ, они часто жертвуютъ точности факта художественнымъ интересомъ. Въ нихъ нѣтъ той драматической страсти, которая въ Шекспирѣ уноситъ зрителя, какъ море на своихъ волнахъ. Сравнивая Манцони съ Вальтеръ Скоттомъ, не трудно угадать различіе между шотландскимъ и италіянскимъ романистомъ. Въ первомъ господствуетъ спокойный разсказъ наблюдателя и превосходнаго знатока британской старины; онъ ясно и вѣрно, но безъ всякой напередъ заданной мысли, отражаетъ въ своемъ произведеніи историческій фактъ, стараясь оживить его блестящей живописью античныхъ подробностей; у Манцони эта любовь къ прошлому, этотъ удивительный тактъ наблюденія соединяется съ соціальными симпатіями. Первый не вздыхаетъ о свободѣ, потому что Англія имѣетъ ее; второй плачетъ вмѣстѣ съ Миланомъ о потерѣ ея. Характеры у того и другаго одинаково ярки и типичны, но Вальтеръ Скоттъ любитъ въ нихъ больше свѣтлую, чѣмъ мрачную сторону; его лорды — весельчаки, его кланы пріятные застольные собесѣдники; напротивъ, Манцони, какъ пламенный питомецъ Данта, требуетъ отъ своихъ героевъ терпѣнія, страданій, позволяя имъ одно утѣшеніе — надежду.

Но есть черта, которая сообщаетъ автору «Promessi Sposi» особенное, ему одному свойственное качество: онъ ревностный католикъ. Женившись въ 1808 году на Женевской протестанткѣ, поэтъ круто повернулъ отъ религіознаго индиферентизма къ положительному вѣрованію. Преданіе Рима обратилось для него въ источникъ вдохновенія, такъ точно, какъ для Цесаря Балбо — величіе папской власти. Впрочемъ, католицизмъ Манцони не надо смѣшивать съ слѣпой преданностью внѣшнему догмату. Евангеліе для него — народная книга, высокаго демократическаго характера, какъ для Савонаролы она была оружіемъ противъ пороковъ римскаго духовенства и честолюбія Ватикана. Манцони, подобно миланскому монаху, думалъ, что политическое паденіе Италіи есть слѣдствіе нравственнаго паденія; поэтому чтобъ преобразовать общество надо сперва преобразовать каждое отдѣльное лицо, что̀ возможно, по его мнѣнію, только съ помощію Евангелія. Такимъ образомъ, старая католическая школа, смѣшанная съ новыми соціальными понятіями, была возобновлена Манцони въ XIX вѣкѣ. «Она, говоритъ Монтанелли, породила философію Росмини, легенды и романы Гросси и Д'Азеліо, Піе-

монтца происхожденіемъ, Ломбардца по воспитанію, историческіе сборники Кантю, разсказы Ахилла Маури и произведенія во всѣхъ родахъ и всегда интересныхъ Никколо Томассео. (Гл. XXXV). Эту школу упрекаютъ въ томъ, что она проповѣдуетъ покорность угнетеннымъ, отнимаетъ послѣднюю энергію у слабыхъ и питаетъ преданіе, съ которымъ прогрессъ Италіи никогда невозможенъ. Но еслибъ это и было такъ, то едва ли какая нибудь современная школа способна такъ сильно дѣйствовать на массы, для которыхъ отвлеченныя истины понятны только тогда, когда онѣ говорятъ ихъ чувству и воображенію. Притомъ Католическое начало, если принять его въ смыслѣ первобытнаго христіанства, открываетъ мыслителю широкое поле соціальныхъ выводовъ: тѣ же принципы, которые обратили въ орудіе угнетенія народовъ, могутъ и должны быть направлены въ пользу ихъ. Такъ Томассео изъ евангельскаго братства образовалъ теорію гражданскаго комунизма, и дань цесарю назвалъ данью народовъ.... Замѣчательно, впрочемъ, что большая часть послѣдователей Манцони оказались вялыми и апатичными дѣятелями 1848 года.

Гораздо больше вліянія имѣлъ на Италію Джоберти. Онъ возвелъ романтическую школу Манцони на степень философскаго синтеза. Изгнанный изъ Піемонта Карломъ-Альбертомъ за участіе въ «Юной Италіи», Джоберти удалился во Францію, потомъ въ Бельгію, гдѣ онъ занялъ философскую каѳедру въ частномъ институтѣ. Увлеченный страстной проповѣдью Ламне, въ то время новой и оригинальной, онъ занялъ у него точку зрѣнія, методу и самый языкъ. Въ 1839 году Піемонтскій изгнанникъ издалъ свое «Введеніе къ изученію Философіи». Цѣль книги состояла въ томъ, чтобъ примирить Католическое начало съ свободнымъ мышленіемъ и папскую власть съ живыми интересами вѣка. Вслѣдъ за тѣмъ вышло его сочиненіе: «о нравственномъ и политическомъ превосходствѣ (Primato) Италіянцевъ.» Это былъ панегирикъ намѣстнику св. Петра, полный аскетизма и мистическихъ иллюзій, изумившихъ самыхъ невзыскательныхъ судей въ дѣлѣ философіи. Цивилизація, по мнѣнію Джоберти, состоитъ не въ матеріальномъ счастіи, которымъ гордятся народы; Италія сохранила тѣ абсолютныя начала, въ которыхъ заключается истинная цивилизація; и въ этомъ нравственное превосходство Италіи; оно должно привесть ее къ соціальному первенству въ Европѣ, когда падшая духовная власть, обративъ взоръ къ идеалу своего призванія, убѣдиться въ своемъ настоя-

щемъ паденіи и возвысится до тѣхъ истинъ, которыя ей ввѣрены.» Очевидно, молодой аббатъ приложилъ къ италіянскому возрожденію средневѣковой дуализмъ: духъ и мечъ, солдатъ и священникъ должны раздѣлить будущія судьбы міра. Эта книга надѣлала много шуму и вооружила противъ Джоберти всѣ литературныя партіи Италіи, за исключеніемъ, разумѣется, іезуитовъ, которые провозгласили его вождемъ XIX вѣка. Но радость ихъ продолжалось не долго. Джоберти, какъ ловкій тактикъ, хотѣлъ ударить на своихъ противниковъ въ ту минуту, когда они всего меньше думали о томъ. Желая внести духъ реформы въ самое сердце Италіи, собрать себѣ послѣдователей въ семинаріяхъ и монастыряхъ, заставить себя слушать кардиналовъ и монсиньоровъ, онъ не желалъ, на первый разъ, расходиться съ римскимъ духовенствомъ; еслибъ онъ рѣшительно пошелъ противъ всѣхъ злоупотребленій папской власти, объявилъ себя врагомъ самой сильной касты, ученіе его, пораженное проклятіемъ Церкви, не имѣло бы ни вѣры, ни ходу среди италіянской публики. Такимъ образомъ обезпечивъ себѣ вліяніе и довѣріе, онъ могъ открыто посмотрѣть въ лицо католическаго фарисейства. Мы не оправдываемъ этой методы; она не достойна открытаго и благороднаго ума; но хорошія цѣли часто оправдываютъ дурныя средства. Съ этимъ намѣреніемъ Джоберти издалъ въ 1845 году «Пролегомены», великолѣпное разсужденіе, говоритъ Монтанелли, гдѣ онъ изображаетъ іезуитизмъ классической рукой, — разоблачаетъ тотъ пронырливый, цѣпкій и всезаражающій геній, который старается растлить мощную религію Назарея.» Теперь старые друзья Торквемады подняли общій крикъ противъ Джоберти; они съ ужасомъ отступились отъ своего адвоката; но было поздно. За нимъ была слава писателя, ими же приготовленная, покровительство Ватикана и сочувствіе той части духовенства, которая сознавала нелѣпости санфедистовъ. Станъ Джоберти съ каждымъ днемъ прибывалъ, тѣмъ больше, что бюрократія Григорія XVI вовсе не внушала къ себѣ народнаго уваженія. «Чтобъ понять всю важность этой реформы, надо знать, что въ Италіи со времени упадка всѣхъ другихъ соціальныхъ учрежденій, народъ не сохранилъ другаго синтеза, кромѣ синтеза церкви. Слово священника осталось единственнымъ правиломъ массъ, въ которыхъ имя Италіи не возбуждало больше никакихъ воспоминаній объ общемъ величіи, такъ что національное чувство, безъ посредства духовенства не могло проникнуть въ народъ. Безъ его содѣйствія мы могли бы

принять свободу извнѣ, какъ это было въ концѣ прошлаго вѣка, могли бы воспользоваться ею подъ вліяніемъ партій, какъ въ 1821 и 1831 годахъ, но реформы, возникшей изъ самыхъ нѣдръ націи, какъ въ 1848 году, мы никогда не имѣли бы.» (гл. XI.)

Такъ философія Джоберти, начатая обскурантизмомъ и окончившаяся величайшимъ движеніемъ въ умахъ, соединила въ одномъ національномъ чувствѣ, такъ долго разъединенные, народъ и духовенство. Это соединеніе, во имя демократическихъ началъ, было новымъ и необычайно счастливымъ явленіемъ Италіи. Оно уже принесло свой цвѣтъ, и не замедлитъ дать плодъ. Джоберти, кромѣ юношества, преобразовалъ многихъ кардиналовъ, епископовъ и молодыхъ монаховъ.

Кромѣ этихъ двухъ школъ, умственная дѣятельность сдавленная извнѣ, но тѣмъ больше сосредоточенная внутри, развивалась отдѣльными вѣтвями въ каждомъ политическомъ центрѣ полуострова. Въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, Туринѣ, Пизѣ и Флоренціи были свои представители прогресса, свои друзья народа. Здѣсь смѣшивались всѣ партіи, всѣ ученія, — отъ соціальной философіи Ламбреди до политической ненависти къ Австріи карбонаріевъ, отъ педагогическихъ наставленій бѣднаго Романьози до французскихъ теорій Феррари, отъ революціоннаго погрома Матсини до протестантскихъ совѣтовъ Никколини; но всѣ они сходились въ одномъ нераздѣльномъ желаніи — Италіянской независимости и радикальнаго преобразованія римской власти. И если Росси справедливо замѣтилъ, что «нація, подобно отдѣльному существу, готовитъ себѣ блистательные успѣхи въ тотъ день, когда она сосредоточиваетъ всѣ силы ума на одномъ пунктѣ,» то Италія, благодаря общимъ усиліямъ своего ученаго и литературнаго сословія, не долго будетъ ожидать этого дня. Народное воспитаніе ея начато; оно куплено необыкновенными жертвами, — остается продолжать его. Съ помощію его Италія создастъ себѣ національное единство и независимое будущее. Это лучшее средство для возрожденія народовъ; оно не обѣщаетъ ни громкихъ побѣдъ, ни яркихъ тріумфовъ, за то оно не требуетъ ни разоренія, ни бѣдности, ни смерти, расточаемыхъ войной; оно совершается тихо и незамѣтно — у домашняго очага, подъ вліяніемъ матери, въ школѣ подъ руководствомъ наставника, въ кабинетѣ ученаго, но совершается прочно. За побѣдами слѣдуютъ пораженія, за революціями реакціи,

но за народнымъ образованіемъ никогда не возвращается варварство. Идеи медленно проходятъ въ массы, но разъ занесенныя въ сердце ихъ, онѣ приносятъ десятиричный плодъ за трудъ и потъ сѣятеля. Когда Италія приметъ свое единство не отъ руки диктатора, не отъ случайной конституціи, не какъ милостыню изъ Тюильерійскаго кабинета, а воспитаетъ его въ себѣ самой, тогда его не разорветъ никакая внѣшняя сила. Въ нашъ вѣкъ народы тверды не числомъ войска и формой того или другаго правленія, а нравственнымъ характеромъ и политической совѣстью....

ГР. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Народныя бесѣды. Изданіе Д. В. Григоровича. Десять выпусковъ. СПБургъ. 1860.

Наконецъ мы начинаемъ *бесѣдовать* съ народомъ, т. е. говорить съ нимъ человѣческимъ языкомъ. Это явленіе новое и въ высшей степени достойное вниманія литературы. Оно доказываетъ, что потребность народнаго воспитанія становится однимъ изъ капитальныхъ вопросовъ, съ которымъ соединяется мысль о будущемъ Россіи. Въ добрый часъ! Пора убѣдиться, что за театральными декораціями нашего привознаго образованія и кой-какой плесени изъ европейскаго лоска, стоитъ масса людей, отодвинутыхъ отъ насъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, образомъ жизни, чувства и понятій, но тѣмъ не менѣе имѣющая право на нашу полную симпатію. Когда-то думали, что образованіе есть привиллегія не многихъ, а невѣжество составляетъ удѣлъ большинства. За всѣмъ тѣмъ, мы не могли отрицать, что эти люди, обреченные умственному квіетизму, — наши братья, что въ ихъ жилахъ течетъ та же кровь, что ихъ вѣрованія и надежды, радости и горе — общія намъ. Прислушиваясь къ ихъ пѣсни, мы догадывались, что тамъ говоритъ то же человѣческое сердце, но защемленное тоской, раздумьемъ или буйной веселостью; входя въ курную и грязную избу, мы замѣчали, что здѣсь идетъ кое-какъ своя жизнь, полная лишеній, заботъ и безотраднаго труда; бросая взглядъ на безмѣрныя поля, мы видѣли, что ихъ взрываетъ и обработываетъ рука народа, доставляя намъ плодъ и наслажденіе отъ своего труда.

Мы пользовались имъ, но не хотѣли понять и едва сочувствовали интересамъ этихъ людей. Да и досугъ ли было заниматься ими, когда въ обществѣ такъ много развлеченій, — соисканіе чиновъ, поклоны и интриги, балы и путешествія, когда въ литературѣ и безъ того такъ много *высокихъ* предметовъ — оды Фелицамъ, элегіи Потемкинымъ, восхваленіе побѣдъ, пѣсни лунѣ, ручейкамъ и ночнымъ свиданіямъ, а тамъ что? — тяжелый плугъ пахаря, знойный день жатвы, дырявая крыша покачнувшейся хижины и слезы. Когда мы трезвонили въ оды и дифирамбы, казалось, все было такъ гладко, весело и торжественно. Но вотъ какъ-то натолкнулись на нѣсколько милліоновъ другаго міра, такъ долго забытаго, и призадумались надъ его положеніемъ. Сообразивъ, что съ этимъ міромъ также можно разсуждать, говорить и, главное, дѣлать, мы стали хлопотать о воспитаніи его.

Но подумалъ ли г. Григоровичъ, что значитъ бесѣдовать съ народомъ? Позвольте, авторъ «Антона Горемыки,» разъяснить вамъ этотъ вопросъ.

Народу прежде всего необходима истина. Въ его понятія закралось такъ много лжи, суевѣрія, намѣренно и ненамѣренно искаженныхъ началъ, что онъ ежеминутно долженъ бороться съ фальшивыми призраками своего собственнаго воображенія. На могилѣ отцовъ ему мерещутся привидѣнія, въ гаданьѣ старой бабы онъ слышитъ пророческій голосъ, въ небесныхъ свѣтилахъ онъ видитъ какія-то живыя существа, и окружающая природа представляется ему чѣмъ-то безсмысленнымъ и фантастическимъ, чему онъ не можетъ дать ни отчета, ни объясненія. Точно также сбивчиво и криво онъ смотритъ на условія общественной жизни. Наше школьное и научное образованіе ему недоступно; онъ часто не знаетъ, зачѣмъ и для кого работали эти сотни поколѣній, надъ которыми безслѣдно пропали кресты и могилы, онъ и не подозрѣваетъ значенія и отношеній своихъ къ другимъ сословіямъ; онъ смотритъ на уваженіе къ справедливости, какъ на случайный фактъ, и едва ли сознаетъ, зачѣмъ и почему онъ призванъ къ великой дѣятельности на этой планетѣ. Онъ живетъ исключительно нѣсколькими общими правилами, добытыми опытомъ и тѣми простыми инстинктами, которые руководятъ всякимъ животнымъ. Согласитесь, что все это должно имѣть огромное вліяніе на его практическую жизнь. Еще Бэконъ сказалъ, что «можно дѣйствовать только по мѣрѣ знанія.» Если это такъ, то дѣйствія наши могутъ быть разумны

и правильны только тогда, когда ихъ освѣщаетъ правильный умъ. Въ этомъ случаѣ, физическій міръ точно также относится къ человѣческому мозгу, какъ внѣшніе предметы къ зеркалу: они настолько являются ясными и вѣрными, насколько чисто и вѣрно отражаетъ ихъ стекло. Поэтому главная обязанность наставника народа состоитъ въ томъ, чтобъ очистить его младенческій смыслъ отъ ложныхъ понятій, и указать его чувству, какъ можно больше честныхъ и благородныхъ стремленій.

Есть и другая, не менѣе нравственная сторона въ народной литературѣ. Кто желаетъ говорить съ массой, тотъ долженъ имѣть и уважать свои убѣжденія. Конечно, можно ошибаться, но на самыхъ ошибкахъ искренней и добросовѣстной мысли должны лежать признаки уваженія къ истинѣ. Наконецъ, говоря съ народомъ, надо знать, о чемъ и какъ говорить ему, надо примѣниться къ степени его развитія, къ обстоятельствамъ его жизни. Вмѣсто того, чтобъ толковать ему о геологическихъ теоріяхъ, и толковать безъ всякаго знанія предмета, не лучше ли взять болѣе простую, но близкую тему, какъ, напримѣръ, вліяніе опрятности и чистоты въ образѣ жизни на физическое здоровье и нравственное расположеніе духа; вмѣсто того, чтобъ предлагать ему небрежную компиляцію старыхъ географій, не умнѣй ли было разсказать, какую роль играетъ въ быту сельскаго жителя хорошо воздѣланная нива, удобно-построенный домъ, кроткое обращеніе съ животнымъ и святость даннаго слова. Такія темы, поставленныя ясно и наглядно, не останутся безъ добраго результата ни въ жизни, ни въ наукѣ. Обращаясь къ изданію г. Григоровича, мы убѣждаемся, что онъ, предпринимая его, имѣлъ гораздо больше смѣлости, чѣмъ дѣйствительнаго пониманія, и, потерявъ всякое различіе между правдой и ложью, заявилъ намъ полное равнодушіе къ такому святому дѣлу, какъ наставленіе народа. Повѣримъ нашъ судъ самыми фактами.

Г. Григоровичъ начинаетъ «краткимъ понятіемъ *о составленіи* земнаго шара.» Судя по заглавію, можно подумать, что онъ хочетъ научить народъ дѣлать земной шаръ домашними средствами, но такое мнѣніе, не смотря на все его правдоподобіе, будетъ ошибочно. Г. Григоровичу хотѣлось просто объяснить геологическіе перевороты, происходившіе на земномъ шарѣ, хотѣлось разсказать какъ образовалась земля; но объясненіе его такъ неудачно, что, вѣроятно, онъ самъ не составилъ о немъ яснаго понятія. Начавъ съ того, что «земля имѣетъ видъ огромнаго шара, *который составленъ на своей поверхности*

изъ воды и суши» и что «еслибъ была возможность прорыть черезъ всю землю колодезъ» — (а еслибъ нѣтъ?) — то глубина такого колодца была бы 12,000 верстъ, Г. Григоровичъ приходитъ къ слѣдующему весьма глубокомысленному заключенію: слѣдовательно земля въ поперечникѣ своемъ имѣетъ 12,000 верстъ. Не ужели это возможно! Колодецъ въ 12,000 верстъ, будетъ имѣть глубины 12,000 верстъ! Какая оригинальность мысли! Но для Г. Григоровича все это мелочи и такія истины ему ни почемъ. Послѣ такого удивительнаго силогизма, Г. Григоровичъ разсказываетъ слѣдующее: «внутри земли, еще досихъ-поръ, находятся огонь и расплавленное вещество, которое постоянно *кипитъ* и отдѣляетъ газы или пары, ни дать ни взять, какъ въ паровомъ котлѣ, когда тамъ нагрѣваютъ воду.» Но откуда явилось это «внутри земли?» Или объ этомъ совсѣмъ не говорить, или говорить, такъ дѣло. Г. Григоровичу «кипѣніе въ паровомъ котлѣ» нужно было для того, чтобъ объяснить, не совсѣмъ вѣрно, причины землетрясеній и образованіе огнедышащихъ горъ, изъ жерлъ которыхъ «выходило все, что выбрасывалось силою газовъ изъ внутренности земнаго шара: камни, песокъ, пепелъ, сѣра, смѣсь, или сплавъ изъ разныхъ металловъ, которая на землѣ скоро остываетъ и которую зовутъ лавой, *и тому подобное.* Все это (т. е. что?) производило огромные перевороты на поверхности земной.»

Разумѣется Г. Григоровичу извѣстно лучше чѣмъ кому нибудь, что понятіе объ огнедышущихъ горахъ есть именно та главная задача, которой недоставало образованію русскаго крестьянина. Мы не говоримъ, чтобъ это знаніе было лишнимъ, но не могъ ли г. Григоровичъ, въ силу своего знанія народнаго быта, найдти предметы, болѣе интересные и полезные его читателямъ. Что за важность, если крестьянинъ не знаетъ своихъ сословныхъ правъ; что за важность, что онъ не въ состояніи понять всѣхъ филантропическихъ продѣлокъ В. А. Кокорева, хоть бы по Волжско-Донской желѣзной дорогѣ; что не понимая своихъ правъ, не зная что слѣдуетъ ему платить и чего не слѣдуетъ, онъ лѣзетъ зря, изъ-за куска насущнаго хлѣба, на всякую удочку. Все это мелочи и пустяки, если крестьянинъ знаетъ теорію волкановъ и имѣетъ понятіе о глобусѣ. По словамъ Г. Григоровича глобусъ представляетъ въ уменьшенномъ видѣ всю землю со всѣмъ, что на ней находится. Значитъ и съ домами, и съ лѣсами, и съ людьми, и съ животными?! Но если бы только этимъ и ограничивались свѣдѣнія

сообщаемыя Г. Григоровичемъ, то и тутъ польза географіи была бы очевидна? Но Г. Григоровичъ идетъ дальше. Онъ говоритъ обо всемъ: и объ моряхъ, заливахъ, губахъ, бухтахъ и рейдахъ. Всякое объясненіе сопровождается примѣромъ. Сказано ли: «небольшой заливъ, вдающійся *неслишкомъ* глубоко въ землю, называется бухтой,» тотчасъ же слѣдуетъ и объясненіе: «напримѣръ: въ Даніи Кильбухта.» Надо ли сказать, гдѣ находится Везувій, авторъ Народныхъ Бесѣдъ ставитъ его въ Неаполѣ; ужъ почему бы не прибавить, что знаменитый волканъ помѣщается прямо на Толедской улицѣ? Видите ли, какъ все это обдумано и выполнено хорошо.

Не имѣя подъ руками ни одного курса географіи, мы къ сожалѣнію не можемъ указать на источники, которыми пользовался Г. Григоровичъ. Но припоминая методу, по которой сами учились нѣкогда, думаемъ, что главнѣйшимъ пособіемъ Г. Григоровичу служилъ «Курсъ всеобщей Географіи, Арсеньева.» Это предположеніе можетъ быть подтверждено вполнѣ слѣдующими указаніями. Извѣстно всѣмъ, что географія, по методѣ принятой Г. Арсеньевымъ, состояла въ простомъ перечисленіи всякихъ названій, не говорившихъ ничего смыслу ученика. Той же методы держался и Г. Григоровичъ. Вотъ доказательство:

«*Лондонъ* — столица, огромный городъ, самый населенный въ свѣтѣ *), имѣетъ 2.240,000 жителей. Онъ построенъ на обоихъ берегахъ р. Темзы, впадающей въ Нѣмецкое море. Тамъ (т. е. въ Нѣмецкомъ морѣ) устроены огромные доки для постройки кораблей и другихъ судовъ. Въ Лондонѣ находятся главнѣйшие и самые богатые магазины, лавки и конторы. *Ньюкастель,* въ верхней части Англіи. Тамъ добывается въ огромномъ количествѣ лучшій каменный уголь. *Портсмутъ,* съ превосходнымъ портомъ, удобною гаванью и рейдомъ. Въ немъ заключаются главныя военныя силы. *Плимутъ,* укрѣпленная военная гавань съ корабельными верфями. *Фалкмутъ,* съ превосходною гаванью. Или во Франціи: *Парижъ,* построенный при р. Сенѣ, впадающей въ Англійскій каналъ. Послѣ Лондона, Парижъ — величайшій городъ въ Европѣ; въ немъ болѣе милліона жителей. *Кале,* сильно укрѣпленная гавань. *Булонь,* съ гаванью и крѣпостью. *Діепъ,*

---

*) Это увѣреніе, что Лондонъ самый населенный городъ въ свѣтѣ, не помѣшало Г. Григоровичу сказать на стр. 126, что въ Пекинѣ 3,000,000 жителей. Впрочемъ и цифра лондонскаго населенія невѣрна.

съ укрѣпленною гаванью. *Гавръ-де-Грасъ,* при устьѣ р. Сены, служитъ гаванью для Парижа. *Шербургъ,* сильно укрѣпленный военный портъ, съ корабельной верфью для постройки судовъ и превосходными доками. *Сенъ-Мало,* съ укрѣпленною гаванью и корабельною верфью.»

Къ чему всѣ эти рутинные признаки? Къ чему этотъ напрасный трудъ? Мы не понимаемъ, почему г. Григоровичъ пустился сочинять географію, когда руководство нисколько не уступающее его компиляціи, было написано еще тридцать лѣтъ назадъ г. Арсеньевымъ. Но въ этихъ сухихъ перечисленіяхъ г. Григоровичъ по-крайней-мѣрѣ стоитъ твердо; онъ на мѣстѣ. Совсѣмъ другое, когда г. Григоровичъ вздумаетъ отступить отъ своей системы и пускается въ разсужденія; тутъ объясненія самыхъ простыхъ вещей и причины явленій поражаютъ насъ. Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ г. издатель «Народныхъ Бесѣдъ» объ Англіи: «Главное ея богатство составляетъ необыкновенная ея промышленность. Постояннымъ трудомъ и желаніемъ сдѣлать каждую вещь лучше и лучше, Англичане довели свои издѣлія до такого совершенства, что въ нихъ нуждаются люди всѣхъ странъ и платятъ за нихъ деньги, которыя страшно обогатили Англію. Издѣлія Англичанъ развозятся повсюду; сами же они ни въ чемъ чужомъ не нуждаются. (Будто ни въ чемъ не нуждаются? Такъ у нихъ есть и свои виноградныя вина, и мраморъ, и бобры, и куницы, и арабскія лошади, и тропическія растенія?) Если они и вывозятъ изъ другихъ земель разные матеріалы, какъ напримѣръ: кожи, пеньку, сало, то они такъ хорошо ихъ обдѣлываютъ, что сами люди, продавшіе имъ, покупаютъ у нихъ свои же матеріалы за дорогую цѣну». Лѣсовъ, кромѣ небольшихъ рощъ, почти нѣтъ въ Англіи; но за то каждая десятина обсажена деревьями. Этимъ способомъ Англія имѣетъ лѣса, какіе ей угодно и сколько угодно.» Читатель видитъ очень хорошо, что большая часть незнанія выказаннаго въ этихъ строкахъ г. Григоровичемъ имѣетъ что-то странное. Если-бъ все это сказалъ какой нибудь школьникъ, ему непремѣнно поставили бы дурной балъ и, пожалуй, наказали бы его.

Географія Россіи изложена какъ будто бы лучше, но здѣсь г. Григоровичъ кромѣ общихъ мѣстъ и избитыхъ терминовъ не сказалъ ничего новаго.

Наклонность г. Григоровича—восторгаться военными подвигами разныхъ героевъ, и желаніе зажечь воинственный жаръ въ народѣ, замѣтны особенно въ его «разсказахъ о морскихъ сраженіяхъ

и крушеніяхъ» (выпускъ 3). Чтобы полнѣе достигнуть цѣли г. Григоровичъ выбралъ изъ всего ему извѣстнаго, случаи болѣе поразительные. Напримѣръ, онъ разсказываетъ о сраженіи фрегата Квебекъ съ фрегатомъ Сюрвельянтъ; сраженіи замѣчательномъ въ томъ отношеніи, что оно служитъ прекраснымъ фактомъ, убѣждающимъ что у людей, пользующихся по видимому полнымъ разумомъ, мозги бываютъ повреждены до того, что они рѣшаются на вещи терпимыя только въ съумасшедшихъ, и что кромѣ того находятся еще люди, которые видятъ въ этомъ какое-то величіе души, достойное подражанія и награды. Далѣе г. Григоровичъ сообщаетъ объ «истребленіи турецкаго флота подъ Чесмою», о Наваринскомъ сраженіи, о разныхъ случаяхъ крушеній и морскихъ пожаровъ и, наконецъ, о Синопскомъ сраженіи. Послѣдній разсказъ записанъ со словъ матроса Антона Майстренко. Г. Григоровичъ въ оправданіе разсказа, счелъ необходимымъ объяснить, что разсказчикъ родомъ малороссіянинъ, служившій семнадцать лѣтъ въ Севастополѣ. Объясненіе это ровно ничего не выкупаетъ и разсказъ не становится оттого яснѣе. Трудно понять ради чего нуженъ былъ г. Григоровичу самый языкъ разсказчика? Неужели онъ думалъ придать ему больше характеристичности и сдѣлать его болѣе понятнымъ народу? Отчего же не написать бы и всѣ бесѣды этимъ языкомъ, а для приданія имъ еще болѣе народнаго характера, приладиться къ способу правописанья, распространенному между мелочными лавочниками и лобазниками. «Бесѣды», вышли бы тогда вполнѣ народными и за г. Григоровичемъ увѣковѣчилось бы имя народнаго писателя.

Поставивъ себѣ задачей пробудить народъ, зажечь въ немъ стремленіе къ образованію и желаніе стать на одну ногу съ Англичанами, г. Григоровичъ надѣялся достигнуть этого «описаніемъ нравовъ и обычаевъ разныхъ народовъ» (выпускъ 4.) Болѣе вѣрнымъ путемъ для этого г. Григоровичъ счелъ хвалить всякаго иностраннаго крестьянина и бранить русскаго. Къ сожалѣнію однако, г. Григоровичъ, при недостаткѣ послѣдовательности и при худой памяти, часто противорѣчитъ себѣ. Хваля вообще Англичанъ и поставивъ ихъ въ примѣръ всѣмъ другимъ націямъ, а тѣмъ болѣе русскимъ, г. Григоровичъ иногда въ забывчивости скажетъ вдругъ совсѣмъ не то, что ему хотѣлось. Такъ, хваля вообще Англичанъ за ихъ предпріимчивость и трудолюбіе, г. Григоровичъ въ разсказѣ «уборка *хлѣба* (вмѣсто хмеля, — опечатка непростительная) и рабочій

народъ въ Англіи» вдругъ останавливается и замѣчаетъ: «уборка хмеля считается рабочимъ народомъ Англіи великимъ праздникомъ. Въ это время года каждый стряхиваетъ лѣность; всѣ спѣшатъ въ тѣ части государства, гдѣ разводится хмель.» Стряхнувъ лѣнь, Англичане пойдутъ на работу, ощиплютъ хмель и воротятся домой. Въ этомъ вся сущность разсказа, непредставляющаго ничего поучительнаго и интереснаго. Впрочемъ, чтобы придать ему нравоучительный характеръ, г. Григоровичъ вставилъ кое-гдѣ примѣры въ родѣ слѣдующихъ: «у Англичанина долгъ — дѣло святое: если онъ взялся за какое-нибудь дѣло и не выполнитъ его какъ слѣдуетъ, онъ считаетъ себя навѣки осрамленнымъ, обезчещеннымъ. Одному изъ такихъ сушильщиковъ (хмеля), во время самой жаркой работы, пришли сказать, что жена и дѣти, которыхъ не видѣлъ онъ мѣсяцъ, ожидаютъ его въ сосѣднемъ домѣ. Онъ не могъ устоять противъ такого соблазна: бросился со всѣхъ ногъ къ сосѣду, обнялъ жену и дѣтей, — но не остался съ ними ни минуты лишней. — Прощайте, жена и ребятишки! сказалъ онъ, цѣлуя ихъ поочередно: — печь не терпитъ: поверни только глаза въ сторону, какъ разъ набѣдуетъ. Сердце мое съ вами, мысль — тамъ, гдѣ ожидаютъ меня долгъ и работа... Прощайте!..»

Дѣйствительно надобно обладать особенной способностью видѣть вещи совсѣмъ не такъ, какъ они есть, чтобы придумать подобную вещь въ доказательство пониманія долга. Въ чемъ же тутъ героизмъ, что человѣкъ живущій работой, что человѣкъ знающій, что за порчу онъ отвѣтитъ вычетомъ изъ-за работной платы, не сталъ тратить свое время на свиданіе съ дѣтьми и женой? Если г. Григоровичу хочется видѣть въ этомъ примѣръ героизма и высокаго пониманія долга, то онъ этимъ доказываетъ только, что не имѣетъ никакого понятія о томъ, о чемъ взялся говорить и совсѣмъ не знаетъ русскаго человѣка, которому тычетъ въ глаза такимъ неудачнымъ примѣромъ. Нашъ крестьянинъ въ этомъ случаѣ еще замѣчательнѣе и можно привести тысячи примѣровъ, гдѣ крестьянинъ не оставлялъ своей работы, когда къ нему приходила жена съ дѣтьми, съ которыми онъ не видѣлся годъ и болѣе. Въ этомъ случаѣ насъ мѣсяцемъ не удивишь. И въ цѣломъ свѣтѣ не найдется ни одного мыслящаго человѣка, живущаго работой, который бы бросивъ дѣло, сталъ сидѣть дома, сложа руки. Вмѣсто того, чтобы разсказывать пустое и хвалить заботливость англійскихъ хозяевъ объ улучшеніи судьбы своихъ работниковъ, г. Григоровичъ

разсказалъ бы лучше о положеніи англійскаго пролетарія, о его дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ хозяину и о тѣхъ мѣрахъ, которыя принимаются къ обезпеченію независимаго положенія рабочаго. Этотъ вопросъ ближе къ намъ въ виду того, что дѣлаютъ у насъ съ рабочими разные подрядчики и особенно подрядчики-землекопы. Если г. Григоровичъ не знаетъ ничего о бытѣ русскомъ, не зачѣмъ браться за сочиненія народныхъ бесѣдъ; не зачѣмъ подступать къ народу съ преднамѣренной моралью. Она не приведетъ ни къ чему полезному. Мораль хороша, когда она вытекаетъ сама изъ сущности дѣла, а не тогда, когда имѣетъ видъ нравоученій, отличавшихъ старинныя побасенки и разсказы нравственнаго содержанія.

Г. Григоровичъ, взявшись перевоспитать русскій народъ, рѣшился учить его всему, что самъ знаетъ. Какое ему дѣло, что онъ самъ знаетъ все плохо; доброе намѣреніе, а можетъ быть какія-нибудь и другія соображенія, даютъ г. Григоровичу необычайную силу говорить обо-всемъ и тономъ самоувѣренности — выставляя ложъ за истину, скрывая правду, придавая фактамъ невѣрное толкованіе и навязывая народу ту самую систему воспитанія, которую, вѣроятно, прошелъ самъ г. Григоровичъ и которую онъ считаетъ безспорно лучшей. Характеризуя эту систему однимъ словомъ, ее ближе всего назвать запретительной. На основаніи ея съ учениками позволяется говорить о всемъ, исключая того, что можетъ возбудить въ человѣкѣ сознаніе его человѣческаго достоинства, показать отношеніе его, какъ человѣка, къ другимъ людямъ и показать ему вѣрно причины, по которымъ то или другое общество находится въ данный моментъ въ томъ или другомъ положеніи. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить г. Григоровича въ преднамѣренномъ желаніи вводить умственный разврать. Мы хотимъ думать, что онъ поступалъ такъ потому, что ему самому не ясно представляются причины тѣхъ явленій, о которыхъ онъ бесѣдуетъ съ народомъ. Это заключеніе, мы основываемъ на томъ простомъ соображеніи, что человѣкъ съ здравымъ смысломъ, едва ли способенъ рѣшиться на дѣло, которое должно уронить его въ общественномъ мнѣніи. По крайней мѣрѣ, надо быть чрезвычайно смѣлымъ, чтобъ такъ легко глумиться надъ народомъ. Притомъ, г. Григоровичъ открываетъ намъ новое психологическое явленіе, именно то, что, привыкнувъ говорить все безъ разбору — правда ли это или ложь, — наконецъ можно потерять всякое чувство истины. Вся ошибка, впро-

чемъ, г. Григоровича заключается въ томъ, что онъ хотѣлъ примѣнить къ воспитанію народа ту методу, по которой онъ, вѣроятно воспитывался самъ. Одно это обстоятельство вполовину, извиняетъ нашего извѣстнаго романиста.

Мы могли бы этимъ и покончить, если бы имѣли какое-нибудь право не подкрѣплять доказательствами свой отзывъ объ изданіи г. Григоровича. Теперь на очереди «Исторія царя Петра Великаго». Познанія г. Григоровича въ исторіи, если нѣсколько и полнѣе, чѣмъ въ географіи, то это обстоятельство послужило только причиной большаго умѣнья сказать объ одномъ, умолчать о другомъ, и сгруппировать вообще факты такимъ-образомъ, чтобъ они были чѣмъ то отрывочнымъ, разрозненнымъ, не проникнутымъ ни цѣльной идеей, ни общей картиной. По какимъ соображеніямъ г. Григоровичъ скрылъ женитьбу Петра на Екатеринѣ и отношеніе его къ царевичу Алексѣю Петровичу, слѣдствіе надъ нимъ и его кончину, изъ разсказа не видно. Но какъ невозможно подумать, чтобы такія крупныя событія могли быть пропущены по недосмотру; то объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ искать въ тѣхъ воззрѣніяхъ на народное воспитаніе, которыя г. Григоровичъ принялъ при составленіи своихъ бесѣдъ. Ошибочность такого взгляда, была нами уже указана. Здѣсь мы припомнимъ только, что историческій фактъ, какъ бы онъ ни былъ важенъ, по отношенію своему къ другимъ событіямъ, можетъ получить въ теоретическомъ изложеніи совершенно произвольное толкованіе. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи могъ служить г. Григоровичу Голиковъ. По этому становится совершенно непонятнымъ умалчиваніе о событіяхъ, слишкомъ извѣстныхъ всѣмъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что г. Григоровичъ доказалъ силу своего воображенія и умѣнье понимать смыслъ самыхъ обыкновенныхъ явленій жизни. «Исторія царя Петра Великаго» есть разсказъ исключительно о военныхъ событіяхъ того времени, пополненный излишними подробностями о молодости царя; но неуказывающій ни на одинъ фактъ, которымъ бы опредѣлялось отношеніе государя къ народу. А между тѣмъ на 145 страницѣ г. Григоровичъ говоритъ: «Въ шестомъ часу по полуночи, 28-го января 1725 года, Петра Великаго не стало. Нужно ли описысывать скорбь и рыданія безутѣшнаго народа и войска!» «Разумѣется нужно; а главное нужно разъяснить, вслѣдстіе чего могло явиться рыданіе безутѣшнаго народа и восклицанія его: *отецъ нашъ! оставилъ ты насъ!* Наконецъ неизвѣстно, что слѣдуетъ

понимать подъ безутѣшнымъ народомъ? неужели во всѣхъ концахъ Россіи такъ и кричали: «отецъ нашъ! оставилъ ты насъ?» Изъ разсказа г. Григоровича вполнѣ понятно почему могло быть безутѣшно войско — весь разсказъ наполненъ описаніемъ военныхъ подвиговъ войска и царя; но что же могло возбудить скорбь народа? Въ исторіи г. Григоровича нечего искать отвѣта на этотъ вопросъ; да онъ вѣроятно и самъ не задавалъ себѣ его, хоть и писалъ «народную» бесѣду, и поэтому вмѣсто исторіи счелъ болѣе удобнымъ предложить описаніе петровскихъ войнъ, пересыпанное анекдотами изъ его жизни.

Что такое «русскіе знаменитые простолюдины» можетъ лучше всего разъяснить слѣдующая небольшая выписка: «Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій жилъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны. Онъ былъ сынъ малороссійскаго казака, родился въ Черниговской губерніи, въ селѣ Лемешахъ. Братъ его Александръ Григорьевичъ былъ въ большой милости у императрицы Елисаветы Петровны. По его ходатайству, молодой Кириллъ Разумовскій былъ принятъ ко двору и вскорѣ на казенный счетъ отправленъ за границу учиться. По возвращеніи, онъ получилъ графское достоинство, да сверхъ того, ему приказано быть гетманомъ, т. е. правителемъ Малороссіи.» Въ чемъ же его заслуга, чѣмъ онъ знаменитъ? Изъ разсказа г. Григоровича видно только, что Кириллу Разумовскаго вывелъ въ люди его братъ, потомъ его послали за-границу и дали неизвѣстно почему графское достоинство. На этомъ основаніи каждый простолюдинъ непрочь попасть въ двадцать два года въ графы и въ гетманы. А г. Григоровичъ вѣроятно не думалъ возбуждать такое желаніе въ народѣ. Выпускъ этотъ также слабъ, какъ и всѣ остальные. Достоинство вышедшихъ десяти выпусковъ «Народныхъ Бесѣдъ» совершенно одинаково: незнаніе предмета, о которомъ идетъ рѣчь, и непониманіе народа, къ которому обращаются.

Въ заключеніе мы спросимъ, съ какой цѣлью г. Григоровичъ издалъ свои «Народныя Бесѣды?» Ради новой извѣстности своего имени? Но смѣемъ думать, что онъ горько ошибается въ разсчетахъ. Такое изданіе скорѣе можетъ повредить репутаціи добросовѣстнаго писателя, чѣмъ прибавить къ ней хоть одинъ звукъ добраго мнѣнія. Ради простой денежной спекуляціи? Пожалуй въ этомъ есть извѣстная доля правды; но въ такомъ случаѣ мы совѣтовали бы г. Григоровичу избрать предметъ менѣе серьезный, и, безъ сомнѣнія, болѣе выгодный.

Отчего, напримѣръ, не подарить публикѣ свои мемуары, въ родѣ «чудесныхъ приключеній барона Мюнхаузена» съ девизомъ: «не любо не слушай, а лгать не мѣшай.» Для выполненія такого сочиненія, мы увѣрены, у г. Григоровича достанетъ и силъ и его способности разсказывать: тогда мы, дѣйствительно, узнали бы и автора въ его произведеніи, и произведеніе въ авторѣ....

***

Всеобщая исторія. Соч. орд. профес. Ф. *Лоренца.* Часть IV. С.-Петерб. 1860 г.

По прочтеніи этой книги чувствуешь себя точно въ такомъ состояніи, въ какомъ находится разочарованный любитель картинныхъ галерей въ залахъ берлинскаго дворца. Вооружившись шерстяными галошами для предохраненія царскихъ паркетовъ и отказавшись отъ собственныхъ желаній, взгляда и убѣжденій, вы автоматомъ двигаетесь за проводникомъ. Чичероне, задолбивъ одинъ разъ навсегда, исторію каждой картины, повторяетъ ее безъ перемѣнъ тысячамъ разныхъ посѣтителей и цѣлые десятки лѣтъ. «Вотъ это копія Рафаеля, говоритъ онъ, купленная такимъ-то Вильгельмомъ и въ такомъ-то году, едва спасенная отъ пожара; вотъ это лучшій портретъ, Фридриха Великаго, но время немножко поцарапало его костюмъ — и т. д.» И эта болтовня придворнаго лакея, не давая ни спокойной минуты взглянуть на изящное произведеніе, ни подумать о томъ, что поражаетъ глазъ и чувство, утомляетъ васъ до нравственной устали. Выходя изъ мрачнаго дворца, вы чувствуете себя какъ-то обиженнымъ, нервно-разстроеннымъ, и недовольнымъ.

Почти то же впечатлѣніе производитъ на васъ IV часть Всеобщей Исторіи Лоренца. Закрывая книгу, вамъ хочется спросить, съ какою цѣлію ученый докторъ написалъ такую кучу бумаги, сгруппировалъ столько фактовъ, не связавъ ихъ рѣшительно никакой цѣльной идеей, не объяснивъ ни одного историческаго явленія. Мы понимаемъ, что, еслибъ онъ поднялъ старый вопросъ норманской или литовской теоріи о происхожденіи Руси, гдѣ надо доискиваться смысла въ кой-какихъ уцѣлѣвшихъ зву-

кахъ мертваго языка или въ отрывочныхъ и крайне-бѣдныхъ матеріалахъ, тогда историку трудно было бы дойдти до какого нибудь положительнаго результата. Но г. Лоренцъ говоритъ о XIX вѣкѣ, о современныхъ личностяхъ и событіяхъ, полныхъ интереса и богатыхъ самыми разносторонними источниками. Передъ нимъ— величайшая эпоха, способная вызвать на размышленіе самаго неопытнаго и одушевить самаго холоднаго лѣтописца. Въ эту эпоху совершилось такъ много грандіозныхъ фактовъ, такъ широко разбросилась человѣческая идея, такъ ярко выразилась давнишняя и затаенная борьба партій, столкновеніе всевозможныхъ системъ и вѣрованій, что при взглядѣ на эту смутную картину обще-европейскаго движенія, невольно рождается желаніе знать, къ чему приведетъ нашъ вѣкъ и чѣмъ разрѣшиться его глубокая проблемма? Что же, наконецъ, человѣчество извлечетъ въ свою пользу изъ этой колоссальной постройки желѣзныхъ дорогъ, изъ этой неутомимой предпріимчивости на сушѣ и моряхъ, изъ этой пламенной жажды реформъ и улучшеній? За чѣмъ и почему является это соціальное ученіе, готовое похоронить въ одной могилѣ все мертвое и живое, все ветхое и крѣпкое, лишь бы спасти будущее Европы.

Всѣ эти вопросы стоятъ на первомъ планѣ нашего вѣка. Къ сожалѣнію, г. Лоренцъ не отвѣчаетъ ни на одинъ изъ нихъ. Оставляя въ сторонѣ внутренній смыслъ внѣшнихъ происшествій, или касаясь его какъ бы мимоходомъ, онъ останавливается на одной наружной оболочкѣ ихъ. Конечно, мы не вправѣ требовать отъ школьнаго учебника строго-критическаго труда, но неужели на 336 страницахъ нельзя высказать ни одной конкретной идеи, которая бы освѣщала ходъ историческаго процесса. Вслѣдствіе этого г. Лоренцъ, видимо недовольный вооруженными протестами *демократической сволочи*, распутываетъ восьмнадцатилѣтній періодъ (1830 — 1848) съ помощію одного факта французской революціи іюльскихъ дней. «Переворотъ, говоритъ произведенный въ Парижѣ, былъ какъ ударъ землетрясенія чувствуемъ во всей Европѣ, и тамъ гдѣ земля была уже подрыта, обрушились построенныя на ней политическія учрежденія». (стр. 126). Сказавъ это, онъ считаетъ вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіе остальныхъ событій. Возстаніе Бельгіи, Польши, революціонное движеніе Германіи, Швейцаріи и Италіи, реформа— Англіи все это случилось потому, что въ Парижѣ выпроводили одного короля изъ Тюильери и возвели на престолъ другаго. А почему во Франціи возникла эта суматоха! Радикалы, во всемъ

виноваты радикалы; не будь ихъ, и не лиши *христоотступника* Штрауса Тюбингенской каѳедры, Гельветическій союзъ не былъ бы потрясенъ на своихъ аристократическихъ основахъ. А кто, вы думаете, произвелъ міровое соціальное движеніе Англіи противъ запрещенія на хлѣбъ и всей старой экономической системы? Джонъ (конечно Ричардъ) Кобденъ; опять не будь этого Кобдена на свѣтѣ, Англія, вѣроятно продолжала бы платить одинъ миліардъ франковъ лордамъ, за право ѣсть чужой хлѣбъ и говядину. А что сломило аристократическую оппозицію въ этомъ вопросѣ? Отставка Роберта Пиля; не погрози онъ оставить парламентъ, верхняя палата не отказалась бы отъ своихъ вѣковыхъ привиллегій и не рѣшилась бы вычеркнуть изъ конституцій ненавистный монополь на жизненныя потребности народа (стр. 224 и проч.). Какъ все это просто, легко и удобно въ исторіи г. Лоренца! Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? Думаемъ, что не много посложнѣй и поглубже.

Но недостатокъ пониманія основныхъ законовъ современнаго состоянія Европы, съ избыткомъ вознаграждается у ех-профессора нѣмецкимъ патріотизмомъ. Увлекаясь имъ, онъ нерѣдко ставитъ предметы совершенно на изнанку. Кому, напримѣръ, неизвѣстна политика Австріи въ отношеніи завоеванной ею Италіи — эта политика систематическаго разврата и смерти примѣненная въ одинаковой степени къ славянскимъ племенамъ и италіянской націи. И за всѣмъ тѣмъ г. Лоренцъ рѣшается утверждать, что и Ломбардія и Венеція своимъ благосостояніемъ обязаны были Австрійскову правительству». (Стр. 220). Да что же это было заблагосостояніе, которое едва сдерживалось силой и за которое, по мнѣнію того же историка, Италіянцы платили горячей ненавистью къ Нѣмцамъ! И почему эта страна, еслибъ только Австрія особенно обязала ее своими милостями, постоянно порывалась снять съ себя позорную цѣпь иностраннаго владычества? Въ этомъ, конечно, виновата не сама Италія, а *политическій преступникъ* Матсини; это онъ волновалъ умы, и не будь этого энергическаго, блѣднаго и восторженнаго кровопійцы — весь полуостровъ былъ бы спокоенъ, какъ стоячее болото.

Да и чего оставалось желать ему, когда воцарившійся Фердинандъ II принялся немедленно съ юношескимъ жаромъ за преобразованія, *которыя сдѣлали его идоломъ народа;* когда Карлъ Альбертъ произвелъ столько улучшеній въ правленіи, что и въ Сардиніи съ королемъ соединялась надежда на счастливую будущность и когда, оставалось прибавить, Радецкій такъ великоду-

шно окончилъ свой походъ противъ малодушныхъ демагоговъ. (Стр. 161 и 262). Мы не разбираемъ симпатій или антипатій г. Лоренца, а хотимъ сказать о томъ уваженіи къ истинѣ, которое прежде всего должно руководить воспитателя юношества и столь извѣстнаго ученаго.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности нашего анализа, мы спѣшимъ заключить одной нравственной идеей. Обязанность историка нашего времени чрезвычайно трудная. Какъ скоро онъ хочетъ выйдти изъ ряду мелкихъ посредственностей и взять на себя щекотливую роль судьи надъ прошлыми поколѣніями, ему надо, кромѣ безпристрастія, обладать проницательнымъ взглядомъ на вещи, чувствомъ сознанія истинныхъ интересовъ того или другаго народа. Для историка современной эпохи, кромѣ того, необходимо политическое воспитаніе, самое разностороннее, какое только возможно для одной человѣческой силы. За неимѣніемъ его, невозможно разъяснить лицевыя стороны настоящей Европы и недолжно подступать къ ея задаточнымъ вопросамъ. Само собой разумѣется, что быть компиляторомъ, архиваріусомъ, рабочимъ на заднемъ дворѣ исторической науки — не большая мудрость; можно сложить какую нибудь исторію Опочки или Лукъ, посвятить ее, ради земныхъ выгодъ, пріятелю—генералу; — все это по силамъ даже полуграмотнаго юноши, но представить полную, живую и художественную картину XIX вѣка, во всей строгости ея истины, болѣе чѣмъ трудно.

Р. Р.

Ревматизмъ и ломота. Лѣченіе простыми и дешевыми средствами, употребляемыми съ несомненнымъ успѣхомъ *противъ всѣхъ ревматическихъ и ломотныхъ болѣзней.* Соч. Доктора Албрехта. *Съ прибавленіемъ 25-ти избранныхъ домашнихъ средствъ*, цѣлебная сила которыхъ, во многихъ испытанныхъ случаяхъ, оказывали скорое и вѣрное пособіе. Москва. 1860. Въ 18-тую долю. стр. 112 и IV.

Говорятъ, сколько головъ, столько и умовъ; поговорка основанная на предположеніи, что у всякаго свой царь въ головѣ. Я предлагаю читателю видоизмѣненіе этой поговорки, другой

болѣе вѣрный афоризмъ, и утверждаю, что докторовъ больше, нежели головъ. Объяснить, доказать это положеніе не трудно, вопреки кажущейся парадоксальности его; у всякако человѣка врожденная страсть совѣтовать; наклонность вытекающая, часто даже безсознательно, изъ присущей всякому частицы или доли самоувѣренности, самонадѣянности, самоуваженія и эгоистическаго мягкосердія. Древніе, отличные сердцевѣды, умѣли какъ нельзя лучше пользоваться этою страстію, выставляя больныхъ своихъ по большимъ дорогамъ, пролегавшимъ чрезъ Египетъ, Грецію, Вавилонское царство и другія части образованнаго древняго міра. Больные лежали, ждали, выслушивали совѣты прохожихъ и проѣзжихъ, приводили ихъ въ исполненіе и выздоравливали или умирали, совершенно по нашему. Съ того времени нравы перемѣнились, но человѣкъ остался человѣкомъ; докторскія наклонности его сохранились, развились и процвѣтаютъ въ настоящее время въ сословіи барынь, кумушекъ, на зло и горе бѣднымъ медикамъ. Попробуйте вы заговорить о здоровьи въ присутствіи какой-нибудь барыни гдѣ бы тамъ ни было, въ Россіи или у антиподовъ, потому что барыня, кумушка существа вездѣ сущія, космополиты, напрасно относимыя нѣкоторыми категористами къ произведеніямъ русской почвы, русской жизни. Попробуйте вы сказать, что ваша жена, напримѣръ, нездорова тѣмъ или другимъ, что докторъ, замѣтьте докторъ, посовѣтовалъ ей употребить то, другое, или третье. «*Вы бы попробовали омеопатическаго средства*», отвѣтитъ намъ непремѣнно *Екатерина Александровна Барсукова*. Но этого мало. Несчастнымъ докторамъ приходится за частую выдерживать конкуренцію съ міромъ замогильнымъ, въ которомъ впрочемъ, судя по недавнимъ образчикамъ и опытамъ надъ лещами и сигами, медицина относительно раціональности прописываемыхъ средствъ и относительно результатовъ — *tous comme chez nous:* Не ясно ли послѣ этого, что докторовъ больше нежели головъ? А это ведетъ къ другому, не менѣе вѣрному заключенію, что практическая медицина наука, преимущественно предъ другими, *популярная*; что популярная медицина явилась и является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, съ нимъ умираетъ и съ нимъ же умретъ, и что, наконецъ, популярныя, медицинскія книги преимущественно предъ другими принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ и въ то же время къ самымъ желаннымъ явленіямъ всякой литературы, хотя рѣдко, чрезвычайно рѣдко, даже рѣже другихъ популярныхъ книгъ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Не только хо-

рошая, но даже посредственная популярная медицинская книга составляетъ даже въ иностранныхъ литературахъ рѣдкое явленіе, тѣмъ болѣе въ нашей. И не удивительно.

Писать популярно чрезвычайно трудно, а для насъ Русскихъ, неопытныхъ въ дѣлѣ популярности, даже выборъ хорошей популярной книги затруднителенъ. Относительно медицинской книги затрудненія эти еще больше, и непреодолимы, какъ скоро авторъ упускаетъ изъ виду, что при всемъ своемъ желаніи, усердіи, знаніи предмета и литературной опытности ему не возможно обнять предметъ съ медицинской точки зрѣнія до такой степени ясно и положительно, чтобы не оставить ни малѣйшаго повода къ недоумѣнію въ читателѣ, неподготовленномъ къ уразумѣнію автора громаднымъ цикломъ медицинскихъ наукъ. При первой попыткѣ приложить прочитанное къ дѣлу читателю представится разладица, кажущаяся или дѣйствительная, между теоріею и дѣломъ: практическая медицина положительна только въ книгѣ, но въ приложеніи ея все условно, потому что своеобразность всякаго человѣческаго организма ставитъ его въ своеобразныя отношенія ко всему окружающему и требуетъ своеобразнаго приложенія къ нему результатовъ науки. Большая часть популярныхъ медицинскихъ книгъ имѣетъ, весьма естественно, главною цѣлью лѣченіе различныхъ болѣзней, между тѣмъ какъ единственная возможность принести обществу пользу популярною медицинскою книгою заключается въ подробномъ, общепонятномъ изложеніи профилактической части медицины; т. е., въ объясненіи тѣхъ мѣръ, которыми возможно предупредить, отклонить ближайшее знакомство съ жрецами эскулапа діэтетика, гигіена и профилактика, — вотъ главныя вѣтви народной медицины; въ этихъ предѣлахъ медицинская, популярная, книга можетъ быть полезна; но какъ скоро дѣло касается лѣченія, — самая лучшая популярная, медицинская книга обращается въ обоюдоострый мечъ, вложенный въ руку слѣпому. Вотъ, почему популярныя медицинскія книги, преимущественно предъ другими требуютъ особеннаго вниманія со стороны рецензента, и почему тѣ изъ нихъ, которыя не удовлетворяютъ своему назначенію, должны быть строго преслѣдуемы, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ по малочисленности врачей и плохому распредѣленію ихъ, народное здравіе довольно плохо обезпечено, и публикѣ трудно быть равнодушной къ появленію такъ называемыхъ популярныхъ медицинскихъ книгъ. Въ настоящую минуту мы имѣемъ предъ собою три книжки москов-

скаго издѣлія, относящіяся къ отдѣлу популярной медицины. Начнемъ, разумѣется, разборъ съ нумера перваго, съ той книги, заглавіе которой мы уже представили читателю.

На страницѣ 6 этой книги мы читаетъ: *«я пишу не для ученыхъ, но для тѣхъ, которые нуждаются въ помощи и не всегда имѣютъ возможность прибѣгать къ совѣтамъ врача, а потому и стараюсь говорить наиболѣе понятнымъ для нихъ языкомъ.»*

На страницѣ 17, въ шестомъ параграфѣ второй главѣ перваго отдѣленія, авторъ говоритъ: *«я смѣло могу (!) подтвердить, что эта книга можетъ служить съ пользою для каждаго».* Остается разсмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли книга изъявленнымъ въ ней притязаніямъ на общеполезное популярное медицинское сочиненіе. Кому не извѣстно, что ревматизмъ происходитъ отъ простуды? Авторъ безъ сомнѣнія понималъ, что это обстоятельство также хорошо извѣстно читателямъ его брошюры, какъ и ему самому, и что сообщивши публикѣ этотъ фактъ вмѣстѣ съ совѣтами относительно различныхъ предосторожностей противъ простуды, что онъ и дѣлаетъ на четырехъ страницахъ, 76—80, ему оставалось бы положить перо и ждать у моря погоды, то есть, открытія той или другой ярмарки, вѣрнѣйшаго мѣста для сбыта всѣхъ возможныхъ популярныхъ фабрикацій. Но доктору показалось стыдно явиться въ публику съ тощимъ листкомъ и даже полулисткомъ; ему захотѣлось показаться въ ученой мантіи, захотѣлось *потанцовать на фразахъ*, и вотъ онъ начинаетъ съ того, что дѣлитъ свои жалкія 75 страничекъ разгонистой печати на три отдѣленія, тридцать главъ и каждую главу на параграфъ. Потомъ слѣдуетъ у него *прибавленіе* къ книгѣ — *какимъ образомъ можно предохранить себя отъ ревматическихъ болѣзней,* — въ 4 страницахъ; на которыхъ говорится о томъ, что если человѣкъ во всемъ остороженъ и умѣренъ, то онъ предохранитъ себя отъ всѣхъ болѣзней; что ему должно остерегаться всего, что можетъ подвергнуть его простудѣ, избѣгать сквознаго вѣтру; что *вообще очень хорошо, особенно зимою, носить сверхъ обыкновенной одежды другую, служащую для прикрытія, которую снимать при входѣ въ теплыя комнаты, и опять надѣвать при выходѣ изъ нихъ.* За прибавленіемъ слѣдуетъ собраніе рецептовъ, на Латинскомъ языкѣ, *«съ пользою употребляемыхъ при леченіи ревматическихъ болѣзней*, съ переводомъ этихъ рецептовъ подъ конецъ книги. Спрашивается, къ чему эти рецепты? Неужели они приложены для того только, чтобы читатель показалъ ихъ доктору? Если докторъ подъ рукою, то

къ чему тогда латинская стряпня доктора Албрехта; а въ отсутствіи доктора, никакой аптекарь не рѣшится отпустить лѣкарство, въ составъ котораго входитъ экстратъ опія или иное сильно дѣйствующее средство. Наконецъ, все не въ счетъ абонимента, читатель получаетъ въ новомъ прибавленіи 25 домашнихъ *избранныхъ* средствъ, какъ-то напримѣръ: «8) *взять сухой горчицы на сукно и тереть имъ больное мѣсто; дѣлать это должно шесть дней сряду или до тѣхъ поръ, когда больной почувствуетъ облегченіе.* 5) *Натирать въ банѣ больныя мѣста тертымъ хрѣномъ или рѣдькой съ медомъ и солью.*» По мимо этихъ прибавленій, въ главномъ текстѣ, авторъ прикидывается, какъ мы уже сказали, ученымъ человѣкомъ, снисходительно желающимъ говорить простымъ и притомъ общепонятнымъ слогомъ, и раздѣляетъ, рѣшительно непонятнымъ образомъ и неизвѣстно для чего, ревматизмъ на происходящій отъ слабости и происходящій отъ чрезмѣрнаго раздраженія. Д-ръ Албрехтъ утверждаетъ (отдѣлъ 1, глава 3, т. 4), «*что ревматическія боли происходятъ также отъ дѣйствія души на тѣло. Испугъ и гнѣвъ не рѣдко производили сильный ревматизмъ (!), и каждая сильная страсть можетъ дѣлать это въ большей или меньшей степени*». Д-ръ Албрехтъ увѣряетъ (отдѣлъ 1, глава 4, § 3), *что ревматизмъ заразителенъ* (!): но какъ и всякому дѣлу, такъ и танцамъ автора на фразахъ приходитъ наконецъ — конецъ; натанцовавшись вдоволь до поту лица, онъ утомляется, выпиваетъ стаканъ, другой, воды (предположеніе рецензента), приходитъ въ себя и кончаетъ представленіе (отдѣл. 3, глава 4, § 5) словами: *и такъ гораздо благоразумнѣе предоставить себя врачу* (!).

И дѣло. Спрашивается: къ чему было издавать книгу? Отвѣтъ: чтобы вытянуть изъ кармана читателя 75 к. сер.

Слѣдуетъ нумеръ второй.

О глухотѣ и другихъ болѣзняхъ уха, какъ-то: крѣпости на ухо, шумѣ, звонѣ въ ушахъ и *истеченіяхъ изъ слуховаго органа. Книга, необходимая для всѣхъ особъ, страдающихъ этими болѣзнями* и заключающая въ себѣ: анатомическое и физіологическое описаніе слуховаго органа, *правила* содержать уши въ постоянно здоровомъ состояніи и предохранять ихъ отъ всякихъ болѣзней, а также *вѣрныя и простыя средства для лѣченія глуховаго органа.* Съ 7-ю изображеніями. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1860. Въ 18-ую д. л. стр. VII и 75.

Прехитрый народъ эти гг. издатели, выпустившія, изъ типографіи Вѣдомостей Московской Городской Полиціи, эти три удо-

чки именно подъ ярмарочную пору. Въ заглавіи этого нумера втораго сказано, что книга необходима для страждущихъ ухомъ. Полюбопытствуемъ же узнать, много ли въ ней необходимаго. Начинается она крошечною таблицею въ 18-ую д. л., на которой кромѣ двухъ изображеній — наружнаго уха весьма сомнительной изящности и правильности очертаній, и стремени, способнаго подстрекнуть любознательность какого-нибудь Ванюши или Петруши и возбудить въ немъ желаніе покопаться у себя въ ухѣ и поискать, не найдется ли въ немъ такой игрушки, — всѣ прочія рѣшительно непонятны, не смотря на приложенное изъясненіе рисунка, указывающее читателю, что 3) изображаетъ *устье преддверія*, 5) *водяной ходъ улитки*, 9) *устье водянаго хода преддверія*, и другіе диковинные предметы съ диковинными наименованіями. Первая глава содержитъ въ себѣ анатомію слуховаго органа, и потому совершенно безполезна. Положимъ даже, что читателю не безполезно узнать изъ книги, что такое мочка уха, козелокъ, противокозелокъ; но къ чему, спрашивается, можетъ послужить описаніе частей внутренняго уха, тѣмъ болѣе безполезное, что оно вовсе не связано съ послѣдующими главами, стоитъ себѣ особнякомъ, и самъ авторъ, во второй главѣ своей — «*физіологія или описаніе отправленій слуховаго органа*» (стр. 28),—въ доказательство необыкновенной затруднительности или невозможности опредѣлить назначеніе внутреннихъ частей слуховаго органа, замѣчаетъ, что главною причиною тому костяной футляръ (черепъ), въ которомъ онѣ *почти совершенно недоступны* наблюденію. Какъ образчикъ труднаго уразумѣнія пользы этихъ частей авторъ объясняетъ между прочимъ назначеніе *полукруглыхъ каналовъ* слѣдующимъ образомъ: *они* (т. е. каналы) *кажется имѣютъ ту цѣль*, *чтобы концентрировать звуковыя волны отраженіемъ ихъ отъ различныхъ точекъ выпнутой поверхности и потомъ въ усиленной степени направить къ маленькимъ мѣшечкамъ и каналамъ кожистаго лабиринта.* За этою главою, изъ которой люди неученые, — а для нихъ-то и назначены всѣ три книжки, въ состояніи будутъ понять только то, что уши даны для того, чтобы слышать, — слѣдуетъ третья чудовищная по объему (въ 34 страницы изъ числа 75, заключающихся въ книгѣ), «*о глухотѣ и другихъ болѣзняхъ уха.*» Вотъ тутъ-то, подумаетъ читатель, найду я вознагражденіе за мое многотерпѣніе, и жестоко ошибется. Онъ найдетъ только исчисленіе болѣзней уха, и то въ общихъ выраженіяхъ; онъ узнаетъ что ухо поражается воспаленіями, *механическими* болѣ-

знями, нервными; что въ ушахъ бываетъ шумъ, звонъ, боль; узнаетъ, что иной человѣкъ бываетъ тугъ на ухо, а другой глухъ — что съ лѣтами слухъ теряется, и т. п. Остается 4 глава въ 10 страницъ: *«правила для поддержанія слуховаго органа въ здоровомъ состояніи и лѣченіи его болѣзни.»* Тутъ говорится о томъ, что надобно избѣгать всѣхъ вліяній вредно дѣйствующихъ на слухъ, остерегаться уховертокъ, не *бить по ушамъ и не драть за уши дѣтей,* держать ухо въ чистотѣ, вливать въ него нѣсколько капель миндальнаго масла, если въ ухо попало насѣкомое; въ случаѣ колотья въ ухѣ — ставить заухомъ піявки и наблюдать діэту.

И все? — Все. — И за это 75 коп. сер.? — Да. — Да, помилуйте, вѣдь это чистѣйшій.... *Chût! on ne parle pas de la corde dans la maison d'un pendu!*

Остается нумеръ третій.

Что мнѣ пить: водку, вино, пиво, или воду, чай, кофе или шоколадъ? Современный взглядъ на пользу и вредъ этихъ напитковъ. Ясное и опредѣленное указаніе къ предпочтительному употребленію того или другаго напитка, сообразно тѣлосложенію, темпераменту, возрасту и образу жизни. *Съ объясненіемъ:* какой напитокъ обладаетъ свойствомъ сообщать силу творчества, возвышать дѣятельность воображенія, возбуждать духовную дѣятельность и облегчать воспріимчивость новыхъ впечатлѣній и, наконецъ, содѣйствовать достиженію такой же глубокой старости, какая дана была въ удѣлъ *Линнею, Ришелье и Радецкому.* Соч. *Доктора Коха.* Москва. 1860. Въ 18-ую д. л. стр. 132.

Не знаемъ, одного ли мнѣнія авторъ съ нами о предисловіяхъ, что лучше вовсе не писать предисловія, нежели написать какъ ни попало; но дѣло въ томъ, что предисловіе замѣнено въ этой книгѣ эпиграфомъ. И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе вообще можетъ имѣть эпиграфъ? Онъ предуготовляетъ мысли читателя къ той темѣ, которую намѣренъ развить авторъ, указывая болѣе или менѣе ясно, на точку воззрѣнія послѣдняго. Съ этою же цѣлью пишутся обыкновенно и предисловія. Д-ръ Кохъ не довольствуясь однимъ эпиграфомъ даетъ ихъ два, и не безъ намѣренія. Дѣло идетъ о жизненномъ вопросѣ, — о выпивкѣ, *to be or not to be.* И такъ, какого же мнѣнія докторъ о выпивкѣ? Изъ перваго эпиграфа видно, что онъ не прочь отъ умѣренной, маленькой выпивки: *пить до дна — не видать добра,* гласитъ его эпиграфъ. И въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же древній міръ былъ того мнѣнія, что *in vino veritas;* не воору-

жаться же противъ правды и гласности, которымъ такъ способствуетъ усердная маленькая выпивка. Однакожъ, останься докторъ Кохъ при этомъ эпиграфѣ, можно было бы усумниться какого именно онъ мнѣнія объ этомъ орудіи гласности; второй эпиграфъ окончательно разрѣшаетъ и предупреждаетъ всякое недоумѣніе: *пьяница проспиться, дуракъ никогда.* Ну какъ не купить такой книги, не уважить издателя и доктора, подумаетъ себѣ какой-нибудь сіяющій носъ, купитъ и съ первой же страницы убѣдится, что докторъ взялся за перо въ веселомъ расположеніи духа и весело трунитъ надъ докторами. «Пейте воду» говоритъ одинъ изъ нихъ; но вода разжижаетъ мысли, воды и дома много, вода ничего не стоитъ: потонувшіе въ ней во время всемірнаго потопа были всѣ люди злые и грѣшные. «Пейте пиво, одно только пиво», говоритъ другой врачъ; третій медикъ совѣтуетъ употреблять исключительно вино; четвертый — водку. Чего держаться? Но слушая шуточки, не судите строго и за маленькія увлеченія доктора Коха. Говоря, напримѣръ, о *жаждѣ* и раздѣливъ ее на три рода: 1) естественную, 2) жажду, возбуждаемую аппетитомъ, и 3) привычную жажду (дѣло, замѣтьте идетъ тутъ уже о выпивкѣ), авторъ продолжаетъ такъ: *читателямъ очень хорошо извѣстны первый и второй родъ жажды* (то есть, естественная и возбуждаемая аппетитомъ), *но они мало знакомы съ третьимъ родомъ ея* (то есть, привычною жаждою, выпивкою) — *естественною жаждою, которая* (то есть — выпивка) *однако же есть важнѣйшая изъ всѣхъ* (стр. 20)... . Вотъ, что значитъ проговориться.

Третья глава посвящена исключительно *водѣ;* мы прочитали ее съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ, желая узнать какъ вывернется докторъ изъ затруднительной дилеммы: пожертвовать или наукою или тенденціею, выраженною эпиграфомъ. И видно, что дѣло трудное; авторъ такъ и вертится около главной темы, около воды, не касаясь по возможности внутренняго ея употребленія: онъ разрѣшаетъ самыя запутанныя космическія, міровые вопросы; о томъ, напримѣръ, во что обратилась бы Европа, лишившись воды, и Сахара, оросившись водою; говоритъ, что въ ней, въ водѣ, никогда не будетъ недостатка на землѣ; распространяется о мытьѣ бѣлья въ жесткой водѣ, о засореніи трубъ, проводящихъ известковую воду. Но какъ ни вертись, нельзя же и читателя оставить на бобахъ; докторъ рѣшается, наконецъ, коснуться главной темы и прокашлявшись (предположеніе рецензента) замѣчаетъ: «воду вообще не причи-

сяютъ къ питательнымъ средствамъ, и однакоже она заключаетъ въ себѣ важнѣйшее питательное начало. *Вода, употребляемая для питья, есть изобилующее этою жидкостью* (какою?) *питательное средство* (стр. 37).....» Сказавши еще нѣсколько словъ о пользѣ, условной впрочемъ, внутренняго употребленія воды, докторъ не въ состояніи долѣе скрывать своего отвращенія къ ней и говоритъ (стр. 45): *дождевая, рѣчная и колодезная вода имѣютъ непріятный, противный вкусъ, а также отварная и перегнанная вода, наивозможно очищенная отъ посторонних ъ составныхъ частей.* Наконецъ, кончая главу свою о водѣ, авторъ заключаетъ: ....«*мы не можемъ не сознаться, что она* (вода) *есть и должна остаться естественнымъ напиткомъ, для удовлетворенія тѣлесной потребности, — жажды, этой необходимой потребности.*» А для удовлетворенія потребности нетѣлесной — жажды духовной? Разрѣшеніе впереди. Покончивши съ водою, авторъ обращается къ другому гораздо менѣе противному напитку — пиву, удерживая и тутъ общее у него, для опредѣленія достоинствъ всѣхъ напитковъ, мѣрило — вино. Совѣтуя обращаться умѣренно съ пивомъ и выхваляя его питательныя свойства, докторъ опять проговаривается и высказываетъ свою *заднюю мысль:* «*Если мы бросимъ еще взглядъ на вредное вліяніе, производимое пивомъ, какъ при умѣренномъ* (!), *такъ и при частомъ его употребленіи, то прежде всего мы должны упомянуть о тоскѣ* (стр. 63)....» Конечно, въ случаѣ придирки, ученый докторъ можетъ сослаться на опечатку, на случайное опущеніе отрицательной частицы, но какъ повѣрить этому, когда въ главѣ — *о винѣ* — читаешь, между прочимъ, слѣдующее: *если пиво отнимаетъ нѣкоторымъ образомъ охоту къ умственнымъ занятіямъ, то вино укрѣпляетъ, сообщаетъ духу и мыслямъ свободный полетъ. Опьяненіе, производимое виномъ, рѣдко бываетъ столь непріятно, какъ производимое пивомъ* (стр. 74). И такъ далѣе, все въ томъ же тонѣ. Польза вина выставляется *crescendo,* и достигаетъ своего апогея подъ конецъ этой главы, на стр. 91. «*Ромъ*», говоритъ авторъ, «*никогда не должно употреблять для пунша, потому что онъ вредитъ тонкости вкуса и еще болѣе возвышаетъ свое опьяняющее свойство.*» — «Такъ какъ же употреблять его, то есть, ромъ? спрашиваетъ съ изумленіемъ читатель. Мы, съ своей стороны, воображаемъ себѣ изумленіе почтеннаго доктора при такомъ наивномъ вопросѣ.» Какъ пить его, когда я вамъ говорю, что его не слѣдуетъ употреблять въ видѣ пунша? И вы не понимаете?» — «Да, не-

ужели же голякомъ?» — «Да какъ же иначе пить его, если не въ видѣ пунша!» — «Такъ голякомъ?» — «Наконецъ-то! Вотъ она, — эссенція-то задней мысли доктора. Лихо докторъ!

Сказаннаго довольно, чтобы убѣдиться въ спекулятивной цѣли изданія разсмотрѣнныхъ нами трехъ брошюръ, напечатанныхъ въ одной и той же московской типографіи, одного формата, въ одинаковой оберткѣ, одинаковой цѣнности и *одинаковаго достоинства.*

В. ХАНКИНЪ.

Статистическое обозрѣніе расходовъ на военныя потребности съ 1711 по 1825 годъ. Д. Н. *Журавскаго.* Спб. 1859 г.

Вотъ одна изъ самыхъ сухихъ книгъ, вся изъ цифръ, рублей и людей, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая запимательная. Изъ нея мы видимъ сколько денегъ и крови стоили Россіи ея внѣшнія пріобрѣтенія втеченіе ста лѣтъ. Въ 1711 году регулярная армія состояла изъ 175,000 человѣкъ (44,000 кавалеріи, 62,500 линейной пѣхоты, 65,000 гарнизонной, 3,500 артиллеріи), въ 1763 году, т. е., при вступленіи на престолъ Екатерины II, изъ 275,000, и доведена въ ея царствованіе до 369,000; въ 1805 г. число ея возрасло до 434,000. Войны съ Наполеономъ постепенно заставляли правительство увеличивать армію, и въ 1812 году въ ней считалось 690,000, кромѣ милиціи; въ 1813 году было въ дѣйствіи милліонъ штыковъ. По замиреніи Европы военныя силы Россіи были уменьшены, но все-таки по росписи 1820—24 года составляли огромную массу — 873,000.

Какъ ни велики эти цифры сами по себѣ онѣ еще ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что стоило ежегодно народу держать ихъ въ нормѣ. Въ тринадцать первыхъ лѣтъ царствованія Александра I, (съ 1802 по 1815 годъ) было семнадцать рекрутскихъ наборовъ и ими взято *два милліона сто шестьдесятъ тысячъ людей.* По разсчисленію г. Журавскаго въ это время ежегодно поступало въ солдаты 41%, т. е., почти половина, всего взрослаго мужскаго населенія Россіи!

Хотя съ 1830 года Россія не вела ни одной большой войны, но наборы продолжались безпрерывно, и въ двадцать пять лѣтъ (съ 1830 — 55 г.) поступило, кажется, болѣе милліона людей для укомплектованія арміи.

Эти страшныя цифры нельзя сравнивать съ пожертвованіями для арміи у другихъ народовъ, потому что со временъ Петра Великаго солдатство составляло касту: солдатъ весь вѣкъ принадлежалъ своему званію, всѣ дѣти солдата были солдатами, — чего не было въ другихъ государствахъ. Слѣдственно, у насъ кромѣ наборовъ былъ и естественный ресурсъ для укомплектованія арміи. Всякое людское общество увеличивается въ числѣ нарожденіемъ; отъ чего же наша армія и въ тѣ періоды, часто довольно длинные, когда не было войны, — требовала еще ежегодныхъ большихъ наборовъ? Вотъ первый важный вопросъ, который невольно представляетъ наша военная статистика. Другой вопросъ: по скольку количество пожертвованій народа людьми соотвѣтствовало пріобрѣтаемымъ выгодамъ? Напримѣръ, война съ Пруссіей въ царствованіе Елисаветы Петровны стоила, по свидѣтельству г. Устрялова, 300,000 человѣкъ. А между тѣмъ она кончилась ни чѣмъ, и была начата безъ всякой политической причины: на Россію не нападала Пруссія, и Россіи не было ни малѣйшаго интереса поддерживать Австрію. Г. Журавскій желаетъ оправдать сильные наборы и непомѣрное увеличеніе военныхъ силъ въ царствованіе Екатерины II, тѣмъ, что Россія за эти пожертвованія пріобрѣла цѣлыя области съ нѣсколькими милліонами населенія. Но большая часть этихъ пріобрѣтеній сдѣлана была на счетъ Польши, развалившейся сама собою, и совершена была почти безъ боя. Самыя важныя и трудныя пріобрѣтенія Россія сдѣлала при Петрѣ Великомъ, имѣя всего 170,000 войска. Денежныя пожертвованія народа на содержаніе военной силы шли въ прогрессіи еще большей, нежели пожертвованія людьми въ 1725 году, они составляли четыре милліона рублей, въ 1762 — восемь, въ 1796 — тринадцать, — и въ 1829 — сорокъ милліоновъ. Число войска въ 1825 — было въ пятеро больше противъ 1725, — а расходы — въ десятеро. Замѣтимъ притомъ, что никогда русскій солдатъ не получалъ такого хорошаго жалованья, какъ при экономномъ Петрѣ: пѣхотный солдатъ получалъ, сверхъ пайка и аммуниціи, — двѣнадцать рублей въ годъ. Эта сумма тогда была не мала: — продовольствіе солдата обходилось пять рублей въ годъ! Переведя значеніе денегъ во времена Петра Великаго на нынѣшнее, мы полу-

чимъ, что Петровскій солдатъ получалъ по-крайней-мѣрѣ семьдесятъ рублей серебромъ въ годъ жалованья. Для доказательства значенія денегъ въ началѣ XVIII столѣтія вспомнимъ, что при Петрѣ Великомъ на содержаніе царской фамиліи отпускалось всего 50,000 руб. въ годъ.

Изъ этихъ не многихъ указаній читатель можетъ видѣть, на сколько интересныхъ соображеній и размышленій наводитъ книга г. Журавскаго. Надобно только привести цифры, имъ представляемыя, въ связь съ дѣйствительностью,—т. е., съ цѣнностями даннаго времени, съ выгодами пріобрѣтенными Россіей отъ увеличенія арміи. Мы надѣемся въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Русскаго Слова представить нѣсколько такихъ наведеній и сравненій, и постараемся дополнить цифры г. Журавскаго свѣдѣніями, за время послѣ 1825 года.

А. Л.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія Государственной теоріи. Histoire de la Raison d'État, par J. Ferrari. Paris 1860. un vol. in 8.

Мы никогда не считали г. Феррари особенно геніальнымъ писателемъ, тѣмъ не менѣе книга его: «Исторія Итальянскихъ Революцій» заставила обратить на него общее вниманіе.

Представивъ въ свое время разборъ этого сочиненія *), мы замѣтили, что двѣ капитальныя ошибки автора состояли въ томъ, что онъ принялъ фаталистическую точку воззрѣнія и предположилъ, что счастіе Италіи заключается въ союзѣ папы съ императоромъ. Въ настоящемъ своемъ сочиненіи г. Феррари довелъ эти воззрѣнія до самыхъ крайнихъ результатовъ, поражающихъ своей нелѣпостью. Для подтвержденія своей теоріи, извѣстной еще въ средніе вѣка, онъ позволяетъ себѣ искаженіе фактовъ и уклоняется отъ законовъ логики. Сверхъ того, не развивъ экономической и соціальной стороны разбираемаго имъ вопроса, онъ не могъ разрѣшить его удовлетворительно, даже съ своей точки зрѣнія. Очень жаль, что авторъ не употребилъ огромной своей начитанности съ бо́льшею пользою. Чтобы сужденіе наше не показалось голословнымъ, мы представимъ читателямъ въ краткихъ словахъ очеркъ его системы и потомъ сопоставимъ ему другое воззрѣніе, основанное на исторической философіи.

«Только природа, одинаково равнодушная къ началамъ добра и зла, можетъ объяснить намъ явленія рабства, свободы, партій,

---

*) Русское Слово. Іюль 1859 года.

войнъ, революціи, сектъ, которыя ихъ производятъ и разрѣшаютъ; только въ ней разгадка характеру, страстямъ, энергіи, вообще всѣмъ силамъ, которыя могутъ приковать фортуну къ колесницѣ избранныхъ; драма принциповъ является послѣ, какъ измѣнчивое и капризное произведеніе вымысла» (Préface, p. V). «Ничто такъ не противно природѣ, какъ дѣлать людей равными и свободными; она расточаетъ жизнь безъ правилъ и мѣры; ей нравится борьба и контрасты; вражда ея элементъ; война кажется ея конечною цѣлью; вездѣ мы находимъ царство силы» (Ch. 1. pag. I). На этомъ основаніи г. Феррари возводитъ свою систему. Поклонникъ Вико, фаталистъ и приверженецъ дуализма, онъ считаетъ родъ человѣческій игрушкой жестокой судьбы, которая ведетъ его къ невѣдомой цѣли. Раздѣливъ сочиненіе свое на двѣ части: политику народовъ и политику ученыхъ, въ первой изъ нихъ онъ старается открыть тѣ законы, по которымъ совершается историческое движеніе, которымъ подчинена сама судьба. Во-второй части онъ разсматриваетъ положенія политиковъ, писавшихъ о государствѣ прежде него, и выводитъ свои заключенія.

Первая часть подраздѣлена на два отдѣла: феномены войны и феномены исторіи. Раздѣленіе не много фантастическое! Первое столкновеніе народовъ бываетъ враждебно и, слѣдовательно, сопровождается завоеваніемъ. Завоеванія рождаютъ мечту о всемірной монархіи; одинъ изъ городовъ становится столицей побѣдителя, центромъ живущимъ на счетъ побѣжденныхъ, представителемъ централизаціи. Война и столицы производятъ монархіи. «Молчаніе, быстрота, внезапность рѣшеній требуютъ, чтобы удалили толпу и ввѣрились одному» (стр. 14). Самыя республики въ такихъ случаяхъ назначаютъ диктаторовъ. И такъ первымъ слѣдствіемъ войны бываетъ деспотизмъ, который тѣмъ неограниченнѣе, чѣмъ болѣе разницы между развитіемъ его и массы. Первыя времена, времена древней и начала средней исторіи изобилуютъ примѣрами. Какое огромное разстояніе между Александромъ-Македонскимъ и его генералами; между Карломъ-Великимъ и современными ему королями!

Деспотизмъ имѣетъ свои хорошія качества: быстроту, подвижность, умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами. Разрушая касты, привиллегіи, создавая демократію, онъ становится на сторону прогресса. Константинъ однимъ ударомъ сражаетъ рабство паганизма. Юстиніанъ уничтожаетъ бездну злоупотребленій, оставленныхъ древнею республикою. Ни Микэле Ландо, ни флорен-

тинскіе нищіе возстановили порядокъ въ республикѣ, но Медичи и Сфорцы. Точно также ни Гусситы, ни Джонъ Кэдъ (Cade) ни другіе предводители плебса не могли пособить дѣлу, но Людовикъ XI, Тюдоры, Ваза, Габсбурги спаяли разрозненные члены государства и дали ему спокойствіе. Вліяніе деспотизма, въ такія эпохи сказывается и въ литературѣ и въ церкви. Данте, Петрарка, Боккаччіо бѣгутъ изъ республикъ къ тиранамъ. Аристотель слѣдуетъ за Александромъ; Платонъ находитъ убѣжище при дворѣ Діонисія. Церковь, способствуя королямъ, разрушила аристократію Готѳовъ и Лонгобардовъ; преемники Кловиса, предавшись Риму, являются во всѣ времена владыками самаго демократическаго королевства въ Европѣ.

Но какъ скоро деспотизмъ совершилъ свое дѣло, и хочетъ остановиться; какъ скоро онъ перестаетъ удовлетворять потребностямъ времени — вспыхиваетъ революція. Всякая революція имѣетъ четыре момента: «En sorte que chaque période se réalise dans les quatres intervalles d'une subversion, d'une solution, d'un combat qui la conteste et d'une victoire qui la rassure.» Революція у народовъ привыкшихъ къ повиновенію оканчивается монархіей, потому что междуцарствіе поражаетъ ужасомъ, смущаетъ идеи, парализируетъ трудъ: утомленный народъ, непривыкшій управляться самъ собою, легко подпадаетъ подъ иго ловкаго честолюбца. Послѣ революціи настаетъ удвоенное повиновеніе, пользуясь которымъ, талантливые правители совершаютъ великія дѣла. Слава и государственное могущество обаятельно дѣйствуютъ на сердца народа, и подданный монарха нисколько не смущается въ присутствіи республиканца. «Всякій народъ считаетъ себя первымъ на свѣтѣ: Англичанинъ потому что царствуетъ на моряхъ; Французъ потому что хранитъ священное пламя революціи; Нѣмецъ — потому что бережетъ драгоцѣнное депо преданій; *Итальянецъ потому что повинуется папѣ и императору*.... (стр. 44) (!?)

Затѣмъ г. Феррари переходитъ къ федераціямъ.

Федераціи возникаютъ для противодѣйствія монархіямъ. Исторія показываетъ, что націи вездѣ были расположены попарно: одни представляли единство, другіе федерацію. Формы послѣднихъ разнообразны до безконечности. Одни кратковременны, какъ итальянскія лиги, другія вѣчны, какъ германская конфедерація, самыя прочныя тѣ, которыя соединены общностью цѣли; онѣ хотя не связаны письменными трактатами, но одинаковость интересовъ заставляетъ ихъ дѣйствовать также единодушно, какъ будто они заключили самый священный договоръ. Къ

числу такихъ федерацій принадлежитъ Италія.» «Со дня коронованія Карла Великаго Италія едина въ таинственной церемоніи коронаціи; едина въ преданіи папскомъ и императорскомъ; едина въ послѣдовательности своихъ революцій».... (56).

Съ XI главы начинается разсматриваніе республикъ. «Депутаты или короли, члены деты дѣйствуютъ какъ трибуны. Сражаясь съ монархіей, они и неволѣ дѣлаются республиканцами. Абсолютизмъ Парижа учитъ Германію сохранять свою свободу»...(62) Законъ контрастовъ обнаруживается въ борьбѣ. Республика не имѣетъ подвижности и быстроты монархіи, но она отличается страшною тяжестью; она можетъ поднять на непріятеля каждый камень, каждый клочекъ земли; она можетъ сдѣлать изъ каждаго гражданина ѳермопильскаго Спартанца. Неподвижность закона первое условіе республикъ и федерацій. Эта неподвижность доходитъ иногда до того, что преобразуетъ порокъ въ право. Сила республики въ аристократіи: могущество Англіи въ лордахъ; величіе Германіи въ безчисленныхъ князьяхъ ея; Венеція и Римъ славою и благосостояніемъ были обязаны сенату; но не смотря на преобладаніе аристократіи, всякій свободный гражданинъ считаетъ себя равнымъ королю; непобѣдимая гордость говоритъ ему, что судьба свѣта зависитъ отъ него. Сколько гражданъ въ республикѣ, столько героевъ» (78). Богатство удѣлъ республикъ: «Оно упорно покровительствовало имъ въ Греціи, слѣдовало за карѳагенскими мореплавателями, благопріятствовало итальянскимъ коммунамъ, бодрствовала надъ благосостояніемъ Англичанъ» (79). Философы и ораторы большею частію являются въ республикахъ; но и республики старѣются: какъ скоро въ совѣщательныя собранія проникнетъ рутина и они начнутъ дѣйствовать противъ духа эпохи — паденіе ихъ неизбѣжно и республика переходитъ въ монархію, и народъ начинаетъ развиваться подъ новымъ началомъ, если только не пришла пора его смерти. Ни одинъ народъ не умираетъ натуральною смертью: онъ или быстро гибнетъ на полѣ сраженія, или медленно чахнетъ, разрываемый съ одной стороны федераціей, съ другой — монархіей. Разъ погибнувъ, онъ уже не воскресаетъ, если только обморока его не приняли за смерть.

Такимъ-образомъ всѣ формы государствъ могутъ быть приведены къ двумъ принципамъ: монархіи и республики. Въ борьбѣ между-собою они часто измѣняются, но законъ контрастовъ, и дуализмъ неизмѣненъ. Все что въ политикѣ оттѣняетъ борьбу монархіи и республики — все это переходитъ въ живопись, кра-

сиорѣчіе, скульптуру, музыку и философію. Магическая цѣль соединяетъ недовольныхъ цѣлаго міра; потрясеніе въ одномъ мѣстѣ отзывается повсюду. Надъ всѣмъ Царитъ рокъ. «L'hostilité seule est nécessaire, la dualité seule est de rigueur, et chaque donnée, quelle qu'elle soit, enfante la donnée opposée.»

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе перваго отдѣла первой части сочиненія г. Феррари. Ограниченные объемомъ статьи, мы должны были пропустить частности и ограничиться изложеніемъ, только наиболѣе важнаго.

Ошибочные выводы, искаженіе фактовъ, недостатокъ критики, происходятъ отъ того, что авторъ въ основу своей системы поставилъ ложное начало, что природа злой принципъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и утверждаетъ, что она безстрастна. Если она безстрастна, то не можетъ любить зла. Намъ кажется, что она разумна и послѣдовательна; а зло несогласно съ разумомъ. Не разрушеніе, но безпрестанное созиданіе имѣетъ она въ виду, а при безконечномъ переходѣ однихъ формъ въ другія — нѣкоторыя поражаютъ насъ кажущимся неразуміемъ, но это оттого, что наука наша не овладѣла еще вполнѣ исполинскими силами природы. Повинуясь врожденному стремленію къ наслажденію, человѣкъ борется съ нею, съ помощью науки и творчества. Природа противникъ его и въ тоже время союзница: ея же силами одерживаетъ онъ надъ ней побѣду, и побѣда эта полна чистаго высокаго наслажденія. Это борьба вѣчная; но за то и наслажденія ея также вѣчны. Но есть другая борьба, борьба человѣка съ человѣкомъ. Основанная на эгоизмѣ, она продолжается до тѣхъ-поръ, пока не разовьется чувство справедливости. Законъ историческаго движенія состоитъ въ развитіи индивидуальности и національности; личные интересы мѣшаютъ ему, одна партія старается удержать выгодное для себя положеніе; другая хочетъ сравняться съ нею въ правахъ. Происходитъ столкновеніе, которое всегда оканчивается побѣдой прогресса. Торжество реакціи мнимое; идея не умираетъ, исчезаютъ только нѣкоторые ея поборники; сама же она невидимо творитъ новыхъ послѣдователей себѣ и черезъ нѣсколько времени является въ большемъ блескѣ и величіи.

Мы совершенно согласны съ г. Феррари, когда онъ говоритъ, что революціи основываются на неудовлетворенномъ чувствѣ справедливости: «toute emeute est une question de droit tout révolutionnaire est un jurisconsulte, un pontife qu'un délire sacré révolte contre toutes les lois politiques (403).

Какъ неудовлетвореніе потребностей умственныхъ возбуждаетъ революцію, точно также возбуждаетъ ее неудовлетвореніе потребностей матеріальныхъ. Экономическій законъ тайно присутствуетъ при всякомъ переворотѣ, стѣсненіе въ мірѣ нравственномъ, непремѣнно отзывается въ мірѣ экономическомъ,— и исторія не представляетъ намъ невѣжественныхъ народовъ, которые были бы богаты. Такимъ образомъ, исторія выражаетъ борьбу между единицами и массами; всякая личность этихъ массъ спѣшитъ выдѣлиться изъ нихъ, чтобы сдѣлаться единицею, и мало-по-малу успѣваетъ въ этомъ. Сперва наслаждались только избранники природы, одаренные ею щедро — цари и герои; потомъ пришла очередь кастъ и наконецъ сословій; буржуазія уже выдвинулась впередъ; за нею на очереди стоятъ уврiеры. Торжество цивилизаціи состоитъ въ равноправномъ союзѣ, гдѣ каждая личность есть выраженіе націи, т. е. гдѣ сколько личностей, столько націй. Это идеалъ отдаленнаго будущаго. Но въ достиженіи къ нему, націи должны пройдти по длинной лѣстницѣ страданій. Формы, подъ которыми сражаются прогрессъ и обскурантизмъ, разнообразны до безконечности. И та, и другая идея принимаютъ въ разныя времена одну и ту же форму. Прогрессъ иногда совершается съ помощью деспотизма, иногда республики. Какъ скоро абсолютизмъ является выразителемъ прогрессивныхъ идей, онъ можетъ съ малыми средствами сдѣлать многое. Лучшимъ примѣромъ служитъ Петръ Великій. Немного людей было за него, но на его сторонѣ былъ прогрессъ, и великое дѣло преобразованія совершилось. Аристократическая республика представляетъ тѣже явленія: какъ скоро патриціатъ рода совпадаетъ съ патриціатомъ таланта — благосостояніе ея прочно; въ противномъ же случаѣ, не смотря на все наружное величіе, она близка къ паденію, и не выдержитъ первой сильной бури. Венеція была могущественна, но удаляя народъ отъ участія въ управленіи, сама себѣ ослабила, и за нарушеніе закона человѣческаго развитія, заплатила долговременною неволею. Демократія крѣпка только тогда, когда масса проникнута сознаніемъ правъ своихъ. Съ развитіемъ политическимъ совершается и развитіе умственное и нравственное, — и участіе народа въ управленіи, становится полнѣе и непосредственнѣе. Сознаніе и искусство понимать современность, важное дѣло въ развитіи человѣчества. Революціи безсознательныя оканчиваются паденіемъ ненавистныхъ личностей, сознательныя—паденіемъ ненавистныхъ принциповъ; онѣ входятъ въ кровь и плоть народа и составляютъ

основу для слѣдующихъ переворотовъ, тогда какъ первыя, укрощенныя паліативными мѣрами, возобновляются безплодно до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлаются сознательными. Понимяніе современности, составило силу Константина. Христіанство было ученіе прогрессивное, и въ ту эпоху значительно подкопало паганизмъ. Константинъ видѣлъ это, понялъ, что и безъ его вмѣшательства новое ученіе восторжествуетъ, и рѣшился дать ему послѣдній толчокъ, чтобы воспользоваться плодами побѣды. Микеле-Ландо, Кэдъ и другіе предводители плебса не успѣли, потому что пора соціальныхъ революцій еще не пришла; на очереди стояла буржуазія и Медичи, ея представители побѣдили. Въ Миланѣ Висконти убили демократическій элементъ и поставили въ принципъ своего могущества военное единство, представитель котораго Франческо Сфорца является побѣдителемъ несвоевременно-проявившагося демократическаго начала. Но эти явленія выражаютъ торжество исключительности, торжество касты и потому непрочны. Какъ скоро Медичи, доставивъ побѣду буржуазіи, остановились — республика быстро пошла къ разрушенію. Блескъ Сфорца былъ также ложенъ, какъ и принципъ его породившій, и не далъ Милану ничего, кромѣ кратковременной славы и долгихъ бѣдствій. Другое видимъ мы въ абсолютизмѣ, содержащемъ въ себѣ вѣчно живыя начала прогресса: критику и практическую дѣятельность. Генрихъ VIII понялъ, что государственная свобода и католицизмъ несовмѣстны — и реформа его не менѣе «Великой Хартіи» способствовала прогрессу Англіи. Безспорно вліяніе деспотизма въ такія эпохи оказывается и на литературу, и на другія искусства, но не въ такой степени какъ полагаетъ г. Феррари. Первая потребность прогресса — гласность; позволяя ее безгранично, благодѣтельный деспотизмъ укрѣпляетъ себя; заставляя молчать противниковъ своихъ намѣреній, онъ, тѣмъ не менѣе, покровительствуетъ людямъ сочувствующимъ ему, и такимъ образомъ находитъ выраженіе и поддержку своихъ идей въ литературѣ. Искусства постоянно выражаютъ идеи своего времени, но требуя отъ поклонниковъ своихъ эстетическаго образованія и значительныхъ издержекъ, дѣйствительно зависятъ отъ абсолютизма болѣе чѣмъ слово, доступное всякому. Подражаніе второстепенныхъ талантовъ великимъ мастерамъ, нельзя назвать торжествомъ деспотизма въ искусствѣ, какъ думаетъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія — нѣтъ! это стремленіе низшихъ организацій, къ сравненію съ высшими; это — новое проявленіе основнаго закона человѣческаго развитія.

Примѣры, приведенные г. Феррари, для показанія привязанности поэтовъ и ученыхъ къ деспотамъ; для доказательства неблагодарности республикъ къ дѣятелямъ слова—невѣрны. Петрарка и Боккаччіо не бѣжали изъ Флоренціи. Отецъ перваго былъ изгнанъ вмѣстѣ съ Данте, но тогда пѣвца Лауры еще не было на свѣтѣ. Онъ родился въ Ареццо въ 1304 году и всю жизнь былъ пламеннымъ поклонникомъ свободы. Сочиненія его и дружба съ Ріензи доказываютъ это. Поступивъ въ духовное званіе, онъ, естественно, долженъ былъ находиться въ сношеніяхъ съ папой, но и здѣсь онъ не измѣнилъ своему благородному характеру. Венеція дала ему право гражданства; Флоренція тоже внесла его въ списки своихъ гражданъ и предложила быть ректоромъ университета. Боккаччіо также не имѣлъ причинъ бѣжать изъ своего отечества. Пребываніе его въ Неаполѣ объясняется страстью къ Маріи, побочной дочери Роберта. Возвратясь во Флоренцію, онъ получилъ многочисленные знаки народнаго довѣрія: былъ нѣсколько разъ въ посольствахъ, добился учрежденія каѳедры Греческаго языка, и самъ получилъ каѳедру для объясненія «комедіи» Данте.

Аристотель слѣдовалъ за Александромъ, какъ за ученикомъ своимъ и апостоломъ греческой цивилизаціи съ тѣмъ, чтобы обогатить себя новыми свѣдѣніями въ естественной исторіи.

Платонъ пріѣхалъ въ Сицилію для изученія Этны, и только по просьбѣ Діона согласился остаться при дворѣ Діонисія. Не умѣя льстить, онъ возбудилъ негодованіе тирана и былъ проданъ въ рабство. Второе и третье путешествіе философа къ Діонисію-Младшему, были сдѣланы также по просьбѣ Діона, который надѣялся исправить царя съ помощью совѣтовъ Платона. Второй отдѣлъ первой части заключаетъ феномены исторіи, которыми г. Феррари старается подтвердить свою теорію. По его мнѣнію, съ достовѣрнаго появленія рода человѣческаго на поприще исторіи совершились слѣдующія одновременныя для всѣхъ націй явленія: сперва выступаютъ завоеватели, первые виновники рабства; за ними въ послѣдовательномъ порядкѣ двигаются герои, философы, демократы, избавители, первосвященники, поборники власти свѣтской и духовной, синьоры, изобрѣтатели и реформаторы. Внимательное изученіе исторіи показываетъ, что всякій историческій фазисъ продолжается около тридцати лѣтъ, всякій періодъ проходитъ четыре фазиса, и чрезъ каждые четыре періода, т. е. 500 лѣтъ, міръ обновляется.

Намъ кажется, раздѣленіе историческихъ дѣятелей на раз-

ряды, означенные выше, совершенно произвольно: исторія представляетъ намъ примѣры, какъ въ одномъ лицѣ соединяются герой, философъ и реформаторъ; какъ изобрѣтатели являются во всѣ времена, какъ философы бываютъ почти всегда реформаторами.

Ученіе г. Феррари объ историческихъ фазисахъ еще болѣе произвольно, и не оправдывается ни логикою, ни исторіей.

Идеи проникаютъ въ человѣчество медленно; прежде чѣмъ человѣкъ усвоитъ себѣ какую нибудь новую идею — онъ много перенесетъ. Борьба внутренняя съ прежними убѣжденіями, борьба внѣшняя съ ихъ представителями — вотъ что ожидаетъ всякаго на пути прогресса. Но какъ скоро идея найдетъ многочисленныхъ поборниковъ, движеніе ея сопровождается войною. Самыя мирныя ученія неизбѣжали этого. Врожденный человѣку инстинктъ самосохраненія побуждаетъ его отстаивать свое существованіе, свои убѣжденія всѣми зависящими отъ него средствами. Распространеніе идеи зависитъ отъ средствъ сообщенія: чѣмъ чаще и удобнѣе народы могутъ сходиться, тѣмъ обмѣнъ идей совершается быстрѣе. Опредѣливъ сроки для переворотовъ, г. Феррари отрицаетъ этимъ пользу телеграфовъ, книгопечатанія, желѣзныхъ дорогъ — и вообще сношеній людей между собою. Исторія блестящимъ образомъ опровергаетъ его вычисленія: французская революція не подходитъ подъ нихъ, также какъ и другая эпоха около 1000 л. по Р. Х. Въ это время, говоритъ авторъ, образовались новыя народности; сюда слѣдуетъ отнести начало Франціи и Германіи, обращеніе Славянъ и Скондинавовъ и организацію Англіи.

Не знаемъ, почему начало Франціи г. Феррари считаетъ съ Гуго Капетомъ? не знаемъ, къ какому именно императору относитъ онъ начало Германіи? Если къ Оттону 1-му, то онъ умеръ въ 973 — промежутокъ слишкомъ великъ: на цѣлый фазисъ. Организацію Англіи надо отнести или къ Альфреду (871 — 901) или къ Іоанну-Безземельному (Magna Charta 1215).

Вторая часть труда его посвящена разсмотрѣнію политики ученыхъ. Здѣсь онъ осуждаетъ почти всѣхъ писавшихъ до него публицистовъ за то, что они считали войну переходнымъ состояніемъ и называли анархію дочерью случая. Отдѣлавъ ихъ, онъ приступаетъ къ разбору ученій разныхъ итальянскихъ школъ, потому что въ нихъ выражены всѣ политическіе оттѣнки.

Политическія школы раздѣлены у него на четырѣ вѣка (ages) золотой, серебряный, мѣдный и желѣзный (?).

Первый открывается руководствомъ падестамъ (1222), подъ именемъ *Oculus Pastoralis:* это сборникъ совѣтовъ и рѣчей на разные случаи. За нимъ слѣдуютъ произведенія Ѳомы Аквинейскаго, Данте и Колонна. Первый представляетъ выраженіе деспотизма папскаго, второй императорскаго, третій королевскаго. *Oculus Pastoralis* не слишкомъ разборчивъ въ выборѣ средствъ; Данте и св. Ѳома также; одинъ только Колонна общими мѣстами нападаетъ на порокъ и показываетъ выгоду быть добродѣтельнымъ. Къ этому же вѣку относится школа классическая, олицетворенная въ Петраркѣ. Г. Феррари упрекаетъ его въ неопредѣленности и общихъ мечтахъ. Упрекъ несправедливый! Въ письмѣ къ императору Карлу IV онъ опредѣлительно говоритъ, что нужно сдѣлать; въ письмѣ къ папѣ Клименту VI онъ опредѣлительно указываетъ, что нужно для благосостоянія Рима. Во время революціи Ріензи, онъ опредѣлительно высказываетъ свои мнѣнія, порицая и одобряя трибуна. Если Петрарку можно упрекнуть въ чемъ, то развѣ въ увлеченіи: въ томъ, что онъ полагалъ возможность осуществленія древней республики на основахъ католицизма. Къ этому же періоду принадлежатъ Понтано, Капони, Савонарола и Маккіавелли. Всѣхъ ихъ г. Феррари разсматриваетъ сообразно ихъ отношеніямъ къ выбранной имъ теоріи, забывая, что они не имѣли въ виду представить теорію политики какъ Аристотель, но хотѣли только дать совѣты современникамъ какъ имъ выпутаться изъ стѣсненнаго положенія. Всякое изъ ихъ ученій выражало насущную потребность вѣка. Италія нуждалась въ деспотизмѣ — и вотъ св. Ѳома и Данте требуютъ его: ошибка ихъ въ томъ, что они не допуская мѣстнаго деспотизма, хотѣли единства папскаго или императорскаго, т. е., централизаціи и реакціи: событія не допустили это и всюду явились тираны. Теорія и практика въ эти времена идутъ рука объ руку и взаимно дополняютъ другъ друга. Петрарка и Ріензи, Маккіавелли и Цесарь Борджіо невольно представляются вмѣстѣ.

Далѣе г. Феррари разсматриваетъ школы вѣка серебрянаго, мѣднаго и желѣзнаго; первый изъ нихъ онъ ограничиваетъ промежуткомъ отъ 1530 до 1576; второй оканчиваетъ 1649; третій Французской революціей. Въ этомъ отдѣлѣ много любопытнаго; но, къ несчастью, оно тонетъ въ безднѣ фразерства и парадоксовъ. Итальянская политика касалась всего; четыреста двадцать четыре писателя, занимавшіеся ею въ Италіи, дали наставленія не только для государствъ, но и для министровъ и для придворныхъ. Отсутствіе всякихъ нравственныхъ принциповъ, совѣты

какъ льстить, лицемѣрить и грабить — составляютъ отличительныя черты этихъ произведеній. Такъ Карбонаріо совѣтуетъ вновь назначенному губернатору тотчасъ послѣ представленія папѣ, побывать у всѣхъ кардиналовъ; потомъ заказать мессу у одного изъ самыхъ уважаемыхъ священниковъ; пріѣхавъ, не раздѣваясь, отслужить молебенъ, потомъ удалиться и не принимать никого втеченіе времени, которое губернаторъ найдетъ приличнымъ для своей репутаціи. Дуччи, Сисмонди и другіе пишутъ цѣлые трактаты о придворныхъ, научая ихъ льстить государю, не являться къ нему до завтрака или когда онъ въ припадкахъ ипохондріи или недовѣрія; просить милостей во время праздниковъ, когда онъ веселъ и расположенъ къ сердечнымъ изліяніямъ. Верруа даетъ совѣты молодому прелату къ какому кардиналу слѣдуетъ поступать на службу: «слишкомъ глупый начальникъ утомителенъ; слишкомъ искусный приведетъ въ отчаяніе; никакая хитрость не поможетъ при синьерѣ хитромъ. Выбирайте же посредственность, ищите дружбы іезуитовъ и поступайте дурно только изрѣдка.... (348)

Обозрѣвъ всѣ эти школы г. Феррари восклицаетъ: «c'est encore la loi de la douleur qui donne une si grande supériorité numérique et intellectuelle aux écrivains de la politique italienne. A travers des évocations gréco-romaines et, un langage dicté par les muses, ils décrivent l'Etat de manière a étonner tous les veritables Etats de l'Europe. D'aprés la proportion de leurs habitants, ceux-ci auraient dû opposer 4240 écrivains aux 424 politiques italiens: mais n'ayant aucun motif pour réfléchir sur le fait accompli de leurs gouvernements fermes et compactes, ils se bornent à suivre l'impulsion italienne par l'entremise de 494 auteurs en se plaçant ainsi de dix degrés au-dessous de la terre des pontifes. Et, si on considère que Florence fut l'Etat le plus agité, le plus ouvert aux révolutions générales, le plus violemment déchiré par les guelfes et par les gibelins, par le pape et par l'empereur, par Rome et par Milan, on comprendra qu'elle a t á elle seule produit les premiérs politiques, Dante, Machiavel, Gino Capponi, Giannotti; qu'elle ait ouvert ses tribunes à savonarola, ses bibliothéques á Ammirato, qu'elle ait revendiqué Petrarque, fils d'un de ses exilés, et qu'elle ait produit vingt politiques, tandis que la statistique proportionelle de l'Italie ne lui en demandait que deux ou trois». (357—358)..

Новое доказательство жизненности и многосторонняго развитія итальянскихъ республикъ!

Слѣдующая глава занимается вопросомъ о вліяніи итальянскихъ школъ на другія.

Вліяніе это преувеличено, оно ограничивалось преимущественно Маккіавелли, который заключаетъ въ себѣ résumé предшествовавшихъ школъ и котораго немилосердно обирали школы последующія (*). Сочиненіе г. Феррари оканчивается теоріей предвидѣнія. Онъ полагаетъ, что философъ, основываясь на выведенныхъ законахъ о правильности переворотовъ, можетъ заранѣе предугадать будущія сраженія, торжество и гибель партій; передъ нимъ нѣтъ ни одного нечаяннаго происшествія, ни одного непредвидѣннаго возмущенія. Чтобы схватить идею эпохи, надо отбросить анекдоты, сплетни, личныя надежды и сосредоточить свое вниманіе на фактахъ самыхъ важныхъ, которые всѣ знаютъ и въ которыхъ никто не сомнѣвается. «Ainsi la société actuelle s'explique par le code, par la propriété, soustracte au noble et au prêtre; elle dirige l'industrie, le commerce, l'armée, le gouvernement, la religion» (416) Но эти вопросы постоянно занимали человѣчество, отъ Миноса и Ликурга до новѣйшихъ соціалистовъ включительно. Предугадать торжество индивидуальности не мудрено, потому что оно лежитъ въ основѣ человѣческаго развитія, потому что полное наслажденіе возможно только при полнотѣ личности. Признаемся, мы плохо вѣримъ предсказанію г. Феррари, что въ 3500 г. по Р. Х. эксплоатація земнаго шара будетъ доведена до апогея съ республиками въ одномъ полушаріи и монархіей въ другой. Чтоже касается до предположенія его, что искусство угадывать — достояніе жрецовъ, перейдетъ къ философамъ, мы думаемъ, что оно совершенно уничтожится, потому что людямъ некогда будетъ заниматься этой игрой празднаго воображенія. Отгадывать можно только факты ближайшіе къ намъ, и то когда извѣстны всѣ причины грядущаго событія, да и тутъ не мудрено ошибиться. Только слишкомъ общія положенія составляютъ исключенія изъ того правила. Всякое важное открытіе въ области естественныхъ наукъ можетъ значительно измѣнить судьбы міра; всякая сильная личность, явившись защитницей какого нибудь принципа, можетъ обмануть наши предположенія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе новаго произведенія г. Феррари. Если бы мы хотѣли коснуться всѣхъ частностей,

---

*) См. Русское Слово. 1859. N. 4 и 5. ст. Макіавелли.

всѣхъ ошибокъ его какъ на поприщѣ исторіи, такъ и въ философскихъ воззрѣніяхъ — пришлось бы исписать томы. Съ одинаковой довѣрчивостью принимаетъ онъ творенія Макіавелли и Гвичардини, и сказанія темныхъ лѣтописцевъ; Геродотъ и Титъ Ливій приняты имъ безъ повѣрки: онъ признаетъ всѣ преданія, считаетъ въ Греціи во время Перикла до 15,000,000 жителей; въ Римѣ до 6,000,000; полагаетъ, что Сибарисъ могъ выставить 300,000 воиновъ и проч.; страсть къ парадоксамъ завлекаетъ его иногда такъ далеко, что онъ не видитъ событій, совершающихся предъ его глазами. Итальянецъ гордится повиновеніемъ папѣ и императору говоритъ онъ. А современная война? А исторія? Кажется онѣ говорятъ другое. Прибавьте къ этому напыщенность и неясность, отличающія вообще всѣ сочиненія г. Феррари, и вы получите полное понятіе о новомъ его произведеніи.

В. ПОПОВЪ.

Нѣсколько словъ объ Альфредѣ Великомъ.

Кому неизвѣстно имя Альфреда Великаго? Кто, пробѣгая лѣтописи среднихъ вѣковъ, не останавливался съ особенной любовью на этой благородной личности, представляющей прекрасное соединеніе высокаго правительственнаго ума съ чистотою нравственныхъ убѣжденій и добродѣтелями частнаго человѣка? И, однакожъ, въ жизни Англо-Саксонскаго короля есть моментъ, бросающій нѣкоторую тѣнь на величавый образъ его. Мы разумѣемъ первые годы царствованія Альфреда, обнимающіе періодъ времени (871—878) отъ избранія его въ короли Вессекса, до той поры, когда онъ принужденъ былъ оставить престолъ и вести жизнь изгнанника. Но спрашивается: дѣйствительно ли самъ Альфредъ былъ виною постигшаго его несчастія или, можетъ быть, такое объясненіе есть одна изъ тѣхъ историческихъ фантазій, которыя, получивъ ложное право гражданства въ наукѣ, рано или поздно должны разсѣяться передъ свѣтомъ здравой критики. Мы охотно раздѣляемъ послѣднее мнѣніе, и увѣрены, что съ нами согласится каждый, кто приметъ на себя

трудъ прочитать вышедшее въ 1852 году сочиненіе доктора Вейса, подъ заглавіемъ «Geschichte Alfreds des Grossen, von Dr. J. B. Weiss, Schaffhausen.» (Исторія Альфреда Великаго). Опираясь на доказательства, приведенныя ученымъ авторомъ, попытаемся очистить отъ несправедливаго укора память одного изъ лучшихъ вождей Англіи, имѣющаго полное право на признательность не только своего народа, но и всего образованнаго человѣчества.

Не скроемъ, что наша попытка многимъ можетъ показаться ересью и что намъ не благопріятствуетъ не только голосъ людей, считающихся авторитетомъ въ наукѣ, но и свидѣтельства современниковъ и, притомъ такихъ, которыхъ ни какъ нельзя заподозрѣть въ желаніи унизить Альфреда. Вотъ напримѣръ, что говоритъ другъ и наставникъ его, извѣстный епископъ Ассеръ, или лучше сказать, (о чемъ будетъ рѣчь ниже) авторъ дошедшаго до насъ сочиненія, приписываемаго Ассеру *): «Въ 878 году Альфредъ съ немногими изъ своихъ приближенныхъ и вассаловъ въ лѣсахъ и болотахъ Сомерестскихъ, велъ безпокойную жизнь, исполненную лишеній: онъ не имѣлъ ничего, кромѣ того, что добывалъ силою или хитростью у язычниковъ (т. е. Датчанъ) и тѣхъ христіанъ, которые подпали подъ власть язычниковъ и, какъ разсказывается въ жизнеописаніи Св. Неота, жилъ въ хижинѣ одного пастуха.» Сообщивъ анекдотъ о женѣ пастуха, поручившей однажды своему постояльцу надзирать за поставленными въ печь хлѣбами, набожный авторъ продолжаетъ: «Господь даровалъ достославному королю не одну только побѣду надъ врагами и счастіе въ несчастіи, но и допустилъ, чтобы онъ въ свою очередь побѣжденъ былъ непріятелями, подвергся гоненію и навлекъ на себя презрѣніе своихъ подданныхъ, дабы онъ зналъ, что Господь выше всего, что въ рукѣ Его сердца царей, что Онъ низвергаетъ съ престола сильныхъ и возвышаетъ смиренныхъ, а иногда посылаетъ испытанія и на своихъ вѣрныхъ, дабы они въ несчастіи неотчаявались въ Божескомъ милосердіи, а въ счастіи не кичились и знали кому обязаны всѣмъ, что имѣютъ. Я не думаю, чтобы бѣдствіе, постигшее короля, не было имъ заслужено **): ибо въ первые годы своего царство-

---

*) См. Asserius de rebus gestis Aelfredi въ изданіи: Monumenta Historica Britanica, 1848, vol. 1, p. 480—481.

**) Quam siquidem adversitatem praefato regi illatam non immerito ei evenisse credimus, quia in primo tempore regni sui, cum adhuc juvenis erat, ani-

ванія, когда онъ былъ еще молодъ и увлекался юношескою самонадѣянностію, къ нему часто приходили его подданные просить защиты противъ притѣсненія властей, но онъ не хотѣлъ ихъ выслушивать и не обращалъ ни какого вниманія на ихъ жалобы, что сильно огорчало его родственника Св. Неота, котораго пророческій смыслъ предсказалъ королю великое несчастіе, впослѣдствіи разразившееся надъ нимъ. Но Альфредъ не слушалъ совѣтовъ отшельника-мужа и не вѣрилъ въ пророчество. Но какъ каждый проступокъ человѣка наказывается въ сей или будущей жизни, то правдивый судья наказалъ короля въ этой жизни за его неразуміе, чтобъ избавить его осужденія на страшномъ судѣ. Потому-то Альфредъ и впалъ въ такую бѣду, что никто не зналъ: гдѣ онъ и что съ нимъ случилось.»

Хотя другіе свидѣтели, по времени ближайшіе къ Ассеру какъ то: Саксонская Хроника, Этельвардъ, Генрихъ Гунтингдонъ, Семеонъ Дунельмскій и Флоренцъ, ничего не говорятъ о порокахъ Альфреда, но въ дошедшихъ до насъ его біографіяхъ, принадлежащихъ эпохѣ норманскаго завоеванія, онъ изображается гордымъ, жестокимъ и распутнымъ. Матвѣй Вестъ-Минстерскій, Іоаннъ Тинмутъ, Валлингфордъ пользовались этими источниками и повторяютъ упреки, взводимые ими на Альфреда, въ-особенности послѣдній, обвиняющій его въ самомъ возмутительномъ развратѣ *).

Чтобы объяснить противорѣчіе въ характерѣ Альфреда и сдѣлать понятнымъ, какимъ образомъ король, бывшій любимцемъ

---

moque juvenili detentus fuerat, homines sui regni sibique subjecti, qui ad eum venerant, et pro necessitatibus suis eum requisierant, et qui depressi potestatibus erant, suum auxilium et patrocinium implorabant; ille vero noluit eos audire, nec aliquod auxilium impendebat, sed omnino eos nihili pendebat: quod beatissimus vir Neotus adhuc vivens in carne, qui erat cognatus suus, intimo corde doluit; maximamque adversitatem ob hoc ei venturam spiritu prophetico plenus praedixerat; sed ille et piissimam viri Dei correptionem parvi pendebat et verissimam ejus prophetiam non recipiebat. Quia igitur quicquid ab homine peccatur, aut hic, aut in futuro necesse est ut quolibet modo puniatur, noluit verus judex illam regis insipientiam esse impunitam in hoc seculo, quatenus illi parceret in districto judicio. Quare ergo idem saepedictus Aelfredus in tantam miseriam incidit, ut nemo sciret, ubi esset, vel quo devenisset.

*) Virgines et caste vivere volentes suae luxuriae vel invitas vel voluntaneas subdere omni studio festinavit.

своего народа, былъ оставленъ имъ въ критическую минуту, новѣйшіе историки прибѣгали къ разнымъ гипотезамъ. Августинъ Тьерри *) думаетъ, что Англо-Саксы охладѣли къ Альфреду за его стремленіе къ политическимъ реформамъ, вслѣдствіе знакомства его съ бытомъ древнихъ Римлянъ, и непомѣрную строгость, съ которою онъ наказывалъ корыстолюбивыхъ и пристрастныхъ судей; другіе ученые, какъ напримѣръ Турнеръ **) и Лингардъ ***), приписываютъ несчастіе, постигшее короля, просто недостатку въ немъ энергіи и вообще недостойному вѣнценосца поведенію, отвратившему отъ него сердца подданныхъ. Но эти объясненія нисколько не удовлетворяютъ изслѣдователя. Трудно представить, чтобы Альфредъ, котораго всѣ правительственныя дѣйствія и сочиненія носятъ на себя печать генія и нравственнаго величія, о которомъ сохранилось преданіе, что, однажды, когда онъ находился въ изгнаніи, подѣлился послѣднимъ кускомъ хлѣба съ нищимъ, пришедшимъ просить милостыни, чтобы этотъ самый Альфредъ могъ когда нибудь быть сластолюбцемъ и тираномъ? Что касается до гипотезы Тьерри, то и она не имѣетъ твердаго основанія: хотя авторъ въ доказательство строгости Альфреда и приводитъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, но нельзя доказать, чтобы примѣры эти относились къ первымъ годамъ царствованія Альфреда, то есть, къ эпохѣ предшествовавшей случившемуся съ нимъ несчастію и, притомъ, положительно извѣстно, что онъ въ это время не зналъ еще по латыни и, слѣдовательно, не могъ позаимствовать у Римскихъ писателей идеи централизаціи и задуманныхъ имъ реформъ, будто бы возстановившихъ противъ него Англо-Саксовъ.

Для составленія вѣрнаго понятія о вопросѣ, насъ занимающемъ, не должно забывать, что позднѣйшіе лѣтописцы судили о могуществѣ Вессекса по тому состоянію, въ которое онъ поставленъ былъ Альфредомъ, упустивъ изъ виду, что средства последняго, при вступленіи его на престолъ, были крайне ограничены. Задавъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ Норманны въ такое короткое время могли ниспровергнуть зданіе, воздвигнутое Эг-

*) Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Paris 1846, v. 1, p. 109.

**) Turner Hist. of the Anglosaxons, vol. 1, p. 537—550.

***) Gesch. Engl. 1, S. 205.

бертомъ, они отвѣчали, согласно религіозному духу вѣка, который видѣлъ во всемъ перстъ провидѣнія, не стараясь вникать въ естественныя причины явленій. Богъ послалъ испытаніе на Вессексъ для исправленія Альфреда. Этотъ отвѣтъ вполнѣ удовлетворялъ цѣлямъ автора сочиненія, приписываемаго Ассеру. Какъ Эгингардъ въ своемъ жизнеописаніи Карла-Великаго руководствовался біографіею Августа, написанною Светаніемъ, такъ историкъ Альфреда принялъ за образецъ царя Давида. Подобно послѣднему, Альфредъ отличался съ молоду необыкновенными способностями и, еще будучи отрокомъ, помазанъ былъ на царство. Поэтъ, герой, любимецъ своего народа, также, какъ и сынъ Іесея, онъ, подобно ему, подвергся гоненію, но впослѣдствіи также какъ и Давидъ, прославилъ и возвысилъ свое царство. Все человѣческое носитъ на себѣ печать несовершенства, а потому и Альфредъ имѣлъ свои недостатки, и у него былъ свой Наѳанъ, убѣждавшій его раскаяться и предсказавшій ему постигшее его несчастіе. Наѳанъ Альфреда — его родственникъ Св. Неотъ.

Истинныхъ причинъ катастрофы должно искать не въ дурныхъ отношеніяхъ Альфреда къ своимъ подданнымъ и недостаткѣ въ немъ энергіи, но въ скудости его средствъ и отчасти въ хитрой политикѣ Готруна, лукавѣйшаго изъ Норманновъ. Утвердивъ свою резиденцію въ Глочестерѣ, послѣ неудачнаго похода въ Вессексъ, этотъ вождь Датчанъ роздалъ своимъ ветеранамъ земли въ награду за ихъ службу и, прикинувшись, будто бы мирныя занятія поглощаютъ все его вниманіе, втайнѣ обдумывалъ новый военный планъ, клонившійся къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ англо-саксонскаго владычества въ Британіи. Зимніе походы были дотолѣ неслыханнымъ дѣломъ въ лѣтописяхъ датскихъ набѣговъ. Послѣ лѣтнихъ трудовъ дружинники обыкновенно предавались нѣсколько мѣсяцевъ сряду праздности и кутежу и весьма вѣроятно, что воины Готруна столь же мало знали о намѣреніяхъ своего вождя, какъ и Англо-Саксы. Въ началѣ 878 года они неожиданно получаютъ приказаніе въ назначенный срокъ собраться въ походъ и, спустя нѣсколько дней, въ ихъ рукахъ находилась королевская вилла Чиппенгамъ, лежавшая на лѣвомъ берегу Авона. Надобно думать, что во время нападенія самъ Альфредъ былъ на виллѣ, или по крайней мѣрѣ вблизи отъ нея, и что дѣло не обошлось безъ стычки. Бромтонъ въ своей хроникѣ говоритъ даже о битвѣ при Чип-

пенгамѣ, окончившейся не въ пользу Англо-Саксовъ. Во всякомъ случаѣ, застигнутые въ расплохъ Норманнами, они не могли дать имъ отпора и Альфреду оставалось одно изъ двухъ: или искать смерти, бросившись въ ряды непріятелей, или же уклониться отъ бури и предоставить времени поправленіе своего отчаяннаго положенія. Все кругомъ было во власти Норманновъ. Если бы палъ Альфредъ, то съ нимъ погибла бы англо-саксонская народность: рабство или истребленіе было бы удѣломъ ея. Конечно, небольшіе отряды партизановъ, могли бы еще долго держаться въ горахъ и лѣсахъ противъ Норманновъ, но объ Англо-Саксонской монархіи и соединеніи въ одно цѣлое отдѣльныхъ англо-саксонскихъ государствъ нельзя было и думать. Только одинъ Альфредъ могъ возстановить падшій престолъ Эгберта, гдѣ онъ былъ, тамъ былъ Вессексъ. Съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ впослѣдствіи высокомѣрный Людовикъ XIV-й, Альфредъ могъ сказать о себѣ: «государство — это я.» Онъ великъ тѣмъ, что мужественно перенесъ свое несчастіе, не отчаявался въ своемъ спасеніи, не утратилъ вѣры въ Бога и свой народъ. Альфредъ съ немногими изъ приближенныхъ бѣжалъ въ Сомерптскую область, которая окружена была болотами и лѣсами и которую самая бѣдность ея предохраняла отъ вторженія непріятеля. Сюда съѣхались его супруга, дѣти, тёща и сестра, какъ скоро получили извѣстіе о мѣстѣ его пребыванія. Но для Норманновъ, также какъ и для Англо-Саксовъ, Альфредъ не существовалъ, никто не зналъ, гдѣ онъ находится и что съ нимъ сталось.

Намъ могутъ сказать, что представленному нами изложенію дѣла противорѣчитъ свидѣтельство современника. Возраженіе это имѣло бы большой вѣсъ, если бы было доказано, что дошедшая до насъ біографія Альфреда, приписываемая Ассеру, дѣйствительно написана имъ; но изъ внимательнаго критическаго разбора этого сочиненія оказывается, что въ немъ, вмѣстѣ съ мѣстами, несомнѣнно принадлежащими Ассеру, встрѣчаются и такія, авторомъ которыхъ Ассеръ ни какъ не могъ быть. Укажемъ на главнѣйшія изъ этихъ послѣднихъ мѣстъ, дающія законный поводъ сомнѣваться. Таково напримѣръ извѣстіе о посѣщеніи Альфредомъ Оксфорда, для прекращенія распрей, возникшихъ между преподавателями тамошняго университета. Уже Турнеръ доказалъ, что это извѣстіе есть чистая сказка, которая

впервые пущена въ ходъ въ 1603 году Камденомъ въ его изданіи Ассера, для поддержанія притязаній Оксфордскаго университета, по случаю спора, возникшаго между имъ и Кембриджскимъ университетомъ о томъ, какое изъ сихъ двухъ заведеній древнѣе *).

О посѣщеніи Альфредомъ Оксфорда нѣтъ ни слова ни въ одномъ изъ извѣстныхъ доселѣ манускриптовъ, а также въ вышедшемъ въ 1574 году изданіи Ассера, которымъ ученый міръ обязанъ архіепископу Кентербурійскому Паркеру; слѣдовательно подлогъ очевиденъ. Да и университета въ Оксфордѣ, въ царствованіе Альфреда, не было и не могло быть. Начало этихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Европѣ, относится къ эпохѣ крестовыхъ походовъ, когда западныя государства, увлеченныя примѣромъ аравійскихъ училищъ на Востокѣ и въ Испаніи, пожелали имѣть и у себя подобныя учрежденія. До того же времени пріютомъ наукѣ служили исключительно монастырскія школы. Еще бóльшую несообразность представляетъ слѣдующее мѣсто: «въ 876 году Роллонъ вторгся въ Нормандію. Этотъ вождь Норманновъ Роллонъ, когда зимовалъ въ древней Британіи или Англіи, однажды видѣлъ сонъ, возвѣстившій ему его будущее возвышеніе.»

Саксонская хроника ни слова не говоритъ объ этомъ видѣніи; напротивъ приписываемая Ассеру лѣтопись подробно описываетъ сонъ и впечатлѣніе, произведенное имъ на Роллона, который съ этихъ поръ еще болѣе утвердился въ своихъ завоевательныхъ планахъ. Что люди, подобные Роллону, не увлекаются снами, едва ли нужно доказывать. Но Ассеръ и не могъ быть авторомъ приписываемыхъ ему строкъ: ибо онъ умеръ въ 910 году, а извѣстность Роллона началась съ 912 года, когда онъ сдѣлался герцогомъ Норманскимъ и своимъ энергическимъ правленіемъ обратилъ на себя вниманіе міра. Это мѣсто въ Ассерѣ даетъ поводъ думать, что книга написана въ эпоху норманскаго владычества; для Англіи Роллонъ впервые пріобрѣлъ значеніе, какъ родоначальникъ Вильгельма-Завоевателя. Для чего онъ видитъ сонъ въ Англіи? потому что потомки его всту-

---

*) Ср. также Lappenberg Geschichte von England (въ изд. Истор. Европ. Госуд. Герена и Укерта, Томъ I-й, стр. 339-340).

пили на англійскій престолъ. Ассеръ не могъ сказать: «Провидѣніе избрало своимъ сосудомъ предводителя пиратовъ, Роллона, удостоивъ его видѣнія, въ которомъ открыло ему, что онъ сдѣлается обладателемъ Нормандіи; въ Англіи оно послало ему этотъ сонъ въ знакъ того, что потомки его будутъ царствовать въ этой странѣ.» Далѣе подъ 853 годомъ читаемъ: «Король Этельвульфъ послалъ сына своего Альфреда съ многочисленной и блестящей свитой въ Римъ, гдѣ въ то время былъ на папскомъ престолѣ Левъ IV-й, который вышепоименованнаго отрока Альфреда помазалъ на царство и принялъ вмѣсто сына.» Это извѣстіе, хотя его повторяютъ всѣ англійскіе лѣтописцы, есть рѣшительно вставка позднѣйшаго времени, когда величіе Альфреда объясняли тѣмъ, что онъ еще въ дѣтствѣ посвященъ былъ въ цари. Въ 853 году Альфреду было всего четыре года, и въ такомъ возрастѣ, не смотря на раннее развитіе и привлекательную наружность, онъ все-таки былъ ребенкомъ и конечно никто не могъ тогда предсказать, что изъ него выйдетъ великій человѣкъ. Да и могли ли согласиться на разлуку съ нимъ его родители? Въ-особенности трудно предположить, чтобы нѣжно любившая его мать, рѣшилась отпустить своего сына въ далекую Италію, куда нужно было ѣхать моремъ, гдѣ крейсировали норманскіе пираты и для чего? чтобы доставить ему посвященіе и тѣмъ вооружить противъ него старшихъ братьевъ и посѣять раздоръ въ семействѣ. Наконецъ, статочное ли дѣло, чтобы папа Левъ помазалъ на царство четырехлѣтняго ребенка? Говоритъ ли объ этомъ хотя одинъ изъ писателей твердой земли? Весь разсказъ о первой поѣздкѣ Альфреда въ Римъ есть чистая выдумка. Приведенныя выше мѣста, которыхъ можно бы указать гораздо больше, достаточно свидѣтельствуютъ, что Ассеръ не могъ быть авторомъ дошедшей до насъ біографіи Альфреда, и что она написана гораздо позднѣе, вѣроятно, какимъ нибудь монахомъ, который, имѣя въ рукахъ подлинное сочиненіе Ассера, сдѣлалъ изъ него неудачную компиляцію, сокративъ въ-особенности все, касавшееся до военныхъ дѣйствій и прибавивъ отъ себя, въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, нѣсколько фактовъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ весьма сомнительной достовѣрности.

Доказавъ шаткость свидѣтельства, на которое обыкновенно ссылаются въ оправданіе мнѣнія, что первые годы царствованія Альфреда-Великаго, будто бы находятся въ разладѣ съ послѣ-

дующею его дѣятельностію, мы считаемъ себя вправѣ сказать, что мнѣніе это не имѣетъ достаточнаго основанія и подлежитъ исправленію *).

АЛЕКСАНДРЪ РОСЛАВСКІЙ-ПЕТРОВСКІЙ.

---

*) Такъ напр. въ руководствѣ профессора Лоренца (см. 1-е Отд. II-й части, стр. 463—464) читаемъ: «Альфредъ представляетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ и самыхъ занимательныхъ характеровъ, какіе только встрѣчаются въ исторіи среднихъ вѣковъ. Но несчастіе должно было образовать этотъ характеръ и пробудить въ немъ мужество, которое онъ показалъ не тотчасъ по вступленіи на престолъ.» Далѣе ученый авторъ продолжаетъ: «Величіе его (Альфреда) характера обнаружилось тѣмъ, что онъ въ своемъ уничиженіи позналъ самого себя и несчастіе даровало ему силу мужественно завоевать и мудро утвердить то, что онъ потерялъ по *слабости* и *неразумію.* Самъ даже Паули, написавшій весьма дѣльную монографію Альфреда (König Aelfred. Berlin 1851), не отвергаетъ, что случившееся съ королемъ несчастіе, имѣло на него благодѣтельное вліяніе, выражаясь о немъ слѣдующимъ образомъ: «Ernste Prüfung und Läuterung hatte ihn wie ein edles Metall von den Schlacken befreit» (см. стр. 301.)

СМѢСЬ.

Автобіографія.

Я родилась въ 1823 году, въ городѣ Костромѣ, въ семействѣ купцовъ Кобяковыхъ. Не стану входить въ мелкія семейныя подробности и выводить на сцену весь бытъ старинныхъ людей, со всѣми печальными картинами глухой провинціальной жизни. Я хочу только сказать, какія причины заставили меня взяться за перо и какое вліяніе имѣли на меня люди близкіе мнѣ. Начинаю съ моего дѣтства.

Я помню себя съ трехъ-лѣтняго возраста, и всѣ тѣ лица, которыя окружали мое младенчество, живо проходятъ въ моей памяти, такъ живо, какъ будто это было вчера.

Семейство наше состояло изъ двухъ братьевъ стариковъ, старшій былъ вдовецъ бездѣтный; младшій — глава семейства. Мой родной дѣдъ былъ женатъ, имѣлъ дочь замужнюю, двухъ женатыхъ сыновей и дочь дѣвицу. Отецъ мой былъ младшимъ сыномъ дѣдушки; они торговали въ одной лавкѣ образами, книгами, красками и проч: характеръ моего отца былъ застѣнчивый, потому что онъ жилъ вдали отъ людей, невходилъ ни въ какія сношенія съ сосѣдями и ничего не зналъ, что̀ дѣлается за порогомъ лавки. Онъ почти буквально повиновался совѣтамъ дѣдушки и бабушки, которые внушили ему, что «въ лавкѣ надо сидѣть,» переломя ногу и запорогъ не выглядывать» а тѣмъ болѣе избѣгать товарищей, которые могутъ завлечь въ какія нибудь *качества*. Продавать товаръ и читать было единственнымъ занятіемъ моего отца; но, увы! его начитанность была Вавилонскимъ смѣшеніемъ всего, что̀ попадалось подъ руку; примѣнить

ее къ дѣйствительной жизни также было трудно, какъ изъ листа библіи построить плугъ или соху. Напротивъ эта странная, уединенная жизнь имѣла тяжелое вліяніе на складъ его характера, и онъ навсегда остался нелюдимъ и робокъ.

Совсѣмъ иныхъ наклонностей былъ мой дядя; торгуя въ другой лавкѣ, онъ стоялъ выше по развитію, былъ общежительнаго и веселаго характера, любилъ показаться *въ люди*, и послѣ дорого поплатился за эту любовь.

Всѣ члены семейства жили въ одномъ домѣ, объявляя капиталъ по 3-й гильдіи; домъ нашъ былъ каменный, двухъ-этажный; при немъ находился заводъ восковыхъ свѣчъ, а при лавкѣ двоюроднаго дѣдушки ренсковой погребъ, но приказчиковъ у насъ не было.

Старики жили на старый ладъ, носили бороды и руские кафтаны, — не пили ни вина, ни чаю, и оба любили почитать священное писаніе; брань и божбу они считали грѣхомъ; честность ихъ была извѣстна всему городу, хотя никто не считалъ ихъ людьми богатыми; между собой они никогда не ссорились, но и особой ласки не оказывали другъ-другу, скорѣе вслѣдствіе натуральной дикости, чѣмъ отъ недостатка любви и взаимнаго сочувствія.

Бабушка моя была типическая личность, сложившаяся подъ условіями той суровой дѣйствительности, которая даетъ упорную волю и стираетъ нѣжныя черты женскаго сердца; не глупая отъ природы, въ другомъ кругу и при другихъ обстоятельствахъ она была бы замѣчательной женщиной, но всѣ ея силы истратились попусту или приняли самое жалкое направленіе.

Она была тяжела для многихъ, тѣмъ болѣе, что въ домѣ деспотическая воля ея исполнялась безусловно даже самимъ дѣдушкой. Ведя простую и самую строгую жизнь, она вовсемъ и вездѣ видѣла грѣхъ; волосы подъ гребенку, помада, пѣсни — все было страшнымъ преступленіемъ; особенно подъ ея характеръ не подходила моя мать, женщина веселаго нрава, любившая удовольствія, и изнѣженная отцомъ до аристократической лѣности. Старшая сноха гораздо больше нравилась старушкѣ, и была болѣе любима.

Я, можетъ быть, слишкомъ распространяюсь о характерѣ бабушки, но это потому, что я обязана ей больше, чѣмъ кому нибудь въ моемъ семействѣ. Моя мать, не смотря на то, — что я была первая дочь ея, не хотѣла кормить меня своей грудью, а имѣть кормилицу Кобяковы были не въ состояніи, — и потому

они заблагоразсудили сдать меня на руки бабушки. И я продолжала рости *на рожкѣ*. Когда мнѣ минуло пять лѣтъ, мать посадила меня въ началѣ великаго поста за славянскую азбуку; я плакала и зубрила ее. Не знаю, почему такъ рано ей вздумалось меня учить, тѣмъ болѣе, что я росла щедушнымъ ребенкомъ; бабушка меня страшно баловала, видя вовсѣхъ моихъ капризахъ желанія умнаго ребенка, отчего я сдѣлалась упряма до раздраженія. Однакожъ сколько я не хныкала, учиться было надо, и я къ пасхѣ кончила невыносимо-скучную азбуку.

Послѣ Пасхи хотѣли посадить меня за псалтирь, но погода стояла такая теплая, такая прекрасная, такъ манила меня изъ дому, на зеленый лугъ и на солнышко, что бабушка рѣшительно не приказала меня неволить. «Пусть, дескать, ребенокъ погуляетъ, говорила она, не къ спѣху — успѣетъ выучиться» и я гуляла весну, лѣто и осень, забросивъ забытую азбуку. Наконецъ въ Декабрѣ, опять усадили меня за книгу, но сколько я ни вертѣла ее, не помнила ни одной буквы. Меня, по обыкновенію, высѣкли, и я опять начала съ аза: къ рождеству я кончила букварь и затвердила первую каѳизму псалтыря.

Но ученье меня мучило, убивало. Не скажу, чтобъ оно мнѣ не давалось, уроки я выучивала скоро, но меня морили за книгой съ утра до обѣда и потомъ до вечера. Это варварское принужденіе возмущало мою дѣтскую душу, и если я не возненавидѣла ученіе и труды, то, разумѣется, потому что рано или поздно надѣялась отвязаться отъ него.

Чтобъ избавиться отъ тираніи, я привыкла къ лицемѣрію: притворялась непонимающей, хныкала, выводила мать изъ терпѣнія, получала щелчки въ голову и радостно дожидалась вечера, когда приходилъ отецъ изъ лавки, вырывалъ у меня книгу и прогонялъ изъ комнаты. Тогда я бѣжала стремглавъ къ бабушкѣ, и тамъ находила и теплое участіе и лакомый кусочикъ. За всѣмъ тѣмъ, къ слѣдующей Пасхѣ я кончила псалтирь, повторила его и бросила. Послѣ Пасхи мать думала было учить меня писать; приготовила тетрадку и присадила выводить каракульки, но я такой подняла вой, что на помощь мнѣ прибѣжала бабушка и объявила рѣшительно, что письмо дѣвушкѣ ненужно: не въ лавкѣ, — дескать, ей торговать. Мать моя разсердилась, но старушка увела меня къ себѣ, и тѣмъ мое чистописаніе кончилось. Я росла между треми мальчиками, — двумя родными братьями и третьимъ двоюроднымъ, а потому не смотря на то, что была всѣхъ ихъ старше, предпочитала игру съ ними и бѣганье по-двору игрѣ въ

куклы, съ которыми мнѣ было скучно. Вскорѣ начали меня учить рукодѣльямъ, и чѣмъ усидчивѣе пошла моя жизнь, чѣмъ менѣе меня принуждали, тѣмъ охотнѣй я бралась за книгу. Я читала съ удовольствіемъ для бабушки четьминею, — за что она похваливала меня. Все что было въ домѣ найдено печатнаго, было прочтено мною. Любознательность моя была безграничная. Отецъ мой часто приносилъ по вечерамъ книги, прочитывалъ и уносилъ утромъ; ночью я тихонько брала ихъ къ себѣ, стараласъ прочитать до утра, и опять относила ихъ на мѣсто. Свѣчъ мнѣ не давали, и я крала огарки изъ фонарей на кухнѣ. Я жила въ одной комнатѣ съ бабушкою, отдѣленная отъ нея досчатою перегородкой. Старушка видя, что у меня долго за-полночь горѣлъ огонь, стучала иногда въ запертую дверь, приговаривая: — «Полно-ли тебѣ сидѣть до-сихъ-поръ; вѣдь добро бы дѣло читала, а то какія нибудь басни; глаза испортишь, потомъ неворотишь» — но я будто не слыхала, и продолжала свое.

Наконецъ на двѣнадцатомъ году мнѣ пришло въ голову, что и я что-нибудь могу сочинить, и я написала какую-то сказку, собственно не умѣя порядочно писать: буквы были славянскія или, лучше, казались чѣмъ-то въ родѣ клинообразныхъ ниневійскихъ іероглифовъ. Первые листы тетрадки раскрасила сурикомъ на маслѣ, причемъ испачкала себѣ руки и была въ такомъ неописанномъ восхищеніи, что ни минуты не могла посидѣть на мѣстѣ, пѣла и плясала, ложилась, вскакивала, и наконецъ рѣшилась прочитать свое сочиненіе матери. Дождавшись вечера, я явилась къ ней; она лежала въ постели, и я начала читать шопотомъ. Отецъ мой, бывшій въ комнатѣ, прислушался, и къ крайнему моему огорченію, прогналъ меня вонъ съ моимъ сочиненіемъ. Гдѣ дѣвалась эта тетрадка — не знаю, и что было тамъ написано, ясно не помню.

Мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, когда братья, выучились писать у приходскаго діакона, (читать ихъ выучила сама мать по псалтирю), и я принялась копировать написанныя ими буквы, сознавая уже вполнѣ, что умѣть писать необходимо. И вотъ я пріобрѣла тотъ плохой почеркъ, который остается за-мной и до-сихъ-поръ. Съ этого времени пробудилась во мнѣ сильная страсть къ ученью. Я отъискала нѣмецкій самоучитель и греческую учебную книжку; отецъ мой подъ веселый часъ самъ объяснилъ мнѣ произношеніе греческихъ буквъ, и я читала по-гречески довольно легко. Не такъ посчастливилось мнѣ въ нѣмецкомъ; за неимѣніемъ учителя, я твердила слова по-рускому переводу на па-

мять. Затѣмъ братъ мнѣ досталъ французскую азбуку и я горько плакала надъ ней, не видя кругомъ себя ни одного человѣка, который бы могъ показать мнѣ произношеніе. Слыша гдѣ-нибудь французскій разговоръ, я сердилась, что не могу овладѣть имъ и удовлетворить безотчетной жаждѣ знанія. Наконецъ убѣдившись, что помочь горю нѣтъ никакого средства, я закрыла всѣ эти книжки и помирилась на томъ, что́ было по силамъ и въ границахъ возможности.

Первая книга, освѣтившая мой юношескій мозгъ, была «Юрій Милославскій», и конечно потому что ничего лучшаго не оказалось подъ рукой. Онъ окончательно образовалъ мой вкусъ, и рядъ послѣдовавшихъ за нимъ историческихъ романовъ заставилъ меня обратить вниманіе на отечественную исторію. Она открыла предо мной другой міръ, міръ отжившій, сухой, лишенный драмы и великихъ человѣческихъ вопросовъ, но привлекательный для молодаго пытливаго воображенія.

Мать моя, не только мѣшала моимъ мирнымъ занятіямъ; но сама старалась достать для меня книгъ, гдѣ только могла. Такое сочувствіе отчасти зависѣло отъ образа ея жизни. Замкнутая семейная жизнь, безъ радостей и удовольствій, часто исполненная огорченій и потрясающихъ сценъ, заставила ее искать отрады внѣ домашняго круга. Мужъ ея, страдавшій хронической болѣзнію, никуда не выходилъ, кромѣ лавки. Это стоячее, неподвижное и монотонное существованіе тяготило ее. Не имѣя ни близкихъ родныхъ, ни искреннихъ друзей, она старалась знакомиться съ посторонними женщинами; но, Боже мой, сколько непріятностей повлекли за-собой эти знакомства; они считались какимъ-то нарушеніемъ домашняго порядка; пересудамъ, сплетнямъ и клеветѣ не было конца; и не смотря на видимое спокойствіе нашей семьи, рѣдкій день проходилъ безъ семейной ссоры; меня попрекали книгами и пророчили, что ничего путнаго изъ меня невыйдетъ. Все это отравило послѣднія наши радости въ жизни. Кто помнитъ или знаетъ нашу провинцію, тотъ повѣритъ, что я нисколько не преувеличиваю ядовитое жало ея сплетни. Вся пустота здѣшней жизни восполняется, обыкновенно подслушиваніемъ и подсматриваніемъ мелкихъ поступковъ ближняго. За отсутствіемъ откровеннаго и гласнаго суда, васъ преслѣдуетъ слѣпое и невѣжественное мнѣніе вездѣ, гдѣ можно застать васъ въ расплохъ и, какъ говорится, на распашку души. Внутри дома за вами слѣдитъ глазъ прислуги, за воротами васъ судитъ и рядитъ сосѣдъ, и если вы хоть не много отдѣляетесь

отъ общаго стада, васъ не пощадитъ глупая молва въ самыхъ святыхъ намѣреніяхъ и чувствахъ. Наша провинціальная сплетня останется единственнымъ проводникомъ общественнаго мнѣнія, пока не просвѣтитъ его журнальная гласность и болѣе серьезная дѣятельность человѣка.

Мать моя, не встрѣтивъ въ семейномъ быту ни удовольствій, ни развлеченій, ни искренняго къ себѣ участія, отнесла всѣ неприятности ея къ самому положенію купеческаго сословія. Ей казалось, что въ этой средѣ не можетъ быть ничего отраднаго для женщины, и потому она желала видѣть меня за чиновникомъ, какъ за человѣкомъ, по ея мнѣнію, болѣе образованнымъ.

Мнѣ уже было пятнадцать лѣтъ, когда мы сошлись съ однимъ молодымъ человѣкомъ. Кос—цынъ былъ сынъ костромскаго мѣщанина, воспитанникъ гимназіи, готовившійся въ доктора. Первая моя встрѣча съ нимъ, послѣ домашняго затворничества, расположила меня къ будущему доктору. Онъ показался мнѣ единственнымъ идеаломъ, надъ которымъ могла задуматься голова пятнадцатилѣтней дѣвушки, раздраженной чтеніемъ романовъ.

Молодой человѣкъ отнюдь не скрывалъ своей привязанности ко мнѣ; онъ старался угодить во всемъ, доставалъ мнѣ книгъ, и я была вовсе не равнодушна къ его любезнымъ услугамъ. Мать моя полюбила его, какъ сына, и онъ, не стѣсняясь обычными приличіями свѣта, прямо объявилъ ей, что когда кончитъ курсъ, то надѣется быть ея зятемъ. Я согласилась, и считала его женихомъ. Онъ былъ старше меня четырьмя годами; привязанность моя къ нему была далеко не страстью, но все же была привязанность сильная и глубокая, потому что домашніе преслѣдовали меня за эту дружбу. Вѣроятно, она скоро исчезла бы, еслибъ не утвердили ее противорѣчіями моему характеру, готовому бороться со всѣми препятствіями. Каждодневныя домашнія непріятности только разжигали молодое чувство, и я съ гордостію терпѣла ихъ ради своей любимой мечты. Мать моя была такъ проста и неопытна, что безусловно вѣрила въ возможность — видѣть въ немъ своего зятя, отецъ мой не любилъ его и старался не встрѣчаться съ нимъ, однако мнѣ ничего не говорилъ. Кос—цынъ уѣхалъ въ Москву въ медико-хирургическую академію; мы вели съ нимъ частую переписку; чрезъ годъ онъ пріѣхалъ на каникулы, все такой же нѣжный, такой же внимательный. Въ городѣ ходили про насъ разные слухи, вся родня вопіяла; однако мы были вѣрны своему обѣщанію и утѣшали другъ друга прекраснымъ будущимъ. Любовь его была слишкомъ безукоризненна,

и я считала ее достойной моего полнаго сочувствія. Въ отсутствіе его, у меня оставалась добрая подруга, одна изъ дальнихъ родственницъ, не много меня постарше. Я повѣряла ей всѣ мечты и надежды, и милая Маша, кажется, жила моею жизнію, думала моей головой, и чувствовала моимъ сердцемъ. Мы такъ сблизились, что готовы были терпѣть другъ за друга всѣ возможныя пытки. Съ удовольствіемъ вспоминаю это время; но нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, и съ этой доброй подругой разлучили меня люди, и обстоятельства, мы пошли разными дорогами: она жива, но гдѣ же та дружба, та юношеская, привязанность, въ которой было такъ много теплыхъ чувствъ и взаимной предаиности?

Мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. За меня посватался одинъ изъ гарнизонныхъ офицеровъ, человѣкъ достойный, всѣ родственники напали на меня, совѣтуя и почти принуждая меня за него выйдти. Нѣсколько недѣль прошло въ той внутренней борьбѣ, которая волнуетъ сердце, когда передъ нами ставится одинъ изъ роковыхъ вопросовъ жизни и когда намъ приходится отвѣчать на него чужимъ умомъ и волей. Среди сомнѣній и нерѣшимости, я написала Кос—цыну и онъ прислалъ моему отцу письмо, въ которомъ поклялся застрѣлиться, если меня будутъ принуждать за кого-нибудь замужъ. Отецъ меня позвалъ; мы объяснились: я сказала, что данному слову измѣнить считаю низостью. Онъ прибавилъ, что принуждать меня болѣе не хочетъ, и что я сама могу располагать своей участью.

Съ-этихъ-поръ я уже имѣла полное право отказывать всѣмъ женихамъ; домашніе оставили меня въ покоѣ, но вотъ пришли каникулы, пріѣхалъ тотъ, за кого я вынесла столько непріятностей, семейныхъ бурь и безсонныхъ ночей. И что же? Въ немъ не было и тѣни моего прежняго друга. Онъ нагло и въ глаза смѣялся надъ простыми нравами моихъ родныхъ, ссорился съ моей матерью, спорилъ со мной, стараясь какъ-нибудь разойдтись порѣзче. Выходки его были дики и глупы; напримѣръ, онъ говорилъ, что если поступитъ въ полковые лѣкаря, то будетъ жену запирать, чтобъ офицеры ее не видѣли и при малѣйшемъ ея покушеніи къ свободѣ отошлетъ ее къ родителямъ — словомъ, онъ представилъ мнѣ себя мужемъ — деспотомъ, проповедуя женѣ пассивное повиновеніе, отрицая въ ней волю, и даже сознаніе женскаго достоинства. Сначала все это бѣсило меня, потомъ стало пугать; я плакала украдкою, а явно съ нимъ спорила и ссорилась. Я показала ему свои мелкія сочиненія, написанныя въ его

отсутствіе и услышала нравственный урокъ, что женщина создана не для пера, а для иголки и ухвата. Я прочитала какіе-то стишки, которые сама скропала, и получила упрекъ, что это вѣрно кто-нибудь написалъ мнѣ, а я ихъ выдаю за свои. Далѣе я выносить не могла... Меня изумила перемѣна этого характера, прежде мягкаго и симпатичнаго, теперь грубаго и придирчиваго. Для оскорбленной женщины есть одна защита — чувство мести и презрѣнія. И я въ свою очередь принялась мучить его всѣми женскими капризами и противорѣчіями.

Еще въ бытность его въ Москвѣ, я много выстрадала за него; родственники его очень боялись, чтобъ онъ не женился на простой дѣвушкѣ; желая видѣть за нимъ помѣщицу съ крестьянами, они пускались на всѣ возможныя низости, до перехватыванія нашихъ писемъ и шпіонскаго ремесла. Кос—цынъ опять уѣхалъ въ Москву. Мы все еще переписывались, но письма уже были холодны, натянуты; въ нихъ было болѣе простой вѣжливости, чѣмъ дружбы. Наступили опять каникулы, и мой женихъ уже не летѣлъ къ намъ, какъ прежде, а едва-едва недѣли черезъ двѣ явился къ намъ, и странное дѣло! мы помѣнялись кольцами. Кольцо, которое онъ мнѣ подарилъ, было съ изумрудомъ, и вотъ мнѣ приснилось что изумрудъ этотъ выпалъ изъ моего кольца; — мнѣ было больно; спустя недѣлю прихожу я изъ сада въ свою комнату, смотрю, въ кольцѣ, которое я постоянно носила, нѣтъ камешка, — онъ дѣйствительно выпалъ, и съ этихъ поръ между нами прошла черная тѣнь размолвки. Въ то время, когда Кос—цынъ былъ въ Костромѣ, мы ссорились очень часто; — я не уступала ему ни на шагъ, защищая свои убѣжденія, отстаивая нравственное достоинство женщины. Мы простились холодно. Прошла недѣля, вдругъ мнѣ говорятъ, что его разбили лошади, онъ сломалъ себѣ ногу — и лежитъ больной у тетушки. Тетушка эта была *благородная* и мы съ нею не были знакомы. Не смотря на всѣ непріятности, мнѣ стало жаль своего жениха, и я послала къ нему письмо, потому что навѣстить его сама не смѣла. Посланную съ письмомъ тетушка и на крыльцо не пустила, говоря, что племянника ея наказалъ Богъ за то, что онъ своихъ родныхъ не слушалъ и мнѣ велѣла передать, чтобъ я и недумала считать его женихомъ своимъ, что онъ найдетъ себѣ богатую невѣсту. Конечно, тогда мнѣ было горько слышать все это, но дѣлать было нечего. Я еще разъ попробовала написать къ нему съ другими лицами, изъявляя ему свое участіе, но онъ уже слушалъ *своихъ родныхъ*, принималъ мои письма, но мнѣ не

отвѣчалъ, и чрезъ нѣсколько недѣль уѣхалъ, не простясь со мной.

Бабушка моя подъ старость сдѣлалась какъ-то слабѣе, убѣдившись совершенно, что противъ моего упрямства дѣлать было нечего, она только говорила: «Нежелало-сь бы мнѣ, чтобъ ты вышла за Кос — цына; говорятъ нравъ у него тяжелый, да и завезетъ онъ тебя далеко, — я молюсь Богу, чтобъ между вами все растроплось.» Я сама чувствовала, что съ этимъ человѣкомъ не могу быть счастливой, но по какому-то упрямству не хотѣла первая заговорить о разрывѣ. Судьба устроила за меня, и мы разстались навсегда. Прошелъ годъ, ни онъ ко мнѣ, ни я къ нему не писала; я ждала письма отъ него, а онъ, вѣроятно, ждалъ отъ меня. На слѣдующіе каникулы онъ не пріѣхалъ. Прошелъ еще годъ, и кромѣ равнодушія, соединеннаго съ легкимъ презрѣніемъ, я уже ничего не чувствовала, и потому рѣшилась написать къ нему, что всѣ отношенія между нами прекращаются. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что вовсемъ виноваты люди, что онъ всегда уважалъ меня и желаетъ возвратить мое расположеніе. Я еще разъ писала, что между нами все кончено; мать моя относила всѣ непріятности и нашъ разрывъ къ моему неуступчивому характеру, и сердилась на меня тѣмъ болѣе, что въ городѣ все еще считали меня невѣстою Кос — цына, и родственники даже не вѣрили нашему разрыву.

И вотъ пріѣхалъ Кос — цынъ, по окончаніи курса; его назначили въ какой-то полкъ; многіе ждали нашей свадьбы, о которой ни женихъ, ни невѣста больше не думали. Я собрала всѣ вещи, всѣ его письма, кольцо и его портретъ и отослала къ нему; онъ возвратилъ мои письма.

Вскорѣ, по его пріѣздѣ, пришла къ намъ его крестная мать, наша хорошая знакомая, и сказала, что она ему напомнила, что всѣ ожидаютъ нашей свадьбы; на это онъ отвѣчалъ, что его товарищъ женился и взялъ за невѣстою восемь тысячъ. Такъ вотъ тайная причина, руководившая всѣми капризами Кос — цына; онъ разсчиталъ, что я бѣдная невѣста, а между тѣмъ у насъ въ домѣ все еще хранилось его письмо, въ которомъ онъ клялся застрѣлиться, если я выйду замужъ за другаго. Признаюсь, съ этой минуты мое равнодушіе рѣзко перешло въ чувство презрѣнія; я не спросила даже въ какой полкъ его назначили.

Не радуясь этому окончательному разрыву, я однакожъ и не печалилась. Мнѣ какъ-то было неловко: про меня въ городѣ сочинили исторію и чуть не показывали пальцами, какъ на обма-

нутую, на оставленную невѣсту,—другіе не вѣрили, что мы разстались навсегда; но у меня было пусто и въ головѣ и въ сердцѣ; мнѣ было нужно чѣмъ нибудь занять воображеніе.

Бабушка моя любила разсказывать про старину; теперь я ее слушала болѣе, чѣмъ когда нибудь, и одинъ изъ ея разсказовъ всѣхъ болѣе обратилъ на себя мое вниманіе; я его обдумала, привела въ ясность лица, соединила въ порядокъ происшествія, и въ три недѣли написала романъ «Послѣдняя казнь». Онъ не стоилъ мнѣ ни малѣйшихъ усилій и я такъ полюбила моихъ героевъ, такъ живо видѣла ихъ, и сжилась съ ихъ жизнью, что какъ будто они стояли передо мною: эта проба пера была плодомъ истиннаго вдохновенія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, романъ мой лежалъ на днѣ сундука, и я не воображала, что онъ когда нибуь будетъ напечатанъ. Кос — цынъ прислалъ письмо къ своей крестн й матери, желая опять со мной помириться. Я отказалась рѣшительно, даже не озаботилась спросить, гдѣ онъ, въ какомъ полку и въ какой губерніи?—да и за чѣмъ: раны сердца по немногу закрылись, на душѣ было легче и голова прояснѣла. Я могла жалѣть о прошедшемъ, но не желать его возврата. Теперь окружилъ меня миръ и то спокойное настроеніе чувства, которое совершенно отвѣчало моимъ тихимъ мечтамъ и робкимъ надеждамъ. Теперь никто не навязывалъ мнѣ своихъ воззрѣній, никто не мѣшалъ мнѣ думать по-своему. Въ это время стариковъ-дѣдушекъ уже нестало; дядю выбрали въ общественную службу. Провинціальные секретари, стряпчіе, и весь этотъ бюрократическій содомъ любятъ обгладывать ратмановъ и бургомистровъ, а потому и нашъ домъ удостоили вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что при лавкѣ былъ погребокъ. Вино выпивалось, деньги занимались, проценты росли; недосмотръ въ торговлѣ, недосмотръ въ хозяйствѣ, жилось какъ-то только напоказъ, а дома чувствовался недостатокъ то въ томъ, то въ другомъ; такъ тянулось нѣсколько лѣтъ, у домашнихъ болѣло сердце, бабушка знала положеніе дѣлъ, и грустила. Однако ей несуждено было дожить до рѣшительной минуты; она умерла въ 1849 году. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ распродали все имѣніе и расплатились съ долгами. Братья раздѣлились, и разъѣхались по квартирамъ.

Все это сломило дядю, человѣка самолюбиваго, и нѣсколько гордаго. Не бѣдность огорчила его, а бѣгство пріятелей, которые увидѣли, что у бѣднаго человѣка взять нечего. Онъ страдалъ и молчалъ, я видѣла ясно его затаенное горе, тѣмъ болѣе,

что онъ считалъ меня настолько развитой, что часто повѣрялъ мнѣ свои задушевныя думы.

И лежала бы моя рукопись въ сундукѣ до-сихъ-поръ, но къ брату моему ходилъ одинъ человѣкъ, учившійся когда-то въ гимназіи, воспитанникъ одного купца, по имени Углечаниновъ. Практическая жизнь не далась бѣдняку; онъ жилъ какъ птица: кто напоитъ его, кто накормитъ. Узнавъ, что у меня есть рукопись, выпросилъ ее, прочиталъ, и подалъ мысль, что она можетъ быть напечатана. Это меня чрезвычайно обрадовало, тѣмъ болѣе при тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Углечаниновъ совѣтовалъ мнѣ обратиться для просмотра къ И. П. Алякринскому, смотрителю уѣзднаго училища; я сдѣлала рѣшительный шагъ, взяла тетрадку и пошла къ нему. Г. Алякринскій оставилъ ее у себя, попросивъ побывать чрезъ нѣсколько времени.

Когда я къ нему навѣдалась, онъ мнѣ объявилъ, что руки моей не разбираетъ, и что романъ мой нужно переписать; я отдала его для переписки одному семинаристу, который надѣлалъ тьму безграмотныхъ ошибокъ. Рукопись опять пошла къ Алякринскому, но онъ вскорѣ ее мнѣ возвратилъ, отзываясь недосугомъ просмотрѣть ее. Отказъ этотъ огорчилъ меня чрезвычайно, потому что былъ еще новинкою. Я закручинилась, а неменѣе моего и Углечаниновъ. Долго я думала: къ кому бы обратиться? и придумала попросить одного протопопа, который долго занималъ должность законоучителя гимназіи. Протопопъ принялъ меня превосходно, обѣщаясь показать мою рукопись г. Виноградову, инспектору гимназіи, или г. Величковскому ея директору; цѣлый годъ ходила я за отвѣтомъ. Отецъ говорилъ мнѣ, то сего-дня, то завтра, то черезъ недѣлю придите, и наконецъ возвратилъ мнѣ рукопись, говоря что инспекторъ и директоръ сказали ему, что они для меня ничего не могутъ сдѣлать. Отъ протопопа я отправилась къ чиновнику особыхъ порученій г. Болх......му, какъ человѣку доброму и образованному. Онъ прочиталъ мое сочиненіе, похвалилъ его, но замѣтилъ, что теперь онъ незнакомъ ни съ однимъ журналистомъ и книгопродавцемъ, что если бы это было въ прошлое, смирдинское время, — то онъ зналъ бы къ кому обратиться; впрочемъ онъ совѣтывалъ мнѣ прибѣгнуть къ вице-губернатору князю Га....ину, потому что князь уѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ, и даже взялся самъ передать рукопись, и вотъ она была снова переписана, и князь уѣхалъ. Я ждала съ нетерпѣніемъ его возвращенія, и когда услышала, что онъ вернулся, сама пошла къ нему. Князь возвратилъ мнѣ ру-

копись, говоря что онъ ее показывалъ г. Пог....ну, но что тотъ ее не принялъ. Я была огорчена. Г. Болх....ой старался утѣшить меня, чтобъ я не отчаявалась и настаивалъ, чтобъ я обратилась къ А. Ф. Пи......му, который тогда жилъ въ Костромѣ. Переговоривъ съ нимъ предварительно, я вручила свою рукопись, и онъ прочиталъ ее, замѣтивъ: что герой повѣсти не естественный, слишкомъ изящный, рисуется, и проч. однако обѣщалъ содѣйствовать, чтобъ ее напечатали, и послалъ ее въ Москвитянинъ. Прошло съ полгода и я написала въ Москву къ однимъ знакомымъ, чтобъ они навѣдались въ редакціи Москвитянина, и если не принята моя рукопись, то выслали бы ее ко мнѣ въ Кострому. Въ самомъ дѣлѣ, она возвратилась скоро ко мнѣ, и снова опустилась на дно сундука. Надежда видѣть ее въ печати совершенно оставила меня; сколько разъ я порывалась сжечь ее, но не знаю, что меня удерживало. Иногда я чувствовала искушеніе еще что нибудь написать: въ матеріалахъ недостатка не было,— живыя лица просились на бумагу, они толпами обступали меня, я была въ какомъ-то горячешномъ бреду. Но то ли было время, чтобъ взятся за перо; даже читать было нѣкогда; отъ отца я уже не могла ничего требовать; семейство терпѣло недостатокъ, отцу торговать было не чѣмъ, братъ получалъ только сто руб. жалованья въ годъ; мнѣ было нужно подумать о средствахъ жизни съ помощію своихъ трудовъ, и выработывать на свѣчи, и я цѣлые дни корпѣла за пяльцами. Я забыла сказать, что мы перешли въ купленный матерью на послѣднія крохи домикъ, въ два окна, состоявшій изъ одной комнаты и кухни. Живо помню я первую холодную зиму; часто за полночь приходилось мнѣ сидѣть въ сырой, холодной кухнѣ, за пяльцами, руки и ноги коченѣли, а воображаемыя лица тѣснились кругомъ меня, картины смѣнялись картинами, работа кипѣла въ рукахъ, и, странное дѣло, препятствія, неудачи и горе какъ-то ошеломляли меня не надолго. Потомъ я какъ будто приходила въ себя и дѣятельность моя снова одушевлялась. Мнѣ не сидѣлось, сложа руки, и тогда я работала на пяльцахъ съ какимъ-то ожесточеніемъ, стараясь заглушить внутреннюю разъѣдающую тоску; да и правда, въ моемъ быту ничего не было отраднаго; отъ родителей я слышала только вздохи и жалобы на недостатокъ; въ городѣ изъ похожденій моей рукописи сдѣлали исторію, смѣялись моей неудачѣ, а почтенныя матери семействъ, почти съ ужасомъ отзывались о моей дерзости — нарушать условія того круга, къ которому я принадлежала.

Въ это время я узнала одного бѣднаго дворянина литовскаго происхожденія; та среда, въ которой онъ находился, и которая, къ несчастію, портитъ самыя лучшія натуры, не испортила С—го. Мы сошлись характерами—и я очутилась замужемъ и въ Петербургѣ. Мужъ мой получалъ здѣсь десять рублей въ мѣсяцъ. Столичная нужда показалась мнѣ въ двое тяжелѣй провинціальной. Чтобъ облегчить свое положеніе, я желала работать, и начала, но мое вышиванье не покупали ни въ лавкахъ, ни въ магазинахъ. Вездѣ нужно было знакомство, а я никого не знала. Я ходила съ работой по домамъ и продавала ее за безцѣнокъ, и все еще я не роптала, но помню я одинъ горькій день: мужъ мой былъ дежурнымъ, я надѣялась сбыть свою работу, но не могла, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвратилась на квартиру; дома не было ни гроша, ни чаю, ни свѣчки. Я проплакала весь вечеръ и ночь, а утромъ пошла въ лавку: никто не вѣрилъ ни на копейку, потому что насъ не знали; я хотѣла заложить вещи, закладъ мой не принимали. Боже мой! къ кому же было обратиться? былъ одинъ добрый человѣкъ, который помогъ бы мнѣ, какъ всегда и вездѣ, помогаетъ бѣднымъ, но ни его самого, ни его семейства тогда не было въ Петербургѣ. Съ слезами разсказала я про свое горе одной бѣдной старушкѣ, которая христа ради жила у хозяина дома; она меня старалась утѣшить, какъ могла, и дала взаймы рубль серебра. Мужъ пришелъ домой, и у меня былъ готовъ обѣдъ. На другой день я продала работу и была довольна. Теперь я удивляюсь, какъ это все пережилось, какъ желѣзная лапа нужды не свалила меня въ постель, не разстроила мозги.—Не понимаю, за что называютъ женщинъ слабыми существами; тамъ гдѣ надо перенести горе, противопоставить энергію сердца разрушающимъ напорамъ жизни, тамъ женщина сильнѣй и крѣпче мужчины. Можетъ быть, самое положеніе ея въ обществѣ, нѣсколько похожее на положеніе Негра передъ плантаторомъ, даетъ ей силу на борьбу и твердость въ несчастіяхъ. За всѣмъ тѣмъ, что я оправилась, бѣдность по прежнему осаждала насъ, и мнѣ страшно было за будущее.

Наконецъ семейство нашего благодѣтеля, а потомъ онъ самъ, прибыли въ Петербургъ. Онъ намъ далъ хлѣбъ и пріютъ, какъ и многимъ другимъ; не смѣю произнести его имя, но, положа руку на сердцѣ, скажу, что онъ явился геніемъ добра, въ бѣдственную пору моей жизни, и до-сихъ-поръ его рука не допускаетъ насъ дойдти до того страшнаго положенія, которое не

замедлило бы насъ постичь, при ограниченномъ жалованьѣ моего мужа.

И вотъ жизнь моя немного просвѣтлѣла, но и тутъ домашніе дрязги и дѣти заставили меня почти забыть о своей рукописи. Наконецъ случай свелъ меня съ г. Ник—мъ; онъ просмотрѣлъ романъ, исправилъ нѣкоторыя грамматическія ошибки, и посовѣтовалъ обратиться къ редактору одного журнала.

Статью мою приняли и напечатали. Зная хорошо купеческій бытъ и имѣя на столько средствъ, чтобы оставить иголку для пера, я написала «Семейство Подошвиныхъ» желая оказать услугу тому сословію, изъ котораго вышла. Я хотѣла объяснить слѣдствія деспотическаго и безтолковаго воспитанія, которое, къ несчастію, разбиваетъ въ прахъ лучшія организаціи. Можетъ быть, многіе незнакомые съ купеческимъ бытомъ и сочтутъ невѣроятнымъ *то*, что дѣлалось въ семействѣ Подошвиныхъ, и что до сей поры дѣлается и въ другихъ купеческихъ семействахъ; къ несчастію, все это — истина; много Подошвиныхъ на Руси, и много лучшихъ *силъ*, растраченныхъ попусту или убитыхъ ложнымъ направленіемъ, по разнымъ стезямъ нашей бѣдной жизни. И въ числѣ этихъ силъ, русская женщина теряется во тьмѣ невѣдомыхъ судебъ нашего будущаго.

А. К—ВА.

Еще нѣсколько словъ о г. Погодинѣ.

Только что затихшіе толки о знаменитомъ диспутѣ между г.г. Костомаровымъ и Погодинымъ возобновились, по поводу странной и неловкой статейки послѣдняго, которую большинство читателей съ изумленіемъ встрѣтило въ неожиданно возродившейся *Русской Бесѣдѣ*. Эти толки, много занимавшіе въ послѣднее время нашъ ученый и литературный міръ, нужно признаться, очень не въ пользу г. Погодина, который, какъ кажется, сильно разсчитываетъ на простоту своихъ, не только слушателей, но и читателей. Московскій *ех*-профессоръ старается увѣрить ихъ, что онъ только *для шутки* вызвалъ на ученый поединокъ г. Костомарова, желая «подать ему удобный случай сказать нѣ-

сколько удачныхъ словъ.» Г. Костомаровъ уже отвѣчалъ на всѣ извороты и любезности своего ученаго антагониста, и, мы увѣрены, отъ этого отвѣта ему не очень поздоровится. Въ *Русскомъ Словѣ* также уже явилась замѣтка о неприличной выходкѣ г. Погодина. Мы намѣрены дополнить эту замѣтку нѣсколькими иными соображеніями и подробностями, на которыя считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Дѣло въ томъ, что московскій дуэлистъ глумится не только надъ г. Костомаровымъ, но и надъ публикою, которая въ такомъ множествѣ собралась на диспутъ 19-го Марта. Извороты г. Погодина и въ этомъ случаѣ неумѣстны. Мы нисколько не намѣрены читать панегирикъ той публикѣ, къ которой г. Погодинъ, въ самомъ началѣ диспута, обратился съ приторною фразою о томъ, что она *созрѣла*. Эта *captatio benevolentiae* тогда же не понравилась людямъ сколько-нибудь серьезнымъ. Теперь самъ ораторъ какъ бы сознается въ неумѣстности этой фразы, обвиняя публику въ томъ, что она держала себя неприлично, т. е., мало хлопала г. Погодину.

Положимъ, что въ массѣ слушателей г. Погодина было много такихъ, которые явились на диспутъ безъ всякой опредѣленной цѣли, положимъ, что не было недостатка и въ любителяхъ скандала, на который иные, почему-то, разсчитывали; но за всѣмъ тѣмъ, въ залѣ было множество и такихъ слушателей, которые надѣялись услышать какія нибудь новыя доказательства въ пользу норманской теоріи. Этимъ слушателямъ казалось, что если человѣкъ, съ нѣкоторымъ именемъ и авторитетомъ въ наукѣ, подымаетъ страшный шумъ изъ-за какого-нибудь вопроса, составляющаго, какъ не разъ объявлялъ о томъ этотъ ученый, предметъ его спеціальнаго изученія, — то такого спеціалиста стоитъ послушать. Интересъ диспута увеличивался въ глазахъ этихъ слушателей, не имѣвшихъ до сихъ-поръ яснаго понятія о личности г. Погодина, еще тѣмъ, что онъ нарочно пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, съ цѣлью вызвать на публичное состязаніе своего противника, заранѣе похваляясь уничтожить его, еще не получившую права гражданства, теорію. Многіе, дѣйствительно, разсчитывали на какіе-то новые аргументы, которые торжественно заставятъ г. Костомарова выступить изъ Жмуди.

Что же вышло? Г. Погодинъ ограничился повтореніемъ того, что уже всякому извѣстно со школьной скамьи. Вмѣсто новыхъ

доказательствъ, мы услышали отъ него давно уже избитые аргументы, которыми, еще въ прошломъ вѣкѣ, заѣзжіе иностранцы объясняли норманское происхожденіе нашей родины.. Помилуйте, — такъ говорили, при выходѣ съ диспута, многіе изъ студентовъ здѣшняго университета — да мы уже слышали всѣ эти норманскіе аргументы на лекціяхъ г. Касторскаго! *).

Нѣтъ, г. Погодинъ слишкомъ разсчитывалъ, да, кажется, и теперь разсчитываетъ, на незрѣлость своей публики, хотя и объявилъ ее зрѣлою. Ему нечего жаловаться на публику, которая обошлась съ нимъ гораздо мягче, чѣмъ бы слѣдовало.

Тонъ какого-то мнимаго превосходства, съ которымъ нашъ знаменитый представитель скандинавизма постоянно обращается къ г. Костомарову, до крайности нелѣпъ и неумѣстенъ. Г. Погодинъ долженъ понять это и перестать величаться передъ своимъ почтеннымъ антагонистомъ, который неустанно и вполнѣ безкорыстно продолжаетъ трудиться для науки. Изслѣдованія и лекціи г. Костомарова, безъ сомнѣнія, послужатъ новымъ и сильнымъ побужденіемъ къ занятіямъ Русской исторіей. Это, безъ сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ немногихъ у насъ ученыхъ, которые вносятъ жизнь въ науку, указываютъ на новые, еще неизслѣдованные пути, словомъ, производятъ переворотъ въ изученіи той отрасли знанія, которой они посвятили свои силы. Самыя ошибки такихъ дѣятелей, пробуждая въ другихъ духъ ученой пытливости, не остаются безъ благопріятныхъ послѣдствій для науки.

И относительно вопроса о началѣ Руси, мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, или, по-крайней-мѣрѣ, показываютъ видъ, что думаютъ, будто онъ поднятъ безъ всякой пользы для науки и принадлежитъ къ числу такихъ вопросовъ, съ которыми уже давно пора покончить. Положимъ, что гипотеза, защищаемая г. Костомаровымъ, не разрѣшаетъ окончательно вопроса о началѣ Руси, но несомнѣнно и то, что несостоятельность прежней теоріи чувствуется въ наше время сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и очень можетъ быть, что она кончитъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ вступленіемъ Россіи во второе тысячелѣтіе своего государственнаго быта.

Но и независимо отъ этого, теорія г. Костомарова должна

---

*) Онъ временно читалъ Русскую исторію въ Петербургскомъ университетѣ, до назначенія на эту каѳедру г. Костомарова.

обратить вниманіе нашихъ спеціалистовъ на нѣкоторые побочные вопросы, уразумѣніе которыхъ необходимо для яснаго пониманія многихъ періодовъ Русской исторіи, напримѣръ, на вопросъ о Литвѣ, до-сихъ-поръ оставляемый въ сторонѣ нашими историками. Недавно г. Костомаровъ имѣлъ случай указать въ *Современникѣ* на одного изъ своихъ слушателей, природнаго Литовца, который спеціально занялся исторіею своей родины и уже теперь отличается близкимъ своимъ знакомствомъ съ источниками для изученія этой интересной для насъ страны.

Небольшая статья г. Костомарова о началѣ Руси, возбудившая такой шумъ въ литературѣ, представляетъ и другія живыя стороны, на которыя, почему-то, не обратили вниманія даже почитатели нашего почтеннаго профессора. Г. Костомаровъ, какъ видно изъ его словъ, охотно признаетъ всѣ возможныя вліянія на нашу исторію: и византійское, и татарское, и норманское. Онъ настаиваетъ только на повѣркѣ и критическомъ обслѣдованіи этихъ вліяній на русскую жизнь, на ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, что внесли они въ эту жизнь, и что въ ней уничтожили. Вотъ живой взглядъ на науку, и въ то же время программа для будущей дѣятельности нашихъ историковъ, которые, согласно также съ убѣжденіемъ своего руководителя, займутся изученіемъ не одной только государственной, но и народной жизни нашихъ предковъ.

Наконецъ мы не можемъ не остановиться на одномъ мѣстѣ упомянутой статьи, которое, безъ всякаго сомнѣнія, приноситъ большую честь г. Костомарову и снова выставляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ личность его противника. Дѣло въ томъ, что партія ученыхъ, всѣми силами старающаяся навязать Россіи норманское происхожденіе, придаетъ этому вопросу не только ученое, но и какое-то политическое значеніе. Родоначальники и поборники скандинавизма — Нѣмцы — уже давно стараются увѣрить насъ въ томъ, что, безъ вліянія германскаго элемента, Славяне вообще, и Русскіе въ-особенности, не способны къ устройству своего гражданскаго быта. «Стремленіе, скажемъ словами г. Костомарова, заставить насъ признать ничтожность собственныхъ нравственныхъ силъ предъ нѣмецкими такъ велико, что г. Куникъ всѣхъ, кто дерзнетъ сомнѣваться въ скандинавскомъ происхожденіи Рюрика, называетъ не только полуобразованными, но укоряетъ ихъ, что они» сознательно враждебны классическому образованію и противятся реформѣ Петра Великаго.» Эта знаменитая фраза, давно уже, въ порывѣ нѣмецкаго

патріотизма, высказанная въ сочиненіи: «Berufung der shwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen», до-сихъ-поръ еще не вызвала въ русской литературѣ не только серьезнаго опроверженія, но и простой насмѣшки, и г. Костомаровъ едва ли не первый указалъ на странность этой фразы, тѣмъ болѣе неумѣстной, что она принадлежитъ ученому, занимающему кресло Русской исторіи въ нашей академіи наукъ.

Мы не удивляемся тому, что наши *ultra*-западники, которые такъ часто подымали шумъ изъ пустяковъ, не обратили вниманія на неумѣстность этой фразы. На то они и *ultra*-западники. Между ними и до-сихъ-поръ еще не перевелись, безъ сомнѣнія, очень честные, но въ то же время до крайности наивные энтузіасты, смотрящіе на каждаго представителя чужеземной науки совершенно съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ провинціалъ смотритъ на жителя столицы. Для насъ гораздо страннѣе, что г. Погодинъ, который, конечно, и самъ себя считаетъ и многими другими считается однимъ изъ самыхъ передовыхъ славянофиловъ и руссофиловъ, нисколько не поморщился отъ этой фразы. Какъ онъ не понялъ, не почуялъ сердцемъ, что она была едва ли не главнымъ побужденіемъ для созданія норманской теоріи, на защиту которой нашъ патентованный руссофилъ готовъ отдать всѣ свои послѣднія старческія силы! Воля ваша, а это очень странно, и во всякомъ случаѣ, въ направленіи, которому слѣдуетъ г. Погодинъ, мы имѣемъ право видѣть въ этомъ случаѣ какую-то двойственность и полное отсутствіе искренности.

Какой-то англійскій критикъ справедливо замѣтилъ, что геніальные писатели большею частію представляютъ собою гармоническое соединеніе высоко-развитаго ума съ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ. Это замѣчаніе можетъ быть примѣнено не только къ геніямъ, но и къ людямъ болѣе обыкновеннымъ, которые, однако, своими дарованіями выдаются изъ толпы. Дѣйствительно, въ такихъ людяхъ, гораздо болѣе, чѣмъ въ дюжинныхъ личностяхъ, развито какое-то особое нравственное чутье. Оно происходитъ отъ того, что всякая кривда и неискренность болѣзненно поражаютъ такого человѣка и не даютъ ему уклониться отъ прямаго пути какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Съ другой стороны, отсутствіе этого нравственнаго чутья въ писателѣ очень часто вредитъ научнымъ его воззрѣніямъ, лишая ихъ стойкости и искренности. Дюжинному человѣку не легко отстать отъ рутины и возвыситься надъ какимъ нибудь устарѣ-

лымъ взглядомъ, отъ котораго вѣетъ смертью и трупнымъ смрадомъ научной и нравственной несостоятельности.

Мы не имѣемъ притязанія пророчить вѣчный и несокрушимый авторитетъ тѣмъ научнымъ взглядамъ, представителемъ которыхъ является г. Костомаровъ, но твердо убѣждены въ томъ, что нравственныя побужденія этого почтеннаго ученаго постоянно будутъ признаваемы выше тѣхъ, которыми руководился г. Погодинъ.

Общественная жизнь въ Петербургѣ.

Читатель погружается въ сонъ. — Что дѣлается въ городѣ. — Гарибальди и политики. — Толки о банкахъ. — О желѣзныхъ дорогахъ. — Воскресныя школы. — Инструментальный классъ при пѣвческой капеллѣ. — Петербургскія дачи и лѣто. — Маленькія непріятности. — à la pointe. — Каменный Островъ. — Музыка на Крестовскомъ. — Павловскъ и Штраусъ. — Café chantant и Заведеніе Искусственныхъ Минеральныхъ Водъ. — Петровскій Вокзалъ. — Русскій трактиръ и французское стихотвореніе. — Различныя наслажденія Петербургскихъ дачниковъ. — Смерть художника Нагорецкаго. — Слухи о Ристори и французскихъ артистахъ, ангажированныхъ на нашу сцену. — Мелкіе слухи. — О нашихъ знакомцахъ.

Кто бы ни былъ ты, мой добрый читатель, я завидую тебѣ, если ты не въ Петербургѣ. Стократъ блаженъ ты, сидящій подъ зеленымъ дубомъ или густымъ кленомъ своего деревенскаго сада и спокойно наблюдающій милліоны жизней, разлитыхъ въ растеніяхъ, насѣкомыхъ, во всемъ, что рѣетъ, шумитъ и веселится кругомъ тебя. Хорошо тебѣ; дождь не хлещетъ тебя, холодъ и сырость не пробираютъ тебя до костей; передъ глазами твоими зелень, яркая и сочная, да цвѣты; надъ тобой чистое, голубое небо; дышать тебѣ легко и отрадно; въ воздухѣ тепло и ароматично. Нѣтъ тебѣ никакого дѣла до Гарибальди и благородныхъ Сицилійцевъ; знать ты не хочешь Пія IX; по-тебѣ въ цѣлой Италіи хоть трава не рости. Тѣло твое нѣжится, голова отдыхаетъ, вѣки опускаются, все окружающее перепутывается и сливается въ какой-то пріятный хаосъ: еще нѣсколько минутъ — и ты видишь сонъ:

Надъ большимъ-большимъ городомъ нависли сѣрыя тучи, дождь обливаетъ великолѣпные дома и улицы; человѣческія фи-

гуры, блѣдныя и тощія, пробираются, скорчившись и сморщившись, по лужамъ, или трясутся и подпрыгиваютъ на измученныхъ лошадёнкахъ и изломанныхъ дрожкахъ; кое-гдѣ изъ воротъ вывернется собака, поджавъ хвостъ и почуявъ, что на улицѣ скверно, опять прячется въ свою конуру; только кареты съ опущенными стеклами да коляски несутся бойко, обливая прохожихъ грязью. Полицейскіе воины съ красными значками на груди, съ свисткомъ на шеѣ и револьверомъ у пояса, благоразумно спрятавшись подъ ворота, сурово толкуютъ дворникамъ, что какъ только пройдетъ дождь, надо будетъ мести и чистить тротуары; но дворники, почесавшись въ затылкахъ, зѣвнутъ, поклонятся городовому и потомъ опять какъ ничего не бывало.

Вотъ на широкой улицѣ, унизанной вывѣсками, въ глаза кидается надпись: *Кафе-ресторанъ;* нѣсколько комнатъ этого кафе-ресторана отличаются пустотой и грязью; кой-гдѣ, однакожъ, за маленькими столами сидятъ господа различнаго вида и различной сановитости, и разговариваютъ.

— Я васъ могу увѣрить, утверждаетъ одинъ изъ нихъ, уничтожая быстро котлетку съ горошкомъ, — возстаніе изъ Сициліи распространится и по неаполитанскому континенту. Королевскія войска пойдутъ изъ Неаполя на помощь отрядамъ, расположеннымъ въ Абруццахъ, Калабріи и Апуліи. Дворъ удалится въ Гаету или отправится въ Испанію, а въ Неаполѣ — революція. Королевскія войска, не смотря на помощь Ламорисьера, должны будутъ положить оружіе, тѣмъ болѣе, что послѣ нарушенія нейтралитета Папской областью, Сардинія начнетъ дѣйствовать. Иностранныя державы не будутъ вмѣшиваться. Всеобщей подачею голосовъ рѣшится присоединеніе Церковной области (кромѣ Рима) и неаполитанскихъ владѣній къ Пьемонту, и Италія сольется въ одно цѣлое! это вѣрно, какъ дважды два — четыре!..

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, возражаетъ другой. — Герою Палермо трудно будетъ перебраться на континентъ. Онъ удовольствуется присоединеніемъ Сициліи къ Пьемонту, а Франція согласится на эту уступку, подъ условіемъ присоединенія къ ней Генуи.

— Что вы, что вы? — замѣчаетъ первый — это невозможно. Скорѣй я предположу, что Франція не дозволитъ Пьемонту нарушить нейтралитетъ Церковной области, а графъ Кавуръ будетъ смотрѣть на все и ничего не дѣлать. Тогда, по замиреніи королевства, на престолъ вступитъ домъ Мюрата.

— Почему же, возражаетъ опять второй, — на престолъ вступитъ домъ Мюрата; отчего же не принцъ Наполеонъ?

— Экъ вы дернули...

— Да почему же дернулъ?

— Да потому, что дернули.

— Да почему же?

— Да потому... ну, да что толковать; вотъ поживемъ и увидимъ.

За другимъ столикомъ рѣчь идетъ иная. Тамъ тощій баринъ въ синихъ очкахъ, съ зеленоватымъ цвѣтомъ лица и отлично приглаженными бакенбардами, тихимъ, но твердымъ голосомъ говоритъ:

— Проектъ банковаго общества Ганземана, которое должно было быть открыто въ началѣ іюня, не осуществился. Ганземанъ отказался отъ своего предпріятія. Но говорятъ, что англійскіе капиталисты задумываютъ новый проектъ въ томъ же родѣ.

— А скажите, сдѣлайте милость — спрашиваетъ тощаго барина, его сосѣдъ — что слышно о новомъ государственномъ банкѣ?

— Капиталъ банка предположенъ въ 157 милліоновъ; кромѣ прежнихъ занятій, въ немъ будутъ производить самыя широкія финансовыя операціи. Банкъ будетъ имѣть устройство коммерческой конторы, безъ формъ бюрократизма. Нѣкоторымъ изъ служащихъ предоставятся права государственной службы, но большинство будетъ заниматься частнымъ образомъ, на извѣстныхъ условіяхъ, при чемъ оклады назначатся въ размѣрахъ, которые могутъ обезпечить существованіе не номинально только, *но на самомъ дѣлѣ.*

На послѣднихъ словахъ финансистъ дѣлаетъ почему-то особенное удареніе.

— Слухи о двухъ земскихъ банкахъ — продолжаетъ онъ — которые задуманы въ Петербургѣ, какъ-то замолкли, хотя я знаю навѣрное, что дѣло это не остановилось. Въ такихъ банкахъ ощущается крайняя необходимость. Неожиданное прекращеніе кредитныхъ дѣйствій заемнаго банка и опекунскаго совѣта поставило многихъ въ затруднительное положеніе. Прежде, по отстройкѣ дома вчернѣ, онъ закладывался въ опекунскій совѣтъ и на занятыя деньги производилась внутренняя отдѣлка; для новыхъ построекъ и перестроекъ дѣлались залоги и перезалоги владѣемаго имущества. За неимѣніемъ банковъ, подобныя

операціи невозможны, и это обстоятельство, думаю я, составляетъ одну изъ причинъ замѣтнаго уменьшенія построекъ и перестроекъ въ Петербургѣ. Такое уменьшеніе не только замѣтно, но оно доказывается и тѣмъ, что строительные матеріалы нынѣшнимъ лѣтомъ дешевле прошлогодняго...

— Позвольте, Андрей Ивановичъ — перебиваетъ сосѣдъ — все, что вы изволили сказать сейчасъ, было, кажется напечатано въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ....»

— Ну, такъ что-жъ? — отвѣчаетъ нѣсколько смущенный ораторъ. — Если все это было напечатано, значитъ я говорю святую правду — очень просто и ясно.

— Да-съ, точно, это просто и ясно.

— Я думаю... замѣчу вамъ только, что вы имѣете скверную привычку перебивать рѣчь и хвастаться тѣмъ, что вы читаете газеты... Ничего нѣтъ въ этомъ удивительнаго; кто-жъ теперь не читаетъ..

— Да я не перебивалъ вашей рѣчи, а замѣтилъ.

— Нечего и замѣчать... человѣкъ! подай счетъ.

Читатель оставляетъ разсерженнаго соціалиста и переходитъ къ третьему столику.

У третьяго стола говорятъ о томъ, что ради общаго собранія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, сюда пріѣхали Исаакъ Перейра, баронъ Сольеръ, гг. Готтингеръ, Френсисъ, Берингъ и Альбрехтъ — европейскіе золотые тузы. Кстати разсказывается, что самое общее собраніе акціонеровъ этого общества довольно комическое; на немъ было столько шуму, что, какъ говорится, хоть святыхъ вонъ выноси. Коснувшись желѣзныхъ дорогъ, рѣчь очень естественно переходитъ на петербурго-московскую дорогу; многіе утверждаютъ, что правительство продаетъ эту дорогу и что будто бы баронъ Штиглицъ предлагалъ уже пятьдесятъ милліоновъ, но правительство, разумѣется, отвергло такую умѣренную плату.

Изъ кафе-ресторана, отъ политики и денежныхъ вопросовъ сонъ переноситъ читателя въ комнату, уставленную длинными столами, за которыми видны дѣтскія головки.

— Что это? — спрашиваетъ читатель, оглядывая довольно разнообразные и небогатые наряды дѣтей.

— Это воскресная школа! — отвѣчаютъ читателю, и слова эти вызываютъ въ его памяти рядъ блистательныхъ заслугъ, оказанныхъ ими Западно-Европейскому образованію. Сначала

основанныя съ религіозной цѣлью, они впослѣдствіи обратились въ общія народныя училища и приняли въ Англіи колоссальные размѣры въ началѣ нашего вѣка.

Нравственная цѣль этихъ школъ состояла въ томъ, чтобъ дать возможность ремесленнымъ сословіямъ, занятымъ въ будничные дни механическимъ трудомъ, — развиваться умственно и удержать ихъ отъ пороковъ и грубыхъ удовольствій, которымъ они предаются въ свободное отъ работы время. Въ общихъ результатахъ цѣль была достигнута; безъ преувеличенія можно сказать, что воскресныя школы въ Бельгіи, Америкѣ и Англіи преобразовали самые бѣдные рабочіе классы, открывъ имъ средства къ грамотности и элементарному образованію. И мы не знаемъ болѣе дѣйствительнаго и благороднаго филантропическаго учрежденія, какъ эти школы, спасающія массы отъ пауперизма и разврата.

Въ Россіи это дѣло новое, начатое дочерью г. Шипилевскаго. Думаемъ, что эта счастливая мысль не исчезнетъ, подобно другимъ благимъ предпріятіямъ на нашей землѣ. Они, дѣйствительно, встрѣтили достойное сочувствіе; остается желать, чтобъ рука богача, голова наставника, сердце матери и энергія молодаго поколѣнія сошлись въ симпатіи и поощреніи этихъ превосходныхъ заведеній. Не надо забывать, что они необходимѣй у насъ, чѣмъ гдѣ нибудь. Въ Россіи, какъ извѣстно, воскресныя школы съ давнихъ поръ существуютъ въ остзейскихъ провинціяхъ.

Послѣ Петербурга и Москвы (здѣсь воскресныя школы открыты въ первыхъ числахъ прошлаго Іюня), надѣемся, они не замедлятъ явиться и въ губернскихъ городахъ, особенно тамъ, гдѣ находятся большія фабрики и заводы. Хорошо было бы, еслибъ эти школы помѣщались въ садахъ: въ народномъ воспитаніи природа играетъ важную роль, не только въ гигіеническомъ, но и нравственномъ отношеніи. Въ заключеніе пожелаемъ наставникамъ ихъ поменьше рутины, побольше живаго слова, здраваго смысла и уваженія къ истинѣ. Затѣмъ читатель переносится своимъ сновидѣніемъ въ залъ придворной пѣвческой капеллы, на экзаменъ учениковъ инструментальнаго класса. Чтобъ объяснить дѣло, передъ нимъ развертывается отчетъ, прочитанный передъ испытаніемъ; изъ отчета, между прочимъ, узнается слѣдующее:

«Малолѣтніе придворные пѣвчіе, поступая въ хоръ, употребляются постоянно для исполненія музыки строгаго стиля, такъ

что ихъ музыкальныя способности получаютъ значительное развитіе. Чрезъ нѣсколько лѣтъ они спадаютъ съ голосовъ, опредѣляются въ гражданскую службу и все ими пріобрѣтенное, въ отношеніи музыки, во время бытности ихъ пѣвчими, пропадаетъ, какъ для нихъ, такъ и для искусства, между тѣмъ какъ они, послѣ столь полезнаго образованія, могли бы сдѣлаться отличными артистами».

На этомъ основаніи, въ 1839 году былъ учрежденъ при составѣ придворной пѣвческой капеллы инструментальный классъ для обученія малолѣтнихъ на разныхъ струнныхъ инструментахъ, согласно способности и желанію каждаго. Чрезъ пять лѣтъ по открытіи класса и по произведеніи надлежащаго экзамена, пять учениковъ, оказавшихъ на экзаменѣ отличныя способности и заслужившихъ общее одобреніе, были снабжены аттестатами отъ капеллы и опредѣлены въ вѣдомство императорскихъ театровъ, въ оркестръ с.-петербургской оперы (гдѣ трое находятся и нынѣ), съ производствомъ жалованья и выдачею каждому награды, установленной за отличные успѣхи.

Въ 1845 году классъ этотъ былъ закрытъ, а въ 1858 возобновленъ и съ разрѣшенія начальства дѣйствіе его открыто съ 1-го Января 1859 года. Къ преподаванію приглашены извѣстные въ С.-Петербургѣ артисты: Мауреръ, Кременецкій, Кнехтъ, Маркусъ, Промбергеръ, Ѳererro, Кавалини, Чіарди и Габерцеттель. Въ настоящее время обучаются въ инструментальномъ классѣ: на скрипкѣ 15, на віолончели 4, на контрбасѣ 2, на фортепьянѣ 8, на флейтѣ 1, на кларнетѣ 1, всего 31.....

Но доброму читателю и во снѣ надоѣлъ городъ, обливаемый дождемъ, продуваемый вѣтромъ и тонущій въ грязи. Никого (кромѣ люда чиновнаго, коммерческаго или очень бѣднаго) нѣтъ въ городѣ; всѣ разсыпались по окрестностямъ, на такъ называемыя дачи. — Туда-бы, туда — думаетъ читатель — въ зелень, на чистый воздухъ, гдѣ большая половина городскаго населенія отдыхаетъ и поправляетъ здоровье...

О! добрый читатель! еслибъ зналъ ты какая злая насмѣшка заключается въ словахъ твоихъ, еслибъ зналъ ты, что такое петербургскія дачи, петербургскій чистый воздухъ и петербургская зелень, ты и во снѣ не пожелалъ бы побывать за городомъ. Но воля твоя да исполнится...

Передъ глазами твоими красивѣйшая швейцарская хижина,

построенная съ претензіей русской роскоши. Кажется не вышелъ бы изъ этого граціознаго произведенія архитектуры, тамъ бы и умеръ; и дѣйствительно, если ты слабаго здоровья, то легко можетъ случиться, что, попавъ однажды въ эту очаровательную хижину, ты изъ нея уже не выйдешь, тебя вынесутъ или мертваго или чуть-чуть живаго. Посмотри внимательно: эту живописную хижину насквозь пронизываетъ вѣтеръ, въ (такъ-sic.) крышку сочится дождь, кругомъ непроходимая грязь и зловреднѣйшая сырость; чахлыя деревья торчатъ, словно общипанныя, болѣе желтыя, чѣмъ зеленыя. Бѣдные дачники въ теплыхъ пальто и глубокихъ калошахъ, съ вытянутыми и кислыми лицами, пробираются съ камушка на камушекъ — это они гуляютъ. Прислушайся къ разговору вотъ этихъ двухъ укутанныхъ и обвязанныхъ джентльменовъ; это ихъ ежедневный разговоръ въ продолженіи почти всего лѣта:

— Что, батюшка, Андрей Петровичъ, какъ вашъ ревматизмъ?

— Хуже, Иванъ Ивановичъ, цѣлую ночь не спалъ, а вы какъ?

— Плохо, дорогой мой, очень плохо, всю щеку разнесло.

— А слышали вы что случилось съ чиновникомъ, который живетъ у насъ въ мезонинѣ?

— Нѣтъ, что такое?

— Сынишку у него залило водой.

— Экò грѣхъ какой.

— Вѣдь всю ночь какъ изъ ведра лило.

— Ужъ не говорите. Да, кажись и сегодня тоже будетъ; я вотъ съ полчаса ищу на небѣ чистаго мѣстечка — нѣтъ какъ нѣтъ, все заволокло. А супруга ваша что дѣлаетъ?

— Лежитъ, лежитъ, пошевелиться не можетъ.

— А вы бы попросили хозяина двойныя рамы вставить.

— Да, это бы не дурно, да хозяина-то нѣтъ; взялъ деньги и больше носа сюда не показываетъ; ему бы только деньги взять а тамъ жильцы хоть умирай; вѣдь не повѣрите, что за сквалыга. Вчера смотрю я старикъ какой-то подбираетъ щепки, спрашиваю: что, старина, на топливо себѣ набираешь? — Нѣтъ, говоритъ, сударь, я отъ домоваго хозяина нанятъ сбирать щепку. — Зачѣмъ? — спрашиваю. — Да для бѣдныхъ, говоритъ, бѣдные покупаютъ — каковъ филантропъ — бѣднымъ щепки продаетъ!

— А вѣдь, бестія, богатъ?

— Богатъ, да такой кулакъ, что зимой льду не допросишься. Да вѣдь и всѣ хозяева здѣсь хороши. Кто строитъ дачу для себя, ну, такъ еще дача выходитъ туда-сюда, а ужъ коли для отдачи въ наемъ, такъ такой дворецъ изъ барочнаго лѣсу сколотитъ, что въ стѣны какъ въ рѣшето дуетъ.

— Что это за лѣто, что за лѣто!

— Да какое лѣто: это просто французская зима. Знаете ли что у полковницы-то, вотъ у толстой-то, которая съ разнощиками все ругается, свадьба расклеилась, благодаря нашему лѣту.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Дочь этой полковницы, какъ вамъ извѣстно, была сговорена за доктора. Женихъ человѣкъ солидный, не молодой, но съ состояніемъ; ну, и прекрасно бы для бѣдной-то дѣвушки; только вышла такая исторія: женихъ-то, изволите видѣть, слабаго здоровья, сегодня ѣдетъ къ невѣстѣ подъ дождемъ, завтра подъ дождемъ — сами понимаете, не можетъ вынести, чувствуетъ себя дурно, начинаетъ ѣздить рѣже, невѣста-то, по наущенію матери, въ слезы да въ упреки и пошла катавасія и пошла... и кончилось тѣмъ, что докторъ говоритъ: какъ вамъ угодно, а ѣздить больше къ вамъ по этакой погодѣ не могу и отказываюсь отъ невѣсты..

Читатель пожелалъ видѣть общественныя гульбища и вотъ передъ нимъ открывается цѣлый рядъ, цѣлая панорама, отъ самыхъ аристократическихъ до тѣхъ, на которыхъ, о! ужасъ! самое видное мѣсто занимаютъ *фильдекосовыя* перчатки.

Прежде всего, декорація представляетъ полукруглый мысъ Елагина острова. На отлично выметенной и убитой песчаной площадкѣ, на правильно разставленныхъ скамьяхъ сидитъ то, что̀ называется *сливками* общества... Кстати, не помнишь ли, добрый читатель, слѣдующій анекдотъ: извѣстный писатель и эмигрантъ маркизъ де-Ривароль жилъ въ Гамбургѣ и славился между прочимъ своею дворянскою спѣсью.

— Nous autres, les émigrés — сказалъ онъ однажды — nous sommes la crême de la société.

— Oui, — возразилъ ему кто-то — vous êtes la crême, mais de la crême fouettée...

Но возвратимся къ нашимъ сливкамъ.

Продолжая путешествіи по аристократическимъ гуляньямъ, читатель переносится въ мгновеніе на Каменный Островъ, къ небольшому, но довольно грязному, глинистому и вязкому мѣсту

подлѣ театра. На эстрадѣ играетъ оркестръ музыки, а кругомъ двигаются щегольскія кереты и коляски, съ тѣмъ величественнымъ спокойствіемъ, которое даетъ поводъ провинціаламъ спрашивать: кого здѣсь хоронятъ? Такое наслажденіе доставляется нашей избранной публикѣ еженедѣльно, по середамъ. На это гулянье *приходятъ* немногіе, почти всѣ пріѣзжаютъ.

По сосѣдству, на Крестовскомъ островѣ, около вновь выстроенной эстрады также бываетъ (по четвергамъ) гулянье. Оно заключается въ томъ, что при звукахъ военной музыки, обитатели и обитательницы Петербургской стороны весьма неравнодушно поглядываютъ на коляски и шарабаны, въ которыхъ показываются изящнѣйшія произведенія модныхъ магазиновъ, какъ заграничныхъ, такъ и петербургскихъ. Случается иногда, что двѣ крошечныя дѣвочки, увлекаемыя музыкою и не обращая вниманія на присутствіе высшаго общества, вздумаютъ схватившись за руки, попрыгать плебейски по песочку, мамаши кидаются на нихъ и въ одно мгновеніе ока стараются остановить эти неприличныя выходки. Боги! какъ мнѣ жаль этихъ дѣвочекъ! Но, впередъ, впередъ, добрый читатель, иначе ты проснешься, не побывавъ на всѣхъ петербургскихъ гуляньяхъ...

Если ты очутишься въ довольно хорошемъ саду, наполненномъ разряженными дамами, между которыми встрѣтится не мало и барышень съ поддѣльнымъ цвѣтомъ лица и довольно бойкимъ, чтобъ не сказать нахальнымъ, взглядомъ, если въ глазахъ твоихъ зарябитъ отъ серебра и золота, перемѣшаннаго съ сѣрыми и черными пальто, если передъ большимъ и очень хорошимъ оркестромъ ломается и приплясываетъ красивый капельмейстеръ — знай, что ты въ Павловскѣ и что передъ оркестромъ пляшетъ извѣстный капельмейстеръ Штраусъ, погубившій не одно женское сердечко. Нѣкоторые изъ постоянныхъ посѣтителей Павловскаго вокзала увѣряли меня, что нигдѣ, ни въ одномъ уголкѣ петербургскихъ окрестностей, не наберется столько кокетокъ, сколько ихъ въ Павловскѣ. Говорятъ даже, будто бы многіе изъ добрыхъ матерей возятъ въ Павловскъ своихъ малолѣтнихъ дочерей съ тѣмъ, чтобы пріучить ихъ къ необходимому искусству, — продавать впослѣдствіи товаръ лицомъ. Всему этому причиной — прибавляютъ сплетники — Штраусъ...

Теперь читатель сонъ ведетъ тебя на такія гульбища, гдѣ иногда число наслажденій, придуманныхъ услужливымъ содержателемъ, равняется числу посѣтителей; но гдѣ не рѣдко соби-

рается и по двѣ и по три тысячи любопытной публики. Все зависитъ отъ погоды. Но и здѣсь не гуляютъ въ тѣсномъ значеніи этого слова, потому что общественныхъ гуляній у насъ нѣтъ; у насъ или показываютъ себя и смотрятъ на другихъ или, извините за выраженіе, напиваются, т. е. создаютъ себѣ искусственную веселость, за неимѣніемъ естественной. Гулянье у насъ представляетъ или нѣчто въ родѣ похоронной процессіи въ нетраурныхъ нарядахъ или такой Содомъ, куда не смѣетъ показаться ни одна порядочная женщина. Часовъ до десяти вечера дѣло еще клеится кое-какъ; но потомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и такъ дѣло идетъ долго, такъ долго, что на вопросъ кучера:

— А что скажите, скоро, я думаю, и конецъ.

Городовой отвѣчаетъ:

— Ну, ужъ, нѣтъ; тутъ его же царствію не бываетъ конца.

Въ первомъ ряду этихъ гульбищъ стоятъ два соперника: *Café chantant* — подъ управленіемъ г. Излера и *заведеніе искусственныхъ минералоныхъ водъ* — подъ управленіемъ двухъ господъ, фамилію ихъ не помню.

Café chantant и заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ отличаются цыганами, пѣвцами и пѣвицами различныхъ націй, иллюминаціями и другими затѣями. Если г. Излеръ привлекаетъ публику личностью Маши Розановой, поющей въ цыганскомъ хорѣ извѣстнаго плясуна Матвѣя, то заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ съ своей стороны плѣняетъ публику тѣмъ, что ея цыганскимъ хоромъ управляетъ любимецъ московской публики и всѣхъ вообще охотниковъ до цыганскаго пѣнія — Иванъ Васильевъ. Однимъ нравится хорошенькая Маша Розанова, другіе восхищаются симпатичнымъ голосомъ Маши, поющей въ хорѣ Ивана Васильева.

Гулянья въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ и у Излера еще не развернулись вполнѣ и потому сказать опредѣлительно, которому изъ нихъ принадлежитъ Парисово яблоко — невозможно. Въ ожиданіи рѣшенія этого рыцарскаго спора, читатель перенесется въ садики Петровскаго вокзала и русскаго трактира. Разница между ими заключается въ томъ, что первое изъ нихъ, старается измѣнить буйную извѣстность, пріобрѣтенную трактиромъ *Любекомъ*, и сдѣлаться гуляньемъ доступнымъ небогатому классу порядочныхъ людей и въ то же время уго-

дить кутящимъ купеческимъ сынкамъ, которымъ при извѣстныхъ условіяхъ море по—колѣна; а второе, мало заботясь о семейныхъ и скромныхъ посѣтителяхъ, доставляетъ разнообразныя удовольствія, не исключая и необузданнаго пьянства, людямъ всѣхъ сословій и званій. Въ силу своей инисіативы, каждое изъ помянутыхъ гуляній имѣетъ свои особенности. Въ садикѣ Петровскаго вокзала, съ каждымъ днемъ украшаемаго, есть очень порядочный оркестръ, подъ управленіемъ весьма даровитаго и добросовѣстнаго г. Лунда. Есть, за тѣмъ, четыре Еврея-музыканта, между которыми замѣтно отличается цимбалистъ Соломонъ; есть Шотландцы, незавидно наигривающіе на колокольчикахъ различной величины, а слѣдовательно и различнаго тона и хоръ русскихъ пѣсельниковъ. Въ Русскомъ трактирѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ хоръ пѣсельниковъ, подъ управленіемъ замѣчательнаго самороднаго дарованія, пѣвца Ивана Молчанова. Нужно удивляться, что за богатая, что за поэтическая натура этотъ старикъ-Молчановъ, запѣвало и дирижеръ хора.

Жаль, что содержатель Петровскаго вокзала не пригласитъ къ себѣ Ивана Молчанова — это не мало украсило бы его гульбище....

Если читатель побываетъ, во снѣ, въ Полюстровѣ, скромнѣйшемъ общественномъ гуляньѣ, спеціально принадлежащемъ чиновному кругу, въ бѣдномъ и по большею частію пустомъ Александровскомъ паркѣ, въ буйномъ и разгульномъ Екатерингофѣ, то получитъ совершенно-полное понятіе о томъ, какъ веселится петербургское населеніе.

Сверхъ общественныхъ гуляній, петербургскіе дачники пользуются и частными удовольствіями, такъ, напримѣръ, поѣздками въ лодкахъ на взморья, гдѣ расположившись на берегу, между кустарниками, раскладываютъ костры, пьютъ чай и другіе горячіе напитки, болтаютъ, поютъ и закусываютъ; поѣздками въ Токсово, въ Сергіевское, на Валаамъ и т. д. Если прибавить къ этому рыбную ловлю, занятіе невинное и спокойное, охоту, садовничество и наслажденія, занимающія не многихъ оригиналовъ, то отчетъ будетъ полонъ.

Читателю, все еще погруженному въ сладкій сонъ, остается прислушаться къ общественнымъ толкамъ. Кромѣ политики и другихъ предметовъ, вызывающихъ, такъ сказать, на размышленія, толкуютъ о многомъ: о художникѣ Нагорецкомъ, который за-

стрѣлился, по мнѣнію дамъ, отъ безнадежной любви; о г-жи Свѣчиной, о г-жи Туръ, о «Русскомъ Вѣстникѣ», который говорилъ о г-жѣ Туръ и о «Современникѣ», который говорилъ о всѣхъ трехъ.

Говорятъ, что дирекція нашихъ театровъ ангажировала на Петербургскую сцену г-жу Ристори, извѣстную соперницу покойной Рашели. Артистка эта, по слухамъ, пріѣдетъ сюда съ своей трупой и дастъ нѣсколько представленій. Кромѣ этой артистической знаменитости, на сцену нашего французскаго театра ангажированы слѣдующія парижскія актеры и актрисы: гг. Дюпюи — съ театра «du Gymnase», Метремъ и Стелла Колисъ — съ «Французскаго театра» и Шомонъ — съ «Водевильнаго,» и Полина Гранже — съ «Одеона.»

Говорятъ, что во вновь устроенномъ скверѣ у Исакіевскаго собора, будетъ со временемъ устроенъ фонтанъ — хорошо бы.

Говорятъ, что оконченный уже снаружи, бывшій «Театръ-циркъ», теперь «Маріинскій театръ» скоро будетъ отдѣланъ и внутри. Онъ назначенъ исключительно для представленій Русской оперы. Кстати прибавляютъ, что пѣвцы наши разучиваютъ къ зимнему сезону новую оперу, одного гвардейскаго офицера, г. Кюи. Либретто этой оперы, какъ я уже говорилъ когда-то, заимствовано изъ извѣстной поэмы Пушкина «Кавказскій Плѣнникъ.» Есть слухи, что опера г. Вильбоа «Наташа» будетъ, наконецъ, поставлена на сцену.

Говорятъ, что малоохтенскій проспектъ иждивеніемъ нѣкоторыхъ богатыхъ хлѣбныхъ торговцевъ Калашниковой пристани будетъ обращенъ въ шоссе; точно также и владѣтель Мурина сбирается проложить шоссе отъ дачъ въ Петербургъ. Перейдемъ къ театру.

Знакомая петербургскимъ меломанамъ г-жа Шартонъ-Демеръ отличается въ Вѣнѣ, по словамъ тамошнихъ газетъ, въ «Травіатѣ»; нѣкоторые удивляясь внезапной перемѣнѣ въ отзывѣ вѣнскихъ журналистовъ о тамошней италіянской труппѣ (подъ директорствомъ Сальвіе) заподозрѣваютъ ихъ въ.... неискренности. Сестры Ферни въ Дрезденѣ; Вьетанъ намѣренъ открыть во Франкфуртѣ институтъ для преподаванія музыки. Рубинштейнъ хочетъ поселиться въ окрестностяхъ Вѣны.

Читатель могъ бы еще побывать на праздникѣ нѣмецкихъ пѣвцовъ въ Парголовѣ, гдѣ они пѣли на *Парнасѣ*, при огром-

номъ стеченіи публики; могъ бы поглядѣть на Нѣмцевъ и Русскихъ, справляющихъ на Кулербергѣ (на Крестовскомъ) канунъ Иванова дня; но читателю пора проснуться и сказать:

— Какъ жаль, что я не въ Петербургѣ!

Е. МОЛЛЕРЪ.

[illegible]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

[illegible]

[illegible]

ОПЕЧАТКИ.

[illegible]

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Желающіе объясниться съ Редакціею „Русскаго Слова" по дѣламъ, до нея касающимся, могутъ обратиться къ ней во всякое время письменно, а для личнаго объясненія она назначаетъ пріемный день по вторникамъ отъ 12 до 4 часовъ въ главной конторѣ „Русскаго Слова", что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Кушелева-Безбородко.

Относительно возвращенія рукописей Редакція не считаетъ лишнимъ объявить, что она не можетъ принять на себя расходовъ по пересылкѣ ихъ, и чтобы избѣжать недоразумѣній и лишнихъ запросовъ, она ставитъ правиломъ не возвращать мелкихъ стихотвореній.

ОПЕЧАТКИ.

Въ іюньской книжкѣ «Русскаго Слова» вкрались значительныя типографскія и корректурныя ошибки, которыя мы спѣшимъ исправить.

Напечатано.	Надо читать.
(О Санскритскомъ эпосѣ).	
Стр. 3. строка 10. — домерическій. —	Гомерическій.
— 9. — 14. Представляя его въ полномъ свѣтѣ, объемѣ и въ полномъ свѣтѣ.	Представляя его въ полномъ свѣтѣ и объемѣ.
— 11. — 39. Каісальіи. —	Каусаліи.
— 17. — 12. древне-андійскій.	древне-индійскій.
ПОЛИТИКА.	
— 4. — Предлагая назначить пошлину въ 77 и 10 франковъ......	Предлагая назначить пошлину въ 77 и 100 франковъ......

Прим. Всѣ эти, вставленныя въ текстѣ съ 1 по 7 стр. относятся къ примѣчанію, на стран. 2.

— 14. прим. Если же цѣны поднимались выше 80 шил. за 9 quarter.	Если же цѣны поднимались выше 80 шил. За quarter.
— 34. — 31. Франція работающая, думающая, *не* плачущая и ненавидящая.	Франція работающая, думающая, плачущая и ненавидящая.
— 35. — 27. Разовьетъ во Франціи *нивы* соціальнаго чувства.	Разовьетъ во Франціи инстинкты соціальнаго чувства.
— 35. — 2. Лучше *полуденной* Сиріи или Палестины.	Лучше полудикой Сиріи или Палестины.

Содержатель типографіи Рюмина и К° Семенъ Сѣдинкинъ считаетъ обязанностью замѣтить, что іюньская книжка «Русскаго Слова» печаталась въ типографіи Товарищества «Общественная польза».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 18.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Общій характеръ шахматныхъ полемикъ. — С. Аманъ и Стаунтонъ. — Стаунтонъ послѣ всемірнаго турнира. — Андерсенъ. — Отвѣтъ кн. С. Урусова на статью г. Петрова. — Двѣ консультаціонныя партіи Морфи противъ Стаунтона. — Три партіи Андерсена съ Колишемъ. — Извѣстіе о смерти г. фонъ-Оппена. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи.

Много потребно практической философіи шахматному игроку, что бы, потерпѣвъ пораженіе въ серьёзномъ матчѣ, рѣшающемъ вопросъ о его шахматной репутаціи, сознаться и передъ самимъ собою и передъ другими, что побѣдитель дѣйствительно превосходитъ его глубиною соображеній, силою фантазіи, дальновидностью и всѣми вообще свойствами, необходимыми сильному шахматному игроку. Оскорбленное самолюбіе побѣжденнаго всегда почти побуждаетъ его искать причинъ пораженія въ случайныхъ, постороннихъ обстоятельствахъ. Онъ ссылается на болѣзнь, разсѣяніе, неосновательность условій матча (которыя самъ однако утвердилъ); и, если все это оказывается неубѣдительнымъ, начинаетъ преувеличенно порицать свои партіи, увѣряя, что проигралъ отъ грубыхъ ошибокъ и недосмотровъ, но, — вотъ тутъ и обнаруживается цѣль самоуниженія, — еслибъ игралъ съ должнымъ вниманіемъ и обыкновенною своею силою, то вѣроятно одержалъ бы побѣду; къ тому же, онъ во всякомъ случаѣ, го-

товъ безотлагательно приступить къ новому состязанію. Такая смѣлая готовность ни къ чему впрочемъ не обязываетъ, и послѣ долгихъ переговоровъ объ условіяхъ предстоящаго матча, оказывается обыкновенно, что по совершенно непредвиденнымъ обстоятельствамъ, онъ состояться не можетъ. Побѣдитель съ своей стороны не слишкомъ упорно требуетъ новаго состязанія, очень хорошо понимая, что вторая побѣда не много увеличитъ его славу, а пораженіе совершенно затмитъ ее. Но если онъ охотно предоставляетъ противнику возможность отступленія, то не оставляетъ однако безъ отвѣта его сужденія о первоначальномъ матчѣ и между обоими состязателями завязывается нескончаемая полемика. Подобная исторія повторяется послѣ всякаго почти замѣчательнаго состязанія, и чѣмъ болѣе придавалось ему значенія, тѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ ожесточеннѣе слѣдующая за нимъ полемика. Весь шахматный міръ раздѣляется на враждебные станы; одни прославляютъ побѣдителя, другіе защищаютъ честь побѣжденнаго.

По смерти Лабурдоне, лучшимъ шахматнымъ игрокомъ Франціи считался С. Аманъ. Правда, тогда здраствовалъ еще Дешапель, но онъ не охотно рисковалъ своею, отчасти сказочною славою; съ каждымъ годомъ игралъ все рѣже и рѣже и наконецъ вовсе покинулъ шахматы для виста*). Въ числѣ французскихъ игроковъ онъ отличилъ С. Амана; называлъ его своимъ преемникомъ, своимъ лейтенантомъ... вице-королемъ шахматной игры. (Титулъ короля Дешапель, съ свойственною ему скромностью, оставлялъ, разумѣется, за собою). Хотя такое предпочтеніе къ редактору возрожденнаго *Паламеда* было и не совсѣмъ основательно, но французскіе шахматисты не думали ему противорѣчить и безпрекословно признали превосходство С. Амана. Ему-то предстояла честь защищать шахматную славу отчизны Лабурдоне и Филидора, въ случаѣ непріятельскаго нападенія со стороны иностранцевъ. Случай не замедлилъ представиться. Осенью 1843 года англійскій игрокъ Стаунтонъ, неимѣвшій еще въ то время той знаменитости, какую пріобрѣлъ впослѣдствіи, и не задолго передъ тѣмъ побѣжденный С. Аманомъ, прислалъ ему предложеніе еще разъ помѣриться силами въ торжественномъ, рѣшительномъ матчѣ. Предложеніе было принято, и въ началѣ ноября,

---

*) По общему признанію всѣхъ знатоковъ дѣла, Дешапель игралъ въ вистъ съ изумительнымъ искусствомъ; онъ написалъ цѣлый трактатъ объ этой игрѣ.

Стаунтонъ явился въ Парижъ въ сопровожденіи своихъ секундантовъ Уорреля и Уильсона. Извѣстность состязателей, значительность пари (2500 фр.), неслыханная до того времени, точность въ опредѣленіи условій матча, огромное стеченіе зрителей, — все придавало особенную торжественность этому *grand défi national,* какъ называли его французы. Исполненные легкомысленнаго довѣрія къ искусству С. Амана, они не сомнѣвались въ побѣдѣ и смотрѣли на Стаунтона, какъ на заранѣе обреченную жертву. Увѣренность ихъ скоро поколебалась: *Стаунтонъ выигралъ семь партій подъ рядъ.* По условіямъ матча, побѣда рѣшалась одиннадцатью выигранными партіями; стало быть немного оставалось надежды тому, кто проигралъ семь. Надо однако отдать справедливость С. Аману; при всей безотрадности своего положенія, онъ не упалъ духомъ, не сдался, до конца продолжалъ отстаивать поле сраженія. Съ каждой партіей онъ игралъ все лучше и лучше и во второй періодъ, — подъ первымъ мы разумѣемъ семь непрерывныхъ побѣдъ Стаунтона, — имѣлъ даже нѣкоторый перевѣсъ надъ своимъ противникомъ. Выигравъ четвертую партію С. Аманъ воскликнулъ: J'ai du moins sauvé l'honneur! Какъ бы то нибыло, Стаунтонъ одержалъ блестящую побѣду: онъ выигралъ одиннадцать партій противъ шести*).

Казалось бы, послѣ столь рѣшительнаго пораженія, французскимъ шахматистамъ оставалось только сознаться, что Стаунтонъ дѣйствительно играетъ лучше С. Амана. Не тутъ то было разбитые на шахматной доскѣ, они рѣшились торжествовать по крайней мѣрѣ на бумагѣ, и доказать, во что бы то ни стало, что С. Аманъ нисколько не уступаетъ своему противнику, что первенство на шахматномъ поприщѣ все таки остается за Франціей. Трудно представить себѣ къ какимъ парадоксамъ, натяжкамъ, хитростямъ прибѣгали они для поддержанія этой странной темы. Если С. Аманъ потерпѣлъ пораженіе, говорятъ они, то единственно потому, что слишкомъ легко смотрѣлъ на состязаніе, давно не занимался ни теоріей, ни практикой, съ рыцарскою отвагою выступилъ на арену. Стаунтонъ напротивъ того, за долго и основательно готовился къ бою: изучалъ теорію, твердилъ дебюты, практиковался съ сильными игроками и явился на поле сраженія, *cuirassé et armé jusqu'aux dents.* Этакъ всякій пожалуй выиграетъ! Къ тому же дѣло шло о деньгахъ, а англичане имѣютъ

---

*) Всего было съиграно 21 партія; изъ нихъ 11-ть выигралъ Стаунтонъ 6-ть С. Аманъ, 4 кончились розыгрышемъ.

какое-то сродство съ золотомъ. Бѣда держать пари съ англичаниномъ. Для него выигрышъ заклада важнѣйшее дѣло, существенная забота; и днемъ и ночью онъ только о томъ и думаетъ какъ бы выиграть свое пари. Да и точно ли еще Стаунтонъ одержалъ побѣду? Вѣдь въ сущности С. Аманъ выигралъ большее число партій, если только не считать семи первыхъ, подъ рядъ имъ проигранныхъ. Его восклицаніе: *честь спасена!*—великая истина. Правда, пари выиграно англичанами, но что значитъ презрѣнный металлъ? Только алчные албіонцы мѣрятъ успѣхъ на вѣсъ золота; мы, дѣти благородной Франціи, хотимъ не денегъ, но славы, а слава наша не померкла!

Такими то не совсѣмъ приличными шутками, парадоксальными сужденіями и хвастливыми возгласами, старались французскіе шахматисты поддержать репутацію своего представителя и, въ тоже время, выставить его противника въ сколь возможно невыгодномъ свѣтѣ. И не подумайте, чтобы мы преувеличивали; справьтесь съ тогдашними выпусками Паламеда, и вы увидите, что мы еще смягчаемъ его выраженія. Въ сужденіяхъ о самихъ партіяхъ — такая же пристрастность; тѣ, гдѣ побѣдителемъ остался С. Аманъ, признаются превосходными, образцовыми; онѣ выиграны вслѣдствіе глубокихъ соображеній, мастерскихъ атакъ, тонкихъ разсчетовъ. Иное дѣло партіи, выигранныя Стаунтономъ; о нихъ едва ли стоитъ говорить, такъ очевидно, что его противникъ былъ утомленъ, разсѣянъ и проигралъ единственно отъ недосмотровъ; ихъ, по настоящему, и считать не слѣдуетъ. Каждый хорошій ходъ С. Амана сопровождается непремѣнно самыми восторженными возгласами: Divinement joué... Sacrifice admirable... Dans cette série de coups brilliants, c'est celui ci qui est le plus merveilleux!*) и т. п, Сдѣлаетъ ли онъ ошибку, — тотчасъ же примѣчаніе объясняющее, что ошибка въ грѣхъ не ставится, что С. Аманъ сдѣлалъ ее невзначай, а не то сыгралъ бы превосходно. Одно изъ этихъ примѣчаній до того оригинально, что мы не можемъ удержаться отъ удовольствія его выписать: «Méprise «incompréhensible! Le joueur des Noirs (т. е. С. Аманъ) avait été «se chauffer les pieds et en revenant il a posé par distraction la «Tour de la Dame à la case de celle ci, au lieu d'aller jusqu'à la «case du Roi». Какъ же послѣ этого не проиграть! Такое необычайное обстоятельство, какъ согрѣваніе ногъ у камина, и самого Филидора съ толку собьетъ.

*) Всѣ эти три восклицанія, и еще нѣсколько другихъ, на одной страницѣ!

Статьи Паламеда не остались безъ отвѣта. Не только Chess Player's Chronicle, но даже и не шахматные журналы: Morning Herald, Sun и др. приняли участіе въ полемикѣ. Потомъ пошли переговоры о новомъ состязаніи. С. Аманъ горитъ желаніемъ сразиться съ своимъ побѣдителемъ, но на бѣду никакъ не можетъ согласиться съ нимъ въ условіяхъ. Зоветъ ли его Стаунтонъ въ Лондонъ, — онъ не можетъ отлучиться изъ Парижа; предлагаетъ ли самъ вновь явиться, къ извѣстному сроку, на прежнее мѣсто состязаній, — С. Аману необходимо, именно въ это время, ѣхать на югъ Франціи. Стаунтонъ изъявляетъ желаніе ограничить число зрителей будущихъ состязаній секундантами и секретарями матча, — С. Аманъ подымаетъ это вполнѣ естественное и законное желаніе на смѣхъ, увѣряя, что при такомъ стѣснительномъ будто бы условіи ни одинъ Французъ не пойдетъ къ нему въ секунданты. Однимъ словомъ, всякое предложеніе Стаунтона отвергалось подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ и матчъ не состоялся.

Надо замѣтить, что во всемъ этомъ дѣлѣ англичане вели себя гораздо лучше французовъ. На колкія, а подъ часъ и грубыя журнальныя статьи они отвѣчали, если не совсѣмъ любезно, то по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ учтивости; отдавали справедливость искусству С. Амана и разбирали его партіи довольно безпристрастно. На шахматныхъ обѣдахъ, которыми торжествовалась побѣда, провозглашали тосты въ честь С. Амана, Паламеда..... Парижскаго клуба. Впрочемъ, побѣдителю не трудно вести себя джентельменомъ; посмотримъ выдержалъ ли эту роль Стаунтонъ когда ему, въ свою очередь, пришлось потерпѣть пораженіе.

Извѣстность, пріобрѣтенная имъ побѣдою надъ С. Аманомъ, росла съ каждымъ годомъ. Его сочиненія*), журнальныя статьи, многочисленныя побѣды упрочили за нимъ славу сильнѣйшаго шахматиста Англіи. Англіи или всего міра? Вотъ вопросъ, который долгое время занималъ любителей, а больше всѣхъ самого Стаунтона; онъ рѣшенъ на знаменитомъ турнирѣ 1851 года и,

---

*) Въ 1847 году онъ издалъ «Chess Player's Handbook», два года спустя «Chess Player's Textbook» и «Chess Player's Companion». Послѣднее сочиненіе Стаунтона «Chess Praxis» появилось въ началѣ нынѣшняго года. Сверхъ того, онъ впродолженіе четырнадцати лѣтъ былъ главнымъ редакторомъ журнала «Chess Player's Chronicle»; шахматный отдѣлъ Лондонской Иллюстраціи принадлежитъ ему же.

какъ извѣстно, рѣшенъ не въ пользу британскаго героя: главнымъ побѣдителемъ турнира остался Андерсенъ, Стаунтонъ получалъ только четвертый призъ; второй достался Уейвилю, третій Уильямсу. Послѣднее обстоятельство служитъ яснымъ доказательствомъ, что Стаунтонъ игралъ на турнирѣ гораздо ниже своей обыкновенной силы, ибо превосходство его надъ Уейвилемъ и Уильямсомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще не за долго передъ тѣмъ онъ давалъ имъ пѣшку и ходъ впередъ, даже пѣшку и два хода, а по окончаніи турнира вступилъ въ бой съ Уильямсомъ на слѣдующихъ условіяхъ: Уильямсъ признается побѣдителемъ если выиграетъ четыре партіи прежде чѣмъ Стаунтонъ семь. Стаунтонъ выигралъ шесть партій противъ двухъ, но не смотря на близость и несомнѣнность полной побѣды, отказался продолжать матчъ, отказался единственно потому, что выведенъ былъ наконецъ изъ терпѣнія совершенно невѣроятной медленностью своего противника. Рѣдкая партія длилась менѣе десяти часовъ, иныя двѣнадцать, четырнадцать, были наконецъ и такія, которыя тянулись восемнадцать и даже двадцать часовъ! Какъ опытный игрокъ и истинный джентельменъ, Стаунтонъ конечно не сталъ бы торопить своего противника, претендовать на зрѣлое, пожалуй даже и весьма продолжительное обдумываніе ходовъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не отличается особенною быстротою; но когда сдѣлалось очевиднымъ, что г. Уильямсъ съ каждой партіей играетъ все медленнѣе и притомъ вовсе не съ тѣмъ, чтобъ основательнѣе обдумывать всѣ возможныя комбинаціи игры, а просто съ цѣлію утомить своего соперника, когда онъ дошелъ наконецъ до того, что по два съ половиною часа заставлялъ противника ждать отвѣтнаго хода, тогда Стаунтонъ рѣшился лучше упустить изъ рукъ вѣрную побѣду чѣмъ вновь подвергнуться пыткѣ двадцати часовой партіи. Прибавьте къ этому, что самый стиль игры г. Уильямса въ высшей степени утомителенъ и скученъ; въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ соперничествовать одинъ только развѣ Уейвиль. Никогда почти не встрѣтите вы у нихъ открытыхъ дебютовъ, сильныхъ атакъ, смѣлыхъ пожертвованій; въ ихъ партіяхъ нѣтъ ни малѣйшаго признака увлеченія и фантазіи, составляющихъ главную прелесть, всю поэзію шахматной игры. Вотъ наприм. одинъ изъ любимыхъ ихъ дебютовъ:

Уейвиль, черные. / Уильямъ, бѣлые.	1) c7—c5 / e2—e3	2) e7—e6 / f2—f4	3) g8—h6 / g1—f3	4) g7—g6 / h1—c5.

Ну, можно ли выдумать что нибудь скучнѣе этого?

И такъ, еще разъ повторяемъ, если гг. Уильямсъ и Уейвиль получили на всемірномъ турнирѣ призы, болѣе почетные чѣмъ Стаунтонъ, то это не значитъ еще, чтобъ они дѣйствительно лучше его играли. Обратить на это вниманіе любителей Стаунтонъ имѣлъ полное право. Къ сожалѣнію онъ пошелъ дальше; рядъ статей, написанныхъ имъ о турнирѣ, очевидно обнаруживаетъ желаніе набросить тѣнь на главнаго тріумфатора Андерсена, доказать что и онъ обязанъ своему торжеству одной лишь счастливой случайности. Это ужъ совершенно несправедливо; отъ начала до конца турнира Андерсенъ игралъ превосходно; изъ 21 партіи онъ проигралъ только пять, хотя судьба посылала ему соперниковъ весьма опасныхъ: Кіезерицкаго, Сена,.... Стаунтона: Безпристрастный разборъ самихъ партій еще болѣе обнаруживаетъ талантъ и знанія Андерсена. Но въ этомъ то и дѣло, что Стаунтонъ не съумѣлъ быть безпристрастнымъ. Это не прошло ему даромъ. Германскіе шахматисты упоеные славою своего соотечественника, не пощадили побѣжденнаго. Его сужденія о ходѣ турнира и силѣ участвовавшихъ въ немъ состязателей подвергнуты самой тщательной и въ то же время злобной критикѣ; каждая ошибка, малѣйшая неточность,—выставлены на посмѣяніе. Болѣзнь, на которую ссылался Стаунтонъ для объясненія своихъ неудачъ, признается вымышленною и служитъ новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ; если г. Стаунтонъ дѣйствительно боленъ, пишетъ изъ Лондона одинъ извѣстный шахматистъ, то ужъ конечно не избыткомъ скромности.

Нужнымъ считаемъ однако замѣтить, что самъ Андерсенъ оставался совершенно чуждъ этимъ нападкамъ на Стаунтона, и напротивъ того постоянно отдавалъ справедливость его искусству; отзывался о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. «Столь частыя пораженія, говоритъ онъ, разсказывая о своихъ битвахъ со Стаунтономъ, не имѣли никакого вліянія на спокойствіе, веселость, любезное обхожденіе моего противника. Стаунтонъ постоянно былъ одинаковъ. Я никогда не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда досады; это признакъ великаго шахматнаго игрока»; и тутъ же замѣчаетъ, что если Стаунтонъ не обнаружилъ на турнирѣ своей прежней силы, то это единственно потому, что онъ отвыкъ нѣсколько отъ игры à but, такъ какъ впродолженіе многихъ лѣтъ, онъ имѣлъ постоянно дѣло съ противниками, съ которыми игралъ не иначе, какъ давая что нибудь впередъ.

Благородное безпристрастіе, обнаруженное Андерсеномъ въ минуту торжества, не оставило его и въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ, когда завоеванная имъ на турнирѣ и упроченная позднѣйшими побѣдами слава померкла передъ блескомъ новаго шахматнаго свѣтила. Онъ не возгордился торжествомъ, съумѣлъ и не придти въ отчаяніе отъ пораженія. На-голову разбитый молодымъ Морфи, Андерсенъ съ полною покорностію къ судьбѣ перенесъ невзгоду и, очень хорошо понимая дѣйствительную причину своего пораженія, благоразумно отказался объяснять его какой нибудь таинственной болѣзнію à la Staunton или маскировать свою неудачу громкими фразами и остротами à la St. Amant et C°.

Дѣло однако и тутъ не обошлось безъ печатныхъ и опять таки крайне пристрастныхъ толковъ о причинахъ пораженія, объ относительной силѣ обоихъ состязателей и т. п.; г. Ланге написалъ объ этомъ цѣлую книгу. (См. Шахм. Лист. No 6). Но краснорѣчіе его не возбудило полемики; Морфи отвѣчалъ одними лишь новыми побѣдами, предоставляя времени и фактамъ, опро вергать метафизическія доводы г. Ланге.

Если мы полагаемъ, что главный источникъ полемическаго направленія современныхъ шахматистовъ, заключается въ ихъ самолюбіи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы безусловно осуждали такое направленіе. Напротивъ того мы думаемъ, что нѣкоторая доза полемики необходима, время отъ времени, для оживленія слишкомъ безъ того спокойнаго и однообразнаго теченія шахматной литературы. Нельзя же любителямъ питаться исключительно анализами и проблемами. Поэтому мы вовсе не сожалѣемъ, что Шахматный Листокъ содѣлался театромъ маленькой междоусобной войны, возникшей между гг. Петровымъ и Урусовымъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что первая статья кн. Урусова прочитана большинствомъ Петербургскихъ любителей съ удовольствіемъ; остроумный отвѣтъ Петрова,—съ истиннымъ наслажденіемъ. Дай Богъ, чтобъ та же участь постигла и предлагаемую здѣсь новую статью князя. Необходимо замѣтить, что она написана еще въ половинѣ апрѣля, немедленно по прочтеніи княземъ помянутаго отвѣта, но немогла появиться раньше въ печати по причинамъ, совершенно независящимъ отъ ея автора.

Отвѣтъ на статью А. Д. Петрова.

Отдавая въ печать первую мою статью, я имѣлъ единственною цѣлью вызвать г. Петрова на шахматный поединокъ; при составленіи ея, я такъ мало думалъ о прославленіи себя прошедшими состязаніями, что даже не позаботился провѣрить написанное мною наскоро; вслѣдствіе чего статья появилась въ печати съ ошибками, которыя могли только повредить моей шахматной репутаціи*). По прочтеніи декабрьской книжки Листка, я просилъ письмомъ г-на редактора исправить главную описку въ цифрахъ, опредѣляющихъ результатъ состязаній; на эту просьбу редакторъ отвѣчалъ мнѣ присылкою апрѣльской книжки (она получена мною 17-го апрѣля) съ статьею Петрова**), и тогда по прочтеніи ея, я рѣшился въ отвѣтѣ моемъ сдѣлать два дѣла разомъ: исправить мои описки и вступить въ печатную переписку съ нашимъ Филидоромъ.

На шахматный вызовъ отвѣчаютъ обыкновенно или прямымъ согласіемъ, или прямымъ отказомъ; такъ по крайней мѣрѣ было до послѣдняго десятилѣтія. Только въ послѣдніе годы появилось нѣчто среднее между принятіемъ и отказомъ; это полемика, и къ этому-то средству прибѣгнулъ нашъ непобѣдимый Филидоръ. Вызовъ мой былъ такого рода, что не допускалъ возможности отказа; ибо согласившись играть какъ на деньги, такъ и безъ денегъ, я просилъ только о назначеніи мнѣ точныхъ условій, на которыхъ бой могъ бы состояться, и, приглашая Петрова пріѣхать въ Петербургъ, предлагалъ принять на себя путевыя издержки. Какъ кажется уклониться! Но непобѣдимый Петровъ

---

*) Само собою разумѣется, что мы находились въ совершенной невозможности исправлять ошибки автора въ разсказѣ о событіяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ, тогда какъ мы были въ Петербургѣ, и о которыхъ мы не имѣли даже въ то время никакихъ свѣдѣній, кромѣ самой статьи князя Урусова. Что же касается неточности въ шахматныхъ анализахъ, то и въ этомъ отношеніи мы не считали себя вправѣ слишкомъ своевольно распо ряжаться статьею кн. Урусова, и дозволяли себѣ исправлять только л- ошибки, которыя, очевидно, сдѣланы авторомъ по недосмотру, какъ напр невѣрно означенная клѣтка, пропускъ какого нибудь знака и т [illegible] въ какомъ случаѣ не касались самой сущности анализовъ, хотя бы они и противорѣчили нашему воззрѣнію. *Прим. ред.*

**) Сверхъ того, какъ читателямъ уже извѣстно изъ майскаго Листка, мы отправили кн. Урусову письмо, въ которомъ объяснили, почему именно не считаемъ возможнымъ сдѣлать указанное имъ исправленіе.

Прим. ред.

и тутъ нашелся: онъ отвѣтилъ столь остроумной статьей, что и самый правдивый судъ призналъ бы меня хвастуномъ или чѣмъ нибудь и хуже. Петровъ скромно признаетъ себя пожалуй хоть и равносильнымъ мнѣ игрокомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ, ошибочно, цифры доказывающія, что онъ могъ бы выигрывать у меня, давая мнѣ по крайней мѣрѣ пѣшку и два хода впередъ; и, сравнивая меня съ своимъ дѣдушкой, выставляетъ въ чрезвычайно смѣшномъ видѣ *). Дѣлать нечего: приходится и мнѣ послѣдовать примѣру Морфи — вступить съ противникомъ моимъ въ бой не на шахматной доскѣ, какъ я и вѣроятно многіе этого ожидали, но на бумагѣ.

Мнѣ приходится доказать: во-первыхъ, что въ первой моей статьѣ я сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ и притомъ такихъ, которыя могли только привести къ заключенію, что я слабѣе Петрова; во-вторыхъ, что память измѣнила Петрову, когда онъ писалъ отвѣтъ на мою первую статью; въ-третьихъ, я вынужденъ опровергнуть сдѣланные имъ анализы; въ-четвертыхъ, по поводу затронутаго мною вопроса о сравнительной силѣ нашихъ игроковъ съ иностранными, я долженъ дать нѣсколько объясненій. Наконецъ, скажу нѣсколько заключительныхъ словъ, касательно уклоненія Петрова отъ матча.

I. Въ началѣ первой моей статьи я говорю: «И такъ, всего было съиграно между нами 21 партія, изъ коихъ 14 выигралъ Петровъ, я выигралъ 6 и 1 ничья». Въ той же статьѣ, на стр. 331 и далѣе, я привожу семь выигранныхъ мною партій: третью, шестую, седьмую, восьмую, десятую, двѣнадцатую и семнадцатую, одну ничью, и о первой партіи отозвался такъ, что читатель могъ только подумать, что выигралъ ее я.

Что я дѣйствительно выигралъ не менѣе семи, это видно какъ изъ приведенныхъ мною партій, такъ и изъ того, что Петровъ, хотя и говоритъ, ссылаясь на мою статью, что я выигралъ только шесть партій, однако не объясняетъ, которую изъ семи я не выигралъ. Но по поводу первой партіи, мнѣ приходится доказать, что на самомъ дѣлѣ выиграно мною болѣе семи.

Въ 20-й ходъ первой**) партіи мною съиграно было не g1—h1,

---

*) Дѣйствительно, статья г-на Петрова имѣетъ, отчасти, сатирическій характеръ, но во всякомъ случаѣ она несравненно умѣреннѣе статьи князя Урусова. *Прим. ред.*

**) Чтобъ избавить читателей отъ труда справляться съ предъидущими нумерами журнала, мы перепечатываемъ, въ выноскахъ, разбираемыя въ настоящей статьѣ партіи. Первая партія:

но именно, какъ указываетъ Петровъ, g1—f1; только мой противникъ отвѣчалъ f3—h2°+, а потомъ, замѣтивъ ходъ g6—a6, хотѣлъ переиграть; когда же я позволилъ себѣ ему замѣтить, что по уставу отставлять нельзя, онъ мнѣ сказалъ: «я согласенъ, что проигралъ, но пожалуйста переиграемъ партію: вы увидите, что, играя g6—a6, я ее выиграю». Не знаю почему ходъ g6—a6 показался мнѣ страшнымъ, и потому, дозволивъ переиграть, я также перемѣнилъ ходъ и, вмѣсто 20) g1—f1 / ——, пошелъ g1—h1 и проигралъ. При составленіи моей записки я не зналъ какъ мнѣ отозваться о первой партіи: безъ отставокъ она моя, съ отставками не моя, вотъ почему, не рѣшаясь объявить, что нашъ Филидоръ переигрываетъ, я умолчалъ о результатѣ этой партіи *). Въ другихъ партіяхъ онъ тоже переигрывалъ и не кончалъ, и такихъ наберется не менѣе четырехъ. Замѣчанія, сдѣланныя

Кн. Урусовъ. / А. Д. Петровъ.
1) e2—e4 / e7—e5 2) g1—f3 / b8—c6 3) d2—d4 / e5—d4° 4) f1—c4 / f8—c5 5) 0—0 / g8—f6
6) e4—e5 / d7—d5 7) e5—f6° / d5—c4° 8) f1—e1+ / c8—e6 9) f6—g7° / h8—g8 10) f3—g5 / g8—g7° 11) e1—e6°+ / f7—e6°
12) g5—e6° / d8—e7 13) e6—g7°+ / e7—g7° 14) d1—h5+ / g7—g6 15) h5—c5° / 0—0—0 16) c5—c4° / c6—e5
17) c4—b3 / d4—d3 18) c2—d3° / d8—d3° 19) b1—c3 / e5—f3+ 20) g1—h1 / f3—h4 21) c1—g5 / g6—g5°
22) b3—e6+ / c8—b8 23) g2—g3 / h4—f3 24) a1—d1 / d3—d1°+ 25) c3—d1° / a7—a6 26) e6—e8+ / b8—a7
27) e8—e3+ / g5—e3° 28) d1—e3° / c7—c5 29) h1—g2 / f3—e1+ 30) g2—f1 / e1—d3 31) e3—d1 / b7—b5
32) a2—a3 / a7—b6 33) f1—e2 / c5—c4 34) e2—d2 / b6—c5 35) d2—c3 / a6—a5 36) f2—f4 / b5—b4+ 37) a3—b4° / a5—b4°+
38) c3—d2 / c5—d4 39) f4—f5 / d4—e5 40) b2—b3 / e5—f5° 41) b3—c4° / f5—e4 42) d2—c2 / d3—c5 43) d1—b2 / e4—e5
44) c2—d2 / b4—b3 45) g3—g4 / c5—e4+ 46) d2—c1 / e4—f2 47) g4—g5 / f2—h3 48) g5—g6 / h7—g6°.

*) Положимъ, что въ первой своей статьѣ князь Урусовъ умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ изъ деликатности, но почему же не разъяснилъ онъ его въ дополненіяхъ къ ней, напечатанныхъ въ майскомъ Листкѣ? Кн. Урусовъ поставилъ насъ въ крайне затруднительное положеніе; онъ заставилъ насъ думать и сказать, что ошибается относительно исхода первой партіи, ибо, очевидно, мы должны были болѣе вѣрить статьѣ Петрова, заключающей всю партію, чѣмъ голословному утвержденію князя. Теперь дѣло разъяснилось; оказывается, что кн. Урусовъ былъ правъ, а мы ошибались; но кто же виноватъ въ нашей ошибкѣ какъ не самъ авторъ? Надобы обладать сверхъестественнымъ ясновидѣніемъ, чтобы, на основаніи разнорѣчивыхъ показаній обоихъ состязателей о первой партіи, *угадать*, что въ ней переигрывались ходы! *Прим. ред.*

Петровымъ на страницахъ 94 и 95, взяты именно изъ игранныхъ, но не конченныхъ партій; я ихъ привожу ниже.

Говоря о ничьихъ, я привожу только одну партію; на самомъ же дѣлѣ ихъ было двѣ; въ чемъ и Петровъ соглашается*).

Наконецъ, самыя замѣчанія на ходы сдѣланы мною на память, потому что всю партію записывалъ безъ доски. Напримѣръ, на стран. 334-й я говорю, что g8—h8 ошибка, на самомъ же дѣлѣ ошибка была сдѣлана только на 17-мъ ходѣ. Не вѣрно и примѣчаніе на 10-й ходъ.

Всѣ эти ошибки мои доказываютъ, что я нисколько не думалъ о своей шахматной репутаціи, а скорѣе старался о прославленіи искусства г. Петрова. Я долженъ только признаться, что привычка его переигрывать, замѣченная выше, была побудительной причиной вызова, который былъ сдѣланъ мною въ весьма смѣлыхъ выраженіяхъ; при посредникахъ отставлять нельзя, и я непремѣнно одержу побѣду надъ непобѣдимымъ Филидоромъ**). Не должно упускать изъ виду, что изъ 21-й партіи я пожалуй выигралъ только 8, Петровъ 11, двѣ ничьихъ; но если принять въ разсчетъ всѣ партіи, конченныя и неконченныя, то я выигралъ не менѣе 12-и***). Читатель не будетъ недоумѣвать, если убѣдится, что память измѣнила г. Петрову, и если приметъ въ соображеніе, что мною сдѣлано все, чтобы вызвать его на рѣшительный бой.

II. Въ апрѣльской книжкѣ (стр. 100—104) ясно доказано, что нѣкоторые изъ доводовъ и заключеній Петрова ошибочны; но это самое видно и изъ того, что онъ не упоминаетъ ни о партіяхъ, выигранныхъ мною сверхъ шести, ни о томъ, что онъ отставлялъ. Наконецъ, главное доказательство того, что память измѣнила Петрову, когда онъ писалъ свою статью, заключается въ его отзывѣ о томъ, что онъ *никогда* не играетъ въ шахматы на деньги. Очень многимъ извѣстно, что до моего вызова Пе-

---

*) Въ прошломъ нумерѣ мы имѣли уже случай замѣтить, что кн. Урусовъ ошибается относительно числа ничьихъ. *Прим. ред.*

**) Мы отдаемъ полную справедливость искусству кн. Урусова, но никакъ не можемъ согласиться, чтобъ онъ игралъ сильнѣе г-на Петрова. Простое утвержденіе «непремѣнно одержу побѣду» еще ничего не доказываетъ. *Прим. ред.*

***) Князь Урусовъ совершенно ясно доказалъ, что онъ выигралъ болѣе шести партій, но мы полагаемъ, что онъ ошибается, считая за собою теперь *не менѣе двѣнадцати* побѣдъ. *Прим. ред.*

тровъ много игралъ въ шахматы на деньги. Очень многіе знаютъ, что онъ иначе не игралъ съ фельдмаршаломъ кн. Паскевичемъ въ шахматы, какъ по червонцу партія. Наконецъ еще очень недавно Петровъ игралъ въ деньги съ И. С. Шумовымъ*).

III. а) Замѣчаніе Петрова на 20-й ходъ первой партіи несправедливо: я закрылся бы ферземъ, 21) $\frac{b3-b5}{}$ и если бы 21) $\frac{}{d3-c3^\circ}$, то 22) $\frac{b5-a6^\circ}{c3-c1^\circ+}$ 23) $\frac{a1-c1^\circ}{b7-a6^\circ}$, беру коня, положимъ хоть и за двѣ пѣшки, и выигрываю; а если бы 21) $\frac{}{d3-d1+}$, то 22) $\frac{f1-e2}{d1-e1+}$ 23) $\frac{e2-f3^\circ}{}$ и выигрываю или 21) $\frac{}{d3-d1+}$ 22) $\frac{f1-e2}{f3-d4+}$ 23) $\frac{e2-d1^\circ}{d4-b5^\circ}$ 24) $\frac{c3-b5^\circ}{a6-b5^\circ}$ могу сдѣлать ничью**).

Петровъ не замѣчаетъ, что даже и въ переигранной партіи, послѣ отдачи слона, я долженъ былъ выиграть ступивъ на двадцать третьемъ ходѣ вмѣсто g2—g3, e6—e4.

b) Лучшая защита, которой не видитъ Петровъ, есть; (см. 13-ю партію***) 11) $\frac{}{c5-f8}$ 12) $\frac{d1-h5}{f8-h6^\circ}$ (если 12) $\frac{h6-f4}{c8-e6}$, а если h6—f8°, то g8—f8° 13) $\frac{d2-c4^\circ}{h8-g8}$, 14) $\frac{d1-h5}{g8-g7}$, 15) $\frac{b1-d2}{c8-g4}$) 13) $\frac{h5-h6^\circ}{c6-e5}$ 14) $\frac{d2-e4}{e5-g4}$ 15) $\frac{e4-f6^\circ+}{g4-f6^\circ}$ 16) $\frac{h6-g5+}{}$ вѣчн. шахъ; или 13) $\frac{}{d8-f8}$

---

*) А. Д. Петровъ уже семь лѣтъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ, а И. С. Шумовъ никогда не былъ въ Варшавѣ; стало быть, если они и играли на пари то ужъ по крайней мѣрѣ никакъ *не очень недавно*. *Прим. ред.*

**) Первые два варіянта не заслуживаютъ никакого вниманія; не только такой игрокъ какъ г-нъ Петровъ, но и послѣдній мазетта не съигралъ бы такъ: Что же касается третьяго варіянта, то, по нашему мнѣнію, онъ непремѣнно привелъ бы къ выигрышу черныхъ, а потому слова кн. Урусова: «могу сдѣлать ничью» кажутся намъ не совсѣмъ основательными.

Прим. ред.

***) Тринадцатая партія:

$\frac{\text{Кн. Урусовъ.}}{\text{А. Д. Петровъ.}}$ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{d2-d4}{e5-d4^\circ}$ 4) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ 5) $\frac{0-0}{g8-f6}$ 6) $\frac{e4-e5}{d7-d5}$ 7) $\frac{e5-f6^\circ}{d5-c4^\circ}$ 8) $\frac{f1-e1+}{e8-f8}$ 9) $\frac{c1-g5}{g7-f6^\circ}$ 10) $\frac{g5-h6+}{f8-g8}$ 11) $\frac{f3-d2}{c6-e5}$ 12) $\frac{d2-e4}{c5-e7}$ 13) $\frac{h2-h3}{c8-f5}$ 14) $\frac{f2-f4}{e5-g6}$ 15) $\frac{d1-h5}{f5-e4^\circ}$ 16) $\frac{e1-e4^\circ}{e7-f8}$ 17) $\frac{f4-f5}{f8-h6^\circ}$ 18) $\frac{h5-h6^\circ}{d8-d5}$ 19) $\frac{f5-g6^\circ}{d5-e4^\circ}$ 20) $\frac{g6-g7}{}$.

14) $\frac{\text{h6—f6°}}{\text{c8—e6}}$ 15) $\frac{\text{e1—e6°}}{\text{f7—e6°}}$ 16) $\frac{\text{f6—e6°+}}{\text{f8—f7}}$ 17) $\frac{\text{e6—c4°}}{\text{f7—c4°}}$ 18) $\frac{\text{d2—c4°}}{\text{g8—g7}}$, игра черныхъ лучше.

Защита, показанная Петровымъ на стр. 92, не хороша, потому что 14) $\frac{\text{b1—c3}}{\quad}$ (вмѣсто d1—h5).

c) На 17-ю партію, стр. 93 и 94*).

Если я утверждалъ и утверждаю, что послѣ 11-го хода 17-й партіи игра бѣлыхъ лучше, то не потому, чтобы мнѣ говорилъ это инстинктъ, котораго я и не признаю въ шахматной игрѣ, но на основаніи анализа и практики. Я утверждаю, что атака черныхъ можетъ быть отражена съ выгодой для бѣлыхъ, и замѣчанія Петрова на 15-й и 16-й ходъ 17-й партіи, взятыя изъ двухъ партій игранныхъ, но не конченныхъ, еще болѣе подтверждаютъ мое мнѣніе. Въ одной изъ нихъ онъ съигралъ 15) $\frac{\quad}{\text{h7—h6}}$, а я отвѣчалъ: 16) $\frac{\text{g5—h6°}}{\text{g7—h6°}}$ 17) $\frac{\text{d2—h6°}}{\quad}$ и выигралъ, потому-то Петровъ съигралъ въ 17-й партіи g8—h8. Въ другой партіи онъ съигралъ: 15) $\frac{\quad}{\text{h7—h6}}$, и игра вышла весьма красивая: 16) $\frac{\text{e2—g3}}{\text{h5—f4+}}$, 17) $\frac{\text{g5—f4°}}{\text{g6—h4+}}$ 18) $\frac{\text{g2—h1}}{\text{d7—h3}}$ 19) $\frac{\text{f1—g1}}{\text{h4—f3°}}$; здѣсь Петровъ съ намѣреніемъ останавливаетъ свой анализъ (стр. 94) и говоритъ: «бѣлый теряетъ ферзя или получитъ матъ.» Я говорю: *съ намѣреніемъ* потому, что и въ 17 партіи онъ могъ съиграть въ 16-й ходъ h5—f4+, но не съигралъ пототу, что уже разъ проигралъ, хотя и не кончилъ партію, въ которой взялъ ферзя. Эта партія продолжалась такъ: 20) $\frac{\text{g1—g2}}{\text{f3—d2°}}$ 21) $\frac{\text{f4—d2°}}{\text{b6—d4°}}$ 22) $\frac{\text{g3—f5}}{\text{d4—f6}}$ 23) $\frac{\text{c4—e2}}{\text{f6—h4}}$ 24) $\frac{\text{a1—g1}}{\quad}$

---

*) Семнадцатая партія:

$\frac{\text{Кн. Урусовъ.}}{\text{А. Д. Петровъ.}}$ 1) $\frac{\text{e2—e4}}{\text{e7—e5}}$ 2) $\frac{\text{g1—f3}}{\text{b8—c6}}$ 3) $\frac{\text{d2—d4}}{\text{e5—d4°}}$ 4) $\frac{\text{f1—c4}}{\text{f8—c5}}$ 5) $\frac{\text{0—0}}{\text{d7—d6}}$ 6) $\frac{\text{c2—c3}}{\text{g8—f6}}$ 7) $\frac{\text{c3—d4°}}{\text{c5—b6}}$ 8) $\frac{\text{b1—c3}}{\text{c8—g4}}$ 9) $\frac{\text{c1—e3}}{\text{0—0}}$ 10) $\frac{\text{d1—d3}}{\text{g4—f3°}}$ 11) $\frac{\text{g2—f3°}}{\text{d8—d7}}$ 12) $\frac{\text{g1—g2}}{\text{c6—e7}}$ 13) $\frac{\text{c3—e2}}{\text{e7—g6}}$ 14) $\frac{\text{e3—g5}}{\text{f6—h5}}$ 15) $\frac{\text{d3—d2}}{\text{g8—h8}}$ 16) $\frac{\text{e2—g3}}{\text{h5—g3°}}$ 17) $\frac{\text{h2—g3°}}{\text{f7—f5}}$ 18) $\frac{\text{f1—h1}}{\text{f8—f7}}$ 19) $\frac{\text{c4—f7°}}{\text{d7—f7°}}$ 20) $\frac{\text{h1—h2}}{\text{f5—e4°}}$ 21) $\frac{\text{f3—e4°}}{\text{a8—e8}}$ 22) $\frac{\text{f2—f3}}{\text{f7—c4}}$ 23) $\frac{\text{a1—h1}}{\text{c4—d4°}}$ 24) $\frac{\text{h2—h7°+}}{\text{h8—g8}}$ 25) $\frac{\text{d2—c2}}{\text{e8—e5}}$ 26) $\frac{\text{h7—h5}}{\text{e5—b5}}$ 27) $\frac{\text{g5—f6}}{\text{g6—e5}}$ 28) $\frac{\text{f6—e5°}}{\text{d6—e5°}}$ 29) $\frac{\text{b2—b3}}{\text{b5—c5}}$ 30) $\frac{\text{c2—e2}}{\text{c5—c3}}$ 31) $\frac{\text{h1—d1}}{\text{d4—c5}}$ 32) $\frac{\text{d1—d2}}{\text{c3—c1}}$ 33) $\frac{\text{f3—f4}}{\text{c5—g1+}}$ 34) $\frac{\text{g2—h3}}{\text{c1—c6}}$ 35) $\frac{\text{d2—d8+}}{\quad}$.

угрожаю взять ферзя (g2—g3) или могу играть g2—g7°+ на этомъ партія остановилась; ее долженъ былъ проиграть Петровъ, хотя у черныхъ ферзь за слона и коня.

d) По поводу шестой партіи*), которую совершенно не основательно критикуетъ Петровъ, я долженъ сказать, что и въ этой критикѣ видно въ немъ желаніе прослыть идеальнымъ игрокомъ, то есть игрокомъ, который никогда не играетъ дурно. Онъ жалуется на то, что я напечаталъ эту партію; но если бы и дѣйствительно она было дурно обоими нами розыргана, почему же не показать публикѣ, что и отличные игроки дѣлаютъ иногда промахи**). Почему же всѣ партіи Морфи напечатаны, между тѣмъ какъ изъ нихъ многія слабо играны обѣими сторонами?

На стран. 95-й Петровъ называетъ мой 21-й ходъ h6—g4 непростительной ошибкой и увѣряетъ читателей, что если бы я съигралъ ферземъ на h2, то въ нѣсколько, а именно не позже шести или семи ходовъ, былъ бы матъ. Это мнѣніе ошибочно: бѣлые проигрывали, но не въ 7, не въ 8, не въ 9, не въ 10-ть, а въ гораздо большее число ходовъ. На мѣстѣ Петрова, играя бѣлыми шашками, я на 25 ходѣ пожертвовалъ бы ферземъ и значительно продлилъ бы игру.

Я снова утверждаю, что въ 6-й партіи послѣ пожертвованія

---

*) Шестая партія:

А. Д. Петровъ / Кн. Урусовъ.
1) e2—e4 / e7—e5 2) g1—f3 / b8—c6 3) f1—c4 / f8—c5 4) 0—0 / d7—d6 5) c2—c3 / d8—e7
6) d2—d4 / c5—b6 7) h2—h3 / c6—d8 8) c1—g5 / f7—f6 9) g5—h4 / g8—h6 10) b1—a3 / c8—e6 11) d4—e5° / d6—e5°
12) f3—e5° / e6—h3° 13) d1—h5+ / e8—f8 14) h4—f6° / e7—f6° 15) g2—h3° / f6—f4 16) e5—d7+ / f8—e7
17) d7—b6° / a7—b6° 18) a1—d1 / d8—f7 19) a3—b5 / f7—e5 20) h5—e2 / e5—f3+ 21) g1—g2 / h6—g4 22) f1—h1 / g4—h2
23) h1—h2° / f4—h2°+ 24) g2—f3° / h2—h3°+ 25) f3—f4 / h8—f8+ 26) f4—e5 / h3—h2+ 27) e5—d4 / f8—f2°
28) e2—e3 / h2—h5 29) d1—g1 / c7—c5+ 30) d4—d3 / a8—f8 31) c4—d5 / f2—f3 32) g1—g7°+ / c7—d8
33) e3—f3° / f8—f3°+.

**) Мы вполнѣ раздѣляемъ, въ этомъ случаѣ, мнѣніе князя Урусова.

Прим. ред.

22) $\frac{\quad}{g4-h2}$, бѣлые должны были не минуемо проиграть, и увѣреніе Петрова будто бы онъ могъ сдѣлать ничью ходомъ 23) e2—e3 неосновательно. Вотъ какія были бы послѣдствія этой защиты: 23) $\frac{\quad}{f3-h4+}$ 24) $\frac{g2-g1}{h2-f3+}$ 25) $\frac{g1-f1}{f4-e3^{\circ}}$ 26) $\frac{f2-e3^{\circ}}{h8-f8}$, угрожая взять слона съ открытымъ шахомъ*) и выигрываю.

Наконецъ, если бы въ 28-й ходъ шестой партіи онъ съигралъ ферземъ на g4, то не миновалъ бы проигрыша по причинѣ пріуготовительной атаки 28) $\frac{\quad}{e7-f8}$. Итакъ, пожертвованіе g4—h2 было въ дѣйствительности не пустымъ ходомъ, какъ утверждаетъ Петровъ, но глубоко обдуманной атакой. Это пораженіе, понесенное Петровымъ, должно было напомнить ему пораженія покойнаго его дѣдушки, ибо онъ говоритъ о немъ именно вслѣдъ за разборомъ этой партіи.

IV. Въ подтвержденіе отзыва моего объ иноземныхъ игрокахъ, я долженъ сказать, что одинъ сильный игрокъ изъ моихъ знакомыхъ, помѣрившись со Стаунтономъ, Кіезерицкимъ и другими знаменитостями, неоднократно говорилъ, что считаетъ Петрова сильнѣе всѣхъ европейскихъ игроковъ, и въ доказательство приводилъ игранныя имъ партіи; а какъ у насъ нѣсколько такихъ игроковъ какъ Петровъ**), то я и утверждаю, что Морфи и другихъ можно будетъ назвать непобѣдимыми и первыми игроками только тогда, когда они хоть кого нибудь изъ насъ побѣдятъ въ серьёзномъ матчѣ.

---

*) Приглашаемъ любителей сравнить настоящее положеніе партіи съ тѣмъ, которое получилось бы еслибъ черные съиграли, какъ указываетъ г. Петровъ, 21) $\frac{\quad}{f4-h2+}$. Допустимъ, что бѣлые, пожертвовавъ ферземъ на двадцать пятомъ ходѣ, могли бы, по замѣчанію князя Урусова, *продлить игру*, но все же очевидно, что они разбиты въ пухъ и прахъ, и проиграютъ несравненно скорѣе, чѣмъ при настоящемъ варіянтѣ, угроза взять слона посредствомъ шаха на вскрышу, не представляетъ ничего особенно страшнаго. Итакъ г-нъ Петровъ совершенно правъ, говоря, что на двадцать первомъ ходѣ слѣдовало давать шахъ ферземъ на h2. *Прим. ред.*

**) Мы съ этимъ не согласны. Признать Петрова сильнѣе всѣхъ иностранныхъ игроковъ нельзя, потому что онъ съ ними никогда не состязался, но еще не основательнѣе, по нашему мнѣнію, утверждать будто въ Россіи есть нѣсколько игроковъ равныхъ Петрову, ибо сильнѣйшіе изъ русскихъ шахматистовъ (Янишъ, Урусовы, Шумовъ и др.) проиграли ему больше партій нежели у него выиграли. *Прим. ред.*

Мнѣніе мое о томъ, что Морфи не владѣетъ искусствомъ безошибочно развертывать свои силы, основано на фактахъ—на игранныхъ имъ партіяхъ; почти во всѣхъ противники Морфи играли робко, ошибочно, далеко не съ должною силою. Я не имѣю передъ глазами всѣхъ партій его, но въ подтвержденіе моего мнѣнія привожу только двѣ партіи на память.

1-я! $\frac{\text{Стаунтонъ, бѣлые.}}{\text{Морфи, черные.}}$ 1) $\frac{e2—e4}{e7—e5}$ 2) $\frac{g1—f3}{d7—d6}$ 3) $\frac{d2—d4}{f7—f5}$ (черные должны были брать e5—d4°) 4) $\frac{d4—e5°}{f5—e4°}$ 5) $\frac{f3—g5}{d6—d5}$ 6) $\frac{e5—e6}{g8—h6}$ (Въ другой партіи Морфи сыгралъ ошибочно 6) $\frac{}{f8—c5}$ и противникъ его не съумѣлъ сыграть g5—e4°; а въ третьей партіи Морфи сыгралъ d8—f6 и противникъ его не сыгралъ d1—d5°, а погнался за ладьей). 7) $\frac{b1—c3}{c7—c6}$ (ошибка) 8) $\frac{g5—e4°}{d5—e4°}$ (прекрасно) 9) $\frac{d1—h5+}{g7—g6}$ 10) $\frac{h5—e5}{h8—g8}$ 11) $\frac{c1—h6°}{}$. Вотъ ошибка, которая всю игру испортила. Полтора года тому назадъ, тотчасъ по появленіи этой партіи въ печати, я показалъ К. А. Янишу и многимъ другимъ нашимъ любителямъ, что если бы бѣлые сыграли 11) $\frac{c1—g5}{}$ то непремѣнно выигрывали; это замѣчаніе съ краткимъ анализомъ я помѣстилъ въ свое руководство, и такъ какъ конецъ его еще не появился, то и замѣчаніе мое осталось въ неизвѣстности. А между тѣмъ недавно появилась книга Лёвенталя подъ заглавіемъ «Morphy's Games of Chess», въ которой ходъ этотъ помѣщенъ какъ замѣчаніе автора; очевидно, что послѣ меня и Лёвенталь напалъ на мою же мысль. Итакъ, три раза Морфи игралъ одинъ и тотъ же дебютъ и всѣ три раза ошибочно. Вотъ партія противъ Лёвенталя.

$\frac{\text{Лёвенталь, бѣлые.}}{\text{Морфи, черные.}}$ 1) $\frac{e2—e4}{c7—c5}$ 2) $\frac{d2—d4}{c5—d4°}$ 3) $\frac{g1—f3}{e7—e6}$ 4) $\frac{f3—d4°}{b8—c6}$ (ошиб.) 5) $\frac{d4—b5}{a7—a6}$ (порядокъ ходовъ не помню) 6) $\frac{b5—d6+}{f8—d6°}$ 7) $\frac{d1—d6°}{d8—e7}$ 8) $\frac{d6—g3}{}$ и Лёвенталь выигралъ черезъ три-четыре хода.

Подобныя ошибки въ дебютахъ доказываютъ, что Морфи не достигъ той идеальной силы, которую ему приписываютъ. Кромѣ того замѣчу, что онъ не игралъ ни съ Гейдебрантомъ, ни съ Колишемъ. Вообще у шахматистовъ есть странное обыкновеніе судить о силѣ игроковъ по частнымъ случаямъ. Лабурдоне обыгралъ Макдонелля — и всѣ заговорили, что Лабурдоне первый игрокъ въ свѣтѣ. Стаунтонъ побѣдилъ Сентъ-Амана — всѣ рѣ-

шили, что Стаунтонъ первый игрокъ; когда же побѣдили Стаунтона—прославили другихъ; наконецъ прославили теперь и Морфи. Можетъ быть на дняхъ Колишъ побѣдитъ Морфи, а Колиша побѣдятъ другіе, и т. д., очевидно, что титулъ перваго игрока надо раздавать съ большею осторожностью*).

V. Уклоняясь отъ матча, Петровъ говоритъ: «Шахматы не ремесло мое...» Этого выраженія я не понимаю. Отказываясь отъ приглашенія побывать въ Берлинѣ, Морфи могъ отговариваться, потому что никто лично его не вызывалъ; онъ могъ сказать, что игра не ремесло его, потому что уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ отсутствіи изъ Новаго-Орлеана; но что бы сказали игроки, если бы на первый вызовъ — Морфи отвѣчалъ изъ Орлеана, что онъ не можетъ принять вызова потому, что игра не ремесло его? Это случай не бывалый, не слыханный, а потому и отвѣта на него дать нельзя. Да и что значитъ это выраженіе: — не ремесло мое? Развѣ есть игроки, которые только и занимаются шахматами? Мнѣ кажется больше Петрова трудно заниматься игрой: онъ значительную часть времени проводитъ за шахматами; почему же Петрову не назвать себя игрокомъ по профессіи? По моему мнѣнію всѣ мы, болѣе или менѣе сильные игроки, должны называться игроками по профессіи, и обязанность наша состоитъ въ томъ, чтобы никогда не отказываться отъ вызововъ на шахматные поединки. Если у меня нѣтъ денегъ — я оговариваю въ своихъ условіяхъ: *заплатить мнѣ путевыя издержки*, или: *заплатить мнѣ такую-то сумму*, и т. п.

Въ заключеніе считаю нужнымъ объявить, — съ тѣмъ, что, бы кто нибудь не подумалъ, что настоящая статья моя имѣетъ цѣлію вызвать во чтобы то ни стало Петрова на бой, что-прождавъ по напрасну болѣе шести мѣсяцевъ отвѣта отъ Петрова, я теперь не иначе приму его вызовъ, какъ на моихъ условіяхъ, то есть на тѣхъ, на которыхъ составляются матчи въ Лондонѣ, Парижѣ и др. городахъ. Долженъ также прибавить, что за Петрова не держу болѣе пари, потому что самъ онъ объявилъ, что считаетъ себя далеко слабѣе Морфи**).

Кн. С. Урусовъ.

Москва 18-го Апрѣля 1860 г.

---

*) Мнѣніе наше о Морфи совершенно противоположно разсужденіямъ князя; мы поговоримъ объ этомъ подробно въ непродолжительномъ времени.

Прим. ред.

**) Петровъ нигдѣ не говоритъ, чтобъ считалъ себя *далеко слабѣе Морфи*: онъ говоритъ: «я далекъ отъ той мысли, чтобы считать себя равнымъ въ силѣ Морфи»; это большая разница. *Прим. ред.*

Замѣчаніе кн. Урусова на одиннадцатый ходъ знаменитой консультаціонной партіи вполнѣ основательно и служитъ новымъ доказательствомъ его несомнѣннаго таланта къ шахматной игрѣ. Жаль только, что изъ справедливаго основанія онъ выводитъ ошибочное заключеніе. Но объ этомъ поговоримъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ Листка, гдѣ изложимъ въ подробности наши возраженія на сужденіе кн. Урусова о Морфи, а теперь ограничимся приведеніемъ въ цѣлости обѣихъ консультаціонныхъ партій геніальнаго американца противъ Стаунтона. Далѣе помѣщаемъ три партіи, игранныя недавно въ Парижѣ между Андерсеномъ и Колишемъ. Онѣ записаны и сообщены намъ самимъ Колишемъ, для помѣщенія въ Листкѣ. Стало быть онъ считаетъ ихъ достойными печати; и онъ совершенно правъ: партіи отъ начала до конца исполнены живаго интереса. А между тѣмъ въ каждой изъ нихъ есть ошибки; чтожь, слѣдуетъ ли изъ этого что Андерсенъ и Колишъ тоже *не обладаютъ искусствомъ развертывать игру*?

ПАРТІЯ № 100.

КОНТРЪ-ГАМБИТЪ ФИЛИДОРА.

(1858 г.)

	Стаунтонъ и Оуенъ. (Бѣлые.)	Морфи и Барнесъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	d7—d6
3)	d2—d4	f7—f5
4)	d4—e5°(1)	f5—e4°
5)	f3—g5	d6—d5
6)	e5—e6	g8—h6
7)	b1—c3(2)	c7—c6
8)	g5—e4°(3)	d5—e4°
9)	d1—h5+	g7—g6
10)	h5—e5	h8—g8
11)	c1—h6°(4)	f8—h6°
12)	a1—d1	d8—g5
13)	e5—c7	c8—e6°
14)	c7—b7	e4—e3
15)	f2—f3	g5—e7
16)	b7—a8°	e8—f7
17)	c3—e4	h6—f4
18)	f1—e2	f7—g7
19)	0—0	e7—c7
20)	e4—c5	f4—h2°+
21)	g1—h1	e6—c8
22)	d1—d4	h2—g3
23)	d4—e4	g7—h8
24)	f1—d1	c7—g7
25)	e4—h4	g3—h4°
26)	a8—b8°	c8—a6
27)	b8—h2	a6—e2°
28)	d1—d7	g7—h6
29)	c5—e4	e2—c4
30)	e4—f6	e3—e2
31)	d7—e7	h6—c1+
32)	h2—g1	c1—g1°+
33)	h1—g1°	e2—e1ф+
34)	e7—e1°	h4—e1°

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи No 100.

(1) f1—c4 было бы сильнѣе.

(2) Въ этомъ положеніи лучшій ходъ, открытый Май этомъ, f2—f3 и если 7) $\frac{}{\text{f8—c5}}$ то 8) $\frac{\text{f3—e4}^\circ}{\text{0—0}}$ 9) $\frac{\text{e4—d5}^\circ}{}$ или 9) $\frac{\text{d1—d5}^\circ}{}$.

(3) Здѣсь бѣлые избрали самую слабую атаку этого дебюта, самая сильная состоитъ въ слѣдующемъ: 8) $\frac{\text{g5—h7}^\circ}{\text{c8—e6}^\circ}$ 9) $\frac{\text{h7—f8}^\circ}{\text{e8—f8}^\circ}$ 10) $\frac{\text{c3—e4}^\circ}{\text{h6—g4}}$ 11) $\frac{\text{e4—g5}}{}$.

(4) Вотъ ходъ, къ которому относится вышеизложенное остроумное замѣчаніе кн. Урусова.

ПАРТІЯ № 101.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи. и Барнесъ. (Бѣлые.)	Стаунтонъ. и Оуэнъ. (Черные.)		
1) e2—e4	d7—d5	26) f3—h5°	g6—h5°
2) e4—d5°	d8—d5°	27) h3—h5°	f6—g7
3) b1—c3	d5—d8	28) g1—f2	g7—f6
4) d2—d4	g8—f6	29) h5—h4	a6—d3
5) f1—d3	b8—c6	30) h4—g3	d3—g6
6) c1—e3	e7—e6	31) f4—f5	g6—f5°
7) g1—f3	f8—d6	32) g5—e4+	f6—g6
8) 0—0	0—0	33) e4—f6+	g8—f8
9) d1—e2	b7—b6	34) g3—g6°	f5—g6°
10) e3—g5	c8—b7	35) f6—e8°	f8—e8°
11) c3—e4	d6—e7	36) h2—h4	d4—d3
12) e4—f6°+	e7—f6°	37) f2—e3	e8—e7
13) e2—e4	g7—g6	38) e3—d2	d8—d6
14) e4—h4	f6—g5°	39) e5—g5	e7—f6
15) f3—g5°	h7—h5	40) e1—f1+	g6—f5
16) c2—c3	d8—f6	41) g5—g8	d6—d5
17) a1—e1	c6—e7	42) h4—h5	d5—e5
18) f2—f4	e7—f5	43) f1—f2	e5—e4
19) h4—h3	f8—e8	44) f2—h2	f5—h7
20) e1—e5	a8—d8	45) g8—h8	f6—g7
21) f1—e1	f5—g7	46) h8—a8	g7—h6
22) g2—g4	c7—c5	47) a8—a7°	e4—f4
23) d3—e4	b7—a6	48) a7—b7	e6—e5
24) g4—h5°	g7—h5°	49) b7—b6°+	f7—f6
25) e4—f3	c5—d4°	50) a2—a4	e5—e4
		51) b6—e6	f4—f3
		52) a4—a5	

и бѣлые выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 102.

GAMBITTO LUNGO.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	e5—f4°
3)	g1—f3	g7—g5
4)	f1—c4	f8—g7
5)	d2—d4	d7—d6
6)	h2—h4	h7—h6
7)	h4—g5°	h6—g5°
8)	h1—h8°	g7—h8°
9)	d1—d3(1)	g8—h6(2)
10)	g2—g3	d8—e7
11)	b1—c3	c7—c6
12)	g3—f4°	g5—g4
13)	f3—g5	b8—d7(3)
14)	e4—e5	d7—f6
15)	c1—e3	d6—d5
16)	c4—b3	h6—f5
17)	0—0—0	f5—e3°(4)
18)	e5—f6°	h8—f6°
19)	d1—e1	f6—g5°
20)	f4—g5°	c8—e6
21)	d3—e3°	0—0—0
22)	g5—g6	e7—h4
23)	e1—f1	d8—e8
24)	g6—f7°	e6—f7°
25)	e3—f2	h4—g5+
26)	f2—f4	g5—f4°+
27)	f1—f4°	f7—h5
28)	f4—f5	e8—h8
29)	f5—g5	c8—d7
30)	c3—e2	d7—e7
31)	e2—f4	h5—f7
32)	g5—g4°	e7—f6
33)	f4—d3	f7—g6
34)	d3—e5	g6—f5
35)	g4—f4	a7—a5
36)	f4—f2	h8—h1+
37)	c1—d2	h1—b1
38)	e5—g4+	f6—e6
39)	g4—e3	f5—g6
40)	f2—f1(5)	b1—f1°
41)	e3—f1°	b7—b5
42)	a2—a4	e6—d6
43)	a4—b5°	c6—b5°
44)	f1—e3	g6—f7
45)	d2—e2	a5—a4
46)	b3—d5°(6)	f7—d5°
47)	e3—d5°	d6—d5°
48)	e2—d3	b5—b4
49)	c2—c3 и черные сдаются	

Примѣчанія къ партіи No. 102.

(1) Тутъ обыкновенно играется b1—c3.

(2) Съ тѣмъ, чтобъ поставить слона на f5, когда бѣлые подвинутъ королевскую пѣшку.

(3) Андерсенъ могъ выиграть коня съигравъ f7—f6, но это дало бы бѣлымъ время вывести ферзева слона, рокировать и подготовить такимъ образомъ сильную атаку.

(4) Грубая ошибка, въ слѣдствіе которой черные немедленно теряютъ офицера за пѣшку, а за тѣмъ проигрываютъ партію.

(5) Послѣдніе ходы бѣлыхъ имѣютъ цѣлію заставить противника мѣняться ладьями послѣ чего, партія его уже непремѣнно проиграна.

(6) Мастерское пожертвованіе, заставляющее черныхъ немедленно положить оружіе.

ПАРТІЯ № 103.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

Колишъ. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)
1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6
3) d2—d4	e5—d4°
4) f1—c4	f8—c5
5) 0—0	d7—d6
6) c2—c3	c8—g4(1)
7) d1—b3(2)	g4—f3°
8) c4—f7°+	e8—f8
9) f7—g8°	h8—g8°
10) g2—f3°	g7—g5(3)
11) b3—d1	d8—d7
12) b2—b4	c5—b6
13) c1—b2	d4—d3
14) d1—d3°	c6—e5
15) d3—e2	d7—h3(4)
16) b1—d2	g5—g4

бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи No. 103.

(1) По нашему мнѣнію это наисильнѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ защитъ.

(2) Неосторожно; лучше было бы съиграть предварительно b1—d2.

(3) Превосходный ходъ, послѣ котораго бѣлымъ едва ли возможно спасти партію.

(4) Угрожая дать матъ въ два хода или завоевать ферзя за коня.

ПАРТІЯ № 104.

GAMBITTO GRANDE.

Колишъ. (Бѣлые)	Андерсенъ. (Черные)
1) e2—e4	e7—e5
2) f2—f4	e5—f4°
3) g1—f3	g7—g5
4) h2—h4	g5—g4
5) f3—e5	h7—h5
6) f1—c4	h8—h7

7)	d2—d4	f4—f3	17)	e5—d6°	0—0—0
8)	g2—f3°	d7—d6	18)	d3—e5	c7—d6°
9)	e5—d3	f8—e7	19)	e5—f7°	d8—e8+
10)	c1—e3	e7—h4°+	20)	e3—d2	c8—b8
11)	e1—d2	h4—g5	21)	f7—d6°	e8—f8
12)	b1—c3	g5—e3°+	22)	d1—e2	f5—g6
13)	d2—e3°	d8—g5+	23)	a1—e1	a6—b4
14)	f3—f4	g5—g7	24)	f4—f5	g7—h6+
15)	e4—e5	c8—f5	25)	d2—c3	черные сдаются.
16)	c3—b5	b8—a6			

Послѣднiй нумеръ Schachzeitung привезъ намъ грустное извѣстiе о смерти знаменитаго германскаго шахматнаго писателя фонъ-Оппена. Онъ скончался въ Берлинѣ $\frac{3}{15}$ апрѣля въ тотъ самый день, когда ему минуло 77 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Schachzeitung сообщаетъ нѣкоторыя подробности изъ его бiографiи; мы передадимъ ихъ читателямъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Листка.

РѢШЕНIЕ ЗАДАЧЪ.

№ 33.

1) f5—d4+ c6—b7
2) b3—d5+ d7—c6
3) d4—f3 a7—a8
4) e8—a8 c6—d5° ✕

№ 34.

1) g7—f6 g5—g4+
2) f6—f5 g4—g3
3) f2—h3 какъ угодно.
4) h3—f4 ✕

№ 35.

1) c5—b5 a6—b5° (A)
2) f4—e6+ f7—e6°
3) d6—e7✕

(A.)

1) . . . . . f8—g7
2) d6—f6+ g7—h6° (B. C.)
3) b5—h5✕

(B.)

2) . . . . . g7—f6°
3) f4—h5✕

(C.)

2) . . . . . g7—f8
3) f4—e6✕

№ 36. *)

1) a3—c5° a6—c5° (A. B.)
2) c7—c5° какъ бы ни ходилъ.
3) e5—e4✕

(A.)

1) . . . . . f4—e5°
2) c7—e7+ c5—f4
3) c5—e3✕

(B.)

1) . . . . . a6—c7°
2) e5—e4+ f4—g5
3) h2—f3✕

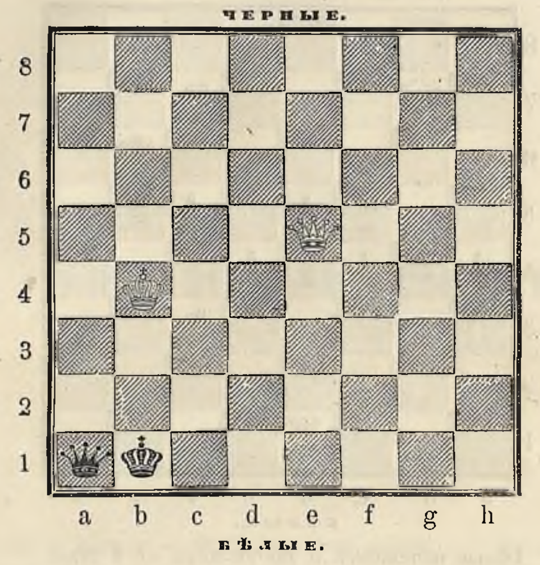
---

*) См. Шахм. Лист. No XV. стр. 75.

Задачи.

№ 42.

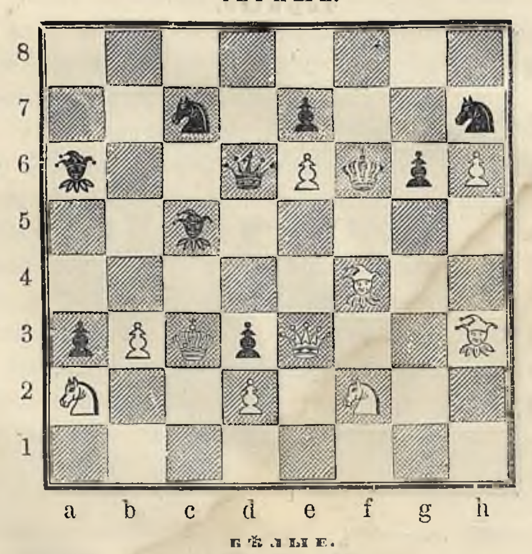
(Изъ Chess Monthly.)

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 10 ходовъ.

№ 43.

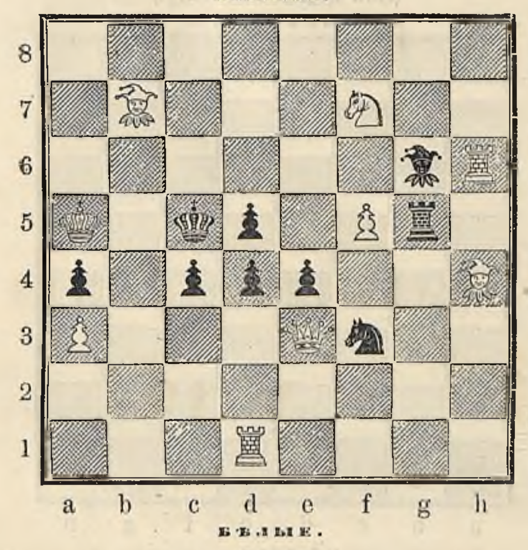
Таннера, въ Новомъ Орлеанѣ.

Начинающій заставляетъ своего противника сдѣлать матъ въ три хода.

№ 44.

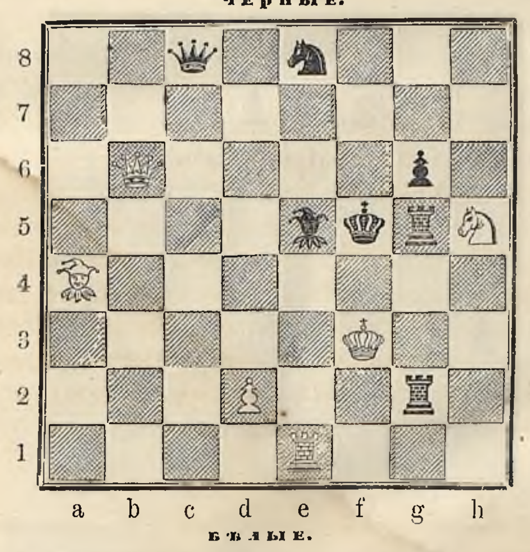
Броуна, въ С. Луи.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 45.

Кука, въ Маріонѣ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 19.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Лёвенталь и Морфи. — Одна изъ ихъ партій. — Письмо К. А. Яниша къ Даніэлю Фиске по поводу книги «*Morphy's Games of Chess*» — Партіи Морфи съ разными противниками; Легаля, Кеннеди и Мика съ неизвѣстными любителями. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи.

Въ числѣ европейцевъ, въ огромномъ количествѣ переселявшихся въ Америку послѣ бурныхъ переворотовъ 48-го года, находился извѣстный венгерскій шахматный игрокъ Лёвенталь. Царственная игра не пользовалась еще тогда по ту сторону океана тѣмъ значеніемъ, какое она пріобрѣла тамъ въ наше время; лучшіе игроки принадлежали къ числу европейскихъ переселенцевъ и Лёвенталь едва ли находилъ себѣ достойныхъ соперниковъ. Правда, тогда уже начинали носиться слухи о необыкновенномъ будто бы дарованіи маленькаго Пауля Морфи, но можетъ ли ребенокъ стать на ряду съ бойцемъ, испробовавшимъ свои силы противъ знаменитѣйшихъ игроковъ Европы? Какъ бы то ни было, посѣтивъ въ 1850 году Новый Орлеанъ, Лёвенталь полюбопытствовалъ взглянуть на этого Филидора en herbe, которому не было еще и тринадцати лѣтъ *).

*) Пауль Морфи родился 22 іюня 1837 года; приводимая ниже партія его съ Лёвенталемъ играна 25 мая 1850 года.

Три года передъ тѣмъ отецъ объяснилъ ему начальныя основанія игры; съ самыхъ первыхъ уроковъ онъ оказалъ необычайно быстрые успѣхи, а восемнадцать мѣсяцевъ спустя, ни отецъ, ни дядя Эрнестъ Морфи, почитавшійся въ Новомъ Орлеанѣ игрокомъ довольно порядочнымъ, не могли уже вовсе играть съ нимъ. Въ 1849 и 1850 году онъ часто упражнялся съ Евгеніемъ Руссо, игрокомъ далеко не слабымъ, и на сторонѣ ребенка остался самый рѣшительный перевѣсъ.

Но каковы бы ни были успѣхи маленькаго Морфи, такой игрокъ какъ Лёвенталь конечно не могъ видѣть въ тринадцатилѣтнемъ мальчикѣ опаснаго соперника, и, вступая съ нимъ въ бой, хотѣлъ, вѣроятно, только удостовѣриться въ какой мѣрѣ справедливы слухи о его способностяхъ, собирался дать ему урокъ..... Но вышло иначе. Изъ трехъ сыгранныхъ ими партій Морфи *не проигралъ ни одной:* въ двухъ остался побѣдителемъ, третья — была ничья. Вотъ одна изъ этихъ партій:

ПАРТІЯ № 105.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна въ Новомъ Орлеанѣ 25 Мая 1850 г.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Лёвенталь. (Черные.)
1)	e2—e4	c7—c5
2)	f2—f4	e7—e6
3)	g1—f3	d7—d5
4)	e4—d5°	e6—d5°
5)	d2—d4	c8—g4
6)	f1—e2	g4—f3°
7)	e2—f3°	g8—f6
8)	0—0	f8—e7
9)	c1—e3	c5—d4°
10)	e3—d4°	0—0
11)	b1—c3	b8—c6
12)	d4—f6°	e7—f6°
13)	c3—d5°	f6—b2°
14)	a1—b1	b2—d4+
15)	g1—h1	a8—b8
16)	c2—c3	d4—c5
17)	f4—f5	d8—h4
18)	g2—g3	h4—g5
19)	f5—f6	c6—e5
20)	f6—g7°	f8—d8
21)	f3—e4	g5—g7°
22)	d1—h5	d8—d6
23)	e4—h7°+	g8—f8
24)	h7—e4	d6—h6
25)	h5—f5	g7—g3°
26)	b1—b2	b8—e8
27)	d5—f6	e8—e6
28)	b2—g2	g3—g2°✕
29)	e4—g2°	h6—f6°
30)	f5—f6°	e6—f6°
31)	f1—f6°	e5—g4
32)	f6—f5	b7—b6
33)	g2—d5	g4—h6
34)	f5—f6	f8—g7
35)	f6—c6	a7—a5
36)	c6—c7	g7—g6
37)	h1—g2	f7—f6
38)	g2—f3	h6—f5
39)	d5—e4	g6—g5
40)	e4—f5°	g5—f5°

41)	h2—h4	f5—g6	46)	f4—e4	f2—c5
42)	c7—c6	g6—h5	47)	f6—f5+	h5—h4°
43)	f3—g3	f6—f5	48)	f5—c5°	b6—c5°
44)	c6—f6	f5—f4+	49)	e4—d5	черные сдаются.
45)	g3—f4°	c5—f2			

Восемь лѣтъ спустя послѣ этихъ оригинальныхъ состязаній, Пауль Морфи, уже озаренный славою многочисленныхъ побѣдъ, доказалъ въ торжественной борьбѣ, несомнѣнное свое превосходство надъ венгерскимъ игрокомъ. Результатъ и нѣкоторыя подробности ихъ матча извѣстны читателямъ (Шахм. Лист. N° 1-й стр. 11 — 12). Морфи выигралъ девять партій противъ трехъ. Такое рѣшительное пораженіе не возбудило въ Лёвенталѣ никакого непріязненнаго чувства къ побѣдителю; они постоянно оставались въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ тщательно собиралъ и коментировалъ всѣ замѣчательныя партіи славнаго американца и издалъ ихъ теперь въ Лондонѣ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Morphy's Games of Chess». Ознакомить читателей съ этимъ любопытнымъ сборникомъ, —прямая наша обязанность и мы не можемъ сдѣлать этого лучше, какъ передавъ здѣсь въ переводѣ, съ разрѣшенія г. Яниша, письмо, написанное имъ по поводу этой книги къ редактору Chess Monthly, Даніэлю Фиске. Сужденіе величайшаго теоретика о партіяхъ и талантѣ сильнѣйшаго практическаго игрока, будетъ безъ сомнѣнія дорого всѣмъ истиннымъ любителямъ благородной игры.

Письмо К. А. Яниша къ г. редактору «Chess Monthly», Даніэлю Фиске.

М. Г.

Чтеніе недавно изданнаго сочиненія г. Лёвенталя «Morphy's Games of Chess» навело меня на нѣкоторыя мысли, которыя желаю сообщить редакціи «Chess Monthly», не какъ полную критику сказаннаго сочиненія, но какъ дань моего уваженія къ шахматному генію, блестящія побѣды котораго составляютъ предметъ книги г. Лёвенталя.

Позвольте, м. г., человѣку, посвятившему значительную часть жизни изученію математики, изложить, съ точки зрѣнія этой науки, мнѣніе свое относительно вызвавшаго столько толковъ вопроса о томъ, къ какимъ необходимымъ выводамъ долженъ приводить фактъ многочисленныхъ побѣдъ г. Морфи. Вполнѣ постигаю, что знаменитѣйшимъ игрокамъ нашей эпохи было прискорбно признать себя побѣжденными молодымъ любителемъ, который не могъ имѣть ни опытности ихъ, ни той *зрѣлости*, которая пріобрѣтается чрезъ непрестанныя размышленія, направленныя на одинъ и тотъ же предметъ. Рѣшаюсь предложить имъ въ утѣшеніе соображенія, которыя, если не примирятъ ихъ съ судьбою, то по крайней мѣрѣ уяснятъ причины или, лучше сказать, *необходимость* ихъ пораженія.

Въ-сущности, что такое шахматная партія и что рѣшаетъ въ ней побѣду? Прежде нежели сдѣлать какой либо ходъ, подвинуть невозвратно шашку на предназначаемую для нея клѣтку, игрокъ необходимо долженъ *мысленно* анализировать возможныя отраженія противника или, лучше сказать, цѣлые ряды ходовъ, какіе они могутъ вызвать съ обѣихъ сторонъ, чтобы удостовѣриться въ выгодномъ, или, по крайней мѣрѣ, безопасномъ для него свойствѣ каждаго изъ этихъ рядовъ или *варіантовъ*. Такой анализъ часто дѣлается неисчерпаемымъ по своей нескончаемости, и потому игрокъ долженъ ограничиться разсмотрѣніемъ, опять таки *мысленнымъ*, самыхъ существенныхъ варіянтовъ, какіе могутъ вызвать ходы, въ выборѣ которыхъ онъ колеблется, и преслѣдовать разборъ этихъ варіянтовъ сколь возможно далѣе. Отъ навыка и знанія игрока зависитъ умѣнье отличить варіянты существенные отъ не значительныхъ, передвиженія заслуживающія вниманія, отъ способовъ дѣйствій неудобопредполагаемыхъ или опи-

бочныхъ. Когда обдуманный такимъ образомъ ходъ совершенъ, противникъ, въ свою очередь, долженъ предпринять подобный же мысленный анализъ и т. д. Ошибки конечно неизбѣжны съ обѣихъ сторонъ и, безъ сомнѣнія, выиграетъ тотъ, чьи ошибки будутъ менѣе важны и кто лучше воспользуется промахами противника.

На этомъ основаніи, во всякой партіи, которая играется не по совѣщанію и не по перепискѣ, а передъ доскою, съ шашками въ рукахъ, игрокъ долженъ обдумывать ходы *такъ, какъ бы онъ игралъ не смотря на доску*. Потому что, не имѣя особой доски и шашекъ для испробованія варіянтовъ, обусловливающихъ каждый его ходъ, одинъ лишь видъ позиціи шашекъ въ данный моментъ, мало облегчитъ ему анализъ помянутыхъ варіянтовъ и нерѣдко будетъ даже сбивать порядокъ его мыслей*). Итакъ достовѣрно, что изъ двухъ игроковъ, равно изучившихъ теорію и практику игры обыкновенной, (т. е. съ доскою и шашками) тотъ выиграетъ, кто знаетъ лучше своего противника тайны игры à l'aveugle, и это высшее знаніе, почти всегда упрочитъ за нимъ побѣду, даже надъ игрокомъ въ сущности сильнѣйшимъ его. Ибо расчеты, предшествующіе его ходамъ, будутъ разнообразнѣе и остановятся на предѣлахъ, которыхъ не достигнутъ исчисленія противника, менѣе изощреннаго въ игрѣ безъ доски.

Извѣстно, что не смотря на доску можно играть даже по нѣскольку партій одновременно. Игрокъ, сильный въ подобныхъ опытахъ, конечно еще болѣе способенъ разбирать мысленно большое число варіянтовъ одинъ за другимъ, не смѣшивая ихъ между собою и не теряясь въ случайномъ распредѣленіи шашекъ въ данные моменты. Эта способность сообщаетъ его ходамъ, въ игрѣ съ доскою, особенный характеръ *правильности*, страшный для противника, который, не предугадывая конечныхъ послѣдствій этихъ ходовъ, часто принимаетъ ихъ за рискованные и отвѣчаетъ на нихъ себѣ на погибель.

Показанная нами тѣсная и необходимая связь игры мысленной, т. е. не смотря на доску, съ игрою обыкновенной, опровер-

---

*) Видъ позиціи шашекъ облегчаетъ только анализъ варіянтовъ, составленныхъ изъ *малаго* числа ходовъ и переходъ къ разсмотрѣнію втораго, третьяго и т. д. варіянтовъ, по изслѣдованіи предъидущихъ. Впрочемъ, этимъ преимуществамъ слѣдуетъ противопоставить: стѣсненіе отъ присутствія большаго числа не идущихъ къ дѣлу шашекъ и всякаго рода разсѣяній, не разлучныхъ съ игрою на доскѣ.

гаетъ ошибочное мнѣніе о томъ, что первая — не иное что, какъ фокусъ, явленіе анормальное и противоестественное. Дѣйствительно, игрокъ предавшійся подобному умственному упражненію, только продолжаетъ, въ болѣе широкомъ размѣрѣ, тотъ самый процессъ, который повторяется съ каждымъ ходомъ, при внимательной игрѣ *съ доскою*. Всякій любитель, сильный въ теоріи, способенъ играть à l'aveugle и *естественнымъ путемъ* получаетъ къ тому наклонность; кончается тѣмъ, что употребленіе шашекъ и доски только стѣсняетъ его. Но, если онъ рѣдко предается любимой наклонности, за то, равнымъ образомъ, воздерживается отъ частыхъ и слишкомъ серьёзныхъ состязаній съ сильными противниками, потому что то и другое упражненіе утомляетъ память почти одинаково. Впрочемъ, великіе игроки прежнихъ временъ: Сальвіо, Филидоръ, Лабурдоннэ и др. тоже превосходили всѣхъ своихъ современниковъ въ игрѣ *не смотря*, которой предавались, нѣкоторымъ образомъ, *по призванію*, а не единственно съ цѣлію произвѣсти театральный эффектъ.

Кажется, мы сдѣлали очевиднымъ, что главное свойство, условливающее хорошаго игрока *съ доскою*, заключается въ силѣ воображенія, свойство подобное или, лучшее сказать, тождественное съ тѣмъ, которое обнаруживается въ игрѣ *не смотря*, то есть способность обнимать мысленно, анализировать и правильно слѣдить за большимъ числомъ различныхъ комбинацій. Усвоить или даже только развить упражненіемъ эту способность любитель можетъ только въ извѣстной мѣрѣ. Предстающая въ такой невѣроятно высокой степени, какъ у г. Морфи, она очевидно — свойство генія*) и вполнѣ можетъ быть сравниваема со способностью немногихъ лицъ, рѣшающихъ въ головѣ, почти мгновенно, весьма сложныя ариѳметическія задачи. Извѣстно, что эта послѣдняя способность быстро слабѣетъ съ лѣтами и что апогей ея соотвѣтствуетъ порѣ цвѣтущей юности. *Виртуозность* въ шахматной игрѣ «не смотря», иначе говоря, возможность *чрезвычайностей* въ этомъ родѣ (шесть, восемь и т. д., одновременныхъ партій) повидимому находится тоже въ зависимости условія возраста.

При всемъ томъ, мы не утверждаемъ, чтобы преобладанія въ игрокѣ этой главнѣйшей способности, обнаруживаемаго свой-

*) Одно это соображеніе — какую бы важность ни имѣли другія стороны вопроса, разсмотренныя ниже — должно бы, по нашему мнѣнію, убѣдить противниковъ г. Морфи въ безплодности ихъ борьбы.

ствомъ и числомъ партій, какія можетъ онъ розыграть одновременно, было достаточно для того, чтобъ въ игрѣ *съ доскою* онъ всегда одерживалъ верхъ. Вспомнимъ (стр. 186), что такъ какъ полный мысленный анализъ каждаго хода невозможенъ, то игрокъ принужденъ ограничиваться главнѣйшими выводами, не останавливаясь на случаяхъ безразличныхъ, а для подобнаго различенія существеннаго отъ случайнаго, необходимо глубокое знаніе игры — плодъ опытности и изученія. Прибавимъ къ этому, что необходимо быть одарену умомъ попреимуществу логическимъ, всегда спокойнымъ, чтобъ никогда не потерять нить размышленія въ дедалѣ варіянтовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію. Недостатокъ послѣдняго качества составлялъ слабую сторону шахматиста, котораго мы хорошо знали, покойнаго г. Кіезерицкаго. Сильный въ игрѣ *не смотря*, непрестанно занимавшійся теоріей и практикой, онъ, быть можетъ, затмилъ-бы всѣхъ современниковъ, еслибъ сила воображенія не была у него развита значительно въ ущербъ силы *логической*. Онъ отвергалъ всякій авторитетъ въ дѣлѣ шахматной игры, вводилъ ходы и построенія очевидно неправильные, стараясь восполнить недостатки этихъ нововведеній силою своего генія. Сверхъ того онъ былъ и сложенія весьма нервнаго. Напротивъ того, въ г. Морфи видимъ мы счастливѣйшее, гармоническое сочетаніе всѣхъ способностей, требуемыхъ отъ великаго игрока и выше уже исчисленныхъ. Не говоря о его почти невообразимомъ искусствѣ въ партіяхъ *не смотря* и о необходимо происходящей отъ того *правильности* игры (стр. 187), правильности, проявляющейся у него даже въ самыхъ повидимому, рискованныхъ пожертвованіяхъ, мы видимъ въ немъ полное знаніе всего, что установлено теоріей, какъ въ отношеніи общихъ правилъ, такъ и въ отношеніи дебютовъ и окончаній. Никогда не позволяетъ онъ себѣ тѣхъ капризныхъ уклоненій, которыя любилъ покойный Кіезерицкій. Всегда спокойный, всегда методическій, но безпощадно пользующійся малѣйшею ошибкою противника. Равно искусно распоряжаясь офицерами и пѣшками, онъ неизмѣнно слѣдуетъ напримѣръ правилу Филидора двигать на двѣ клѣтки пѣшку королевскаго слона, какъ только, вслѣдствіе рокировки, она подкрѣплена ладьею. (Хотя и говорили о его предпочтеніи къ игрѣ офицерами.)

Но г. Морфи не только воспользовался всѣмъ, что сдѣлано относительно теоріи дебютовъ; онъ идетъ далѣе: развиваетъ эти теоретическія данныя новыми маневрами, которые сбиваютъ

его противниковъ и вводятъ ихъ въ ошибки. Здѣсь мѣсто отвѣчать на часто повторяемое замѣчаніе, будто-бы побѣды г Морфи не служатъ неопровержимымъ доказательствомъ его превосходства, потому что его противники дѣлали будто-бы постоянно ошибки, несогласныя съ ихъ репутаціей. Если даже и признать это положеніе, то нельзя упустить изъ виду, что причина ошибокъ противниковъ г. Морфи почти всегда заключалась какъ въ нравственномъ его вліяніи, такъ и въ неожиданности его совершенно новыхъ наступательныхъ и оборонительныхъ ходовъ. Такъ бываетъ всегда съ игроками, поставленными лицомъ къ лицу къ игроку высшей силы, расчеты котораго обнимаютъ болѣе варіянтовъ, болѣе комбинацій.

Игроки, состязавшіеся съ г. Морфи, которые легко управились бы съ инымъ противниковъ, *не могли такимъ образомъ* поддержать своей репутаціи предъ американскимъ бойцомъ и, въ тоже время, невольно упрочили его славу.

Сочиненіе г. Лёвенталя представляетъ единственный достовѣрный сборникъ партій г. Морфи, который составилъ къ нему краткое предисловіе и сообщилъ издателю довольно много любопытныхъ замѣчаній. Прекрасный портретъ, помѣщенный во главѣ книги, придаетъ ей новую цѣну. Какой пріятный подарокъ для насъ, отдаленныхъ любителей, которые до настоящаго времени принуждены были изучать партіи г. Морфи по столь несовершеннымъ нѣмецкимъ изданіямъ.

Г. Лёвенталь приложилъ особенное стараніе къ поясненію важныхъ или трудныхъ мѣстъ этихъ партій, что конечно потребовало очень пристальнаго труда. Изъ числа этихъ комментаріевъ, мы ограничимся упоминаніемъ замысловатаго варіянта, который могъ бы доставить побѣду г. Стаунтону въ его первой совѣщательной партіи противъ г. Морфи, чрезъ замѣну хода 11) $\frac{c1-h6^{\circ}}{\quad}$ ходомъ 11) $\frac{c1-g5}{\quad}$ (см. 218 стр. сочиненія г. Лёвенталя). Этотъ варіянтъ представляетъ примѣръ алчнаго нетерпѣнія, съ какимъ любители всѣхъ націй собирали и изучали партіи г. Морфи: онъ открытъ одновременно въ Лондонѣ г. Лёвенталемъ и въ Москвѣ кн. Урусовымъ, которые конечно не сносились по этому предмету. За шесть мѣсяцевъ до выхода въ свѣтъ книги г. Лёвенталя, варіянтъ былъ намъ извѣстенъ во всѣхъ подробностяхъ.

Эта книга содержитъ въ себѣ также много новыхъ, превосходныхъ мыслей относительно теоріи дебютовъ. Не имѣемъ возможности привести ихъ здѣсь, ни сдѣлать читателя участникомъ

того наслажденія, которое онѣ намъ доставили: ограничиваемся однимъ признаніемъ. Сверхъ того, по долгу критика, намъ необходимо замѣтить, что г. Лёвенталь, не всегда имѣя подрукою теоретическіе труды предшествовавшихъ авторовъ, не вполнѣ точенъ въ своихъ указаніяхъ. Обозначимъ эти незначительные недостатки его книги, которые легко будетъ устранить въ новомъ изданіи.

Приводя на стр. 257 оборону 3) $\frac{}{\text{g8—f6}}$ гамбита королевскаго слона 1) $\frac{\text{e2—e4}}{\text{e7—e5}}$ 2) $\frac{\text{f2—f4}}{\text{e5—f4°}}$ 3) $\frac{\text{f1—c4}}{}$, которую г. Морфи употребилъ противъ Андерсена, г. Лёвенталь полагаетъ, что въ этомъ случаѣ она была употреблена впервые. Между тѣмъ уже много лѣтъ назадъ эта оборона признана русскими шахматными авторитетами наисильнѣйшею, послѣ полнаго пораженія, понесеннаго классическою обороною 3) $\frac{}{\text{d8—h4+}}$ 4) $\frac{\text{e1—f1}}{\text{g7—g5}}$, и съ того времени какъ шахъ 3) $\frac{}{\text{d8—h4+}}$: даже сопровождаемый ходами 4) $\frac{\text{e1—f1}}{\text{g8—f6}}$, былъ признанъ мало выгоднымъ для черныхъ, по причинѣ ослабленія ихъ праваго крыла. Честь изобрѣтенія или, по крайней мѣрѣ, анализа хода 3) $\frac{}{\text{g8—f6}}$ принадлежитъ прусскому полковнику Ганнекену; см. мемуаръ его по этому предмету въ берлинской *Schachzeitung* 1850, стр. 401—406, на который указываемъ желающимъ узнать всѣ подробности, сами же ограничимся извлеченіемъ слѣдующихъ двухъ главныхъ варіянтовъ:

I.

1) $\frac{\text{e2—e4}}{\text{e7—e5}}$ 2) $\frac{\text{f2—f4}}{\text{e5—f4°}}$ 3) $\frac{\text{f1—c4}}{\text{g8—f6}}$ 4) $\frac{\text{e4—e5 слабый ходъ (см. II).}}{\text{f6—e4}}$

Это ходъ вѣрный, имѣющій преимущество предъ 4) $\frac{}{\text{d7—d5}}$ который впрочемъ представляется естественнѣе.

5) $\frac{\text{g1—f3}}{\text{d7—d5}}$ 6) $\frac{\text{c4—b3}}{\text{c4—g5}}$ 7) $\frac{\text{d2—d4 или 0—0}}{\text{g5—e6}}$

Черные сохранятъ лишнюю пѣшку, при хорошемъ положеніи, равно какъ и въ слѣдующей комбинаціи:

6) $\frac{\text{d2—d3}}{\text{e4—g5}}$ 7) $\frac{\text{c4—b3}}{\text{g5—e6}}$ и проч.

II.

(первые три хода остаются тѣ же.)

4) $\frac{\text{d2—d3 (вѣрный ходъ)}}{}$

4) $\frac{\text{b1—c3}}{}$ былъ бы въ прямой ущербъ, по причинѣ отраженія

4) $\frac{}{f8-b4}$.

4) $\frac{}{d7-d5}$ 5) $\frac{e4-d5^\circ}{f6-d5^\circ}$ 6) $\frac{d1-e2+}{c8-e6}$ 7) $\frac{c4-d5^\circ}{d8-d5^\circ}$ 8) $\frac{c1-f4^\circ}{f8-c5}$ 9) $\frac{g1-f3}{c7-c6}$ и черные имѣютъ наступательное положеніе.

Бѣлые не могли бы взять 9) $\frac{f4-c7^\circ}{}$ по причинѣ 9) $\frac{}{c5-g1^\circ}$ 10) $\frac{h1-g1}{d5-c5}$ или 9) $\frac{}{c5-g1^\circ}$ 10) $\frac{c7-b8^\circ}{g1-d4}$ 11) $\frac{c2-c3}{a8-b8^\circ}$, комбинацій выгодныхъ для черныхъ.

Говоря (стр. 360) о гамбитѣ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{f2-f4}{e5-f4^\circ}$ 3) $\frac{g1-f3}{g7-g5}$ 4) $\frac{h2-h4}{g5-g4}$ 5) $\frac{f3-e5}{}$, который онъ, подобно всѣмъ англійскимъ писателямъ, *крайне неточно* называетъ гамбитомъ *Аллгайера,* г. Лёвенталь утверждаетъ, что оборона 5) $\frac{}{h7-h5}$, *первоначально придуманная Коціо* (1766), *въ-послѣдствіи была вполнѣ анализирована Аллгайеромъ и Кіезерицкимъ.* Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эту оборону въ XVII вѣкѣ разсматривали уже Сальвіо и Греко, а въ слѣдующемъ столѣтіи Филидоръ (1749), дель-Ріо и Лолли, всѣ трое предшественники Коціо. Послѣдній впрочемъ присоединилъ нѣсколько варіянтовъ, тогда какъ Аллгайеръ, *едва упомянулъ* объ этой оборонѣ*), обративъ исключительное вниманіе на варіянтъ нападенія 5) $\frac{f3-g5}{}$, который одинъ собственно и можетъ съ основаніемъ носить его имя. Что касается до Кіезерицкаго, то онъ, по обыкновенію своему, только запуталъ теорію этого гамбита, введя способъ игры странный и неправильный. Не понятно, какъ нѣмецкіе писатели не замѣтили смѣшной стороны въ сочетаніи имени Кіезерицкаго съ этимъ гамбитомъ XVII вѣка. Мы, петербургскіе любители, называемъ его *гамбитомъ ладейной пѣшки*, наименованіе, которое я предложилъ бы замѣнить слѣдующимъ: *гамбитъ ладьи,* какъ болѣе сообразнымъ, ибо этотъ важный дебютъ долженъ быть поставленъ на ряду съ гамбитомъ слона и гамбитомъ коня въ собственномъ смыслѣ.

Замѣтимъ еще, что г. Лёвенталь повидимому придаетъ слишкомъ много значенія ходу 5) $\frac{}{g8-f6}$, замѣнившему прежнюю клас-

---

*) Онъ посвятилъ ей въ своихъ таблицахъ одинъ небольшой столбецъ съ начала до конца преисполненный ошибокъ.

сическую оборону 5) $\frac{}{\text{h7—h5}}$, которой наилучшее продолженіе таково: 6) $\frac{\text{f1—c4}}{\text{h8—h7}}$ 7) $\frac{\text{d2—d4}}{\text{d8—f6}}$, какъ мы и указали въ Chess-Chronicle 1853, стр. 326—328. Филидоръ, который предлагаетъ ходъ 5) $\frac{}{\text{g8—f6}}$, во 2-мъ изданіи своего «Анализа» (1777), не смотритъ на него самъ однако какъ на несомнѣнно выгодный для черныхъ. Къ тому-же заключенію приводитъ и нижеслѣдующій анализъ:

1) $\frac{\text{e2—e4}}{\text{e7—e5}}$ 2) $\frac{\text{f2—f4}}{\text{e5—f4°}}$ 3) $\frac{\text{g1—f3}}{\text{g7—g5}}$ 4) $\frac{\text{h2—h4}}{\text{g5—g4}}$ 5) $\frac{\text{f3—e5}}{\text{g8—f6}}$ 6) $\frac{\text{f1—c4 (см. C)}}{\text{d8—e7 (см. A)}}$
7) $\frac{\text{c4—f7°+}}{\text{e8—d8}}$ 8) $\frac{\text{d2—d4}}{\text{d7—d6}}$ 9) $\frac{\text{f7—b3}}{\text{d6—e5°}}$ 10) $\frac{\text{d4—e5°+}}{\text{c8—d7}}$ 11) $\frac{\text{e5—f6°}}{\text{e7—e4°+}}$ 12) $\frac{\text{e1—f1}}{\text{f8—d6}}$
13) $\frac{\text{b1—c3}}{\text{e4—f5}}$ 14) $\frac{\text{f6—f7}}{}$ (см. «Handbuch» г. Де-ла-Лаза изд. 3-е, стр. 312).

Всѣ ходы сдѣланные здѣсь послѣ 5) $\frac{}{\text{g8—f6}}$ конечно наилучшіе съ обѣихъ сторонъ, однако нельзя сказать, чтобы преимущество положенія, пріобрѣтеннаго черными, не минуемо доставило имъ выигрышъ.

A.

6) $\frac{\text{f1—c4}}{\text{d7—d5}}$

Сейчасъ увидимъ почему этотъ центральный контръ-гамбитъ уступаетъ ходу 6) $\frac{}{\text{d8—e7}}$, предложенному Филидоромъ.

7) $\frac{\text{e4—d5°}}{\text{f8—d6}}$ 8) $\frac{\text{d2—d4}}{\text{d8—e7}}$

Г. Лёвенталь (стр. 360) предпочитаетъ этотъ выходъ ферземъ ходу 8) $\frac{}{\text{f6—h5}}$, изобрѣтенному г. Стаунтономъ; мы не раздѣляемъ его мнѣнія (см. B.).

9) $\frac{\text{c1—f4° (вѣрный ходъ)}}{\text{f6—h5}}$ 10) $\frac{\text{0—0}}{\text{e7—h4°}}$

10) $\frac{}{\text{f7—f6 вызвалъ бы}}$ 11) $\frac{\text{f1—e1}}{\text{h5—f4°}}$ 12) $\frac{\text{e5—d3}}{}$ къ невыгодѣ черныхъ
11) $\frac{\text{d1—e2}}{}$ игра бѣлыхъ очень хороша.

B.

8) $\frac{\text{d2—d4}}{\text{f6—h5}}$

Этотъ маневръ доставилъ легкую побѣду г. Стаунтону надъ г. де-ла-Лаза въ маленькой партіи, съигранной ими въ 1853 году. Съ того времени составилось о немъ преувеличенное понятіе Замѣтимъ прежде всего, что ходъ 8) $\frac{}{\text{f6—h5}}$ лишаетъ чер-

ныхъ права рокировки, если бѣлые отвѣтятъ посредствомъ 9) $\frac{c4-b5+}{\ }$, чего мы впрочемъ не совѣтуемъ, ибо черные ходомъ 9) $\frac{\ }{e8-f8}$ пріобрѣтутъ превосходство положенія. Лучшій отвѣтъ на 8) $\frac{\ }{f6-h5}$ есть по нашему мнѣнію 9) $\frac{e1-f2}{\ }$. Этотъ ходъ выводитъ бѣлыхъ изъ всякаго затрудненія, потому что 9) $\frac{\ }{g4-g3+}$ повредилъ-бы игрѣ черныхъ, а если они съиграютъ 9) $\frac{\ }{h5-g3}$, то бѣлые съ большою выгодою пойдутъ 10) $\frac{h1-e1}{\ }$, что лишило бы ферзя возможности взять пѣшку h4. Присовокупимъ, что ходъ

$$9)\ \frac{b1-c3}{\ }$$

употребленный г. Морфи противъ г. Медли (стр. 360 сочиненія г. Лёвенталя), обратился въ его пользу толко по причинѣ ошибочной обороны 9) $\frac{\ }{c8-f5}$, принятой г. Медли, и что правильный отвѣтъ

$$9)\ \frac{\ }{d8-e7}$$

доставилъ бы очевидное превосходство чернымъ. Послѣ всего вышеприведеннаго, собственно говоря, не представляется надобности разбирать ходъ:

C.

$$6)\ \frac{e5-g4^\circ}{\ },$$

это слабѣе чѣмъ 6) $\frac{f1-c4}{\ }$. Тѣмъ не менѣе мы почитаемъ нужнымъ дополнить представленный г. Лёвенталемъ анализъ замысловатыхъ комбинацій, вызываемыхъ этимъ ходомъ:

$$6)\ \frac{\ }{f6-e4^\circ}$$

ходъ 6) $\frac{\ }{d7-d5}$, предлагаемый г. де Ривьеромъ, опасенъ для бѣлыхъ въ такомъ только случаѣ, если они возьмутъ предоставленную имъ черными пѣшку: 7) $\frac{g4-f6^\circ+}{d8-f6^\circ}$ 8) $\frac{e4-d5^\circ}{\ }$, тогда какъ играя вмѣсто 8) $\frac{e4-d5^\circ}{\ }$, 8) $\frac{b1-c3}{\ }$, а этотъ ходъ представляется весьма естественно, — они избѣгнутъ всякаго затрудненія.

7) $\frac{d2-d3}{e4-g3}$ 8) $\frac{c1-f4^\circ}{g3-h1^\circ}$ 9) $\frac{d1-e2+}{d8-e7}$ 10) $\frac{g4-f6+}{e8-d8}$ 11) $\frac{f4-c7^\circ+}{d8-c7^\circ}$ 12) $\frac{f6-d5+}{c7-d8}$ 13) $\frac{d5-e7^\circ}{f8-e7^\circ}$ 14) $\frac{e2-g4}{h8-e8\text{ (вѣрный ходъ)}}$.

Въ сочиненіи г. Лёвенталя (стр. 260—261) показано, какимъ образомъ бѣлые, могли-бы уровнять партію, еслибъ черные сыграли 14) $\frac{}{d7-d6}$, а именно: 14) $\frac{e2-g4}{d7-d6}$ 15) $\frac{g4-f4}{h8-g8}$ 16) $\frac{f4-f7^\circ}{e7-h4^\circ+}$ 17) $\frac{e1-d2}{g8-e8}$ 18) $\frac{b1-a3}{}$ до-сихъ-поръ продолжается какъ въ партіи между Морфи съ Андерсеномъ.

18) $\frac{}{h1-g3}$ 19) $\frac{f7-h7^\circ}{}$ игра ровна (а если 19) $\frac{a3-b5}{}$, то 19) $\frac{}{h4-e7+}$ и положеніе черныхъ лучше) партія же кончилась такъ:

18) $\frac{}{b8-a6}$ 19) $\frac{f7-h5}{h4-f6}$ 20) $\frac{h5-h1^\circ}{f6-b2^\circ}$ 21) $\frac{h1-h4+}{d8-d7}$ 22) $\frac{a1-b1}{}$ черные проиграли. Съ своей стороны мы полагаемъ угодить читателю, присоединивъ еще нѣсколько ходовъ, послѣ хода ладьею 14) $\frac{}{h8-e8}$, на которомъ остановился г. Лёвенталь.

15) $\frac{f1-e2}{}$

15) $\frac{e1-d2}{}$ вызвалъ бы, 15) $\frac{}{d7-d6}$ 16) $\frac{g4-f4}{e8-g8 \text{ (вѣрный ходъ)}}$ 17) $\frac{b1-c3}{h1-g3}$ и конь черныхъ снова вошелъ бы въ игру. Если затѣмъ 18) $\frac{c3-b5}{}$ то 18) $\frac{}{g3-f5}$ 19) $\frac{g2-g4}{a7-a6}$ 20) $\frac{g4-f5^\circ}{a6-b5^\circ}$ 21) $\frac{f1-e2}{b8-c6}$ къ выгодѣ черныхъ.

15) $\frac{}{d7-d6}$ 16) $\frac{g4-f4}{e8-g8}$ 17) $\frac{e2-f3}{b8-c6}$ 18) $\frac{b1-c3}{}$

18) $\frac{f4-f7^\circ}{}$ было-бы слабо по причинѣ 18) $\frac{}{e7-h4^\circ+}$, а 18) $\frac{g2-g4}{}$ имѣло-бы слѣдствіемъ:

18) $\frac{}{e7-h4^\circ+}$ 19) $\frac{e1-f1}{h1-g3+}$ 20) $\frac{f1-g2}{g3-f5}$ 21) $\frac{g2-h3}{h4-g5}$ и т. д.

18) $\frac{}{c6-e5}$.

Продолжая такимъ образомъ осмотрительно развивать свои силы, черные, рано или поздно, выиграютъ. Ихъ уклонившійся съ пути конь не подвергается никакой опасности.

Примите и пр.

К. Янишъ.

С.-Петербургъ $\frac{2}{21}$ Мая 1860.

ПАРТІЯ № 106.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Г-нъ ***. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—c4	f8—c5
4)	b2—b4	c5—b4°
5)	c2—c3	b4—c5
6)	0—0	d7—d6
7)	d2—d4	e5—d4°
8)	c3—d4°	c5—b6
9)	b1—c3	c8—g4
10)	c4—b5	g4—d7
11)	c3—d5	f7—f6
12)	d5—f4	d8—e7
13)	d4—d5	c6—e5
14)	b5—d7°+	e7—d7°
15)	f4—e6	h7—h5
16)	f3—h4	d7—f7
17)	d1—a4+	f7—d7
18)	a4—b3	g8—h6
19)	c1—h6°	h8—h6°
20)	h4—f5	h6—g6
21)	b3—h3	d7—f7
22)	a2—a4	a7—a5
23)	f1—b1	a8—a7
24)	b1—b6°	c7—b6
25)	f5—d6°+	и бѣлые выигрываютъ.

ПАРТІЯ № 107.

GAMBITTO LUNGO.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Перренъ. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	e5—f4°
3)	g1—f3	d7—d5
4)	e4—d5°	d8—d5°
5)	b1—c3	d5—e6+
6)	e1—f2	e6—f6
7)	f1—c4	c7—c6
8)	c3—e4	f6—f5
9)	h1—e1	c8—e6
10)	d2—d4	f8—e7
11)	f3—g5	b8—d7
12)	g5—f7°	g8—f6
13)	f7—d6+	e8—f8
14)	d6—f5°	f6—e4°+
15)	e1—e4°	e6—f5°
16)	d1—h5	g7—g6
17)	h5—h6+	f8—e8
18)	e4—e7°+	e8—e7°
19)	h6—g7+	e7—d6
20)	c1—f4°+	d7—e5
21)	f4—e5°✕	

ПАРТІЯ № 108.

ГАМБИТЪ МУЦІО, СЪ ВАРІЯНТОМЪ КОХА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Г-нъ ***. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	e5—f4°
3)	g1—f3	g7—g5
4)	f1—c4	g5—g4
5)	d2—d4	g4—f3°
6)	d1—f3°	d8—h4+
7)	g2—g3	h4—e7
8)	b1—c3	f8—h6
9)	c3—d5	e7—d6
10)	e4—e5	d6—c6
11)	c4—b5	c6—c2°
12)	0—0	a7—a6
13)	b5—d3	c2—c6
14)	d3—e4	c6—c4
15)	c1—f4°	c4—d4°+
16)	g1—h1	h6—f4°
17)	f3—f4°	g8—h6
18)	f4—h4	0—0
19)	d5—e7+	g8—g7
20)	h4—f6✕	

ПАРТІЯ № 109.

GAMBITTO LUNGO.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзевыхъ ладью и коня.)

	Морфи (Бѣлые.)	Г-нъ ***. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	e5—f4°
3)	g1—f3	g7—g5
4)	f1—c4	d8—e7
5)	d2—d4	d7—d5
6)	c4—d5°	c7—c6
7)	d5—f7°+	e7—f7°
8)	f3—e5	f7—f6
9)	d1—h5+	e8—e7
10)	h2—h4	g5—h4°
11)	0—0	f8—h6
12)	b2—b3	b8—d7
13)	c1—a3+	c6—c5
14)	f1—d1	e7—e5°
15)	a3—c5°+	d7—e6
16)	h5—e8+	g8—e7
17)	d4—d5✕	

ПАРТІЯ № 110.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Ричардсонъ. (1) (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	g1—f3	b8—c6
3)	f1—c4	f8—c5
4)	b2—b4	c5—b4°
5)	c2—c3	b4—a5
6)	0—0	d7—d6
7)	d2—d4	e5—d4°
8)	c3—d4°	g8—f6(2)
9)	d1—b3	0—0
10)	e4—e5	d6—e5°

11)	d4—e5°	f6—h5
12)	c1—a3	c6—e7
13)	a1—d1	d8—e8
14)	f3—g5	c8—f5(3)
15)	e5—e6	f7—e6°
16)	c4—e6°+	f5—e6°
17)	b3—e6°+	g8—h8
18)	a3—e7°	f8—f6(4)
19)	e7—f6°	e8—e6°
20)	g5—e6°	h5—f6°
21)	d1—d8+	a8—d8°
22)	e6—d8°	b7—b5
23)	f1—b1	a7—a6
24)	a2—a4	a5—b6(5)
25)	a4—b5°	a6—b5°
26)	b1—b5°	h7—h6
27)	g2—g3	f6—e4
28)	g1—g2	h8—g8(6)
29)	f2—f3	e4—f6
30)	d8—c6	g8—f7
31)	b5—e5	f6—g8
32)	f3—f4	g7—g6
33)	g2—f3	f7—f6
34)	g3—g4	h6—g1
35)	h2—h4	g1—h6
36)	g4—g5+	h6—g5°
37)	h4—g5°+	f6—f7
38)	f4—f5	g6—f5°
39)	e5—f5°+	f7—g6
40)	f3—g4	h6—e3
41)	c6—e5+	g6—g7
42)	f5—f7+	g7—h8
43)	e5—g6✕	

Примѣчанія къ партіи No. 110.

(1) Президентъ Бостонскаго шахматнаго клуба. Партія эта было играна 17-го Мая 1859 г. въ Ньюіоркѣ.

(2) a5—b6, было бы правильнѣе.

(3) Если бы черные сходили: h7—h6, то 15) $\frac{\text{c4—f7°+}}{\text{f8—f7°}}$ 16) $\frac{\text{d1—d8}}{\text{e8—d8°}}$ 17) $\frac{\text{b3—f7°+}}{\text{g8—h8}}$ 18) $\frac{\text{a3—e7°}}{\text{e8—g8}}$ 19) $\frac{\text{f7—h5°}}{}$ и бѣлые выигрывають.

(4) Если бы черный пошелъ на f4, то бѣлый отвѣтилъ бы g2—g3.

(5) Если 24) $\frac{}{\text{b5—a4°}}$ то 25) $\frac{\text{b1—b8}}{}$ и черные теряютъ офицера.

(6) Очевидно брать бѣлой пѣшки f2 нельзя подъ опасеніемъ потери офицера.

ПАРТІЯ № 111.

GAMBITTO LUNGO.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Морфи. (Бѣлые.)	Мэдъ. (1) (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f2—f4	e5—f4°
3)	g1—f3	g7—g5
4)	f1—c4	f8—g7
5)	c2—c3	d6—d7
6)	d2—d4	c8—g4(2)

7) d1—b3 g4—f3°
8) c4—f7°+ e8—f8
9) g2—f3° b7—b6
10) h2—h4 d8—e7
11) f7—g8° h8—g8°
12) b3—d5 c7—c6
13) d5—f5+ e7—f7
14) f5—g5° b8—d7
15) c1—f4° g7—d4°
16) g5—h6+ d4—g7
17) h6—d6°+ f8—e8
18) 0—0—0 g7—f8

Положенiи партiи послѣ 18-го хода черныхъ.

Мэдъ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Морфи.

19) d6—c6° f7—f4°+
20) c1—b1 a8—d8
21) c6—e6+ f8—e7
22) e6—g8°+ d7—f8
23) d1—d8°+ e8—d8
24) h1—d1+ d8—e8°
25) g8—d5 f4—f3°
26) d5—b5+ f8—d7
27) b5—d7°+ и бѣлые выигрываютъ.

Примѣчанiя къ партiи No. 111.

потера офицера.

(1) Полковникъ Мэдъ (Mead) президентъ ньюiоркскаго шахматнаго клуба.

(2) Въ этомъ положенiи правильный ходъ заключается въ

6) $\frac{}{\text{h7—h6}}$.

Вслѣдъ за этими мастерскими играми Морфи приводимъ еще три партіи à avantage, которыя хотя и не могутъ идти съ ними въ сравненіе, какъ слишкомъ плохо веденныя черными, но, тѣмъ не менѣе, читаются съ удовольствіемъ и служатъ хорошимъ примѣромъ искусства пользоваться ошибками противника. Къ тому же, одна изъ нихъ имѣетъ интересъ историческій: она принадлежитъ знаменитому французскому игроку XVIII-го вѣка Легалю учителю безсмертнаго Филидора.

ПАРТІЯ № 112.

ДЕБЮТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

	Легаль. (Бѣлые.)	Г-нъ ***. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f1—c4	d7—d6
3)	g1—f3	b8—c6
4)	b1—c3	c8—g4
5)	f3—e5°	g4—d1°
6)	c4—f7°+	e8—e7
7)	c3—d5⨯	

ПАРТІЯ № 113.

ЗАЩИТА КОНЕМЪ НА ВЫХОДЪ СЛОНА.

(Бѣлые даютъ впередъ королевскаго коня.)

	Капитанъ Кеннеди. (Бѣлые.)	Г-нъ N.N. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f1—c4	g8—f6
3)	d2—d4	f6—e4°
4)	d4—e5°	e4—f2°
5)	0—0	f2—d1°
6)	c4—f7°+	e8—e7
7)	c1—g5⨯	

ПАРТІЯ № 114.

GABITTO LUNGO.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзеву ладью.)

Микъ. (Бѣлые.)	Г-нъ ***. (Черные.)
1) e2—e4	e7—e5
2) f2—f4	e5—f4°
3) g1—f3	d7—d5
4) b1—c3	d5—e4°
5) c3—e4°	c8—g4
6) d1—e2	g4—f3°
7) e4—f6✕	

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 36. *)

1) f7—e6	h8—h7
2) e6—f6	h7—h8 (A.)
3) f6—f7	h8—h7
4) e8—f6+	h7—h8
5) e7—g6✕	

(A.)

2)	h7—h6
3) f6—f7	h6—h7
4) e8—f6+	h7—h6
5) e7—g8✕	

№ 37,

1) f8—e8	b4—b3 (A.)
2) a2—d2	e6—d5° (B.)
3) e8—d7	d5—c5° (C.)
4) d2—a5✕	

---

*) См, Шахм. Лист. No. XVI. стр. 126.

(A.)

1) . . . . . a1—b2
2) a2—c4 e6—f6
3) d5—h5 f6—g6
4) c4—f7⚔

(B.)

2) . . . . . c7—c6
3) d2—h6+ e6—d5°
4) h6—d6⚔

(C.)

3) . . . . . d5—e5 и всякій другой ходъ.
4) d2—g5⚔

№ 38.

1) h2—d2 b1—d2°, потому что если не возметъ, то g5—f3⚔
2) e4—c3 d2—f3+
3) g5—f3°⚔

№ 39.

1) a1—b1 e8—h5
2) g1—g6 h5—g6°+ (A. B. C.)
3) e5—g6°⚔

(A.)

2) . . . . . h5—куда бы ни ходилъ.
3) e5—f7⚔

(B.)

2) . . . . . g7—куда бы ни ходилъ.
3) g6—g8⚔

(C.)

2) . . . . . h7—h6
3) f8—g7°⚔

№ 40.

1) g3—b8 c8—b8°
2) d1—c1 b8—a8
3) c1—c8⚔

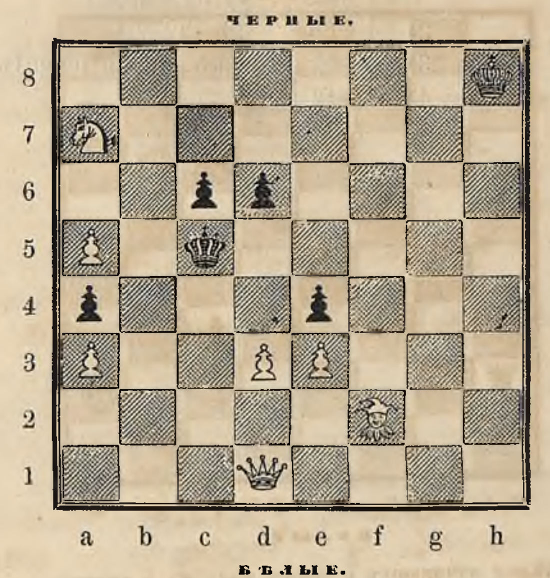
№ 41.

1) d8—d1+	b6—g1 (если h1—h2, то 2) h4—g3⨯)
2) h4—g3	h3—h2
3) g3—e1	какъ бы ни пошелъ.
4) e1—f2⨯	

Задачи.

№ 46.

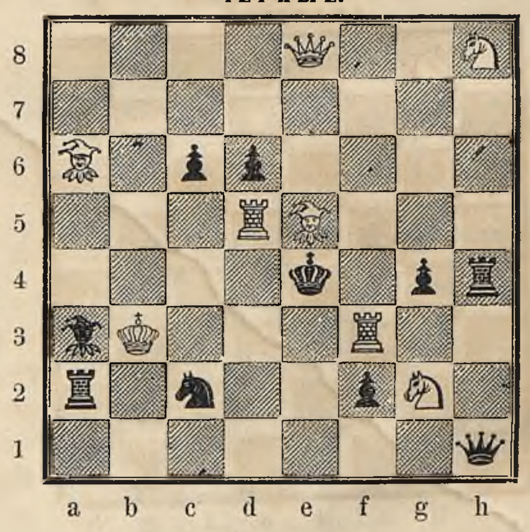
Шульца, изъ Упсалы въ Швеціи.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 47.

Броуна, въ С. Луи.

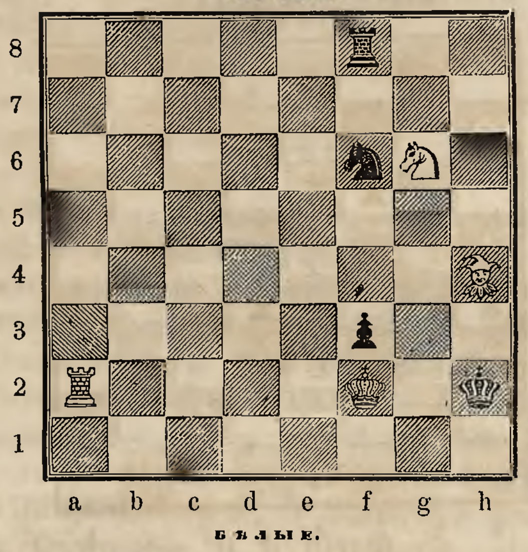

бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 48.

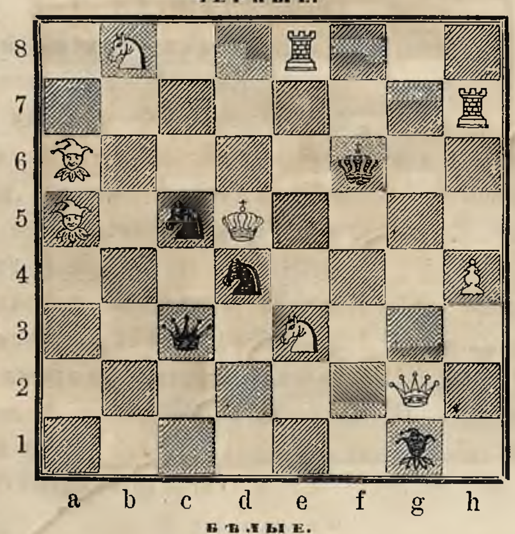
Конрада Байера, въ Ольмюцѣ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 49.

(Изъ Chess Monthly.)

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ сдѣлать себѣ матъ въ 5 ходовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

[illegible]

ОТДѢЛЪ II

[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

Учебникъ космической физики, доктора Мюллера, переводъ Н. Ильина, съ множествомъ политипажей въ текстѣ и отдѣльнымъ атласомъ раскрашенныхъ картъ, чертежей и видовъ. Большой томъ въ 660 стр. Спб. 1850. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Начальныя основанія физіологіи, доктора Руссдорфа и зоологіи доктора Мазіуса, со множествомъ политипажей; переводъ Страхова. Большой томъ въ 550 стр. Спб. 1860. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Записки о продовольствіи войскъ въ военное время, соч. Ѳ. Затлера. Спб. 1860. 2 т. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Запискии Гавріила Романовича Державина 1843—1812 г. М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Русская Бесѣда на 1860 годъ. Томъ I-й. М. 1860. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 75 к.

О промыслѣ. Соч. автора «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». М. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Статистистическое обозрѣніе расходовъ на военные потребности съ 1711 по 1825 годъ. Соч. Д. П. Журавскаго. Спб. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Германіи. Соч. Кольрауша, перев. съ нѣмецкаго П. Бартенева, 2 т. М. 1860. Ц. 3 р., съ пер. 4 р,

Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской Имперіи до французской революціи. Соч. Гизо, перев. К. Арсеньева. Спб. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Воспоминанія, мысли, труды и **замѣтки** Александра Смирнова. Два большія тома. М. 1860. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

Примѣненіе неподвижной повязки къ леченію ранъ послѣ операцій вообще и въ-особенности послѣ ампутацій бедра. Соч. П. Дьяконова, съ 8 ю рисунками. Спб. 1860. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физіологическія основанія и практическое примѣненіе. Соч. I. Гиртля; пер. съ шестаго нѣмецкаго изданія П. Баллода и А. Фаманцина. Выпускъ 1-й. Спб. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 5 іюля 1860 года.
Цензоръ В. Бекетовъ.

